
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ЧАРЛЬЗА
ДИККЕНСА

Оливер Твист
Чарльз Диккенс

Полное собраніе сочиненій Чарльза Диккенса.
Книга I. ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ
I. Мѣсто рожденія Оливера Твиста и обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе
II. Какъ росъ Оливеръ Твистъ, его воспитаніе и впечатлѣнія
III. О томъ, какъ Оливеръ Твистъ едва не получилъ должности, которая отнюдь не была бы синекурою
IV. Оливеру находятъ другое мѣсто, и онъ впервые выступаетъ на поприщѣ общественной жизни
V. Оливеръ знакомится съ новыми товарищами. Онъ въ первый разъ присутствуетъ на похоронахъ, во время которыхъ составляетъ неблагопріятное мнѣніе о занятіи своего хозяина
VI. Оливеръ, раздраженный насмѣшками Ноэ, начинаетъ дѣйствовать и приводитъ его въ удивленіе
VII. Оливеръ продолжаетъ упорствовать
VIII. Оливеръ идетъ въ Лондонъ и на пути встрѣчаетъ необыкновенно страннаго молодого джентльмена

IX. Дальнѣйшія подробности, касающіяся веселаго стараго джентльмена и его подающихъ надежду питомцевъ
X. Оливеръ ближе знакомится съ характеромъ своихъ новыхъ товарищей и пріобрѣтаетъ опытъ очень дорогой цѣной
XI. О мистерѣ Фенгѣ, полицейскомъ коммиссарѣ, и о томъ, какъ совершается иногда правосудіе
XII. Объ Оливерѣ заботятся такъ, какъ никогда еще о немъ не заботились. На сцену снова выступаетъ веселый старый джентльменъ и его молодые друзья
XIII. Читатель знакомится съ новыми лицами, съ которыми связаны весьма интересный подробности, касающіяся этого повѣствованія
XIV. Дальнѣйшія подробности пребыванія Оливера у мистера Броунлоу. Замѣчательное предсказаніе мистера Гримвига относительно того, чѣмъ кончится порученіе, данное Оливеру
XV. Изъ этой главы читатель узнаетъ, какъ сильно любили Оливера веселый старый еврей и миссъ Нанси
XVI. Что случилось съ Оливеромъ послѣ того, какъ его нашла Нанси
XVII. Судьба преслѣдуетъ Оливера. Въ Лондонъ является великій человѣкъ и наноситъ вредъ его

репутаціи
XVIII. Какъ проводитъ время Оливеръ въ прекрасномъ обществѣ своихъ достойныхъ товарищей
XIX. Обсуждается замѣчательный планъ и постановляется рѣшеніе непремѣнно привести его въ исполненіе
XX. Оливеръ переданъ въ распоряженіе мистера Вилльяма Сайкса
XXI. Экспедиція
XXII. Кража со взломомъ
XXIII. Весьма интересный разговоръ между мистеромъ Бемблемъ и нѣкоей леди, который показываетъ, что даже приходскій сторожъ можетъ поддаваться нѣкоторымъ чувствамъ
XXIV. Въ этой коротенькой главѣ разсказывается объ одномъ ничтожномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ важное значеніе въ этой повѣсти
XXV. Снова мистеръ Феджинъ и компанія
XXVI. На сцену появляется новое таинственное лицо. Рѣчь идетъ о многомъ, что тѣсно связано съ исторіей Оливера
XXVII. Глава эта написана авторомъ съ цѣлью загладить свою невѣжливость относительно одной лэди, которую онъ покинулъ самымъ безцеремоннымъ образомъ
XXVIII. Продолженіе приключеній Оливера Тви-

ста
XXIX. Глава, знакомящая съ обитателями дома, гдѣ пріютился Оливеръ
XXX. Глава, сообщающая, что думали объ Оливерѣ его новые знакомцы
XXXI. Глава, въ которой создается критическое положеніе
XXXII. Глава о счастливой жизни, которая началась для Оливера среди его добрыхъ друзей
XXXIII. Глава, въ которой счастье Оливера и его друзей вдругъ омрачается
XXXIV. Глава, въ которой на сцену появляется одинъ молодой джентльменъ, а также описывается новое приключеніе Оливера
XXXV. Глава, содержащая неудачный исходъ приключенія и довольно важный разговоръ между Гарри Мэйли и Розой
XXXVI. Глава очень короткая и могущая показаться не имѣющей значенія, но ее слѣдуетъ прочесть: она является слѣдствіемъ предыдущей и ключомъ къ одной изъ будущихъ
XXXVII. Глава, въ которой читатель можетъ замѣтить контрастъ, нерѣдкій въ супружескихъ отношеніяхъ
XXXVIII. Глава, повѣствующая о томъ, что произошло между мистеромъ Монксомъ и мистриссъ

Бемблъ во время ихъ ночного свиданія
XXXIX. Глава, вводящая нѣкоторыхъ уважаемыхъ лицъ, уже знакомыхъ читателю, и описывающая, какъ совѣщались достопочтенные Монксъ и еврей
XL. Странное свиданіе, являющееся слѣдствіемъ предыдущей главы
XLI. Глава, содержащая новыя открытія и доказывающая, что неожиданности, подобно несчастіямъ, рѣдко являются въ одиночку
XLII. Одинъ старый знакомый Оливера, проявивъ несомнѣнные признаки геніальности, завоевываетъ себѣ въ столицѣ общественное положеніе
XLIII. Глава, въ которой описывается затруднительное положеніе хитроумнаго Доджера
XLIV. Для Нанси настаетъ время исполнить свое обѣщаніе, данное Розѣ; это ей не удается
XLV. Феджинъ даетъ Ноэ Клейполю тайное порученіе
XLVI. Исполненіе обѣщанія
XLVII. Роковыя послѣдствія
XLVIII. Бѣгство Сайкса
XLIX. Монксъ и мистеръ Броунлоу наконецъ встрѣчаются; о чемъ они говорили и какое извѣстіе прервало ихъ бесѣду
L. Облава и избавленіе

LI. Глава, разъясняющая нѣсколько тайнъ и повѣствующая объ одномъ сватовствѣ, не сопровождавшемся упоминаніемъ ни о карманныхъ деньгахъ, ни о расходахъ «на булавки»
LII. Послѣдняя ночь Феджина
Глава LIII и послѣдняя

Полное собраніе сочиненій Чарльза Диккенса
Книга I
ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ

I. Мѣсто рожденія Оливера Твиста и обстоятельства, сопровождавшія его рожденіе

Къ числу общественныхъ зданій нѣкоего города, настоящее названіе котораго я не хочу упоминать, желая по многимъ причинамъ быть осторожнымъ, и не нахожу въ то же время нужнымъ придумывать для него другое какое нибудь вымышленное имя, принадлежалъ и домъ призрѣнія для бѣдныхъ, какой вы можете встрѣтить въ большинствѣ городовъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ. Въ этомъ домѣ призрѣнія — указаніемъ дня и числа также не желаю утруждать себя, тѣмъ болѣе что эта первоначальная ступень развитія послѣдующихъ событій не имѣетъ особеннаго значенія для читателя, — родился смертный, имя котораго начертано въ заголовкѣ этой главы.

Спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ смертный этотъ былъ стараніями приходскаго доктора водворенъ въ мірѣ печали и воздыханій, явилось серьезное сомнѣніе въ томъ, доживетъ ли малютка до того момента когда ему дадутъ имя. Въ послѣднемъ случаѣ болѣе, чѣмъ досто-

вѣрно, что мемуары эти не появились бы въ печати, а если бы и появились, то заняли бы всего лишь нѣсколько страницъ, имѣя, безъ сомнѣнія, неоцѣненную заслугу въ томъ, что представили бы собой наиболѣе точный и крѣпкій образчикъ біографіи, какія встрѣчаются въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и странъ.

Я не намѣренъ вовсе утверждать, будто фактъ рожденія въ домѣ призрѣнія для бѣдныхъ, является самъ по себѣ наиболѣе счастливымъ и завиднымъ обстоятельствомъ, какое можетъ выпасть на долго человѣческаго существа; я хочу только сказать, что фактъ этотъ былъ только счастливой случайностью для Оливера Твиста. Дѣло въ томъ, что Оливеру было бы весьма трудно примѣнить къ себѣ самому нѣкоторое правило, вызывающее первый актъ дыханія, — правило непріятное, но въ тоже время равно необходимое для нашего существованія. Нѣсколько времени лежалъ малютка на маленькомъ матрасикѣ, какъ бы колеблясь между этимъ міромъ и будущимъ: всѣ шансы, само собою разумѣется, были на сторонѣ послѣдняго. Будь Оливеръ въ теченіе этого короткаго времени окруженъ заботливыми бабушками, безпокойными тетушками, опытными нянюшками и докторами глубокой мудрости,

онъ погибъ бы неизбѣжно и несомнѣнно. Но такъ какъ при немъ никого не было, кромѣ нищей старухи, потерявшей способность разсуждать вслѣдствіе непомѣрнаго употребленія вина, и доктора, исполнявшаго свои обязанности по контракту, то Оливеръ и природа справились съ ними. Результатомъ этого явилось то, что послѣ непродолжительныхъ усилій Оливеръ началъ дышать, чихать и наконецъ возвѣстилъ жителямъ дома призрѣнія фактъ появленія на свѣтъ обузы, тяжесть которой всецѣло ложилась на приходъ; возвѣстилъ онъ его крикомъ такимъ громимъ, какого и слѣдовало ожидать отъ ребенка мужскаго пола, получившаго всего какихъ нибудь три съ четвертью минуты тому назадъ такой полезный даръ, какъ голосъ.

Не успѣлъ Оливеръ дать доказательство собственной и свободной дѣятельности своихъ легкихъ, какъ одѣяло, все покрытое заплатами и кое какъ брошенное на желѣзную кровать, зашевелилось и на подушкѣ слегка приподнялась голова блѣдной молодой женщины и слабый голосъ неясно произнесъ слѣдующія слова: «дайте мнѣ взглянуть на ребенка прежде, чѣмъ я умру».

Докторъ сидѣлъ въ это время у камина, то растирая ладони рукъ, то грѣя ихъ у огня. Когда

молодая женщина заговорила, онъ всталъ и, подойдя къ ея кровати, сказалъ съ оттѣнкомъ гораздо большей доброты въ голосѣ, чѣмъ этого можно было ожидать отъ него:

— О, вамъ еще нечего говорить о смерти!

— Спаси, Господи, ее бѣдняжку! — сказала сидѣлка, поспѣшно пряча въ карманъ зеленую стеклянную бутылку, содержимое которой она выпила съ очевиднымъ удовольствіемъ, сидя въ углу комнаты. — Спаси, Господи, ее бѣдняжку, когда она проживетъ столько, какъ я, сэръ, и будетъ у нея штукъ тринадцать собственныхъ дѣтей, которыя всѣ умрутъ, за исключеніемъ двухъ, да и тѣ будутъ съ нею въ этомъ домѣ... Не то запоетъ она тогда, спася ее, Господи! Подумайте только, что значитъ быть матерью такого милаго малютки.

Надо полагать, что такая утѣшительная перспектива материнскаго счастья произвела надлежащее дѣйствіе. Больная опустила голову на подушку и протянула руку къ ребенку.

Докторъ положилъ ей его на руки. Холодными, блѣдными губами запечатлѣла она страстный поцѣлуй на головѣ малютки... провела рукой по его лицу... дико оглянулась... вздрогнула... откинулась навзничь и... умерла. Докторъ и сидѣлка принялись растирать ей грудь, руки и виски; но

кровь остановилась навсегда.

Они говорили ей о надеждѣ и счастьѣ, но все это теперь уже стало чуждымъ для нея.

— Все кончено, миссисъ Тингомми, — сказалъ докторъ.

— Бѣдняжечка! — сказала сидѣлка, закупоривая зеленую бутылку пробкой, которая выпала на подушку, когда она подошла, чтобы взять ребенка. — Бѣдняжечка!

— Не посылайте за мной, сидѣлка, когда ребенокъ будетъ кричать, — сказалъ докторъ, натягивая на руки перчатки. — Надо полагать, онъ будетъ очень безпокойный. Дайте ему немного кашки, если есть. — Онъ надѣлъ шляпу, но на пути къ дверямъ остановился и сказалъ:- Она казалась такой здоровой дѣвушкой. Откуда она?

— Ее принесли прошлую ночь, — отвѣчала старуха, — по приказанію надзирателя. Ее нашли лежащей на улицѣ. Она шла должно быть издалека, потому что башмаки у нее совсѣмъ потрепанные. Но откуда и куда она шла, никто этого не знаетъ.

Докторъ наклонился надъ тѣломъ и поднялъ лѣвую руку.

— Старая исторія, — сказалъ онъ, качая головой;- обручальнаго кольца не видать... Эхъ!..

Спокойной ночи!..

Джентльменъ медицины поспѣшилъ на обѣдъ; сидѣлка, приложившись еще разъ къ зеленой бутылкѣ, сѣла на стулъ у камина и занялась облаченіемъ ребенка.

Какимъ чуднымъ доказательствомъ всемогущества одежды былъ юный Оливеръ Твистъ! Завернутый въ одѣяльце, которое до этой минуты было его единственной покрышкой, онъ съ одинаковымъ успѣхомъ могъ быть принятъ какъ за ребенка дворянина, такъ и за ребенка нищаго, и даже самый увѣренный въ себѣ человѣкъ съ трудомъ могъ бы опредѣлить настоящее положеніе его въ обществѣ. Теперь же, когда на него надѣли старое каленкоровое платье, пожелтѣвшее на такой же точно службѣ, онъ былъ завсегда отмѣченъ и сразу занялъ подобающее ему мѣсто — приходскаго ребенка — сироты дома призрѣнія для бѣдныхъ — жалкаго, полуголоднаго горемыки, надѣляемаго со всѣхъ сторонъ пинками и побоями, презираемаго всѣми и не пользующагося ничьимъ состраданіемъ.

Оливеръ кричалъ громко. Имѣй онъ возможность знать, что онъ сирота, предоставленный произволу церковнаго старосты и надзирателей, онъ кричалъ бы еще громче.

II. Какъ росъ Оливеръ Твистъ, его воспитаніе и впечатлѣнія

Слѣдующіе за этимъ восемь или девять лѣтъ Оливеръ былъ жертвой систематическихъ надувательствъ и невѣроятныхъ плутней. Выростили его на соскѣ. Власти дома призрѣнія для бѣдныхъ добросовѣстно донесли властямъ прихода о голодномъ и лишенномъ всего необходимаго ребенкѣ сиротѣ. Власти прихода съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства запросили властей дома призрѣнія, нѣтъ ли у нихъ какой нибудь женщины, постоянно живущей въ ихъ «домѣ», которая могла бы доставить Оливеру Твисту утѣшеніе и пищу, въ которыхъ онъ такъ нуждается. Власти дома призрѣнія почтительно отвѣчали, что таковой у нихъ не имѣется. Въ отвѣтъ на это власти прихода рѣшили великодушно и человѣчно, что Оливеръ долженъ быть отданъ на «ферму» или, говоря другими словами, переведенъ въ отдѣленіе дома призрѣнія, находящееся отъ него всего въ трехъ миляхъ разстоянія, гдѣ помѣщалось отъ двадцати до тридцати юныхъ нарушителей законовъ о бѣдныхъ; тамъ они

валялись цѣлый день на полу, не страдая отъ неудобствъ слишкомъ большого количества пищи или слишкомъ большого количества одежды, и находились подъ надзоромъ пожилой женщины, которая принимала къ себѣ этихъ нарушителей за семь съ половиной пенсовъ въ недѣлю съ каждой маленькой головки. Семь съ половиною пенсовъ въ недѣлю кругленькая сумма для ребенка; много чего можно достать за семь съ половиною пенсовъ, которыхъ совершенно достаточно для того, чтобы не переполнить желудка и тѣмъ не причинить ему нѣкоторыхъ неудобствъ. Пожилая надзирательница была женщина мудрая и опытная; она прекрасно знала, что полезно для дѣтей и съ замѣчательной предусмотрительностью дѣлала то, что полезно для нея. Такъ, на собственныя нужды она брала большую часть еженедѣльной стипендіи, вслѣдствіе чего подростающее поколѣніе прихода получало гораздо болѣе умѣренную порцію, чѣмъ та, которая предназначалась ему. Этимъ способомъ она и доказала на дѣлѣ, какой она опытный философъ и какъ тонко понимаетъ гдѣ раки зимуютъ.

Многимъ знакомъ, вѣроятно, разсказъ о другомъ опытномъ философѣ, который придумалъ

теорію о томъ, будто лошадь можетъ жить безъ пищи и въ доказательство демонстрировалъ собственную свою лошадь, доведя порцію ея пищи до одной соломенки въ день; весьма возможно, что при такомъ режимѣ она достигла бы высшей степени быстроты и рѣзвости, не умри она за двадцать четыре часа до того, какъ должна была получить вмѣсто соломы уже только порцію воздуха. Къ несчастью для опытной философіи пожилой надзирательницы, подъ чье покровительство былъ отданъ Оливеръ Твистъ, такіе же результаты получались и въ примѣненіи ея собственной системы. Въ ту самую минуту, когда ребенокъ настолько уже совершенствовался, что могъ существовать при наименѣе возможной по количеству порціи наиболѣе худой по качеству пищи, онъ вдругъ (восемь съ половиною случаевъ на десять) погибалъ неожиданно или отъ голода и холода, или по недосмотру попадалъ въ огонь, или неожиданно подвергался удушенію Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ несчастное маленькое существо переселялось въ другой лучшій міръ и соединялось тамъ съ предками, которыхъ никогда не знало.

Въ нѣкоторыхъ болѣе обыкновеннаго потрясающихъ случаяхъ собирался судъ присяжныхъ для

производства слѣдствія относительно ребенка, который былъ задушенъ по недосмотру перестилавшихъ кровати или обваренъ въ то время, какъ его купали, — послѣднее случалось рѣже, ибо купанье было рѣдкимъ явленіемъ на фермѣ. Присяжные задавали при этомъ крайне неудобные вопросы, а прихожане вдобавокъ составляли возмутительный протоколъ, подъ которымъ всѣ они ставили свои подписи, но наглость такого рода обуздывалась показаніями доктора и сторожа; первый вскрывалъ обыкновенно тѣло и ничего не находилъ внутри, (что было весьма вѣроятно), а второй подъ присягой говорилъ все то, что могло успокоить приходъ и доказать его собственное самоотверженіе. На ферму, кромѣ того, являлась время отъ времени проверочная коммиссія, которая за день впередъ посылала сторожа увѣдомить о своемъ посѣщеніи. Дѣти были всегда такія миленькія и чистенькія, когда являлась коммиссія. Чего же еще нужно было людямъ!

Трудно было ожидать, поэтому, чтобы продуктомъ такой системы явилось особенно здоровое тѣло. Когда Оливеру Твисту исполнилось девять лѣтъ отъ рожденія, онъ былъ блѣденъ и худъ, малъ и тщедушенъ. Зато природа, а можетъ быть

и наслѣдственность, дали ему бодрый, здоровый духъ, который могъ свободно развѣрнуться, благодаря отсутствію преобладанія надъ нимъ матеріальной стороны въ жизни заведенія, хотя послѣднее обстоятельство могло привести къ тому, чтобы девятой годовщины рожденія и совсѣмъ не было. Девятая годовщина, однако, наступила и застала Оливера въ подвалѣ съ углемъ, гдѣ онъ находился въ избранномъ обществѣ двухъ другихъ молодыхъ джентльменовъ, которые, раздѣливъ съ нимъ достаточное количество колотушекъ, были заперты туда за то, что осмѣлились предположить, будто они голодны. Не успѣла мистриссъ Меннъ, добрая леди этого дома, запереть ихъ, какъ была раздражена неожиданнымъ появленіемъ мистера Бембля, сторожа, напрасно старавшагося открыть калитку въ воротахъ.

— Боже милостивый! Это вы мистеръ Бембль, сэръ? — сказала мистриссъ Меннъ, выглядывая изъ окна съ искусно выраженнымъ видомъ искренней радости.- (Сусанна, сведи Оливера и тѣхъ двухъ мальчишекъ наверхъ и умой ихъ хорошенько!) Богъ мой, мистеръ Бембль! Какъ я рада видѣть васъ, право!

Но мистеръ Бембль, человѣкъ тучный и холе-

рическаго темперамента, вмѣсто отвѣта на такое чистосердечное привѣтствіе потрясъ изо всѣхъ силъ калитку и затѣмъ нанесъ ей такой ударъ, котораго только и можно было ждать отъ ноги здороваго приходскаго сторожа.

— Подумайте! — сказала мистриссъ Меннъ, выбѣгая изъ комнаты, (мальчики тѣмъ временемъ были уже уведены изъ подвала) — подумайте! И какъ я могла забыть, что ворота заперты извнутри!.. Все это ради дорогихъ малютокъ! Войдите, сэръ! Войдите, мистеръ Бемблъ, сэръ! Пожалуйста!

Хотя приглашеніе это сопровождалось изысканной любезностью, которая должна была бы смягчить сердце церковнаго старосты, оно не успокоило приходскаго сторожа.

— Не думаете ли вы, мистриссъ Меннъ, что ваше поведеніе корректно и заслуживаетъ уваженія? — сказалъ мистеръ Бемблъ, крѣпко сжимая свою палку. — Заставить представителя прихода ждать у воротъ, когда онъ является по дѣламъ прихода, тѣсно связаннымъ съ существованіемъ приходскихъ дѣтей? Развѣ вамъ неизвѣстно, мистриссъ Меннъ, что вы уполномоченная прихода и его стипендіатка?

— Видите ли, мистеръ Бемблъ, все произошло

оттого, что я ходила сказать одному или двумъ изъ нашихъ малютокъ, которые такъ любятъ васъ, что вы пришли.

Мистеръ Бембль былъ всегда необыкновенно высокаго мнѣнія о своихъ ораторскихъ способностяхъ и значеніи своей особы. Онъ обнаружилъ одно и доказалъ другое и потому находилъ, что можно допустить и нѣкоторое послабленіе.

— Довольно, довольно, мистриссъ Меннъ! — сказалъ онъ болѣе покойнымъ тономъ. — Пусть такъ, какъ вы говорите, пусть такъ, такъ! Откройте, мистриссъ Меннъ, я пришелъ по дѣламъ и имѣю кое что сказать.

Мистрисъ Меннъ провела приходскаго сторожа въ небольшую комнату съ кирпичнымъ поломъ, предложила ему стулъ, а на столъ передъ нимъ положила его трехугольную шляпу и палку. Мистеръ Бембль вытеръ потъ со лба, который явился слѣдствіемъ скорой ходьбы, взглянулъ ласково на свою трехугольную шляпу и улыбнулся. Приходскіе сторожа вѣдь тоже люди, и мистеръ Бембль улыбнулся.

— Не обижайтесь, пожалуйста, на меня за то, что я вамъ скажу… Вы пришли издалека, иначе я не посмѣла бы… Не хотите ли нѣсколько капель чего нибудь подкрѣпляющаго силы, мистеръ

Бемблъ?

— Ни капли, ни капли! — сказалъ мистеръ Бемблъ съ достоинствомъ и въ то же время скромно дѣлалъ отрицательный жестъ правой рукой.

— А мнѣ кажется, вы выпьете? — сказала мистриссъ Меннъ, замѣтивши тонъ отказа и жестъ, сопровождавшій его. — Нѣсколько капель, и немного холодной воды, и крошечный кусочекъ сахару.

Мистеръ Бемблъ кашлянулъ.

— Такъ, нѣсколько капель! — убѣдительно сказала мистриссъ Меннъ.

— А что это будетъ такое? — спросилъ приходской сторожъ.

— А то, что я обязана всегда имѣть у себя въ домѣ для этихъ дорогихъ малютокъ, на случай, если они почувствуютъ себя худо, — отвѣчала мистриссъ Меннъ, открывая буфетъ и вынимая оттуда бутылку и стаканъ. — Это джинъ! Я не хочу обманывать васъ мистеръ Бемблъ. Это джинъ.

— Неужели вы даете его дѣтямъ, мистриссъ Меннъ? — спросилъ мистеръ Бемблъ.

— Ахъ, спаси ихъ Господи! Ну, разумѣется, даю, — отвѣчала сидѣлка. — Я не могу видѣть, когда они страдаютъ. Это вамъ уже извѣстно, сэръ!

— Да, — сказалъ мистеръ Бемблъ, — вы не мо-

жете. Вы женщина сострадательная, мистриссъ Меннъ. (Послѣдняя поставила стаканъ). Я считаю необходимымъ довести это до свѣдѣнія комитета, мистриссъ Меннъ! (Онъ подвинулъ стаканъ къ себѣ.) У васъ чувства настоящей матери, мистриссъ Меннъ! (Онъ взглянулъ на джинъ съ водой.) Я... я съ радостью готовъ выпить за ваше здоровье, мистриссъ Меннъ, — и онъ выпилъ полстакана.

— А теперь къ дѣлу, — сказалъ приходской сторожъ, вынимая карманную записную книжку. — Ребенку, который былъ наполовину окрещенъ, Оливеру Твисту, сегодня исполнилось девять лѣтъ.

— Спаси его, Господи! — сказала мистриссъ Меннъ, натирая лѣвый глазъ угломъ своего передника.

— Не смотря на предложенную награду въ десять фунтовъ, которую потомъ увеличили до двадцати, не смотря на все это, — продолжалъ Бемблъ, — мы никогда не могли узнать, кто его отецъ, такъ же какъ и мѣсто жительства матери, ея имя и положеніе въ обществѣ.

Мистриссъ Меннъ подняла руки кверху съ видомъ удивленія и послѣ минутнаго размышленія сказала:

— Какъ же случилось, что ему дали это имя?

Приходской сторожъ гордо поднялъ голову и сказалъ:

— Я самъ придумалъ его.

— Вы, мистеръ Бемблъ?!

— Я, мистриссъ Меннъ! Мы даемъ имена нашимъ питомцамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Послѣдняя буква была С;- я назвалъ питомца — Свеббль; затѣмъ слѣдовало Т — я назвалъ Твистомъ. Послѣ него будетъ Унвинъ, а еще послѣ — Вилькинсъ. Я придумалъ уже имена до конца всего алфавита и всѣ пройдутъ черезъ нихъ, пока мы не дойдемъ, наконецъ, до послѣдней буквы — до буквы Z.

— Ахъ, какія у васъ литературныя наклонности, сэръ! — воскликнула мистриссъ Меннъ.

— Пусть такъ, пусть такъ! — сказалъ приходской сторожъ, видимо польщенный этимъ комплиментомъ. — Пусть такъ! Быть можетъ, они у меня есть, мистриссъ Меннъ. — Онъ допилъ стаканъ съ джиномъ и продолжалъ:- Оливеръ теперь уже выросъ и не долженъ больше оставаться здѣсь. Попечительный совѣтъ рѣшилъ вернуть его обратно въ домъ призрѣнія. Я пришелъ, чтобы взять его съ собою. Приведите его сюда.

— Сейчасъ же иду за нимъ, — отвѣчала ми-

стриссъ Меннъ, выходя изъ комнаты. Оливеръ, котораго успѣли уже очистить отъ наружнаго слоя грязи, покрывавшей его лицо и руки, былъ немедленно отведенъ въ пріемную комнату своей доброй повелительницей.

— Поклонись джентльмену, Оливеръ! — сказала мистриссъ Меннъ.

Оливеръ отвѣсилъ поклонъ, который одинаково относился, какъ съ приходскому сторожу на стулѣ, такъ и къ трехугольной шляпѣ на столѣ.

— Хочешь идти со мной, Оливеръ? — торжественнымъ тономъ спросилъ мистеръ Бемблъ.

Оливеръ только что собирался сказать, что онъ готовъ идти отсюда съ кѣмъ угодно, когда, взглянувъ наверхъ, замѣтилъ, что мистриссъ Меннъ, стоявшая позади стула приходскаго сторожа, смотритъ на него и съ ужаснымъ видомъ грозитъ ему кулакомъ. Онъ сразу понялъ, чего она хочетъ, потому что кулакъ этотъ слишкомъ часто опускался на его тѣло и вслѣдствіе этого хорошо запечатлѣлся въ его памяти.

— А она пойдетъ со мной? — спросилъ бѣдный Оливеръ.

— Нѣтъ, она не можетъ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ. — Но время отъ времени она будетъ приходить и навѣщать тебя.

Нельзя сказать, чтобы это было большимъ утѣшеніемъ для ребенка, который, не смотря на юный возрастъ свой, сумѣлъ притвориться и показать, что огорченъ уходомъ отсюда. Да мальчику и не трудно было вызвать слезы на свои глаза. Голодъ и недавно пережитое наказаніе прекрасные пособники для всякаго, кто хочетъ плакать, а потому плачъ Оливера казался вполнѣ естественнымъ. Мистриссъ Меннъ надавала ему тысячу поцѣлуевъ и, что было несравненно больше по душѣ Оливеру, дала ему кусокъ хлѣба съ масломъ, чтобы онъ не проголодался по дорогѣ къ дому призрѣнія. Съ ломтемъ хлѣба въ рукѣ и въ форменной коричневой фуражкѣ на головѣ вышелъ Оливеръ вмѣстѣ съ мистеромъ Бемблемъ изъ скорбнаго дома, гдѣ ни единое доброе слово, ни единый ласковый взглядъ ни разу не освѣтили его тяжелаго, подернутаго туманомъ дѣтства. А между тѣмъ, когда ворота коттэджа закрылись за нимъ, ему на душу легло тяжелое дѣтское горе. Какъ ни были озлоблены маленькіе товарищи, оставшіеся позади него, они были единственными друзьями его; онъ почувствовалъ себя вдругъ совсѣмъ одинокимъ среди окружающаго его міра и это тяжело отразилось на его сердцѣ.

Мистеръ Бембль шелъ впередъ большими ша-

гами, а маленькій Оливеръ, крѣпко уцѣпившись за рукавъ его, обшитый золотымъ галуномъ, семенилъ ножками рядомъ съ нимъ, спрашивая черезъ каждую четверть мили «близко ли уже?» На эти вопросы мистеръ Бемблъ отвѣчалъ коротко и рѣзко. Мимолетное привѣтливое расположеніе духа, пробудившееся въ немъ подъ вліяніемъ джина съ водой, испарилось за это время окончательно и онъ снова превратился въ приходскаго сторожа.

Оливеръ не успѣлъ пробыть и четверти часа въ стѣнахъ дома призрѣнія и покончить за это время второй ломоть хлѣба, когда мистеръ Бемблъ, передавшій его на попеченіе какой-то старухи, снова вернулся назадъ и объявилъ, что сегодня вечеромъ назначено засѣданіе комитета, который приказываетъ ему явиться туда немедленно.

Не имѣя яснаго понятія о томъ, что такое комитетъ, Оливеръ былъ очень пораженъ этимъ извѣщеніемъ и не зналъ совершенно, что ему дѣлать, — плакать или смѣяться. Ему не дали времени хорошенько подумать объ этомъ обстоятельствѣ; мистеръ Бемблъ, чтобы привести его въ себя, слегка ударилъ его по головѣ тростью, а затѣмъ по спинѣ, чтобы онъ двигался живѣе,

послѣ чего приказалъ ему слѣдовать за собою и повелъ его въ большую, выкрашенную бѣлымъ комнату, гдѣ кругомъ стола возсѣдали восемь или десять тучныхъ джентльменовъ.

— Поклонись комитету, — сказалъ Бембль. Оливеръ вытеръ двѣ, три слезы, отуманившія его глаза, но не разсмотрѣлъ комитета, а увидѣлъ только столъ, которому и отвѣсилъ свой поклонъ.

— Какъ тебя зовутъ, мальчикъ? — спросилъ джентльменъ, сидѣвшій на высокомъ стулѣ.

Оливеръ испугался при видѣ столькихъ джентльменовъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ; приходской сторожъ далъ ему сзади шлепка, отчего онъ снова заплакалъ. Это было причиной того, что онъ отвѣчалъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ. Джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ назвалъ его за это дуракомъ. Такое обращеніе было, конечно, наилучшимъ способомъ, чтобы поднять духъ Оливера и заставить его чувствовать себя привольно.

— Мальчикъ, — сказалъ джентльменъ на высокомъ стулѣ, - слушай меня. Тебѣ, конечно, извѣстно, что ты сирота?

— Что это значитъ, сэръ? — спросилъ бѣдный Оливеръ.

— Нѣтъ, онъ совсѣмъ идіотъ.... такъ я и думалъ, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Позвольте! — сказалъ джентльменъ, который говорилъ первымъ;- извѣстно ли тебѣ, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери и что тебя воспиталъ приходъ? Знаешь ты это?

— Да, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ, заливаясь горькими слезами.

— Чего ты такъ плачешь? — удивился джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ. — Да, дѣйствительно, странно! Изъ-за чего было плакать этому мальчику?

— Надѣюсь, ты каждый вечеръ читаешь свои молитвы, — спросилъ сурово еще одинъ джентльменъ, — и, какъ подобаетъ христіанину, молишься за тѣхъ, кто кормитъ тебя и заботится о тебѣ.

— Да, сэръ! — запинаясь отвѣчалъ мальчикъ.

Джентльменъ, говорившій послѣднимъ, былъ правъ, самъ несознавая этого. Оливеру надо было, дѣйствительно, быть настоящимъ христіаниномъ, необыкновенно добрымъ христіаниномъ, чтобы молиться за тѣхъ, которые кормили его и заботились о немъ. Но онъ не молился, потому что никто не училъ его этому.

— Прекрасно! Тебя привели сюда, чтобы воспи-

тать тебя и научить какому нибудь ремеслу, — сказалъ краснощекій джентльменъ на высокомъ стулѣ.

— Съ завтрашняго дня ты будешь щипать пеньку, начиная съ шести часовъ утра, — продолжалъ тотъ, который былъ въ бѣломъ жилетѣ.

Оливеръ по указанію приходскаго сторожа отвѣсилъ поклонъ комитету въ благодарность за оказанное ему благодѣяніе, продуктомъ котораго явилось щипаніе пеньки, послѣ чего былъ отведенъ въ большую комнату, гдѣ на грубой, жесткой постели рыдалъ до тѣхъ поръ, пока не уснулъ. Какая чудная иллюстрація въ гуманнымъ законамъ Англіи! Они не запрещаютъ бѣднякамъ спать!

Бѣдный Оливеръ! Онъ и не думалъ, когда, благодаря сну, находился въ счастливомъ невѣдѣніи всего окружающаго, что комитетъ въ этотъ самый день пришелъ къ такому рѣшенію, которое должно было имѣть самое существенное вліяніе на всю его будущность. Да, онъ рѣшилъ и вотъ это рѣшеніе.

Члены Комитета были мудрые, проницательные люди, философы; когда они додумались до того, что слѣдуетъ внимательнѣе присмотрѣться къ дому призрѣнія, то пришли вдругъ къ такому заключенію, къ которому никто изъ обыкно-

венныхъ людей не могъ придти, а именно, что бѣдные люди любили его! Это было настоящее мѣсто общественнаго увеселѣнія для бѣдныхъ классовъ; таверна, гдѣ ничто не оплачивалось; завтракъ, обѣдъ, чай и ужинъ — круглый годъ; кирпичный и известковый рай, гдѣ все кругомъ забавлялось, а не работало. «Ого! — сказалъ комитетъ, принявъ при этимъ весьма глубокомысленный видъ, — мы должны все это прекратить и привести въ надлежащій порядокъ и въ самомъ непродолжительномъ времени». — И комитетъ установилъ правило, чтобы бѣдные люди выбирали одно изъ двухъ (комитетъ не хотѣлъ ихъ принуждать, нѣтъ, не хотѣлъ): они или должны были подчиниться постепенному процессу голоданія, или быть готовыми къ тому, что ихъ моментально выселятъ прочь. Съ этою цѣлью комитетъ заключилъ контрактъ съ водовозами о доставкѣ неограниченнаго количества воды, а съ торговцами муки о доставкѣ въ извѣстные сроки небольшого количества овсяной крупы; затѣмъ назначилъ три раза въ день жидкую кашицу съ лукомъ два раза въ недѣлю и съ половиной обыкновенной булки по воскресеньямъ. Но особенно много мудрыхъ и человѣчныхъ правилъ установилъ комитетъ по отношенію къ женщинамъ,

хотя я не нахожу надобности перечислять ихъ; женатыхъ бѣдняковъ рѣшено было разводить съ цѣлью уменьшенія лишнихъ судебныхъ издержекъ и вмѣсто того, чтобы заставить человѣка содержать свою семью, ее отнимали у него, оставляя его холостякомъ. Нечего и говорить, сколько просьбъ о помоществованіи въ виду этихъ двухъ правилъ возникло бы во всѣхъ классахъ общества, не будь это связано съ домомъ призрѣнія; но члены комитета, какъ люди проницательные, все это предусмотрѣли и позаботились объ устраненіи этого затрудненія. Пособіе было тѣсно связано съ домомъ призрѣнія и жидкой кашицей и это пугало народъ.

Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того, какъ Оливеръ былъ переведенъ въ домъ призрѣнія, эта новая система была уже въ полномъ ходу. Сначала расходы увеличились, вслѣдствіе большихъ издержекъ на гробовщика и необходимости перешивать платья для бѣдняковъ, такъ какъ они становились для нихъ слишкомъ свободными и длинными, болтаясь на ихъ тѣлахъ, сильно исхудавшихъ послѣ одной-двухъ недѣль питанія жидкой кашицей. Число жителей дома призрѣнія, также нищихъ, значительно уменьшилось и комитетъ ликовалъ.

Комната, въ которой кормили мальчиковъ, представляла, собою большой залъ съ мѣднымъ котломъ на одномъ концѣ его; изъ этого котла въ назначенное для пріема пищи время раздавали кашицу смотритель въ бѣломъ передникѣ и двѣ женщины, помощницы его. Каждый мальчикъ получалъ всего только одну мисочку этого угощенія, но ни болѣе, за исключеніемъ дней большихъ празднествъ, когда давали на два унца больше кашицы и къ ней четверть порціи хлѣба. Мисокъ никогда не мыли; мальчики скребли ихъ ложками до тѣхъ поръ, пока онѣ снова начинали блестѣть. По окончаній этой операціи (которая никогда не продолжалась долго, потому что ложки были одинаковой величины съ мисками), они сидѣли, устремивъ жадные взоры на котелъ; они не прочь были съѣсть его со всѣми кирпичами, которыми онъ былъ обложенъ и въ то же время старательно сосали свои пальцы въ надеждѣ найти остатки каши, которая нечаянно могла попасть на нихъ. Мальчики отличаются всегда хорошимъ аппетитомъ. Оливеръ Твистъ и товарищи его три мѣсяца уже переносили муки медленнаго голоданія и въ концѣ концовъ они дошли до такого ужаснаго состоянія отъ голода, что одинъ мальчикъ, который былъ очень высокаго

роста для своихъ лѣтъ и никогда до сихъ поръ не подвергался ничему подобному, намекнулъ своимъ товарищамъ, что если ему не прибавятъ кашицы, то онъ боится, что въ одну прекрасную ночь съѣстъ спящаго рядомъ съ нимъ мальчика очень хилаго и совсѣмъ еще маленькаго. Глаза у него при этомъ были сумасшедшіе и голодные, а потому всѣ повѣрили ему. Мальчики собрали совѣтъ, на которомъ былъ брошенъ жребій, кто долженъ вечеромъ подойти къ смотрителю и спросить у него прибавки; жребій палъ на Оливера Твиста.

Наступилъ вечеръ и мальчики заняли свои мѣста. Смотритель въ поварскомъ костюмѣ подошелъ къ котлу, а сзади него стояли его ассистентки. Началась раздача кашицы и въ тоже время чтеніе длинной молитвы. Кашица исчезла быстро; мальчики стали перешептываться другъ съ другомъ и подмигивать Оливеру, котораго въ то же время подталкивали ближайшіе его сосѣди. Онъ былъ ребенокъ, доведенный до отчаянія голодомъ и несчастіемъ, а потому спокойно всталъ изъ за стола и, подойдя къ смотрителю съ миской и ложкой въ рукахъ, сказалъ:

— Простите, сэръ, я желаю еще.

Смотритель былъ тучный, здоровый человѣкъ,

но тѣмъ не менѣе онъ поблѣднѣлъ. Нѣсколько секундъ смотрѣлъ онъ молча на маленькаго бунтовщика и затѣмъ прислонился къ котлу. Ассистентки были парализованы отъ удивленія, мальчики отъ страха.

— Что такое? — сказалъ, наконецъ, смотритель упавшимъ голосомъ.

— Простите, сэръ, отвѣчалъ Оливеръ, — я желаю еще.

Смотритель черпакомъ ударилъ Оливера по головѣ, схватилъ его за руку и громко крикнулъ приходскаго сторожа.

Комитетъ торжественно сидѣлъ въ полномъ сборѣ, когда мистеръ Бембль ворвался въ комнату; еле переводя духъ отъ волненія, обратился онъ къ джентльмену на высокомъ стулѣ и сказалъ:

— Мистеръ Лимбкинсъ, извините сэръ! Оливеръ Твистъ потребовалъ прибавки!

Удивленіе было общее. Ужасъ показался на всѣхъ лицахъ.

— Прибавки! — сказалъ мистеръ Лимбкинсъ. — Успокойтесь, Бембль, и изложите все яснѣе. Если я вѣрно понялъ васъ, то онъ просилъ прибавки послѣ того, какъ съѣлъ ужинъ, установленный по росписанію?

— Да, сэръ! — отвѣчалъ Бемблъ.

— Этого мальчика повѣсятъ когда нибудь, — сказалъ джентльменъ въ бѣломь жилетѣ;- я увѣренъ, что его повѣсятъ!

Никто не опровергалъ пророческого предсказанія джентльмена. Между членами комитета завязался оживленный споръ. Оливеръ долженъ былъ немедленно подвергнуться аресту; на слѣдующее утро необходимо вывѣсить съ наружной стороны воротъ объявленіе, предлагающее пять фунтовъ награды тому, кто избавитъ приходъ отъ Оливера Твиста, или другими словами, пять фунтовъ и Оливера Твиста предлагали тому мужчинѣ или той женщинѣ, которые пожелаютъ взять его вмѣсто ученика для торговли, или ремесла, или какого нибудь другого занятія.

— Никогда еще въ своей жизни не былъ я такъ увѣренъ въ чемъ нибудь, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, когда онъ на слѣдующее утро прибилъ объявленіе къ воротамъ и затѣмъ прочелъ его, — никогда еще въ своей жизни не былъ я такъ увѣренъ въ чемъ нибудь, какъ въ томъ, что этого мальчика повѣсятъ!

Имѣя намѣреніе цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ событій доказать былъ ли правъ или нѣтъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, я не хочу, дабы не испортить интереса всего повѣствованія (пред-

положивъ, что интересъ существуетъ), сейчасъ же, хотя бы ничтожнымъ намекомъ, дать понять, таковъ ли былъ конецъ жизни Оливера Твиста или нѣтъ.

III. О томъ, какъ Оливеръ Твистъ едва не получилъ должности, которая отнюдь не была бы синекурою

Цѣлую недѣлю послѣ совершенія своей безбожной и наглой выходки, насчетъ прибавки пищи, просидѣлъ Оливеръ въ темной и пустой комнатѣ, куда его заключили по разпоряженію мудраго и гуманнаго комитета. Казалось бы, на первый взглядъ, и въ этомъ ничего не было бы страннаго, что Оливеръ изъ чувства уваженія къ предсказанію джентльмена въ бѣломъ жилетѣ долженъ былъ бы вынуть свой носовой платокъ и, привязавъ одинъ конецъ его къ крючку, повѣситься на другомъ и тѣмъ доказать необыкновенную мудрость пророка. Но для исполненія такого предсказанія существовало одно препятствіе, а именно: комитетъ рѣшилъ, что носовые платки лишняя роскошь, и что питомцы могутъ обойтись и безъ нихъ; рѣшеніе это было написано и скрѣплено приложеніемъ рукъ и печатей. Вторымъ препятствіемъ къ этому былъ также дѣтскій возрастъ Оливера. Онъ только

горько проплакалъ весь день, а когда наступила длинная, томительная ночь, онъ закрылъ глаза рученками, чтобы не видѣть темноты и забрался въ самый уголъ, стараясь заснуть; время отъ времени онъ просыпался съ страшнымъ испугомъ и начиналъ дрожать, прижимаясь все больше и больше къ стѣнѣ, твердая и холодная поверхность которой, казалось ему, можетъ защитить отъ окружающихъ его мрака и пустоты.

Да не подумаютъ враги «системы», что во время своего одиночнаго заключенія Оливеръ лишенъ былъ благотворнаго дѣйствія гимнастики, пріятнаго общества и религіознаго утѣшенія. Что касается гимнастики, то ему разрѣшили, не смотря даже на холодную погоду, совершать каждое утро обливаніе подъ насосомъ на каменномъ дворѣ, въ присутствіи мистера Бембля, который для предупрежденія простуды пускалъ въ ходъ свою палку, вызывая тѣмъ усиленное согрѣваніе въ его тѣлѣ. Относительно общества мы должны сказать, что Оливера каждый день водили въ залъ, гдѣ обѣдали мальчики, и тамъ сѣкли его при всѣхъ розгами въ предупрежденіе и примѣръ другимъ. Для того же, чтобы не лишать его религіознаго утѣшенія, его каждый вечеръ пинками гнали въ тотъ же залъ на вечернюю

молитву и позволяли ему слушать, услаждая тѣмъ свою душу, какъ читали общую молитву, къ которой было сдѣлано добавленіе, утвержденное властью комитета, гдѣ мальчики просили помочь имъ быть добрыми, добродѣтельными, довольными и послушными и спасти ихъ отъ пороковъ Оливера Твиста, который, — говорилось дальше, — находился подъ исключительнымъ покровительствомъ и властью злыхъ силъ и являлся прямымъ орудіемъ и воспроизведеніемъ сатаны.

Въ одно прекрасное утро, когда дѣла Оливера все еще находились въ томъ же счастливомъ и благопріятномъ положеніи, по улицѣ Гайгъ-Стритъ шелъ мистеръ Гамфильдъ, трубочистъ, глубоко задумавшись надъ тѣмъ, какъ ему устроить, чтобы быть въ состояніи уплатить просроченныя деньги своему хозяину, который настойчиво требовалъ ихъ уплаты. Не смотря на самыя отчаянныя ариѳметическія вычисленія, онъ ничего рѣшительно не могъ придумать, ибо финансы его были въ такомъ положеніи, что не могли доставить ему необходимыхъ для уплаты пяти фунтовъ; ломая себѣ голову надъ этимъ, онъ то и дѣло останавливался и билъ палкой по головѣ осла. Проходя мимо дома призрѣнія, онъ

увидѣлъ объявленіе, прибитое къ воротамъ.

— Стой! — сказалъ мистеръ Гамфильдъ своему ослу.

Оселъ находился въ состояніи самой глубокой задумчивости, разсуждая, быть можетъ, о томъ, угостятъ его или нѣтъ однимъ, двумя кочанами капусты, когда онъ доставитъ на мѣсто два мѣшка сажи, которыми была нагружена тачка, а потому не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на отданное ему приказаніе и по прежнему двигался впередъ.

Мистеръ Гамфильдъ разразился бранью и проклятіями на осла и въ особенности на его глаза; бросившись за нимъ, онъ догналъ его и нанесъ ему такой ударъ по головѣ, котораго ни одинъ черепъ не выдержалъ бы кромѣ ослинаго. Затѣмъ онъ схватилъ его за узду, крѣпко ударилъ его по мордѣ, чтобы напомнить ему, вѣроятно, что онъ его хозяинъ, и послѣ этого повернулъ его обратно. Тутъ онъ еще разъ ударилъ его по головѣ, чтобы оглушить его окончательно до своего возвращенія, и пошелъ къ воротамъ читать объявленіе.

У воротъ, заложивъ руки назадъ, стоялъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ; онъ только что вышелъ изъ засѣданія комитета, чтобы

освѣжиться отъ волновавшихъ его глубокихъ чувствъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ невольнымъ свидѣтелемъ маленькой размолвки между мистеромъ Гамфильдомъ и его осломъ, онъ весело улыбнулся, когда упомянутое выше лицо подошло къ воротамъ, чтобы прочитать объявленіе; онъ сразу понялъ, что мистеръ Гамфильдъ такой именно хозяинъ, какой необходимъ Оливеру Твисту. Прочитавъ объявленіе, мистеръ Гамфильдъ улыбнулся въ свою очередь; пять фунтовъ составляли именно ту сумму, которая была ему необходима, а что касается мальчика, съ которымъ были связаны эти пять фунтовъ, то мистеръ Гамфильдъ, знавшій хорошо образъ жизни въ домѣ призрѣнія, былъ увѣренъ, что мальчикъ по своей величинѣ подойдетъ навѣрное ко всѣмъ трубамъ. Онъ еще разъ прочелъ объявленіе, начавъ его въ этотъ разъ въ самаго конца, а затѣмъ, приложивъ руку къ шляпѣ, въ знакъ смиренія, подошелъ къ джентльмену въ бѣломъ жилетѣ.

— Здѣсь находится тотъ мальчикъ, сэръ, котораго приходъ желаетъ отдать въ ученіе? — спросилъ онъ.

— Да, мой милый! — отвѣчалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, улыбаясь снисходительно. — А

зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

— Если приходъ желаетъ, чтобы онъ выучился пріятному ремеслу, то почему ему не учиться хорошему, почтенному занятію трубочиста, — отвѣчалъ мистеръ Гамфильдъ. — Мнѣ нуженъ ученикъ и я готовъ взять его.

— Войдите, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

Мистеръ Гамфильдъ подошелъ, влѣпилъ ослу еще одинъ ударъ по головѣ, а другой по мордѣ, - изъ предосторожности, вѣроятно, чтобы тотъ не вздумалъ убѣжать во время его отсутствія, — послѣ чего послѣдовалъ за джентльменомъ въ бѣломъ жилетѣ, который ввелъ его въ ту комнату, гдѣ Оливеръ въ первый разъ предсталъ передь комитетомъ.

— Грязное это ремесло, — сказалъ мистеръ Лимбкинсъ, когда Гамфильдъ еще разъ выразилъ свое желаніе.

— Мальчики частенько задыхаются въ трубахъ отъ дыма, — сказалъ другой джентльменъ.

— Все это было раньше, когда солому смачивали сначала, а затѣмъ зажигали ее въ трубѣ для того, чтобы заставить мальчика спуститься внизъ, — сказалъ Гамфильдъ. — Было больше дыму, чѣмъ огня. А дымомъ развѣ заставишь

мальчика спуститься? Онъ заснетъ только, а это ему на руку. Мальчики, джентльмены, очень упрямы и очень лѣнивы и лучше огня ничего нѣтъ, чтобы заставить ихъ стремглавъ спуститься внизъ. Все это дѣлается изъ человѣколюбія, джентльмены! Застрянетъ мальчишка въ трубѣ, ну, поджаришь ему легонько пятки, онъ и ринется, какъ безумный, внизъ.

Объясненіе это, повидимому, очень понравилось джентльмену въ бѣломъ жилетѣ, но онъ поспѣшилъ скрыть свое удовольствіе, замѣтивъ взглядъ, искоса брошенный на него мистеромъ Лимбкинсомъ. Члены комитета нѣсколько минутъ тихо совѣщались между собой, такъ что можно было разобрать лишь нѣкоторыя слова: «сокращеніе расходовъ» — «произведетъ пріятное впечатлѣніе» — «печатный отзывъ». Вотъ все, что можно было разслышать. Совѣщаніе прекратилось, наконецъ, и члены комитета, занявъ снова свои мѣста, приняли таинственный видъ.

— Мы разсмотрѣли ваши предложеніе, — сказалъ мистеръ Лимбкнисъ, — но не можемъ согласиться на него.

— Ни подъ какимъ видомъ не можемъ, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Разумѣется, не можемъ, — подтвердили

остальные члены комитета.

Мистеръ Гамфильдъ, который много разъ обвинялся въ томъ, что забилъ до смерти трехъ, четырехъ мальчишекъ, вообразилъ себѣ, что это, совершенно чуждое настоящему дѣлу обстоятельство, повліяло на рѣшеніе комитета. Это былъ по его мнѣнію какой то необъяснимый капризъ, нисколько не похожій на обыкновенный образъ дѣйствія комитета. Не желая, однако, разбираться въ ходившихъ о немъ слухахъ, онъ смялъ въ рукахъ шапку и медленно двинулся къ дверямъ.

— Итакъ вы не желаете, джентльмены, отдать его мнѣ? — спросилъ онъ, остановившись вдругъ на мѣстѣ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мистеръ Лимбкинсъ;- ремесло ваше, видите ли, очень грязное и вы должны сбавить кое что съ предложенной нами преміи.

Лицо мистера Гамфильда просіяло и онъ быстрыми шагами направился обратно къ столу.

— Сколько же вы хотите дать, джентльмены? — сказалъ онъ. — Не будьте жестоки къ бѣдному человѣку. Сколько же вы дадите?

— По моему три фунта десять шиллинговъ будетъ вполнѣ достаточно, — сказалъ мистеръ Лимбкинсъ.

— Десять шиллинговъ слѣдовало бы еще скинутъ — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Что вы! — сказалъ Гамфильдъ. — Дайте четыре фунта джентльмены! Четыре фунта, говорю, и вы навсегда избавитесь отъ него. Такъ-то!

— Три фунта десять, — твердо повторилъ мистеръ Лимбкинсъ.

— Эхъ! Ну подѣлимъ разницу, джентльмены! — настаивалъ Гамфильдъ. — Три фунта пятнадцать.

— Ни одной полушки больше, — былъ отвѣтъ мистера Лимбкинса.

— Вы отчаянно притѣсняете меня, джентльмены! — сказалъ Гамфильдъ.

— Какіе пустяки! — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ. — Онъ и самъ по себѣ цѣнная вещь, не только что съ преміей. Берите его съ собой, глупый вы человѣкъ! Самый подходящій для васъ мальчикъ. Безъ палки съ нимъ ни на шагъ; она очень полезна ему. Содержаніе его не причинитъ вамъ большихъ расходовъ, такъ какъ его никогда не перекармливали съ самаго дня его рожденія. Ха, ха, ха!

Мистеръ Гамфильдъ взглянулъ искоса на лица сидѣвшихъ вокругъ стола и, замѣтивъ на всѣхъ

улыбку, самъ улыбнулся, въ свою очередь. Торгъ былъ конченъ. Мистеру Бемблю дали немедленно знать, чтобы онъ сегодня же днемъ отвелъ Оливера Твиста въ магистратъ, гдѣ должны дать ему разрѣшеніе и затѣмъ засвидѣтельствовать контрактъ.

На основаніи этого рѣшенія Оливера, къ великому удивленію его, выпустили изъ заключенія и приказали ему надѣть чистую рубаху. Не успѣлъ онъ кончить эту непривычную для него гимнастику, какъ мистеръ Бембль самъ, собственными руками, принесъ ему миску съ кашицей и къ ней воскресную прибавку въ два унца и четверть хлѣба. При видѣ этого необычайнаго явленія Оливеръ горько расплакался; онъ подумалъ, и въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго, что комитетъ рѣшилъ его убить для какой нибудь полезной цѣли; въ противномъ случаѣ, рѣшилъ онъ, незачѣмъ было бы его тамъ откармливать.

— Не плачь, Оливеръ, глаза будутъ красные. ѣшь лучше, что тебѣ принесли, и будь благодаренъ, — сказалъ мистеръ Бембль съ особенной выразительностью въ голосѣ. — Ты будешь теперь учиться ремеслу, Оливеръ!

— Ремеслу, сэръ? — отвѣчалъ дрожащій мальчикъ.

— Да, Оливеръ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ. — Добрый и хорошій джентльменъ, который замѣнитъ тебѣ родителей, Оливеръ, потому что у тебя своихъ нѣтъ, хочетъ взять тебя въ ученики, дать тебѣ средства къ жизни и сдѣлать изъ тебя человѣка. Это стоило приходу три фунта десять шиллинговъ!.. Три фунта, десять, Оливеръ!.. Семьдесятъ шиллинговъ!.. Сто сорокъ шестипенсовиковъ!.. И все это ради капризнаго мальчники, котораго никто не можетъ любить!

Проговоривъ эту рѣчь глухимъ голосомъ, мистеръ Бемблъ остановился, чтобы перенести духъ, а у бѣднаго мальчика слезы ручьемъ полились изъ глазъ и онъ горько зарыдалъ.

— Полно тебѣ! — сказалъ мистеръ Бемблъ уже менѣе напыщеннымъ голосомъ, такъ какъ всѣ чувства его были удовлетворены результатами собственнаго краснорѣчія. — Полно, Оливеръ! Вытри глаза обшлагомъ твой жакетки и не лей слезъ въ твою кашицу; это совсѣмъ не благоразумно, Оливеръ!

И дѣйствительно это было не благоразумно; въ кашѣ и безъ того было уже достаточно воды.

По пути въ магистратъ мистеръ Бемблъ училъ Оливера, какъ онъ долженъ вести себя. Лицо у него должно быть совершенно счастливое и

когда джентльменъ спроситъ его, желаетъ ли онъ учиться, то онъ долженъ отвѣтить, что желаетъ. Оливеръ обѣщалъ исполнить все то, что ему говорятъ, тѣмъ болѣе, что мистеръ Бемблъ сдѣлалъ маленькій намекъ на то, что съ нимъ будетъ, если онъ не исполнитъ чего нибудь изъ сказаннаго. Когда они пришли въ магистратъ, мистеръ Бемблъ отвелъ мальчика въ небольшую комнатку и приказалъ ему оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ.

Полчаса ждалъ Оливеръ, и сердце его трепетало отъ волненія. Но по прошествіи этого времени мистеръ Бемблъ просунулъ въ дверь голову, украшенную трехуголкой и сказалъ:

— Теперь, милый Оливеръ, пора идти къ джентльмену. — Сказавъ это, мистеръ Бемблъ принялъ суровый и грозный видъ и прибавилъ тихимъ голосомъ:- Не забывай, юный негодяй, что я тебѣ говорилъ.

Оливеръ съ недоумѣніемъ взглянулъ на лицо мистера Бембля при этомъ, совершенно противоположномъ первому обращеніи къ нему, но тотъ предупредилъ всякія замѣчанія на этотъ счетъ, уведя его поспѣшно въ сосѣднюю комнату, дверь которой была открыта. Это была обширная комната съ большимъ окномъ. За конторкой сидѣли

два старыхъ джентльмена въ напудренныхъ парикахъ; одинъ изъ нихъ читалъ газету, тогда какъ другой въ очкахъ съ черепаховой оправой читалъ что то на небольшомъ листѣ пергамента, лежавшемъ передъ имъ. Мистеръ Лимбкинсъ стоялъ прямо противъ конторки съ одной стороны, а мистеръ Гамфильдъ съ чисто вымытымъ лицомъ съ другой. Позади нихъ прохаживались взадъ и впередъ какіе то два, три человѣка въ сапогахъ съ отворотами.

Старый джентльменъ въ очкахъ начиналъ уже, повидимому, дремать надъ листомъ пергамента. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ послѣ того, какъ мистеръ Бембль привелъ Оливера и поставилъ его противъ конторки.

— Вотъ, онъ, этотъ мальчикъ, ваша милость, — сказалъ Бембль.

Старый джентльменъ, читавшій газету, поднялъ голову на минуту и затѣмъ потянулъ за рукавъ другого стараго джентльмена, который тотчасъ же проснулся.

— О, такъ это и есть тотъ мальчикъ? — спросилъ старый джентльменъ.

— Тотъ самый, сэръ! — отвѣчалъ мистеръ Бембль. — Поклонись судьямъ, голубчикъ!

Оливеръ постарался собраться съ духомъ и

поклонился. Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на напудренныя головы судей и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, неужели они такъ и родились съ этой массой бѣлыхъ волосъ?

— Хорошо! — сказалъ старый джентльменъ. — Надо полагалъ, что ему очень нравится ремесло трубочиста?

— Любитъ его до безумія, ваша милость, — отвѣчалъ Бемблъ, — слегка щипнувъ Оливера, чтобы онъ не смѣлъ отрицать этого.

— Онъ, слѣдовательно, хочетъ быть трубочистомъ? продолжалъ спрашивать старый джентльменъ.

— Если завтра мы подумаемъ отдать его учиться какому нибудь другому ремеслу, то онъ, ваша милость, навѣрное убѣжитъ, — отвѣчалъ Бемблъ.

— Этотъ человѣкъ будетъ, слѣдовательно, его хозяиномъ да, сэръ? Хорошо ли вы будете обращаться съ нимъ и достаточно кормить его? Все ли будете дѣлать, что ему нужно? — спросилъ старый джентльменъ.

— Разъ я сказалъ буду, значитъ буду, — проворчалъ мистеръ Гамфильдъ.

— Рѣчь у васъ грубая, мой другъ, но на видъ вы кажетесь честнымъ и чистосердечнымъ человѣкомъ, — продолжалъ старый джентльменъ,

внимательно присматриваясь къ кандидату на премію, гнусное лицо котораго служило вѣрнымъ отпечаткомъ его жестокости. Но судья былъ наполовину слѣпъ и почти впалъ въ дѣтство, а потому не могъ такъ вѣрно разсуждать, какъ другіе.

— Надѣюсь, сэръ, что такъ, — отвѣчалъ мистеръ Гамфильдъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, мой другъ, — продолжалъ старый джентльменъ, поправляя очки на носу и отыскивая чернильницу.

Наступилъ критическій моментъ въ судьбѣ Оливера. Будь чернильница на томъ мѣстѣ, гдѣ ее думалъ найти старый джентльменъ, онъ погрузилъ бы въ нее перо, подписалъ бы контрактъ и Оливера немедленно бы увели. Но такъ какъ она находилась непосредственно подъ самымъ его носомъ, то онъ, глядя, по естественному ходу вещей, поверхъ контракта, не нашелъ ее, само собою разумѣется; во время этихъ поисковъ онъ нечаянно взглянулъ прямо передъ собой и тутъ только увидѣлъ блѣдное и испуганное лицо Оливера Твиста, который, вопреки предостерегательнымъ взорамъ и щипкамъ Бембля, смотрѣлъ на отталкивающую физіономію своего будущаго хозяина съ такимъ ужасомъ и страхомъ, что этого не могъ не замѣтить даже полуслѣпой судья.

Старый джентльменъ положилъ перо и перевелъ взоръ съ Оливера на мистера Лимбкинса, который, взявъ понюшку табаку, старался придать своему лицу самое спокойное и беззаботное выраженіе.

— Мой мальчикъ! — сказалъ старый джентльменъ, облокачиваясь на конторку. Оливеръ вздрогнулъ и оглянулся съ удивленіемъ. Нельзя не извинить его за это: голосъ звучалъ такъ странно ласково, а всѣ странные звуки пугали его. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу его и онъ залился слезами.

— Мой мальчикъ! — повторилъ старый джентльменъ, — ты такъ блѣденъ и встревоженъ. Въ чемъ дѣло?

— Сторожъ, отойдите отъ него нѣсколько въ сторону, — сказалъ другой джентльменъ, откладывая газету и съ видимымъ интересомъ прислушиваясь къ разговору. — Не бойся, мальчикъ, и разскажи намъ въ чемъ дѣло.

Оливеръ упалъ на колѣни, поднялъ руки кверху и, ломая ихъ, сталъ молить, чтобы его отослали обратно въ темную комнату... замучили голодомъ... исколотили... убили, наконецъ, если нужно, но только не отдавали этому ужасному человѣку.

— Богъ мой! — воскликнулъ Бемблъ, выразительно подымая кверху глаза и руки. — Богъ мой! Сколько я не видалъ сиротъ, Оливеръ, ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ хитеръ и лукавъ... Ты самый наглый изъ нихъ.

— Придержите вашъ языкъ, сторожъ, — сказалъ второй старый джентльменъ, когда Бемблъ кончилъ свои восклицанія.

— Простите, ваша милость, — сказалъ Бемблъ, не вѣря своимъ ушамъ. — Не ко мнѣ ли обратилась ваша милость?

— Да! Придержите вашъ языкъ.

Старый джентльменъ въ черепаховыхъ очкахъ взглянулъ ли своего товарища; тотъ выразительно кивнулъ ему.

— Мы отказываемся подписать этотъ контрактъ, — сказалъ старый джентльменъ и отложилъ въ сторону пергаментъ.

— Надѣюсь, — сказалъ мистеръ Лимбкинсъ, — надѣюсь, судьи не составятъ ложнаго мнѣнія о приходскихъ властяхъ, будто онѣ виновны въ какомъ либо нечестномъ поступкѣ, и не будутъ полагаться на несообразное показаніе ребенка.

— Судьи не обязаны высказывать вамъ своего мнѣнія относительно этого дѣла, — рѣзко прервалъ его второй старый джентльменъ. —

Сведите мальчика обратно въ домъ призрѣнія и обращайтесь съ нимъ ласково. Онъ, видимо, нуждается въ этомъ.

Въ этотъ же самый вечеръ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ утверждалъ самымъ положительнымъ и рѣшительнымъ образомъ, что Оливера, если и не повѣсятъ, то ужъ навѣрное посадятъ въ тюрьму и четвертуютъ. Мистеръ Бембль печально и таинственно покачалъ головой, а Гамфильдъ выразилъ, что было бы недурно, еслибъ мальчикъ попалъ въ его руки; и видно было по всему, что это наврядъ ли было бы недурно.

На слѣдующее утро снова было вывѣшено объявленіе, что Оливеръ Твистъ отдается въ ученіе и тотъ, кто возьметъ его къ себѣ, получитъ пять фунтовъ награды.

IV. Оливеру находятъ другое мѣсто, и онъ впервые выступаетъ на поприщѣ общественной жизни

Когда молодой человѣкъ какой нибудь большой семьи достигаетъ извѣстнаго возраста и ему не могутъ доставить какого нибудь выгоднаго мѣста, или передать ему право на часть наслѣдства, или дать ему возможность пользовался наслѣдствомъ, то его обыкновенно отправляютъ въ море. Комитетъ, подражая такому умному и душеспасительному примѣру, собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было отдать Оливера Твиста на какое нибудь небольшое торговое судно, отправляющееся въ далекій и нездоровый портъ. По мнѣнію комитета это было самое лучшее, что только можно было сдѣлать для него: весьма возможно, что шкиперъ, придя въ игривое настроеніе духа послѣ сытнаго обѣда, засѣчетъ его до смерти или выпуститъ ему мозгъ изъ головы при помощи желѣзнаго прута: забавы такого рода, (какъ извѣстно многимъ) представляютъ самое обыкновенное явленіе среди джентльменовъ этого класса. Чѣмъ больше разсматривалъ

комитетъ это дѣло съ выше упомянутой точки зрѣнія, тѣмъ больше находилъ онъ въ немъ преимуществъ, а потому въ концѣ концовъ пришелъ къ тому заключенію, что Оливера во- что бы то ни стало слѣдуетъ, послалъ въ море и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Мистеру Бемблю поручили собрать немедленно предварительныя свѣдѣнія и выискать капитана, который не прочь былъ бы взять юнгу, не имѣющаго ни друзей, ни родныхъ. Возвращаясь обратно къ дому призрѣнія, чтобы сообщить о результатахъ своей миссіи, Бембль встрѣтилъ у самыхъ воротъ мистера Соуэрберри, приходскаго гробовщика.

Мистеръ Соуэрберри былъ высокій человѣкъ, худощавый, широкоплечій, въ черномъ поношенномъ костюмѣ, въ длинныхъ штопанныхъ чулкахъ и башмакахъ. Наружность его не производила пріятнаго впечатлѣнія, а между тѣмъ онъ отличался присущею всѣмъ гробовщикамъ шутливостью. Движенія его были эластичны и лицо выражало внутреннее довольство, когда онъ подошелъ къ мистеру Бемблю и крѣпко пожалъ ему руку.

— Только что снялъ мѣрку съ двухъ женщинъ, которыя умерли сегодня ночью, мистеръ

Бемблъ, — сказалъ гробовщикъ.

— Вы составите себѣ состояніе, мистеръ Соуэрберри, — сказалъ сторожъ и, сложивъ вмѣстѣ большой палецъ и указательный, опустилъ ихъ въ табакерку гробовщика; табакерка была сдѣлана въ видѣ маленькой модели патентованнаго гроба. — Повторяю, мистеръ Соуэрберри, вы составите себѣ состояніе, — продолжалъ сторожъ, хлопая гробовщика по плечу своей палкой.

— Вы думаете? — сказалъ гробовщикъ такимъ тономъ, который не то отвергалъ, не то подтверждалъ возможность такого событія. — Комитетъ назначилъ слишкомъ ничтожную цѣну, мистеръ Бемблъ.

— Каковъ гробъ, такова и цѣна, — отвѣчалъ сторожъ, слегка улыбаясь, какъ полагается снисходительному человѣку.

Шутка эта пріятно подѣйствовала на мистера Соуэрберри, и онъ долго хохоталъ надъ ней.

— Такъ, такъ, мистеръ Бемблъ, — сказалъ онъ наконецъ, — нельзя отрицать, что съ тѣхъ поръ, какъ введена новая система питанія, гробы стали нѣсколько уже и мельче, чѣмъ они бываютъ обыкновенно; но вѣдь нужно же намъ имѣть хотя какой-нибудь барышъ, мистеръ Бемблъ? Во время купленный лѣсъ требуетъ большихъ рас-

ходовъ, сэръ; что касается желѣзныхъ ручекъ, то мы получаемъ ихъ по каналу изъ Бирмингама.

— Что-жъ изъ этого? — сказалъ мистеръ Бемблъ. — Нѣтъ ремесла безъ убытка. Брать барышъ не грѣшно.

— Разумѣется, разумѣется, — отвѣчалъ гробовщикъ, — не получу барыша на отдѣльныхъ статьяхъ, наверстаю на цѣломъ... Ха, ха, ха!

— Вѣрно, — подтвердилъ мистеръ Бемблъ.

— Хотя я долженъ сказать, — продолжалъ гробовщикъ, возвращаясь къ тому, что онъ хотѣлъ сказать раньше, чѣмъ его прервалъ сторожъ, — хотя я долженъ сказать, мистеръ Бемблъ, что на мою долю выпадаетъ очень большое неудобство; дѣло въ томъ, что умираютъ скорѣе всего люди крѣпкіе, толстые. Люди, которые жили въ хорошихъ условіяхъ и много лѣтъ подрядъ платили налоги, раньше другихъ сваливаются, когда попадаютъ въ вашъ домъ. Такъ вотъ, видите ли, мистеръ Бемблъ, три четыре дюйма сверхъ положенной мѣрки, крупная прорѣха въ нашихъ барышахъ, особенно когда у тебя на рукахъ большая семья.

Послѣ этихъ словъ мистера Соуэрберри, сказанныхъ съ негодованіемъ незаслуженно обиженнаго человѣка, мистеръ Бемблъ почувствовалъ,

что разговоръ этотъ можетъ повести къ разнымъ разсужденіямъ далеко не въ пользу приходской общины, а потому рѣшилъ перемѣнить его и перейти къ Оливеру Твисту.

— Кстати, — сказалъ мистеръ Бемблъ, — не знаете ли вы кого-нибудь, кто пожелалъ бы взять отсюда мальчика, приходскаго ученика, который въ настоящее время страшная обуза для насъ, мельничный жерновъ на шеѣ прихода. И на выгодныхъ условіяхъ, мистеръ Соуэрберри, за щедрую плату! — И мистеръ Бемблъ поднесъ палку къ объявленію и три раза съ промежутками ударилъ по словамъ «пять фунтовъ», которыя были напечатаны римскими цифрами колоссальныхъ размѣровъ.

— Ахъ, да! — сказалъ гробовщикъ, придерживая его за обшитыя золотыми галунами фалды форменнаго сюртука, — объ этомъ то собственно я и хотѣлъ поговорить съ вами. Знаете... ахъ, какія элегантныя пуговицы у васъ, мистеръ Бемблъ! Я никогда раньше не замѣчалъ ихъ.

— Да, очень красивы, — отвѣчалъ сторожъ, гордо посматривая на большія бронзовыя пуговицы, украшавшія его сюртукъ. — Чеканъ на нихъ такой же, какъ и на приходской печати... добрый самаритянинъ, врачующій больного и раненаго

человѣка. Комиетъ преподнесъ мнѣ его утромъ Новаго года, мистеръ Соуэрберри. Сколько мнѣ помнится, я надѣлъ его въ первый разъ въ тотъ день, когда производилось слѣдствіе по поводу разорившагося купца, который умеръ въ полночь у нашихъ дверей.

— Помню, — сказалъ гробовщикъ. — Присяжные рѣшили, что «онъ умеръ отъ холода» и отъ того, что лишенъ былъ «всего необходимаго въ жизни». Не правда-ли?

Мистеръ Бемблъ кивнудъ головой.

— Затѣмъ произнесенъ былъ вердиктъ, — продолжалъ гробовщикъ, — въ которомъ, сколько помнится, было сказано: «если бы члены комитета призрѣнія бѣдныхъ»....

— Ахъ, какія глупости! — перебилъ его сторожъ. — По горло будетъ дѣла комитету, если только онъ станетъ прислушиваться ко всему, что говорятъ ничего не понимающіе присяжные.

— Вѣрно, — отвѣчалъ гробовщикъ, — дѣла было бы много.

— Присяжные, — сказалъ мистеръ Бемблъ, крѣпко сжимая свою палку, потому что началъ сердиться, — присяжные люди невѣжественные, грубые, низкіе.

— Да, это вѣрно! — подтвердилъ гробовщикъ.

— Они не признаютъ ни философіи., ни политической экономіи, ничего! — сказалъ сторожъ, прищелкивая пальцами.

— Разумѣется не признаютъ, — сказалъ гробовщикъ.

— Я признаю изъ, — оказалъ Бембль и даже покраснѣлъ.

— И я также, — присоединился къ нему гробовщикъ.

— Желалъ бы я, чтобы хотя одинъ изъ этихъ присяжныхъ независимаго сорта попалъ къ намъ въ домъ на недѣльку, на двѣ, - сказалъ сторожъ;- правила и уставы нашего комитета скоро поубавили бы ему спѣси.

— Да полно вамъ... оставьте вы ихъ лучше въ покоѣ, - сказалъ гробовщикъ улыбаясь, чтобы успокоить расходившагося сторожа.

Мистеръ Бембль снялъ свою трехуголку, вынулъ платокъ и вытеръ потъ, покрывшій его лобъ отъ волненія, затѣмъ снова надѣлъ шляпу и, обратившись къ гробовщику, сказалъ ему уже болѣе спокойнымъ тономъ:

— А какъ-же на счетъ мальчика?

— О! — отвѣчалъ гробовщикъ, — вамъ извѣстно, мистеръ Бембль, что я вношу порядочно таки большой налогъ на бѣдныхъ.

— Гм! — сказалъ мистеръ Бемблъ. — Что-жъ изъ этого?

— А вотъ что, — отвѣчалъ гробовщикъ;- я думаю, что внося такую большую плату, я имѣю полное право извлечь изъ нихъ все, что только могу, мистеръ Бемблъ! И... я... я думаю, что возьму мальчика къ себѣ.

Мистеръ Бемблъ взялъ гробовщика подъ руку и повелъ его въ домъ. Мистеръ Соуэрберри пробылъ въ комитетѣ всего пять минутъ. Рѣшено было, что Оливеръ сегодня же вечеромъ отправится къ нему на испытаніе, т. е., если хозяинъ его найдетъ по прошествіи короткаго срока, что онъ получитъ отъ него достаточную помощь, не вкладывая въ него слишкомъ много пищи, то онъ оставитъ его у себя на нѣсколько лѣтъ съ правомъ заставлять его работать все, что захочетъ.

Когда маленькаго Олигоера привели вечеромъ къ джентльменамъ, то ему сказали, что онъ долженъ сегодня же идти къ гробовому мастеру, который беретъ его къ себѣ въ ученики. Если же онъ осмѣлится быть недовольнымъ своимъ положеніемъ и вздумаетъ вернуться обратно въ приходъ, то его отправятъ въ море, гдѣ его или утопятъ, или убьютъ. Мальчикъ, слушая все это, выказалъ такъ мало волненія, что всѣ въ одинъ

голосъ признали его ожесточеннымъ, юнымъ негодяемъ и приказали мистеру Бемблю немедленно увести его.

Весьма естественно, что члены комитета, скорѣе чѣмъ кто другой, должны были почувствовать негодованіе и ужасъ при видѣ такой нечувствительности, хотя въ этомъ случаѣ они жестоко ошибались. Дѣло въ тотъ, что Оливеръ далеко не былъ безчувственнымъ мальчикомъ; напротивъ, онъ чувствовалъ слишкомъ сильно и несмотря на жестокое обращеніе, которому онъ подвергался въ теченіи своей короткой жизни, онъ не былъ ни тупымъ, ни угрюмымъ. Въ глубокомъ молчаніи выслушалъ онъ новость о своемъ назначеніи и взялъ въ руки свой багажъ, который ему не трудно было нести, такъ какъ онъ состоялъ изъ одного пакета въ коричневой бумагѣ въ полфута ширины и три дюйма глубины; надвинувъ на глаза шапку и ухватившись за обшлагъ мистера Бембля, послѣдовалъ онъ за этимъ важнымъ сановникомъ къ мѣсту новыхъ страданій.

Нѣсколько времени велъ мистеръ Бембль Оливера, не дѣлая ему никакихъ замѣчаній. Мторожъ, какъ и подобаетъ приходскому сторожу, шелъ все время, важно поднявъ кверху голову. День

былъ вѣтреный, и развѣвающіяся полы сюртука мистера Бембля то и дѣло закрывали маленькаго Оливера, оставляя въ то же время открытыми во всей прелести жилетъ съ отворотами и плисовые панталоны сторожа. Когда они были уже не далеко отъ мѣста своего назначенія, мистеръ Бембль подумалъ, что слѣдуетъ взглянуть внизъ и посмотрѣть въ должномъ ли порядкѣ находится мальчикъ, чтобы представиться своему новому хозяину.

— Оливеръ! — сказалъ мистеръ Бембль, принявъ на себя снисходительный и покровительственный видъ.

— Что сэръ? — отвѣчалъ Оливеръ тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Передвинь шапку выше, сэръ, и держи голову выше.

Оливеръ безпрекословно исполнилъ его желаніе и затѣмъ свободной рученкой провелъ по глазамъ, въ которыхъ блестѣли слезинки, когда онъ смотрѣлъ на своего проводника. Когда же мистеръ Бемблъ сурово взглянулъ на него, то одна изъ слезинокъ скатилась по щекѣ, за ней послѣдовала вторая… третья… Ребенокъ употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы не заплакать, но все было напрасно. Вытянувъ тогда другую

рученку изъ руки мистера Бембля онъ закрылъ лицо обѣими и рыдалъ до тѣхъ поръ, пока слезы ни полились ручьемъ между подбородкомъ и худенькими, костлявыми пальчиками.

— Перестань! — крикнулъ мистеръ Бембль, останавливаясь и, устремляя на Оливера злобный взглядъ. — Перестань! Изъ всѣхъ неблагодарныхъ, испорченныхъ мальчишекъ, какихъ мнѣ приходилось видѣть до сихъ поръ, ты самый…

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ! — зарыдалъ Оливеръ, хватаясь за руку, которая держала хорошо ему знакомую палку;- нѣтъ, нѣтъ, сэръ! Я буду хорошимъ! Да, да, я хочу быть хорошимъ, сэръ! Я вѣдь маленькій мальчикъ, сэръ!.. и я такой… такой…

— Такой?… Какой такой?… — съ удивленіемъ спросилъ мистеръ Бембль.

— Такой одинокій, сэръ! Очень, очень одинокій! — плакалъ мальчикъ. — Всѣ ненавидятъ меня. О, сэръ! Не просите его, чтобы онъ былъ жестокъ со мною!

Мальчикъ положилъ руку на сердце и взглянулъ на своего спутника глазами полными слезъ и невыразимаго страданія.

Мистеръ Бембль нѣсколько секундъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на молящіе и страдальческіе глаза Оливера. Раза три, четыре кашлянулъ онъ

хрипло и, пробормотавъ нѣчто въ родѣ «этотъ несносный кашель», попросилъ Оливера вытереть глаза и быть хорошимъ мальчикомъ. Затѣмъ они двинулись дальше.

Гробовщикъ, который только что закрылъ ставни своей лавки, записывалъ что-то въ своей приходо-расходной книжкѣ при свѣтѣ свѣчи, вполнѣ соотвѣтствующей окружающей обстановкѣ, когда увидѣлъ входившаго мистера Бембля.

— Ага! — сказалъ гробовщикъ, — это вы Бембль?

— И не одинъ, мистеръ Соуэрберри! — отвѣчалъ сторожъ. — Вотъ! Я привелъ мальчика. Оливеръ, поклонись.

— Неужели это тотъ самый мальчикъ? — спросилъ гробовщикъ, подымая надъ головой подсвѣчникъ, чтобы лучше видѣть Оливера. — Мистриссъ Соуэрберри, будьте добры придти сюда на минутку, моя дорогая.

Мистриссъ Соуэрберри вышла изъ комнаты, находившегося позади лавки; это была коротенькая, худенькая, съ непріятной физіономіей женщина.

— Дорогая моя, — сказалъ мистеръ Соуэрберри, — это вотъ мальчикъ изъ дома призрѣнія, о которомъ я тебѣ говорилъ.

Оливеръ снова поклонился.

— Богъ мой, — воскликнула жена гробовщика, — онъ слишкомъ малъ!

— Ну, нѣтъ, онъ только ростомъ маловатъ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ, взглянувъ на Оливера съ какимъ-то упрекомъ, точно обвиняя его въ томъ, что онъ не выросъ больше. — Маловатъ то онъ, правда, отрицать этого нельзя; но вѣдь онъ вырастетъ, мистриссъ Соуэрберри, вырастетъ.

— Знаю, что вырастетъ, — сердито отвѣчала эта леди, — на нашей пищѣ и питьѣ. Никакой пользы не вижу я отъ вашихъ приходскихъ дѣтей, — никакой! На нихъ всегда приходится тратить несравненно больше, чѣмъ они того стоятъ. Но... мужчины всегда воображаютъ, что они лучше насъ все знаютъ. Ступай-ка внизъ, маленькій мѣшокъ съ костями.

Съ этими словами жена гробовщика открыла боковую дверь и толкнула туда Оливера, чтобы онъ спустился внизъ по лѣстницѣ, которая привела его въ темный и сырой подвалъ, служившій передней для подвала съ углемъ и носившій названіе «кухни». Тамъ сидѣла крайне неопрятно одѣтая дѣвушка въ старыхъ башмакахъ до того изорванныхъ, что нечего было и думать о починкѣ ихъ.

— Шарлотта, — сказала мистриссъ Соуэрберри, спустившаяся вмѣстѣ съ Оливеромъ, — дайте этому мальчику холодныхъ кусковъ мяса, которые были приготовлены для Трипа. Онъ не приходилъ домой съ самаго утра, а потому можетъ уйти безъ нихъ. Я думаю, что мальчикъ не особенно изнѣженъ, и съѣстъ ихъ. — Правда мальчикъ?

Оливеръ, глаза котораго засверкали при словѣ «мясо» и даже дрожь пробѣжала по всему тѣлу отъ жажды съѣсть его, отвѣчалъ, въ утвердительномъ смыслѣ и ему тотчасъ же поставили тарелку съ разными объѣдками.

Хотѣлось бы мнѣ, чтобы какой нибудь хорошо упитанный философъ, въ желудкѣ котораго мясо и питье превращаются въ желчь, у котораго вмѣсто крови ледъ, и вмѣсто сердца желѣзо, хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ увидѣлъ, какъ Оливеръ Твистъ хваталъ изысканные объѣдки, которыми пренебрегала собака! Хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ видѣлъ непомѣрную жадность, лютость голода, такъ сказать, съ котораго онъ грызъ эти объѣдки. Одного только желалъ бы я при этомъ, чтобы мнѣ самому удалось видѣть этого философа въ томъ же самомъ положеніи, смакующаго объѣдки съ такимъ же апетитомъ.

— Ну, — сказала жена гробовщика, когда Оли-

веръ кончилъ свой ужинъ, во время котораго она смотрѣла на него съ затаеннымъ въ душѣ ужасомъ, предвидя по страхомъ его будущій аппетитъ. — Кончилъ ты?

Такъ какъ по близости ничего съѣдобнаго больше не было, то Оливеръ отвѣчалъ въ утвердительномъ смыслѣ.

— Иди за мной. — Мистриссъ Соуэрберри взяла тусклую и грязную лампу и повела его вверхъ по ступенькамъ. — Твоя постель подъ прилавкомъ. Ты, пожалуй, не захочешь спать среди гробовъ? Только видишь ли, мнѣ не до того, чтобы разбирать, гдѣ ты хочешь или не хочешь, ты долженъ спать вездѣ, гдѣ тебя положатъ. Иди же, я не буду ждать тебя здѣсь всю ночь.

Оливеръ не медлилъ больше и молча послѣдовалъ за своей новой хозяйкой.

V. Оливеръ знакомится съ новыми товарищами. Онъ въ первый разъ присутствуетъ на похоронахъ, во время которыхъ составляетъ неблагопріятное мнѣніе о занятіи своего хозяина

Оставшись одинъ въ лавкѣ гробовщика, Оливеръ поставилъ лампу на рабочую скамью и робко оглянулся кругомъ съ чувствомъ невыразимаго страха и ужаса, которые въ этомъ случаѣ испытали бы и многіе изъ насъ, старше и благоразумнѣе, чѣмъ онъ. Неоконченный гробъ на черномъ станкѣ, который стоялъ посреди лавки, выглядѣлъ мрачно, подобно смерти; холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу мальчика, когда глаза его повернулись въ сторону этого предмета. Ему казалось, что онъ сейчасъ увидитъ очертаніе фигуры, медленно подымающей свою голову, и смертельный ужасъ схватилъ его душу. У стѣны въ правильномъ порядкѣ стоялъ цѣлый рядъ досчатыхъ сооруженій въ этомъ же родѣ; при тускломъ свѣтѣ лампы они казались привидѣніями съ поднятыми кверху плечами и засунутыми

въ карманы руками. Металлическія доски для гробовъ, стружки, гвозди съ блестящими головками, куски черныхъ матерій валялись по всему полу. За прилавкомъ на стѣнѣ висѣла картина, изображающая двухъ въ туго накрахмаленныхъ галстукахъ человѣкъ, стоявшихъ на дежурствѣ у дверей частнаго дома, а въ нѣкоторомъ отдаленіи оттуда погребальную колесницу, запряженную четверкой лошадей. Въ лавкѣ было душно и жарко; вся атмосфера въ ней была, казалось, пропитана запахомъ гробовъ. Углубленіе подъ прилавкомъ, куда ему бросили жалкій матрасикъ, выглядѣла какъ могила.

Но не одна только окружающая обстановка угнетала Оливера. Онъ былъ одинъ въ этомъ странномъ мѣстѣ, а всѣ мы знаемъ по опыту, что самый отважный изъ насъ почувствовалъ бы морозъ по кожѣ и отчаяніе, очутившись тамъ вмѣсто него. У мальчика не было друзей, о которыхъ онъ заботился бы, или которые заботились бы о немъ. Сожалѣніе о недавней разлукѣ было еще свѣжо въ его памяти; отсутствіе любимаго и знакомаго лица тяжелымъ камнемъ лежало на его сердцѣ, и онъ, вползая въ предназначенное ему для сна узкое отверстіе, пожелалъ, чтобы оно было могилой на кладбищѣ, въ которой онъ

могъ-бы навсегда уснуть мирнымъ и непробуднымъ сномъ, а надъ нимъ росла бы и колыхалась высокая трава и звонъ стараго колокола убаюкивалъ бы его безмятежный сонъ.

Оливеръ проснулся на слѣдующее утро отъ громкаго стука съ наружной стороны двери; пока онъ одѣвался, стукъ этотъ повторялся еще разъ двадцать пять и всякій разъ съ большей, повидимому, досадой. Когда онъ собирался снять цѣпочку, стукъ прекратился и послышался чей то голосъ.

— Отворишь ли ты, наконецъ, дверь? — кричалъ голосъ, принадлежавшій, очевидно, лицу стучавшему передъ этимъ въ дверь.

— Сейчасъ, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ, снимая цѣпочку и поворачивая ключъ.

— Ты, навѣрное, новый ученикъ, да! — спросилъ голосъ черезъ замочную скважину.

— Да, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Сколько тебѣ лѣтъ? — продолжалъ голосъ.

— Десять, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Ну, такъ я отколочу тебя, когда войду, — сказалъ голосъ;- вотъ увидишь, если не сдѣлаю этого; такъ-то, нищее ты отродье! — И сдѣлавъ такое любезное обѣщаніе, голосъ перешелъ въ свистъ.

Оливеру не разъ уже приходилось подвергать-

ся процессу, о которомъ ему было возвѣщено выразительнымъ монологомъ, а потому онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что голосъ, кому бы тамъ онъ ни принадлежалъ, самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнитъ свое обѣщаніе. Онъ отодвинулъ болты дрожащими руками и открылъ двери.

Секунду или двѣ осматривалъ Оливеръ улицу въ одномъ направленіи и въ другомъ; онъ думалъ, что неизвѣстный, говорившій съ нимъ черезъ замочную скважину, ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, чтобы согрѣться, но онъ никого не увидѣлъ, кромѣ толстаго мальчика, который сидѣлъ на тумбѣ противъ дома и ѣлъ ломоть хлѣба съ масломъ, отрѣзывая отъ него ножомъ небольшіе ломти, величиною съ отверстіе своего рта, и съ жадностью поѣдая ихъ.

— Прошу извинить, сэръ! — сказалъ Оливеръ. — Не вы ли стучали?

— Да, я стучалъ, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Вамъ, вѣроятно, требуется гробъ, сэръ? — спросилъ Оливеръ.

При этихъ словахъ мальчикъ злобно взглянулъ на него и сказалъ, что Оливеру онъ потребуется несравненно раньше, если только онъ еще разъ осмѣлится такъ шутить со старшими.

— Ты, мнѣ кажется, не знаешь, кто я такой? — продолжалъ онъ, вставая съ тумбы и напуская на себя необыкновенную важность.

— Нѣтъ, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Я мистеръ Ноэ Клейполь, — сказалъ мальчикъ, — и ты мой помощникъ. Открой ставни! Этакое ты лѣнивое, грубое отродье!

Съ этими словами мистеръ Клейполь ударилъ Оливера ногой и вошелъ въ лавку, стараясь принять на себя видъ достоинства и благородства, что не особенно удавалось ему. Да и трудно было мальчишкѣ съ громадной головой, крошечными глазками, въ подранной одеждѣ и съ глупымъ лицомъ имѣть видъ достоинства и благородства, а особенно, если прибавитъ къ обаятельной наружности этой особы красный носъ и желтый кожаный передникъ.

Оливеръ открылъ ставни, причемъ разбилъ одно оконное стекло той же ставней, которую онъ съ неимовѣрными усиліями старался стащить въ небольшой дворъ, смежный съ домомъ, куда всѣ ставни уносились обыкновенно на цѣлый день. Ноэ снисходительно вызвался помочь ему, утѣшая его при этомъ, что ему навѣрное «попадетъ». Вскорѣ послѣ этого внизъ спустился мистеръ Соуэрберри, а почти непосредственно за

нимъ и сама мисгрисгъ Соуэрберри. Предсказаніе Ноэ исполнилось и Оливеру попало, послѣ чего онъ послѣдовалъ за юнымъ джентльменомъ къ завтраку.

— Садитесь поближе къ огню, Ноэ! — сказала Шарлота. — Я оставила для васъ небольшой кусочикъ копченой грудинки отъ хозяйскаго завтрака. Оливеръ, закрой дверь сзади мистера Ноэ и подай ему тѣ кусочки, которые я положила на крышку отъ кастрюли. Вотъ твой чай; поставь его на ящикъ и пей тамъ, да скорѣй, они ждутъ тебя въ лавкѣ. Слышишь?

— Слышишь нищенское отродье? — спросилъ Ноэ Клейполь.

— Богъ мой, Ноэ! — воскликнула Шарлота. — Какое вы удивительное созданіе! Зачѣмъ вы не оставите мальчика въ покоѣ?

— Оставить его въ покоѣ? — сказалъ Ноэ. — Что касается этого, то онъ достаточно оставленъ въ покоѣ. Ни мать, ни отецъ не заботятся о немъ. Всѣ родные предоставили ему полное право идти своей собственной дорогой. Какъ думаешь, Шарлота? Ха, ха, ха!

— О, вы удивительная душа! — сказала Шарлота, разражаясь громкимъ хохотомъ, къ которому присоединился и Ноэ; нахохотавшись вдоволь,

оба съ презрѣніемъ взглянули на бѣднаго Оливера Твиста, который дрожалъ, сидя на ящикѣ въ самомъ холодномъ углу комнаты и поѣдая сухія корки, приготовленныя спеціально для него.

Ноэ находился въ одномъ изъ благотворительныхъ заведеній, а не не домѣ призрѣнія для нищихъ и безродныхъ дѣтей. — Онъ не былъ подкинутымъ ребенкомъ и могъ начертать всю свою родословную, включая сюда и родителей, которые жили по близости. Мать его была прачка, а отецъ пьяница — солдатъ въ отставкѣ, съ деревянной ногой и ежедневнымъ пансіономъ въ два съ половиною пенса. Приказчики мальчишки изъ сосѣднихъ лавокъ давно уже составили себѣ милую привычку дразнить Ноэ, когда онъ проходилъ по улицѣ, давая ему всевозможные эпитеты въ родѣ «битая шкура» «богадѣлка» и такъ далѣе. Ноэ все выносилъ молча. Теперь же, когда судьба поставила на его пути безымяннаго сироту, на котораго всякій считалъ вправѣ указывать съ презрѣніемъ, онъ очень заинтересовался имъ. Какую обильную пищу для наблюденій находимъ мы здѣсь! У любого человѣческаго существа, будь то дитя лорда или грязный мальчишка благотворительнаго учрежденія, живо развиты самыя прекрасныя и благородныя качества и наклонно-

сти и наоборотъ.

Прошло три недѣли или даже мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Олверъ поселился у гробовщика. Лавка была закрыта и мистеръ Соуэрберри ужиналъ вмѣстѣ съ мистриссъ Соуэрберри въ маленькой задней комнаткѣ. Бросивъ исподтишка нѣсколько взглядовъ на свою супругу, мистеръ Соуэрберри сказалъ:

— Дорогая моя... — онъ хотѣлъ продолжать, но мистриссъ Соуэрберри взглянула на него такъ неблагосклонно, что онъ сразу замолчалъ.

— Ну?... — спросила рѣзко мистриссъ Соуэрберри.

— Ничего, моя дорогая, ничего, — сказалъ мистеръ Соурберри.

— Ахъ, ты животное! — оказала мистриссъ Соуэрберри.

— Совсѣмъ нѣтъ, моя дорогая, — смиренно отвѣчалъ мистеръ Соуэрберри. — Я думалъ, что ты не желаешь слушать, милая! Я хотѣлъ сказать...

— О, не говори мнѣ, что ты хотѣлъ сказать, — отвѣчала мистриссъ Соуэрберри. — Я вѣдь, ничто... Пожалуйста, не совѣтуйся со мой. Я не желаю вмѣшиваться насильно въ твои тайны.

И сказавъ это, мистриссъ Соуэрберри истерично засмѣялась, что угрожало дойти до болѣе

грозныхъ послѣдствій.

— Но, моя дорогая, — сказалъ мистеръ Соуэрберри, — я собирался просить у тебя совѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивай меня, — отвѣчала мистриссъ Соуэрберри. — Спроси кого нибудь другого.

Тутъ снова послышался истеричный смѣхъ, очень испугавшій мистера Соуэрберри, который поспѣшилъ прибѣгнуть къ обыкновенному и всѣми одобренному супружескому средству леченія, которое почти всегда производитъ желаемое дѣйствіе. Онъ просилъ какъ милостыни, какъ знака особенной благосклонности, чтобы мистриссъ Соуэрберри дозволила ему сказать, то что она желала больше всего слышать. Послѣ короткаго спора, длившагося три четверти часа, ему снисходительно и милостиво дали разрѣшеніе говорить.

— Это относительно молодого Твиста, моя дорогая, — сказалъ мистеръ Соуэрберри. — Такой у него хорошій видъ, моя дорогая.

— Какъ не быть хорошему виду, когда онъ столько ѣстъ! — отвѣтила леди.

— На лицѣ его всегда лежитъ выраженіе грусти, моя милая, — сказалъ мистеръ Соуэрберри, — и это придаетъ ему интересный вижъ. Изъ него

выйдетъ восхитительный «мьютъ» {Человѣкъ, нанятый стоять у дверей во время похоронъ.} на похоронахъ, моя дорогая.

Мистриссъ Соуэрберри взглянула на него съ выраженіемъ нелбыкновеннаго удивленія. Мистеръ Соуэрберри это замѣтилъ и, чтобы не дать ей времени отвѣчать, продолжалъ:

— Говоря эта, моя дорогая, я не думаю, чтобы онъ былъ подходящимъ «мьютомъ» для взрослыхъ людей, но только при дѣтскихъ похоронахъ. Это было бы нѣчто новое, дорогая… мьютъ — ребенокъ. Можешь быть увѣрена, что это произведетъ поразительный эфектъ.

Мистриссъ Соуэрберри, отличавшаяся замѣчательнымъ вкусомъ во всемъ, что касалось похоронъ, была поражена этой новой идеей; но такъ какъ при существующихъ въ данный моментъ обстоятельствахъ она не хотѣла унизить своего достоинства, сознавшись въ этомъ, то она рѣзко спросила своего мужа, почему же не подумалъ онъ раньше о такомъ очевидномъ для всякаго дѣлѣ?

Изъ этого вопроса мистеръ Соуэрберри вывелъ сразу правильное заключеніе, что предложеніе его одобрено; рѣшено было поэтому, что Оливера необходимо посвятить во всѣ тайны ремесла, для

чего онъ долженъ будетъ сопровождать своего хозяина при первомъ ближайшемъ случаѣ, гдѣ потребуются его услуги.

Случай не заставилъ себя долго ждать. На слѣдующее утро, спустя полчаса послѣ завтрака, въ лавку вошелъ мистеръ Бембль; приставивъ свою палку къ конторкѣ, онъ вынулъ изъ кармана кожаную записную книжечку и вырвавъ оттуда листикъ бумаги, подалъ его Соуэрберри.

— Ага! — сказалъ гробовщикъ, съ видимымъ удовольствіемъ прочитавъ то, что было тамъ написано. — Заказъ гроба?

— Прежде всего гробъ, а затѣмъ похороны отъ прихода — отвѣчалъ мистеръ Бембль, застегивая кожаную книжечку, довольно таки объемистую.

— Байтонъ? — спросилъ гробовщикъ, переводя глаза съ листика бумаги на мистера Бембля. — Я никогда раньше не слыхалъ этого имени.

Бембль покачалъ головой.

— Упрямый народъ, мистеръ Соуэрберри, ужасно упрямый! — сказалъ онъ. — И къ тому же гордый, сэръ!

— Гордый?! — воскликнулъ мистеръ Соуэрберри. — Ну, это ужъ слишкомъ.

— Охъ! Даже тошно становится! — отвѣчалъ сторожъ. — Отвращеніе и только, мистеръ Соуэр-

берри!

— Вѣрно! — подтвердилъ гробовщикъ.

— Мы только прошлую ночь услышали объ этомъ семействѣ, - продолжалъ сторожъ. — Мы ничего не знали бы о немъ, если бы не одна женщина, которая живетъ въ томъ же домѣ; она явилась въ приходскій комитетъ съ просьбою прислать приходскаго доктора, чтобы посѣтить больную женщину. Докторъ уѣхалъ на обѣдъ и его фельдшеръ (очень знающій малый) послалъ туда какое то лекарство въ баночкѣ изъ подъ ваксы, сдѣланное на скорую руку.

— Быстрота и натискъ! — сказалъ гробовщикъ.

— Да, быстрота и натискъ! — продолжалъ сторожъ. — Но знаете, что вышло? Знаете, что сдѣлали эти неблагодарные, сэръ? Мужъ приказалъ сказать, что лекарство это не годится для его жены и она не будетъ принимать его... не будетъ при-ни-мать его, сэръ! Прекрасное, укрѣпляющее, благодѣтельное лекарство, которою такъ помогло двумъ ирландскимъ рабочимъ и одному нагрузчику угля всего недѣлю назадъ!.. Послали вѣдь имъ даромъ, въ баночкѣ изъ подъ ваксы... А онъ прислалъ сказать, что она не будетъ принимать его, сэръ!

Ужасъ такого поступка до того возмущалъ

мистера Бембля, что онъ ударилъ палкой по конторкѣ и вспыхнулъ отъ негодованія.

— Вотъ такъ разъ! — сказалъ гробовщикъ;- я ни-ко-гда...

— Никогда, сэръ! — подхватилъ сторожъ. — Нѣтъ, никто этого не дѣлалъ! Ну, а теперь она умерла, и мы должны хоронить ее, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

И, сказавъ это, мистеръ Бембль надѣлъ свою трехуголку задомъ напередъ, не замѣтивъ этого, потому что находился въ лихорадочномъ возбужденіи, и вышелъ изъ лавки.

— Ахъ, Оливеръ, онъ такъ былъ сердитъ, что забылъ даже спросить о тебѣ, - сказалъ мистеръ Соуэрберри, слѣдя глазами за сторожемъ, который шелъ по улицѣ.

— Да, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ, который во время разговора тщательно держался въ сторонѣ и дрожалъ съ головы до ногъ съ того самаго момента, когда услышалъ голосъ мистера Бембля. А между тѣмъ ему совсѣмъ не надо было избѣгать взоровъ мистера Бембля, ибо сей сановникъ, на котораго предсказаніе джентльмена въ бѣломъ жилетѣ произвело крайне сильное впечатлѣніе, рѣшилъ, что не стоитъ больше разговаривать объ Оливерѣ послѣ того, какъ гробовщикъ взялъ

его къ себѣ, и лучше молчать до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ контрактъ лѣтъ на семь, когда нечего уже будетъ бояться, что онъ снова попадетъ на иждивеніе прихода.

— Ну-съ, — сказалъ мистеръ Соуэрберри, надѣвая шляпу, — чѣмъ скорѣе будетъ продѣлана вся эта исторія, тѣмъ лучше. Ноэ, оставайся въ лавкѣ, а ты Оливеръ надѣвай шапку и слѣдуй за мной.

Оливеръ повиновался и послѣдовалъ за хозяиномъ. Нѣсколько времени шли они по одной изъ очень густо населенныхъ частей города, а затѣмъ свернули въ узенькую улицу, несравненно болѣе грязную и жалкую, чѣмъ та, по которой они только что шли; здѣсь они остановились, чтобы отыскать домъ, куда ихъ послали. Дома съ обѣихъ сторонъ улицы были высокіе и обширные, но очень старые и населенные представителями самаго бѣднаго класса, что было видно по грязному и заброшенному фасаду ихъ, не говоря уже о неряшливо одѣтыхъ мужчинахъ и женщинахъ, которые случайно шныряли по улицѣ, сгорбившись и скрестивъ руки на груди, или просто сложивъ ихъ. Въ большей части этихъ домовъ были когда то лавки, но всѣ онѣ теперь были или наглухо заколочены, или совсѣмъ почти развалилиісь; жилыми были только верхнія

комнаты. Нѣкоторые дома, сдѣлавшіеся отъ времени и ветхости нежилыми, поддерживались въ предупрежденіе обвала огромными столбами, приставленными верхнимъ концомъ къ стѣнѣ и глубоко врытыми въ землю нижнимъ концомъ. Но даже и эти ветхія развалины служили, повидимому, ночлежнымъ пріютомъ для многихъ бездомныхъ бѣдняковъ; нѣкоторыя изъ досокъ, которыми были заколочены двери и окна, были въ иныхъ мѣстахъ раздвинуты такъ, что получалось отверстіе, черезъ которое свободно могъ пролѣзть человѣкъ. Трущобы эти отличались грязью и невыносимой вонью. Тамъ и сямъ внутри нихъ копошились крысы, отъ голода превратившіяся чуть не въ скелеты.

Ни молотка, ни звонка не оказалось у открытой двери, гдѣ остановились Оливеръ и его хозяинъ. Осторожно пробираясь по темному корридору и прижимая крѣпко къ себѣ Оливера, чтобы онъ не испугался, поднялся гробовщикъ на верхушку перваго пролета лѣстницы. Остановившись на площадкѣ противъ двери, онъ нѣсколько разъ постучалъ по ней суставомъ своего пальца.

Дверь открыла молодая дѣвушка лѣтъ тринадцати, четырнадцати. Гробовщикъ, осмотрѣвъ внимательно комнату, сразу узналъ по нѣкото-

рымъ примѣтамъ, что она именно та, куда его направили. Онъ вошелъ, а за нимъ Оливеръ.

Комната была очевидно нетоптлена и у холоднаго очага стоялъ какой-то мужчина и машинально грѣлъ себѣ руки. Позади него стоялъ низкій стулъ, на которомъ сидѣла старуха. Въ противоположномъ углу толпились дѣти, покрытыя лохмотьями, а на полу, прямо противъ дверей, на тоненькомъ матрасикѣ лежало нѣчто, покрытое рванымъ одѣяломъ. Оливеръ вздрогнулъ, взглянувъ на это мѣсто, и еще больше прижался къ своему хозяину; мальчикъ сразу почувствовалъ, что это трупъ.

Лицо у мужчины, стоявшаго подлѣ очага, было худое и блѣдное, волоса и борода съ просѣдью, глаза красные. Лицо у старухи было совершенно сморщенное; изъ подъ нижней губы у нея выглядывали два, пока еще уцѣлѣвшихъ зуба, но зато глаза ея были совсѣмъ живые и проницательные. Оливеръ со страхомъ смотрѣлъ на мужчину и на старуху. Они такъ походили на крысъ, видѣнныхъ имъ внизу.

— Никто не смѣетъ подходить къ ней! — крикнулъ мужчина, когда гробовщикъ подошелъ къ тѣлу. — Назадъ! Чортъ васъ возьми, назадъ, если жизнь вамъ дорога!

— Что за безразсудство, голубчикъ мой, — сказалъ гробовщикъ, насмотрѣвшійся вдоволь на горе во всѣхъ его видахъ и у разныхъ классовъ. — Какое безразсудство!

— Говорю вамъ, — сказалъ мужчина, сжимая кулаки и съ бѣшенствомъ топнувъ по полу, — говорю вамъ, что я не позволю закопать ее въ землю! Она не будетъ отдыхать тамъ. Черви будутъ грызть ее... но не будутъ ѣсть ее... она вся высохла.

Гробовщикъ не отвѣчалъ ничего на этотъ безумный бредъ. Онъ вынулъ изъ кармана тесьму и опустился на колѣни подлѣ тѣла.

— Ахъ! — сказалъ мужчина, заливаясь слезами и падая на колѣни у ногъ своей жены, — становитесь на колѣни, становитесь на колѣни!.. На колѣни кругомъ нея, всѣ вы, и слушайте мои слова! Говорю вамъ, она умерла отъ голода. Я не думалъ, что ей такъ худо, пока у нея не началась лихорадка... когда кости стали у нея видны подъ кожей. У насъ не было ни дровъ, ни свѣчей; она умерла въ темнотѣ... въ темнотѣ. Она не могла даже видѣть лица своихъ дѣтей, хотя мы слышали, какъ она звала ихъ по имени. Для нея просилъ я милостыни на улицѣ, а они заперли меня въ тюрьму. Когда я вернулся, она умирала и вся

кровь въ моемъ тѣлѣ остановилась, потому что она умерла отъ голода. Клянусь всевидящимъ Богомъ, они уморили ее голодомъ!

Онъ запустилъ руки себѣ въ волоса, громко вскрикнулъ и покатился на полъ; глаза его сдѣлались неподвижны, на губахъ показалась пѣна. Испуганныя дѣти горько заплакали. Старуха, которая все время сидѣла неподвижно на стулѣ и какъ будто ничего не видѣла и не слышала, что дѣлалось кругомъ нея, погрозила имъ пальцемъ, затѣмъ развязала галстукъ мужчинѣ, продолжавшему неподвижно лежать на полу, и подошла къ гробовщику.

— Это моя дочка, — сказала старуха, головой указывая на тѣло. — Боже мой, Боже! Какъ странно! Я, которая родила ее и выростила, я жива и здорова, а она лежитъ здѣсь... холодная и окоченѣлая! Боже мой, Боже! Подумать только! Точно комедія какая... право комедія!

И несчастная женщина что то бормотала и какъ то странно, неестественно хихикала. Гробовщикъ всталъ и направился къ дверямъ.

— Стойте! Стойте! — сказала старуха громкимъ шопотомъ. — Когда ее похоронятъ, завтра утромъ, на слѣдующій день, или сегодня вечеромъ? Я убрала ее тѣло и должна проводить ее.

Пришлите мнѣ широкій плащъ... только очень теплый, потому холодъ страшный. Не дурно было бы съѣсть кэксовъ и выпить вина прежде, чѣмъ идти. Ну, да что-же дѣлать! Пришлите хоть сколько нибудь хлѣба... только одинъ хлѣбецъ и чашку воды. Будетъ у насъ хлѣбъ, голубчикъ? — сказала она, хватая за сюртукъ гробовщика, который снова направился къ дверямъ.

— Да, да, — отвѣчалъ гробовщикъ, — разумѣется. Все, что вамъ угодно.

Онъ выдернулъ полу сюртука изъ рукъ старухи и, схвативъ Оливера за руку, бросился вонъ изъ комнаты.

На слѣдующій день (семьѣ еще раньше доставили хлѣбъ и кусокъ сыру, который принесъ самъ мистеръ Бембль) Оливеръ вмѣстѣ съ хозяиномъ отправился въ убогое жилище, куда еще раньше прибылъ мистеръ Бембль въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ изъ дома призрѣнія, которые должны были исполнять обязанности носильщиковъ. Лохмотья старухи и мужчины были уже прикрыты черными плащами; когда крышку гроба привинтили, носильщики взяли его себѣ на плечи и вынесли на улицу.

— Ну, теперь не жалѣйте ногъ, бабушка! — шепнулъ Соуэрберри старухѣ на ухо. — Мы можемъ

опоздать, а мы не имѣемъ права заставлять ждать священника. Впередъ ребята... и, какъ можно, скорѣе!

Выслушавъ это распоряженіе, носильщики быстро зашагали со своей легкой ношей; провожатые покойницы старались изо всѣхъ силъ держаться вблизи нихъ. Мистеръ Бембль и Соуэрберри шли на довольно значительномъ разстояніи впереди; Оливеръ, ноги котораго были далеко не такъ длинны, какъ у его хозяина, бѣжалъ сбоку.

На самомъ же дѣлѣ оказалось, что не было совсѣмъ такой необходимости спѣшить, какъ увѣрялъ Соуэрберри. Когда процессія прибыла къ темному, поросшему крапивой углу кладбища, гдѣ хоронили бѣдняковъ, священника еще не было и причетникъ сидѣвшій у огня въ ризницѣ, сказалъ, что врядъ ли пройдетъ меньше часу до его прихода. Носильщики поставили гробъ подлѣ могилы; провожатые остановились тутъ же, не смотря на туманъ и моросящій дождь, и терпѣливо ждали. Нѣсколько мальчишекъ въ лохмотьяхъ, которые явились на кладбище изъ любопытства, затѣяли шумную игру, то прячась между могилами, то перепрыгивая взадъ и впередъ черезъ гробъ. Мистеръ Соуэрберри и Бембль,

давнишніе пріятели причетника сидѣли съ нимъ у огня и читали газету.

По прошествіи болѣе чѣмъ часа мистеръ Бембль, Соуэрберри и причетникъ спѣшно шли къ могилѣ, а вскорѣ послѣ этого появился и священникъ, на ходу еще надѣвавшій свой стихарь. Мистеръ Бембль, чтобы хоть сколько нибудь сохранить приличіе, шлепнулъ одного или двухъ мальчишекъ; священникъ на скорую руку прочиталъ молитву, что заняло не болѣе четырехъ минутъ, затѣмъ передалъ свой стихарь причетнику и ушелъ.

— Ну, Билль! — сказалъ Соуэрберри могильщику. — Зарывай! Работа эта была не трудная, потому что могила была до того наполнена, что самый верхній гробъ находился всего на разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли. Могильщикъ лопатой сгребъ всю землю въ могилу, притопталъ ее ногами, перекинулъ лопату черезъ плечо и ушелъ, преслѣдуемый мальчишками, которые выражали ему свое неудовольствіе за то, что все такъ скоро кончилось.

— Идемъ, любезный! — сказалъ Бембль мужу покойницы, хлопнувъ его по спинѣ. — Сейчасъ запрутъ ворота.

Мужчина, который ни разу не двинулся еще съ мѣста, занятамъ имъ подлѣ могилы, поднялъ голову, съ удивленіемъ взглянулъ на говорившаго съ нимъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и упалъ въ обморокъ. Старуха была такъ занята отсутствіемъ своего плаща, (который снятъ былъ съ нея гробовщикомъ) что рѣшительно никакого вниманія не обратила на это. Несчастнаго облили холодной водой и онъ пришелъ въ себя. Когда онъ вышелъ на улицу, за нимъ заперли ворота кладбища, и всѣ разошлись въ разныя стороны.

— Ну, Оливеръ, — сказалъ Соуэрберри на обратномъ пути домой, — какъ это понравилось тебѣ?

— Очень хорошо, благодарю васъ, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ очень нерѣшительно. — Не очень, сэръ!

— Привыкнешь со временемъ, Оливеръ! — сказалъ Соуэрберри. — Будешь покойнѣе, когда привыкнешь, мой мальчикъ!

Оливеръ мысленно спрашивалъ себя, сколько времени приблизительно потребовалось на то, чтобы мистеръ Соуэрберри привыкъ. Но онъ рѣшилъ, что лучше будетъ не спрашивать объ этомъ и шелъ молча домой, думая о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ.

VI. Оливеръ, раздраженный насмѣшками Ноэ, начинаетъ дѣйствовать и приводитъ его въ удивленіе

Мѣсяцъ испытанія прошелъ, и Оливеръ былъ формально принятъ въ ученики. Это былъ сезонъ, обильный заболѣваніями или, говоря коммерческимъ языкомъ, обильный спросомъ на гроба, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Оливеръ пріобрѣлъ много опытности. Успѣхъ коммерческихъ спекуляцій мистера Соуэрберри превзошелъ всѣ его ожиданія. Старѣйшіе обитатели города не помнили времени, когда такъ свирѣпствовала корь, вліявшая роковымъ образомъ на существованіе дѣтей; много было, поэтому, похоронныхъ процессій, во главѣ которыхъ шелъ маленькій Оливеръ въ шляпѣ въ длиннымъ крепомъ, доходившимъ ему до колѣнъ, вызывая тѣмъ неописанное удовольствіе и волненіе всѣхъ матерей города. Такимъ образомъ Оливеръ, сопровождавшій своего хозяина во всѣхъ процессіяхъ умершихъ дѣтей съ цѣлью пріучиться къ хладнокровію и умѣнью владѣть

своими нервами, что необходимо истинному гробовщику, имѣлъ возможность наблюдать замѣчательную покорность судьбѣ и мужество, съ которымъ многіе переносили выпавшее на ихъ долю испытаніе.

Напримѣръ, когда Соуэрберри хоронилъ какую нибудь богатую старую леди или джентльмена, имѣвшихъ множество племянниковъ и племянницъ, которые казались неутѣшными во время болѣзни родственницы или родственника и были повидимому совершенно поглощены своимъ горемъ, выглядѣли на похоронахъ довольными и счастливыми, непринужденно и весело разговаривая между собою, какъ будто бы ничего рѣшительно не случилось. Мужья перенесли потери своихъ женъ съ героическимъ самообладаніемъ. Жены, надѣвая трауръ по своимъ мужьямъ, какъ будто бы главнымъ доказательствомъ горя могла служить лишь извѣстная одежда, заботились больше всего о томъ, чтобы костюмъ этотъ шелъ имъ къ лицу. Замѣчателенъ былъ вообще тотъ фактъ, что всѣ эти леди и джентльмены, такъ страстно выражавшіе свое неутѣшное горе во время церемоніи, тотчасъ же по возвращеніи домой приходили въ себя и совершенно успокаивались къ тому времени, когда

наступало время чаепитія. Все это было весьма любопытно и поучительно и Оливеръ съ большимъ удивленіемъ присматривался къ этому.

Научился ли Оливеръ Твистъ покорности судьбѣ на примѣрѣ столькихъ добрыхъ людей, я не могу сказать, не смотря на то, что я его біографъ; одно только могу я съ достовѣрностью утверждать, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ стойко переносилъ помыкательства и издѣвательства Ноэ Клейполя, который сталъ относиться къ нему несравненно хуже съ тѣхъ поръ, какъ началъ завидовать, что только что поступившій на службу мальчишка, фигурируетъ въ процессіяхъ съ черной палкой и въ шляпѣ съ крепомъ, тогда какъ онъ, несмотря ли старшинство свое, остается по прежнему въ своей старой шапкѣ и кожаномъ передникѣ. Шарлота обращалась съ нимъ худо, потому что такъ обращался съ нимъ Ноэ. Мистриссъ Соуэрберри была его непреклоннымъ врагомъ, потому что мистеръ Соуэрберри выказывалъ склонность быть его другомъ; находясь такимъ образомъ между этими тремя особами съ одной стороны и изобиліемъ похоронъ съ другой, Оливеръ чувствовалъ себя далеко не такъ хорошо, какъ голодный поросенокъ, попавшій въ кладовую съ зерномъ при

пивоварнѣ.

Теперь я перехожу къ весьма важному эпизоду въ исторіи жизни Оливера и хочу описать одинъ случай, на первый взглядъ какъ бы незначительный и пустой, а между тѣмъ имѣвшій косвенное вліяніе на весьма существенную перемѣну во всѣхъ его будущихъ планахъ и поступкахъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда наступилъ обычный часъ обѣда, Оливеръ и Ноэ спустились въ кухню, гдѣ имъ приготовленъ былъ лакомый кусокъ баранины — полтора фунта самой скверной шеины. Шарлоту вдругъ вызвали за чѣмъ то; Ноэ Клейполь, который былъ голоденъ и золъ, рѣшилъ какъ нибудь использовать этотъ короткій промежутокъ времени и нашелъ, что наиболѣе подходящимъ для этого будетъ, если онъ начнетъ издѣваться надъ Оливеромъ Твистомъ.

Желая по возможности скорѣе предаться этой невинной забавѣ, онъ положилъ ноги на столъ, схватилъ Оливера за волосы, надралъ ему уши, выразилъ свое мнѣніе, что онъ подлый трусъ, и затѣмъ объявилъ, что безпремѣнно придетъ смотрѣть, когда его повѣсятъ, гдѣ бы ни случилось это событіе, котораго онъ жаждалъ. Далѣе, какъ и подобало такому ожесточенному и испорченному питомцу благотворительнаго учрежденія,

сталъ онъ придумывать самыя разнообразныя мелочи, чтобы досадить Оливеру, но ни одна изъ нихъ не привела къ желанной цѣли — заставить мальчика заплакать. Мелочная, низкая душенка Ноэ подсказала ему, что сегодня, если онъ желаетъ достигнуть результата, необходимо придумать что нибудь тонкое, ядовитое и онъ рѣшилъ перейти на личности.

— Эй, ты отродье, — сказалъ Ноэ, — гдѣ твоя мать?

— Она умерла, — отвѣчалъ Оливеръ;- прошу, пожалуйста, не говорить о ней.

Оливеръ вспыхнулъ и дыханіе его ускорилось; въ углахъ рта и у ноздрей появилось нервное подергиваніе, — то былъ, по мнѣнію мистера Клейполя, вѣрнымъ признакомъ жестокаго приступа плача. Это побудило его продолжать начатое.

— Отчего же она умерла? — спросилъ онъ.

— Отъ разбитаго сердца, — какъ говорили мнѣ наши старыя сидѣлки, — отвѣчалъ Оливеръ, говоря какъ бы про себя и не думая о Ноэ. — Мнѣ кажется, я знаю, что значитъ умереть отъ разбитаго сердца.

— Толи-роли, лоли, лоли, фоли-роли, — запѣлъ Ноэ, замѣтивъ слезу, скатившуюся по щекѣ Оли-

вера. — О чемъ-же ты это хнычешь?

— Не изъ за того, что вы говорите, — отвѣчалъ Оливеръ, поспѣшно отирая слезу, — не думайте этого, пожалуйста!

— Эге, не изъ-за меня! — передразнилъ его Ноэ.

— Нѣтъ, но изъ-за васъ, — рѣзко оборвалъ его Оливеръ. — Довольно! Не смѣйте ничего больше говорить о ней. Лучше не говорите!

— Лучше не говорить! — воскликнулъ Ноэ. — Такъ-съ! Лучше не говорить! Не будь такимъ безстыднымъ, отродье! Твоя мать! Ночная красотка была она, вотъ что! О, господи!

Ноэ выразительно кивнулъ головой и поднялъ кверху свой красный носъ, считая это наиболѣе подходящимъ дѣйствіемъ для даннаго случая.

— Знаешь ли ты, нищенское отродье, — продолжалъ Ноэ, которому молчаніе Оливера придавало все больше и больше смѣлости. — Знаешь ли, нищенское отродье, — продолжалъ онъ съ оттѣнкомъ притворной жалости, — теперь этому никто не поможетъ и тебѣ даже не помочь! мнѣ очень жаль тебя и, я увѣренъ, всѣмъ, рѣшительно всѣмъ жаль тебя. Да вѣдь ты и самъ прекрасно знаешь, что твоя мать была ни болѣе, не менѣе, какъ настоящая уличная потаскуха.

— Что вы сказали? — спросилъ Оливеръ, быст-

ро обернувшись.

— Настоящая уличная потаскуха, нищенское отродье, вотъ что! — отвѣчалъ Ноэ совершенно спокойно. — А потому, нищенское отродье, хорошо она сдѣлала, что умерла, иначе ее или заперли бы въ смирительный домъ въ Лондонѣ, или бы сосали на каторгу, или повѣсили.

Слова эти довели Оливера до бѣшенства; кровь бросилась ему въ голову и онъ, вскочивъ съ мѣста, опрокинулъ столъ и стулъ, схватилъ Ноэ за горло, тряхнулъ его такъ, что у него зубы застучали и, собравъ всѣ силы свои, нанесъ ему тяжелый ударъ, моментально свалившій его на полъ.

Вотъ что сдѣлало жестокое обращеніе съ этимъ, еще минуту тому назадъ спокойнымъ, кроткимъ и безобиднымъ созданіемъ! Но духъ его не могъ не возмутиться; жестокое оскорбленіе, нанесенное его матери зажгло огнемъ всю его кровь. Грудь его тяжело поднималась. Онъ стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, глаза его сверкали и искрились, вся фигура его измѣнилась, когда онъ гнѣвно смотрѣлъ на своего трусливаго мучителя, лежавшаго теперь у его ногъ.

— Онъ убьетъ меня! — оралъ во все горло Ноэ. — Шарлота! Миссисъ! Новый мальчикъ хочетъ убить меня! Помогите! Помогите! Оливеръ

сошелъ съ ума! Шар... лота!

Крики Ноэ были услышаны, на нихъ отвѣчала громкимъ крикомъ Шарлота и еще болѣе громкимъ мистриссъ Соуэрберри; первая влетѣла въ кухню изъ боковой двери, тогда какъ вторая стояла на лѣстницѣ до тѣхъ поръ, пока не увѣрилась, что жизни ея ничто не угрожаетъ, если она сойдетъ внизъ.

— Ахъ, ты негодяй! — кричала Шарлота, схвативъ Оливера за шиворотъ съ такою силою, съ какою можетъ схватить здоровый мужчина. — Ахъ ты неблагодарное, злое, гадкое созданіе! — И останавливаясь чуть ли не на каждомъ слогѣ, Шарлота наносила Оливеру ударъ за ударомъ, сопровождая каждый вскрикиваніемъ къ общему удовольствію всей компаніи.

Надо полагать, что кулакъ Шарлоты былъ не особенно тяжелъ, такъ какъ мистриссъ Соуэрберри, думая, вѣроятно, что онъ не въ состояніи усмирить безуміе Оливера, влетѣла въ свою очередь въ кухню и, схвативъ мальчика одной рукой, принялась царапать ему лицо другой. Видя, что дѣло принимаетъ вполнѣ благопріятный оборотъ, Ноэ вскочилъ на ноги и принялся дубасить Оливера по спинѣ.

Оживленная гимнастика длилась довольно

долго. Когда, наконецъ, всѣ трое устали такъ, что ужъ не въ состоянiи были больше ни бить, ни царапать, то потащили Оливера, который продолжалъ кричать и защищаться, не испытывая ни малѣйшаго страха, въ темный подвалъ и заперли его тамъ. По окончанiи расправы мистриссъ Соуэрберри упала въ кресло и залилась слезами.

— Ахъ, Богъ мой, она умираетъ! — воскликнула Шарлота. — Стаканъ воды, голубчикъ Ноэ! Скорѣй!

— О, Шарлота, — сказала мистриссъ Соуэрберри, говоря задыхающимся и еле слышнымъ голосомъ послѣ того, какъ Ноэ облилъ ей голову и плечи изряднымъ количествомъ воды. — О, Шарлота, какое счастье что насъ всѣхъ не убили въ постели!

— Да, большое счастье, ма'амъ, — отвѣчала Шарлота. — Надѣюсь, что это будетъ хорошимъ урокомъ хозяину, чтобы онъ не бралъ больше этихъ ужасныхъ созданiй, которыя съ самой колыбели своей предназначены быть убiйцами и грабителями. Бѣдняжка Ноэ! Онъ бы навѣрное былъ убитъ, ма'амъ, не приди я во время.

— Бѣдняжечка! — сказала мистриссъ Соуэрберри, съ состраданiемъ глядя на Ноэ.

Ноэ, жилетныя пуговицы котораго были наравнѣ съ верхушкой головы Оливера принялся изъ всей силы тереть себѣ глаза кулаками, пока произносились эти сожалѣнія о немъ и пока ему не удалось выжать нѣсколько слезинокъ. Онъ даже въ концѣ концовъ началъ всхлипывать.

— Ахъ, что же намъ дѣлать! — воскликнула мистриссъ Соуэрберри;- хозяина нѣтъ дома и ни одного мужчины! Вѣдь не пройдетъ и десяти минутъ, какъ онъ выбьетъ эту дверь.

Сильные удары кулакомъ и ногами, сыпавшіеся на дверь, за которою былъ запертъ Оливеръ, дѣлали до нѣкоторой степени вѣроятнымъ такое предположеніе.

— Боже мой милостивый! Не знаю, право, ма'амъ, — сказала Шарлота;- не послать ли намъ за полицейскими?

— Или за солдатами? — спросилъ мистеръ Клейполь.

— Нѣтъ, нѣтъ! — сказала мистриссъ Соуэрберри, вспомнивъ въ эту минуту стараго друга Оливера. — Бѣги съ мистеру Бемблю, Ноэ, и скажи ему, чтобы онъ пришелъ сейчасъ же, не откладывая ни единой минутки…. Бѣги безъ шапки! Бѣги скорѣй! Держи ножъ на синякѣ, пока ты бѣжишь…. отъ холода опухоль спадетъ.

Ноэ не отвѣчалъ ни единаго слова и пустился бѣжать во всю крыть, на какую былъ только способенъ. Всѣ прохожіе останавливались съ удивленіемъ, при видѣ мальчика изъ благотворительнаго учрежденія, который, какъ вихрь, несся по улицѣ безъ шапки и съ приложеннымъ къ глазу складнымъ ножемъ.

VII. Оливеръ продолжаетъ упорствовать

Ноэ Клейполь несся по улицѣ, не останавливаясь даже для того, чтобы перевести дыханіе, пока не добѣжалъ до воротъ дома призрѣнія. Постоявъ минуту, двѣ, чтобы подготовить приличествующія обстоятельствамъ рыданія и слезы и придать себѣ несчастный видъ, онъ громко постучалъ въ калитку. Старикъ нищій, открывшій ему калитку, увидѣлъ передъ собой до того несчастное лицо, что даже онъ, ничего кромѣ жалкихъ лицъ вокругъ себя не видѣвшій, былъ страшно пораженъ и отскочилъ назадъ.

— Что… что съ тобой, мой милый? — воскликнулъ старикъ.

— Мистеръ Бембль! мистеръ Бембль! — вопилъ Ноэ замѣчательно искусно разыграннымъ тономъ ужаса и такъ громко, что голосъ его не только достигъ до слуха мистера Бембля, который былъ недалеко оттуда, но такъ встревожилъ его, что онъ выскочилъ во дворъ безъ трехуголки. Весьма любопытное и замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, что даже приходскій

сторожъ можетъ подъ вліяніемъ внезапнаго и сильнаго импульса дойти до моментальной потери самообладанія и даже забыть свое достоинство.

— О, мистеръ Бембль, сэръ! — сказалъ Ноэ. — Оливеръ, сэръ!.. Оливеръ....

— Что? Что такое? — перебилъ его мистеръ Бембль и металлическіе глаза его сверкнули удовольствіемъ. — Не убѣжалъ ли онъ? Не убѣжаль, Ноэ?

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ! не убѣжалъ, сэръ, но сбѣсился, — отвѣчалъ Ноэ. — Онъ хотѣлъ убить меня, сэръ! Потомъ пробовалъ убить Шарлоту, а потомъ миссисъ. Охъ, какія ужасныя терзанія! Какая мука, сэръ! — И Ноэ началъ корчиться и изгибаться съ ловкостью настоящаго угря. стараясь въ то же время дать понять мистеру Бемблю, что Оливеръ Твистъ нанесъ ему оскорбленіе и даже побои, отъ которыхъ онъ чувствуетъ какое то внутреннее поврежденіе, причиняющее адскія муки.

Когда Ноэ увидѣлъ, что сообщеніе его совсѣмъ ошеломило мистера Бембля, онъ сталъ еще больше кривляться и въ десять разъ еще громче оплакивать нанесенные ему поврежденія, а когда онъ увидѣлъ идущаго по двору джентльмена въ бѣломъ жилетѣ, то трагизмъ его жалобъ превзо-

шелъ все, что было до сихъ поръ. Дѣлалъ онъ это, разсчитывая на то, что ему удастся обратить на себя вниманіе и возбудить негодованіе вышеупомянутаго джентльмена.

Вниманіе джентльмена было дѣйствительно скоро привлечено. Не сдѣлалъ онъ и трехъ шаговъ, какъ сердито обернулся и спросилъ, чего тамъ воетъ эта дрянь и почему мистеръ Бембль до сихъ поръ не угостить его чѣмъ нибудь такимъ, что сразу измѣнило бы этотъ рядъ вольныхъ восклицаній на невольныя?

— Это бѣдный мальчикъ изъ безплатной школы, сэръ, — отвѣчалъ на это мистеръ Бембль, — его едва не убилъ... всѣхъ едва не убилъ, сэръ.... молодой Твистъ.

— Клянусь Юпитеромъ! — воскликнулъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, сразу останавливаясь на мѣстѣ. — Я такъ и зналъ! Я съ перваго еще раза имѣлъ странное предчувствіе, что этотъ дерзкій, молодой дикарь будетъ когда нибудь повѣшенъ!

— Онъ пытался также, сэръ, убить служанку, — сказалъ мистеръ Бембль, лицо котораго приняло землистый оттѣнокъ.

— И хозяйку, — перебилъ его мистеръ Клейполь.

— И хозяина… такъ, кажется, сказалъ ты, Ноэ? — спросилъ мистеръ Бемблъ.

— Нѣтъ, хозяина не было дома, не то онъ убилъ бы и его, — отвѣчалъ Ноэ. — Онъ говорилъ, что хочетъ сдѣлать это.

— Ага! Говорилъ, что хочетъ сдѣлать это? Да, мой мальчикъ? — спросилъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Да, сэръ, — отвѣчалъ Ноэ. — Сэръ, миссисъ просила узнать, будетъ ли время мистеру Бемблю придти къ ней сейчасъ же и высѣчь его, потому что хозяина нѣтъ дома.

— Разумѣется, мой мальчикъ, разумѣется, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ, благосклонно улыбаясь и погладивъ голову Ноэ, который былъ почти на три дюйма выше его. — Ты добрый мальчикъ… очень добрый мальчикъ… Вотъ тебѣ одинъ пенсъ. Бемблъ идите скорѣй къ Соуэрберри съ палкой и тамъ увидите что надо сдѣлать… не щадите его.

— Будьте спокойны! — отвѣчалъ сторожъ, поправляя вощеную веревку, которая была обмотана вокругъ его палки и предназначалась на случай приходскихъ воздаяній.

— Скажите Соуэрберри, чтобы и онъ не щадилъ его. Онъ никогда и ничего не сдѣлаетъ изъ него

безъ палки, — сказалъ джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ.

— Постараюсь, сэръ! — отвѣчалъ сторожъ и такъ какъ за это время трехуголка и палка были приведены въ порядокъ, къ великому удовольствію ихъ хозяина, то мистеръ Бембль и Ноэ Клейполь поспѣшили къ лавкѣ гробовщика.

Здѣсь они нашли положеніе вещей нисколько не измѣнившимся. Соуэрберри не вернулся еще домой, и Оливеръ съ прежней силой стучалъ въ двери подвала. Мистриссъ Соуэрберри и Шарлота въ такомъ видѣ представили свирѣпостъ, овладѣвшую мальчикомъ, что мистеръ Бембль рѣшилъ прежде поговорить съ нимъ, а затѣмъ уже отворить дверь.

Съ цѣлью нѣкотораго предупрежденія онъ прежде всего стукнулъ съ наружной стороны двери, а затѣмъ приложился ртомъ къ замочной скважинѣ и сказалъ густымъ и внушительнымъ голосомъ:

— Оливеръ!

— Выпустите вы меня наконецъ или нѣтъ?

— Ты узнаешь мой голосъ, Оливеръ?

— Да, — отвѣчалъ Оливеръ.

— И ты не боишься его, сэръ? Ты не дрожишь, когда я говорю, сэръ? — спросилъ мистеръ Бембль.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ грубо Оливеръ.

Отвѣтъ, совершенно не похожій на тотъ, котораго онъ ждалъ и къ которому привыкъ, не мало поразилъ мистера Бембля. Онъ отошелъ отъ замочной скважины, вытянулся во весь ростъ и съ безмолвнымъ удивленіемъ переводилъ свой взоръ съ одного на другого изъ трехъ присутствовавшихъ лицъ.

— О, знаете ли, что я вамъ скажу, мистеръ Бембль? Онъ навѣрное сошелъ съ ума, — сказала мистриссъ Соуэрберри. — Ни одинъ мальчикъ, будь онъ хоть наполовину въ своемъ умѣ, не посмѣлъ бы такъ говорить съ вами.

— Это не сумасшествіе, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бембль послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго размышленія, — а это все говядина, вотъ что!

— Что-о? — воскликнула мистриссъ Соуэрберри.

— Мясо, ма'амъ, мясо! — отвѣчалъ Бембль. — Вы перекормили его, ма'амъ. Вы искусственнымъ способомъ подняли его духъ, что неумѣстно съ такими, какъ онъ. Члены комитета, убѣдившіеся въ этомъ на практикѣ, скажутъ вамъ то же самое, мистриссъ Соуэрберри. Къ чему нищимъ высокій духъ и нѣжныя чувства? Достаточно и того,

что тѣла ихъ существуютъ. Если бы вы держали мальчишку на одной кашѣ, этого никогда не случилось бы.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнула мистриссъ Соуэрберри, набожно подымая глаза къ потолку. — Вотъ что значитъ быть добрымъ и щедрымъ!

Щедрость мистриссъ Соуэрберри по отношенію къ Оливеру заключалась въ томъ, что она кормила его такими объѣдками, которыхъ никто не рѣшался ѣсть. Но только такая кроткая и самоотверженная леди, какъ она, могла добровольно перенести несправедливое и тяжелое обвиненіе мистера Бембля, будучи въ сущности ни въ чемъ неповинной.

— Мнѣ думается, — сказалъ мистеръ Бембль, когда кроткая леди снова опустила глаза къ землѣ, - мнѣ кажется, что въ настоящее время вы можете сдѣлать только одно: оставьте его въ подвалѣ приблизительно на сутки, пока онъ не проголодается хорошенько, затѣмъ выпустите его и держите его на одной кашѣ все время, пока онъ живетъ у васъ. И сидѣлка и докторъ говорятъ, что на долю его матери выпало столько горя и лишеній, что другая на ея мѣстѣ не выдержала бы этого и умерла бы несравненно раньше,

чѣмъ она.

Не успѣлъ мистеръ Бембль кончить своей рѣчи, какъ Оливеръ, достаточно хорошо слышавшій, что снова дѣлаются какіе то намеки ли его мать, заколотилъ въ двери съ такою силою, что не было возможности говорить другъ съ другомъ. Въ эту то критическую минуту появился наконецъ и самъ мистеръ Соуэрберри. Обѣ леди немедленно доложили ему о преступномъ поведеніи Оливера, приправивъ свой разсказъ такими подробностями, которыя неминуемо должны были взбудоражить всю его желчь. Онъ тотчасъ бросился къ подвалу, открылъ дверь и вытащилъ за шиворотъ своего непокорнаго ученика.

Вся одежда Оливера оказалась изорванной во время наносимыхъ ему побоевъ, лицо въ кровоподтекахъ и царапинахъ, волосы были всѣ спутаны и падали на лобъ. Онъ былъ красенъ отъ страшнаго нервнаго возбужденія и, когда его вытащили, онъ съ невыразимой злобой взглянулъ на Ноэ и видно было, что теперь никто и ничто испугать его не можетъ.

— Хорошъ же ты малый, нечего сказать! — воскликнулъ мистеръ Соуэрберри, давъ ему пинка ногою и ударивъ его по уху.

— Онъ осмѣлился оскорбить мою мать!

— Ну, такъ чтожъ изъ этого слѣдуетъ, неблагодарная ты тварь, — сказала мистриссъ Соуэрберри;- она заслужила того, что онъ сказалъ о ней и даже еще больше!

— Нѣтъ, не заслужила, — сказалъ Оливеръ.

— Заслужила, — отвѣчала мистриссъ Соуэрберри.

— Это ложь! — воскликнулъ Оливеръ.

Мистриссъ Соуэрберри зарыдала.

Слезы эти не оставляли больше никакого выбора мистеру Соуэрберри. Если минуту тому назадъ онъ не рѣшался строго наказать Оливера, то теперь, что должно быть вполнѣ ясно каждому опытному читателю, онъ не могъ отказаться отъ этого, не рискуя получить самыхъ нѣжныхъ супружескихъ эпитетовъ, въ родѣ скотины, жестокосерднаго мужа, безчеловѣчной твари, жалкаго подражанія человѣку и тому подобныхъ пріятныхъ и многочисленныхъ названій, которыми мы могли бы заполнить цѣлую главу, будь только у насъ для этого мѣсто. Надо, однако, отдать ему справедливость и сказать, что будь только это въ его власти, онъ не наказалъ бы мальчика, потому что самъ онъ былъ расположенъ къ нему, въ своихъ интересахъ, во первыхъ, а во вторыхъ потому, что жена не любила его. Но

потокъ слезъ не давалъ ему выхода изъ непріятнаго положенія, а потому онъ такъ расправился съ Оливеромъ, что даже сама мистриссъ Соуэрберри вполнѣ осталась довольна этимъ, а мистеру Бемблю не оказалось нужнымъ обращаться къ своей приходской палкѣ. Всю остальную часть дня Оливерь просидѣлъ въ задней части кухни, въ обществѣ насоса и ломтя хлѣба, а вечеромъ мистриссъ Соуэрберри, сдѣлавъ предварительно нѣсколько разнообразныхъ замѣчаній, не особенно лестныхъ для памяти его матери, заглянула въ кухню и Оливеръ, осыпаемый насмѣшками и обидными замѣчаніями Ноэ и Шарлотты, былъ отправленъ спать наверхъ.

Только оставшись одинъ среди тишины и безмолвія мрачной лавки гробовщика, Оливеръ далъ волю своимъ чувствамъ. Всѣ насмѣшки и упреки выслушалъ онъ съ видомъ пренебреженія; безъ крика и слезъ вынесъ онъ удары ремнемъ; сердце его преисполнено было той гордости и презрѣнія, которыя заставляютъ сдерживать крики даже и въ томъ случаѣ, если бы васъ живьемъ поджаривали на огнѣ. Но теперь, когда никто не видѣлъ и не слышалъ его, онъ упалъ на колѣни и, закрывъ лицо руками, рыдалъ такъ, какъ рѣдко кто въ его возрастѣ можетъ рыдать.

Долго и неподвижно оставался Оливеръ въ такомъ положеніи. Свѣча медленно догорала въ подсвѣчникѣ, когда онъ вскочилъ на ноги. Оглянувшись внимательно кругомъ и прислушавшись, онъ подошелъ къ двери, осторожно, чтобы не дѣлать шуму, открылъ ее и выглянулъ на улицу.

Ночь была темная и холодная. Звѣзды показались мальчику глазами, которые были гораздо дальше отъ земли, чѣмъ онъ привыкъ видѣть ихъ; вѣтра не было совсѣмъ и мрачныя тѣни, отбрасываемыя деревьями на землю, казались призрачными и неподвижными, словно привидѣнія, выходящія изъ могилы. Онъ тихонько притворилъ дверь и затѣмъ при тускломъ свѣтѣ догоравшей свѣчи связалъ въ носовой платокъ нѣсколько вещей, принадлежавшихъ ему и, усѣвшись на скамейку, сталъ ждать разсвѣта.

Какъ только первые лучи свѣта стали пробиваться сквозь щели въ ставняхъ, Оливеръ всталъ и снова открылъ двери. Робкій взглядъ кругомъ… минутное колебаніе… дверь была заперта, и Оливеръ вышелъ на улицу. Онъ взглянулъ направо, затѣмъ налѣво, не зная, куда ему лучше бѣжать. Тутъ онъ вспомнилъ, что повозки, выѣзжая изъ города, направляются обыкновенно въ гору. Онъ

повернулъ также въ ту сторону и пошелъ по тропинкѣ, пересѣкающей поля; онъ зналъ хорошо, что пройдя по ней нѣкоторое разстояніе, онъ выйдетъ на большую дорогу, а потому быстро двинулся впередъ.

Оливеръ вспомнилъ, что по этой самой тропинкѣ онъ шелъ съ мистеромъ Бемблемъ, когда тотъ велъ его съ фермы въ домъ призрѣнія. Она, слѣдовательно, должна идти мимо коттэджа. Сердце его такъ сильно забилось при этой мысли, что онъ едва не вернулся назадъ. Но онъ прошелъ уже такъ много, что рѣшилъ не тратить напрасно времени на обратный путь. Къ тому же было еще очень рано и ему нечего было бояться, что кто нибудь увидитъ его. Послѣ минутнаго колебанія онъ двинулся дальше.

Скоро онъ былъ у фермы; ничто не показывало, чтобы кто нибудь изъ обитателей ея всталъ въ такой ранній часъ. Оливеръ остановился и заглянулъ въ садъ. Какой то мальчикъ пололъ одну изъ грядокъ; услыша, что кто то остановился, онъ поднялъ блѣдное личико и Оливеръ узналъ черты одного изъ своихъ бывшихъ товарищей. Оливеръ очень обрадовался, что ему удалось видѣть его прежде, чѣмъ онъ уйдетъ навсегда; хотя онъ былъ моложе его, но онъ всегда былъ

его другомъ и товарищемъ въ играхъ. Сколько разъ дѣлили они вмѣстѣ побои, и голодъ, и заключеніе!

— Дикъ! — крикнулъ Оливеръ, когда мальчикъ подбѣжалъ къ воротамъ и просунулъ ему руку сквозь рѣшетку. — Никто еще не всталъ?

— Никто, кромѣ меня, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Никому не говори, Дикъ, что ты меня видѣлъ, — сказалъ Оливеръ. — Я въ бѣгахъ. Они били и истязали меня, Дикъ и вотъ теперь я иду искать счастья... Далеко!.. А куда, не знаю. Какой же ты блѣдный!

— Я слышалъ, какъ докторъ сказалъ, что я умираю, — отвѣчалъ мальчикъ, слегка улыбаясь. — Я такъ радъ, голубчикъ, что увидѣлъ тебя. Только ты не стой тутъ, уходи скорѣй.

— Да, да, сейчасъ уйду. Я хочу только проститься съ тобой, — отвѣчалъ Оливеръ. — Я еще увижу тебя, Дикъ! Знаю, что увижу. Ты будешь здоровъ и счастливъ!

— Надѣюсь, — отвѣчалъ мальчикъ, — только когда я умру, не раньше. Я знаю, что докторъ правъ, Оливеръ, потому что я часто вижу во снѣ небо и ангеловъ, и много добрыхъ лицъ, которыхъ я никогда не вижу на яву. Поцѣлуй меня, — продолжалъ онъ, вскарабкавшись на

довольно низкія ворота и обвивая шею Оливера своими рученками. — Прощай, дорогой, Богъ да хранитъ тебя!

Благословеніе это изъ устъ ребенка впервые было призвано на голову Оливера, который никогда во всю послѣдующую жизнь свою, полную борьбы за существованіе и страданій, заботъ и разныхъ превратностей, не забывалъ его.

VIII. Оливеръ идетъ въ Лондонъ и на пути встрѣчаетъ необыкновенно страннаго молодого джентльмена

Оливеръ дошелъ до мѣста, гдѣ кончалась тропинка и вышелъ на большую дорогу. Было восемь часовъ утра. Не смотря на то, что онъ находился въ пяти миляхъ отъ города, онъ продолжалъ идти съ тою же поспѣшностью, прячась за изгородями, пока не наступилъ полдень. Онъ боялся, что его прослѣдуютъ и могутъ поймать. Тутъ онъ присѣлъ у верстового столба, чтобы отдохнуть, и сталъ раздумывать о томъ, куда ему идти и чѣмъ ему жить.

На верстовомъ столбѣ, у котораго онъ сидѣлъ, находилась надпись большими буквами, гласившая о томъ, что отъ этого мѣста остается всего только семьдесятъ миль до Лондона. Названіе это пробудило цѣлый рядъ мыслей въ головѣ мальчика. Лондонъ!.. Большой городъ!.. Никто, даже самъ мистеръ Бемблъ, не будетъ въ состояніи найти его тамъ! Онъ часто слышалъ, какъ старики въ домѣ призрѣнія говорили, что никто, у кого

есть толкъ въ головѣ, не нуждается въ Лондонѣ; они говорили, что въ этомъ обширномъ городѣ можно найти столько способовъ зарабатывать себѣ деньги, что люди родившіеся и выросшіе въ провинціи и понятія объ этомъ не имѣютъ. Настоящее мѣсто для бездомнаго мальчика, которому придется умереть на улицѣ, если никто не поможетъ ему. Надумавшись объ этомъ вдоволь, онъ вскочилъ на ноги и пошелъ дальше.

Разстояніе между нимъ и Лондономъ уменьшилось не болѣе, какъ на четыре мили, когда въ головѣ у него мелькнула мысль, сколько придется ему перенести прежде, чѣмъ онъ достигнетъ мѣста своего назначенія? Обстоятельство это такъ поразило его, что онъ замедлилъ шаги, раздумывая о средствахъ добраться до мѣста. Въ узлѣ у него ничего не было, кромѣ черстваго куска хлѣба, грубой рубашки да двухъ паръ чулокъ. Въ карманѣ всего одинъ пенсъ, подаренный ему Соуэрберри на какихъ то похоронахъ, когда онъ исполнилъ свою обязанность экстраординарно хорошо. — «Чистая рубаха,» думалъ Оливеръ, «хорошая вещь, и двѣ пары чулокъ тоже, и пенсъ тоже, но всего этого мало, что-бы пройти шестьдесятъ пять миль въ холодное время». — Тутъ Оливеръ, который отличался необыкновенной

находчивостью и дѣятельностью, когда нужно было разобраться въ разныхъ затрудненіяхъ, растерялся подобно большинству людей, когда дѣло дошло до того, чтобы справиться съ этими затрудненіями. Послѣ долгихъ размышленій, не приведшихъ его ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, молча переложилъ онъ свой узелокъ на другое плечо и продолжалъ путь.

Двадцать милъ прошелъ въ этотъ день Оливеръ и за все это время ничего не ѣлъ, кромѣ сухихъ корокъ хлѣба и нѣсколькихъ глотковъ воды, которую онъ выпросилъ у дверей коттэджа, стоявшаго у самой дороги. Когда наступила ночь, онъ повернулъ на лугъ и, забравшись подъ стогъ сѣна, рѣшилъ пролежать здѣсь до самаго утра. Сначала онъ очень боялся, прислушиваясь къ стону и свисту вѣтра, свободно разгуливавшаго по полямъ. Онъ былъ голоденъ, ему было холодно и онъ болѣе, чѣмъ когда либо раньше, чувствовалъ себя одинокимъ. Тѣмъ не менѣе онъ такъ усталъ отъ ходьбы, что скоро заснулъ и забылъ всѣ свои огорченія.

Онъ чувствовалъ себя совершенно окоченѣлымъ, когда проснулся на слѣдующее утро, и до того голоднымъ, что поспѣшилъ обмѣнять свой пенсъ на кусокъ хлѣба въ первой же деревнѣ,

черезъ которую проходилъ. Онъ не прошелъ и двѣнадцати миль, когда снова наступила ночь, проведенная имъ на этотъ разъ на не защищенномъ отъ вѣтра и болотистомъ мѣстѣ. Когда на слѣдующее утро онъ всталъ и двинулся въ путь, то еле передвигалъ ноги.

Дойдя до подошвы горы, онъ остановился, поджидая ѣхавшую сзади почтовую карету, и попросилъ милостыни у сидѣвшихъ снаружи пассажировъ. Но они не обратили на него вниманія, а нѣкоторые предложили ему подождать, пока они доѣдутъ до верхушки горы, чтобы дать имъ возможность посмотрѣть, какъ скоро можетъ онъ бѣгать за полпенса. Бѣдный Оливеръ попробовалъ бѣжать рядомъ съ каретой, но не въ состояніи былъ сдѣлать этого по причинѣ страшной усталости и израненныхъ ногъ. Сидѣвшіе снаружи пассажиры назвали его за это лѣнивой собакой и спрятали свои полупенсы въ карманъ. Карета быстро покатилась впередъ, оставивъ послѣ себя одно только облако пыли.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ онъ проходилъ, были прибиты доски съ надписью, предостерегающей всякаго, кто вздумаетъ просятъ милостыню, что его посадятъ въ тюрьму. Это такъ пугало Оливера, что онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе

уйти изъ этихъ деревень. Тамъ, гдѣ не было такихъ досокъ, онъ останавливался подлѣ гостинницы и грустно смотрѣлъ на проходившихъ мимо него; кончалось это обыкновенно тѣмъ, что хозяйка гостинницы приказывала кому нибудь изъ проходившихъ мимо почтальоновъ прогнать страннаго мальчика, который навѣрное высматриваетъ, нельзя ли ему стянуть что нибудь. Если онъ подходилъ просить милостыни къ какой нибудь фермѣ, то въ девяти случаяхъ на десять ему угрожали тѣмъ, что на него спустятъ собаку. Если онъ заглядывалъ въ лавку, ему напоминали о полицейскомъ.

Не попадись Оливеру добросердечный сторожъ у заставы и добрая старая леди, всѣ страданія его такъ же скоро кончились бы, какъ и страданія его матери, или, говоря другими словами, его нашли бы мертвымъ на большой столичной дорогѣ. На его счастье, однако, сторожъ у заставы накормилъ его хлѣбомъ и сыромъ, а старая леди, внукъ которой потерпѣлъ крушеніе и бѣдствовалъ теперь гдѣ то далеко, сжалилась надъ бѣднымъ сиротой и дала ему то, что могла дать по своимъ средствамъ, прибавивъ къ этому ласковое и доброе слово и слезу сочувствія и сожалѣнія, что еще глубже запало въ душу Оливера, чѣмъ всѣ

страданія, перенесенныя имъ до сихъ поръ.

Рано утромъ на седьмой день послѣ того, какъ Оливеръ покинулъ мѣсто своего рожденія, входилъ онъ медленно въ маленькій городокъ Барнетъ. Окна были закрыты еще ставнями, улицы пусты, ни единая душа не выходила еще, повидимому, на свою ежедневную работу. Солнце всходило уже, однако, во всемъ своемъ великолѣпіи, но свѣтъ его еще больше напомнилъ мальчику его одиночество и нищету, когда онъ сидѣлъ на приступочкѣ у дверей дома, весь покрытый пылью и съ окровавленными ногами.

Но вотъ ставни начали постепенно открываться, поднялись шторы на окнахъ и народъ задвигался по улицѣ. Нѣкоторые останавливались и съ минуту или двѣ смотрѣли на Оливера или пробѣгали поспѣшно мимо, а затѣмъ возвращались, чтобы посмотрѣть на него; на никто не помогъ ему, никто не спросилъ, что съ нимъ такое. У него не хватало духу просить милостыни и онъ продолжалъ сидѣть.

Нѣсколько времени просидѣлъ онъ такъ на приступочкѣ, удивляясь большому количеству трактировъ (въ Барнетѣ они были черезъ домъ, большіе и маленькіе), безучастно разсматривая проѣзжающія мимо кареты и думая при этомъ,

какъ странно, что имъ требуется только нѣсколько часовъ, что-бы проѣхать то пространство, на которое ему потребовалась цѣлая недѣля ходьбы. Въ эту минуту вниманіе его было привлечено мальчикомъ, который прошелъ мимо него нѣсколько минутъ тому назадъ, а теперь слѣдилъ за нимъ очень внимательно съ противоположной стороны улицы. Сначала онъ не обратилъ на это вниманія, но видя, что мальчикъ по прежнему остается на томъ же мѣстѣ и не спускаетъ съ него глазъ, онъ поднялъ голову и въ свою очередь взглянулъ на него. Мальчикъ тотчасъ же перешелъ улицу и, подойдя къ Оливеру, сказалъ:

— Эй, ты, чего ты тутъ сидишь?

Мальчикъ, предложившій этотъ вопросъ нашему маленькому путнику, былъ почти однихъ съ нимъ лѣтъ, но видъ у него былъ такой странный, что Оливеръ не могъ припомнить, чтобы онъ видѣлъ что нибудь подобное. Лицо у него было самое обыкновенное, курносое, плоское, а что касается грязи, то грязнѣе этого юноши и представить себѣ ничего нельзя было; зато всѣ движенія его и манеры являлись подражаніемъ взрослому джентльмену. Онъ былъ малъ для своихъ лѣтъ, съ кривыми ногами и маленькими, острыми, непріятными глазами. Шляпа на его

головѣ сидѣла такъ свободно, что могла ежеминутно свалиться съ нея, да она и свалилась бы, не будь ея владѣлецъ такъ ловокъ, что однимъ, совершенно неожиданнымъ движеніемъ головы водворялъ ее на прежнее мѣсто. Сюртукъ, надѣтый на немъ, доходилъ ему чуть ли не до пятокъ; рукава сюртука почти наполовину были завернуты наверхъ, съ тою цѣлью вѣроятно, чтобы дать ему возможность засунуть свои руки въ карманы полосатыхъ плисовыхъ брюкъ. Это былъ во всякомъ случаѣ юный джентльменъ, четырехъ футовъ, шести дюймовъ росту, напускающій на себя непомѣрную важность.

— Эй, ты! Что съ тобой?

— Я очень голоденъ и очень усталъ, — отвѣчалъ Оливеръ и глаза его наполнились слезами. — Я издалека, и вотъ уже семь дней, какъ я иду.

— Семь цѣлыхъ дней! — воскликнулъ юный джентльменъ. — О, понимаю! По распоряженію клюва, да? Но, — продолжалъ онъ, замѣтивъ удивленіе Оливера, — ты я вижу, не понимаешь, что такое клювъ, мой наивный товарищъ!

На это Оливеръ отвѣчалъ ему, что онъ всегда слышалъ, что этимъ словомъ называютъ ротъ у птицъ.

— Э-э… молодо, зелено! — воскликнулъ моло-

дой джентльменъ. — Клювомъ называютъ судью {Beak — клювъ, но на воровскомъ языкѣ — судья, полиція.}, а когда судья прикажетъ тебѣ идти, то ты пойдешь не впередъ, а наверхъ и никогда не сойдешь опять внизъ. Былъ ты когда нибудь на мельницѣ?

— На какой мельницѣ? — спросилъ Оливеръ.

— На какой! Да на мельницѣ.... въ такой маленькой, что вертишься въ ней, какъ въ каменной кружкѣ {Jug — кувшинъ, въ просторѣчіи — тюрьма.}. И чѣмъ больше попадаются люди въ просакъ, тѣмъ лучше она мелетъ, чѣмъ меньше попадаются, тѣмъ хуже, все оттого, что рабочихъ взять негдѣ. Идемъ, однако, — продолжалъ юный джентльменъ. Ты хочешь погрызть чего-нибудь, я тоже. Бѣда только, самъ я сижу на мели теперь.... Шиллиигъ, да пенни, вотъ и все. Ну, да раздобуду какъ нибудь. Вставаи же на ноги! Такъ! Скорѣе впередъ.

Юный джентльменъ помогъ Оливеру встать на ноги и повелъ его въ находившуюся поблизости мелочную давку, гдѣ купилъ порядочный кусокъ ветчины и четырехфунтовый хлѣбъ, который онъ называлъ «четырехъ-пенсовыми отрубями». Такіе хлѣбы часто предназначаются для сохраненія ветчины отъ пыли, для чего внутри хлѣба

вырѣзается кусокъ мякиша и въ образовавшуюся полость кладется ветчина. Юный джентльменъ взялъ хлѣбъ подъ мышку и направился къ небольшому трактиру; войдя туда, онъ провелъ Оливера въ заднюю комнату и приказалъ подать себѣ туда пива. Оливеръ, воспользовавшись приглашеніемъ своего новаго друга, принялся съ нескрываемымъ аппетитомъ за трапезу, во время, которой странный мальчикъ время отъ времени внимательно наблюдалъ за нимъ.

— Въ Лондонъ идешь? — спросилъ мальчикъ, когда Оливеръ кончилъ ѣсть.

— Да.

— И квартира у тебя есть?

— Нѣтъ.

— А деньги?

— Нѣтъ.

Странный мальчикъ свистнулъ и заложилъ руки въ карманъ такъ далеко, какъ только позволяли ему его рукава.

— Вы живете въ Лондонѣ? — спросилъ Оливеръ.

— Да... живу, когда бываю у себя дома, — отвѣчалъ мальчикъ. — Тебѣ, я думаю, хотѣлось бы найти такое мѣстечко, гдѣ ты могъ бы провести ночь... правда?

— Да, — отвѣчалъ Оливеръ. — Съ тѣхъ поръ, какъ я ушелъ изъ провинціи, я ни разу еще не спалъ подъ крышей.

— Ну, не три своихъ глазъ изъ-за такихъ пустяковъ, — сказалъ юный джентльменъ. — Сегодня вечеромъ я думаю быть въ Лондонѣ; я знаю тамъ одного очень почтеннаго стараго джентльмена, который дастъ тебѣ квартиру моментально и никогда платы не спроситъ... разумѣется въ томъ случаѣ, если тебя приведетъ знакомый ему джентльменъ. А не знаетъ онъ развѣ меня? О, нѣтъ! Ни капельки! Ни въ какомъ случаѣ! Разумѣется нѣтъ!

Юный джентльменъ улыбнулся, какъ бы желая показать, что въ маленькихъ отрывкахъ его фразъ заключается крайне игривая иронія, и довольный собой залпомъ докончилъ пиво.

Неожиданное предложеніе ночлега было слишкомъ соблазнительно, чтобы отказаться отъ него, тѣмъ болѣе, что непосредственно за нимъ слѣдовало увѣреніе въ томъ, что старый джентльменъ безъ сомнѣнія доставитъ Оливеру какое нибудь мѣстечко и въ самомъ непродолжительномъ времени. Это привело къ дружеской и откровенной бесѣдѣ, изъ которой Оливеръ узналъ, что друга его зовутъ Джекъ Доукинсъ и что онъ пользуется

исключительнымъ расположеніемъ и покровительствомъ упомянутаго выше джентльмена.

Нельзя сказать, чтобы наружность мистера Доукинса говорила особенно въ пользу удобствъ, доставляемыхъ его патрономъ тѣмъ, которыхъ онъ бралъ подъ свое покровительство; но такъ какъ онъ говорилъ все время легкомысленно и несвязно, а затѣмъ совершенно откровенно сознался въ томъ, что товарищамъ своимъ онъ больше извѣстенъ подъ названіемъ «ловкаго Доджера {Dodger — плутъ.}», то Оливеръ рѣшилъ, что онъ, вѣроятно, очень беззаботенъ и расточителенъ, а потому благодѣтель его махнулъ на него рукой. Находясь подъ такимъ впечатлѣніемъ, онъ втайнѣ рѣшилъ, что онъ постарается какъ можно скорѣе внушить старому джентльмену хорошее мнѣніе о себѣ. Если же Доджеръ окажется неисправимымъ, въ чемъ онъ былъ почти увѣренъ, то постарается отклонить отъ себя честь дальнѣйшаго знакомства съ нимъ.

Такъ какъ Джекъ Доукинсъ отказался войти въ Лондонъ раньше наступленія ночи, то было уже одиннадцать часовъ, когда они подошли къ Айлингтону. Отъ Энджеля они прошли на улицу Сентъ-Джонсъ, повернули въ переулокъ, кончавшійся у Седлеръ-Уэльскаго театра, затѣмъ

по Эксмоузъ-Стриту и Канписъ-Роу, прошли по небольшому двору пріюта, затѣмъ, наискось черезъ Хокдей, далѣе по Малой Сафронъ-Гиль и по Большой Сафронъ-Гиль, гдѣ Доджеръ пустился скорымъ шагомъ, рекомендуя Оливеру не отставать отъ него.

Не смотря на то, что все вниманіе Оливера было занято его проводникомъ, онъ все же не могъ удержаться отъ искушенія бросить нѣсколько взглядовъ на ту и другую сторону улицы, по которой они шли. Болѣе грязнаго и отвратительнаго мѣста онъ ни разу еще не видѣлъ. Улица была очень узкая, грязная и воздухъ въ ней былъ пропитанъ зловоніемъ. Здѣсь было вездѣ очень много маленькихъ лавочекъ, единственнымъ товаромъ которыхъ были, повидимому, только дѣти; не смотря на такой поздній часъ ночи, они то выползали изъ дверей лавочекъ, то вползали туда или во весь голосъ ревѣли внутри. Единственными торговыми учрежденіями, которыя, повидимому, процвѣтали среди этой грязи и нищеты, были трактиры, наполненные самыми безшабашными ирландцами, которые ругались, что называется во всю. Крытые проходы и дворы, то тамъ, то здѣсь идущіе въ сторону отъ главной улицы, открывали видъ на небольшое

помѣщеніе, гдѣ пьяные мужчины и женщины буквально валялись въ грязи; изъ нѣкоторыхъ дверей, пробираясь осторожно, какъ тѣни, выходили какіе то люди весьма подозрительной наружности, отправляясь, по всей вѣроятности, въ какую-нибудь, далеко не безупречную экспедицію.

Оливеръ начиналъ уже подумывать, не лучше ли будетъ улизнуть оттуда, когда они подошли къ самому концу улицы. Его спутникъ схватилъ его за руку, толкнулъ въ открытую дверь дома, находившагося вблизи Фильдъ-Лена, и потащилъ его въ проходъ, затворивъ предварительно дверь за собою.

— Кто тамъ? — крикнулъ чей то голосъ въ отвѣтъ на свистъ Доджера.

— Плюмми и Слемъ! — отвѣчалъ Доджеръ.

Надо полагать, что слова эти были заранѣе условленнымъ паролемъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ на стѣнѣ въ противоположномъ концѣ прохода, показался слабый свѣтъ свѣчи и изъ кухни въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась лѣстница со сломанными перилами, выглянуло лицо мужчины.

— Васъ двое? — спросилъ онъ, вытягивая дальше руку со свѣчой, а другою рукой прикрывая

глаза. — Кого ты привелъ?

— Новаго товарища, — отвѣчалъ Джекъ Доукинсъ, толкая Оливера впередъ.

— Откуда онъ?

— Изъ земли простофилей. Гдѣ Феджинъ? Наверху?

— Да, сортируетъ платки. Идите же! — мужчина скрылся за дверью, а вмѣстѣ съ нимъ и свѣча.

Оливеръ, ощупывая путъ одной рукой, а другой держа крѣпко руку товарища, съ трудомъ подымался по темной, сломанной лѣстницѣ, тогда какъ проводникъ его шелъ совершенно свободно, видимо хорошо знакомый съ этимъ домомъ. Онъ открылъ дверь задней комнаты и втащилъ туда за собою Оливера.

Стѣны и потолокъ этой комнаты были почти черные отъ долголѣтней грязи и копоти. Противъ плиты стоялъ большой столъ, на которомъ горила свѣча, стояла бутылка имбирнаго пива, двѣ или три оловянныхъ чашки, хлѣбъ, масло и тарелка. На сковородкѣ, стоящей на плитѣ, жарились сосиски; подлѣ плиты у сковородки стоялъ старый еврей; отталкивающее лицо котораго было слегка закрыто нависшими красноватор ыжими волосами. Одѣтъ онъ былъ въ сѣромъ, фланелевомъ халатѣ съ открытой впереди гру-

дью; вниманіе его было, повидимому, раздѣлено между сковородкой и вѣшалкой, на которой висѣло множество шелковыхъ носовыхъ платковъ. Нѣсколько постелей, состоявшихъ изъ грубыхъ соломенниковъ, лежали другъ подлѣ друга на полу. Кругомъ стола сидѣли четыре или пять мальчишекъ, не старше Доджера; они курили глиняныя трубки и пили водку съ важностью, присущею подросткамъ. Всѣ они столпились вокругъ своего товарища, когда тотъ шепнулъ что то на ухо еврею, а затѣмъ всѣ повернулись и съ улыбкой смотрѣли на Оливера. То же самое сдѣлалъ и еврей.

— Это онъ самый, Феджинъ, — сказалъ Джекъ Доукинсъ, — мой другъ Оливеръ Твистъ.

Еврей засмѣялся и, отвѣсивъ низкій поклонъ Оливеру, протянулъ ему руку, выразивъ надежду, что онъ будетъ имѣть честь ближе познакомиться съ нимъ. Тогда молодые джентльмены, съ трубками окружили его, крѣпко пожимая ему руки, особенно ту, которая держала маленькій узелокъ. Одинъ молодой джентльменъ позаботился о томъ, чтобы повѣсить его шапку, другой очень обязательно засунулъ руки въ его карманы, говоря, что хочетъ самъ все вынуть изъ нихъ, чтобы онъ уже не безпокоился объ этомъ, когда

будетъ ложиться спать, потому что очень усталъ. Не знаю, какъ далеко зашли бы эти любезности, не прогуляйся вилка еврея по головамъ и плечамъ этихъ крайне обязательныхъ юношей.

— Мы очень рады видѣть тебя, Оливеръ, очень рады, — сказалъ еврей. — Доджеръ, возьми сосиски и поставь кадку у огня для Оливера. Ага! ты смотришь на носовые платки... Эхъ, мой голубчикъ! Ихъ тутъ очень много, не правда-ли? Мы только что сортировали ихъ и приготовили для стирки. Вотъ и все, Олмверь, вотъ и все! Ха, ха, ха!

Послѣдняя часть спича вызвала оглушительный восторгъ со стороны подающихъ большія надежды питомцевъ веселаго стараго джентльмена. Послѣ этого всѣ принялись ужинать.

Оливеръ съѣлъ свою порцію и тогда еврей, приготовивъ въ стаканѣ смѣсь горячаго джина съ водой, приказалъ ему выпить ее залпомъ, говоря, что другой джентльменъ ждетъ своей очереди. Оливеръ сдѣлалъ, какъ ему было приказано, и вскорѣ послѣ этого почувствовалъ, что его осторожно подымаютъ и кладутъ на одинъ изъ лежащихъ на полу соломенниковъ. Спустя минуту онъ спалъ уже глубокимъ сномъ.

IX. Дальнѣйшія подробности, касающіяся веселаго стараго джентльмена и его подающихъ надежду питомцевъ

На слѣдующее утро Оливеръ проснулся поздно послѣ тяжелаго, продолжительнаго сна. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ стараго еврея, который варилъ кофе въ кастрюлькѣ и тихонько насвистывалъ, мѣшая его желѣзной лопаткой. По временамъ онъ останавливался и прислушивался къ шуму, доносившемуся снизу; успокоившись тѣмъ, что слышалъ, онъ снова начиналъ свистѣть и мѣшать ложкой кофе.

Хотя Оливеръ и проснулся уже, тѣмъ не менѣе онъ оставался еще въ томъ состояніи между сномъ и бодрствованіемъ, когда въ теченіи цѣлыхъ пяти минутъ лежишь съ полуоткрытыми глазами и лишь наполовину сознаешь, что происходитъ кругомъ; но стоитъ только закрыть глаза и моментально погружаешься въ полное безсознательное состояніе.

Въ такомъ то состояніи находился и Оливеръ. Онъ видѣлъ еврея сквозь полуоткрытые глаза,

слышалъ его тихій свистъ, ясно узнавалъ звукъ ложки, царапавшей стѣнки кастрюли, и въ то же время всѣ чувства его заняты были не имъ, а тѣми, которыхъ онъ когда либо зналъ.

Когда кофе былъ готовъ, еврей отставилъ его на край плиты и нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности, какъ бы не зная на что употребить ему свое время. Обернувшись въ сторону Оливера, онъ взглянулъ на него и назвалъ его по имени. Мальчикъ не отвѣчалъ и крѣпко, повидимому, спалъ.

Успокоившись на этотъ счетъ, еврей подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ. Затѣмъ, какъ показалось Оливеру, онъ отодвинулъ какую то дощечку и изъ отверстія вынулъ небольшой ящикъ, который осторожно поставилъ на столъ. Глаза его сверкнули, когда онъ открылъ крышку и заглянулъ туда. Онъ подвинулъ старый стулъ и сѣлъ на него, а затѣмъ вынулъ изъ ящика великолѣпные золотые часы, сверкавшіе драгоцѣнными камнями.

— Ага! — сказалъ еврей, подымая кверху плечи, причемъ все лицо его освѣтилось отвратительной улыбкой. — Ловкія собаки! Ловкія! Стойкія до конца! Ничего не сказали старому пастору, гдѣ они были. Не донесли на стараго Феджина. Да и

какая польза, если бы донесли! Узелъ на веревкѣ отъ этого все равно не развязался бы! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Лихіе ребята! Лихіе!..

Продолжая такимъ образомъ разсуждать вслухъ, еврей спряталъ часы, и изъ того же ящичка вынулъ сначала полдюжины другихъ часовъ и разсматривалъ ихъ съ такимъ же точно удовольствіемъ какъ и первые, а затѣмъ, кольца, брошки, браслеты и множество другого матеріала, отличавшагося замѣчательной отдѣлкой. Оливеръ не имѣлъ объ этихъ вещахъ ни малѣйшаго понятія и не зналъ ихъ названія.

Положивъ обратно всѣ эти вещи, еврей взялъ еще какой то небольшой предметъ и положилъ его себѣ на ладонь руки. Надо полагать, что на немъ была надпись очень мелкими буквами, потому что еврей положилъ его на столъ и оттѣнивъ одной рукой долго и внимательно разсматривалъ. Отчаявшись, повидимому, въ успѣхѣ, онъ спряталъ его, отклонился на спинку стула и снова забормоталъ про себя.

— Ахъ, какая это знатная штука, смертная казнь! Мертвые никогда не каются... мертвые никогда не выдаютъ опасныхъ тайнъ. Ахъ, какая это тонкая штука для нашего ремесла! Пятерыхъ вдернули рядышкомъ... Ни одинъ не смалодуш-

ничалъ! Ни одинъ!

Тутъ взоръ ясныхъ черныхъ глазъ еврея, устремленный все время въ пространство, остановился вдругъ на лицѣ Оливера. Глаза мальчика съ необыкновеннымъ любопытствомъ смотрѣли на него и хотя это продолжалось не болѣе одного мгновенія, то этого было достаточно для стараго джентльмена, чтобы понять, что за нимъ наблюдаютъ. Онъ прихлопнулъ крышку ящика, схватилъ хлѣбный ножъ, лежавшій на столѣ и съ бѣшенствомъ вскочилъ со стула. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и Оливеръ, не смотря на страшный испугъ, ясно видѣлъ, какъ дрожалъ ножъ въ его рукѣ.

— Это что еще такое? — сказалъ еврей. — Какъ ты смѣешь подсматривать за мной? Почему ты не спишь? Что ты видѣлъ? Говори всю правду, мальчикъ! Живѣй... живѣй! Если тебѣ дорога жизнь твоя!

— Я не могъ больше знать, сэръ, — отвѣчалъ Оливеръ кротко. — Мнѣ очень жаль, что я огорчилъ васъ, сэръ!

— Ты проснулся часъ тому назадъ? — спросилъ евреи, бросивъ злобный взглядъ на мальчика.

— Нѣтъ! О, нѣтъ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Ты увѣренъ въ этомъ? — крикнулъ еврей, —

принимая угрожающее положеніе.

— Клянусь честью, сэръ! Клянусь, что нѣтъ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Полно, полно, мой милый! — сказалъ еврей, переходя къ прежней манерѣ говорить и, поигравъ немного съ ножемъ, положивъ его на прежнее мѣсто. — Я и самъ это знаю, мой милый! Я хотѣлъ попугать тебя. Ты хорошій мальчикъ. Ха! ха! Хорошій мальчикъ, Оливеръ! — Еврей потиралъ себѣ руки и слегка хихикалъ, продолжая съ нѣкоторымъ смущеніемъ посматривать на ящикъ.

— Ты видѣлъ что нибудь изъ этихъ красивыхъ вещей, мой милый? — спросилъ еврей, прикрывая ящикъ рукой.

— Да, сэръ!

— Ага! — сказалъ еврей, блѣднѣя. — Все это мое, Оливеръ, мое собственное. Я храню ихъ, чтобы мнѣ было чѣмъ жить на старости лѣтъ. Люди зовутъ меня скрягой, мой милый! Только скрягой, вотъ и все.

Оливеръ подумалъ, что старый джентльменъ дѣйствительно скряга, если при такомъ количествѣ дорогихъ вещей живетъ въ такой грязи. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что, быть можетъ, любовь его къ Доджеру и другимъ мальчикамъ заставля-

етъ его быть бережливымъ, а потому, взглянувъ на него съ уваженіемъ, попросилъ позволенія встать.

— Разумѣется, мой милый, разумѣется, — отвѣчалъ старый джентльменъ. — Стой... тамъ въ углу подлѣ дверей стоитъ кувшинъ съ водой. Принеси его сюда, а я дамъ тебѣ тазъ и ты умоешься, мой милый!

Оливеръ всталъ, прошелъ черезъ комнату и у дверей остановился на минутку, чтобы поднять кувшинъ. Когда онъ повернулъ голову, ящикъ уже исчезъ безслѣдно.

Не успѣлъ онъ умыться и все убрать, выливъ грязную воду за окно, по указанію самого еврея, какъ пришелъ Доджеръ въ сопровожденіи весьма оживленнаго молодого товарища, котораго Оливеръ видѣлъ наканунѣ съ трубкой во рту и котораго ему теперь формально представили подъ именемъ Чарли Бетса. Всѣ четверо сѣли за завтракъ, состоящій изъ кофе и горячихъ булочекъ съ ветчиной, — принесенныхъ Доджеромъ внутри своей шляпы.

— Ну-съ, — сказалъ еврей, искоса поглядывая на Оливера и въ то же время обращаясь къ Доджеру, — надѣюсь, что вамъ удалось поработать сегодня утромъ, мои дорогіе!

— Здорово! — отвѣчалъ Доджеръ.

— Усердно! — прибавилъ Чарли Бетсъ.

— Добрые мальчики! Хорошіе мальчики! — сказалъ еврей. — Что ты досталъ Доджеръ?

— Пару бумажниковъ, — отвѣчалъ молодой джентльменъ.

— На подкладкѣ? — спросилъ еврей.

— И на очень даже красивой, — отвѣчалъ Доджеръ, вынимая два бумажника, на зеленой и красной подкладкѣ.

— Не такъ тяжелы, какъ бы слѣдовало, — сказалъ еврей, — осмотрѣвъ ихъ тщательно внутри, — но очень аккуратно и чисто сдѣланы. Ловкій работникъ, не правда ли, Оливеръ?

— Да, сэръ, очень, — отвѣчалъ Оливеръ, на что мистеръ Чарли Бетсъ расхохотался во все горло къ великому удивленію Оливара, не видѣвшаго ничего рѣшительно смѣшного въ томъ, что происходило кругомъ него.

— А ты что досталъ, мой милый? — спросилъ Феджинъ Чарли Бетса.

— Платки, — отвѣчалъ мистеръ Бетсъ, вытаскивая четыре платка.

— Прекрасно, — отвѣчалъ еврей, внимательно разсматривая ихъ. — Очень хорошаго качества, очень. Ты не хорошо намѣтилъ ихъ Чарли; мѣтки

слѣдуетъ выкалывать иголкой и мы научимъ Оливера, какъ это дѣлается. Сдѣлаешь намъ это, Оливеръ? Ха, ха, ха!

— Если вамъ угодно, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Хотѣлось бы тебѣ такъ же ловко добывать платки, какъ добываетъ ихъ Чарли Бетсъ, хотѣлось бы? — спросилъ еврей.

— Очень даже, сэръ, если вы научите меня, — отвѣчалъ Оливеръ.

Мистеру Бетсу и этотъ отвѣтъ показался смѣшнымъ, потому что онъ снова разразился хохотомъ, который едва не кончился его преждевременнымъ удушеніемъ, вслѣдствіе того, что кофе попалъ со туда, куда слѣдуетъ.

— Совсѣмъ дитя малое! — сказалъ Чарли, придя въ себя.

Доджеръ погладилъ Оливера по головѣ и сказалъ, что мало-по-малу онъ всему научится. Старый джентльменъ, замѣтивъ, что Оливеръ вспыхнулъ, перемѣнилъ предметъ разговора и спросилъ, много ли публики было на мѣстѣ казни? Это еще болѣе удивило Оливера. Судя по отвѣтамъ оба мальчика были тамъ и онъ никакъ не могъ понять, когда же они успѣли работать.

По окончаніи завтрака веселый джентльменъ

и оба мальчика занялись весьма любопытной и необыкновенной игрой, которая велась слѣдующимъ образомъ: веселый джентльменъ положилъ табакерку въ одинъ изъ кармановъ брюкъ, записную книжку въ другой, часы въ карманъ жилета, а цѣпочку отъ нихъ на шею; брилліантовой булавкой онъ прикрѣпилъ ворота рубашки, плотно застегнулъ сюртукъ, а въ карманы его положилъ платокъ носовой и футляръ отъ очковъ; затѣмъ взялъ палку и заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, изображая изъ себя стараго джентльмена, гуляющаго по улицѣ. Онъ останавливался то у камина, то у дверей, дѣлая видъ, будто внимательно осматриваетъ окна магазиновъ. По временамъ онъ оборачивался, чтобы подсмотрѣть, нѣтъ ли воровъ, и старательно шлепалъ себя по карманамъ, дабы удостовѣриться не пропало ли что нибудь. Все это онъ продѣлывалъ такъ забавно и естественно, что Оливеръ хохоталъ до слезъ. Оба мальчика тѣмъ временемъ непосредственно слѣдовали за нимъ, стараясь, чтобы онъ не замѣтилъ ихъ, а когда оборачивался, мгновенно отскакивали въ сторону. Но вотъ Доджеръ выступилъ впередъ и пошелъ ему навстрѣчу; поровнявшись съ нимъ, онъ какъ бы случайно наступилъ ему на ногу,

а Чарли Бетсъ споткнулся на него сзади и въ то же время съ поразительной ловкостью и быстротой оба стащили табакерку, записную книжку, часы, цѣпочку, булавку, платокъ носовой и даже футляръ для очковъ. Старый джентльменъ осмотрѣлъ карманы и закричалъ, что у него все стащили.

Та же игра повторилась еще нѣсколько разъ, а вслѣдъ за тѣмъ въ гости къ молодымъ джентльменамъ пришли двѣ молодыя леди; одну звали Бетъ, другую Нанси. Волоса у обѣихъ были замѣчательно густы, но не особенно красиво закручены на затылкѣ; чулки и башмаки на нихъ были грязные и рваные. Хорошенькими въ настоящемъ смыслѣ этого слова ихъ нельзя было назвать, но лица у нихъ были цвѣтущія и на видъ онѣ казались здоровыми и бойкими дѣвушками. Непринужденныя и вѣжливыя манеры ихъ очень понравились Оливеру и онъ подумалъ, что это очень хорошія дѣвушки.

Посѣтительницы долго оставались въ гостяхъ. На столѣ поставили водку, потому что одна изъ молодыхъ леди заявила, что она чувствовала, какъ внутри у нея все холодно. Всѣ разговаривали очень веоло и оживленно между собой. Наконецъ, Чарли Бетсъ объявилъ всѣмъ, что время и

побродить теперь, послѣ чего Доджеръ, Чарли и обѣ молодыя леди ушли, получивъ предварительно нѣсколько монетъ на гостинцы отъ любезнаго стараго еврея.

— Видишь, милый мой, — сказалъ Феджинъ, — какая веселая жизнь у насъ, не правда-ли? Они ушли теперь на цѣлый день.

— Они кончили уже свою работу, сэръ? — спросилъ Оливеръ.

— Да, — отвѣчалъ еврей, — то есть, если неожиданно не попадется имъ чего нибудь на пути, а если попадется что нибудь, то они, мой милый, ни за что не пренебрегаютъ этимъ; все зависитъ отъ обстоятельствъ. Бери съ нихъ примѣръ, мой милый, бери примѣръ, — продолжалъ еврей, постукивая желѣзной лопаткой, чтобы придать больше силы своимъ словамъ. — Дѣлай все, что они тебѣ укажутъ и слушай ихъ совѣтовъ, особенно Доджера, мой милый! Онъ будетъ когда нибудь великимъ человѣкомъ и тебя сдѣлаетъ такимъ же, если ты позволишь ему руководить собой. А что, голубчикъ, не виситъ ли мой платокъ носовой изъ кармана? спросилъ еврей.

— Да, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Попробуй-ка его вытащить такъ, чтобы я не почувствовалъ этого; ты видѣлъ вѣдь, какъ они

это дѣлали, когда мы играли утромъ.

Оливеръ придержалъ дно кармана одной рукой, какъ это дѣлалъ Доджеръ, а другой осторожно вытащилъ платокъ.

— Вытащилъ? — воскликнулъ еврей.

— Вотъ онъ, сэръ!

— Ловкій же ты мальчикъ, мой милый, — весело сказалъ еврей, одобрительно гладя Оливера по головѣ. — Я еще не видѣлъ такого способнаго мальчика. Вотъ тебѣ шиллингъ. Если ты и впередъ будешь такъ дѣлать, то изъ тебя выйдетъ величайшій человѣкъ въ мірѣ. А теперь иди сюда, я хочу показать тебѣ, какъ надо выводить мѣтки изъ платковъ.

Оливеръ никакъ не могъ понять, какое отношеніе имѣетъ карманъ стараго джентльмена къ тому, что онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ. Но подумавъ про себя, что еврей его хозяинъ и, слѣдовательно долженъ все это знать лучше, послѣдовалъ за нимъ поспѣшно къ столу и скоро совершенно углубился въ свое новое занятіе.

X. Оливеръ ближе знакомится съ характеромъ своихъ новыхъ товарищей и пріобрѣтаетъ опытъ очень дорогой цѣной

Нѣсколько дней подъ рядъ не выходилъ Оливеръ изъ комнаты еврея и все это время выводилъ мѣтки съ носовыхъ платковъ, (которыхъ за эти дни принесли очень иного); иногда онъ принималъ даже участіе въ вышеописанной игрѣ, которою еврей и два мальчика забавлялись каждое утро. Въ концѣ концовъ онъ сталъ томиться отсутствіемъ свѣжаго воздуха и при всякомъ удобномъ случаѣ просилъ еврея разрѣшить ему пойти на работу вмѣстѣ съ двумя товарищами.

Оливеръ страшно волновался и не могъ дождаться, когда наконецъ и онъ приметъ участіе въ работѣ, особенно видя, какъ строгъ и взыскателенъ былъ еврей. Если только Доджеръ или Чарли Бетсъ осмѣливались придти вечеромъ съ пустыми руками, онъ сейчасъ же дѣлалъ имъ выговоръ, упрекая ихъ въ лѣни и нерадивости, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже отсылалъ ихъ спать безъ ужина. Однажды онъ такъ разсердил-

ся на нихъ, что обоихъ спустилъ съ лѣстницы. Но вообще онъ почти не прибѣгалъ къ такому внушенію добродѣтельныхъ принциповъ.

Въ одно прекрасное утро Оливеръ получилъ, наконецъ, позволеніе, котораго такъ долго жаждалъ. Работы съ платками совсѣмъ не было въ теченіе двухъ, трехъ дней и обѣдъ былъ очень скудный. Надо полагать, что старый еврей имѣлъ свои причины, давая такое разрѣшеніе; какъ бы тамъ ни было, но Оливеру во всякомъ случаѣ, онъ позволилъ идти, поручивъ его надзору Чарли Бетса и Доджера.

Три мальчика вышли вмѣстѣ; Доджеръ съ завороченными кверху рукавами сюртука и съ нахлобученной шляпой, Бетсъ съ заложенными въ карманы руками и между ними Оливеръ, который никакъ не могъ понять, куда это они идутъ и какой отрасли промышленности онъ учится.

Шли они очень медленно, еле передвигая ноги и Оливеръ начиналъ уже думать, что товарищи его сговорились надуть стараго джентльмена и совсѣмъ не намѣрены работать. Его поразили, кромѣ того, порочныя наклонности Доджера, который сталкивалъ шапки съ головы маленькихъ мальчиковъ, сбивая послѣднихъ съ ногъ, и слишкомъ своеобразныя воззрѣнія на права

собственности Чарли Бетса, который то и дѣло стягивалъ съ лотковъ, стоявшихъ мѣстами въ грязномъ переулкѣ, то яблоки, то лукъ, пряча моментально ихъ въ карманы, которые находились, повидимому, по всѣмъ направленіямъ его сюртука. Все это произвело такое непріятное впечатлѣніе на Оливера, что онъ собирался уже заявить о своемъ намѣреніи вернуться назадъ, когда мысли его приняли нѣсколько другое теченіе при видѣ таинственнаго поведенія Доджера.

Они только что прошли небольшой дворъ, находившійся недалеко отъ открытаго сквэра въ Клеркенуэллѣ, извѣстнаго подъ страннымъ названіемъ «зеленаго», когда Доджеръ вдругъ остановился, приложивъ палецъ къ губамъ. Вслѣдъ за этимъ онъ осторожно оттащилъ своихъ товарищей назадъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Оливеръ.

— Тс! — отвѣчалъ Доджеръ. — Видишь ты того старика у книжной лавчонки?

— Стараго джентльмена на той сторонѣ? — спросилъ Олньеръ. — Да, вижу.

— Онъ намъ на руку, — сказалъ Доджеръ.

— Какъ разъ на руку! — многозначительно замѣтилъ мистеръ Чарли Бетсъ.

Оливеръ съ величайшимъ удивленіемъ взгля-

нулъ сначала на одного, затѣмъ на другого, но ему не удалось предложить никакого вопроса, потому что его товарищи двинулись наискось черезъ улицы и остановились позади стараго джентльмена. Оливеръ на нѣсколько шаговъ отсталъ отъ нихъ, не зная, идти ли ему дальше или вернуться обратно, и съ безмолвнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на своихъ товарищей.

Старый джентльменъ отличался весьма почтеннымъ видомъ; онъ былъ въ напудренномъ парикѣ и золотыхъ очкахъ. Одежда его состояла изъ сюртука бутылочно-зеленаго цвѣта, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, и бѣлыхъ брюкъ; подъ мышкой онъ держалъ красивую бамбуковую трость. Онъ взялъ съ прилавка книгу и спокойно, какъ бы у себя въ кабинетѣ, читалъ ее. Онъ видимо очень заинтересовался книгой и такъ углубился въ нее, что рѣшительно ничего не видѣлъ, ни улицы, ни мальчиковъ, ничего, однимъ словомъ, кромѣ самой книги. Прочитавъ одну страницу, онъ переворачивалъ листъ, читалъ дальше, затѣмъ переходилъ на слѣдующую и такъ дальше все съ тѣмъ же интересомъ.

Каковы же были ужасъ и огорченіе Оливера, когда онъ, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, увидѣлъ на яву, съ широко открытыми глазами,

какъ Доджеръ опустилъ руку въ карманъ стараго джентльмена и спустя секунду вытащилъ оттуда носовой платокъ! Увидѣлъ затѣмъ, какъ онъ его передалъ Чарли Бетсу, и какъ затѣмъ, оба бросились бѣжать во всю прыть и скрылись за угломъ.

Глаза его открылись въ эту минуту и онъ понялъ тайну носовыхъ платковъ, и часовъ, и драгоцѣнныхъ вещей, и еврея. Онъ стоялъ, а кровь кипѣла въ его жилахъ отъ ужаса и ему казалось, что онъ горитъ въ огнѣ. Придя въ себя, онъ отъ страха пустился бѣжать во всѣ лопатки и, не сознавая, какой вредъ онъ наноситъ себѣ самому, все больше и больше прибавлялъ шагу.

Все это произошло въ промежутокъ одной какой нибудь минуты. Въ тотъ моментъ, когда Оливеръ пустился бѣжать, старый джентльменъ опустилъ руку въ карманъ сюртука и, не найдя платка, оглянулся назадъ. Увидя удирающаго во всѣ лопатки мальчика, онъ, само собою разумѣется, вывелъ заключеніе, что онъ то и есть похититель. «Держи вора!» крикнулъ онъ и, не выпуская книги изъ рукъ, пустился за нимъ въ догонку.

Но не одинъ только старый джентльменъ поднялъ этотъ крикъ. Доджеръ и мистеръ Бетсъ, не желая привлечь на себя вниманіе, если побѣгутъ

по улицѣ, скрылись въ первыхъ попавшихся воротахъ за угломъ. Какъ только они услышали крикъ и увидѣли бѣгущаго Оливера, они тотчасъ же догадались, въ чемъ дѣло и постарались извлечь изъ этого пользу. Съ громкимъ крикомъ «держи вора!», они пустились преслѣдовать его, какъ истые добрые граждане.

Не смотря на то, что Оливеръ былъ воспитанъ философами, онъ теоретически мало былъ знакомъ съ прекрасной аксіомой, которая учитъ, что самоохраненіе есть первый законъ природы. Знай онъ ее, онъ постарался заранѣе приготовиться ко всему. Но онъ не былъ подготовленъ къ тому, а потому страшно былъ огорченъ, когда онъ мчался, какъ вѣтеръ, а по пятамъ его гнались старый джентльменъ и два его товарища, кричавшіе и ревѣвшіе на всѣ горло.

«Держи вора! Держи вора!» Слова эти, какъ и всегда, произвели магическое дѣйствіе. Приказчикъ вышелъ изъ-за конторки; ломовикъ оставилъ повозку, мясникъ отставилъ въ сторону свой лотокъ, булочникъ свою корзину, молочникъ свое ведро, мальчикъ для посылокъ свои пакеты, школьникъ сумку съ книгами, каменьщикъ — кирку, ребенокъ воланъ. И все это понеслось впередъ, какъ попало, перегоняя,

толкая другъ друга, крича, свистя, наскакивая на прохожихъ, выходящихъ изъ за угла, спотыкаясь на собакъ и приводя въ недоумѣніе птицъ. И всему этому вторили и улицы, и скверы, и дворы.

«Держи вора! Держи вора!» Крикъ этотъ подхватывали сотни голосовъ и толпа увеличивалась на каждомъ поворотѣ. Погоня усиливалась, летѣли брызги грязи, стучала мостовая, открывались окна, изъ домовъ и дворовъ выбѣгали люди, и впередъ, все впередъ неслась толпа; зрители на самомъ интересномъ мѣстѣ бросили «Петрушку» и присоединившись къ бѣгущимъ, съ удвоенной силой подхватывали крикъ: «держи вора! держи вора!»

«Держи вора! Держи вора!» Въ натурѣ человѣка лежитъ какая то особенная страсть къ преслѣдованію. А бѣдный, несчастный мальчикъ, задыхаясь отъ усиленнаго бѣга, съ трепещущимъ отъ страха сердцемъ, съ выраженіемъ смертельнаго ужаса во взорѣ, съ крупными каплями пота на лицѣ, напрягалъ каждый нервъ свой каждый мускулъ, чтобы перегнать своихъ преслѣдователей. Но толпа нагоняла его, съ каждой минутой выигрывая пространство и выражая радость свою по этому поводу громкимъ крикомъ, шиканьемъ, визгомъ. «Держи вора!» Ахъ, держите его

ради Бога, ради состраданія къ нему!

Поймали наконецъ! Ловкій ударъ. Вотъ онъ на мостовой... толпа волнуется, жестикулируетъ... приходятъ новые зрители... они проталкиваются сквозь толпу... тѣснятъ ее, чтобы взглянуть на него. «Отойдите въ сторону!» «Дайте ему больше воздуха!» «Пустяки! не стоитъ онъ этого!» «Гдѣ джентльменъ?» «Вотъ онъ, идетъ по улицѣ!» «Дайте мѣсто джентльмену!» «Тотъ ли это мальчикъ, сэръ!» «Да!»

Оливеръ, между тѣмъ, лежалъ покрытый грязью и пылью, изо рта у него шла кровь; онъ дико оглядывался кругомъ на лица окружавшей его толпы, когда стоявшіе впереди люди пропустили къ нему стараго джентльмена.

— Да, — сказалъ джентльменъ, — боюсь, что это тотъ самый мальчикъ.

— Боится! — пронесся шепотъ по толпѣ. — Какой онъ добрый!

— Бѣдняжка! — сказалъ джентльменъ. — Онъ сильно ударился.

— Я ударилъ его, сэръ! — сказалъ высокій, неуклюжій человѣкъ, выступая впередъ. — Я хватилъ его кулакомъ по рожѣ... Я остановилъ его, сэръ!

Неизвѣстный притронулся къ шляпѣ и осклабился, видимо надѣясь на то, что ему дадутъ

что нибудь за труды. Но старый джентльменъ взглянулъ на него съ отвращеніемъ и тревожно оглянулся кругомъ, какъ бы высматривая мѣсто, куда ему уйти. Весьма возможно, что это и удалось бы ему, если бы не полицейскій, который въ эту минуту протискался черезъ толпу и, подойдя къ Оливеру, схватилъ его за шиворотъ.

— Ну, ты, вставай, — сказалъ онъ грубо.

— Это не я, сэръ! Право, не я, это два мальчика, — сказалъ Оливеръ, протягивая къ нему руки съ мольбой и оглядываясь кругомъ. — Они здѣсь гдѣ-нибудь.

— Не видно ихъ, — отвѣчалъ полицейскій, — говоря нѣсколько насмѣшливо и не подозрѣвая, что говоритъ правду. Доджеръ и Чарли Бетсъ еще нѣсколько времени тому назадъ дали тягу черезъ первый попавшійся дворъ. — Вставай же!

— Не обижайте, его, — сказалъ старый джентльменъ.

— Не обижу, сэръ, — отвѣчалъ полицейскій и въ доказательство своихъ словъ изо всѣхъ силъ дернулъ мальчика за куртку. — Вставай! Знаю я всѣхъ васъ хорошо. Встанешь ли ты, наконецъ, на ноги, негодяй!

Оливеръ еле могъ стоять и ему пришлось употребить неимовѣрныя усилія, чтобы встать на

ноги. Полицейскій взялъ его за шиворотъ и быстрымъ шагомъ повелъ по улицѣ. Джентльменъ пошелъ рядомъ съ полицейскимъ, а нѣкоторые изъ толпы опередили ихъ и то и дѣло оборачивались назадъ, чтобы взглянуть на Оливера. Сзади всѣхъ шли мальчики и громко вскрикивали отъ восторга.

XI. О мистерѣ Фенгѣ, полицейскомъ коммиссарѣ, и о томъ, какъ совершается иногда правосудіе

Преступленіе было совершено въ округѣ, принадлежавшемъ къ находившемуся по близости полицейскому участку, одному изъ наиболѣе извѣстныхъ въ столицѣ. Толпа имѣла такимъ образомъ удовольствіе проводить Оливера всего лишь черезъ двѣ, три улицы и черезъ площадь Меттонъ-Гилль и видѣть, какъ его повели крытымъ ходомъ, откуда онъ вышелъ на задній дворъ, небольшой и грязный, но мощеный. На дворѣ его встрѣтилъ здоровый мужчина съ густыми бакенбардами и связкой ключей въ рукѣ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ.

— Охотника молодого поймали, — отвѣчалъ полицейскій, державшій Оливера.

— Не васъ ли ограбили, сэръ? — спросилъ мужчина съ ключами.

— Да, — отвѣчалъ старый джентльменъ, — только я не увѣренъ, чтобы именно этотъ мальчикъ взялъ мой платокъ. Я... я... хотѣлъ бы

поскорѣе прекратить это дѣло.

— Все же вамъ нужно пройти къ коммиссару, сэръ! — сказалъ тюремщикъ. — Его милость разберетъ все въ полминуты. Ну, ты, висѣльникъ!

Послѣднія слова относились къ Оливеру и означали приглашеніе войти въ каменную тюремную камеру, гдѣ Оливера обыскали и, хотя ничего не нашли, все же заперли.

Камера видомъ своимъ и величиною походила на погребъ, какіе роютъ въ землѣ, только нѣсколько свѣтлѣе. Грязь была въ ней невѣроятная; былъ понедѣльникъ, а наканунѣ въ этой же самой камерѣ сидѣли шесть пьяницъ, которыхъ арестовали еще вечеромъ въ субботу. Въ полицейскіе участки чуть ли не каждый день запираютъ мужчинъ и женщинъ, въ буквальномъ смыслѣ слова изъ-за ничего. Участки эти до того отвратительно содержатся, что камеры въ Ньюгетской тюрьмѣ, гдѣ сидятъ самые ужасные преступники, приговоренные къ смертной казни, представляютъ собой дворцы въ сравненіи съ ними. Кто сомнѣвается въ справедливости сказаннаго, пусть самъ провѣритъ и сравнитъ.

Старый джентльменъ былъ также печаленъ, какъ и Оливеръ, когда ключъ повернулся въ замкѣ. Онъ со вздохомъ взглянулъ на книгу, которая

была невинной причиной всего случившагося.

— Есть что-то въ лицѣ этого мальчика, — говорилъ старый джентльменъ, отходя отъ камеры и прикладывая книгу къ подбородку, — что трогаетъ и интересуетъ меня. Что если онъ невиненъ? Онъ такъ походитъ... Быть не можетъ! — воскликнулъ старый джентльменъ, останавливаясь и подымая глаза къ небу. — Помилуй насъ, Господи! Да гдѣ же я видѣлъ похожее на него лицо?

Нѣсколько минутъ ходилъ старый джентльменъ глубоко задумавшись и наконецъ вошелъ въ переднюю, дверь которой выходила во дворъ. Здѣсь онъ сталъ въ уголъ и старался мысленно припомнить цѣлый рядъ лицъ, скрытыхъ уже много лѣтъ тому за туманной завѣсой его воспоминаній. — Нѣтъ, — сказалъ старый джентльменъ, покачивая головой, — это ни болѣе, ни менѣе, какъ одно только воображеніе!

И онъ снова задумался, стараясь возстановить въ памяти прошедшее, во съ него не такъ то легко было снять завѣсу, давно уже спустившуюся надъ нимъ. Передъ умственнымъ взоромъ его проходили лица друзей и враговъ и много чуждыхъ ему совершенно лицъ, неизвѣстно почему выдѣлившихся изъ толпы; лица молодыхъ и цвѣтущихъ дѣвушекъ, теперь уже старухъ; лица

измѣненныя смертью и скрытыя могилой, но все еще живыя въ воспоминаніи, которое выше смерти, ибо возстановляетъ образы въ душѣ нашей въ прежней ихъ свѣжести и красотѣ, съ яркимъ блескомъ глазъ и чарующей улыбкой, съ чудной душой, скрытой земной оболочкой. Оно нашептываетъ намъ, что красота души живетъ и за могилой, что она взята отъ земли лишь для того, чтобы превратиться въ свѣтъ, указывающій намъ путь къ небу.

Но какъ ни старался старый джентльменъ, онъ никакъ не могъ припомнить ни одного лица, черты котораго отразились бы въ лицѣ Оливера. И онъ съ грустью отстранялъ отъ себя воспоминанія и будучи, къ счастью для себя, разсѣяннымъ, успокоился и снова принялся за чтеніе книги.

Кто то притронулся къ его плечу; это былъ мужчина съ ключами, который приглашалъ его пожаловать въ контору. Онъ поспѣшилъ закрыть книгу и предсталъ передъ внушительнымъ мистеромъ Фенгомъ.

Контора находилась въ передней части зданія и стѣны ея были выложены филенчатыми досками. Мистеръ Фенгъ сидѣлъ за перегородкой, а у дверей на небольшой деревянной скамееч-

кѣ джентльменъ увидѣлъ бѣднаго маленькаго Оливера, который дрожалъ отъ страха при видѣ окружающей его обстановки.

Мистеръ Фенгъ былъ сухой, прямой, какъ палка, съ неповоротливой шеей человѣкъ средняго роста; небольшое количество волосъ на головѣ покрывали ее только сзади и съ боковъ. Лицо у него было красное и выраженіе его жестокое. Не имѣй онъ привычки пить больше, чѣмъ это было ему полезно, онъ смѣло могъ бы подать въ судъ жалобу на свою физіономію, обвиняя ее въ диффамаціи и могъ бы взыскать съ нее въ свою пользу протори и убытки.

Старый джентльменъ почтительно поклонился ему и, подойдя ближе, сказалъ, подавая ему визитную карточку: «Здѣсь мое имя и адресъ, сэръ!» — Затѣмъ онъ отступилъ на шагъ или два, еще разъ вѣжливо поклонился ему и ждалъ вопроса.

Случилось такъ, что въ эту самую минуту мистеръ Фенгъ занятъ былъ чтеніемъ одной изъ утреннихъ газетъ, гдѣ помѣщалась статья, трактующая недавно рѣшенное имъ дѣло и совѣтующая въ триста пятидесятый разъ Государственному Секретарю Министерства Внутреннихъ Дѣлъ обратить особое и тщательное вниманіе на него.

Это взорвало его и онъ сердито взглянулъ на стараго джентльмена.

— Вы кто такой? — спросилъ мистеръ Фенгъ.

Старый джентльменъ съ удивленіемъ указалъ на свою визитную карточку.

— Полисменъ! — крикнулъ мистеръ Фенгъ, съ пренебреженіемъ отталкивая карточку. — Кто онъ такой?

— Моя фамилія, сэръ, — сказалъ очень вѣжливо старый джентльменъ, — моя фамилія, сэръ, Броунлоу. Прошу въ свою очередь позволеніе узнать фамилію коммиссара, который, прикрываясь закономъ, позволяетъ себѣ наносить ничѣмъ не заслуженное оскорбленіе лицу вполнѣ почтенному и всѣми уважаемому. — И сказавъ это, мистеръ Броунлоу оглянулся кругомъ, какъ бы ожидая увидѣть кого нибудь, кто могъ бы дать ему требуемое свѣдѣніе.

— Полисменъ! — продолжалъ мистеръ Фенгъ, бросая въ сторону газету. — Въ чемъ обвиняется этотъ человѣкъ?

— Онъ ни въ чемъ не обвиняется, ваша милость, — отвѣчалъ полисменъ, — онъ явился свидѣтелемъ противъ этого мальчика, ваша милость!

Его милость зналъ это превосходно, но ему

хотѣлось, пользуясь своей безнаказанностью, сдѣлать во что бы то ни стало непріятность человѣку.

— Свидѣтелемъ противъ мальчика, да? — сказалъ Фенгъ, презрительно смѣривъ мистера Броунлоу съ головы до ногъ. — Привести къ присягѣ!

— Прежде, чѣмъ меня приведутъ къ присягѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ, — отвѣчалъ мистеръ Броунлоу. — Никогда во всю жизнь мою не случалось со мною ничего подобнаго и я не могу повѣрить...

— Придержите вашъ языкъ, сэръ! — сказалъ мистеръ Фенгъ такимъ тономъ, который не допускаетъ никакихъ возраженій.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю, сэръ! — отвѣчалъ старый джентльменъ.

— Сію же минуту придержите вашъ языкъ, въ противномъ случаѣ я прикажу вывести васъ вонъ! — сказалъ мистеръ Фенгъ. Вы дерзкій, наглый человѣкъ. Какое имѣете вы право оскорблять судью!

— Что-о? — воскликнулъ старый джентльменъ и лицо его вспыхнуло.

— Приведите къ присягѣ этого человѣка! — крикнулъ мистеръ Фенгъ своему клерку. — Ни

слова! Приведите его къ присягѣ!

Негодованіе мистера Броунлоу чуть не дошло до крайнихъ предѣловъ, но вспомнивъ въ эту минуту, что онъ можетъ нанести вредъ мальчику, если не воздержится, онъ рѣшилъ взять себя въ руки и присягнуть.

— Теперь отвѣчайте, — сказалъ мистеръ Фенгъ. — Что вы свидѣтельствуете противъ мальчика? Что вы имѣете сказать противъ него, сэръ?

— Я стоялъ у прилавка съ книгами... — началъ м-ръ Браунлоу.

— Довольно, сэръ! — сказалъ мистеръ Фенгъ. — Полисменъ! Гдѣ полисменъ? Приведите къ присягѣ полисмена. Ну-съ, полисменъ, какъ было дѣло?

Полисменъ униженно доложилъ ему, какъ онъ исполнилъ свою обязанность, какъ онъ обыскалъ Оливера, но ничего не нашелъ у него и что больше этого онъ ничего не знаетъ.

— Нѣтъ еще свидѣтелей? — спросилъ мистеръ Фенгъ.

— Нѣтъ, ваша милость! — отвѣчалъ полисменъ.

Мистеръ Фенгъ сидѣлъ нѣсколько минутъ молча, а затѣмъ возвышая постепенно голосъ, сказалъ, обращаясь къ обвинителю:

— Можете ли вы въ точности установить ваше показаніе противъ этого мальчика или нѣтъ? Вы присягали. Если вы будете стоять, отказываясь дать показаніе, то я оштрафую васъ за неуваженіе къ закону. Я васъ…

Что собственно хотѣлъ сказать мистеръ Фенгъ, осталось навсегда неизвѣстнымъ, такъ какъ у клерка и у тюремщика начался въ эту самую минуту сильный приступъ кашля; первый къ тому же уронилъ на полъ очень тяжелую книгу, стукъ которой помѣшалъ слышать слова полицейскаго коммиссара… Упала книга случайно, разумѣется.

Не смотря на всѣ эти перерывы и то и дѣло наносимыя ему оскорбленія, мистеру Броунлоу, все же удалось дать показаніе. Онъ сказалъ, что очень растерялся въ первую минуту и бросился бѣжать за мальчикомъ лишь потому, что тотъ также бѣжалъ; за тѣмъ выразилъ надежду, что судья повѣритъ тому, что мальчикъ не воръ, а только, быть можетъ, былъ знакомъ съ ворами, а потому поступитъ съ нимъ снисходительно, не примѣняя къ нему всей строгости законовъ.

— Его и такъ уже били, — сказалъ старый джентльменъ въ заключеніе. — Боюсь, — прибавилъ онъ, поглядывая на мальчика, — боюсь, что онъ боленъ.

— О, да, разумѣется! — сказалъ мистеръ Фенгъ съ насмѣшливой улыбкой. — Ну ты, безъ притворствъ, бродяга ты этакій! Не поможешь этимъ. Какъ тебя зовутъ?

Оливеръ хотѣлъ отвѣтить, но языкъ не повиновался ему. Онъ былъ смертельно блѣденъ и ему казалось, что все кругомъ него вертится.

— Какъ тебя зовутъ, закоренѣлый ты негодяй! — спросилъ мистеръ Фенгъ. — Полисменъ, какъ его зовутъ?

Слова эти относились къ толстому, грубому на видъ, старику въ полосатой курткѣ, который стоялъ у перегородки. Онъ наклонился къ Оливеру и повторилъ вопросъ; но видя, что мальчикъ дѣйствительно не въ состояніи понять вопроса, и зная, что судья придетъ въ бѣшенство, если не получитъ отвѣта и вслѣдствіе этого усилитъ наказаніе, отвѣчалъ самъ наудачу.

— Его зовутъ Томъ Уайтъ, ваша милость! — сказалъ онъ.

— Онъ не хочетъ отвѣчать, кажется? — сказалъ мистеръ Фентъ. — Хорошо, очень хорошо! Гдѣ онъ живетъ?

— Гдѣ можетъ, ваша милость! — отвѣчалъ полисменъ, дѣлая видъ, что выслушалъ отвѣтъ.

— Есть ли у него родители? — продолжаіъ ми-

стеръ Фенгъ.

— Онъ говоритъ, что они умерли, когда онъ былъ совсѣмъ еще маленькій, — отвѣчалъ наудачу полисменъ.

Въ этомъ мѣстѣ допроса Оливеръ поднялъ голову и, бросивъ кругомъ умоляющій взглядъ, слабымъ голосомъ попросилъ дать ему пить.

— Глупости! — крикнулъ мистеръ Фенгъ, — нечего дурачить меня!

— Мнѣ кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ, ваша милость, — осмѣлился сказать полицейскій.

— Мнѣ это лучше извѣстно, — отвѣчалъ мистеръ Фенгъ.

— Смотрите за нимъ, полисменъ, — сказалъ старый джентльменъ, невольно протягивая руки, — онъ сейчасъ упадетъ.

— Отойдите въ сторону, полисменъ, — крикнулъ мистеръ Фенгъ, — пусть падаетъ, если ему нравится.

Пользуясь этимъ добрымъ позволеніемъ, Оливеръ упалъ на полъ и потерялъ сознаніе. Бывшіе въ конторѣ люди переглянулись другъ съ другомъ, но не посмѣли двинуться съ мѣста.

— Я такъ и зналъ, что онъ притворщикъ! — сказалъ мистеръ Фенгъ, считая случившееся неоспоримымъ доказательствомъ своихъ

словъ. — Пусть лежитъ, ему это скоро надоѣстъ.

— Какъ вы думаете поступить въ этомъ случаѣ, сэръ? — тихо спросилъ клеркъ.

— Очень просто! — отвѣчалъ мистеръ Фенгъ. — Три мѣсяца заключенія... тяжелая работа, конечно. Очистить контору!

Дверь немедленно была открыта и два человѣка подошли къ безчувственному мальчику, приготовляясь унести его, когда въ контору вошелъ пожилой человѣкъ, весьма прилично, но бѣдно одѣтый въ старомъ черномъ костюмѣ, и поспѣшилъ къ столу.

— Погодите, погодите! Не уносите его! Ради всего святого, погодите! — сказалъ вошедшій, еле переводя духъ отъ волненія.

Хотя великій геній, предсѣдательствующій въ такомъ, какъ это, присутственномъ мѣстѣ пользовался полной и неограниченной властью надъ свободой, добрымъ именемъ, дѣятельностью и даже жизнью подданныхъ ея величества, особенно надъ принадлежащими къ бѣдному классу, хотя внутри этихъ стѣнъ ежедневно разыгрывались такія сцены, которыя бы вызвали слезы на глаза ангеловъ, все это оставалось неизвѣстнымъ обществу и лишь случайно попадало на страницы нашей прессы. Можете, поэтому, представить

себѣ, въ какое негодованіе пришелъ мистеръ Фенгъ, когда непрошенный гость нарушилъ порядокъ судебнаго производства.

— Что это значитъ? Кто этотъ человѣкъ? Вывести его вонъ! Очистить контору! — кричалъ мистеръ Фенгъ.

— Я хочу говорить! — кричалъ въ свою очередь вновь пришедшій. — Я не позволю себя вывести. Я все видѣлъ. Я содержу книжный магазинъ. Я прошу привести меня къ присягѣ. Я не позволю себя устранить. Мистеръ Фенгъ, вы обязаны выслушать меня. Вы не имѣете права отказать, сэръ!

Пришедшій былъ правъ. Рѣчь его была рѣшительна и дѣло становилось слишкомъ серьезнымъ, чтобы оставить его безъ вниманія.

— Приведите къ присягѣ этого человѣка, — заревѣлъ мистеръ Фенгъ, хотя и не особенно охотно. — Что вы имѣете сказать?

— Вотъ что, — отвѣчалъ новый свидѣтель. — Я видѣлъ трехъ мальчиковъ; двухъ, которыхъ здѣсь нѣтъ и этого вотъ арестованнаго. Они были на противоположной сторонѣ улицы, когда этотъ джентльменъ читалъ. Покража была совершена тѣми мальчиками. Я видѣлъ это и видѣлъ также, что этотъ мальчикъ былъ пораженъ и испуганъ

тѣмъ, что произошло.

— Почему же вы не пришли раньше? — спросилъ мистеръ Фенгъ, послѣ небольшой паузы.

— Мнѣ некого было оставить въ лавкѣ, - отвѣчалъ свидѣтель. Всѣ, кто могъ помочь мнѣ, всѣ присоединились къ преслѣдующимъ. Еще пять минутъ тому назадъ никого не было. Я бѣжалъ сюда всю дорогу.

— Обвинитель читалъ, говорите вы? — спросилъ Фенгъ послѣ второй паузы.

— Да, — отвѣчалъ свидѣтель. — Вотъ эту самую книгу, которую онъ держитъ.

— А за книгу эту, — продолжалъ Фенгъ, — уплочено?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ свидѣтель, улыбаясь.

— Богъ мой, я совсѣмъ забылъ объ этомъ, — воскликнулъ старый джентльменъ.

— Хорошъ, нечего сказать! А еще обвиняетъ бѣднаго мальчика! — воскликнулъ Фенгъ, стараясь, но не особенно удачно, казаться сострадательнымъ человѣкомъ. — Нахожу нужнымъ сказать вамъ, сэръ, что вы завладѣли этой книгой при весьма подозрительныхъ и неблаговидныхъ обстоятельствахъ. Счастье ваше, что владѣлецъ ея не желаетъ васъ преслѣдовать. Пусть это будетъ вамъ урокомъ, мой милый, не то будете

отвѣчать передъ законамъ. Считать мальчика по суду оправданнымъ! Очистить контору!

— Чортъ возьми! — крикнулъ старый джентльменъ, не будучи въ силахъ сдерживать давно уже овладѣвшее имъ бѣшенство. — Я…

— Очистить контору! — крикнулъ Фенгъ. — Слышали, полисмены! Очистить контору!

Приказаніе было исполнено, и мистера Браундоу вывели вонъ съ книгой въ одной рукѣ и бамбуковой тростью въ другой, ни обращая вниманія на негодующіе протесты его. Онъ вышелъ во дворъ и тутъ чувство личнаго оскорбленія моментально прошло у него. Онъ увидѣлъ маленькаго Оливера Твиста, который лежалъ на спинѣ, прямо на камняхъ, съ растегнутой ли груди рубашкой и мокрой отъ воды головой; лицо его было смертельно блѣдно и судорожная дрожь пробѣгала по всему его тѣлу.

— Бѣдный мальчикъ! бѣдный мальчикъ! — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Карету, ради Бога, кто-нибудь изъ васъ! Сюда прямо!

Карета пріѣхала и Оливера бережно уложили на одно сидѣнье, а старый джентльменъ сѣлъ на другое.

— Позволите мнѣ сопровождать васъ? — сказалъ книгопродавецъ, заглядывая въ карету.

— Богъ мой, разумѣется да, сэръ! — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Я забылъ васъ. Боже мой, Боже мой! У меня до сихъ поръ еще эта несчастная книга. Входите же! Бѣдный мальчикъ! Нельзя терять ни одной минуты!

Книгопродавецъ сѣлъ въ карету и она двинулась впередъ.

XII. Объ ОливерѢ заботятся такъ, какъ никогда еще о немъ не заботились. На сцену снова выступаетъ веселый старый джентльменъ и его молодые друзья

Карета катилась быстро почти по тому же самому пути, по которому Оливеръ впервые входилъ въ Лондонъ въ сопровожденіи Доджера, но доѣхавъ до Энджели у Айлингтона, она повернула совсѣмъ въ другую сторону и остановилась, наконецъ, у красиваго дома въ тихой и покойной улицѣ вблизи Пентонвиля. Здѣсь, не теряя ни единой минуты, приготовили для мальчика постель, на которую его подъ наблюденіемъ мистера Броунлоу нѣжно и осторожно уложили и затѣмъ ухаживали за нимъ съ безграничной добротой и внимательностью.

Прошло много дней, въ теченіе которыхъ Оливеръ оставался нечувствительнымъ ко всѣмъ заботамъ своихъ друзей. Солнце всходило и заходило, снова всходило и заходило и много дней подъ рядъ, а мальчикъ все лежалъ, вытянувшись на постели, во власти всеразрушающей

лихорадки. Никогда червь съ такою вѣрностью не источитъ мертваго тѣла, съ какою медленно пожирающій огонь лихорадки разрушаетъ оболочку живого существа.

Слабый, исхудалый, блѣдный пришелъ онъ въ себя послѣ долгаго и тяжелаго сна. Съ трудомъ приподнявшись на постели и поддерживая голову дрожащей рукой, со страхомъ оглянулся онъ кругомъ:

— Что это за комната? Куда меня принесли? — сказалъ онъ. — Я никогда здѣсь не спалъ.

Слова эти онъ произнесъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, а между тѣмъ ихъ услышали. Занавѣсъ кровати раздвинулся и старая лэди съ добрымъ лицомъ, одѣтая очень чисто и просто, встала съ кресла у самой кровати, на которомъ она сидѣла и что то шила.

— Тише, дорогой мой! — нѣжно оказала старушка. — Ты долженъ лежать покойно, если не хочешь слова заболѣть. А ты былъ очень боленъ… такъ боленъ, какъ ужъ больнѣе нельзя и быть. Ложись… вотъ такъ, дорогой мой!

И съ этими словами старушка нѣжно уложила голову мальчика на подушку, поправила ему волоса, чтобы они не падали на лобъ и такъ ласково, съ такой любовью заглянула ему въ лицо,

что онъ не могъ удержаться и, взявъ ея руку, своей маленькой исхудалой рукой, обвилъ ее вокругъ шеи.

— Спаси насъ Господи! — сказала старушка со слезами на глазахъ. — Какое благородное дитя! Ахъ, ты милый крошка! Что бы чувствовала его мать, если бы сидѣла у его кровати, какъ я все это время сидѣла!

— Она можетъ быть видѣла меня, — прошепталъ Оливеръ, складывая руки. — Она, можетъ быть, сидѣла подлѣ меня. Я чувствовалъ, что она сидѣла.

— Это ты бредилъ въ лихорадкѣ, милый мальчикъ! — сказала старушка.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Оливеръ. — Небо очень далеко отсюда; всѣ они тамъ очень счастливы и не захотятъ спуститься внизъ, чтобы посидѣть у кровати бѣднаго мальчика. Знай она, что я боленъ, она пожалѣла бы меня; она тоже передъ смертью была очень больна. Впрочемъ, она ничего не знаетъ обо мнѣ, - прибавилъ Оливеръ послѣ минутнаго молчанія. — Если бы она видѣла, какъ меня колотили, она очень бы горевала, а между тѣмъ лицо у нея было всегда такое веселое и счастливое, когда я видѣлъ ее во снѣ.

Старушка ничего не отвѣчала на это; она вы-

терла сначала глаза, затѣмъ очки и принесла Оливеру прохладительное питье. Погладивъ его нѣжно по щекѣ, она сказала ему, чтобы онъ лежалъ покойно, если не хочетъ заболѣть снова.

Оливеръ старался лежать покойно частью потому, что ему хотѣлось исполнять все, что ему говорила старушка, а частью потому, что разговоръ утомилъ его. Вскорѣ онъ уснулъ и снова проснулся отъ свѣчи, которую держали у его кровати. При свѣтѣ ея онъ увидѣлъ какого то джентльмена, который держалъ въ одной рукѣ большіе, громко тикающіе часы, а другою пробовалъ его пульсъ и говорилъ, что ему гораздо лучше.

— Правда, голубчикъ, тебѣ гораздо лучше? — спросилъ онъ.

— Да, сэръ, благодарю васъ, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Да, я знаю, что лучше, — сказалъ джентльменъ. — Ты голоденъ, не правда-ли?

— Нѣтъ, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Гм! — сказалъ джентльменъ. — Нѣтъ? Я зналъ, что нѣтъ. Онъ не голоденъ, мистриссъ Бедуинъ! — продолжалъ джентльменъ съ необыкновенно глубокомысленнымъ видомъ.

Старая леди почтительно склонила голову,

какъ бы желая этимъ показать, что она всегда смотрѣла на доктора, какъ на очень умнаго человѣка. Повидимому и самъ докторъ былъ такого же мнѣнія о себѣ.

— Ты хочешь спать, голубчикъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ!

— Нѣтъ! — сказалъ докторъ съ довольнымъ и увѣреннымъ въ себѣ видомъ. — Не хочешь спать. А пить? Хочешь?

— Да, сэръ, очень хочу.

— Такъ я и зналъ, мистриссъ Бедуинъ, — сказалъ докторъ. — Очень естественно, что ему хочется пить. Дайте ему немного чаю, ма'амъ, и кусочекъ сухого хлѣба безъ масла. Не держите его слишкомъ тепло, ма'амъ! Обращайте также вниманіе и на то, чтобы ему не было слишкомъ холодно. Будете такъ добры?

Старая леди отвѣтила ему почтительнымъ поклономъ. Докторъ попробовалъ холодное питье, одобрилъ его и поспѣшно вышелъ изъ комнаты; сапоги его скрипѣли крайне внушительно, когда онъ спускался съ лѣстницы.

Оливеръ уснулъ вскорѣ послѣ его ухода и когда проснулся, было уже около двѣнадцати часовъ. Старая леди ласково пожелала ему спокойной

ночи и передала его на попеченіе только что вошедшей толстой старушкѣ, которая принесла мѣшечекъ съ молитвенникомъ и большой ночной чепецъ. Послѣдній она надѣла на голову, а первый положила на столъ и, объявивъ Оливеру, что она пришла дежурить подлѣ него ночью, придвинула кресло къ самому камину и тотчасъ же погрузилась въ сонъ, прерываемый кивками головы впередъ, легкими всхрапываніями и мычаньемъ. Но это, повидимому нисколько не мѣшало ей и она, потеревъ свой носъ, снова засыпала.

Томительно тянулась эта ночь. Оливеръ лежалъ съ открытыми глазами, считая на потолкѣ маленькіе свѣтлые кружочки, отражаемые горѣвшимъ ночникомъ, или слѣдя усталыми глазами за изгибами линій на рисункѣ обоевъ. Было что то торжественное въ полумракѣ и тишинѣ комнаты и торжественность эта навела мальчика на мысль, что здѣсь носилось вѣяніе смерти, что она царила здѣсь въ теченіи многихъ дней и ночей, что быть можетъ страшный, наводящій ужасъ на душу призракъ ея витаетъ еще здѣсь въ сумракѣ ночи. Мальчикъ повернулся лицомъ на подушку и сталъ съ жаромъ молиться Богу.

Мало по малу онъ заснулъ глубокимъ сномъ,

цѣлителемъ всѣхъ страданій, тихимъ и мирнымъ сномъ, при видѣ котораго бываетъ жаль разбудить спящаго. Кто, будь это даже непробудный сонъ смерти, пожелалъ бы вернуться изъ него къ тревогамъ и волненіямъ жизни, къ заботамъ настоящаго, къ страху о будущемъ и, что хуже всего, къ сожалѣніямъ о прошедшемъ?

Былъ уже совсѣмъ день, когда Оливеръ открылъ глаза; онъ чувствовалъ себя такимъ веселымъ и счастливымъ. Опасный кризисъ миновалъ, и онъ снова былъ возвращенъ къ жизни.

Дня черезъ три онъ сидѣлъ уже въ креслѣ, окруженный подушками, но былъ еще такъ слабъ, что не могъ ходить, а потому мистриссъ Бедуинъ на рукахъ снесла его внизъ въ свою комнату, которую она занимала, какъ экономка. Усадивъ Оливера въ кресло у камина, добрая старушка сѣла подлѣ него и растроганная тѣмъ, что ему лучше, заплакала.

— Не обращай на меня вниманія, мой голубчикъ! — сказала старушка. — Это хорошія слезы. Вотъ видишь, все уже прошло и я снова хорошо себя чувствую.

— Вы очень, очень добры ко мнѣ ма'амъ, — сказалъ Оливеръ.

— Что за пустяки, мой голубчикъ! — сказала старая леди;- твой бульонъ до сихъ поръ еще не поданъ, а тебѣ пора кушать. Докторъ разрѣшилъ мистеру Броунлоу навѣстить тебя сегодня утромъ и мы должны хорошо выглядѣть; чѣмъ лучше будетъ у насъ видъ, тѣмъ это пріятнѣе ему будетъ.

И старая леди тотчасъ же засуетилась и, взявъ небольшую кострюлечку, въ какой готовятъ обыкновенно соусъ, налила туда бульону и поставила грѣть его. Бульонъ оказался очень крѣпкимъ и Оливеръ подумалъ, что разбавь его такимъ количествомъ воды, котораго хватило бы на триста пятьдесятъ нищихъ, то и тогда еще былъ бы онъ достаточно крѣпкимъ.

— Ты, вѣроятно, очень любишь картины? — спросила старая леди, замѣтивъ, что Оливеръ не спускаетъ глазъ съ портрета, висѣвшаго на стѣнѣ какъ разъ напротивъ его стула.

— Не знаю, какъ сказать, ма'амъ, — отвѣчалъ Оливеръ, продолжая смотрѣть на портретъ, — я почти не видѣлъ картинъ. Какое красивое лицо у этой леди!

— Ахъ! — сказала старая леди, — живописцы часто рисуютъ молодыхъ леди гораздо красивѣе, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ; не дѣлай они этого, дитя, у нихъ было бы мало работы. Выдумай

человѣкъ такую машину, которая давала бы вѣрный снимокъ, онъ никогда не имѣлъ бы успѣха; это было бы слишкомъ добросовѣстно. Слишкомъ! — сказала старая леди и расхохоталась отъ всей души, довольная своей остротой.

— А здѣсь... вѣрный снимокъ, ма'амъ? — спросилъ Оливеръ.

— Да, — отвѣчала старая леди, пробуя, разогрѣлся ли бульонъ. — Это портретъ.

— Чей, ма'амъ? — спросилъ Оливеръ.

— Почему же я знаю, голубчикъ! — отвѣчала старая леди. — Надѣюсь, онъ не похожъ ни на кого изъ твоихъ знакомыхъ? Онъ дѣйствуетъ на твое воображеніе, мой милый.

— Онъ такой красивый, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Что съ тобой? Неужели онъ пугаетъ тебя? — сказала старая леди, замѣчая къ удивленію своему, что мальчикъ съ какимъ то испугомъ смотритъ на портретъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — поспѣшно отвѣчалъ Оливеръ;- но у нея такіе печальные глаза и они все время пристально смотрятъ туда, гдѣ я сижу. У меня такъ сильно бьется сердце! — продолжалъ Оливеръ едва слышнымъ голосомъ. — Она точно живая, точно хочетъ говорить со мной, но не можетъ.

— Спаси насъ Господи! — воскликнула старая леди; — не говори такъ, дитя мое! Ты боленъ и у тебя поэтому разстроены нервы. Дай, я передвину твое кресло на другое мѣсто, чтобы ты не видѣлъ портрета. Вотъ, — продолжала старая леди, приведя въ исполненіе свои слова, — теперь ты не будешь его видѣть.

Портретъ, однако, ясно стоялъ передъ глазами Оливера, несмотря на то, что его передвинули, но онъ не хотѣлъ огорчать больше добрую старую лэди и весело улыбнулся ей, когда она взглянула на него. Мистриссъ Бедуинъ, довольная тѣмъ, что онъ успокоился, посолила бульонъ, положила туда нѣсколько сухариковъ и подала ему съ важнымъ и торжественнымъ видомъ. Оливеръ скоро покончилъ съ нимъ. Не успѣлъ въ проглотить послѣдней ложки, кто-то тихо постучался въ дверь.

— Войдите, — сказала старая леди и въ комнату вошелъ мистеръ Броунлоу.

Старый джентльменъ вошелъ очень быстро, какъ и слѣдовало ожидать, но не успѣлъ онъ надвинуть своихъ очковъ на лобъ и заложить назадъ руки подъ полы своего халата, чтобы ближе разсмотрѣть Оливера, какъ все лицо его передернулись. Оливеръ показался ему такимъ слабымъ и исхудалымъ, послѣ болѣзни! Сдѣлавъ

усиліе привстать, чтобы оказать почтеніе своему благодѣтелю, онъ снова упалъ на кресло. Надо, однако, сказать правду и объяснить въ чемъ дѣло. У мистера Броунлоу сердце было до того обширное, что его могло хватить на шесть обыкновенныхъ старыхъ джентльменовъ, а потому глаза его наполнились слезами подъ вліяніемъ какого-то гидравлическаго процесса, котораго мы, не имѣя достаточнаго философскаго развитія, не можемъ вамъ объяснить.

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный мальчикъ! — сказалъ мистеръ Броунлоу, стараясь откашляться. — Я что-то охрипъ сегодня утромъ, мистриссъ Бедуинъ! Вѣроятно простудился.

— Надѣюсь, что нѣтъ, сэръ! — отвѣчала мистриссъ Бедуинъ. — Все у васъ хорошо просушено, сэръ!

— Но знаю, Бедуинъ, не знаю, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Не подали ли мнѣ вчера сырую салфетку за обѣдомъ? Но это пустяки. Какъ ты себя чувствуешь, голубчикъ?

— Я очень счастливъ, сэръ, — отвѣчалъ Оливеръ. — Очень благодаренъ, сэръ, за вашу доброту ко мнѣ.

— Добрый мальчикъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Вы давали ему кушать, Бедуинъ?

Нѣсколько глотковъ вина, напримѣръ?

— Онъ только что получилъ тарелку прекраснаго крѣпкаго бульону, сэръ, — отвѣчала мистриссъ Бедуинъ, дѣлая удареніе на словѣ бульонъ, какъ бы желая показать, что бульонъ, вещь ни съ чѣмъ не сравнимая.

— Ну! — воскликнулъ мистеръ Броунлоу, — пара рюмючекъ портвейну сдѣлала бы ему несравненно больше пользы. Какъ ты думаешь объ этомъ, Томъ Уайтъ?

— Меня зовутъ Оливеръ, — отвѣчалъ мальчикъ, съ удивленіемъ поднимая глаза на мистера Броунлоу.

— Оливеръ! — удивился мистеръ Броунлоу. — А дальше? Оливеръ Уайтъ?

— Нѣтъ, сэръ, Твистъ; Оливеръ Твистъ.

— Странное имя! Почему же ты сказалъ судьѣ, что тебя зовутъ Уайтомъ?

— Я никогда этого, сэръ, не говорилъ ему, — съ удивленіемъ отвѣчалъ Оливеръ.

Это отзывалось какъ будто-бы фальшью и старый джентльменъ даже строго взглянулъ на Оливера. Но, нѣтъ, сомнѣваться въ немъ было невозможно; тонкія, обострившіяся болѣзнью черты Оливера дышали полной искренностью.

— Недоразумѣніе какое-то, — сказалъ мистеръ

Броунлоу, который, несмотря на то, что не существовало больше никакихъ причинъ, чтобы всматриваться въ лицо Оливера, не могъ оторвать отъ него своихъ глазъ, такъ какъ его снова поразило сходство мальчика съ какимъ-то знакомымъ ему лицомъ.

— Надѣюсь, вы не сердитесь на меня, сэръ? — сказалъ Олнюеръ, съ мольбой поднимая глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчалъ старый джентльменъ. — Но... Что же это такое?.. Смотри же, Бедуинъ!

И онъ указалъ на портретъ, висѣвшій надъ головой Оливера и затѣмъ на лицо мальчика. Живая копія портрета! Тѣ-же глаза, форма головы, ротъ, каждая черта... Даже выраженіе лица въ эту минуту было одинаковое; самыя тонкія линіи воспроизведены были съ поразительной точностью!

Оливерь не понялъ вѣрной причины этого восклицанія, но оно такъ взволновало его, что онъ потерялъ сознаніе отъ слабости. Обстоятельство это заставляетъ насъ удалиться изъ комнаты, а потому мы пользуемся этимъ, чтобы вернуться къ двумъ юнымъ питомцамъ веселаго стараго джентльмена и разсказать, что съ ними случилось.

Когда Доджеръ и несравненный другъ его мистеръ Бетсъ присоединились къ погонѣ, слѣдовавшей по пятамъ Оливера, виновнаго въ томъ, что оба они незаконнымъ путемъ присвоили себѣ собственность мистера Броунлоу, они дѣйствовали въ этомъ случаѣ лишь на основаніи весьма похвальнаго чувства самосохраненія. Уваженіе къ свободѣ и неприкосновенности личности составляетъ главное качество истаго англичанина, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его гордость, а потому я вынужденъ обратить вниманіе читателя, что такой поступокъ со стороны мальчиковъ долженъ поднять ихъ во мнѣніи всѣхъ патріотовъ, такъ какъ служитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ ихъ стремленія къ самозащитѣ и безопасности, что укрѣпляетъ и подтверждаетъ законъ, лежащій по мнѣнію всѣхъ глубоко и здраво мыслящихъ философовъ въ основѣ всѣхъ главныхъ проявленій природы. Тѣ же философы рѣшили, что добрая леди эта дѣйствуетъ лишь на основаніи нѣкоторыхъ правилъ и теорій и, восторгаясь ея мудростью и смѣтливостью, упустили изъ виду, что живыя существа должны быть надѣлены сердцемъ, великодушными побужденіями и чувствами. Но качества такого рода недостойны по ихъ мнѣнію почтенной леди,

которая должна стоять неизмѣримо выше всѣхъ слабостей своего пола.

Имѣй я намѣреніе еще дальше продолжать свои доказательства истинно философскаго характера въ поведеніи этихъ молодыхъ джентльменовъ, то я подвелъ бы сюда и тотъ фактъ, что они тотчасъ же оставили всякое преслѣдованіе, какъ только имъ удалось привлечь всеобщее вниманіе на Оливера, послѣ чего они, избравъ наикратчайшій путь, немедленно пустились домой. Я не хочу этимъ сказать, будто прославленные и ученые мудрецы имѣютъ обыкновеніе сокращать путь ко всѣмъ своимъ великимъ умозаключеніямъ. (Они, напротивъ, увеличиваютъ разстояніе къ нимъ всевозможными изворотами и спорами; подобно тому какъ пьяные люди дѣлаютъ это подъ давленіемъ непроизвольнаго теченія мыслей). Я хочу сказать и самымъ опредѣленнымъ образомъ, что многіе философы, желая провести свои теоріи, стараются доказать свою мудрость и предусмотрительность, принимая заранѣе мѣры противъ всевозможныхъ случайностей, которыя могли бы нанести имъ вредъ. Чтобы достигнуть великаго блага, приходится прибѣгнуть и къ небольшому злу, а слѣдовательно и къ такимъ средствамъ, одни только результаты которыхъ

въ состояніи оправдать вашъ поступокъ. Мѣра добра или мѣра зла, или различіе между тѣмъ и другимъ должны быть всецѣло предоставлены усмотрѣнію философовъ и ихъ ясному и безпристрастному взгляду на свое собственное благополучіе.

Только пробѣжавъ цѣлый лабиринтъ узкихъ улицъ и дворовъ, рѣшившись отдохнуть мальчики, скрывшись въ низкомъ и темномъ проходѣ. Постоявъ молча лишь столько, сколько нужно было, чтобы перенести дыханіе, мистеръ Бетсъ издалъ вдругъ крикъ восхищенія и необыкновеннаго удовольствія и, разразившись затѣмъ громкимъ взрывомъ хохота, повалился на порогъ двери и катался на немъ въ припадкѣ невыразимаго восторга.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Доджеръ.

— Ха! ха! ха! — оралъ Чарли Бетсъ.

— Не кричи такъ, — сказалъ Доджеръ, осторожно оглядываясь кругомъ. — Хочешь, чтобы тебя схватили, болванъ?

— Не могу удержаться, — отвѣчалъ Чарли, — не могу! Какъ только вспомню, какъ это онъ удиралъ во всѣ лопатки… Тутъ обѣжитъ уголъ, тамъ наткнется на тумбу и отскочитъ отъ нея, точно самъ желѣзный, а платокъ то у меня въ карманѣ,

а я то кричу во все горло... «держи вора»... охъ!

Живое воображеніе Бетса въ самыхъ яркихъ краскахъ представило ему недавно разыгравшуюся сцену и когда онъ дошелъ до этого восклицанія, то повалился снова на полъ и захохоталъ громче прежняго.

— Что то скажетъ, Феджинъ? — спросилъ Доджеръ, пользуясь промежуткомъ наступившаго успокоенія со стороны своего друга.

— А что въ самомъ дѣлѣ? — повторилъ Чарли Бетсъ.

— Да... что? — сказалъ Доджеръ.

— Что же ему собственно говорить? — спросилъ Чарли, сразу прервавъ свой приступъ веселости, потому что томъ Доджера былъ весьма многозначителенъ. — Что же онъ можетъ сказать?

Мистеръ Доукнисъ свистѣлъ минуты двѣ, затѣмъ снялъ шляпу, почесалъ голову и трижды кивнулъ головой.

— Что ты думаешь? — сказалъ Чарли.

— Туръ-люръ, лу-лу, — запѣлъ Доджеръ и лицо его приняло насмѣшливое выраженіе.

Это объясняло дѣло до нѣкоторой степени, но не удовлетворило мистера Бетса и онъ снова спросилъ:

— Да, что ты думаешь, наконецъ?

Доджеръ не отвѣчалъ. Онъ надѣлъ снова шляпу на бекрень, подобралъ полы своего длиннаго сюртука подъ мышку, засунулъ языкъ за щеку, полдюжины разъ щелкнулъ пальцемъ по переносью и весьма выразительно, затѣмъ повернулся на каблукахъ и скрылся во дворъ. Мистеръ Бетсъ въ страшномъ недоумѣніи поспѣшилъ за нимъ.

Шумъ шаговъ по скрипучей лѣстницѣ, спустя нѣсколько минутъ послѣ выше-приведеннаго разговора, вывелъ изъ задумчивости веселаго стараго джентльмена, который сидѣлъ у камина и держалъ въ лѣвой рукѣ хлѣбъ и колбасу, а въ правой ножъ; тутъ же на треножникѣ передъ нимъ стояла кастрюля. Злобная улыбка скользнула по его блѣдному лицу, когда онъ, повернувшись въ сторону дверей, взглянулъ туда изподлобья и сталъ прислушиваться.

— Что это значитъ? — пробормоталъ онъ, измѣняясь въ лицѣ, - только двое? Гдѣ же третій? Не могли же они попасть въ просакъ!

Шаги приближались и послышались, наконецъ, на площадкѣ. Дверь медленно открылась и въ комнату вошелъ Доджеръ, а непосредственно за нимъ Чарли Бетсъ.

XIII. Читатель знакомится съ новыми лицами, съ которыми связаны весьма интересный подробности, касающіяся этого повѣствованія

— Гдѣ Оливеръ? — крикнулъ еврей, грозно выступая впередъ. — Гдѣ мальчикъ?

Молодые воры взглянули на своего учителя, какъ бы встревоженные, чего онъ сердится, и въ то же время съ замѣшательствомъ переглянулись другъ съ другомъ.

— Что случилось съ мальчикомъ? — продолжалъ еврей, схватывая Доджера за шиворотъ и разражаясь на него цѣлымъ потокомъ ругательствъ. — Говори или я задушу тебя!

Мистеръ Феджинъ говорилъ, повидимому, серьезно, съ твердымъ намѣреніемъ исполнить угрозу, а потому Чарли Бетсъ, считавшій до сихъ поръ благоразумнымъ держаться отъ него на почтительномъ разстояніи, подумалъ, что ничего не будетъ удивительнаго, если затѣмъ наступитъ его очередь; упавъ на колѣни изъ поднялъ громкій протяжный ревъ, напоминавшій нѣчто

среднее между ревомъ быка и морского рупора.

— Будешь ли ты говорить? — заревѣлъ снова еврей и принялся трясти Доджера съ такою силою за шиворотъ, что только какимъ то чудомъ не оторвалъ всего воротника.

— Попался, вотъ и все! — сказалъ Доджеръ. — Да пустите меня, наконецъ, чего вы?

Съ этими словами онъ рванулся въ сторону и ловкимъ движеніемъ выскользнулъ изъ сюртука, оставивъ его въ рукахъ еврея. Затѣмъ онъ схватилъ большую вилку и сдѣлалъ видъ, что хочетъ пырнуть ею веселаго старичка; а сдѣлай онъ только это и веселость стараго джентльмена навѣрное улетучилась бы такъ, что мудрено было бы ее вернуть назадъ.

Еврей въ свою очередь отскочилъ въ сторону и съ такою быстротою, какую трудно было предположить у человѣка его лѣтъ и такого хилаго. Схвативъ кувшинъ, онъ хотѣлъ бросить его въ голову своего противника, когда протяжный вой Чарли Бетса отвлекъ его вниманіе и онъ, повернувшись къ огорченному юному джентльмену пустилъ кувшинъ ему въ голову.

— Эй вы! Какого чорта вы тутъ бѣснуетесь? — крикнулъ кто-то густымъ басомъ. — Кто изъ васъ осмѣлился швырнуть въ меня эту штуку?

Счастье ваше, что въ меня попало только пиво, а не кувшинъ. Задалъ бы я вамъ! Впрочемъ, что тутъ спрашивать? Кому же другому бросать, какъ не проклятому, богатому грабителю, старому жиду... Онъ всякое питье броситъ, кромѣ воды, только бы насолить Рѣчной Компаніи. Что тутъ случилось, Феджинъ? Чортъ меня возьми, если не весь мой шарфъ залило пивомъ! Ну, ты, поди сюда, мерзкая ты гадина! Чего стоишь тамъ!.. Стыдишься своего хозяина? Ну-же скорѣй!

Человѣкъ прохрипѣвшій эти слова, былъ здороваго, крѣпкаго сложенія, лѣтъ около тридцати пяти, въ черномъ бархатномъ сюртукѣ, въ поношенныхъ драповыхъ брюкахъ, башмакахъ со шнурками и бумажныхъ чулкахъ, обтягивавшихъ пару крѣпкихъ ногъ съ толстыми икрами, ногъ, какъ бы нарочно созданныхъ для того, чтобы носить кандалы. На головѣ у него была коричневая шляпа, а на шеѣ грязный носовой платокъ, порванными концами котораго онъ вытиралъ себѣ лицо. Лицо у него было широкое, грубое и глаза мрачные; подъ однимъ изъ нихъ находились разноцвѣтные признаки недавно нанесеннаго ему удара.

— Войдешь ли ты, наконецъ? — крикнулъ этотъ разбойникъ съ большой дороги.

Бѣлая мохнатая собака съ исцарапанною въ двадцати мѣстахъ мордою, крадучись вошла въ комнату.

— Ты чего это не входилъ раньше? — спросилъ ея хозяинъ. — Что ты, загордился что ли и не хочешь водить компаніи со мной? Ложись!

Приказаніе это сопровождалось пинкомъ, отшвырнувшимъ животное на другой конецъ комнаты. Но собака, повидимому, привыкла къ этому; спокойно, не издавъ ни единаго звука, свернулась она клубкомъ въ углу и, моргая разъ двадцать въ минуту своими злыми глазами, какъ будто занялась обзоромъ всего помѣщенія.

— Да что это съ тобой приключилось? Дѣтей обижать вздумалъ, скареда ты этакая, скряга, ненасытная утроба! — сказалъ вновь пришедшій, принимая самую непринужденную позу. — Удивляюсь, право, что они до сихъ поръ еще не убили тебя. Будь я на ихъ мѣстѣ, я давно сдѣлалъ бы это. Будь я твоимъ ученикомъ, я давно уже сдѣлалъ бы это и… Нѣтъ, мнѣ не удалось бы продать тебя, потому куда собственно ты годишься? На то развѣ, чтобы закупорить тебя въ стеклянную бутылку и показывать, какъ рѣдкую образину? Да вотъ бѣда, бутылокъ подходящихъ не выдуваютъ.

— Тише, тише, мистеръ Сайксъ! — сказалъ

еврей, дрожа всѣмъ тѣломъ, — не говори такъ громко!

— Только безъ «мистеровъ», пожалуйста, — отвѣчалъ Сайксъ. — Навѣрное замышляешь какую-нибудь пакость, когда говоришь такъ. Ты знаешь мое имя, ну и зови меня имъ! Я не отрекусь отъ него, когда наступитъ время.

— Хорошо, хорошо, Билль Сайксъ, — сказалъ еврей съ притворнымъ униженіемъ. — Ты, кажется, въ худомъ настроеніи сегодня, Билль.

— Быть можетъ, — отвѣчалъ Сайксъ, — и насколько мнѣ кажется, ты также не особенно бываешь въ духѣ, когда забавляешься тѣмъ, что швыряешься горшками, или когда прибѣгаешь къ доносамъ и…

— Съ ума ты сошелъ! — сказалъ еврей, хватая Сайкса за рукавъ и указывая ему на мальчиковъ.

Въ отвѣтъ на это мистеръ Сайксъ завязалъ воображаемый узелъ подъ лѣвымъ ухомъ и склонилъ голову на правое плечо; нѣмой знакъ, превосходно повидимому понятый евреемъ. Затѣмъ на особенномъ жаргонѣ, которымъ былъ вообще испещренъ весь разговоръ ихъ и который былъ бы совершенно непонятенъ читателю, попросилъ дать ему стаканъ воды.

— Не вздумай только положить туда отравы, —

сказалъ мистеръ Сайксъ, кладя шляпу на столъ.

Онъ сказалъ это въ видѣ шутки, но если бы только онъ видѣлъ зловѣщую улыбку, пробѣжавшую по безцвѣтнымъ губамъ еврея, когда тотъ подходилъ къ шкафу, онъ подумалъ бы, что ему слѣдуетъ остерегаться на тотъ случай, если бы еврей вздумалъ усовершенствовать продуктъ водочнаго завода.

Проглотивъ два, три стакана водки, мистеръ Сайксъ сдѣлалъ честь юнымъ джентльменамъ и замѣтилъ ихъ присутствіе. Любезность эта повела къ разговору, главнымъ предметомъ котораго было поведеніе Оливера и причина его ареста, причемъ Доджеръ дѣлалъ разныя сокращенія и измѣненія въ своемъ отчетѣ о происшествіи, которыя казались ему необходимыми при настоящихъ обстоятельствахъ.

— Боюсь, — сказалъ еврей, — чтобы онъ не сказалъ чего-нибудь, что могло бы намъ повредить.

— Весьма возможно, — отвѣчалъ Сайксъ съ лукавой усмѣшкой. — Всѣ и вся узнаютъ теперь о тебѣ, Феджинъ!

— Я боюсь, видишь ли, — продолжалъ еврей, какъ бы не замѣчая, что его прервали, и пристально смотря на Сайкса, — боюсь, что не намъ однимъ придется плясать, а еще многимъ кромѣ

насъ, и тебѣ, голубчикъ мой, несравненно еще больше, чѣмъ мнѣ.

Сайксъ вздрогнулъ и быстро обернулся къ еврею, но у стараго джентльмена плечи были подняты до самыхъ ушей и глаза его были устремлены на противоположную сторону.

Наступила долгая пауза. Каждый членъ почтеннаго общества былъ, повидимому, углубленъ въ свои собственныя размышленія, не исключая и собаки, которая облизывала съ выраженіемъ нѣкотораго довольства свои губы, размышляя, вѣроятно, о томъ, какъ она вцѣпится въ ноги перваго встрѣчнаго джентльмена или леди, когда выйдетъ на улицу.

— Надо найти кого-нибудь, кто могъ бы навести справки въ полиціи, — сказалъ мистеръ Сайксъ болѣе тихимъ голосомъ, чѣмъ онъ говорилъ до сихъ поръ.

Еврей кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Если онъ арестованъ и не проболтался, то намъ бояться нечего, — сказалъ Сайксъ, — а вотъ, когда его выпустятъ, тогда слѣдуетъ позаботиться о немъ. Надо, чтобы кто-нибудь разузналъ обо всемъ.

Еврей снова кивнулъ головой.

Необходимость такого плана дѣйствій была

очевидна, но къ исполненію его представлялось весьма серьезное препятствіе. Дѣло къ томъ, что Доджеръ, и Чарли Бетси, и Феджинъ, и мистеръ Вильямъ Сайксъ, всѣ однимъ словомъ, питали жестокую и закоренѣлую антипатію къ какому бы то ни было и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ соприкосновенію съ полиціей.

Какъ долго сидѣли бы они такимъ образомъ и смотрѣли другъ на друга, находясь въ крайне непріятномъ состояніи нерѣшительности, трудно угадать. На этотъ разъ, однако, оказалось ненужнымъ отгадывать. Въ комнату совершенно неожиданно вошли обѣ молодыя леди, которыя приходили раньше, при Оливерѣ. Появленіе ихъ дало новый толчокъ разговору.

— Самое подходящее дѣло! — воскликнулъ еврей. — Бетъ пойдетъ; да, милая, пойдешь?

— Куда? — освѣдомилась молодая леди.

— Только въ участокъ, милая! — ласково сказалъ еврей. Считаемъ своей обязанностью заявить, что молодая леди не сразу и не наотрѣзъ объявила, что она не желаетъ идти туда; она сколько серьезно и энергично отвѣтила, что готова, хоть къ чорту въ зубы, только бы не туда. Такая вѣжливая и деликатная уклончивость отъ отвѣта указывала на то, что молодая леди

надѣлена была добрымъ характеромъ, который не позволялъ ей огорчать своихъ товарищей прямымъ и рѣзкимъ отказомъ.

Лицо еврея вытянулось. Онъ отвернулся отъ этой леди, которая была ярко, но не особенно пышно одѣта въ красномъ платьѣ, зеленыхъ башмакахъ и желтыхъ папильоткахъ, и обратился ко второй.

— Нанси, моя милая, — сказалъ еврей заискивающимъ тономъ, — что ты скажешь?

— Что я этого не желаю вовсе, а потому лучше не приставай, Феджинъ! — отвѣчала Нанси.

— Это что еще такое? — сказалъ мистеръ Сайксъ, свирѣпо посматривая на нее.

— То, что я говорю, Вилль! — отвѣчала леди.

— Почему? Ты совершенно годишься для этого, — сказалъ мистеръ Сайксъ, — никто здѣсь тебя не знаетъ.

— Да я и не хочу, чтобы знали, — отвѣчала Нанси по прежнему хладнокровно, — потому то и отказываюсь идти, Вилль.

— Она пойдетъ, Феджинъ, — сказалъ Сайксъ.

— Нѣтъ, она не пойдетъ, Феджинъ, — сказала Нанси.

— Да, Феджинъ, пойдетъ, — сказалъ Сайксъ.

И мистеръ Сайксъ былъ правъ. Угрозами, обѣ-

щаніями, подарками имъ все таки въ концѣ концовъ удалось уговорить леди взять на себя предлагаемое ей порученіе. У нея дѣйствительно не было такихъ причинъ отказываться, какъ у ея милой пріятельницы; она недавно только поселилась по сосѣдству Фильдъ-Лена, переѣхавъ туда изъ Гатклифа, отдаленной, аристократической части города, а потому менѣе рисковала встрѣтиться со своими многочисленными знакомыми.

Подвязавъ чистый бѣлый передникъ поверхъ платья и спрятавъ свои папильотки подъ соломенную шляпу, — обѣ эти принадлежности костюма извлечены были изъ неисчерпаемыхъ источниковъ еврея, — миссъ Нанси приготовилась къ своему выходу.

— Погоди минутку, милая, — сказалъ еврей, вынимая небольшую корзиночку съ крышкой, — возьми ее въ руку… Это придастъ тебѣ болѣе степенный видъ, моя милая.

— А въ другую руку дай еи ключъ отъ дверей, Феджинъ, — сказалъ Сайксъ, — тогда она будетъ еще степеннѣе.

— Да, да, моя милая, — сказалъ еврей, вѣшая ключъ отъ дверей на указанный палецъ правой руки молодой леди. — Такъ, очень хорошо! Очень

хорошо, моя милая! — сказалъ еврей, потирая себя руки.

— О, мой братецъ! Мой бѣдный, дорогой, милый, невинный братецъ! — воскликнула Нанси, заливаясь слезами и въ отчаянія размахивая корзинкой и дверным ключемъ. — Что сталось съ нимъ? Куда увели они его? О, сжальтесь надо мной и скажите мнѣ, что сдѣлали съ моимъ дорогимъ мальчикомъ, джентльмены? Скажите, джентльмены, ради Бога, джентльмены!

Слова эти миссъ Нанси произнесла поразительно жалобнымъ, душу раздирающимъ голосомъ къ невыразимому восторгу своихъ слушателей; затѣмъ остановилась, подмигнула всему обществу, улыбнулась, кивнула головой и скрылась.

— Ахъ, что за ловкая дѣвушка, мои голубчики! — сказалъ еврей, оглядывая своихъ друзей и серьезно покачивая головой, какъ бы стараясь дать имъ понять, чтобы они всегда слѣдовали такому блестящему примѣру, который только что видѣли передъ своими глазами.

— Она дѣлаетъ честь своему полу, — сказалъ мистеръ Сайксъ, наполняя стаканъ и ударяя по столу громаднымъ кулакомъ. — Выпьемъ за ея здоровье и пожелаемъ, чтобы всѣ женщины походили на нее!

Пока произносились этотъ пожеланія и расточались похвалы по адресу Нанси, послѣдняя спѣшила къ извѣстной намъ полицейской конторѣ; шла она по улицѣ, не смотря на врожденную робость свою, совершенно одна и безъ всякой защиты и тѣмъ не менѣе прибыла благополучно на мѣсто.

Войдя въ участокъ съ задняго хода, она тихонько постучала ключемъ въ одну изъ камеръ и прислушалась. Ни единаго звука не раздалось внутри, она кашлянула и снова прислушалась. Отвѣта не послѣдовало; тогда она заговорила сама.

— Нолли, мой милый! — шептала Нанси ласковымъ голосомъ. — Нолли!

Внутри никого не было, кромѣ несчастнаго босоногаго арестанта, который былъ заключенъ за то, что игралъ на флейтѣ; преступленіе его противъ общественнаго спокойствія было вполнѣ доказано, а потому мистеръ Фенгъ приговорилъ его къ одному мѣсяцу заключенія въ Исправительномъ Домѣ, сдѣлавъ ему при этомъ весьма забавное замѣчаніе, что съ такими прекрасными легкими, какъ у него, ему несравненно цѣлесообразнѣе упражнять ихъ на мельницѣ, а не на музыкальномъ инструментѣ. Преступникъ ниче-

го ему на это не отвѣтилъ; онъ думалъ только о потерѣ своей флейты, конфискованной въ пользу государства.

Нанси перешла къ другой камерѣ и постучалась.

— Кто тамъ? — спросилъ слабый голосъ.

— Нѣтъ ли здѣсь маленькаго мальчика? — прорыдала Нанси.

— Нѣтъ! — отвѣчалъ голосъ. — Сохрани насъ Боже!

Здѣсь содержался бродяга шестидесяти пяти лѣтъ, который былъ заключенъ за то, что не игралъ на флейтѣ или, говоря другими словами, за то, что просилъ милостыню на улицахъ и не добывалъ себѣ трудомъ средства къ существованію. Въ слѣдующей камерѣ сидѣлъ человѣкъ, который попалъ въ тюрьму за то, что продавалъ кастрюли безъ патента, то есть, зарабатывалъ кое что для своего существованія, не прибѣгая къ конторѣ для продажи гербовыхъ марокъ.

Такъ какъ никто изъ этихъ преступниковъ не отвѣчалъ на имя Оливера и ничего не зналъ о немъ, то Нанси прямо направилась къ толстому полицейскому въ полосатомъ жилетѣ и со слезами и самыми жалобными причитаніями, эффектъ которыхъ увеличивался быстрыми и

краснорѣчивыми размахиваніями корзины и дверного ключа, умоляя сказать ей, гдѣ ея дорогой братецъ.

— У меня его нѣтъ здѣсь, моя милая! — сказалъ старикъ.

— Гдѣ же онъ? — зарыдала Нанси съ самымъ отчаяннымъ видомъ.

— Его увезъ съ собой старый джентльменъ! — отвѣчалъ полицейскій.

— Какой джентльменъ? О, Боже милостивый! Какой джентльменъ? — воскликнула Нанси.

Въ отвѣтъ на это, старикъ разсказалъ глубоко огорченной сестрѣ, что Оливеръ заболѣлъ въ конторѣ, что его оправдали, такъ какъ явился свидѣтель, показавшій, что покражу совершилъ не Оливеръ, а какой то другой мальчикъ, что обвинитель увезъ его въ свой собственный домъ въ совершенно безчувственномъ состояніи. Куда собственно его увезли, онъ не можетъ сказать, но помнитъ что кучеру отдано было приказаніе ѣхать куда то вблизи Пентонвиля.

Неизвѣстность и сомнѣніе привели въ такое состояніе бѣдную молодую леди, что она, спотыкаясь на каждомъ шагу, еле дотащилась до воротъ, но не успѣла она отойти отъ нихъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ пустилась бѣжать

изо всѣхъ силъ, придерживаясь на этотъ разъ совсѣмъ другой и болѣе запутанной дороги, пока не добралась до жилища еврея.

Мистеръ Билль Сайксъ, выслушавъ отчетъ Нанси о совершенной ею экспедиціи, крикнулъ свою бѣлую собаку и, надѣвъ шляпу, поспѣшно вышелъ, не простившись даже ни съ кѣмъ изъ собравшагося тамъ общества.

— Непремѣнно слѣдуетъ узнать, гдѣ онъ, мои дорогіе! Непремѣнно надо его найти! — сказалъ еврей въ страшномъ возбужденіи. — Чарли, ничего не дѣлай, пока не выслѣдишь его и не принесешь мнѣ какого нибудь извѣстія о немъ. Нанси, моя милая, мнѣ нужно найти его. Я довѣряю тебѣ, моя милая... тебѣ и нашему Чарли. Погоди, погоди! — прибавилъ онъ, дрожащей рукой открывая запертый на замокъ коммодъ, — вотъ деньги, мои дорогіе! Я закрою это помѣщеніе сегодня. Вы знаете, гдѣ меня найти! Не оставайтесь здѣсь ни единой минуты... ни единой минуты, мой дорогіе!

Съ этими словами онъ всѣхъ вытолкалъ изъ комнаты и, тщательно заперевъ два раза на замокъ дверь и засунувъ ее болтомъ, онъ вытащилъ изъ потайного мѣста ящикъ, который онъ совершенно случайно показалъ Оливеру. Всѣ

часы и драгоцѣнности онъ поспѣшно вытащилъ оттуда и принялся прятать ихъ за подкладку своей одежды.

Короткій ударъ въ дверь заставилъ его вздрогнуть и оставить свое занятіе.

— Кто тамъ? — крикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Я, — отвѣчалъ Доджеръ черезъ замочную скважину.

— Что тамъ еще? — съ нетерпѣніемъ крикнулъ еврей.

— Привести его въ то другое мѣсто, спрашиваетъ Нанси?

— Да, — отвѣчалъ еврей, — какъ только она поймаетъ его. Найти его, найти во что бы то ни стадо, вотъ и все! Я знаю, что сдѣлаю потомъ, нечего бояться.

Мальчикъ отвѣчалъ, что понялъ, и пустился съ лѣстницы догонять своихъ товарищей.

— Пока онъ, значитъ, не проболтался, — сказалъ еврей, продолжая пристать вещи. — Если только онъ проболтается своимъ новымъ друзьямъ, мы съумѣемъ заткнуть ему глотку.

XIV. Дальнѣйшія подробности пребыванія Оливера у мистера Броунлоу. Замѣчательное предсказаніе мистера Гримвига относительно того, чѣмъ кончится порученіе, данное Оливеру

Оливеръ скоро пришелъ въ себя послѣ обморока, случившагося съ нимъ послѣ неожиданнаго восклицанія мистера Броунлоу. Старый джентльменъ и мистриссъ Бедуинъ рѣшили между собой тщательно избѣгать въ разговорѣ малѣйшаго намека на портретъ, не говорить также ни о жизни Оливера, ни о будущемъ его, а только о томъ, что можетъ развлечь его, но отнюдь не волновать. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы встать къ завтраку, но когда на слѣдующій день онъ сошелъ внизъ въ комнату экономки, онъ прежде всего взглянулъ на стѣну въ надеждѣ снова увидѣть лицо прекрасной леди. Надежда его не исполнилась: портретъ былъ куда то унесенъ.

— Ага! — сказала экономка, замѣтивъ взглядъ Оливера. — Его унесли, какъ видишь.

— Я это вижу, ма'амъ, — отвѣчалъ Оливеръ. —

Зачѣмъ же его унесли?

— Его повѣсили внизу, дитя мое. Мистеръ Броунлоу сказалъ, что портретъ почему то очень волнуетъ тебя, а это можетъ помѣшать твоему выздоровленію.

— О, нѣтъ, нисколько! Онъ совсѣмъ не волнуетъ меня, ма'амъ, — сказалъ Оливеръ. — Мнѣ нравилось смотрѣть на него.... я такъ полюбилъ его.

— Хорошо, хорошо! — сказала старая леди, стараясь успокоить его;- поправляйся скорѣй, мой голубчикъ, и тогда его опять повѣсятъ здѣсь. Да! Обѣщаю тебѣ это! А теперь поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Вотъ все, что могъ узнать Оливеръ относительно портрета. — Старая леди была такъ добра къ нему во время болѣзни, что онъ рѣшилъ не спрашивать ее больше; онъ очень внимательно выслушалъ все, что она ему разсказывала о своей милой и красивой дочери. которая вышла замужъ за милаго и красиваго человѣка и живетъ теперь въ деревнѣ; также о сынѣ, который служитъ клеркомъ у одного купца въ Вестъ-Индіи, о томъ какой онъ добрый молодой человѣкъ и четыре раза въ годъ обязательно посылаетъ ей письма и глаза ея наполнились слезами, когда она говорила о немъ. Пока старая леди распространялась о

превосходныхъ качествахъ своихъ дѣтей и о заслугахъ своего добраго покойнаго мужа, который умеръ — бѣдная, чудная душа! — лѣтъ двадцать шесть тому назадъ, наступила уже пора чай пить. Послѣ чаю она принялась учить, Оливера какой то карточной игрѣ, которой онъ очень скоро выучился; она ему очень понравилась и онъ долго съ большимъ интересомъ игралъ, пока не наступилъ часъ, когда онъ долженъ былъ выпить теплаго вина съ водой и ломтикомъ поджареннаго хлѣба и затѣмъ ложиться спать.

Счастливые это были дни, когда Оливеръ поправлялся послѣ своей болѣзни. Все было такъ покойно, уютно, чисто; всѣ были такъ добры и ласковы, послѣ шума и безчинства, среди которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ, ему казалось, что онъ попалъ въ рай. Какъ только онъ поправился настолько, что могъ уже одѣться, такъ мистеръ Броунлоу заказалъ для него новый костюмъ, и новую шапку, и новую пару башмаковъ. Когда Оливеру сказали, что онъ можетъ распорядиться своимъ старымъ платьемъ, какъ хочетъ, онъ сейчасъ же отдалъ его прислугѣ, которая всегда была добра къ нему, и просилъ ее продать его старьевщику, а деньги оставить для себя. Она исполнила все, что онъ ей сказалъ. Оливеръ смот-

рѣлъ въ это время въ окно и когда увидѣлъ, что еврей ушелъ, сунувъ его одежду въ мѣшокъ, то пришелъ въ неописанный восторгъ при мысли о томъ, что ея больше нѣтъ и что онъ избѣжалъ такимъ образомъ опасности снова надѣть ее когда нибудь. Сказать по правдѣ, это были одни лохмотья, потому что до сихъ поръ у Оливера ни разу не было новаго платья.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, спустя недѣлю послѣ исторіи съ портретомъ, когда Оливеръ разговаривалъ съ мистриссъ Бедуинъ, явилась служанка отъ мистера Броунлоу и передала, что онъ желаетъ, если Оливеръ Твистъ чувствуетъ себя хорошо, чтобы онъ пришелъ къ нему въ кабинетъ, такъ какъ ему нужно кое о чемъ поговорить съ нимъ.

— Спаси насъ, Господи, и помилуй! Вымой скорѣй ручки, дитя мое, и дай я тебѣ причешу головку, — сказала мистриссъ Бедуинъ. — Знай мы, что онъ позоветъ тебя, мы надѣли бы чистый воротникъ и стали бы такими красивенькими, какъ новенькій шестипенсовикъ.

Оливеръ исполнилъ все, что сказала ему старая леди, которая страшно горевала о томъ, что теперь ей уже не успѣть сплоить маленькую оборочку на воротничкѣ его рубашки, не смотря,

однако, на все это, мальчикъ выглядѣлъ такимъ нѣжнымъ и хорошенькимъ, что она не выдержала и, оглянувъ его внимательно съ головы до ногъ, сказала, что она никогда не думала, чтобы онъ за такое короткое время, могъ такъ измѣниться къ лучшему.

Успокоенный этимъ отзывомъ, Оливеръ направился къ кабинету и постучалъ въ двери. Послѣ приглашенія мистера Броунлоу войти, онъ очутился въ небольшой комнатѣ, наполненной книгами, съ окномъ, выходившимъ въ красивый садикъ. У окна стоялъ столъ, а за нимъ сидѣлъ мистеръ Броунлоу и читалъ. Увидя Оливера, онъ отодвинулъ отъ себя книгу и сказалъ ему, чтобъ онъ подошелъ ближе и сѣлъ. Оливеръ сѣлъ, удивляясь про себя тому, неужели люди могутъ прочитать столько книгъ, которыя написаны, конечно, для того, чтобы люди сдѣлались болѣе умными.

— Здѣсь много хорошихъ книгъ, не правда-ли, мой мальчикъ? — спросилъ мистеръ Броунлоу, замѣтивъ взглядъ Оливера, брошенный на полки, которыя шли отъ полу и до самаго потолка.

— Очень много, — отвѣчалъ Оливеръ, — я никогда еще не видѣлъ столько.

— Ты прочтешь ихъ всѣ, если будешь хорошо

учиться, — ласково сказалъ старый джентльменъ;- это тебѣ больше понравится, потому что корешки и переплетъ въ книгахъ далеко не лучшая часть ихъ.

— Я думаю, сэръ, онѣ очень тяжелыя, — сказалъ Оливеръ, указывая на нѣсколько большихъ томовъ съ золотыми бордюрами.

— Не всегда, — отвѣчалъ старый джентльменъ, гладя мальчика по головѣ и улыбаясь ему;- бываютъ меньше этихъ и гораздо тяжелѣе. Желалъ бы ты вырости, сдѣлаться ученымъ и писать книги?

— Я думаю, сэръ, что мнѣ интереснѣе было бы читать ихъ, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Какъ! Ты не желалъ бы быть писателемъ? — воскликнулъ старый джентльменъ.

Оливеръ задумался на минуту, а затѣмъ сказалъ, что по его мнѣнію лучше всего быть книгопродавцемъ. Старый джентльменъ засмѣялся отъ всего сердца и объявилъ ему, что онъ сказалъ очень хорошую вещь. Оливеръ очень обрадовался, хотя никакъ не могъ рѣшить, почему это хорошо.

— Ну, хорошо! — сказалъ старый джентльменъ, переставъ смѣяться. — Не пугайся! мы не сдѣлаемъ изъ тебя писателя; ты и безъ этого можешь научиться какому-нибудь почтенному ремеслу,

хотя бы, напримѣръ, кирпичному.

— Благодарю васъ, сэръ, — отвѣчалъ Оливеръ.

У мальчика былъ при этомъ до того серьезный видъ, что старый джентльменъ невольно разсмѣялся и сказалъ что то, касающееся явленій инстинкта, но Оливеръ не понялъ и потому не обратилъ на это вниманія.

— Ну-съ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, говоря ласково и въ но же время очень серьезно, чего Оливеръ никогда не замѣчалъ раньше. — Прошу тебя, мой мальчикъ, какъ можно внимательнѣе выслушать то, что я тебѣ скажу. Я буду говорить съ тобою прямо; я увѣренъ, что ты такъ же хорошо поймешь меня, какъ и многіе другіе, которые гораздо старше тебя.

— О, не говорите мнѣ, сэръ, что вы хотите, чтобъ я ушелъ отъ васъ! — воскликнулъ Оливеръ, встревоженный серьезнымъ тономъ стараго джентльмена. — Не выталкивайте меня за дверь, чтобы я опять шлялся безъ пристанища по улицамъ! Позвольте мнѣ остаться здѣсь и быть вашимъ слугой. Не отсылайте меня въ то ужасное мѣсто, гдѣ я былъ. Сжальтесь надъ несчастнымъ мальчикомъ, сэръ!

— Милое дитя мое, — сказалъ старый джентльменъ, тронутый такимъ горячимъ порывомъ

Оливера, — не бойся, я не отправлю тебя до тѣхъ поръ, пока мы самъ не подашь мнѣ къ этому повода.

— Никогда этого не будетъ, сэръ, никогда!

— Надѣюсь, что нѣтъ, — сказалъ старый джентльменъ. — Не думаю, чтобы ты когда либо подалъ мнѣ этотъ поводъ. Мнѣ столько разъ приходилось разочаровываться въ тѣхъ, кому я хотѣлъ сдѣлать добро, но тѣмъ не менѣе я расположенъ вѣрить тебѣ и не могу понять, почему все, касающееся тебя, такъ глубоко интересуетъ меня. Люди, которыхъ я такъ сильно любилъ, давно уже лежатъ въ могилѣ; съ ними я схоронилъ все счастье и всѣ радости своей жизни, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я схоронилъ также и свое сердце и закрылъ къ нему доступъ лучшимъ чувствамъ. Глубокое горе только укрѣпило его и сдѣлало болѣе чуткимъ.

Старый джентльменъ говорилъ тихо, какъ бы обращаясь къ самому себѣ, а не къ своему собесѣднику. Когда послѣ этого онъ смолкъ на нѣсколько минутъ, то и Оливеръ въ свою очередь сидѣлъ и молчалъ.

— Довольно, однако, — сказалъ старый джентльменъ болѣе веселымъ тономъ. — Я говорилъ все это только потому, что у тебя юное серд-

це. Теперь ты знаешь, сколько горя и страданій я вынесъ въ своей жизни и будешь стараться, слѣдовательно, не огорчать меня больше. Ты говоришь, что ты сирота, что у тебя нѣтъ друзей въ мірѣ. Я наводилъ справки и всѣ они подтверждаютъ твое показаніе. Разскажи мнѣ все, что знаешь, о себѣ; откуда ты пришелъ сюда, кто тебя воспиталъ, какимъ образомъ ты очутился въ той компаніи, въ обществѣ которой я нашелъ тебя. Говори всю правду и пока я живъ, ты никогда не будешь одинокимъ.

Рыданія душили Оливера и онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ выговорить ни единаго слова; не успѣлъ онъ затѣмъ приступить къ разсказу о томъ, какъ его отдали на фирму и мистеръ Бемблъ взялъ его оттуда и отвелъ въ домъ призрѣнія, какъ у парадной двери кто-то нетерпѣливо дернулъ звонокъ два раза и вслѣдъ за этимъ въ комнату вошла служанка и доложила о приходѣ мистера Гримвига.

— Онъ идетъ сюда? — спросилъ мистеръ Броунлоу.

— Да, сэръ, — отвѣчала служанка. — Онъ спросилъ есть ли мягкія булочки въ домѣ и когда узналъ отъ меня, что есть, то сказалъ, что идетъ чай пить.

Мистеръ Броунлоу улыбнулся и, обернувшись къ Оливеру, сказалъ ему, что мистеръ Гримвигъ старый пріятель его, что у него нѣсколько рѣзкая, грубая манера говорить, но что это одинъ изъ самыхъ достойныхъ людей, какихъ онъ когда либо знавалъ.

— Мнѣ идти внизъ, сэръ? — спросилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мистеръ Броунлоу, — я желаю, напротивъ, чтобы ты остался здѣсь.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ, опираясь на толстую палку, старый джентльменъ, хромавшій на одну ногу; на немъ былъ синій сюртукъ, полосатый жилетъ, нанковые брюки и штиблеты, бѣлая шляпа съ широкими полями. Изъ подъ жилета высовывалась узенькая оборочка отъ рубахи, а подъ нею болталась довольно длинная стальная цѣпочка отъ часовъ, на концѣ которой ничего не было кромѣ ключа. Концы его бѣлаго шейнаго платка были связаны узломъ величиною съ апельсинъ; все лицо его то и дѣло передергивалось самыми разнообразными гримасами, для изображенія которыхъ не хватало бы ни словъ, ни красокъ. Во время разговора онъ всегда склонялъ голову на одинъ бокъ и смотрѣлъ въ то же время какъ то искоса, напоминая въ этомъ

случаѣ попугая. Такъ же точно держался онъ въ ту минуту, когда входилъ въ комнату. Вытянувъ далеко впередъ руку, въ которой онъ держалъ небольшой кусокъ апельсинной корки, онъ воскликнулъ ворчливымъ, недовольнымъ тономъ.

— Смотрите! Видите ли вы это? Не странно ли и не удивительно ли, что во всякомъ домѣ, куда я только вздумаю войти, я непремѣнно нахожу на лѣстницѣ кусокъ этого любимаго хирургами вещества? Апельсинная корка виновата въ томъ, что я хромаю, и причиной моей смерти будетъ также апельсинная корка. Да, сэръ! Я умру отъ апельсинной корки... Готовъ съѣсть собственную свою голову, сэръ, если это не правда.

Это было любимое выраженіе мистера Гримвига, которое онъ употреблялъ обыкновенно, желая придать больше силы своимъ словамъ и выраженіямъ. Самое удивительное здѣсь то, что даже въ томъ случаѣ, если бы научные опыты доказали возможность того факта, что джентльмену ничего не стоитъ съѣсть свою собственную голову, мистеръ Гримвигъ не могъ бы этого сдѣлать, ибо голова его была такъ велика, не говоря уже о толстомъ слоѣ пудры на ней, что ни единый человѣкъ не могъ бы прикончить ее въ одинъ присѣстъ.

— Да, съѣлъ бы свою голову сэръ, — повторилъ мистеръ Гримвигъ, стуча палкой по полу. — Э-э!.. Это что такое! — продолжалъ онъ, увидя Оливера и отступая на шагъ или два.

— Это молодой Оливеръ Твистъ, о которомъ мы говорили, — сказалъ мистеръ Броунлоу.

Оливеръ поклонился.

— Не вздумаете ли вы утверждать, что это тотъ самый мальчикъ, у котораго была горячка? — сказалъ мистеръ Гримвигъ, отступая съ нѣкоторымъ испугомъ назадъ. — Погодите минутку! Не говорите! Да... — продолжалъ мистеръ Гримвигъ, сдѣлавшій вдругъ такое открытіе, при которомъ страхъ горячки сразу отошелъ на задній планъ, — это тотъ самый мальчикъ, у котораго былъ апельсинъ? Если это не тотъ мальчикъ, сэръ, у котораго былъ апельсинъ и который бросилъ эту корку на лѣстницу, то я готовъ съѣсть свою голову, вотъ что!

— Нѣтъ, нѣтъ, у него не было апельсина, — сказалъ мистеръ Броунлоу, смѣясь отъ души. — Полно вамъ! Снимите вашу шляпу и поговорите съ моимъ юнымъ другомъ.

— Я слишкомъ строгъ на этотъ счетъ, сэръ, — сказалъ раздражительный старый джентльменъ, снимая свои перчатки. — На мостовой нашей

улицы всегда бываютъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ апельсинныя корки и я знаю навѣрное, что ихъ бросаетъ мальчикъ хирурга. Одна молодая женщина поскользнулась вчера, наступивъ на апельсинную корку и упала прямо на мою садовую рѣшетку; я видѣлъ, какъ она вставъ на ноги, подняла руку по направленію проклятаго краснаго фонаря {Красный фонарь у подъѣзда — обычная принадлежность квартиры врачей въ Англіи.} съ весьма выразительной пантомимой. «Не идите къ нему» — крикнулъ я ей изъ окна, — «онъ убійца!» Онъ «волчья яма!» Вотъ что онъ. Если нѣтъ...

Здѣсь раздражительный старый джентльменъ крѣпко стукнулъ палкой по полу, что, какъ извѣстно было его друзьямъ, замѣняло собой его любимое выраженіе. Затѣмъ онъ сѣлъ, не выпуская палки изъ руки и, открывъ лорнетъ, висѣвшій на широкой черной лентѣ, сталъ разсматривать Оливера, который, видя себя предметомъ его вниманія, покраснѣлъ и снова поклонился.

— Такъ это тотъ юный мальчикъ? — спросилъ мистеръ Гримвигъ.

— Тотъ самый, — отвѣчалъ мистеръ Броунлоу.

— Какъ твое здоровье, мальчикъ? — спросилъ мистеръ Гримвигъ.

— Гораздо лучше, сэръ, благодарю васъ, — отвѣчалъ Оливеръ. Мистеръ Броунлоу, предполагая, что странный пріятель его хочетъ сказать что нибудь непріятное, просилъ Оливера спуститься внизъ и сказать мистриссъ Бедуинъ, чтобъ она готовила чай. Оливеръ, которому не особенно понравился посѣтитель, очень обрадовался этому.

— Очень милый мальчикъ, не правда-ли? — спросилъ мистеръ Броунлоу.

— Не знаю, — отвѣчалъ мистеръ Гримвигъ.

— Не знаете?

— Нѣтъ, не знаю. Я не вижу никакой разницы между мальчиками. Я знаю два сорта мальчиковъ. Одни сладкорѣчивые, а другіе глупые съ бычачьей физіономіей.

— Къ какому же сорту относится Оливеръ?

— Къ сладкорѣчивымъ. У одного изъ моихъ пріятелей есть мальчикъ съ бычачьей физіономіей. Они его считаютъ красивымъ мальчикомъ. Голова круглая, щеки красныя и сверкающіе глаза. Ужасный мальчикъ! Такъ вамъ и кажется, что все тѣло его и всѣ члены его сейчасъ раздуются такъ, что синій костюмъ его лопнетъ по швамъ. Голосъ у него, какъ у штурмана, аппетитъ — волчій. Знаю я его! Плутъ!

— Ну, — сказалъ мистеръ Броунлоу, — харак-

теристика эта не подходитъ къ Оливеру Твисту; онъ не можетъ поэтому раздражать васъ.

— Раздражать, не раздражаетъ, — отвѣчалъ мистеръ Гримвигъ, — гораздо хуже.

Тутъ мистеръ Броунлоу кашлянулъ, что бы скрыть свое неудовольствіе, что доставило мистеру Гримвигу невыразимое удовольствіе.

— Онъ хуже, говорю вамъ, — продолжалъ мистеръ Гримвигъ. — Откуда онъ? Кто онъ? Что онъ? У него была горячка. Чтожъ изъ этого? Горячка не есть болѣзнь, поражающая исключительно хорошихъ людей. Худые и злые люди также подвержены горячкѣ... Не правда, развѣ, это? Я зналъ человѣка, котораго повѣсили на Ямайкѣ за убійство своего хозяина. У него шесть разъ была горячка; его не помиловали, однако, на этомъ основаніи. Какіе пустяки!

Дѣло въ томъ, что мистеръ Гримвигъ былъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что наружность и манеры Оливера должны были крайне располагать всѣхъ въ его пользу; но у него была страсть къ противорѣчію, которая усиливалась на этотъ разъ найденной имъ апельсинной коркой. Рѣшивъ про себя, что никто не можетъ заставить его думать такъ или иначе о мальчикѣ, онъ сразу же началъ противорѣчить своему другу. Когда

мистеръ Броунлоу сказалъ ему, что не можетъ отвѣтить удовлетворительно ни на одинъ изъ предложенныхъ вопросовъ, какъ какъ ни чемъ еще не спрашивалъ Оливера, выжидая, пока онъ совершенно оправится, то мистеръ Гримвигъ насмѣшливо улыбнулся. Онъ спросилъ затѣмъ, провѣряетъ ли экономка серебро по вечерамъ, потому что ничего удивительнаго не будетъ въ томъ, если въ одно прекрасное утро не окажется на лицо одной, двухъ столовыхъ ложекъ, чему онъ будетъ очень радъ, и все въ такомъ же родѣ.

Мистеръ Броунлоу, не смотря на то, что самъ былъ очень вспыльчивъ, выслушалъ все это спокойно. Онъ давно уже былъ знакомъ со всѣми странностями своего пріятеля. Мистеръ Гримвигъ похвалилъ за чаемъ вкусныя булочки и сталъ послѣ этого говорить гораздо спокойнѣе. Видя это, и Оливеръ, сидѣвшій также за чайнымъ столомъ, началъ чувствовать себя свободнѣе въ присутствіи стараго сердитаго джентльмена.

— А когда вы услышите полный, вѣрный и безпристрастный отчетъ о жизни и приключеніяхъ Оливера Твиста? — спросилъ мистеръ Гримвигъ по окончаніи чая и взглянулъ искоса на Оливера Твиста.

— Завтра утромъ, — отвѣчалъ мистеръ Броун-

лоу. — Я желалъ бы, чтобы онъ былъ одинъ на одинъ со мною. Завтра утромъ приходи ко мнѣ, голубчикъ, часовъ въ десять.

— Хорошо сэръ, — отвѣчалъ Оливеръ. Онъ далъ этотъ отвѣтъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, замѣтивъ суровый взглядъ мистера Гримвига, брошенный на него.

— Знаете, что я скажу вамъ, — шепнулъ мистеру Броунлоу его пріятель;- онъ не придетъ завтра утромъ. Я замѣтилъ, какъ онъ смѣшался. Онъ обманываетъ васъ, мой добрый другъ!

— Готовъ поклясться, что нѣтъ, — отвѣчалъ мистеръ Броунлоу.

— Если это не такъ, — сказалъ мистеръ Гримвигъ, — я... и онъ стукнулъ палкой.

— Я готовъ жизнью поручиться за правдивость этого мальчика, — сказалъ мистеръ Броунлоу, стукнувъ по столу.

— А я своей головой за его лживость, — сказалъ мистеръ Гримвигъ и также стукнулъ по столу.

— Увидимъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, стараясь сдержать себя.

Но тутъ вмѣшалась сама судьба. Въ комнату вошла мистриссъ Бедуинъ и принесла связку книгъ, утромъ заказанныхъ мистеромъ Броунлоу у того же книгопродавца, который фигурировалъ

уже въ этомъ разсказѣ; положивъ ихъ на столъ, она приготовилась выйти изъ комнаты.

— Задержите посыльнаго, мистриссъ Бедуинъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, — мнѣ нужно кое что отослать обратно.

— Онъ ушелъ, сэръ, — отвѣчала мистриссъ Бедуинъ.

— Пошлите за нимъ въ догонку, — сказалъ мистеръ Броунлоу, — это необходимо. Онъ бѣдный человѣкъ, а ему ничего въ заплатили. Надо отдать ему нѣсколько книгъ.

Дверь на улицу была открыта. Оливеръ бросился въ одну сторону, служанка въ другую, а мистриссъ Бедуинъ остановилась на порогѣ и громко звала посыльнаго; но послѣдній скрылся уже изъ виду. Оливеръ и служанка, задыхаясь отъ быстраго бѣга, вернулись и доложили, что ее нашли посыльнаго.

— Жаль очень! — воскликнулъ мистеръ Броунлоу. — Мнѣ очень хотѣлось сегодня же вечеромъ вернуть обратно эти книги.

— Пошлите Оливера, — сказалъ мистеръ Гримвигъ съ насмѣшливой улыбкой, — онъ въ точности исполнитъ ваше порученіе.

— Да, позвольте мнѣ, сэръ, отнести ихъ, — сказалъ Оливеръ — я всю дорогу побѣгу бѣгомъ,

сэръ!

Старый джентльменъ только что собирался отвѣтить, что онъ не пошлетъ Оливера, но многозначительное покашливанье мистера Гримвига заставило его рѣшиться на это. У него мелькнула мысль, что быстрымъ исполненіемъ даннаго ему порученія, мальчикъ докажетъ несправедливость взводимыхъ на него обвиненій.

— Хорошо, голубчикъ, ты пойдешь, — сказалъ старый джентльменъ. — Книги лежатъ на стулѣ у моего стола. Принеси ихъ сюда.

Оливеръ, довольный тѣмъ, что можетъ услужить, въ одно мгновеніе притащилъ книги, держа ихъ подъ мышкой, и остановился съ шапкой въ рукѣ, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

— Ты скажешь, — говорилъ мистеръ Броунлоу, не спуская взора съ мистера Гримвига, — что тебѣ приказали принести эти книги обратно и уплатить за нихъ четыре фунта, десять шиллинговъ, оставшихся за мной. Вотъ тебѣ кредитный билетъ въ пять фунтовъ; слѣдовательно, сдачи ты долженъ принести обратно десять шиллинговъ.

— И десяти минутъ не пройдетъ, какъ я буду уже здѣсь, — отвѣчалъ Оливеръ. Онъ положилъ банковый билетъ во внутренній карманъ курточки, застегнулся на всѣ пуговицы и, взявъ книги подъ

руку, вѣжливо поклонился и вышелъ изъ комнаты. Мистриссъ Бедуинъ проводила его до самаго выхода, объясняя ему, какъ пройти болѣе близкой дорогой, затѣмъ, сказала ему, какъ зовутъ книгопродавца и на какой это улицѣ. Оливеръ отвѣтилъ ей, что все хорошо понялъ. Осмотрѣвъ внимательно его одежду, чтобы увѣриться, что ему не будетъ холодно, она отпустила его.

— Храни, Господи, это милое дитя! — сказала старая леди, глядя ему вслѣдъ. — Не знаю почему, но мнѣ не хотѣлось бы выпускать его изъ виду.

Въ эту минуту Оливеръ съ улыбкой оглянулся на нее, кивнулъ ей годовой и скрылся за уголъ. Старая леди улыбнулась ему въ отвѣтъ и, заперевъ дверь, ушла къ себѣ въ комнату.

— Увидите, минутъ черезъ двадцать, самое большее, онъ будетъ уже здѣсь, — сказалъ мистеръ Броунлоу; онъ вынулъ часы и положилъ ихъ на столъ.

— Такъ вы, дѣйствительно, надѣетесь, что онъ вернется назадъ? — спросилъ мистеръ Гримвигъ.

— А вы нѣтъ? — улыбнулся мистеръ Броунлоу.

Духъ противорѣчія съ новою силою овладѣлъ мистеромъ Гримвигомъ при видѣ улыбки своего друга.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу, — не надѣюсь. У него новый костюмъ, связка цѣнныхъ книгъ подъ рукой и пятъ фунтовъ въ карманѣ. Онъ присоединится къ своимъ пріятелямъ ворамъ и будетъ потѣшаться надъ вами. Если онъ когда нибудь вернется въ этотъ домъ, я съѣмъ тогда свою голову, сэръ!

Съ этими словами онъ придвинулся ближе къ столу, и оба пріятеля сидѣли молча, не спуская глазъ съ часовъ.

Здѣсь мы находимъ нужнымъ замѣтить, — ибо это указываетъ на важность, какую мы придаемъ нашимъ сужденіямъ, и на ту поспѣшность, съ какою мы часто выводимъ наши заключенія, — находимъ нужнымъ замѣтить, что хотя мистеръ Гримвигъ, не злой по существу человѣкъ, былъ бы очень огорченъ если бы друга его одурачили, желалъ тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души своей, чтобы Оливеръ не вернулся.

Сумракъ ночной надвигался все больше и больше и цифры на циферблатѣ становились все менѣе и менѣе ясными, а оба джентльмена все еще сидѣли по прежнему молча и не спуская глазъ съ лежавшихъ середъ ними часовъ.

XV. Изъ этой главы читатель узнаетъ, какъ сильно любили Оливера веселый старый еврей и миссъ Нанси

Передъ нами темная комната трактира низкаго разряда, въ самой грязной части Малой Сафронъ-Гилль; въ ней такъ темно и тускло, что въ зимнее время тамъ цѣлый день горитъ газъ, а лѣтомъ туда не заглядываетъ ни одинъ солнечный лучъ. Здѣсь у стола, на которомъ стояла небольшая оловянная мѣрка и стаканчикъ, сидѣлъ, весь пропитанный запахомъ водки, человѣкъ въ бархатномъ сюртукѣ, драповыхъ короткихъ брюкахъ, полусапожкахъ и чулкахъ, котораго только неопытный полицейскій агентъ не рѣшился бы признать при этомъ тускломъ свѣтѣ за мистера Вилльяма Сайкса. У ногъ его сидѣла бѣлая съ красными глазами собака, которая занималась тѣмъ, что то и дѣло подмигивала своему хозяину и облизывала большую свѣжую рану съ одной стороны рта, результатъ недавняго, повидимому, столкновенія.

— Смирно ты, гадина! Смирно! — сказалъ ми-

стеръ Сайксъ, прерывая вдругъ молчаніе. Были ли размышленія его до того серьезны, что на него дѣйствовало раздражающимъ образомъ простое миганье собаки, или самъ онъ былъ взволнованъ этими размышленіями, неизвѣстно, но только ему захотѣлось, вѣроятно, на комъ-нибудь излить свою досаду, и потому онъ далъ пинка ногой ни въ чемъ неповинному животному.

Собаки въ большинствѣ случаевъ никогда не мстятъ за обиды, наносимыя хозяевами, но собака мистера Сайкса отличалась такимъ же темпераментомъ, какъ и ея владѣлецъ, и къ тому же чувствовала, вѣроятно, что ее оскорбили совершенно незаслуженно. Схвативъ зубами одинъ изъ его башмаковъ, она сильно тряхнула его и вслѣдъ за этимъ съ глухимъ ворчаньемъ отскочила въ сторону, какъ разъ во время, чтобы увернуться отъ оловянной мѣрки, которую Сайксъ поднялъ надъ ея головой.

— Какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь? — крикнулъ Сайксъ, схватывая одной рукой кочергу, а другою открывая большой складной ножъ, вынутый имъ изъ кармана. — Поди-ка ты сюда, діяводъ! Иди сюда! Слышишь ты?

Собака слышала, безъ сомнѣнія, потому что мистеръ Сайксъ говорилъ самымъ высокимъ

діапазономъ своего хриплаго голоса, но не имѣя, по всей вѣроятности, никакого желанія подставить подъ ножъ свое горло, она оставалась тамъ, гдѣ была, и только заворчала сильнѣе прежняго, а затѣмъ схватила зубами конецъ кочерги и съ бѣшенствомъ принялась грызть его.

Такое неожиданное сопротивленіе еще больше взбѣсило мистера Сайкса; онъ присѣлъ къ полу, и съ бѣшенствомъ напалъ на животное. Собака прыгала справа на лѣво и слѣва направо, кусалась, рычала, тявкала, а Сайксъ отпихивалъ ее и ругался, билъ и изрыгалъ проклятія. Борьба достигла уже самаго критическаго момента для обоихъ, когда дверь открылась вдругъ и собака, воспользовавшись этимъ благопріятнымъ случаемъ, выпрыгнула въ нее, оставивъ Вилля Сайкса съ кочергой и складнымъ ножемъ въ рукахъ.

Въ каждомъ спорѣ только двѣ стороны, говоритъ старая поговорка. Мистеръ Сайксъ, разсерженный тѣмъ, что ему помѣшали расправиться съ собакой, напустился на вновь пришедшаго.

— Какой тутъ еще чортъ вздумалъ вмѣшиваться между мной и моей собакой? — крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Не знаю, милый мой, не знаю, — съ униженнымъ видокъ отвѣчалъ Феджинъ, потому что

вновь пришедшій былъ именно этотъ еврей.

— Не знаешь, трусъ ты этакій, воръ! — заревѣлъ Сайксъ. — Не слышалъ ты развѣ, какой здѣсь шумъ?

— Ни единаго звука... такъ же вѣрно, какъ то, что я живой человѣкъ, Билль, — отвѣчалъ еврей.

— О, разумѣется! Ты ничего не слышалъ, ничего, — съ ироніей прервалъ его Сайксъ. — Вползешь и выползешь и никто не услышитъ, какъ ты войдешь и выйдешь. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ собакой всего полминуты тому назадъ, Феджинъ.

— Почему? — спросилъ еврей съ принужденной улыбкой.

— Потому что правительство наше, которое заботится о жизни гакихъ людей, какъ ты, которые трусливѣе любой дворняжки, позволяетъ людямъ убивать собакъ, когда имъ вздумается, — отвѣчалъ Сайксъ, выразительно размахивая можемъ. — Вотъ почему!

Еврей потиралъ руки, сидя за столомъ, и дѣлалъ видъ, что отъ души смѣется шуткѣ своего друга. На самомъ же дѣлѣ онъ чувствовалъ себя очень неловко.

— Скаль зубы, скаль зубы! — сказалъ Сайксъ, ставя на мѣсто кочергу и злобно посматривая на

него. — Никогда не удастся тебѣ посмѣяться надо мной. Ты у меня въ рукахъ, Феджинъ, и, чортъ меня возьми, я не выпущу тебя изъ нихъ! Пропаду я, пропадешь и ты! Въ твоихъ интересахъ заботиться обо мнѣ.

— Вѣрно, вѣрно, милый мой, — сказалъ еврей, — знаю я это; у насъ... у насъ... общій интересъ, Билль... общій интересъ.

— Гм!.. — промычалъ Сайксъ съ такимъ видомъ, какъ будто думалъ, что въ этомъ случаѣ еврей заинтересованъ больше, чѣмъ онъ. — Ну, что ты хотѣлъ сказать мнѣ?

— Все прошло благополучно черезъ плавильный тигель, — отвѣчалъ Феджинъ, — сейчасъ получишь свою долю. Здѣсь больше, чѣмъ тебѣ слѣдуетъ, мои милый!.. Ну, въ другой разъ ты мнѣ передашь и...

— Переставь ты меня морочить! — перебилъ его Сайксъ. — Ну, гдѣ оно? Давай сюда!

— Сейчасъ, Билль! Дай время, дай время, — отвѣчалъ еврей. — Вотъ! Всѣ въ сохранности!

Говоря это, онъ вытащилъ изъ-за пазухи старый бумажный платокъ и, развязавъ большой узелъ на одномъ изъ угловъ, вынулъ оттуда небольшой свертокъ бумаги. Сайксъ вырвалъ его изъ рукъ еврея, развернулъ и принялся считать соверены.

— Все здѣсь? — спросилъ Сайксъ.

— Все, — отвѣчалъ еврей.

— А ты не разворачивалъ свертка и не стибрилъ одного, двухъ, пока шелъ сюда? — подозрительно глядя на еврея, спросилъ Сайксъ. — Нечего обижаться на мой вопросъ... Ты не разъ продѣлывалъ такія штуки. Позвони!

На звонокъ появился другой еврей, поменьше Феджина, но съ такой-же почти отталкивающей наружностью.

Биллъ Сайксъ указалъ на пустую посудину. Еврей понялъ, чего онъ желаетъ, и взялъ кружку, чтобы наполнить ее, переглянувшись предварительно съ Феджиномъ, который всего только на минуту поднялъ глаза, какъ бы ожидая этого знака, и въ отвѣтъ на него кивнулъ ему головой. Сайксъ, который въ эту минуту завязывалъ шнурокъ у башмака, сдернутаго собакой, не замѣтилъ этого. Замѣть онъ только этотъ обмѣнъ знаковъ, онъ навѣрное подумалъ бы, что они ничего хорошаго ему не предвѣщаютъ.

— Есть кто-нибудь, Барней? — спросилъ Феджинъ. На этотъ разъ онъ говорилъ, не подымая глазъ, потому что Сайксъ смотрѣль на него.

— Ни единой души, — отвѣчалъ Барней, который, говорилъ ли онъ отъ сердца или нѣтъ,

всегда все произносилъ въ носъ.

— Никого? — съ удивленіемъ переспросилъ Феджинъ, не вѣря тому, чтобы Барней говорилъ правду.

— Никого, кромѣ миссъ Нанси, — отвѣчалъ Барней.

— Нанси! — воскликнулъ Сайксъ. — Гдѣ? Пропади мои глаза, если я не уважаю этой дѣвушки за ея врожденные таланты!

— Она просила дать ей варенаго мяса, — отвѣчалъ Барней.

— Пошли ее сюда, — сказалъ Сайксъ, выпивая залпомъ стаканъ водки. — Пошли ее сюда!

Барней робко взглянулъ на Феджина, какъ бы спрашивая разрѣшенія; видя, что еврей молчитъ и не подымаетъ глазъ, Барней ушелъ. Спустя немного онъ вернулся и привелъ съ собою Нанси, одѣтую въ полный костюмъ, — чепчикъ, передникъ, корзинка и ключъ, все было при ней.

— Напала на слѣдъ, Нанси? — спросилъ Сайксъ, предлагая ей стаканъ.

— Да, Билль, — отвѣчала молодая леди, осушая содержимое стакана, — и страшно я устала отъ всего этого. Мальчишка былъ всѣ время боленъ и лежалъ въ кровати, и…

— Ахъ, Нанси, милая! — воскликнулъ еврей,

подымая глаза.

Особенно ли сдвинутыя, рыжія брови еврея или его полузакрытые глаза, лежащіе глубоко въ орбитахъ, мы не можемъ сказать, но только Нанси подумала, что онъ хочетъ предупредить ее, чтобы она не была слишкомъ откровенна, а потому сразу остановилась и мило улыбнувшись мистеру Сайксу, заговорила совсѣмъ о другомъ. Когда спустя нѣсколько минутъ съ Феджиномъ случился приступъ кашля, она накинула на плечи свою шаль и объявила, что ей пора уходить. Мистеръ Сайксъ нашелъ, что ему придется пройти нѣкоторое разстояніе по одной дорогѣ съ ней и просилъ разрѣшенія сопровождать ее. Они вышли вмѣстѣ и въ ту же минуту изъ-за угла выскочила мохнатая собака и издали послѣдовала за своимъ хозяиномъ.

Когда Сайксъ вышелъ, еврей высунулъ голову за двери и нѣсколько времени смотрѣлъ, какъ онъ шелъ по темному проходу, затѣмъ погрозилъ ему кулакомъ, послалъ ему вслѣдъ проклятіе, зловѣще улыбнулся и снова вернулся на прежнее мѣсто, гдѣ и погрузился въ чтеніе какой-то газеты.

Тѣмъ временемъ Оливеръ, не подозрѣвавшій того, что недалеко отъ него находится веселый

старый джентльменъ, шелъ къ книжному магазину. Дойдя до Клеркендэлля, онъ по ошибкѣ свернулъ въ боковую улицу и замѣтилъ это только тогда, когда прошелъ половину ея. Зная, что она также приведетъ туда, куда ему надо, онъ не нашелъ нужнымъ вернуться обратно и продолжалъ идти дальше, держа книги подъ мышкой.

Такъ шелъ онъ, думая о томъ, какимъ счастливымъ и довольнымъ долженъ онъ чувствовать себя, и какъ бы ему хотѣлось взглянуть хотя бы однимъ глазкомъ на бѣднаго Дика, который голодаетъ, терпитъ побои и въ эту минуту, быть можетъ, горько плачетъ. Вдругъ онъ остановился, пораженный громкимъ крикомъ молодой женщины, «О, мой милый братецъ!» Не успѣлъ онъ сообразить въ чемъ дѣло, какъ почувствовалъ вдругъ, что двѣ руки крѣпко обвились вокругъ его шеи.

— Не трогайте меня, — крикнулъ Оливеръ, стараясь высвободиться. — Пустите меня. Кто вы? Зачѣмъ вы задерживаете меня здѣсь?

Молодая женщина, обнимавшая его, вмѣсто отвѣта громко завопила на всякіе лады.

— О Боже мой! — произнесла молодая женщина съ корзинкой и ключемъ на пальцѣ. — Я нашла его! О, Оливеръ, Оливеръ! О гадкій мальчикъ!

Такъ заставить меня страдать изъ за тебя! Пойдемъ домой, милый, пойдемъ! О, я нашла его! Слава милосердному Богу, я нашла его!

Послѣ этихъ несвязныхъ причитаній молодая женщина разрыдалась вдругъ громкими рыданіями, дошедшими до истеричнаго припадка. Двѣ женщины, проходившія въ это время мимо, обратились къ мальчику мясной лавки, волоса котораго лоснились отъ жиру, и сказали ему, что слѣдовало бы послать за докторомъ, на что тотъ лѣниво протянулъ, что находитъ это совершенно лишнимъ.

— О, нѣтъ, не надо, — сказала молодая женщина, крѣпко схватывая Оливера за руку. — Мнѣ теперь лучше. Пойдемъ домой, жестокій ты мальчишка! Пойдемъ!

— Въ чемъ дѣло, ма'амъ? — спросила одна изъ женщинъ.

— О, ма'амъ! — отвѣчала молодая женщина, — онъ убѣжалъ мѣсяцъ тому назадъ отъ своихъ родителей, честныхъ работниковъ и почтенныхъ людей и все время шлялся съ ворами и бродягами. Онъ разбилъ сердце своей матери.

— Ишь ты негодяй! — сказала одна женщина.

— Иди домой, маленькое животное ты этакое, — сказала другая.

— Я не знаю ея, — отвѣчалъ Оливеръ. — У меня нѣтъ ни сестры, ни отца, ни матери... Я сирота и живу въ Пентонвилѣ.

— Послушайте его! Вотъ выдумываетъ! — вскрикнула молодая женщина.

— Ахъ, это Нанси! — съ удивленіемъ воскликнулъ Оливеръ, который только сейчасъ увидѣлъ ея лицо.

— Видите, онъ знаетъ меня, — сказала Наиси, обращаясь къ стоявшимъ вблизи людямъ. — Ему не выпутаться теперь. Заставьте его идти со мной, добрые люди... Онъ убьетъ мать и отца и разобьетъ мое сердце.

— Что тутъ такое, чортъ возьми! — сказалъ какой то человѣкъ вмѣстѣ съ бѣлой собакой выскочившій изъ пивной лавки. — Маленькій Оливеръ! Ступай домой къ бѣдной матери, щенокъ ты этакій! Ступай домой!

— Я не ихъ совсѣмъ. Я не знаю ихъ. Помогите! Помогите! — причалъ Оливеръ, стараясь вырваться изъ рукъ схватившаго его человѣка.

— Помогите! Да, я помогу тебѣ, негодяй! Что это еще за книги? Укралъ гдѣ нибудь, а? Давай ихъ сюда!

Съ этими словами онъ выхватилъ книги и ударилъ ими Оливера по головѣ.

— О, по дѣломъ! — крикнулъ какой то человѣкъ, выглядывавшій изъ окна на чердакѣ. — Только этимъ и научишь ихъ уму-разуму!

— Вѣрно! — сказалъ плотникъ съ заспаннымъ лицомъ, поглядывая на человѣка въ окнѣ.

— Это ему же на пользу! — сказали обѣ женщины.

— И еще получитъ, — сказалъ мужчина, вышедшій изъ пивной. Онъ еще разъ ударилъ Оливера по головѣ и схватилъ его за шиворотъ. — Ступай за мной, негодяй! Сюда Бельзи, хвати его! Хвати его!

Слабый отъ недавно перенесенной имъ болѣзни, ошеломленный ударами и неожиданнымъ нападеніемъ, напуганный ворчаніемъ собаки и жестокостью Сайкса, угнетенный сознаніемъ того, что стоящіе по близости люди дѣйствительно считаютъ его такимъ негодяемъ, какимъ его только что описали, что могъ онъ сдѣлать, бѣдное дитя? Наступала ночь, мѣстность была населена людьми подозрительными, помощи не отъ кого было ждать, и всякое сопротивленіе было безполезно. Не прошло и минуты, какъ его уже тащили по цѣлому лабиринту узкихъ темныхъ дворовъ, заставляя его идти такъ быстро, что невозможно было разслышать тѣхъ криковъ, которыми онъ

пробовалъ призвать къ себѣ на помощь. Да и что могли сдѣлать эти крики, когда по близости никого не было, кто могъ бы помочь ему.

* * *

Газъ былъ вездѣ зажженъ. Мистриссъ Бедуинъ съ тревогой въ сердце стояла у открытой двери; служанка разъ двадцать уже выбѣгала на улицу, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли Оливеръ, Оба старые джентльмены сидѣли по прежнему бъ темной комнатѣ у стола съ лежавшими на немъ часами.

XVI. Что случилось съ Оливеромъ послѣ того, какъ его нашла Нанси

Узкія улицы и дворы закончились большой открытой площадью, на которой въ разныхъ направленіяхъ виднѣлись загородки и другія принадлежности рынка для рогатаго скота. Дойдя до этою мѣста, Сайксъ замедлилъ шаги; Нанси не въ силахъ была больше идти такъ быстро, какъ они шли до сихъ поръ. Повернувшись къ Оливеру, онъ приказалъ ему взять Нанси за руку.

— Слышишь, что я тебѣ говорю? — заревѣлъ онъ, видя, что Оливеръ колеблется и оглядывается кругомъ. Они находились въ темномъ углу, совсѣмъ въ сторонѣ отъ прохожей дороги. Оливеръ понялъ, что сопротивленіе здѣсь безполезно. Онъ протянулъ руку и Нанси крѣпко стиснула ее въ своей.

— Давай мнѣ другую, — сказалъ Сайксъ, схватывая свободную руку мальчика. — Сюда, Бельзи!

Собака взглянула на мальчика и зарычала.

— Видишь ты этого мальчика? — сказалъ собакѣ Сайксъ, хватая горло мальчика другого

рукой. — Если онъ осмѣлится только пикнуть, хватай его. Понялъ?

Собака снова зарычала и облизала губы, какъ бы собираясь уже схватить Оливера за горло.

— Лопни мои глаза, если онъ не прочь поступить также, какъ многіе христіане поступили бы на его мѣстѣ, - сказалъ Сайксъ и взглянулъ на собаку, какъ бы желая поощрить ея жестокое намѣреніе. — Теперь, милѣйшій, ты знаешь, что тебя ожидаетъ. Бѣги, пожалуй, если хочешь... не долго позабавишься, собака сразу остановитъ тебя. Ну, двигайся, что-ли!

Собака вильнула хвостомъ въ знакъ того, что поняла данное ей наставленіе и, взглянувъ на Оливера, снова зарычала, а затѣмъ пустилась впередъ.

Они переходили Смитфильдъ, но будь это даже Гросвеноръ-Скверъ, то Оливеру это было бы все равно, потому что онъ совсѣмъ ничего не различалъ. Темнота ночи увеличивалась густымъ туманомъ, сквозь который еле-еле мерцали огни въ лавкахъ; туманъ съ каждой минутой увеличивался и заволакивалъ непроницаемой мглою улицы и дома, придавая странному мѣсту еще болѣе странный видъ въ глазахъ Оливера и дѣлая состояніе души его еще болѣе тяжелымъ

и гнетущимъ.

Они прошли нѣсколько шаговъ, когда раздался густой бой церковныхъ часовъ. Съ первымъ ударомъ вожаки Оливера остановились и стали прислушиваться къ бою часовъ.

— Восемь часовъ, Биллъ! — сказала Нанси, когда бой часовъ прекратился.

— Лишнее говорить мнѣ это, я и самъ слышу, — отвѣчалъ Сайксъ.

— Не думаю, чтобы «о_н_и» могли слышать, — сказала Нанси.

— Конечно, могутъ, — отвѣчалъ Сайксъ. — Когда меня словили въ день Варѳоломея, то не было ни одной даже пенсовой трубы на ярмаркѣ, которой я не слышалъ-бы. Когда меня заперли на ночь, то весь этотъ шумъ и звонъ громомъ ходилъ по старой тюрьмѣ... Я думалъ, что не выдержу и выпущу себѣ мозги о желѣзныя полосы на двери.

— Бѣдные ребята! — сказала Нанси, стоявшая лицомъ къ той сторонѣ, откуда раздался передъ этимъ бой часовъ. — О, Билль, они такіе, право, хорошіе.

— Да, всѣ вы женщины думаете такъ, — отвѣчалъ Сайксъ. — Хорошо! Они все равно, что мертвые, не стоитъ и говорить объ этомъ.

Въ этихъ словахъ мистера Сайкса слышалась

затаенная ревность; онъ сжалъ еще крѣпче руку Оливера и приказалъ ему идти скорѣе.

— Погоди минуту, — сказала дѣвушка, — я не въ силахъ была бы такъ скоро бѣжать по этому мѣсту, будь твоя очередь быть повешеннымъ, Вилль, когда въ слѣдующій разъ пробьетъ восемь часовъ. Я все ходила бы кругомъ, пока не свалилась бы... будь даже снѣгъ на землѣ и не будь у меня даже шали, чѣмъ прикрыться.

— А какая польза была бы мнѣ отъ этого? — спросилъ Сайксъ, не отличавшійся сантиментальностью. — Не имѣй ты возможности доставить мнѣ хорошій напильникъ и двадцать ярдовъ крѣпкой веревки, то ничего хорошаго ты не сдѣлала бы для меня, хоть ты тамъ ходи пятьдесятъ милъ или не ходи. Перестань читать проповѣди и пойдемъ лучше скорѣе впередъ.

Дѣвушка засмѣялась и крѣпче завернулась въ шаль. Но Оливеръ чувствовалъ, какъ дрожала ея рука и когда онъ, проходя мимо фонаря, заглянулъ ей въ лицо, онъ увидѣлъ, что оно было смертельно блѣдное.

Въ продолженіе цѣлаго получаса шли они по мало посѣщаемымъ и грязнымъ мѣстамъ, встрѣчая на пути своемъ очень мало прохожихъ, да и тѣ, которыхъ они встрѣчали, принадлежали,

повидимому, къ тому же классу общества, какъ и Сайксъ. Затѣмъ они свернули въ какую то зловонную улицу, всю почти состоящую изъ лавокъ, гдѣ продавался всякій хламъ. Собака бѣжала далеко впереди, какъ бы понимая, что здѣсь ей не нужно быть больше на сторожѣ, и наконецъ остановилась у дверей лавки, которая была закрыта и никѣмъ повидимому же была занята. Домъ былъ совсѣмъ почти ветхій, а на дверяхъ висѣла доска съ надписью «отдается въ внаймы». Доска имѣла такой видъ, какъ будто бы она висѣла здѣсь ужъ много лѣтъ подъ рядъ.

— Все, значитъ, благополучно! — крикнулъ Сайксъ, осторожно оглядываясь кругомъ. Нанси подошла къ дверямъ и Оливеръ услышалъ звонокъ. Тогда они перешли на противоположную сторону улицы и нѣсколько минутъ простояли здѣсь у фонаря. Послышался шумъ отодвигаемаго засова; а вслѣдъ затѣмъ кто-то осторожно открылъ дверь. Мистеръ Сайксъ, не соблюдая никакихъ церемоній, схватилъ за шиворотъ испуганнаго мальчика и поспѣшно втащилъ его въ домъ. Внутри было совсѣмъ темно. Они подождали, пока тотъ, который впустилъ ихъ, заперъ дверь на замокъ и на цѣпь.

— Есть кто-нибудь? — спросилъ Сайксъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ голосъ, показавшійся Оливеру знакомымъ.

— А старикъ здѣсь? — продолжалъ разбойникъ.

— Да, — отвѣчалъ голосъ;- но только и язычекъ же былъ у него сегодня! Думаете, обрадуется вамъ? Какъ-же!

Манера говорить и голосъ еще больше показались знакомыми Оливеру, но въ темнотѣ онъ микакъ не могъ разсмотрѣть лица говорившаго.

— Да посвѣти намъ! — сказалъ Сайксъ;- того и гляди, разобьешь себѣ носъ или наступишь на собаку. Ну, тогда, братъ, плохо ногамъ будетъ.

— Подождите минутку, я принесу свѣчу, — отвѣчалъ голосъ. Слышно было, какъ говорившій сталъ спускаться по лѣстницѣ. Спустя минуту появилась особа самого мистера Джека Доукинса, знаменитаго Доджера. Въ правой рукѣ онъ держалъ пику, на концѣ которой прикрѣплена была сальная свѣча.

Юный джентльменъ не удостоилъ Оливера никакимъ привѣтствіемъ и только насмѣшливой улыбкой показалъ, что узнаетъ его, а затѣмъ, повернувшись обратно, пригласилъ посѣтителей слѣдовать за нимъ внизъ по лѣстницѣ. Они прошли черезъ пустую кухню, открыли дверь и

вошли въ низенькую комнату, гдѣ пахло землей и гдѣ ихъ встрѣтили громкимъ хохотомъ.

— Ой, ой! — кричалъ мистеръ Чарли Бетсъ, хохоча во все горло. — Вотъ онъ! О, встрѣчайте его, вонъ онъ! О, Феджинъ, смотрите на него! Смотрите на него! Я не могу больше... Ловкая штука... Охъ, не могу! Охъ, держите меня кто нибудь, не то я умру отъ смѣха!

И съ этимъ неудержимымъ приступомъ веселости мистеръ Бетсъ покатился на полъ и минутъ пять катался въ судорожномъ припадкѣ радости и экстаза. Затѣмъ, вскочивъ на ноги, онъ вырвалъ у Доджера расщепленную палку со свѣчей и, подойдя къ Оливеру, обошелъ его нѣсколько разъ кругомъ, внимательно присматриваясь къ нему. Тѣмъ временемъ еврей снялъ съ себя ночной колпакъ и принялся отвѣшивать поклонъ за поклономъ передъ совершенно растерявшимся мальчикомъ. Что касается Доджера, который былъ въ довольно мрачномъ настроеніи, ибо рѣдко поддавался приступамъ веселости, когда бывалъ занятъ дѣломъ, то онъ немедленно приступилъ къ тщательному осмотру кармановъ Оливера.

— Смотрите-ка на его платье, Феджинъ! — сказалъ Чарли, поднося свѣчу такъ близко къ новой

курткѣ Оливера, что та едва не загорѣлась. Смотрите-ка на его платье! Самое тонкое сукно и какой покрой! Вотъ такъ штука! Да и книги еще вдобавокъ... Джентльменъ, да и только, Феджинъ!

— Радъ несказанно видѣть тебя, мой голубчикъ, — сказалъ еврей, отвѣшивая поклонъ съ притворной униженностью. — Плутишка нашъ дастъ тебѣ другое платье, мой голубчикъ, твое вѣдь праздничное и ты можешь его испортить. Почему же ты не написалъ намъ, голубчикъ, что собираешься навѣстить насъ? Мы тогда приготовили бы горячій ужинъ.

При этихъ словахъ мистеръ Бетсъ такъ радостно и громко завизжалъ, что даже Феджинъ пришелъ въ веселое настроеніе, а Доджеръ улыбнулся. Но когда послѣдній вытащилъ у Оливера пятифунтовый билетъ, то трудно было понять, выходка ли Бетса или находка билета такъ развеселила еврея.

— Эге-ге!.. Это что еще такое? — спросилъ Сайксъ, выступая впередъ, когда еврей взялъ себѣ билетъ. — Это принадлежитъ мнѣ, Феджинъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, мой голубчикъ, — сказалъ еврей. — Мнѣ, Билли, мнѣ! На твою долю книги.

— Такъ по твоему не мнѣ? — сказалъ Билль Сайксъ, надѣвая шляпу съ рѣшительнымъ ви-

домъ. — Мнѣ и Нанси, вотъ и все! Давай же, не то я отведу обратно мальчика.

Еврей замеръ на мѣстѣ. Оливеръ замеръ также, но совсѣмъ по другой причинѣ; у него проснулась надежда, что споръ этотъ кончится тѣмъ, что его отпустятъ.

— Ну! Давай что-ли? — сказалъ Сайксъ.

— Это очень худо съ твоей стороны, Билль, очень худо, не правда-ли, Нанси?

— Худо-ли, хорошо-ли, — сказалъ Сайксъ, — а деньги давай, говорю тебѣ. Неужели ты думаешь, что мы съ Нанси даромъ будемъ тратить драгоцѣнное время и рыскать за всѣми мальчиками, которыхъ тебѣ вздумается заграбастать? Давай сюда, старая падаль, скряга! Ну!

Кончивъ крайне любезную рѣчь свою, Сайксъ безъ церемоніи выхватилъ билетъ у еврея и, равнодушно взглянувъ ему въ глаза, сложилъ билетъ и спряталъ его внутрь своего шейнаго платка.

— Это по справедливости намъ за всѣ хлопоты наши, — сказалъ онъ;- за нихъ, собственно говоря, слѣдовало бы получить вдвое. Книги можешь оставить себѣ и читать ихъ, есть желаешь. А не хочешь, такъ продай.

— Очень интересно! Очень! — сказалъ Чарли

Бетсъ, кривляяся на разные лады и дѣлая видъ, что читаетъ одну изъ книгъ, — написано прекрасно, не правда-ли, Оливеръ?

Растерянный взглядъ, брошенный Оливеромъ на своихъ мучителей, вызвалъ новый припадокъ еще болѣе шумнаго экстаза у веселаго мистера Бетси, одареннаго талантомъ видѣть все въ забавномъ свѣтѣ.

— Онѣ принадлежатъ старому джентльмену, — сказалъ Оливеръ, ломая руки, — доброму, великодушному, старому джентльмену, который взялъ меня къ себѣ въ домъ и ухаживалъ за мной, когда я чуть не умеръ отъ горячки! О, пожалуйста, отошлите ихъ ему назадъ, отошлите книги и деньги! Держите меня здѣсь, пока я живъ, но, пожалуйста, отошлите ихъ ему назадъ. Онъ подумаетъ, что я укралъ ихъ... И старая леди... и всѣ, которые были такъ добры ко мнѣ... подумаютъ, что я укралъ ихъ! О, сжальтесь надо мною и отошлите ихъ ему!

Съ этими словами, который сказаны были со всею силою глубочайшаго горя, Оливеръ упалъ на колѣни къ ногамъ еврея и съ отчаяніемъ ломалъ руки.

— Мальчикъ правъ, — сказалъ Феджинъ, сурово оглядываясь кругомъ и морща свои мохнатыя

брови, — ты правъ, Оливеръ, правъ! Они подумаютъ, что ты укралъ ихъ. Ха, ха! — захохоталъ онъ, потирая себѣ руки. — Лучше этого ничего не придумать... Въ самое время угадали!

— Разумѣется, — отвѣчалъ Сайксъ. — Я сразу подумалъ объ этомъ, какъ только увидѣлъ его въ Клеркенуэллѣ съ книгами подъ рукой. Все вышло, какъ нельзя лучше. Это навѣрное нѣжносердечные пѣвцы псалмовъ; иначе они не взяли бы его къ себѣ. Они, конечно, не посмѣютъ розыскивать его, изъ боязни, что имъ придется обвинять его, а потому онъ здѣсь въ полной безопасности.

Оливеръ переводилъ взоръ съ одного на другого, прислушиваясь къ тому, что они говорили; видъ у него былъ совсѣмъ растерянный и онъ съ трудомъ понималъ, что происходитъ кругомъ. Услышавъ заключительныя слова Билля Сайкса, онъ вдругъ вскочилъ на ноги и, какъ безумный, бросился вонъ изъ комнаты, испуская громкіе крики о помощи, которые пронеслись громкимъ эхомъ по всему старому дому.

— Держи собаку, Билль! — крикнула Нанси, подбѣгая къ двери и запирая ее вслѣдъ за евреемъ и его питомцами, которые бросились преслѣдовать Оливера. — Держи собаку, она въ клочки разорветъ мальчишку!

— Получитъ, что заслужилъ! — крикнулъ Сайксъ, стараясь вырваться изъ рукъ дѣвушки. — Отойди прочь, или я размозжу тебѣ голову объ стѣну!

— Я не боюсь этого, Билль, не боюсь! — кричала дѣвушка, стараясь удержать Сайвса, — пока я жива, я не допущу, чтобы собака разорвала мальчика.

— Не разорветъ! — сказалъ Сайксъ, скрежеща зубами. — Смотри у меня, я живо угомоню тебя, если ты не отойдешь!

Сайксъ съ такою силою оттолкнулъ дѣвушку, что она полетѣла на другой конецъ комнаты и въ ту же минуту появился еврей и два его питомца, тащившіе Оливера за собой.

— Что случилось? — спросилъ Феджинъ, озираясь кругомъ.

— Съ ума сошла дѣвчонка, — отвѣчалъ Сайксъ.

— Нѣтъ, не сошла, — сказала Нанси; она была блѣдна и еле переводила духъ послѣ вынесенной ею борьбы. — Нѣтъ, Феджинъ, не сошла, не думай этого, пожалуйста.

— Тогда держи себя покойно, — сказалъ еврей, злобно поглядывая на нее.

— Нѣтъ, не будетъ этого! — отвѣчала Нанси, говоря очень громко. — Не вѣришь?

Мистеръ Феджинъ былъ достаточно хорошо знакомъ съ нравами и привычками той особенной части человѣчества, къ которой принадлежала Нанси, а потому зналъ, что въ такихъ случаяхъ, какъ теперь, не слѣдуетъ больше продолжать съ него разговора. Желая отвлечь отъ нея вниманіе всего общества, онъ обратился къ Оливеру.

— Такъ тебѣ вздумалось удрать, мой милый, да? — сказалъ еврей и взялъ лежавшее у плиты неровное и узловатое полѣно. — А?..

Оливеръ ничего не отвѣчалъ и, притаивъ дыханіе, слѣдилъ за всѣми движеніями еврея.

— Хотѣлъ позвать кого-нибудь на помощь... полицію, быть можетъ, да? — говорилъ еврей, схватывая мальчика за руку. — Я тебя отучу отъ этого, мой милый барченокъ!

Еврей поднялъ полѣно и ударилъ имъ по плечу Оливера; затѣмъ поднялъ его вторично, но тутъ Нанси подскочила къ нему и, выхвативъ у него полѣно изъ рукъ, съ такою силою швырнула его въ огонь, что изъ печки посыпались пылающіе угли и разлетѣлись по всей комнатѣ.

— Пока я здѣсь, я не могу видѣть этого, Феджинъ! — крикнула дѣвушка. — Получилъ обратно мальчика, ну и довольно съ тебя! Оставь его въ

покоѣ... не трогай... не то я такъ отмѣчу котораго нибудь изъ васъ, что раньше времени попаду на висѣлицу!

Дѣвушка крѣпко стукнула ногой по полу, точно собираясь исполнить свою угрозу. Губы ея были сжаты, руки сложены въ кулаки и она по очереди смотрѣла то на еврея, то на другого разбойника; въ лицѣ ея не было ни кровинки, вслѣдствіе все больше и больше возраставшаго въ ней бѣшенства.

— Это что еще, Нанси? — сказалъ еврей слащавымъ тономъ послѣ небольшой паузы, во время которой онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ переглянулся съ Сайксомъ. — Ты... ты сегодня куда лучше исполняешь свою роль... Ха, ха! И ловко же ты играешь, моя милая!

— Да? — сказала дѣвушка. — Смотри только, чтобы я не переиграла. Тебѣ же тогда будетъ хуже, Феджинъ! Со мною шутки плохи, говорю тебѣ.

Немногіе мужчины рискуютъ имѣть дѣло съ раздраженной женщиной, особенно когда къ этому раздраженно примѣшиваются отчаяніе и равнодушіе къ собственной судьбѣ. Вотъ почему еврей, увидя, наконецъ, что Нанси дѣйствительно дошла до настоящаго приступа бѣшенства, понялъ, что притворяться дальше опасно. Отсту-

пивъ нѣсколько шаговъ назадъ, онъ взглянулъ на Сайкса робкимъ, умоляющимъ взоромъ, какъ бы давая ему этимъ знать, что теперь наступила его очередь говорить.

Мистеръ Сайксъ понялъ эту безмолвную просьбу; собственная гордость его въ этомъ случаѣ была заинтересована тѣмъ, чтобы немедленно урезонить Нанси и тѣмъ показать свое вліяніе надъ ней. Онъ началъ съ того, что разразился цѣлымъ потокомъ проклятій и самыхъ отборныхъ ругательствъ; видя, однако, что они не производятъ желаннаго дѣйствія на предметъ, противъ котораго они изрыгаются. рѣшилъ прибѣгнуть къ другимъ болѣе удобопріемлемымъ аргументамъ.

— И что ты думаешь выиграть этимъ? — спросилъ Сайксъ, приправивъ начало своего допроса обыкновеннымъ выраженіемъ, которое касается одной изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ частей человѣческаго лица. Будь это воззваніе услышано тамъ вверху надъ нами и исполнись оно хотя одинъ разъ изъ пятидесяти тысячъ разъ, то слѣпота сдѣлалась бы самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ мірѣ. — И что ты думаешь выиграть этимъ? Чортъ возьми! Да знаешь ли ты, гдѣ ты и кто ты?

— О, да я хорошо это знаю! — отвѣчала дѣвушка,

истерически хохоча, и съ притворнымъ равнодушіемъ покачивая головой изъ стороны въ сторону.

— Такъ вотъ и успокойся, — продолжалъ Сайксъ, съ такимъ видомъ, съ какимъ онъ обращался обыкновенно къ своей собакѣ,- не то я на долгое время самъ успокою тебя.

Дѣвушка снова засмѣялась и на этотъ разъ еще болѣе истеричнымъ смѣхомъ, чѣмъ раньше. Бросивъ поспѣшный взглядъ на Сайкса, она отвернулась въ сторону и до крови закусила губу.

— Хороша, нечего сказать, — продолжалъ Сайксъ, съ пренебреженіемъ посматривая на дѣвушку, — выдумала тоже великодушничать и нѣжничать! Много же выиграетъ ребенокъ, какъ ты его называешь, если ты будешь его другомъ!

— Боже милостивый, помоги мнѣ! Да я его другъ! — горячо вскрикнула дѣвушка. — Я жалѣю, что не умерла на улицѣ или не попала на мѣсто тѣхъ, мимо которыхъ мы проходили сегодня вечеромъ, прежде чѣмъ я поймала его. Что онъ теперь, начиная съ сегодняшняго вечера? Воръ, лжецъ, негодяй, все, что хочешь? Мало этого и безъ побоевъ тому старому чорту?

— Довольно, Сайксъ, довольно, — сказалъ еврей увѣщательнымъ тономъ и направился къ

мальчикамъ, которые внимательно прислушивались ко всему, что говорилось. — Надо бытъ вѣжливѣе, Билль, гораздо вѣжливѣе.

— Вѣжливѣе! — крикнула дѣвушка, на которую было страшно смотрѣть въ эту минуту. — Вѣжливѣе, негодяй! Да, ты былъ вѣжливъ со мною. Я воровала для тебя, когда была наполовину меньше этого мальчика, — указала она на Оливера. — Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я занимаюсь тѣмъ же ремесломъ и нахожусь на той же службѣ. Знаешь ты это? Говори же! Знаешь ты это?

— Ну полно, полно, — сказалъ еврей, стараясь говорить миролюбивымъ тономъ, — если это и такъ, то вѣдь ты этимъ добываешь средства къ существованію.

— Ага! — отвѣчала дѣвушка и продолжала дальше, выкрикивая каждое слово. — Это мое средство къ существованію? А сырыя, холодная, грязныя улицы мой домъ? А ты тотъ самый негодяй, который втопталъ меня туда много лѣтъ тому назадъ и будешь держать меня тамъ день и ночь, день и ночь, пока я не умру!

— Еще хуже будетъ, — сказалъ еврей, взбѣшенный этими упреками, — еще хуже будетъ, если не замолчишь и скажешь хотя единое слово.

Дѣвушка ничего не отвѣчала, по въ припадкѣ

бѣшенства стала рвать на себѣ волосы и платье и затѣмъ бросилась къ еврею, какъ бы собираясь оставить на немъ слѣды своего желанія отомстить ему. Но Сайксъ схватилъ ее за руки. Рванувшись нѣсколько разъ отъ него, дѣвушка вдругъ потеряла сознаніе.

— Ну, теперь она успокоится, — сказалъ Сайксъ, укладывая дѣвушку на полъ въ углу комнаты. — У нея страшная сила въ рукахъ, когда на нее находитъ такой стихъ.

Еврей вытеръ лицо платкомъ и улыбнулся, чувствуя видимое облегченіе, что все кончилось, наконецъ; но ни онъ, ни Сайксъ, ни собака, ни мальчики ничего особеннаго въ этомъ не увидѣли, кромѣ обыкновеннаго случайнаго происшествія, присущаго ихъ ремеслу.

— Нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть дѣло съ женщинами, — сказалъ еврей;- но онѣ очень ловкія и мы не можемъ обойтись безъ нихъ. Чарли, уложи Оливера въ постель.

— Я думаю, Феджинъ, лучше будетъ не надѣвать ему завтра этого платья, — сказалъ Чарли Бетсъ.

— Конечно, нѣтъ! — отвѣчалъ еврей, и засмѣялся, какъ смѣялся и Чарли, предлагая ему свой вопросъ.

Бетсъ, восхищенный даннымъ ему пору-

ченіемъ взялъ палку со свѣчей и повелъ Оливера въ сосѣднюю съ комнатой кухню, гдѣ находились два, три соломенника, на одномъ изъ которыхъ мальчикъ спалъ раньше. Здѣсь, то и дѣло заливаясь неудержимымъ хохотомъ, Чарли вынялъ старое порванное платье Оливера, съ такимъ восторгомъ отданное имъ во время пребыванія своего у мастера Броунлоу. Феджинъ случайно пріобрѣлъ его отъ еврея, который купилъ его, что и послужило первымъ ключемъ къ открытію мѣстопребыванія Оливера.

— Снимай-ка съ себя нарядъ-то свой, — сказалъ Чарли, — я отдамъ его Феджину, чтобы онъ спряталъ его. Вотъ такъ потѣха, право!

Бѣдный Оливеръ неохотно повиновался. Мистеръ Бетсъ свернулъ новое платье, взялъ его подъ мышку и вышелъ изъ комнаты, оставивъ Оливера въ темнотѣ и заперевъ дверь на замокъ.

Громкій смѣхъ Чарли, голосъ миссъ Бетси, которая пришла во время, чтобы сбрызнуть водой свою подругу и оказать ей нѣкоторыя услуги, дабы привести ее въ сознаніе, все это помѣшало бы, пожалуй, уснуть людямъ въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ то, въ которомъ находился Оливеръ. Но мальчикъ былъ слабъ и измученъ, а потому скоро уснулъ глубокимъ сномъ.

XVII. Судьба преслѣдуетъ Оливера. Въ Лондонъ является великій человѣкъ и наноситъ вредъ его репутаціи

Во всѣхъ хорошихъ мелодрамахъ трагическія сцены смѣняются непремѣнно комическими, что дѣлается съ такою же послѣдовательностью, съ какою въ окорокѣ чередуются слои мяса и жира. Герой падаетъ на солому, отягченный цѣпями и удрученный несчастіями; въ слѣдующей затѣмъ сценѣ его вѣрный, но ничего не подозрѣвающій пріятель забавляетъ слушателей комической пѣснью. Героиня попадаетъ въ руки гордаго и безпощаднаго барона; чести ея и жизни грозитъ опасность и, чтобы спасти первую, она хочетъ убить себя. И вотъ въ ту самую минуту, когда всѣ чувства наши напряжены до высшей степени, раздается свистокъ и передъ нами появляется большой залъ во дворцѣ. Сѣдой сенешаль поетъ веселыя пѣсни, а вассалы цѣлымъ хоромъ подхватываютъ ихъ. Вассалы свободны и не привязаны ни къ какому мѣсту; они переходятъ изъ церкви во дворецъ, изъ города въ городъ и вездѣ цѣлымъ

обществомъ поютъ и веселятся.

Такія чередованія кажутся на первый взглядъ абсурдомъ, но въ нихъ между тѣмъ нѣтъ ничего неестественнаго. Не менѣе поразительные переходы встрѣчаются и въ дѣйствительной жизни: въ одномъ мѣстѣ мы видимъ приготовленные для пиршества столы, въ другомъ смертное ложе; въ одномъ — траурныя сдежды, въ другомъ — праздникъ и веселье. Вся разница лишь въ томъ, что здѣсь мы сами являемся дѣйствующими лицами, тогда какъ тамъ мы ни болѣе, ни менѣе, какъ пассивные зрители. Актеры, участвующіе въ фантастической жизни театра, относятся безучастно къ рѣзкимъ переходамъ и внезапному импульсу страсти или другого чувства, тогда какъ зрители, которые смотрятъ на нихъ со стороны замѣчаютъ всѣ стороны происходящаго на сценѣ дѣйствія какъ ужасныя, такъ и нелѣпыя и смѣшныя.

Такія же перемѣны дѣйствій, мѣста и времени давно уже встрѣчаются въ книгахъ и считаются величайшимъ доказательствомъ неоспоримаго таланта автора. Нѣкоторые критики даже ставятъ талантъ этотъ въ зависимость отъ того, какъ группируетъ авторъ въ концѣ каждой главы затруднительныя обстоятельства своихъ героевъ.

Все кто краткое отступленіе я считалъ необхо-

димымъ въ виду того деликатного обстоятельства, что я, какъ повѣствователь этой исторіи, нашелъ нужнымъ вернуться къ тому городу, гдѣ родился Оливеръ Твистъ. Читателю предоставляется самому судить вѣрны ли и существенны ли были причины, заставившія меня совершить это путешествіе.

Мистеръ Бембль вышелъ рано утромъ изъ воротъ дома призрѣнія и величественной поступью направлялся вдоль Хайгъ-Стрита. Онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ и силѣ своей дѣятельности; трехуголка его и сюртукъ блестѣли подъ лучами утренняго солнца; онъ сжималъ свою палку со всею мощью здоровья и власти. Мистеръ Бембль всегда высоко носилъ свою голову, но сегодня утромъ онъ несъ ее выше обыкновеннаго. Въ глазахъ его было что-то глубокое, во всемъ видѣ нѣчто возвышенное, указывая каждому внимательному наблюдателю на то, что въ головѣ приходскаго сторожа проходятъ высокія, не поддающіяся никакому выраженію мысли.

Мистеръ Бембль не останавливался, чтобы поговорить съ лавочниками или съ тѣми, которые сами заговаривали съ нимъ, когда онъ проходилъ мимо. На всѣ привѣтствія онъ отвѣтствовалъ лишь мановеніемъ руки и до тѣхъ поръ не из-

мѣнилъ своего величественнаго шага, пока не подошелъ къ фермѣ, гдѣ мистриссъ Меннъ оказывала приходскія попеченія своимъ питомцамъ.

— Чортъ бы его побралъ! — сказала мистриссъ Меннъ, когда послышался хорошо знакомый ей звонокъ у воротъ сада. — Кто ужъ кромѣ него придетъ въ такое время!.. — Ахъ, мистеръ Бемблъ, я сразу подумала, что это вы. Боже мой, какъ я рада видѣть васъ. Войдите въ комнату, сэръ, пожалуйста!

Первая часть этого монолога была адресована Сусаннѣ; а выраженіе восторга и удовольствія мистеру Бемблю. Добрая леди поспѣшно открыла ворота и съ выраженіемъ самаго почтительнаго вниманія провела мистера Бембля въ гостиную.

— Мистриссъ Меннъ, — сказалъ мистеръ Бемблъ, не садясь и не падая въ кресло, какъ это сдѣлалъ бы какой нибудь пустой человѣкъ, но опускаясь въ него медленно и постепенно. — Мистриссъ Меннъ, ма'амъ, добраго утра!

— Благодарю, вамъ также добраго утра, сэръ! — сказала мистриссъ Меннъ, надѣляя посѣтителя цѣлымъ рядомъ улыбокъ. — Надѣюсь, вы здоровы, сэръ!

— Такъ себѣ, мистриссъ Меннъ, — отвѣчалъ сторожъ. — Приходская жизнь не усыпана роза-

ми, мистриссъ Меннъ!

— О, да, мистеръ Бембль! — отвѣчала леди. Надо думать, что и приходскія дѣти цѣлымъ хоромъ и съ большою готовностью подтвердили бы то же самое.

— Приходская жизнь, ма'амъ, — продолжалъ мистеръ Бембль, водя палкой по столу, — полна страданій, огорченій и доблестныхъ подвиговъ; но всѣ общественные дѣятели всегда, могу сказать, подвергаются преслѣдованію.

Мистриссъ Меннъ, не понимая, что онъ хочетъ этимъ сказать, подняла руки въ знакъ сочувствія и вздохнула.

— Ахъ! Вздохните, вздохните мистриссъ Меннъ! — сказалъ сторожъ.

Думая, что вздохъ ея былъ правиленъ, мистриссъ Менъ снова вздохнула, что видимо понравилось общественному дѣятелю, который, стараясь прикрыть свою улыбку суровымъ взглядомъ на трехуголку сказалъ:

— Мистриссъ Меннъ, я ѣду въ Лондонъ.

— Неужели, мистеръ Бембль! — воскликнула мистриссъ Меннъ, отскакивая назадъ.

— Въ Лондонъ, ма'амъ, — отвѣчалъ непоколебимый сторожъ, — на дилижансѣ. Я и два нищихъ, мистриссъ Меннъ! Назначено судебное

разбирательство по одному дѣлу… Комитетъ выбралъ меня… меня, мистриссъ Меннъ… изложитъ это дѣло передъ сессіей Клеркенуэлля. Спрашиваю васъ, — продолжалъ мистеръ Бемблъ, гордо откидываясь назадъ, — не очутится ли сессія Клеркенуэлля сама въ незавидномъ положеніи прежде, чѣмъ меня поставитъ въ него?

— О, не будьте слишкомъ суровы съ ними, — умоляла мистриссъ Меннъ.

— Клеркенуэльская сессія сама доведетъ себя до этого, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ, — и если Клеркенуэльская сессія почувствуетъ себя хуже, чѣмъ она ожидала, то пусть Клеркенуэльская сессія сама себя и благодаритъ за это!

Было столько рѣшимости и увѣренности въ грозномъ тонѣ, какимъ мистеръ Бемблъ изложилъ свое мнѣніе, что мистриссъ Меннъ пришла положительно въ ужасъ. Наконецъ она сказала:

— Вы ѣдете на дилижансѣ, сэръ? Я привыкла думать, что нищихъ возятъ на телѣгахъ.

— Это когда они больны, мистриссъ Меннъ, — сказалъ сторожъ. — Мы сажаемъ больныхъ нищихъ въ открытыя повозки въ дождливую погоду, чтобы предупредить простуду.

— О! — сказала мистриссъ Меннъ.

— Двухъ этихъ нищихъ мы отправляемъ на

дилижансѣ по удешевленной цѣнѣ, - сказалъ мистеръ Бембль. — Они очень слабы и перевозка ихъ обойдется намъ на два фунта меньше, чѣмъ похороны... мы хотимъ передать ихъ другому приходу и это, можетъ быть, удастся намъ... Лишь бы только они не вздумали умереть по дорогѣ. Ха, ха, ха!

Посмѣявшись немного, мистеръ Бембль взглянулъ на свою трехуголку и снова принялъ серьезный видъ.

— Мы забываемъ дѣло, ма'амъ, — сказалъ онъ. — Вотъ вамъ приходская стипендія за мѣсяцъ.

Мистеръ Бембль вынулъ изъ бумажника серебряныя монеты, завернутыя въ бумагу, и попросилъ дать ему росписку, тотчасъ же написанную мистриссъ Меннъ.

— Худо написано, сэръ, — сказала попечительница, — зато по формѣ. Благодарю васъ, мистеръ Бембль. Очень, очень обязана вамъ, сэръ!

Мистеръ Бембль вѣжливо поклонился въ отвѣтъ на любезное обхожденіе мистриссъ Меннъ и спросилъ, какъ здоровье дѣтей.

— Да хранитъ Богъ милыхъ малютокъ! — сказала мистриссъ Меннъ съ волненіемъ:- Всѣ здоровы, кромѣ двухъ, умершихъ из той недѣлѣ...

да еще маленькаго Дика.

— Такъ ему не лучше? — спросилъ мистеръ Богбль.

Мистриссь Меннъ покачала головой.

— Это крайне испорченный, порочный, съ самыми худыми задатками приходской ребенокъ, — сказалъ мистеръ Бембль. — Гдѣ онъ?

— Я сію минуту позову его сюда, сэръ! — отвѣчала мистриссъ Меннъ. — Иди сюда, Дикъ!

Отыскавъ Дика, мистриссъ повела его къ насосу, вымыла ему лицо, вытерла своимъ собственнымъ платьемъ и затѣмъ поставила мальчика передъ грозныя очи мистера Бембля, приходскаго сторожа.

Ребенокъ былъ блѣденъ и худъ; щеки его ввалились, большіе глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Рваное приходское платье, ливрея его нищеты, висѣла на его тощемъ тѣльцѣ, а ручки и ножки были сухія, какъ у старика.

Таково то было несчастное существо, дрожавшее отъ страха передъ мистеромъ Бемблемъ, не смѣя поднять глазъ и трепеща при одномъ звукѣ его голоса.

— Почему ты не смотришь прямо въ глаза джентльмену, упрямый мальчикъ? — сказала мистриссъ Меннъ.

Ребенокъ робко поднялъ глаза и встрѣтился со взоромъ мистера Бембля.

— Что съ тобой, приходскій Дикъ? — спросилъ мистеръ Бемблъ въ нѣсколько шутливомъ тонѣ.

— Ничего, сэръ, — еле слышно отвѣчалъ Дикъ.

— Я тоже думаю, что ничего, — сказала мистриссъ Меннъ, смѣясь надъ шутливымъ тономъ мистера Бембля. — Надѣюсь, что ты ничего не желаешь?

— Я желалъ-бы.... пролепеталъ ребенокъ.

— Вотъ тебѣ и разъ, — перебила его мистрисъ Меннъ. — Ужъ не вздумаешь ли ты сказать, что ты нуждаешься въ чемъ нибудь? Ахъ, ты маленькій негодяй....

— Погодите, мистриссъ Меннъ, погодите, — сказалъ сторожъ, съ важнымъ видомъ подымая руку. — Желалъ бы чего, сэръ?

— Я желалъ бы, — продолжалъ ребенокъ, — чтобы кто нибудь написалъ мнѣ нѣсколько словъ на кусочкѣ бумаги, сложилъ ее, запечаталъ и потомъ спряталъ ее, когда я буду лежать въ землѣ.

— Что? Что хочетъ сказать мальчикъ? — воскликнулъ мистеръ Бемблъ, на котораго произвели нѣкоторое впечатлѣніе серьезный видъ и блѣдность ребенка.

— Что ты хочешь сказать, сэръ?

— Я желалъ бы, — сказалъ ребенокъ, — сказать бѣдному Оливеру Твисту, какъ я его люблю, какъ я часто сидѣлъ одинъ и плакалъ о томъ, что онъ ходитъ одинъ въ темную ночь и никто не хочетъ ему помочь. Я хотѣлъ бы сказать ему, — и ребенокъ крѣпко сжалъ худенькія ручки и заговорилъ съ большимъ еще волненіемъ, — что я радъ умереть такимъ маленькимъ, потому что, если бы я выросъ и состарился, то маленькая сестренка моя на небѣ не узнала бы меня и не любила бы меня. А теперь дѣтьми, мы будемъ съ нею очень счастливы.

Мистеръ Бемблъ съ неописаннымъ удивленіемъ окинулъ мальчика взоромъ съ головы до ногъ и сказалъ:- Всѣ они походятъ другъ на друга, мистриссъ Меннъ. Этотъ наглый Оливеръ всѣхъ испортилъ.

— Я никогда не думала этого, сэръ! — сказала мистриссъ Меннъ, подымая руки и бросая злобный взглядъ на Дика. — Никогда еще не видѣла я такого закоренѣлаго негодяя!

— Уведите его прочь, ма'амъ! — приказалъ мистеръ Бемблъ. — Надо будетъ доложить объ этомъ комитету, мистриссъ Меннъ!

— Надѣюсь, джентльмены поймутъ, что въ этомъ нѣтъ моей вины, — сказала мистриссъ

Меннъ.

— Они поймутъ это, мистриссъ Меннъ, ибо имъ будетъ доложено истинное положеніе вещей, — отвѣчалъ мистеръ Бембль. — Уведите его... Я не могу видѣть его.

Дика тотчасъ же увели и заперли въ подвалъ съ углемъ. Немного погодя удалился и мистеръ Бембль, спѣшившій готовиться къ своему путешествію.

На слѣдующій день, часовъ въ шесть утра, мистеръ Бембль, надѣвъ, вмѣсто трехуголки, обыкновенную мужскую шляпу съ полями и облачившись въ голубовато-сѣрый плащъ съ капюшономъ, занялъ мѣсто въ дилижансѣ рядомъ съ двумя преступниками, дѣло которыхъ должно было разбираться, и въ надлежащее время прибылъ въ Лондонъ. Но дорогѣ съ нимъ ничего не приключилось, кромѣ небольшой непріятности, причиненной ему двумя нищими, которые упорно дрожали отъ холода и выказывали по этому поводу свое неудовольствіе въ такихъ выраженіяхъ, что у мистера Бембля, по словамъ его, зубы простучали всю дорогу отъ волненія, не смотря на то, что на немъ былъ его сѣрый плащъ.

Избавившись къ вечеру отъ общества этихъ

зловредныхъ лицъ, мистеръ Бемблъ вошелъ въ домъ, у котораго остановился дилижансъ, и приказалъ подать себѣ ростбифъ, соусъ изъ устрицъ и пива. Наливъ себѣ стаканъ горячаго джину съ водой, онъ доставилъ его на каменную доску и придвинулъ стулъ къ огню; послѣ предварительныхъ размышленій о склонности людей вѣчно жаловаться и всегда быть чѣмъ нибудь недовольными, онъ взялъ газету и приготовился читать.

Первый параграфъ, на которомъ остановились глаза мистера Бембля, состоялъ изъ слѣдующаго объявленія:

«ПЯТЬ ГИНЕЙ НАГРАДЫ».

«Въ прошлый четвергъ вечеромъ изъ своего дома въ Пентонвиллѣ убѣжалъ или былъ кѣмъ нибудь похищенъ маленькій мальчикъ, по имени Оливеръ Твистъ, и съ тѣхъ поръ о немъ ничего по слышно. Вышеупомянутая награда будетъ уплачена тому лицу, которое дастъ указанія, могущія повести къ открытію мѣстопребыванія Оливера Твиста, или прольетъ свѣтъ на его предыдущую жизнь, чѣмъ, по многимъ причинамъ, горячо интересуется податель сего объявленія».

Затѣмъ слѣдовало полное описаніе одежды Оливера и его наружности, появленіе его и исчез-

новеніе и въ концѣ полное имя Мистера Броунлоу и его адресъ.

Мистеръ Бембль широко раскрылъ глаза отъ удивленія, прочелъ объявленіе нѣсколько разъ, медленно и очень внимательно, и спустя пять минуть послѣ этого былъ уже на пути въ Пентонвилль, забывъ въ своемъ волненіи выпить стаканъ горячаго джина съ водой.

— Дома ли мистеръ Броунлоу? — спросилъ мистеръ Бембль дѣвушку, открывшую ему дверь.

На этотъ вопросъ дѣвушка отвѣчала уклончиво, что она не знаетъ и проситъ его сказать, откуда онъ.

Не успѣлъ мистеръ Бембль произнести имени Оливера, какъ мистриссъ Бедуинъ, слушавшая разговоръ у дверей комнаты, поспѣшила въ переднюю, еле переводя духъ отъ волненія.

— Войдите, пожалуйста, войдите, — говорила старая леди. — Я знала, что мы услышимъ о немъ. Бѣдное дитя! Я знала, что мы услышимъ. Я была увѣрена въ этомъ. Да благословитъ его Господь! Я говорила, я все время это говорила!

И проговоривъ это, почтенная старая леди бросилась обратно въ комнату, сѣла на диванъ и разразилась слезами. Дѣвушка, не отличавшаяся такою чувствительностью, побѣжала тѣмъ

временемъ наверхъ и вернулась скоро обратно, прося посѣтителя слѣдовать за нею.

Мистеръ Бемблъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣли мистеръ Броунлоу и другъ его мистеръ Гримвигъ, а передъ ними стояли графинъ и стаканы. Мистеръ Гримвигъ тотчасъ же разразился восклицаніями:

— Сторожъ! Приходской сторожъ! Если это не такъ, то я съѣмъ свою голову.

— Не мѣшайте намъ теперь, пожалуйста, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Прошу садиться!

Мистеръ Бемблъ сѣлъ, крайне удивленный странными манерами Гримвига. Мистеръ Броунлоу передвинулъ лампу такимъ образомъ, чтобы при свѣтѣ ея видѣть лучше лицо сторожа, и сказалъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ.

— Вы, сэръ, явились потому, конечно, что прочли объявленіе?

— Да, сэръ! — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ.

— И вы, дѣйствительно, сторожъ или нѣтъ? — спросилъ мистеръ Гримвигъ.

— Я приходскій сторожъ, джентльмены, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ съ грустью.

— Разумѣется, — сказалъ мистеръ Гримвигъ своему другу. — Я зналъ, что онъ сторожъ... Сто-

рожъ до мозга костей.

Мистеръ Броунлоу слегка кивнулъ головой своему другу, чтобы онъ молчалъ, а затѣмъ спросилъ:

— Извѣстно вамъ, гдѣ находится мальчикъ?

— Столько же, сколько и вамъ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ.

— Что же вы знаете о немъ? — спросилъ старый джентльменъ. — Говорите, мой другъ, все, что вы знаете. Почему вы знаете его?

— Вы, конечно, ничего хорошаго о немъ сказать не можете? — спросилъ мистеръ Гримвигъ язвительно и пристально взглянувъ на своего друга.

Мистеръ Бемблъ сразу понялъ, къ чему клонится этотъ вопросъ и съ важностью покачалъ головой.

— Видите! — сказалъ мистеръ Гримвигъ, торжествующимъ взоромъ посматривая на мистера Броунлоу.

Мистеръ Броунлоу съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ взглянулъ на нахмуренное лицо мистера Бембля и затѣмъ просилъ его сообщить все, что онъ знаетъ объ Оливерѣ и по возможности въ болѣе краткихъ выраженіяхъ.

Мистеръ Бемблъ снялъ шляпу, разстегнулъ плащъ, сложилъ руки, склонилъ голову на бокъ

и послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія приступилъ къ разсказу.

Мы не будемъ приводить въ подробности словъ сторожа, употребившаго на это всего двадцать минутъ, но сущность его разсказа заключалась въ слѣдующемъ:

Оливеръ найденышъ, рожденный отъ порочныхъ родителей, низкаго, вѣроятно, происхожденія. Онъ съ перваго же дня рожденія отличался такими качествами, какъ ложь, неблагодарность и злость: онъ закончилъ пребываніе въ мѣстѣ своего рожденія покушеніемъ на убійство ни въ чемъ неповиннаго мальчика, послѣ чего бѣжалъ ночью изъ дому своего хозяина. Въ доказательство того, что онъ дѣйствительно есть то лицо, какимъ называетъ себя, мистеръ Бемблъ положилъ на столъ захваченныя имъ съ собою бумаги. Сложивъ снова руки, онъ ждалъ, что ему скажетъ мистеръ Броунлоу.

— Боюсь, что все это правда, — печально сказалъ старый джентльменъ, осматривая поданныя ему бумаги. — Вотъ обѣщанная награда. Я готовъ былъ бы дать вамъ втрое больше, будь ваше показаніе болѣе благопріятнымъ для мальчика.

Знай мистеръ Бемблъ раньше объ этомъ, онъ навѣрное постарался бы придать нѣсколько дру-

гую окраску своему разсказу. Но было уже поздно, а потому онъ важно поклонился и вышелъ, спрятавъ деньги въ свой карманъ.

Мистеръ Броунлоу нѣсколько минутъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо удрученный до того разсказомъ сторожа, что мистеръ Гримвигъ не рѣшался даже подзадоривать его. Наконецъ онъ остановился и сильно позвонилъ.

— Мистриссъ Бедуинъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу вошедшей экономкѣ;- этотъ мальчикъ, Оливеръ, наглый обманщикъ.

— Это не можетъ быть, сэръ, не можетъ быть! — энергично протестовала старая леди.

— Я вамъ говорю, что это такъ, — отвѣчалъ старый джентльменъ. — Почему вы думаете, что это не можетъ быть? Мы сейчасъ слышали полный разсказъ о немъ со дня его рожденія, а онъ всю жизнь свою былъ негоднымъ мальчишкой.

— Никогда не повѣрю я этому, сэръ, — твердо отвѣчала старая леди, — никогда!

— Вы старыя женщины никогда ни во что не вѣрите, кромѣ шарлатановъ-докторовъ, да разныхъ сказокъ, — сказалъ мистеръ Гримвигъ. — Я зналъ это давно. Почему вы не повѣрили моему совѣту съ самаго начала? Да вы и повѣрили бы, не замѣшайся тутъ горячка. Такой ужъ онъ былъ

интересный, не правда-ли? Интересный! Ба! — и мистеръ Гримвигъ съ раздраженіемъ помѣшалъ огонь въ каминѣ.

— Оливеръ былъ милое, благодарное, кроткое дитя, сэръ! — съ негодованіемъ отвѣтила ему мистриссъ Бедуинъ. — Я хорошо знаю дѣтей, сэръ, я сорокъ лѣтъ имѣла дѣло съ ними и совѣтовала бы людямъ, которые не могутъ сказать того же о себѣ, никогда и ничего не говорить о дѣтяхъ. Таково мое мнѣніе, сэръ!

Это былъ жестокій щелчокъ мистеру Гримвигу, который былъ холостякомъ. Видя, что слова ея вызвали только одну улыбку на лицѣ этого джентльмена, мистриссъ Бедуинъ смяла передникъ въ рукахъ и приготовилась сказать еще кое что, когда мистеръ Броунлоу остановилъ ее.

— Замолчите! — сказалъ старый джентльменъ, дѣлая видъ, что сердится, чего не было на самомъ дѣлѣ. — Чтобы я никогда больше не слышалъ имени этого мальчика! Я и позвалъ васъ собственно за этимъ. Никогда! Никогда и ни подъ какимъ предлогомъ! Можете уйти, мистриссъ Бедуинъ! Помните! Я говорю серьезно.

Не у одного мистера Броунлоу было тяжело на сердцѣ въ эту ночь.

Сердце Оливера тоскливо сжималось, когда

онъ думалъ о своихъ друзьяхъ. Какое счастье для него, что онъ не зналъ, что они слышали о немъ сегодня, не то сердце его разбилось бы навсегда.

XVIII. Какъ проводитъ время Оливеръ въ прекрасномъ обществѣ своихъ достойныхъ товарищей

На слѣдующій день, около полудня, когда Доджеръ и мистеръ Бетсъ вышли на свои обычныя занятія, мистеръ Феджинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы прочесть Оливеру лекцію о вопіющемъ грѣхѣ неблагодарности; онъ ясно и неоспоримо доказалъ ему виновность его въ томъ, что онъ добровольно скрылся отъ своихъ друзей, которые такъ безпокоились о немъ, а затѣмъ, когда послѣ столькихъ хлопотъ и расходовъ удалось найти его, пробовалъ снова бѣжать отъ нихъ. Больше всего напиралъ мистеръ Феджинъ на то, что онъ пріютилъ и приласкалъ Оливера въ то время, когда безъ его скромной помощи, онъ могъ бы умереть съ голоду. Затѣмъ онъ разсказалъ ему объ одномъ мальчикѣ, которому онъ изъ человѣколюбія помогъ при такихъ же точно обстоятельствахъ и который впослѣдствіи оказался недостойнымъ довѣрія, вступивъ въ союзъ съ полиціей, и въ концѣ концовъ былъ въ одно прекрасное утро повѣшенъ въ Ольдъ-Байлей.

Мистеръ Феджинъ не отрицалъ своего участія въ этой катастрофѣ, но со слезами на глазахъ выражалъ свое сожалѣніе объ упрямомъ и низкомъ поведеніи уномянутаго выше мальчика, который сдѣлался жертвой показанія, далнаго передъ судомъ, каковое показаніе хотя и не было вѣрно, было все же необходимо для безопасности его, мистера Феджина, и нѣсколькихъ избранныхъ друзей. Рѣчь свою Феджинъ закончилъ описаніемъ непріятностей, испытываемыхъ при повѣшеніи, а затѣмъ вѣжливо и ласково выразилъ надежду, что Оливеръ никогда не подвергнется этой непріятной операціи.

У Оливера кровъ стыла въ жилахъ, когда онъ слушалъ разсказъ еврея, хотя не совсѣмъ ясно понималъ угрозу заключающуюся въ немъ. Онъ зналъ уже, что правосудіе можетъ принять невиннаго за виновнаго, если оба они будутъ захвачены на одномъ и томъ же дѣлѣ. Помнилъ также разсказы о разныхъ планахъ, составленныхъ съ цѣлью погубить неудобныхъ почему либо и слишкомъ болтливыхъ людей и приведенныхъ въ исполненіе самимъ старымъ евреемъ, о чемъ столько разъ, въ присутствіи Оливера, дѣлались намеки при разговорѣ веселаго джентльмена съ мистеромъ Сайксомъ. Котда Оливеръ под-

нялъ глаза и встрѣтился съ проницательнымъ взоромъ еврея, онъ почувствовалъ, что блѣдное лицо его и дрожь пробѣгавшая по всему тѣлу его, не ускользнули отъ стараго джентльмена.

Еврей съ отвратительной улыбкой погладилъ Оливера по головѣ и сказалъ, что если онъ будетъ слушаться и привыкать къ дѣлу, то они будутъ съ нимъ большими друзьями. Затѣмъ, одѣвшись, онъ вышелъ изъ комнаты и заперъ за собою дверь на ключъ.

Весь этотъ день, да и большую часть послѣдующихъ дней оставался Оливеръ одинъ, начиная съ ранняго утра и до полуночи, не видя никого и предоставленный самому себѣ и своимъ мыслямъ. А мысли эти были грустныя и всегда почти заняты были его друзьями и тѣмъ мнѣніемъ, которое они, вѣроятно, давно уже составили о немъ.

По прошествіи недѣли еврей пересталъ закрывать комнату на ключъ и Оливеръ получилъ возможность ходить но всему дому. Всюду была неописуемая грязь. Въ комнатахъ были большіе камины съ высокими деревянными колпаками, высокіе двери, филенчатыя стѣны и карнизы на потолкахъ, которые были украшены орнаментами, почерпѣвшими отъ грязи и пыли. Изъ всего

этого Оливеръ вывелъ заключеніе, что давно еще, давно, до того какъ родился старый еврей, домъ этотъ принадлежалъ лучшимъ людямъ, что здѣсь, вѣроятно, было весело и красиво, а не такъ ужасно и грязно, какъ теперь.

Пауки раскинули свои паутины по всѣмъ угламъ стѣнъ и потолка, а иногда въ ту минуту, какъ Оливеръ входилъ въ какую нибудь комнату, мимо него пробѣгала испуганная мышь и спѣшила укрыться въ своей норкѣ. За исключеніемъ этого во всемъ домѣ не слышно было ни единаго звука, который указывалъ бы на присутствіе живого существа. Когда становилось темно и Оливеръ чувствовалъ себя усталымъ отъ постоянныхъ хожденій изъ комнаты въ комнату, онъ забирался въ уголъ корридора, изъ котораго выходила дверь на улицу, чтобы быть, по возможности, ближе къ живымъ людямъ. Такъ сидѣлъ онъ здѣсь, прислушиваясь ко всякому звуку и считая часы, пока не возвращался еврей и мальчики.

Старыя, гнилыя ставни были закрыты во всѣхъ комнатахъ и придерживались болтами, ввинченными глубоко въ дерево; свѣтъ проникалъ только черезъ круглыя отверстія на самомъ верху ставней, вслѣдствіе чего въ комнатахъ ца-

рилъ полумракъ, наполнявшій ихъ странными тѣнями. На заднемъ чердакѣ находилось окно, задѣланное снаружи желѣзной рѣшеткой. Оливеръ цѣлыми часами съ грустью стоялъ подлѣ него, но ничего не могъ разсмотрѣть, кромѣ цѣлой массы крышъ, черныхъ трубъ и шпицовъ на крышахъ. Иногда въ одномъ изъ домовъ, находившихся въ отдаленіи, показывалась чья-то сѣдая голова, выглядывающая изъ-за парапета стѣны, но обыкновенно она быстро исчезала снова.

Такъ какъ окно въ обсерваторіи Оливера было заколочено гвоздями и стекла его, не мывшіяся много лѣтъ подъ рядъ, потускнели отъ дождя и дыма, то онъ съ трудомъ различалъ очертанія разныхъ предметовъ, а потому не могъ ничего предпринять, чтобы его увидѣли и услышали. Онъ также имѣлъ мало шансовъ на это, какъ если былъ бы запертъ внутри шара на самой верхушкѣ собора Св. Павла.

Какъ то разъ послѣ обѣда, когда Доджеръ и Бетсъ собирались на вечернюю экскурсію, первому пришла въ голову фантазія заняться своимъ туалетомъ, (надо отдать ему справедливость, онъ никогда этимъ не занимался), и онъ обратился къ Оливеру, снисходительно позволивъ ему привести въ порядокъ его костюмъ.

Оливеръ очень обрадовался, что можетъ быть полезнымъ; счастливый тѣмъ, что наконецъ видѣлъ подлѣ себя человѣческія лица, готовый сдѣлать для нихъ все, что не противорѣчило его совѣсти, онъ безъ малѣйшаго возраженія приступилъ къ исполненію даннаго ему приказанія. Ставъ на колѣни, въ то время какъ Доджеръ сидѣлъ на стулѣ, чтобы ему легче было держать его ногу, онъ занялся процессомъ, который мистеръ Даукинсъ называлъ на своемъ нарѣчіи «лакированіемъ своихъ рысаковъ», что означало просто напросто чистку сапогъ.

Сознаніе ли собственной свободы и независимости, которое надо полагать должно испытывать такъ называемое разумное животное, когда оно можетъ сидѣть на столѣ и курить трубку, беззаботно болтая одною ногой, тогда какъ въ это время ему чистятъ сапоги и ему не нужно даже заботиться о томъ, чтобы снять ихъ и затѣмъ снова надѣвать, хорошее ли качество табаку смягчило такъ чувства Доджера, или пріятный вкусъ пива успокоилъ такъ его мысли, но только въ данную минуту душа его проникнута была романтизмомъ и энтузіазмомъ, чуждымъ обыкновенно его натурѣ. Онъ взглянулъ на Оливера, задумался на минуту и, поднявъ затѣмъ голову,

слегка вздохнулъ и сказалъ, не то обращаясь къ самому себѣ, не то къ мистеру Бетсу:

— Какая жалость, что онъ не хочетъ «стрѣлять!»

— Да, — сказалъ мистеръ Чарли Бетсъ, — онъ самъ не сознаетъ своей пользы.

Доджеръ вздохнулъ и снова взялся за трубку; то же самое сдѣлалъ Чарли Бетсъ. Нѣсколько секундъ курили оба молча.

— Я думаю, онъ не знаетъ, что значитъ «стрѣлять», — сказалъ, нахмурившись, Доджеръ.

— А я думаю, что знаю, — сказалъ Оливеръ и взглянулъ на него. — Это значитъ быть во... Вы-то сами стрѣляете или нѣтъ? — спросилъ Оливеръ, краснѣя.

— Да, стрѣляю, — отвѣчалъ Доджеръ. — И Чарли стрѣляетъ, и Феджинъ, и Сайксъ, и Нанси, и Бетъ. Всѣ мы воры, включая сюда и собаку. Она то пожалуй всѣхъ насъ будетъ искусснѣе.

— А главное не донесетъ, — прибавилъ Чарли Бетсъ.

— Она не тявкнетъ на свидѣтельской скамьѣ изъ боязни проговориться; привяжи ты ее тамъ на веревку и оставь недѣли двѣ безъ ѣды и то не выдастъ себя, — сказалъ Доджеръ.

— Ни чуть, — замѣтилъ Чарли.

— Знатная собака! Смотри, какъ она взглянетъ на всякаго, кто вздумаетъ смѣяться и пѣть, когда сидитъ въ компаніи, — продолжалъ Доджеръ. — А заворчитъ то какъ, когда услышитъ скрипку. И какъ ненавидитъ всѣхъ собакъ не ея сорта. Да!

— Христіанка до мозга костей, — сказалъ Чарли.

Чарли Бетсъ сказалъ это, желая похвалить собаку за ея ловкость и смышленость, а между тѣмъ въ словахъ этихъ могъ заключаться совсѣмъ иной смыслъ, непонятный для него. Сколько существуетъ на свѣтѣ леди и джентльменовъ, мнящихъ себя истинными христіанами, тогда какъ между ними и собакой мистера Сайкса могло найтись много пунктовъ поразительнаго сходства.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказалъ Доджеръ, стараясь вернуться къ началу разговора, отъ котораго его отвлекли, потому что собственная профессія его была всегда у него на первомъ планѣ. — Это ничего не имѣетъ общаго съ нашимъ юнцомъ.

— Не имѣетъ, — сказалъ Чарли. — Почему ты не хочешь слушать Феджина, Оливеръ?

— И благодаря ему, нажить себѣ состояніе? — прибавилъ Доджеръ съ усмѣшкой.

— И жить въ своемъ имѣніи, во все свое удовольствіе. Года этакъ черезъ четыре, когда у насъ будетъ високосный годъ и сорокъ второй вторникъ послѣ Троицы, заживу и я такимъ образомъ, — сказалъ Чарли.

— Мнѣ это не нравится, — робко сказалъ Оливеръ, — я желалъ бы, чтобы меня выпустили отсюда. Я... я... желалъ-бы уйти.

— Феджинъ не желаетъ этого, — сказалъ Чарли.

Оливеръ слишкомъ хорошо зналъ это, но подумавъ, что здѣсь слишкомъ опасно выражать откровенно свои чувства, только вздохнулъ и снова принялся за чистку сапогъ.

— Удрать! — воскликнулъ Доджеръ. — Въ умѣ ли ты? И неужели у тебя такъ таки и нѣтъ прирожденной гордости? Удрать для того, чтобы жить на счетъ своихъ друзей!

— Брось ты это! — сказалъ мистеръ Бетсъ, вытаскивая изъ кармана два или три шелковыхъ платка и бросая ихъ въ шкапъ. — Надо придумать только такую низость!

— Я не могъ бы, — сказалъ Доджеръ съ видомъ отвращенія.

— А бросить друзей своихъ вы можете, — сказалъ Оливеръ, слегка улыбаясь, — и допустить,

чтобы ихъ наказали за то, что вы сдѣлали?

— Ну, это, видишь ли, — сказалъ Доджеръ, размахивая трубкой, — все это было сдѣлано ради Феджина. Полиція, понимаешь-ли, знаетъ, что мы работаемъ вмѣстѣ, и не удери мы во-время, мы много надѣлали бы ему хлопотъ. Правда вѣдь, Чарли?

Мистеръ Бетсъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и хотѣлъ что то сказать, когда вспомнилъ вдругъ о бѣгствѣ Оливера; это вызывало у него такой припадокъ смѣха, что онъ поперхнулся дымомъ и минутъ пять кашлялъ и топалъ ногами, пока не откашлялся.

— Смотри! — сказалъ Доджеръ, вынимая изъ кармана горсть шиллинговъ и полупенсовиковъ. — Не веселая развѣ жизнь? Изъ какихъ источниковъ досталъ я ихъ? Гдѣ я бралъ, тамъ ихъ много еще. И ты не хочешь этого, не хочешь? И дуракъ же ты!

— Не хорошо, Оливеръ, правда? — спросилъ Чарли Бетсъ. — За это подтянутъ кверху?

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Нѣчто въ этомъ родѣ, - сказалъ Чарли, и съ этими словами мистеръ Бетсъ схватилъ конецъ своего галстуха и, вытянувъ его вверхъ, опустилъ

голову на плечо и испустилъ сквозь зубы какой то странный звукъ, показывая этой нѣмой пантомимой, что подтянуть за шею и повѣсить одно и то же.

— Вотъ что я хотѣлъ сказать, — продолжалъ онъ. — Взгляни, какъ онъ таращитъ глаза! Никогда еще не видѣлъ такого юнца, какъ этотъ мальчикъ. Онъ будетъ причиной моей смерти, это я знаю.

Чарли Бетсъ снова расхохотался до слезъ и затѣмъ принялся за трубку.

— Тебя вѣдь все равно испортятъ, — сказалъ Доджеръ съ удовольствіемъ посматривая на вычищенные Оливеромъ сапоги. — Феджинъ перекроитъ тебя, какъ захочетъ, а если нѣтъ, то ты будешь первымъ, съ которымъ ему не удастся справиться. Начинай ужъ лучше сразу; ты тогда скорѣе привыкнешь въ ремеслу и не будешь тратить времени напрасно.

— И заруби ты себѣ на носу, Нолли, — сказалъ Доджеръ, услыхавъ, что еврей отпираетъ дверь, — если ты не будешь добывать вытиралокъ и тикалокъ...

— И къ чему такъ говорить съ нимъ, — перебилъ его Бетсъ, — онъ все равно не понимаетъ.

— Если ты не будешь таскать платковъ и ча-

совъ, — продолжалъ Доджеръ, стараясь принаровиться къ пониманію Оливера, — ихъ вытащитъ другой кто нибудь. Выйдетъ все равно; потеряетъ тотъ, у кого стащили, и ты потеряешь; никто, значитъ, въ выигрышѣ не будетъ, кромѣ того, кто стащилъ... Такъ ужъ лучше тебѣ, чѣмъ другому.

— Разумѣется, разумѣется, — сказалъ еврей, который вошелъ въ комнату незамѣченный Оливеромъ. — Все это лежитъ въ орѣховой скорлупѣ, мой милый; въ орѣховой скорлупѣ... спроси вотъ у Доджера. Ха, ха, ха! Никто лучше его не знаетъ нашего катихизиса.

Еврей потиралъ себѣ руки, слушая краснорѣчивыя доказательства Доджера и хихикая отъ радости, что у него такой геніальный питомецъ.

Разговоръ, однако, долженъ былъ прекратиться на этомъ мѣстѣ, потому что еврей вернулся въ сопровожденіи миссъ Бетси и джентльмена, котораго Оливеръ ни разу не видѣлъ и котораго называли Томомъ Читлингомъ. Джентльменъ этотъ вошелъ не сразу послѣ еврея, а еще нѣсколько минутъ болталъ съ миссъ Бетси на лѣстницѣ.

Мистеръ Читлингъ былъ старше Доджера и прожилъ на свѣтѣ зимъ восемнадцать; но въ обращеніи его съ этимъ юнымъ джентльменомъ было нѣчто, указывающее на то, что онъ счита-

етъ себя несравненно ниже, ибо чувствуетъ, что ему далеко до пріобрѣтенія такихъ геніальныхъ способностей. У него были маленькіе, вѣчно мигающіе глазки и лицо, покрытое слѣдами оспы; онъ былъ въ мѣховой шапкѣ, темной полосатой курткѣ изъ бумажнаго бархата, сѣрыхъ бумазейныхъ брюкахъ и въ передникѣ. Костюмъ его, говоря по правдѣ, былъ въ самомъ невозможномъ видѣ; онъ просилъ компанію извинить его, потому что онъ освободился всего только часъ тому назадъ, а такъ какъ онъ цѣлыхъ шесть недѣль обязанъ былъ носить одинъ и тотъ же мундиръ, подчиняясь извѣстнымъ правиламъ, то не имѣлъ времени обратить вниманіе на свое обыкновенное платье. Мистеръ Читлингъ прибавилъ съ раздраженіемъ, что новый способъ обкуриванія одежды адски неконституціоналенъ, потому что результатомъ его являются дырки, а что ты подѣлаешь противъ суда? То же самое замѣчаніе сдѣлалъ онъ и относительно странной моды стричь извѣстнымъ образомъ волоса, что по его мнѣнію было совсѣмъ уже противозаконно.

Разсказъ свой мистеръ Читлингъ кончилъ заявленіемъ, что вотъ уже сорокъ два долгихъ, смертельно томительныхъ дня, какъ во рту у него не было ни одной капельки и что пусть его

повѣсятъ, если у него не такъ сухо во рту, какъ въ корзинѣ для извести.

— Какъ ты думаешь, Оливеръ, откуда пожаловалъ этотъ джентльменъ? — спросилъ еврей.

— Я... я... не знаю, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Это кто? — спросилъ Томъ Читлингъ, подозрительно посматривая на Оливера.

— Мой юный другъ, голубчикъ! — отвѣчалъ еврей.

— Значитъ повезло, — сказалъ молодой человѣкъ, бросая многозначительный взглядъ на Феджина. — Не все ли равно, откуда я пожаловалъ; въ скоромъ времени и ты тамъ будешь, готовъ прозакладывать крону.

Выходка эта насмѣшила мальчиковъ. Пошутивъ еще немного на этотъ счетъ, они шепотомъ поговорили о чемъ то съ евреемъ и тотчасъ же ушли.

Вновь пришедшій, тихонько переговорилъ съ евреемъ и затѣмъ они придвинули свои стулья къ огню. Еврей, приказавъ Оливеру сѣсть подлѣ себя, завелъ разговоръ о такихъ предметахъ, которые, по его мнѣнію, должны были интересовать его слушателей. Онъ говорилъ о великихъ преимуществахъ своего ремесла, о способностяхъ Доджера, о веселомъ характерѣ Чарли Бетса, о

щедрости его самого. Мало по малу предметъ разговора истощился и мистеръ Читлингъ заявилъ, что очень усталъ, потому что пребываніе въ исправительномъ домѣ даетъ себя чувствовать черезъ недѣлю, двѣ. Миссъ Бетси сочла поэтому необходимымъ удалиться и все общество отправилось спать.

Съ этого дня Оливера никогда не оставляли одного; онъ постоянно находился въ обществѣ двухъ мальчиковъ, которые каждый день играли въ старую игру съ евреемъ, для собственнаго ли ихъ обученія или для Оливера, это было лучше извѣстно еврею. По временамъ еврей разсказывалъ о грабежахъ, совершенныхъ имъ въ юные дни, приправляя ихъ такими смѣшными и любопытными подробностями, что Оливеръ, слушая ихъ, смѣялся отъ всего сердца и какъ будто бы интересовался ими, не смотря на всѣ свои хорошія качества.

Такъ постепенно обвивалъ еврей Оливера своими сѣтями. Подготовивъ настроеніе его одиночествомъ и мракомъ, онъ заставилъ его желать общества себѣ подобныхъ, предпочитая его мрачнымъ мыслямъ, одолѣвавшимъ его въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, и медленно, по каплѣ вливалъ ядъ въ его душу, надѣясь, что ему удастся

навсегда лишить ее чистоты и наполнить безпрерывнымъ мракомъ.

XIX. Обсуждается замѣчательный планъ и постановляется рѣшеніе непремѣнно привести его въ исполненіе

Была холодная, сырая, вѣтреная ночь, когда еврей, завернувъ плотнѣе въ сѣрый плащъ свое дрожащее отъ холода тѣло и поднявъ воротникъ до самыхъ ушей, чтобы скрыть нижнюю часть лица, вышелъ изъ своего логова. Онъ остановился у двери, которую за нимъ заперли на ключъ и на цѣпь, и прислушивался до тѣхъ поръ, пока стихли шаги, а затѣмъ двинулся по улицѣ со всего поспѣшностью, на какую былъ способенъ.

Домъ, куда привели Оливера, находился по сосѣдству съ Уайтчепелемъ. Еврей постоялъ съ минуту на углу улицы и, оглянувшись подозрительно кругомъ, перешелъ улицу и повернулъ по направленію къ Спитальфильдсу.

Грязь лежала густымъ слоемъ на камняхъ и мрачный туманъ висѣлъ надъ улицами; дождь моросилъ не переставая и все кругомъ было холодно и липло къ рукамъ. Ночь эта, какъ бы нарочно была создана для такихъ существъ, ка-

кимъ былъ еврей.

Отвратительный старикъ скользилъ украдкой вдоль стѣнъ и воротъ, напоминая собой омерзительную гадину, порожденіе грязи и мрака, среди которыхъ она двигается и живетъ, выползая лишь ночью на поиски какой нибудь падали.

Онъ прошелъ нѣсколько узкихъ и извилистыхъ улицъ, пока же дошелъ до Бетнель-Грина; отсюда онъ круто повернулъ влѣво и скоро очутился въ чрезвычайно тѣсно и густо населенномъ кварталѣ Лондона, который изобилуетъ нищенскими и грязными улицами.

Еврей повидимому былъ очень близко знакомъ съ этою мѣстностью, чтобы пугаться темноты ночной и разныхъ препятствій на пути. Онъ прошелъ нѣсколько переулковъ и улицъ и наконецъ повернулъ въ ту изъ нихъ, которая была освѣщена однимъ единственнымъ фонаремъ и то на самомъ концѣ. Подойдя къ дверямъ одного дома, онъ постучалъ и затѣмъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ лицомъ, отворившимъ ему дверь, поднялся по лѣстницѣ. Послышалось ворчаніе собаки, когда онъ дотронулся до ручки двери, и чей то голосъ спросилъ, кто тамъ.

— Только я одинъ, Билль, только я одинъ, мой другъ, — сказалъ еврей.

— Тащи сюда свое тѣло, — сказалъ Сайксъ. — Смирно, глупое ты животное! Не знаешь ты развѣ, какой чортъ ходитъ въ сѣромъ плащѣ?

Надо полагать, что собака была обманута наружнымъ видомъ плаща еврея; когда онъ снялъ его и бросилъ на спинку стула, она тотчасъ же удалилась въ свой уголъ, откуда только что вышла.

— Ну? — сказалъ Сайксъ.

— Ну, мой милый, — отвѣчалъ еврей. — А, Нанси!

Въ этомъ восклицаніи слышалось нѣкоторое сомнѣніе относительно того, какого ему слѣдуетъ ждать пріема, такъ какъ мистеръ Феджинъ ни разу еще не видѣлся съ молодой дѣвушкой съ того самаго дня, когда она вступилась за Оливера. Сомнѣніе его на этотъ счетъ скоро разсѣялись при видѣ поведенія молодой леди. Нанси сняла ноги съ рѣшетки, отодвинула свой стулъ и просила Феджина придвинуться къ огню, не упоминая о томъ, что было.

— Да, Нанси, милая, холодно, — сказалъ еврей, грѣя свои костлявыя руки у огня. — Насквозь пронизываетъ, — продолжалъ онъ, притрогиваясь къ своему боку.

— Только сверломъ и пронижешь твое тѣло,

чтобы добраться до твоего сердца, — сказалъ Сайксъ. — Дай ему, Нанси, чего нибудь выпить. Да поскорѣе, чортъ тебя возьми! Тутъ самъ заболѣешь, глядя, какъ дрожитъ этотъ старый, обшитый кожею, остовъ... Ни дать, ни взять пугало, вставшее изъ могилы.

Нанси поспѣшно вынула бутылку изъ шкапа, гдѣ было много бутылокъ, которыя, судя по разному виду ихъ, были наполнены разными сортами спиртныхъ напитковъ. Сайксъ наполнилъ стаканъ водкою и предложилъ его еврею.

— Довольно, совершенно довольно! Благодарю, Билль, — сказалъ еврей, только приложившись губами къ стакану.

— Что? Ты боишься, что мы одержимъ верхъ надъ тобой, да? — спросилъ Сайксъ, пытливо всматриваясь въ еврея. — Гм!

Проворчавъ что-то себѣ подъ носъ, Сайксъ схватилъ стаканъ и выплеснулъ остатки въ золу, затѣмъ снова наполнилъ его и выпилъ залпомъ.

Еврей окинулъ взоромъ комнату, пока товарищъ его проглатывалъ второй стаканъ, не изъ любопытства, потому что онъ и раньше бывалъ здѣсь, но по своей безпокойной натурѣ и по привычкѣ видѣть во всемъ что нибудь подозрительное. Комната была обставлена бѣдно

и только содержимое шкапа заставляло подозрѣвать, что здѣсь не можетъ жить человѣкъ трудящійся. Изъ другихъ предметовъ болѣе всего бросаются въ глава двѣ, три дубины въ углу и пистолетъ, висѣвшій надъ каминомъ.

— Теперь, — сказалъ Сайксъ, облизывая губы, — я готовъ.

— Говорить о дѣлѣ? — спросилъ еврей.

— О дѣлѣ, - отвѣчалъ Сайксъ;- говори же, что ты хотѣлъ сказать.

— Насчетъ Чертсея, Билль? — сказалъ еврей, придвигая ближе свое кресло и стараясь говорить тихо.

— Да! Что же о немъ? — спросилъ Сайксъ.

— Ахъ! Ты вѣдь знаешь, что я хочу сказать, мой другъ, — сказалъ еврей. — Знаешь вѣдь, Нанси? Правда, знаетъ?

— Нѣтъ, не знаетъ, — подсмѣялся Сайксъ. — Или не хочетъ знать, а это не одно и то же. Да, говори ты, наконецъ, и называй вещи ихъ настоящими именами; сидитъ себѣ, да знай мигаетъ и подмаргиваетъ! И чего ты все намеками говоришь? Подумаешь, право, что не ты первый всякій грабежъ задумаешь. Ну же говори!

— Тише, Билль, тише! — сказалъ еврей, напрасно старавшійся остановить этотъ взрывъ

негодованія. — Кто нибудь можетъ услышатъ насъ, мой дорогой! Кто нибудь услышитъ.

— Ну и пусть себѣ слышитъ! — сказалъ Сайксъ. — Я не боюсь этого. — Хотя мистеръ Сайксъ не боялся, онъ тѣмъ не менѣе понизилъ голосъ и сталъ говорить тише.

— Вотъ видишь, — сказалъ еврей, — это я всѣ изъ осторожности и только. Какъ же мы насчетъ Чертсея, когда примемся за работу, Билль, а? Когда примемся? Ахъ, какое тамъ, серебро, мой милый, ахъ, какое серебро! — продолжалъ еврей, потирая руки отъ восторга.

— Нечего приниматься за работу, — холодно отвѣтилъ Сайксъ.

— Какъ нечего! — вскрикнулъ еврей, откидываясь на спинку стула.

— Разумѣется, нечего, — продолжалъ Сайксъ. Не такъ то легко будетъ, пожалуй, сдѣлать, какъ мы думали.

— Не такъ взялись за дѣло, вѣроятно, какъ слѣдуетъ, — сказалъ еврей, блѣднѣя отъ злобы. — Что же ты ничего не разсказываешь мнѣ!

— Разскажу сейчасъ, — отвѣчалъ Сайксъ. — Кто ты такой, чтобы тебѣ нельзя было разсказать? Говорю тебѣ, вотъ уже двѣ недѣли, какъ Тоби Крекитъ шныряетъ кругомъ этого мѣста и до

сихъ поръ еще не свелъ дружбы ни съ однимъ изъ тамошнихъ слугъ.

— Что ты, право, говоришь, Билль! — сказалъ еврей, становясь мягче по мѣрѣ того, какъ Сайксъ начинаетъ горячиться. — Не повѣрю я, чтобы нельзя было сманить на свою сторону ни одного изъ слугъ!

— Да, не сманить! — отвѣчалъ Сайксъ. — Двадцать лѣтъ уже, какъ они служатъ у этой старой леди и хоть ты имъ пятьсотъ фунтовъ пообѣщай, такъ и тогда не сманишь ихъ.

— Ахъ, какія глупости, Билль! — возразилъ еврей. — Чтобы женщинъ, да не одурачить!

— И не одурачишь, — отвѣчалъ Сайксъ.

— И такому ловкому, какъ Тоби Крекитъ, не одурачить? — недовѣрчиво спросилъ евреи. — Не знаешь ты, развѣ, женщинъ, Билль?

— Нѣтъ, и даже Тоби Крекиту, — отвѣчалъ Сайксъ. — Онъ говоритъ, что надѣвалъ накладные усы, бакенбарды и жилетъ канареечнаго цвѣта шатался, шатался и хоть бы тебѣ что!

— Какъ же было не надѣть усовъ и военныхъ брюкъ, мой милый! — сказалъ еврей.

— Надѣвалъ, — отвѣчалъ Сайксъ, — съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первые.

Извѣстіе это окончательно смутило еврея. Онъ

нѣсколько минутъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости и, наконецъ, поднявъ голову, сказалъ, съ глубокимъ вздохомъ, что дѣло надо считать проиграннымъ, если все правда, что горитъ Тоби Крекитъ.

— Да, — сказалъ онъ, съ отчаяніемъ опуская руки на колѣни, — тяжело терять то, во что мы, такъ сказать, вложили всю душу нашу.

— Да, вѣрно, — отвѣчалъ Сайксъ. — Не везетъ!

Наступило долгое молчаніе, во время котораго еврей сидѣлъ, глубоко задумавшись, причемъ и безъ того отталкивающее выраженіе его лица сдѣлалось еще болѣе гнуснымъ, по истинѣ дьявольскимъ. Сайксъ время отъ времени Искоса поглядывалъ на него. Нанси, боясь, вѣроятно раздразнить разбойника, сидѣла, устремивъ глаза на огонь и, казалось, была глуха ко всему, что происходило кругомъ нея.

— Феджинъ, — сказалъ Сайксъ, прерывая вдругъ молчаніе, — дашь пятьдесятъ гинеи лишнихъ, если я устрою тебѣ всѣ, какъ слѣдуетъ?

— Да, — отвѣчалъ еврей, вскакивая съ мѣста.

— По рукамъ, значитъ? — спросилъ Сайксъ.

— Да, мой милый, да, — отвѣчалъ еврей; глаза его засверкали и всѣ лицо мгновенно оживилось.

— Хорошо, — сказалъ Сайксъ, съ пренебреженіемъ отталкивая руку еврея, — примемся за дѣло, когда пожелаешь. Мы съ Тоби перелѣзли позапрошлую ночь черезъ садовую стѣну и осмотрѣли всѣ двери и ставни. Домъ запирается на ночь, точно тюрьма, но мы выискали мѣстечко, куда можно пробраться наибезопаснѣншимъ образомъ.

— Гдѣ это, Билль — спросилъ еврей.

— Когда перейдешь лужайку...

— Ну? — сказалъ еврей, вытянувъ впередъ голову и уставивъ на Сайкса глаза.

— Гм!.. — крякнулъ Сайксъ, замѣтивъ, что дѣвушка слегка поднявъ голову, оглянулась кругомъ и едва замѣтно кивнула въ сторону еврея. — Не все ли, впрочемъ, равно, гдѣ? Ты не можешь справиться безъ меня, а всегда лучше быть насторожѣ, когда имѣешь дѣло съ такими, какъ ты.

— Какъ хочешь, мой милый, какъ хочешь! — отвѣчалъ еврей. — Помощи не нужно, обойдетесь вдвоемъ, ты и Тоби?

— Нѣтъ, — сказалъ Сайвсъ. — Нужны еще коловоротъ и мальчикъ. Первое мы уже добыли, второе добудь ты.

— Мальчика! — воскликнулъ еврей. — Черезъ

окно, значитъ?

— Какое тебѣ дѣло? — отвѣчалъ Сайксъ. Мнѣ нуженъ мальчикъ и небольшого роста. Господи! — сказалъ Сайксъ, — заполучить бы мнѣ только мальчика отъ Неда трубочиста! Онъ нарочно не давалъ ему расти и уступалъ его намъ за деньги, когда нужно было. Отца теперь засадили и мальчишку забрало къ себѣ Общество покровительства малолѣтнимъ. Лишило его заработка и вздумало учить читать и писать, чтобы отдать его куда нибудь въ ученики. Такъ всегда это и дѣлаетъ, — говорилъ Сайксъ, всѣ болѣе и болѣе раздражаясь, — такъ и дѣлаетъ! Будь у него больше денегъ, всѣхъ бы мальчишекъ перехватало въ два, три года и полдюжины не оставило бы намъ.

— Больше и не нужно, — сказалъ еврей, который изъ всей рѣчи Сайкса, разслышалъ только его послѣднія слова. — Билль!

— Ну? — спросилъ Сайксъ.

Еврей кивнулъ головой въ сторону Нанси, которая сидѣла уставившись на огонь, и сдѣлалъ знакъ, чтобы Сайксъ удалилъ ее въ комнаты. Сайксъ нетерпѣливо передернулъ плечами, какъ бы считая эту предусмотрительность совершенно лишней, но тѣмъ не менѣе сказалъ Нанси, чтобы

она принесла ему кружку пива.

— Никакого тебѣ пива не нужно, — сказала Нанси, складывая руки и откидываясь на спинку стула.

— А я тебѣ говорю, нужно! — отвѣчалъ Сайксъ.

— Пустяки, — хладнокровно продолжала Нанси. Я знаю, что онъ хочетъ сказать, Билль, ему не зачѣмъ отправлять меня.

Еврей не зналъ, что ему дѣлать. Сайксъ съ удивленіемъ переводилъ взоръ съ Нанси на еврея и наоборотъ.

— Чѣмъ же она помѣшала тебѣ, Феджинъ? — сказалъ онъ наконецъ. — Ты ее давно уже знаешь и можешь довѣриться. Не пойдетъ же она болтать, чортъ возьми! Не проболтаешься, Нанси?

— Думаю, что нѣтъ, — отвѣчала молодая леди; она придвинула столъ поближе и положила на него локти.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая моя, знаю, что нѣтъ, только… и еврей замолчалъ.

— Только, — что? — спросилъ Сайксъ.

— Видишь ли, я боюсь, не въ такомъ ли она настроеніи опять, какъ тогда… Помнишь въ тотъ вечеръ, — отвѣчалъ еврей.

При этихъ словахъ миссъ Нанси разразилась громкимъ хохотомъ и, выпивъ залпомъ стаканъ

водки, покачала головой съ видомъ недовѣрія и произнесла подъ рядъ нѣсколько восклицаній въ родѣ: «Затѣвай игру», «Никогда не отчаявайся!» и тому подобное. Слова эти, повидимому, успокоили обоихъ джентльменовъ. Еврей кивнулъ головой въ знакъ удовольствія и сѣлъ на прежнее мѣсто, Сайксъ послѣдовалъ его примѣру.

— Начинай, Феджинъ! — сказала Нанси. И чего ты не скажешь сразу, что дѣло идетъ объ Оливерѣ.

— Ха, ха! Ну и молодецъ же ты, Нанси! Такой умницы, какъ ты, я, право, не видѣлъ! — сказалъ еврей, дружески хлопая ее по плечу. — Объ Оливерѣ, да. О немъ хотѣлъ я говорить... вѣрной! Ха, ха, ха!

— Что же ты хотѣлъ говорить о немъ? — спросилъ Сайксъ.

— Какъ разъ подходящій для твоего дѣла мальчикъ, мой милый! — отвѣчалъ ему еврей хриплымъ шопотомъ, прикладывая палецъ къ носу и злобно хихикая.

— Онъ! — крикнулъ Сайксъ.

— Можешь взять его, Билль! — сказала Нанси. — Я взяла бы... будь я на твоемъ мѣстѣ. Онъ не такъ пронырливъ, какъ другіе... Но вѣдь этого тебѣ не можно... Придется только дверь отворить

и больше ничего. Все зависитъ отъ того, надеженъ онъ или нѣтъ, Билль.

— Я знаю, что надеженъ, — отвѣчалъ Феджинъ. — Я хорошо вышколилъ его за эти послѣднія недѣли и ему пора зарабатывать свой хлѣбъ. Тѣ мальчики слишкомъ велики для этого.

— Онъ какъ разъ такого росту, какой мнѣ нуженъ, — сказалъ Сайксъ.

— И сдѣлаетъ все, что ты ему прикажешь, Билль! — продолжалъ еврей. — Онъ не посмѣетъ упрямиться, особенно если ты хорошенько напугаешь его.

— Напугать его! — повторилъ Сайксъ. — Будь покоенъ, напугаю. Пусть только вздумаетъ фокусничать, когда будемъ на дѣлѣ, не будетъ ему спуску ни на пенни, ни на фунтъ. Живымъ его ты не увидишь, Феджинъ! Подумай объ этомъ прежде, чѣмъ посылать его ко мнѣ. Запомни мои слова! — сказалъ разбойникъ, размахивая ломомъ, который онъ вытащилъ изъ за кровати.

— Я все обдумалъ, — сказалъ еврей;- я... я все время присматривался къ нему, мои милые... близко... близко. Надо дать ему почувствовать, что онъ одинъ изъ нашихъ, заставить его проникнуться тою мыслью, что онъ нашъ, и тогда онъ нашъ. Нашъ на всю жизнь. Лучше этого не

придумать! — Старый еврей скрестилъ руки на груди, приподнялъ плечи и весь съежился отъ удовольствія.

— Нашъ! — сказалъ Сайксъ. — Твой, хочешь ты сказать?

— Можетъ быть, — отвѣчалъ еврей, усмѣхнувшись. — Мой, если тебѣ нравится, Билль!

— И чего ты такъ гонишься за этимъ блѣднолицымъ ребенкомъ, — съ удивленіемъ сказалъ Сайксъ, — когда ты каждый вечеръ найдешь штукъ пятьдесятъ мальчишекъ, шныряющихъ у Коммонъ-Гардена? Выбирай любого и только!

— Не годятся они мнѣ, мой милый, — отвѣчалъ еврей съ нѣкоторымъ смущеніемъ, — не стоитъ ихъ брать. Какъ только словятъ ихъ, такъ одной физіономіи ихъ довольно, чтобы выдать себя... Опять, значитъ, я и потеряю ихъ. Ну, а съ этимъ мальчикомъ, если съ нимъ обращаться, какъ надо, мои милые, можно сдѣлать столько сколько не сдѣлаешь и съ тѣми двадцатью. Къ тому же, — продолжалъ еврей, оправляясь нѣсколько отъ своего смущенія, — мы будемъ у него въ рукахъ, если только ему удастся снова улизнуть, а потому онъ долженъ плыть съ нами по одному теченію. Не все ли равно, какъ и какимъ путемъ, лишь бы только заставить его участвовать въ воровствѣ

и усилитъ власть надъ нимъ. Вотъ все, чего я желаю. Лучше нынѣшняго случая не найти для этого. Зачѣмъ лишать жизни бѣднаго маленькаго мальчика?.. Штука эта опасна, да и терять мальчика не хочется.

— А когда это будетъ? — спросила Нанси съ цѣлью остановить какое то бурное восклицаніе Сайкса, который съ презрѣніемъ смотрѣлъ на еврея, желавшаго казаться великодушнымъ и человѣчнымъ.

— Да, вѣрно! — сказалъ еврей. — Когда же это будетъ, Билль?

— Мы рѣшили съ Тоби послѣ-завтра ночью, — отвѣчалъ Сайксъ, — въ противномъ случаѣ я дамъ ему знать.

— Хорошо, — сказалъ еврей, — ночь будетъ не лунная?

— Нѣтъ.

— Все приготовлено, чтобы унести добычу незамѣченной? — спросилъ еврей.

Сайксъ кивнулъ головой.

— Ну, а насчетъ...

— Все рѣшено, — отвѣчалъ Сайксъ, прерывая еврея. — Можешь не безпокоиться... Приведи лучше мальчика завтра вечеромъ. Я выйду въ путь за часъ до разсвѣта. Держи языкъ за зубами,

да готовь плавильный тигель, вотъ все, что отъ тебя требуется.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, въ которомъ всѣ трое принимали весьма дѣятельное участіе, рѣшено было, что Нанси отправится къ еврею завтра вечеромъ, когда стемнѣетъ и возьметъ съ собою Оливера. Феджинъ нашелъ это необходимымъ потому, что въ томъ случаѣ, если бы Оливеръ заупрямился, то Нанси скорѣй всѣхъ уговоритъ его слѣдовать за собой, такъ какъ она еще недавно заступилась за него. Далѣе рѣшено было, что Оливеръ для лучшаго успѣха намѣченной экспедиціи будетъ находиться въ близкомъ распоряженіи мистера Вильяма Сайкса; что упомянутый Сайксъ имѣетъ право заставить его дѣлать все, что найдетъ нужнымъ и не будетъ отвѣтственъ передъ евреемъ, если съ нимъ случится какое нибудь несчастье или окажется необходимымъ наказать его. Далѣе, условлено было, что всѣ показанія мистера Сайкса по возвращеніи его домой должны быть подтверждены показаніемъ Тоби Крекита.

По окончаніи этихъ переговоровъ мистеромъ Сайксомъ овладѣлъ невыразимый восторгъ. Онъ пилъ стаканъ водки за стаканомъ, размахивалъ дубиной, оралъ во все горло, пѣлъ или изрыгалъ

проклятія. Энтузіазмъ его дошелъ, наконецъ, до того, что онъ предложилъ посмотрѣть ящикъ съ инструментами для взламыванія замковъ и запоровъ; онъ тотчасъ же принесъ его, но не успѣлъ раскрыть, его, чтобы приступитъ къ объясненію красоты ихъ отдѣлки и того, какимъ образомъ надо употреблять ихъ въ дѣло, какъ покачнулся, упалъ на подъ и тутъ же захрапѣлъ.

— Спокойной ночи, Нанси! — сказалъ еврей, закутываясь въ плащъ.

— Спокойной ночи!

Глаза ихъ встрѣтились и еврей нѣсколько секундъ пристально смотрѣлъ на нее. Дѣвушка спокойно выдержала этотъ взглядъ. Она была такъ же вѣрна и такъ же серьезно относилась къ дѣлу, какъ и самъ Тоби Крекитъ.

Еврей снова пожелалъ ей спокойной ночи и, давъ легкій пинокъ въ спину распростертому мистеру Сайксу, поспѣшилъ внизъ по лѣстницѣ.

— Всегда и вездѣ одно и то же! — бормоталъ про себя еврей, возвращаясь домой. — Хуже всего то, что эти женщины при всякомъ удобномъ случаѣ и изъ за всякой мелочи вспоминаютъ давно забытыя ими чувства. Хорошо только, что это скоро замѣчается. Ха, ха, ха! Взрослый человѣкъ противъ мальчика и за мѣшокъ золота!

Забавляя себя такими пріятными размышленіями, мистеръ Феджинъ незамѣтно прошелъ путь среди грязи и тумана и добрался наконецъ къ своему мрачному жилью, гдѣ Доджеръ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія.

— Спитъ Оливеръ? Мнѣ необходимо поговорить съ нимъ, — были первые слова еврея, когда онъ спустился по лѣстницѣ.

— Давнымъ давно, — отвѣчалъ Доджеръ, открывая дверь. — Вотъ онъ тамъ.

Мальчикъ крѣпко спалъ на твердомъ соломенникѣ, брошенномъ на полу. Вслѣдствіе постоянной тревоги, горя и отсутствія воздуха онъ былъ блѣденъ и походилъ на мертвеца, но не на того, который одѣтъ уже въ саванъ и лежитъ въ гробу, а на того, который скончался всего нѣсколько минутъ тому назадъ, когда вѣчно юный и чистый духъ только что вознесся съ небу, а окружающая атмосфера не успѣла еще измѣнить его тлѣнной оболочки.

— Не теперь, — сказалъ еврей, тихо выходя изъ кухни. — Завтра… да, завтра!

XX. Оливеръ переданъ въ распоряженіе мистера Вилльяма Сайкса

Когда Оливеръ проснулся на слѣдующее утро, онъ былъ очень удивленъ, найдя подлѣ себя пару новыхъ башмаковъ на толстыхъ подошвахъ; старыхъ башмаковъ не было. Сначала онъ очень обрадовался этому, думая, что это предвѣщаетъ его скорое освобожденіе; какъ же разочаровался онъ, когда во время завтрака еврей сказалъ ему и притомъ такимъ тономъ, который его встревожилъ, что сегодня вечеромъ его отведутъ съ Биллю Сайксу.

— Чтобы... чтобы... оставить меня навсегда тамъ? — съ тревогой спросилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый! Нѣтъ, тебя не оставятъ тамъ, — отвѣчалъ еврей. — Мы не хотимъ разставаться съ тобою! Не бойся, Оливеръ, ты вернешься обратно. Ха, ха, ха! мы не такъ жестоки, чтобы прогонять тебя прочь! О, нѣтъ, нѣтъ!

Еврей, стоявшій въ это время у огня и поджаривавшій гренки, оглянулся на Оливера и хихикнулъ, желая показать, что онъ прекрасно

знаетъ, какъ онъ радъ былъ бы убѣжать.

— Ты желаешь, — сказалъ онъ, пристально глядя на Оливера, — чтобы тебѣ сказали, зачѣмъ тебя посылаютъ къ Биллю? Да, мой милый?

Оливеръ невольно покраснѣлъ, видя, что старый воръ отгадалъ его мысли, но сказалъ ему прямо, что желаетъ.

— А ты думаешь зачѣмъ? — спросилъ Феджинъ.

— Не знаю, сэръ!

— Ба! — сказалъ еврей, съ разочарованіемъ отворачиваясь въ сторону съ недовольнымъ видомъ. — Билль самъ скажетъ тебѣ, если не знаешь.

Еврею было досадно, что Оливеръ въ этомъ случаѣ не выказалъ ни малѣйшаго любопытства; но дѣло въ томъ, что Оливеръ былъ слишкомъ встревоженъ и смущенъ пристальнымъ взглядомъ Феджина и собственными чувствами, а потому ему и въ голову не пришло спросить еврея, зачѣмъ его посылаютъ. Днемъ ему не представлялось для этого случая, потому что еврей былъ до самаго вечера молчаливъ, а вечеромъ собрался куда то уходить.

— Можешь зажечь свѣчу, — сказалъ онъ, ставя свѣчу на столъ. — А вотъ тебѣ книга, читай пока

не придутъ за тобой. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — тихо отвѣчалъ Оливеръ.

Еврей пошелъ къ дверямъ, все время глядя черезъ плечо на ребенка. Вдругъ онъ остановился и назвалъ его по имени.

Оливеръ поднялъ глаза. Еврей указалъ рукой на свѣчу, чтобы онъ зажегъ ее. Мальчикъ исполнилъ приказаніе; ставя на столъ свѣчу, онъ замѣтилъ, что еврей изъ темнаго угла смотритъ на него изъ подъ сдвинутыхъ и нахмуренныхъ бровей.

— Берегись, Оливеръ, будь остороженъ, — сказалъ старикъ, грозя ему пальцемъ. — Онъ человѣкъ жестокій и не остановится передъ кровью, когда выйдетъ изъ себя. Что-бы онъ ни сдѣлалъ, молчи! Чтобы онъ не приказалъ, исполняй безпрекословно! Не забывай же моихъ словъ! — Онъ сдѣлалъ особенно удареніе на послѣднихъ словахъ; по лицу его пробѣжала ужасная улыбка и кивнувъ головой, онъ вышелъ изъ комнаты.

Оливеръ склонилъ голову на руку и съ трепещущимъ отъ страха сердцемъ думалъ о томъ, что сейчасъ слышалъ. Чѣмъ больше думалъ онъ о предостереженій еврея, тѣмъ менѣе догадывался объ истинномъ значеніи его. Онъ не

могъ ждать ничего хорошаго отъ переселенія своего къ Сайксу, но если дѣйствительно ему хотѣли сдѣлать какое нибудь зло, почему не могли сдѣлать этого у Феджина? Долго думалъ онъ и наконецъ пришелъ къ тому заключенію, что его посылаютъ къ разбойнику для обыкновенныхъ услугъ, пока не найдется другой мальчикъ, болѣе пригодный, чѣмъ онъ. Онъ привыкъ страдать съ самаго дѣтства и мысль о перемѣнѣ мѣста не особенно тревожила его. Не все ли равно, гдѣ страдать? Такъ сидѣлъ онъ и все думалъ и думалъ. Вздохнувъ, наконецъ, тяжело, онъ снялъ нагаръ со свѣчи и взявъ книгу, которую ему оставилъ еврей.

Сначала онъ только переворачивалъ листы, не обращая вниманіе на та, что тамъ написано, пока ему не бросилось въ глаза одно заглавіе. Это было описаніе жизни и процессовъ великихъ преступниковъ; страницы здѣсь были истрепаны и на нихъ виднѣлись слѣды грязныхъ пальцевъ. Мальчикъ читалъ объ ужасныхъ преступленіяхъ и кровь застывала у него въ жилахъ; объ убійствахъ, сотворенныхъ въ уединенныхъ жилищахъ, о трупахъ, скрытыхъ отъ человѣческаго взора въ ямахъ и колодцахъ, которые, не смотря, на то, что были глубоко скрыты, все же

въ концѣ концовъ, хотя и по прошествіи многихъ лѣтъ, всплывали наружу, приводя въ ужасъ своихъ убійцъ, которые при видѣ ихъ сознавались во всемъ и, какъ милости просили смертной казни, чтобы избавиться отъ угрызеній совѣсти. Онъ читалъ о людяхъ, которые лежа въ постели, задумывали во мракѣ ночи такія преступленія, что при одной мысли о нихъ морозъ пробѣгалъ по тѣлу и начинали дрожать руки и ноги. Все это описано было такъ ясно и живо, что казалось, будто пожелтѣвшіе отъ времени страницы покрываются густыми свертками запекшейся крови, а слова отдаются въ ушахъ глухимъ ропотомъ призраковъ загубленныхъ людей.

Мальчикомъ овладѣлъ невыразимый ужасъ. Онъ закрылъ книгу и отбросилъ ее отъ себя. Упавъ на колѣни, онъ обратился съ молитвой къ Богу и просилъ добавить его отъ этихъ дѣлъ, просилъ лучше ниспослать ему смерть, но не допускать его до совершенія этихъ вопіющихъ къ небу преступленій. Мало по малу онъ успокоился и тихимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ молиться объ избавленіи его также отъ предстоящихъ ему опасностей; сжалиться надъ бѣднымъ заброшеннымъ ребенкомъ, у котораго нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, и помочь ему, оди-

нокому и беззащитному, окруженному со всѣхъ сторонъ порокомъ и преступленіемъ.

Онъ кончилъ молитву, но все еще продолжалъ стоять на колѣняхъ, закрывъ лицо руками. Вдругъ онъ услышалъ какой то шорохъ.

— Кто это? — крикнулъ онъ съ испугомъ, замѣтивъ у дверей человѣческую фигуру. — Кто это?

— Я... Это я, — отвѣчалъ дрожащій голосъ.

Оливеръ поднялъ свѣчу надъ головой и повернулся къ двери. Тамъ стояла Нанси.

— Отставь въ сторону свѣчу, — сказала дѣвушка, — мнѣ больно глазамъ.

Оливеръ увидѣлъ, что она совсѣмъ блѣдная, и ласково спросилъ ее, не больна ли она. Дѣвушка бросилась въ кресло спиной къ нему и молча ломала себѣ руки, ничего не отвѣчая.

— Боже, смилуйся надо мною! — воскликнула она, немного погодя. — Я не подумала объ этомъ.

— Что случилось? — спросилъ Оливеръ. — Не могу ли я помочь вамъ? Я все сдѣлаю, что могу.... все!

Дѣвушка забилась на креслѣ, схватила себя за горло, захлебнулась и зарыдала.

— Нанси! — вскрикнулъ Оливеръ. — Что съ вами?

Дѣвушка заколотила руками по колѣнамъ, а ногами по полу, а затѣмъ, плотнѣе закутавшись въ шаль, сказала, что она дрожитъ отъ холода.

Оливеръ поправилъ огонь въ каминѣ. Нанси придвинула кресло къ огню и сидѣла нѣсколько времени, не говоря не слова. Немного погодя она подняла голову и оглянулась кругомъ.

— Не знаю, что это бываетъ со мною иногда, — сказала она, приводя въ порядокъ свой костюмъ. — Всему виной эта сырая темная комната. Нолли, голубчикъ, готовъ ты?

— Развѣ я долженъ идти съ вами? — спросилъ Оливеръ.

— Да. Я пришла по порученію Билля, — отвѣчала дѣвушка. — Ты долженъ идти со мной.

— Зачѣмъ? — спросилъ Оливеръ.

— Зачѣмъ? — повторила дѣвушка, поднявъ глаза, но стараясь не встрѣчаться съ глазами мальчика. — О, не для худого.

— Я не вѣрю, — отвѣчалъ Оливеръ, внимательно наблюдавшій за нею.

— Твое дѣло, — отвѣчала дѣвушка, стараясь засмѣяться. — Ну, не для хорошаго.

Оливеръ понялъ, что онъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе на хорошія чувства дѣвушки и подумалъ, не лучше ли будетъ обратиться къ ея состраданію,

чтобы она помогла ему. Но тутъ онъ вспомнилъ, что всего только одиннадцать часовъ, что народъ ходитъ еще по улицамъ и можетъ быть найдется кто нибудь, кто повѣритъ его разсказу. Съ этими мыслями онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и сказалъ, что идетъ съ нею.

Значеніе этого кратковременнаго размышленія Оливера не ускользнуло отъ вниманія Нанси. Она не спускала съ него глазъ, когда онъ говорилъ и, повидимому, все поняла, что происходило у него въ душѣ.

— Тс! — сказала дѣвушка, останавливаясь передъ нимъ и, оглянувшись осторожно, указала ему на дверь. — Ты самъ себѣ ничѣмъ помочь не можешь. Я изо всѣхъ силъ старалась сдѣлать что нибудь для тебя, но напрасно. Тебя запутали кругомъ. Если тебѣ удастся уйти когда нибудь отсюда, то во всякомъ случаѣ теперь для этого не время.

Пораженный той горячностью, съ которой она говорила, Оливеръ съ удивленіемъ взглянулъ ей въ лицо. Она говорила очевидно правду; лицо ея было блѣдно и взволновано и она дрожала отъ волненія.

— Я спасла тебя разъ отъ истязанія, и спасу еще, и спасаю, — продолжала дѣвушка. — Если

бы кто другой пришелъ за тобой, а не я, тотъ бы грубѣе обошелся съ тобой, чѣмъ я. Я обѣщала, что ты будешь послушенъ и покоенъ; если ты не исполнишь этого, то причинишь себѣ зло и мнѣ... Непослушаніе твое можетъ быть даже причиной моей смерти. Смотри! Все это изъ за тебя... Клянусь Богомъ, что говорю правду.

Она поспѣшно указала ему синяки, покрывавшіе ея шею и руки, и затѣмъ продолжала говоря съ необыкновенной быстротой.

— Помни это! Не заставляй меня больше страдать изъ за тебя. Если я буду въ состояніи помочь тебѣ, я помогу, но теперь я не могу. Они не хотятъ дѣлать тебѣ вреда. Не твоя вина въ томъ, что они насильно заставятъ тебя дѣлать. Тс! Каждое слово твое можетъ погубить меня. Давай руку. Скорѣй! Руку!

Она взяла Оливера за руку, которую тотъ машинально протянулъ ей, задула свѣчу и повела его съ собой внизъ по лѣстницѣ. Кто то скользнулъ въ темнотѣ по корридору, быстро отворилъ дверь и, также быстро закрылъ ее, какъ только они вышли. Ихъ ждалъ наемный кабріолеть; дѣвушка поспѣшно сѣла туда съ Оливеромъ и опустила тотчасъ же занавѣски. Кучеръ не спросилъ адреса и, не медля ни минуты, пустилъ лошадь

полною рысью.

Дѣвушка не выпускала руки Оливера изъ своей и все время шепотомъ на ухо уговаривала его слушаться и увѣряла его въ своемъ участіи. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что онъ не успѣлъ опомниться, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ, какъ экипажъ остановился уже подлѣ дома, гдѣ наканунѣ вечеромъ былъ еврей.

Въ ту минуту, когда Оливеръ вышелъ изъ экипажа и увидѣлъ передъ собою улицу, онъ едва не крикнулъ о помощи. Но голосъ дѣвушки такъ ясно звучалъ еще въ его ушахъ, такъ жалобно молилъ не забывать ее, что у него не хватило духу крикнуть. Пока онъ колебался, онъ упустилъ благопріятный случай. Нанси ввела его въ домъ и закрыла за нимъ дверь.

— Сюда! — сказала дѣвушка, въ первый разъ выпуская руку Оливера. — Билль!

— Здѣсь! — отвѣчалъ мистеръ Сайксъ, появляясь на верху лѣстницы со свѣчой въ рукахъ. — О! Прекрасно! Входите!

Со стороны лица съ такимъ темпераментомъ, какой былъ у мистера Сайкса это было верхомъ одобренія и необыкновенно сердечнаго привѣта. Нанси, благодарная за такой пріемъ, ласково поздоровалась съ нимъ.

— Бельзи ушелъ вмѣстѣ съ Томомъ, — сказалъ Сайксъ. — Они ужъ теперь на пути.

— Хорошо, — отвѣчала Нанси.

— Уговорила, значитъ, козленка, — сказалъ Сайксъ, запирая дверь, когда они вошли въ комнату.

— Да, онъ здѣсь, — отвѣчала Нанси.

— Спокойно согласился? — спросилъ Сайксъ.

— Былъ послушенъ, какъ ягненокъ, — отвѣчала Нанси.

— Радъ слышать это, — сказалъ Сайксъ, бросая суровый взглядъ на Оливера, — ради спасенія его драгоцѣнной шкуры, которой плохо пришлось бы въ противномъ случаѣ. Иди-ка сюда, я тебѣ прочту поученіе, которое, быть можетъ, принесетъ тебѣ большую пользу.

И сказавъ это, мистеръ Сайксъ стащилъ съ Оливера шапку и бросилъ ее въ уголъ; затѣмъ взялъ мальчика за плечо, сѣлъ у стола, а его поставилъ передъ собой.

— Ну-съ! Знаешь ты, что это такое? — спросилъ Сайксъ и взялъ въ руки пистолетъ, лежавшій на столѣ.

Оливеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо! Смотри сюда, — продолжалъ Сайксъ, — это вотъ порохъ, это пуля, это кусокъ

старой шляпы для пыжа.

Оливеръ робко отвѣтилъ, что ему знакомы всѣ эти вещи. Мистеръ Сайксъ продолжалъ заряжать пистолетъ, не торопясь и совершенно спокойно.

— Теперь онъ заряженъ, — сказалъ Сайксъ.

— Да, я вижу, сэръ! — отвѣчалъ Оливеръ.

— Прекрасно, — сказалъ разбойникъ, схватывая руку Оливера и приставляя къ его виску дуло пистолета, такъ что оно притронулась къ нему.

Мальчикъ не могъ удержаться, чтобы не вздрогнуть.

— Если ты скажешь хоть единое слово, когда мы выйдемъ изъ дому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда я самъ заговорю съ тобой, — то весь этотъ зарядъ безъ всякаго предупрежденія попадетъ тебѣ въ голову. Итакъ, если ты захочешь говорить, то прежде прочти свои молитвы.

Для того чтобы увеличить эффектъ своей фразы, Сайксъ взглянулъ на Оливера изподлобья и сказалъ:

— Насколько мнѣ извѣстно, здѣсь въ домѣ никого нѣтъ, кто могъ бы позаботиться о томъ, чтобы тебя не убили. Изъ этого слѣдуетъ, что разъ я столько времени потратилъ на объясненіе, значитъ я желаю тебѣ добра. Понялъ?

— Короче говоря, — сказала Нанси съ жаромъ

и слегка косясь на Оливера, какъ бы желая дать ему понять, чтобы онъ обратилъ вниманіе на ея слова, — если ты вздумаешь позабавить его той игрушкой, что у тебя въ рукахъ, ты лишишь его возможности говорить впослѣдствіи, ибо весь зарядъ этотъ пустишь ему въ голову, а самъ рискнешь черезъ это попасть на висѣлицу.... Впрочемъ, въ своемъ дѣлѣ ты столько дѣлаешь въ теченіи каждаго мѣсяца своей жизни, что тебя того и гляди могутъ вздернуть.

— Правильно! — отвѣчалъ Сайксъ. — Женщины лучше нашего и въ нѣсколькихъ словахъ умѣютъ изложить дѣло. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на нихъ чортъ насядетъ.... Тогда не жди отъ нихъ толку. Ну-съ, теперь онъ предупрежденъ, а потому можно поужинать, а затѣмъ всхрапнуть немножко.

Нанси поспѣшно накрыла на столъ, вышла на нѣсколько минутъ и затѣмъ вернулась съ бутылкой портеру и блюдомъ бараньихъ головокъ, при видѣ которыхъ мистеръ Сайксъ воодушевился и началъ острить по поводу страннаго совпаденія названій «джеммъ» — кушанье изъ бараньихъ головокъ и «джемми» необходимые ему инструменты. Достойный джентльменъ былъ вообще въ веселомъ настроеніи и чувствовалъ необык-

новенный подъемъ духа, благодаря, вѣроятно, предстоящей ему въ непродолжительномъ времени активной дѣятельности; доказательствомъ этому можетъ служить то, что портеръ онъ выпилъ въ одинъ присѣстъ и за ужиномъ произнесъ такъ около ста ругательствъ, не менѣе.

Послѣ ужина, во время котораго Оливеръ не выказалъ особенно большого аппетита, мистеръ Сайксъ проглотилъ еще пару стаканчиковъ виски, бросился на постель и приказалъ Нанси разбудить его ровно въ пять часовъ, наградилъ ее предварительно цѣлымъ потокомъ ругательствъ на тотъ случай, если она проспитъ. По распоряженію того же владыки Оливеръ улегся, не раздѣваясь, на брошенномъ на полъ соломенникѣ, а дѣвушка, поправивъ огонь, сѣла у камина, готовая встать въ назначенное ей время.

Долго не засыпалъ Оливеръ, ожидая, что Нанси воспользуется этимъ случаемъ и шепнетъ ему еще нѣсколько словъ, но дѣвушка сидѣла молча у огня, не двигаясь съ мѣста и только изрѣдка мѣшая въ каминѣ. Утомленный душевной тревогой, онъ въ концъ концовъ заснулъ глубокимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, столъ былъ уже приготовленъ для утренняго завтрака, а Сайксъ пряталъ

какія то вещи въ карманы своего плаща, висѣвшаго на спинкѣ стула. Нанси поспѣшно готовила завтракъ. На дворѣ было еще совсѣмъ темно и въ комнатѣ горѣла свѣча. Въ стекла оконъ стучали крупныя капли дождя и все небо было покрыто темными облаками.

— Ну! — заревѣлъ Сайксъ на Оливера, — половина шестого! Живѣй, не то останешься безъ завтрака. Мы и такъ опоздали.

Оливеръ не долго занимался своимъ туалетомъ; поѣвъ на скорую руку, онъ на вопросъ Сайкса отвѣчалъ, что готовъ.

Нанси, стараясь не смотрѣть на мальчика, повязала ему платочекъ вокругъ шеи, а Сайксъ накинулъ ему плащъ на плечи. Разбойникъ взялъ его за руку и, остановившись на минуту, сказалъ ему, что пистолетъ находится у него въ боковомъ карманѣ. Затѣмъ еще крѣпче стиснулъ ему руку и, простившись съ Нанси, вышелъ изъ комнаты.

У дверей Оливеръ оглянулся, надѣясь, что дѣвушка взглянетъ на него, но она заняла по прежнему мѣсто у камина и исподтишка слѣдила, уставившись на огонь.

XXI. Экспедиція

Не веселое было утро, когда они вышли на улицу. Дождь лилъ ливмя и по небу ходили густыя, дождевыя облака. Вся ночь была дождливая; на улицѣ стояли вездѣ большія лужи и канавы были до краевъ наполнены водой. На небѣ виднѣлись едва замѣтные отблески начинающагося дня, что еще болѣе увеличивало окружающій ихъ мракъ. Свѣтъ фонарей сталъ замѣтно тусклѣе, накладывая еще болѣе мрачный оттѣнокъ на мокрые дома и грязные улицы. Никто повидимому не поднимался еще въ этой части города; окна въ домахъ были плотно прикрыты ставнями, а на улицѣ, по которой они шли, все было пусто и безмолвно.

Начинало разсвѣтать, когда они повернули въ Бетнель-Гринъ-Роадъ. Многіе фонари были уже погашены. Нѣсколько деревенскихъ повозокъ медленно тащились къ Лондону и только изрѣдка проносилась мимо нихъ почтовая карета, вся покрытая грязью; кучеръ время отъ времени надѣлялъ ударами бича перваго попавшагося ломовика, который не свернулъ во время съ дорога, вслѣдствіе чего онъ могъ опоздать и пріѣхать на

четверть часа позже. Нѣкоторые трактиры были уже открыты и въ нихъ горѣлъ газъ. Мало по малу стали открываться и лавки и на улицахъ показался народъ. Появились группы рабочихъ, затѣмъ мужчины и женщины съ корзинами рыбы на головѣ, повозки, запряженныя ослами и нагруженныя овощами, двухъ-колесныя тачки съ мясомъ, молочницы съ ведрами молока, словомъ — непрерывная вереница разнаго люда, снабжающая всевозможными припасами восточныя окраины города. Шумъ и гулъ увеличивались по мѣрѣ того, какъ они приближались къ городу; когда они дошли до улицъ между Шордичемъ и Смитфильдомъ гулъ этотъ перешелъ въ настоящій ревъ. Было уже довольно свѣтло, и населеніе Лондона принималось за свои дневныя заботы, кончающіяся только съ наступленіемъ ночи.

Пройдя Сенъ-Стритъ и Кроунъ-Стритъ, затѣмъ Финсбюри-Стритъ, мистеръ Сайксъ прошелъ черезъ Чисуэлль-Стритъ въ Бариканъ, потамъ Лонгъ-Ленъ, Смитфильдъ, откуда несся смѣшанный гулъ всевозможныхъ звуковъ, поразившій Оливера Твиста.

Былъ рыночный день. Вся мостовая была покрыта густымъ слоемъ чуть не по самую щиколотку слоемъ грязи; паръ, подымавшійся отъ

разгоряченнаго скота, смѣшивался съ густымъ туманомъ, нависшимъ надъ городомъ. Постоянныя загородки въ центрѣ обширной площади, а также другія, сдѣланныя на скорую руку, были биткомъ набиты баранами; вдоль водопоя цѣлыми рядами стояли привязанные къ столбамъ быки и разныя животныя. Поселяне, мясники, погонщики скота, разносчики, мальчишки, воры, бродяги самаго низкаго разряда, все смѣшалось въ одну густую толпу. Свистъ погонщиковъ, лай собакъ, мычанье и ревъ быковъ, блеяніе барановъ, визгъ и хрюканье свиней, крики разносчиковъ, проклятія и ругательства неслись со всѣхъ сторонъ, смѣшиваясь съ звонками и гуломъ голосовъ, доносящихся изъ ближнихъ трактировъ. Все кругомъ толпилось, толкалось, тискалось, орало, вопило! То и дѣло раздавалось хлопанье бича спѣшившихъ на рынокъ, въ каждомъ углу рынка раздавались окрики и отвратительная ругань. Кругамъ вездѣ по всему рынку слонялись неумытыя, небритыя и грязныя фигуры, старавшіяся локтями проложить себѣ дорогу сквозь толпу. Все это вмѣстѣ взятое представляло собою картину, ошеломляющимъ и одуряющимъ образомъ дѣйствующую на всѣ ваши чувства.

Мистеръ Сайксъ тащилъ за собою Оливера, лок-

тями пролагая себѣ путь сквозь непроницаемую толпу народа и не обращая вниманія ни на какія картины и ни на какіе звуки, такъ поражавшіе Оливера. Два или три раза раскланялся онъ съ проходившими мимо знакомыхъ, отказываясь отъ приглашенія выпить рюмочку — другую; онъ спѣшилъ пробраться сквозь толпу и, когда вышелъ на болѣе свободное мѣсто, направился черезъ Хоссиръ-Ленъ прямо къ Хольборну.

— Ну, ты щенокъ, — сказалъ Сайксъ, взглянувъ на часы церкви Св. Андрея, — уже почти семь часовъ. Прибавь-ка шагу, лѣнтяй ты этакій!

Онъ крѣпче стиснулъ руку Оливера и зашагалъ еще быстрѣе прежняго, такъ что мальчику пришлось бѣжать чуть ли не опрометью, чтобы поспѣть за разбойнкомъ.

Такъ бѣжалъ Оливеръ до тѣхъ поръ, пока они не прошли Гайдъ-Парка и не повернули къ Кенсингтону, гдѣ Сайксъ замедлилъ шаги. Вскорѣ послѣ этого ихъ нагнала небольшая повозка. Увидя надпись «Хоунлоу», Сайксъ, стараясь быть, по возможности, вѣжливее, попросилъ возницу подвезти ихъ до Айльуорза.

— Садитесь, — сказалъ возница. — Это вашъ мальчикъ?

— Да, мой, — отвѣчалъ Сайксъ, сурово погля-

дывая на Оливера и рукой его надавливая свой карманъ съ пистолетомъ.

— Отецъ твой слишкомъ скоро ходитъ для тебя, не правда ли? — спросилъ возница, видя, что Оливеръ еле переводитъ духъ.

— Нисколько, — поспѣшилъ отвѣтить Сайксъ, — онъ привыкъ, возьми мою руку, Нэдъ! Ну, полѣзай!

Сайксъ посадилъ Оливера на повозку, а возница указалъ ему на кучу мѣшковъ и предложилъ ему лечь и отдохнуть.

Такъ проѣхали они нѣсколько миль и Оливеръ все больше и больше удивлялся, куда собственно везетъ его Сайксъ. Они миновали Кенсингтонъ, Гаммерсмитъ, Чисуикъ, Кью-Бриджъ, Брентфордъ и все еще ѣхали впередъ, какъ будто бы только что начали свое путешествіе. Когда они проѣхали мимо трактира, извѣстнаго подъ названіемъ «Карета и Лошадь», за которымъ начинался перекрестокъ, повозка остановилась.

Сайксъ поспѣшно вылѣзъ изъ повозки, поднялъ Оливера и спустилъ его на землю, злобно взглянувъ на него и многозначительно похлопавъ по карману съ пистолетомъ.

— До свиданья, мальчикъ, — сказалъ возница.

— Ты чего надулся, — сказалъ Сайксъ, тряхнувъ

мальчика, — чего надулся? Щенокъ! Не сердитесь на него.

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ возница, усаживаясь на повозку. — А погода все таки ничего, — и съ этими словами онъ уѣхалъ.

Сайксъ подождалъ, пока повозка отъѣхала на нѣкоторое разстояніе, и тогда сказалъ Оливеру, что онъ можетъ осмотрѣться кругомъ, если желаетъ, но никого не увидитъ, и затѣмъ повелъ его дальше.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ трактира они повернули влѣво, а немного погодя вправо и довольно долго шли въ этомъ направленіи, проходя мимо большихъ садовъ и красивыхъ домовъ, пока не дошли до города, нигдѣ не останавливались, а если останавливались, то лишь для того, чтобы выпить пива. Въ городѣ на стѣнѣ одного дома Оливеръ прочелъ надпись большими буквами «Гамптонъ». Отсюда они вышли въ поле, гдѣ бродили нѣсколько часовъ, а затѣмъ вернулись обратно въ городъ и отправились въ старый трактиръ съ выцвѣтшей почти совсѣмъ вывѣской. Они вошли здѣсь въ кухню и Сайксъ приказалъ подать обѣдъ.

Кухня помѣщалась въ старой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, посреди котораго тянулась

толстая балка; противъ очага стояли скамьи съ высокими спинками и на нихъ сидѣли суровые на видъ люди въ блузахъ; они пили и курили. Никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на Оливера, а еще менѣе на Сайкса, а такъ какъ въ свою очередь и Сайксъ не обращалъ на нихъ вниманіе, то онъ вмѣстѣ со своимъ маленькимъ спутникомъ усѣлся въ углу, не интересуясь вовсе ихъ обществомъ.

На обѣдъ имъ подали холоднаго мяса. Послѣ обѣда они сидѣли очень долго, такъ что Оливеръ, пока Сайксъ курилъ трубку за трубкой, началъ уже думать, что они не пойдутъ дальше. Утомленный продолжительной ходьбой и тѣмъ, что такъ рано всталъ сегодня, онъ сперва дремалъ понемногу, а затѣмъ усталость взяла верхъ надъ нимъ и онъ уснулъ.

Было совсѣмъ темно, когда онъ проснулся отъ толчка Сайкса. Онъ сѣлъ и оглянулся кругомъ, съ удивленіемъ глядя на своего почтеннаго компаньона, который дружески бесѣдовалъ за кружкой эля съ однимъ изъ поселянъ.

— Вы сказали, кажется, что ѣдете до Нижняго Галлифорда, да? — спросилъ Санксъ.

— Да, — отвѣчалъ поселянинъ, который чувствовалъ себя не совсѣмъ, а можетъ быть и

совсѣмъ хорошо отъ выпитаго имъ эля. — Доѣду теперь скоро. Лошади моей не придется тащить такого груза, какой она тащила сегодня утромъ, и она скоро добѣжитъ до мѣста. За ея здоровье! Лошадка добрая, право!

— Не найдется ли у васъ мѣстечка для меня и моего мальчика? — спросилъ Сайксъ, подвигая кружку эля своему новому знакомому.

— Если по дорогѣ, то найдется, — отвѣчалъ поселянинъ. — Вамъ нужно въ Галлифордъ?

— Въ Шеппертонъ, — сказалъ Сайксъ.

— Тогда я подвезу васъ; мнѣ по дорогѣ, - отвѣчалъ поселянинъ. — Все уплочено, Бекки?

— Другой джентльменъ заплатилъ, — отвѣчала дѣвушка.

— Какъ-же такъ! — съ недоумѣніемъ сказалъ поселянинъ. — Не хорошо, какъ будто бы!

— Почему же? — спросилъ Сайксъ. — Вы дѣлаете мнѣ одолженіе и я въ свою очередь хотѣлъ угостить васъ кружкой пива.

Поселянинъ задумался, причемъ лицо его приняло глубокомысленное выраженіе, а затѣмъ пожалъ руку Сайкса и сказалъ, что онъ хорошій малый. Мистеръ Сайксъ отвѣчалъ на это, что онъ шутитъ. И дѣйствительно, будь поселянинъ трезвъ, онъ врядъ ли сказалъ бы такую вещь

серьезно.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими комплиментами, они простились со всей компаніей и вышли изъ трактира. Дѣвушка забрала кружки и стаканы и, не выпуская ихъ изъ рукъ, вышла также поглазѣть на уѣзжающихъ.

Лошадь, за здоровье которой пилъ ея хозяинъ, стояла подлѣ трактира, запряженная въ телѣжку. Оливеръ и Сайксъ безъ дальнѣйшихъ церемоній тотчасъ же усѣлись на телѣжку; что касается поселянина, то онъ прежде чѣмъ сѣсть еще минуты двѣ, три говорилъ о томъ, что ни хозяину трактира и никому въ мірѣ не добыть такой лошади, какъ у него. Садясь на телѣжку, онъ попросилъ трактирщика провести немного лошадь и затѣмъ пустить. Какъ только хваленая лошадка почувствовала себя на свободѣ, такъ тотчасъ завертѣла головой, то подымая ее вверхъ, то мотая ею изъ стороны въ сторону, затѣмъ бросилась къ окнамъ и, наконецъ, поднявшись эта дыбы, повернула на дорогу и во всю прыть понеслась изъ города. Ночь была темная. Густой туманъ, подымавшійся надъ рѣкой и болотистой мѣстностью, стлался кругомъ по полямъ. Холодъ пронизывалъ насквозь. Никто не говорилъ ни слова; поселянинъ сидѣлъ совсѣмъ сонный, а Сайксъ былъ не въ та-

комъ настроеніи духа, чтобы говорить. Оливеръ сидѣлъ скорчившись въ углу телѣжки; объ былъ полонъ самыхъ ужасныхъ предчувствій и когда смотрѣлъ на деревья, то ему казалось, что это призраки, которые раскачиваютъ безобразныя руки свои, радуясь окружающему ихъ мраку и запустѣнію.

Когда они проѣзжали мимо церкви въ Сенбюри, часы пробили семь. Въ окнѣ дома перевозчика виднѣлся огонь, свѣтъ котораго длинной полосой тянулся черезъ дорогу, вслѣдствіе чего мракъ еще болѣе сгустился надъ тисовыми деревьями, осѣняющими могилы. Гдѣ то слышался плескъ воды и ночной вѣтерокъ тихо шелестилъ листьями, — нѣжная музыка, убаюкивающая крѣпкій сонъ смерти.

Сенбюри остался позади и они снова ѣхали по пустынной дорогѣ. Проѣхавъ двѣ, три мили, телѣжка остановилась. Сайксъ слѣзъ на землю, взялъ Оливера за руку и они снова отправились пѣшкомъ.

Въ Шеппертонѣ они никуда не заходили, несмотря на то, что мальчикъ почти совсѣмъ выбился изъ силъ, но продолжали идти среди окружающей ихъ тьмы и грязи, по темнымъ проулкамъ и открытымъ мѣстамъ, пока не увидѣли

на нѣкоторомъ разстояніи мерцавшихъ вдали огоньковъ города. Оливеръ внимательно всматривался впередъ и наконецъ увидѣлъ воду и мостъ.

Сайксъ шелъ прямо туда, и дойдя до моста, свернулъ вдругъ влѣво и пошелъ вдоль берега.

— Вода, — подумалъ Оливеръ, дрожа отъ страха. — Онъ привелъ меня нарочно въ это пустынное мѣсто, чтобы убить.

Онъ готовъ былъ уже броситься на землю, собираясь бороться за свою юную жизнь, когда увидѣлъ, что они подошли къ какому то дому, совершенно ветхому и полуразрушенному. По обѣ стороны крыльца было по окну, а надъ ними еще одинъ этажъ, но нигдѣ не было никакихъ признаковъ огня. Домъ былъ совсѣмъ темный. и снаружи казался необитаемымъ.

Сайксъ, продолжая держать Оливера за руку, и пошелъ къ дверямъ и поднялъ щеколду. Дверь открылась, и они вошли.

XXII. Кража со взломомъ

— Эй! — крикнулъ громкій, хриплый голосъ, какъ только они вошли въ корридоръ.

— Не ори такъ, — сказалъ Сайксъ, запирая за собой дверь. — Посвѣти намъ, Тоби!

— Ахъ, другъ мои сердечный! — крикнулъ тотъ же голосъ. — Свѣту, Барней, свѣту! Проси джентльмена! Да проснись ты!

Послышалось паденіе какого-то предмета, быть можетъ сапога, который былъ, вѣроятно, брошенъ, чтобы разбудить спавшаго, а вслѣдъ за этимъ бормотанье человѣка, который, повидимому, никакъ не могъ проснуться сразу.

— Слышишь ты? — крикнулъ опять тотъ же голосъ. — Тамъ въ корридорѣ Билль Сайксъ и никого нѣтъ, кто бы встрѣтилъ его, а ты вотъ дрыхнешь себѣ, точно опіума за ужиномъ наѣлся. Проснулся ты, наконецъ? Вставай, коли не хочешь, чтобы я пустилъ въ ходъ желѣзный подсвѣчникъ.

По полу зашлепали чьи-то истоптанныя туфли и изъ дверей съ правой стороны показалась сначала рука съ подсвѣчникомъ и свѣчей, а затѣмъ

фигура человѣтся, который говорилъ въ носъ и котораго мы видѣли уже въ трактирѣ Сафронъ-Гилля.

— Мистеръ Сайксъ! — воскликнулъ Барней съ искренней или притворной радостью, неизвѣстно. — Войдите, сэръ, войдите!

— Сюда, впередъ! — сказалъ Сайксъ, толкая Оливера передъ собой. — Живѣй, не то наступлю тебѣ на пятки.

Бормоча проклятія на медлительность Оливера, Сайксъ толкалъ его передъ собою и спустя минуту они вошли въ низкую, мрачную комнату съ закоптѣлымъ очагомъ, двумя, тремя поломанными стульями, столомъ и старымъ диваномъ, на которомъ лежалъ, растянувшись во всю длину, мужчина и курилъ длинную глиняную трубку. На немъ былъ надѣтъ модный сюртукъ табачнаго цвѣта съ большими бронзовыми пуговицами, оранжевый шейный платокъ, жилетъ съ яркими отворотами и драповые панталоны. Мистеръ Крекитъ (это былъ онъ) не обладалъ большимъ количествомъ волосъ ни на головѣ, ни на лицѣ; волоса, сколько ихъ было, отличались красновато-рыжимъ цвѣтомъ и были завиты длинными локонами въ видѣ пробочниковъ, въ которые онъ время отъ времени запускалъ

свои грязные пальцы, украшенные большими дешевыми кольцами. Онъ былъ нѣсколько выше средняго роста и ноги у него были слабыя, но это послѣднее обстоятельство не печалило его и онъ съ видимымъ удовольствіемъ любовался своими высокими сапогами съ отворотами.

— Билль, мой милый, — сказала эта особа, поворачивая голову къ дверямъ, — какъ я радъ тебя видѣть. Я уже начиналъ бояться, что ты отказался отъ предпріятія, и думалъ, что мнѣ одному придется совершить это похожденіе... Э — э!..

Послѣднее восклицаніе относилось къ Оливеру, при видѣ котораго мистеръ Тоби Крекитъ моментально сѣлъ на диванъ и спросилъ, кто это.

— Мальчикъ. Только мальчикъ, — отвѣчалъ Сайксъ, придвигая стулъ къ огню.

— Одинъ изъ питомцевъ мистера Феджина? — воскликнулъ Барней и осклабился.

— Феджина? — воскликнулъ Тоби, всматриваясь въ Оливера. — Неоцѣненный мальчишка выйдетъ изъ него... Превеликолѣпно будетъ таскать въ церквахъ платки изъ кармановъ старыхъ леди! Съ такой мордочкой можно составить себѣ цѣлое состояніе.

— Ну, будетъ тебѣ, - съ нетерпѣніемъ прервалъ его Сайксъ и, подойдя къ Тоби, шепнулъ ему

нѣсколько словъ на ухо, что привело въ весьма веселое настроеніе мистера Крекита, который хохоталъ и все время съ удивленіемъ посматривалъ на Оливера.

— А теперь, — сказалъ Сайксъ, садясь на прежнее мѣсто, — если ты дашь намъ чего нибудь поѣсть и попить, ты подбодришь насъ, или по крайней мѣрѣ меня, на предстоящіе намъ подвиги. Ну, ты, садись къ огню и передохни; тебѣ сегодня ночью, хотя и недалеко, придется снова идти съ нами.

Оливеръ съ недоумѣніемъ взглянулъ на Сайкса и, придвинувъ стулъ къ огню, сѣлъ на него, обхвативъ руками голову, которая сильно разболѣлась, такъ что онъ едва понималъ, гдѣ находится и что происходитъ кругомъ него.

— Ну-съ, — сказалъ Тоби, когда молодой еврей подалъ остатки кушанья и бутылку на столъ. — За успѣхъ нашего предпріятія.

Онъ всталъ, чтобы почтить свой тостъ и, поставивъ пустую трубку въ уголъ, подошелъ къ столу, налилъ стаканъ водки и выпилъ его залпомъ. Мистеръ Сайксъ сдѣлалъ то же самое.

— Слѣдуетъ выпить и мальчику, — сказалъ Тоби, наполняя стаканъ до половины. — Ну, ты, дитя невинное, выпей!..

— Право, — сказалъ Оливеръ, съ мольбой поднявъ глаза на Тоби, — я... не...

— Пей! — крикнулъ Тоби. — Ты думаешь, я не понимаю, что полезно для тебя? Прикажи ему выпить, Билль!

— Слушайся лучше! — сказалъ Сайксъ, хлопая рукой по карману. — Чортъ возьми! съ нимъ возни больше, чѣмъ съ цѣлой семьей Доджеровъ. Пей, упрямый чертенокъ, слышишь!

Испуганный угрозами разбойниковъ, Оливеръ поспѣшно проглотилъ содержимое стакана, послѣ чего съ нимъ сдѣлался страшный приступъ кашля, который доставилъ невѣроятное наслажденіе Тоби Крекиту и Барнею и даже вызвалъ улыбку на хмуромъ лицѣ мистера Сайкса.

Послѣ ужина, за которымъ Оливера насильно заставили съѣсть, хотя одну корку хлѣба, мужчины улеглись вздремнуть немножко передъ отправлшіемъ въ путь. Оливеръ остался на стулѣ у огня, а Барней, завернувшись въ одѣяло, растянулся на полу у самой рѣшетки камина.

Они спали, или просто лежали неподвижно, въ теченіе нѣкотораго времени; одинъ только Барней вставалъ раза два, чтобы подбросить угля въ каминъ. Оливеръ находился въ состояніи тяжелой забывчивости, во время которой ему

представлялось, что онъ ходитъ по темнымъ проулкамъ, или бродитъ по кладбищу, или видѣлъ другіе эпизоды, случившіеся въ теченіе дня. Изъ этого состоянія его вывело восклицаніе Тоби Крекита, объявившаго, что уже больше половины второго.

Въ одну минуту всѣ были на ногахъ и поспѣшно занялись разьыми приготовленіями въ путь. Сайксъ и Тоби повязали головы большими черными платками, такъ что открытой оставалась одна только верхняя частъ лица, и надѣли свои сѣрые плащи. Барней открылъ шкапъ и вынулъ оттуда разные предметы, которые онъ поспѣшно сталъ укладывать въ карманы.

— Подай-ка мнѣ ревуны, Барней, — сказалъ Тоби Крекитъ.

— Вотъ они, — отвѣчалъ Барней, подавая ему пару пистолетовъ. — Мы сами зарядили ихъ.

— Хорошо! — сказалъ Тоби. — А успокоители?

— У меня, — отвѣчалъ Сайксъ.

— Крючки, отмычки, отвертки, потайные фонари... ничего не забыли? — спрашивалъ Тоби, вѣшая небольшой ломъ петлею на крючекъ подъ полой своего сюртука.

— Все въ порядкѣ, - сказалъ его товарищъ. — Теперь остались однѣ только палки.

И съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ Барнея одну палку для себя, другую для Тоби и затѣмъ застегнулъ плащъ Оливера.

— Ну, — сказалъ Сайксъ, протягивая руку.

Мозгъ Оливера былъ до того отуманенъ непривычной ходьбой, — воздухомъ, и водкой, которую его заставили выпить, что онъ рѣшительно ничего не понималъ и совершенно машинально подалъ руку Сайксу.

— Бери его за другую руку, Тоби, — сказалъ Сайвсъ. — Выгляни, Барней, за двери!

Барней вышелъ и, вернувшись черезъ минуту, доложилъ, что все покойно. Разбойники вышли. Барней заперъ двери, завернулся въ одѣяло и легъ спать.

На дворѣ была непроницаемая тьма. Туманъ былъ теперь еще гуще, чѣмъ съ начала ночи; воздухъ былъ до того пропитанъ имъ, что, не смотря на полное отсутствіе дождя, Оливеръ черезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода изъ дому почувствовалъ, что волоса его на головѣ и брови насквозь пропитались сыростью. Они перешли мостъ и направились къ мерцавшимъ вдали огонькамъ, которые видѣли еще раньше. Они такъ быстро шли, что были скоро въ Чертсеѣ.

— Валяй черезъ Чертсей, — шепнулъ Сайксъ, —

никто теперь не увидитъ насъ.

Тоби согласился съ нимъ и они бѣгомъ пустились во главной улицѣ маленькаго городка, совершенно пустыннаго въ этотъ поздній часъ ночи. Вездѣ въ домахъ было темно и только кое гдѣ въ окнахъ спаленъ мерцалъ тусклый огонекъ ночника. Тишина ночи нарушалась лишь изрѣдка лаемъ заспанной собаки. Когда люди вышли изъ города, церковные часы пробили два.

Они свернули во дорогѣ влѣво и, пройдя четверть мили, остановились у дома особняка, окруженнаго стѣной, на которую Тоби Крекитъ влѣзъ въ одно мгновеніе ока.

— Давай мальчика, — сказалъ Тоби, — подыми его, а я перехвачу.

Не успѣлъ Оливеръ оглянуться кругомъ, какъ Сайксъ подхватилъ его подъ руки, и черезъ три, четыре секунды мальчикъ и Тоби лежали уже на травѣ по другую сторону стѣны. Сайксъ послѣдовалъ за ними и всѣ они осторожно направились къ дому.

Только теперь въ первый разъ понялъ Оливеръ, доведенный почти до сумасшествія горемъ и ужасомъ, что цѣлью предпринятой экспедиціи былъ грабежъ, а быть можетъ и убійство. Онъ сложилъ руки и невольно вскрикнулъ отъ ужаса.

Въ глазахъ у него потемнѣло, холодный потъ выступилъ на лицѣ, ноги подкосились и онъ упалъ на колѣни.

— Встань! — проворчалъ Сайксъ, дрожа отъ бѣшенства и вытаскивая пистолетъ изъ кармана. — Встань или я выпущу тебѣ мозги!

— О, ради Бога, отпустите меня! — плакалъ Оливеръ. — Отпустите меня, дайте мнѣ умереть гдѣ нибудь на полѣ. Я никогда близко не подойду къ Лондону, никогда! О! сжальтесь надо мною и не заставляйте меня воровать. Ради всѣхъ святыхъ ангеловъ на небѣ, сжальтесь надо мной!

Человѣкъ, къ которому мальчикъ обращался съ мольбой, отвѣчалъ ему страшнымъ проклятіемъ и поднялъ уже пистолетъ, но Тоби поспѣшно вырвалъ его и, закрывъ мальчику ротъ рукой, потащилъ его къ дому.

— Тс! — шепнулъ онъ Оливеру, — скажи еще одно слово и я безъ пистолета палкой расправлюсь съ тобой. Шуму не будетъ, а дѣйствіе такое же вѣрное. Сюда, Билль, отвинчивай ставню. Присмирѣлъ теперь, будетъ съ него. Ничего! И постарше его трусили въ первую минуту, особенно въ такую темную и холодную ночь.

Сайксъ, призывая проклятіе на голову Феджина за то, что тотъ вздумалъ дать имъ Оливера

для такого серьезнаго предпріятія, взялъ ломъ и приступилъ къ дѣлу, стараясь работать во возможности тише. Спустя нѣсколько минутъ ставня открылась.

Это было небольшое рѣшетчатое оісно, которое отстояло на пять съ половиною футовъ отъ земли и находилось въ задней части дома, гдѣ въ концѣ корридора была прачешная или домашняя пивоварня. Оно было такъ невелико, что обитатели дома не считали, вѣроятно, нужнымъ защитить его покрѣпче, и въ тоже время настолько велико, что въ него свободно могъ пролѣзть Оливеръ. Еще нѣсколько упражненій ломомъ и мистеръ Сайксъ удалилъ рѣшетку, окно было теперь совсѣмъ открыто.

— Слушай теперь, щенокъ, — сказалъ Сайксъ, вынимая изъ кармана потайной фонарь и освѣщая имъ лицо Оливера, — я просуну тебя черезъ это окно. Возьми фонарь, подымись тихонько по дѣстницѣ, которую увидишь передъ собой, пройди прихожую и открой намъ входную дверь.

— Тамъ есть засовъ вверху… тебѣ не достать до него, — сказалъ Тоби. — Въ прихожей есть стулья, ты и стань на стулъ. Ихъ тамъ три, Билль, и на спинкахъ — большой синій единорогъ и золотыя вилы… гербъ старой леди.

— Не можешь ты помолчать, что ли? — отвѣчалъ Сайксъ, съ грознымъ видомъ посматривая на него. — Открыта дверь на лѣстницу?

— Открыта, — отвѣчалъ Тоби, заглянувъ въ окно. — Она всегда бываетъ открыта, чтобы собака, которая спитъ тамъ, могла бы ходить по всему корридору, когда ей не спится. Ха, ха! Барней ловко стибрилъ ее сегодня вечеромъ. Ловко!

Хотя мистеръ Крекитъ говорилъ совсѣмъ шепотомъ и смѣялся беззвучно, тѣмъ не менѣе Сайксъ приказалъ ему молчать и приниматься за дѣло. Тоби вытащилъ прежде всего фонарь и поставилъ его на землю; затѣмъ, наклонившись такимъ образомъ, что руки его упирались въ колѣни, а голова въ стѣну подъ окномъ, изобразилъ своей спиной ступеньку лѣстницы. Сайксъ тотчасъ же влѣзъ ему на спину и осторожно просунулъ Оливера въ окно ногами впередъ и, продолжая держать его за шиворотъ, поставилъ на полъ.

— Возьми фонарь, — сказалъ Сайксъ. — Видишь лѣстницу передъ собой?

Оливеръ, еле живой отъ страіха, прошепталъ «да!» Сайксъ, указавъ ему пистолетомъ на виднѣвшуюся вдали входную дверь, сказалъ, что онъ все время будетъ подъ выстрѣломъ и, если онъ не исполнитъ того, что ему говорятъ, то будетъ

убитъ на мѣстѣ.

— Минуты довольно на это, — сказалъ Сайксъ тѣмъ же шепотомъ. — Иди же и за дѣло! Берегись!

— Что это? — шепнулъ Тоби.

Оба внимательно прислушались.

— Ничего, — сказалъ Сайксъ, выпуская Оливера. — Ну!

Въ тотъ короткій промежутокъ, который ему оставался, чтобы собраться съ мыслями, мальчикъ твердо рѣшилъ про себя, что пусть это будетъ стоить ему жизни, а онъ все таки, поднявшись на лѣстницу, разбудитъ всѣхъ громкимъ крикомъ. Съ этимъ рѣшеніемъ въ душѣ онъ осторожно двинулся къ лѣстницѣ.

— Назадъ! — крикнулъ вдругъ Сайксъ. — Назадъ! Назадъ!

Пораженный такимъ внезапнымъ крикомъ, нарушившимъ мертвую тишину дома, Оливеръ не зналъ, что ему дѣлать, идти впередъ или бѣжать.

Крикъ повторился... показался свѣтъ... передъ глазами Оливера смутно мелькали фигуры полуодѣтыхъ людей на ступенькахъ лѣстницы... Яркій блескъ... выстрѣлъ... облако дыма... гдѣ-то трескъ, но гдѣ... онъ не зналъ.

Сайксъ исчезъ только на минуту, но затѣмъ снова показался и, пользуясь тѣмъ, что дымъ еще не разсѣялся, схватилъ Оливера за шиворотъ. Выстрѣливъ затѣмъ изъ своего собственнаго пистолета въ сторону двухъ человѣкъ, которые успѣли тѣмъ временемъ скрыться, вытащилъ мальчика обратно изъ окна.

— Крѣпче держись за меня, — сказалъ ему Сайксъ. — Дай сюда платокъ... Они ранили его. Живьй! Экъ, какъ изъ него льетъ кровь!

Въ головѣ мальчика смутно промелькнули громкій звонокъ, громъ выстрѣловъ, крики людей и сознаніе того, что его быстро несутъ по неровной почвѣ. Затѣмъ шумъ этотъ замеръ гдѣ то въ отдаленіи, смертельный холодъ охватилъ его сердце и больше онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

XXIII. Весьма интересный разговоръ между мистеромъ Бемблемъ и нѣкоей леди, который показываетъ, что даже приходскій сторожъ можетъ поддаваться нѣкоторымъ чувствамъ

Ночь была необычайно холодная, и снѣгъ, покрывавшій землю, лежалъ на ней толстымъ, крѣпкимъ слоемъ, такъ что рѣзкій, холодный вѣтеръ, завывавшій кругомъ, могъ подхватывать только недавно сметенный снѣгъ, который лежалъ кучами по краямъ улицы и до угламъ домовъ. Да, темная, леденящая была эта ночь, одна изъ тѣхъ ночей, когда люди, имѣющіе теплый домъ и хорошую пищу, сидятъ у огня и благодарятъ Бога за то, что у нихъ есть пріютъ, а бездомные и голодные ложатся на землю и умираютъ. Да, много отверженныхъ закрываютъ навсегда глаза въ такую лютую ночь и, каковы бы ни были ихъ преступленія, врядъ ли чувствуютъ они себя хуже тамъ, куда переселяются.

Такова то была погода, когда мистриссъ Корней, надзирательница дома призрѣнія, съ которымъ

уже знакомы наши читатели, какъ съ мѣстомъ рожденія Оливера, сидѣла у весело трещавшаго огня въ своей маленькой комнатѣ и смотрѣла съ удовольствіемъ на небольшой круглый столъ, на которомъ стоялъ соотвѣтствующей величины подносъ со всѣми принадлежностями для закуски. Мистриссъ Корней собиралась пить чай. Когда она взглянула на огонь, гдѣ самый маленькій изъ всѣхъ маленькихъ чайниковъ пѣлъ нѣжнымъ, тоненькимъ голоскомъ свою нѣжную пѣсенку, чувство внутренняго довольства ея еще увеличилось и она улыбнулась.

— Да, — сказала она, облокачиваясь на столъ и задумчиво глядя на огонь, — всякій изъ насъ имѣетъ то, что ему нужно, и всѣ мы должны быть благодарны за все, что намъ дается. Увы!.. не всѣ, однако, сознаютъ это.

Мистриссъ Корней печально покачала головой, какъ бы сожалѣя о духовной слѣпотѣ тѣхъ нищихъ, которые не сознаютъ этого, и опустивъ серебряную ложечку (свою собственную) въ жестяную чайницу, она взяла, сколько нужно было чаю, и заварила его.

Ахъ, какія подчасъ ничтожныя вещи могутъ нарушить равновѣсіе нашихъ мыслей! Черный чайникъ, самый маленькій изъ всѣхъ чайниковъ,

былъ слишкомъ переполненъ водой, вслѣдствіе чего закипѣлъ черезъ край и вода брызнула на руку мистриссъ Корней.

— А чтобъ тебя! — воскликнула почтенная матрона, ставя чайникъ обратно на очагъ. — Что можетъ быть глупѣе чайника, въ которомъ помѣщается всего только двѣ чашки чаю! Ну, кому онъ годится! За исключеніемъ, впрочемъ, — прибавила мистриссъ Корней послѣ небольшой паузы, — такого несчастнаго, всѣми покинутаго созданія, какъ я. О, Боже!

И съ этими словами матрона упала въ кресло и облокотившись о столъ, задумалась о своей печальной, одинокой судьбѣ. Маленькій чайникъ и одинокая чашечка пробудили въ ней воспоминаніе о мистерѣ Корнеѣ (который умеръ всего двадцать пять лѣтъ тому назадъ) и это переполнило чашу ея горя.

— Нѣтъ, такого, какъ онъ, у меня не будетъ больше, — сказала мистриссъ Корней печально, — никогда больше не будетъ... такого, какъ онъ.

Съ кому относилось это замѣчаніе, къ мужу ли или къ чайнику, неизвѣстно. Весьма возможно, что и къ послѣднему, такъ какъ мистриссъ Корней въ ту самую минуту, когда говорила,

взглянула на чайникъ и сняла его съ огня. Не успѣла она налить себѣ первую чашку, какъ въ дверь ея комнаты кто то легонько постучался.

— Ну, кто тамъ еще, войдите! — сказала мистриссъ Корней нѣсколько раздражительнымъ тономъ. — Старуха какая нибудь умираетъ... Ихъ всегда угораздитъ умереть, когда я закусываю. Не стойте же у дверей, вы напустите мнѣ холоду въ комнату. Что тамъ случилось?

— Ничего ма'амъ, ничего, — отвѣчалъ мужской голосъ.

— Боже мой! — воскликнула матрона на этотъ разъ уже несравненно болѣе мягкимъ голосомъ. — Да, вѣдь это мистеръ Бембль.

— Къ услугамъ вашимъ, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бембль, который только что успѣлъ стряхнуть снѣгъ со своихъ сапоговъ и плаща и входилъ въ комнату, держа въ одной рукѣ трехуголку, а въ другой свертокъ. — Прикажете затворить дверь, ма'амъ?

Леди не рѣшилась отвѣтить сразу изъ скромности, думая о томъ, будетъ ли прилично имѣть съ мистеромъ Бемблемъ свиданіе при закрытыхъ дверяхъ. Мистеръ Бембль воспользовался этимъ колебаніемъ, тѣмъ болѣе что ему самому было холодно, и заперъ дверь, не дождавшись

разрѣшенія.

— Ужасная погода, мистеръ Бембль, — сказала надзирательница.

— Ужасная погода, ма'амъ! Мы роздали въ эти дни мистриссъ Корней, двадцать двухфунтовыхъ хлѣбовъ и полтора круга сыру и эти нищіе все еще недовольны!

— Разумѣется недовольны! Когда же они бываютъ довольны, мистеръ Бембль? — сказала надзирательница, наливая чай.

— Дѣйствительно, ма'мъ, когда? — сказалъ мистеръ Бембль. — У насъ тутъ есть одинъ такой человѣкъ, которому въ виду того, что у него жена и много дѣтей, выдали двухфунтовый хлѣбъ и добрый фунть сыру. Вы думаете, онъ быль благодаренъ, ма'амъ? Благодаренъ? Ни на грошъ! Вздумалъ еще, ма'амъ, просить немного угля... только бы наполнить одинъ платокъ носовой. Такъ и сказалъ. Угля! На что ему уголь? Жарить хлѣбъ съ сыромъ, а затѣмъ опять просить? Такъ ужъ всегда съ этимъ народомъ, ма'амъ! Наполни ему сегодня цѣлый передникъ углемъ, завтра придетъ за другимъ. Ничѣмъ ихъ не проймешь!

Хозяйка вполнѣ и во всемъ согласилась съ нимъ.

— Никогда еще не видѣлъ я ничего подобна-

го, — продолжалъ мистеръ Бемблъ. — Третьяго дня какой-то человѣкъ, — вы были замужемъ, ма'амъ, и я могу сказать это вамъ, — человѣкъ, у котораго спина была еле-еле прикрыта лохмотьями, (здѣсь мистриссъ Корней, скромно опустила глаза), пришелъ къ нашему смотрителю, когда тотъ обѣдалъ и у него были гости и вообразите, мистриссъ Корней, потребовалъ, чтобы ему помогли. Онъ ни за что не хотѣлъ уходить, а такъ какъ онъ очень, шокировалъ всѣхъ гостей, то смотритель выслалъ ему фунтъ картофеля и полпинты овсяной крупы. — «Богъ мой! — сказалъ неблагодарный негодяй, — какая мнѣ польза съ этого! Съ тѣмъ же упѣхомъ вы могли выслать мнѣ пару желѣзныхъ очковъ» — «Прекрасно! — сказалъ нашъ смотритель, — въ такомъ случаѣ ничего не получишь!» — и отобралъ у него все. — «На улицѣ что ли прикажете умирать?» — спросилъ негодяй. — «Не умрешь!» — сказалъ смотритель.

— Ха, ха! Превосходно! Это очень походитъ на мистера Браннета! — воскликнула надзирательница. — Дальше, мистеръ Бемблъ?

— Дальше, ма'амъ? — оказалъ сторожъ, — а дальше онъ ушелъ и такъ таки умеръ на улицѣ. Упрямый народецъ, нечего сказать!

— Это превосходитъ все, что я до сихъ поръ слышала, — сказала м-съ Корней. — Какъ вы думаете, истеръ Бембль, не вредно ли оказывать помощь людямъ, живущимъ внѣ пріюта? Вы джентльменъ опытный и должны хорошо понимать. Какъ вы думаете?

— Мистриссъ Корней, — сказалъ сторожъ, улыбаясь, какъ улыбаются люди, которые сознаютъ свое превосходство, — помощь внѣ пріюта, если, конечно, мы будемъ оказывать ее благоразумно и осмотрительно, является спасеніемъ для нашего пріюта. Великій принципъ этой помощи заключается въ томъ, чтабы давать нищимъ то, чего они наименѣе желаютъ, и тогда они перестанутъ приходить.

— Боже мой! — воскликнула митриссъ Корней, — какъ это остроумно.!

— Да... между нами будь сказано, — продолжалъ мистеръ Бембль, — это великій принципъ, и вотъ почему, если вы станете прочитывать тѣ случаи, которые помѣщаютъ эти безстыдныя газеты, то вы замѣтите, что всѣ они касаются большихъ семействъ, которыя получали пособіе, состоящее изъ ломтика сыру. Это теперь принято за правило во всемъ государствѣ, мистриссъ Корней. Впрочемъ, — продолжалъ сторожъ,

развязывая принесенный имъ свертокъ, — это служебная тайна, ма'амъ, и говорить о ней не слѣдуетъ... Мы то съ вами, ма'амъ, можемъ говорить объ этомъ, мы принадлежимъ къ служебному приходскому персоналу. Это портвейнъ, ма'амъ! Комитетъ присылаетъ его для больницы. Настоящій, свѣжій портвейнъ, послѣднягь розлива и безъ всякой примѣси и осадка.

Мистеръ Бемблъ поднесъ одну бутылку къ огню, взболталъ ее и затѣмъ поставилъ обѣ на комодъ, а платокъ, въ которомъ онѣ были завернуты, тщательно сложилъ и спряталъ въ карманъ. Взявъ свою трехуголку, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ уйти.

— Ахъ, какъ вамъ будетъ холодно идти, мистеръ Бемблъ, — сказала матрона.

— Вѣтеръ пронзительный, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бембль, подымая кверху воротникъ. — Того и гляди, отморозишь уши.

М-съ Корней взглянула на чайникъ, съ чайника перевела робкій взоръ на сторожа собиравшагося уходить... Когда онъ кашлянулъ и пожелалъ ей спокойной ночи, она тихо пролепетала — не пожелаетъ ли онъ выпить съ нею чашечку чаю?

Мистеръ Бембль моментально откинулъ назадъ свой воротникъ, на одинъ стулъ положилъ

шляпу и палку, а другой придвинулъ къ столу. Онъ медленно опустился на него и взглянулъ на леди. Она тихонько изъ-за чайника подняла глаза на него. Мистеръ Бембль кашлянулъ и слегка улыбнулся. Мистриссъ Корней встала, чтобы взять изъ шкафа другую чашку и блюдечко. Когда она сѣла, глаза ея снова встрѣтились съ глазами сторожа.

Она вспыхнула и начала наливать чай. Мистеръ Бембль снова кашлянулъ — на этотъ разъ сильнѣе прежняго.

— Очень сладко, мистеръ Бембль? — спросила хозяйка, приготовляясь класть сахаръ.

— Очень сладко, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бембль. Онъ пристально взглянулъ на мистриссъ Корней и, если сторожъ можетъ быть нѣженъ, то мистеръ Бембль былъ нѣженъ въ эту минуту.

Чай былъ налитъ и поданъ молча. Мистеръ Бембль прикрылъ носовымъ платкомъ свои колѣни, чтобы крошки не запачкали его великолѣпныхъ брюкъ, и началъ ѣсть и пить. Удовольствіе это онъ прерывалъ по временамъ глубокимъ вздохомъ, который не вредилъ, однако, его аппетиту, но даже, напротивъ, облегчалъ операцію ѣды и питья.

— У васъ есть кошка, ма'амъ, — сказалъ ми-

стеръ Бемблъ, увидя кошку, которая нѣжилась у огня среди своей семьи;- и котята также.

— Вы и представить себѣ не можете, мистеръ Бемблъ, какъ я ихъ люблю, — отвѣчала хозяйка. — Эти животныя всегда такъ счастливы, такъ забавны, такъ веселы, что лучшихъ товарищей мнѣ и не нужно.

— Прелестныя животныя, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ, — семейный, такъ сказать.

— О, да! — съ энтузіазмомъ подхватила надзирательница. — Они такъ любятъ свой очагъ, что истинное удовольствіе смотрѣть на нихъ.

— Мистриссъ Корней, ма'мъ, — сказалъ мистеръ Бемблъ, говоря медленно и отбивая тактъ своей чайной ложечкой, — я хочу вотъ что сказать вамъ, ма'амъ: кошка или котята, которые живутъ съ вами и не любятъ своего дома, не кошки, ма'амъ, а....ослы!

— О, мистеръ Бемблъ! — воскликнула мистриссъ Корней.

— Факты, ма'амъ, остаются фактами, — сказалъ мистеръ Бемблъ, медленно, въ темпѣ amoroso, размахивая чайной ложечкой, — я самъ бы съ истиннымъ наслажденіемъ утопилъ бы такихъ кошекъ.

— Вы жестокій человѣкъ, — сказала хозяйка, —

жестокосердный человѣкъ!

— Жестокосердный, ма'амъ? — сказалъ мистеръ Бемблъ. — Жестокій? — Мистеръ Бемблъ подалъ свою чашку, причемъ слегка пожалъ мизинчикъ мистриссъ Корней, два раза хлопнулъ себя ладонью по жилету, тяжело вздохнулъ и отодвинулъ свой стулъ отъ огня.

Столъ былъ круглый. Мистеръ Бемблъ и мистриссъ Корней сидѣли около камина другъ противъ друга и разстояніе между ними было небольшое, а потому мистеръ Бемблъ, удалившись отъ огня, удалился съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ мистриссъ Корней. Нѣкоторые благоразумные читатели увидятъ въ такомъ поступкѣ мистера Бембля величайшій актъ героизма, такъ какъ въ данный моментъ все, и время, и мѣсто, и случай, благопріятствовали выраженію самыхъ нѣжныхъ чувствъ; но чувства такого рода приличествуютъ только людямъ легкомысленнымъ и беззаботнымъ и роняютъ достоинство судей, членовъ парламента, министровъ, лордовъ и другихъ великихъ общественныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе сторожа, который долженъ быть самымъ непоколебимымъ изъ всѣхъ государственныхъ мужей.

Каковы бы ни были намѣренія мистера Бем-

бля, (а что они были наилучшія, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія), но, какъ мы уже дважды говорили объ этомъ, столъ былъ къ несчастью круглый, вслѣдствіе чего разстояніе между мистеромъ Бемблемъ и хозяйкою все уменьшалось по мѣрѣ того, какъ онъ двигался кругомъ стола и кресло его такимъ образомъ очутилось бокъ о бокъ съ кресломъ, на которомъ она сидѣла. Когда кресла столкнулись, мистеръ Бембль остановился.

Вздумай теперь надзирательница подвинутъ свое кресло вправо, она попала бы прямо въ каминъ, а если влѣво, то упала бы въ объятія мистера Бембля. Вслѣдствіе этого (скромная дама однимъ взглядомъ сообразила всѣ могущія быть послѣдствія) она осталась тамъ, гдѣ была и подала мистеру Бемблю вторую чашку чаю.

— Жестокосердый, мистриссъ Корней? — сказалъ мистеръ Бембль, мѣшая чай и глядя въ лицо матроны. — А вы не жестокосердая, мистриссъ Корней?

— Богъ мой! — воскликнула хозяйка. — Какой любопытный вопросъ для холостого человѣка! Почему вы такъ интересуетесь этимъ, мистеръ Бембль?

Сторожъ выпилъ весь чай до послѣдней капельки, съѣлъ поджаренный ломтикъ хлѣба,

стряхнулъ крошки съ колѣнъ, вытеръ губы и поцѣловалъ матрону.

— Мистеръ Бембль! — воскликнула скромная леди умирающимъ голосомъ, который сразу потерялся у нея отъ страха. — Мистеръ Бембль, я закричу!

Мистеръ Бембль вмѣсто отвѣта медленно и съ достоинствомъ обнялъ ее рукой вокругъ таліи. Если леди выразила свое намѣреніе крикнуть, то при такомъ смѣломъ поступкѣ она должна была бы крикнуть еще громче, не помѣшай этому стукъ въ двери. Мистеръ Бембль поспѣшно вскочилъ съ кресла и, подойдя къ бутылкамъ съ виномъ, тщательно принялся обтирать ихъ, а матрона недовольнымъ тономъ спросила кто тамъ. Любопытенъ въ этомъ случаѣ тотъ фактъ, что голосъ мистриссъ Корней сразу принялъ оффиціальную сухость, что несомнѣнно явилось слѣдствіемъ воздѣйствія неожиданнаго стука на овладѣвшій ею страхъ и трепетъ.

— Пожалуйте, мистриссъ, — сказалъ дрожащій старческій голосъ и изъ-за дверей выглянуло лицо безобразной старухи, — старая Салли умираетъ.

— Мнѣ то что съ того? — сердито сказала матрона. — Я не могу оживить ее.

— Нѣтъ, нѣтъ мистриссъ, — отвѣчала старуха, — никто не можетъ, ей больше никакая помощь не нужна. Я видѣла, какъ умираютъ дѣти и взрослые люди, и хорошо знаю, какъ смерть приходитъ. Только ее что то очень безпокоитъ... какъ только придетъ въ себя... А приходитъ она часто въ себя, потому что и умираетъ такъ тяжело.... Такъ сейчасъ и начнетъ говорить, что она о чемъ то хочетъ сказать вамъ... Она никогда не умретъ, мистриссъ, если вы не придете.

Достойная мистриссъ Корней разразилась всевозможными ругательствами противъ старухъ, которыя не могутъ даже умереть безъ того, чтобы не надоѣдать своимъ благодѣтелямъ. Закутавшись въ теплый платокъ, мистриссъ Корней попросила мистера Бембля не уходить, пока она не вернется обратно, если, конечно, ничего особеннаго не случится. Затѣмъ она приказала старухѣ идти скорѣй по лѣстницѣ и не задерживать ее тамъ цѣлую ночь, послѣ чего съ неудовольствіемъ вышла изъ комнаты и послѣдовала за нею. Послѣ ея ухода мистеръ Бембль велъ себя крайне непонятнымъ образомъ. Онъ открылъ шкафъ, пересчиталъ чайныя ложечки, взвѣсилъ на рукѣ тяжесть сахарныхъ щипцовъ, внимательно осмотрѣлъ серебряный кувшинъ

для молока, чтобы убѣдиться, что онъ сдѣланъ изъ настоящаго серебра и, удовлетворивъ свое любопытство съ этой стороны, надѣлъ трехуголку и съ присущей ему важностью четыре раза протанцовалъ вокругъ стола. Кончивъ это удивительное представленіе, онъ снялъ трехуголку и сталъ спиной къ огню, мысленно, повидимому, составляя точный инвентарь всей окружающей его обстановки.

XXIV. Въ этой коротенькой главѣ разсказывается объ одномъ ничтожномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ важное значеніе въ этой повѣсти

Старуха, нарушившая покой надзирательницы, была истинной посланницей смерти. Тѣло ея сгорбились отъ тяжести лѣтъ, руки и ноги тряслись, лицо подергивалось и походило скорѣе на причудливое фантастическое изображеніе, чѣмъ на произведеніе природы. Увы! Не всѣ произведенія природы остаются всегда въ одномъ и томъ же видѣ, чтобы радовать насъ своей красотой. Заботы, горе, превратности судьбы мѣняютъ ихъ такъ же, какъ мѣняются сердца. Только когда засыпаютъ эти страсти и навсегда теряютъ свою силу, только тогда исчезаютъ мрачныя облака и поверхность неба проясняется. Смерть обладаетъ неоспоримымъ свойствомъ мѣнять лицо. Холодное и неподвижное, оно принимаетъ давно забытое выраженіе покоя, какое можно видѣть только у спящаго ребенка; такимъ миромъ, такою безмятежностью проникнуты всѣ черты

его, что всѣ, знавшіе умершаго въ раннюю пору счастливаго дѣтства, падаютъ на колѣни у гроба, какъ бы чувствуя присутствіе ангела, парящаго надъ землей.

Старуха еле-еле плелась по корридору, а затѣмъ вверхъ по лѣстницѣ, невнятно отвѣчая на понуканья своей спутницы. Почувствовавъ, что задыхается, она передала ей свѣчу, а сама все еще плелась по лѣстницѣ, когда начальница ея входила уже въ комнату, гдѣ лежала умирающая женщина.

Это была комната на чердакѣ, тускло освѣщенная горѣвшей въ заднемъ концѣ свѣчей. У постели больной сидѣла старуха сидѣлка, а у камина стоялъ аптекарскій ученикъ прихода и приготовлялъ себѣ зубочистку.

— Холодно на дворѣ, мистриссъ Корней, — сказалъ молодой джентльменъ, вошедшей надзирательницѣ.

— Очень холодно, сэръ, — отвѣтила она и вѣжливо поклонилась.

— Слѣдуетъ позаботиться, чтобы поставщики доставляли получше уголь, — сказалъ аптекарскій ученикъ, разбивая ржавой кочергой куски угля въ каминѣ.

— Все зависитъ отъ комитета, сэръ. — Недурно

было бы, конечно, позаботиться ему о томъ, чтобы намъ было тепло. Наши обязанности и безъ того очень тяжелыя.

Разговоръ былъ прерванъ стономъ умирающей.

— О! — сказалъ молодой человѣкъ, повернувшись лицомъ къ кровати, — она, кажется, сейчасъ умретъ, мистриссъ Корней.

— Вы думаете, сэръ? — спросила надзирательница.

— Я буду очень удивленъ, если она проживетъ болѣе двухъ часовъ, — сказалъ аптекарскій ученикъ, продолжая заниматься своей зубочисткой. — Это будетъ нарушеніе системы во всякомъ случаѣ. Слушай, сидѣлка, спитъ она?

Сидѣлка нагнулась надъ кроватью и утвердительно кивнула головой.

— Надо полагать, она такъ и умретъ, не просыпаясь, если никто не будетъ шумѣть, — сказалъ молодой человѣкъ. — Поставьте свѣчу на полъ, чтобы она не видѣла ее.

Сидѣлка исполнила, что онъ ей сказалъ, но въ то же время сомнительно покачала головой, — какъ бы желая сказать, что женщина не умретъ такъ легко, и снова сѣла на прежнее мѣсто рядомъ съ другой старухой, которая только что

вернулась. Надзирательница съ выраженіемъ крайняго нетерпѣнія завернулась въ платокъ и сѣла въ ногахъ кровати.

Аптекарскій ученикъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ приготовить себѣ зубочистку, сталъ противъ огня и минутъ десять чистилъ себѣ зубы. Наконецъ это надоѣло ему и онъ, пожелавъ успѣха мистриссъ Корней, вышелъ изъ комнаты на цыпочкахъ.

Нѣсколько минутъ сидѣли всѣ молча, а затѣмъ обѣ старыя сидѣлки встали, подошли къ камину и, усѣвшись на корточкахъ, принялись грѣть свои изсохшія руки. Пламя бросало призрачный свѣтъ на ихъ сморщенныя лица и дѣлало еще болѣе ужасными эти безобразныя лица. Такъ, сидя передъ огнемъ, принялись онѣ болтать между собою.

— Анна милая, говорила она еще что-нибудь послѣ того, какъ я ушла? — спросила посланница смерти.

— Ни слова, — отвѣчала ея товарка;- она только все дергала вокругъ себя и ломала руки. Ну я придержала ихъ покрѣпче и она скоро успокоилась. Силъ у нея теперь никакихъ нѣтъ и мнѣ легко было справиться съ нею. У меня силъ хватитъ еще, несмотря на нашу приходскую пищу.

— А пила она горячее вино, которое ей прописалъ докторъ? — спросила первая.

— Я хотѣла ей дать, — отвѣчала другая, — но она такъ стиснула зубы и такъ уцѣпилась за кружку, что я насилу отняла ее. Я сама выпила вино и это подкрѣпило меня.

Оглянувшись кругомъ, чтобы удостовѣриться, что никто не подслушалъ ихъ, старухи ближе придвинулись къ огню и захихикали отъ души.

— Я хорошо помню, — оказала первая, — и она дѣлала то же самое, и какъ еще смѣялась.

— Да, да, она всегда была веселая, — отвѣчала другая. — Много, много красиыыхъ покойницъ убирала она, и такія онѣ были чистенькія, какъ восковыя фигурки. Я сама видѣла ихъ, да!.. Эти вотъ руки трогали ихъ... Я много разъ помогала ей.

Старуха вытянула дрожащіе пальцы, провела ими по своему лицу и сунула затѣмъ въ карманъ, откуда вытащила старую, выцвѣтшую отъ времени табакерку, насыпала немного табаку на протянутую ладонь своей товарки, а на свою нѣсколько больше. Пока онѣ болтали у огня, надзирательница, потерявшая всякое терпѣніе сидѣть такъ долго подлѣ умирающей, встала съ мѣста и, подойдя къ огню, съ раздраженіемъ

спросила, долго ли ей еще придется ждать?

— Не долго, мистриссъ, — отвѣчала вторая, глядя ей прямо въ лицо. — Всѣмъ намъ недолго придется ждать смерти. Потерпите, потерпите! Она достаточно скоро пожалуетъ къ намъ.

— Прикуси языкъ, идіотка! — сказала матрона. — Скажи мнѣ, Марта, была ли она и раньше въ такомъ состояніи?

— Часто, — отвѣчала первая.

— И больше никогда не будетъ, — сказала вторая;- то есть, она проснется еще разъ… да только не надолго.

— Ну, тамъ надолго или не надолго, — сказала матрона, — только она не найдетъ меня здѣсь, когда проснется. Будетъ вамъ на орѣхи за то, что вы изъ-за пустяковъ потревожили меня. Я не обязана смотрѣть, какъ умираютъ старухи въ этомъ домѣ, и не желаю… вотъ и все. Зарубите это себѣ на носу, безстыжія старыя вѣдьмы! Вздумайте еще разъ одурачить меня и я скоро отучу васъ отъ этого!

Она приготовилась уйти, когда крикъ обѣихъ старухъ, вернувшихся на свое мѣсто у кровати, заставилъ ее обернуться назадъ. Больная сидѣла на кровати и протягивала руки къ ней.

— Кто это? — кричала она глухимъ голосомъ.

— Тише, тише! — сказала одна изъ старухъ, — ложись лучше, ложись!

— Никогда я больше не лягу живою, — сказала женщина, вырываясь у нея изъ рукъ. — Я хочу разсказать ей… подойдите… ближе! Дайте мнѣ шепнуть вамъ на ухо.

Она схватила надзирательницу за руку и заставила ее сѣсть на стулъ подлѣ кровати; она хотѣла уже начать свой разсказъ, когда, оглянувшись кругомъ увидѣла двухъ старухъ, которыя также приготовились слушать.

— Выгоните ихъ прочь, — сказала она. — Скорѣе. Скорѣе!

Старухи завопили въ одинъ голосъ и стали жалобно причитать, что больной очень, вѣроятно, худо, потому что она не узнаетъ ихъ, своихъ лучшихъ друзей, которые никогда не оставили бы ее. Но тутъ надзирательница вскочила, вытолкала ихъ, заперла дверь и вернулась на мѣсто. Тогда онѣ запѣли совсѣмъ другое и принялись кричатъ сквозь замочную скважину, что Старая Салли пьяна. Здѣсь была своя доля правды, потому что кромѣ небольшой дозы опіума, прописанной ей аптекаремъ, старуха находилась еще подъ вліяніемъ джина съ водой, которымъ ее угостили товарки.

— Выслушайте меня, — сказала умирающая, стараясь говорить громче, чтобы пробудить въ себѣ новыя силы, какъ она думала.. — Въ этой самой комнатѣ... на этой самой кровати... я ухаживала за прелестнымъ молодымъ существомъ... Ее принесли сюда съ израненными отъ ходьбы ногами, покрытыми пылью и кровью. Она родила мальчика и умерла. Дайте подумать... въ которомъ году это было?..

— Все равно въ которомъ, — съ нетерпѣніемъ отвѣчала ея слушательница, — дальше!

— Ай! — прошептала умирающая, приходя въ прежнее сонливое состояніе. — О ней?.. Что о ней?.. Знаю! — вскрикнула она. Лицо ея покраснѣло, глаза широко раскрылись. — Я обокрала ее, да! Она еще не остыла... Говорю вамъ, она еще не остыла, когда я ограбила ее!

— Что украла? Говори, ради Бога! — крикнула надзирательница съ такимъ жестомъ, какъ будто бы хотѣла позвать кого-нибудь на помощь.

— Вещь, — отвѣчала старуха, закрывая рукою ротъ матроны. — Одну только вещь, которую она имѣла. У нея не было теплой одежды, она была голодная, но она берегла ее и держала у себя на груди. Она была золотая, говорю вамъ... чистѣйшаго золота и могла спасти ей жизнь.

— Золотая! — воскликнула надзирательница, склоняясь надъ женщиной, упавшей навзничь. — Продолжай, продолжай же... что еще? Кто была мать? Когда это было?

— Она просила меня сохранить ее, — отвѣчала женщина хриплымъ голосомъ, — и довѣрила ее мнѣ, потому что я была одна при ней. Я рѣшила ее украсть еще тогда, какъ она въ первый разъ указала мнѣ, что она виситъ у нея на шеѣ, и если ребенокъ умеръ, то въ этомъ моя вина. Они, быть можетъ, лучше бы обращались съ нимъ, знай они все.

— Знай что? — спросила матрона. — Говори!

— Мальчикъ росъ и такъ походилъ на свою мать, — продолжала женщина, не отвѣчая на вопросъ. — Я никогда не могла забыть этого, когда видѣла его лицо. Бѣдная дѣвушка! Бѣдная дѣвушка! Такая молоденькая! Такая кроткая! Погодите, я должна еще кое-что разсказать. Я не все разсказала, да?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала матрона, склоняясь еще ближе къ ней, чтобы лучше слышать, что она говоритъ. — Говори скорѣе, не то будетъ поздно.

— Мать, — продолжала женщина, дѣлая надъ собой послѣднее усиліе, — мать, когда наступили смертныя муки, шепнула мнѣ на ухо... Если

ребенокъ родится живымъ и выростетъ, то быть можетъ наступитъ день, когда ему нечего будетъ стыдиться имени своей несчастной матери. — «О, Боже!» — сказала она, складывая свои худенькія ручки, — «будетъ ли это мальчикъ или дѣвочка, пошли ему друзей и сжалься надъ несчастнымъ ребенкомъ, который остается на произволъ чужихъ ему людей!»

— Имя мальчика? — спросила матрона.

— Они назвали его Оливеромъ, — слабымъ голосомъ отвѣчала женщина. — Золотая вещь, которую я украла…

— Ну? — крикнула матрона.

Она еще ближе склонилась къ женщинѣ, чтобы слышать ея отвѣтъ, но въ ту же минуту отскочила отъ постели. Женщина медленно, не двигая ни однимъ членомъ, поднялась и сѣла на кровать; судорожно уцѣпившись руками за одѣяло, она смяла его, пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ и упала навзничь.

* * *

— Умерла! — воскликнула одна изъ старухъ, влетая въ комнату, какъ только открылась дверь.

— И въ концѣ концовъ ничего не сказала, — от-

вѣчала матрона, уходя къ себѣ.

Старухи были видимо очень заняты разными приготовленіями къ исполненію своихъ обязанностей, чтобы отвѣчать. Оставшись однѣ, онѣ занялись тѣломъ покойницы.

XXV. Снова мистеръ Феджинъ и компанія

Пока происходили эти событія въ домѣ призрѣнія, мистеръ Феджинъ сидѣлъ въ своемъ старомъ логовѣ, - въ томъ самомъ, откуда дѣвушка увела Оливера, — и думалъ о чемъ-то у дымнаго очага. На колѣняхъ у него лежалъ раздувальный мѣхъ, который онъ взялъ, вѣроятно, чтобы раздуть огонь, но глубоко о чемъ то задумался, положивъ на него руки и устремивъ глаза впередъ.

Позади него у стола сидѣли ловкій плутъ, мастеръ Чарли Бетсъ (и мистеръ Читлингъ и играли въ вистъ, причемъ Доджеръ игралъ съ дуракомъ противъ Бетси и мистера Читлинга. Лицо перваго изъ упомянутыхъ джентльменовъ, всегда вообще оживленное, на этотъ разъ было еще оживленнѣе обыкновеннаго, вслѣдствіе интереса, внушаемаго ему игрой, и исключительнаго вниманія его къ игрѣ Читлинга. Время отъ времени онъ, пользуясь случаемъ, засматривалъ незамѣтно въ его карты и сообразно этому регулировалъ свою собственную игру. Ночь была холодная и Доджеръ сидѣлъ въ шляпѣ, что, впрочемъ, входило въ

число его обыкновенныхъ привычекъ. Въ зубахъ у него торчала глиняная трубка, которую онъ вынималъ изо рта лишь на короткое время, когда находилъ нужнымъ освѣжиться изъ бутылки съ джиномъ и водой, которая стояла подъ столомъ и была предназначена для всей компаніи.

Мистеръ Бетсъ игралъ также очень внимательно, но такъ какъ натура у него была болѣе возбудимая, чѣмъ у его друга, то онъ чаще прикладывался къ бутылкѣ и позволялъ себѣ разныя шуточки и замѣчанія, совсѣмъ неумѣстныя для настоящаго игрока. Доджеръ, пользуясь своей дружбой къ нему, нѣсколько разъ останавливалъ его за такія неприличныя выходки, но Бетсъ добродушно относился къ этимъ замѣчаніямъ своего товарища и посылалъ его къ чорту, или выражалъ желаніе сунуть его голову въ мѣшокъ, или отвѣчалъ другими милыми остротами въ томъ же родѣ, что вызывало восторгъ со стороны мистера Читлинга. Любопытенъ тотъ фактъ, что послѣдній джентльменъ и партнеръ его постоянно проигрывали и обстоятельство это, вмѣсто того, чтобы сердить мистера Бетса, доставляло ему, напротивъ, высочайшее удовольствіе, такъ что онъ въ концѣ каждой партіи смѣялся и заявлялъ, что никогда еще ни видѣлъ такой

интересной игры.

— Опять проиграли, — сказалъ мистеръ Читлингъ съ вытянутымъ лицомъ и вынимая полкроны изъ кармана своего жилета. — Никогда не видѣлъ такого удачника, какъ ты, Джекъ! Ты всегда выигрываешь. Даже когда у насъ съ Чарли карты хорошія и то намъ не везетъ.

Игра ли сама по себѣ или это замѣчаніе, сказанное печальнымъ тономъ, неизвѣстно, что собственно развеселило мистера Бетса, съ которымъ случился такой приступъ смѣха, что даже еврей вышелъ изъ своей задумчивости и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Въ чемъ дѣло, Феджинъ! — воскликнулъ Чарли. — Жаль, что вы не слѣдили за игрой, Томми Читлингъ не выигралъ ни одной партіи. Мы съ нимъ были партнерами противъ Доджера и болвана.

— Ай, ай! — сказалъ еврей съ улыбкой, которая указывала на то, что онъ понималъ причину этого смѣха. — Попытайся еще разъ, Томъ, попытайся!

— Будетъ съ меня, благодарю, Феджинъ! — отвѣчалъ мистеръ Читлингъ. — Довольно! Этому Доджеру такъ везетъ, что никому не устоять противъ него.

— Ха, ха! — отвѣчалъ еврей. — Вставай пораньше утромъ, если хочешь обыграть Доджера.

— Утромъ! — сказалъ Чарли Бетсъ. — Нѣтъ, тутъ надо надѣть сапоги на ночь, приставить по телескопу къ каждому глазу и бинокль между плечами и то не обыграешь его.

Мистеръ Доукинись выслушалъ эти комплименты съ философскимъ спокойствіемъ и предложилъ платить ему по шиллингу всякій разъ, когда онъ вытянетъ любую заказанную ему фигуру. Никто, однако, не согласился на это предложеніе, а такъ какъ за это время онъ успѣлъ уже выкурить свою трубку, то отъ нечего дѣлать занялся рисованьемъ на столѣ плана Ньюгетской тюрьмы, дѣлая это тѣмъ же кускомъ мѣлу, которымъ онъ передъ тѣмъ писалъ ставки, и въ то же время громко насвистывая.

— Какой ты чудакъ, право, Томми! — сказалъ Доджеръ, переставая свистѣть и обращаясь къ Читлингу. — Какъ вы думаете, Феджинъ, о чемъ онъ думаетъ?

— Какъ же я могу знать? — отвѣчалъ еврей, — кладя на мѣсто раздувальный мѣхъ. — О своихъ проигрышахъ, быть можетъ, или о возвращеніи своемъ въ то мѣстечко, которое онъ недавно покинулъ. Ха, ха! Не такъ ли, мой милый?

— Ни капельки! — отвѣчалъ Доджеръ, предупреждая Читлинга, который собирался уже отвѣчать. — Ты что скажешь, Чарли?

— Я скажу, — отвѣчалъ мистеръ Бетсъ, — что онъ необыкновенно нѣженъ къ Бетси. Краснѣетъ, краснѣетъ! О, Господи! Вотъ такъ потѣха! Томми Читлингъ влюбился! О, Феджинъ, Феджинъ! Шутка ли, право, влюбился!

Тотъ фактъ, что мистеръ Читлингъ сдѣлался жертвой нѣжной страсти, произвелъ на Бетса сильное впечатлѣніе, и онъ откинулся на спинку своего стула съ такою силою, что потерялъ равновѣсіе и повалился на полъ, гдѣ лежалъ растянувшись во всю длину до тѣхъ поръ, пока смѣхъ его не прошелъ, а послѣ чего сѣлъ на прежнее мѣсто и снова принялся хохотать.

— Что же тутъ смѣшного, — сказалъ еврей, — подмигивая Доджеру и слегка ударивъ мистера Бетса раздувальнымъ мѣхомъ. — Бетси хорошая дѣвушка. Держись ея, Томъ, держись!

— Вотъ что я думаю, Феджинъ, — отвѣчалъ мистеръ Читлингъ, краснѣя. — Какое кому до этого дѣло.

— Разумѣется никому, — сказалъ еврей. — Мало ли что скажетъ Чарли! Не стоитъ на него обращать вниманіе. Бетси красивая дѣвушка. Дѣлай

все, что она скажетъ тебѣ, Томъ, и ты наживешь себѣ состояніе.

— Я такъ и дѣлаю, — отвѣчалъ мистеръ Читлингъ. — Если меня словили, такъ только благодаря тому, что я послушалъ ея совѣта. А важная это штука вышла для васъ, Феджинъ, не правда ли? Ну, да что шесть недѣль! Не все ли равно когда.... Зимой все таки лучше, потому пріятнѣе сидѣть, чѣмъ выходить. Правда, Феджинъ?

— Разумѣется, мой милый! — отвѣчалъ еврей.

— А ты бы согласился еще разъ посидѣть, — спросилъ Доджеръ, подмигивая Чарли и еврею, — только бы Бетси была тобой довольна?

— Отчего бы и нѣтъ, — отвѣчалъ Томъ недовольнымъ тономъ, — Эхъ! Да кто изъ нихъ могъ бы это сказать, хотѣлось бы мнѣ знать, Феджинъ!

— Никто, мой милый, — отвѣчалъ еврей, — ни единая душа, Томъ! Я не знаю ни одного изъ нихъ, кто бы могъ сказать это, кромѣ тебя, ни одного.

— Я могъ бы сразу освободиться, стоило только донести на нее, правда, Феджинъ? — продолжалъ одураченный Томъ. — Достаточно было одного слова, правда, Феджинъ?

— Ну, конечно, мой милый, — сказалъ еврей.

— А я не проболтался, правда, Феджинъ? — говорилъ Томъ, засыпая еврея вопросами.

— Нѣтъ, нѣтъ, разумѣется, — отвѣчалъ еврей;- ты слишкомь благороденъ для этого, мой милый!

— А если такъ, зачѣмъ тогда смѣяться надо мною? — продолжалъ Томъ, осматриваясь кругомъ.

Еврей, замѣтившій, что Читлингъ начинаетъ сердиться, поспѣшилъ увѣрить его, что никто рѣшительно не думаетъ смѣяться надъ нимъ; примѣромъ того, насколько всѣ серьезно относятся къ его словамъ, онъ выставилъ Бетса, главнаго зачинщика. Съ несчастью, Чарли, который открылъ было уже ротъ, чтобы сказать, что никогда еще въ своей жизни онъ не былъ такъ серьезенъ, какъ сейчасъ, не выдержалъ и разразился хохотомъ. Обманутый мистеръ Читлингъ вскочилъ съ мѣста, чтобы безъ дальнѣйшихъ церемоній ударить обидчика; но Чарли, чтобы избѣгнуть удара, скользнулъ внизъ и такъ ловко, что ударъ попалъ не въ него, а въ грудь стараго веселаго джентльмена. Еврей зашатался и прислонился къ стѣнѣ, гдѣ стоялъ, еле переводя дыханіе, а растерявшійся совершенно Читлингъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Тише! — крикнулъ Доджеръ, — я слышу звонокъ.

Онъ спряталъ свѣчу и вышелъ осторожно на лѣстницу. Звонскъ повторился и на этотъ разъ съ большимъ еще нетерпѣніемъ. Послѣ короткой паузы, Доджеръ вернулся и что то шепнулъ Феджину.

— Какъ! — воскликнулъ еврей. — Одинъ?

Доджеръ утвердительно кивнулъ головой и, прикрывъ свѣчу рукой, сдѣлалъ знакъ Чарли Бетсу, что теперь лучше не смѣяться. Послѣ этого безмолвнаго дружескаго предостереженія, онъ взглянулъ на еврея и ждалъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Еврей кусалъ себѣ ногти и что то, повидимому соображалъ; лицо его было сильно взволновано, какъ будто онъ страшился чего то и боялся узнать кое что похуже того, чего онъ страшился. Но вотъ онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Гдѣ онъ?

Доджеръ указалъ на верхъ лѣстницы и приготовился идти.

— Да, — сказалъ ему еврей, — приведи его сюда. Тише! Замолчи Чарли! Успокойся Томъ! Полно вамъ!

Чарли Бетсъ и его недавній противникъ немедленно и безпрекословно повиновались этому приказанію. Ни единый звукъ не показывалъ

ихъ присутствія, когда Доджеръ со свѣчей въ рукахъ спустился съ лѣстницы, ведя за собой человѣка въ грубой блузѣ, который, бросивъ бѣглый взглядъ кругомъ комнаты, снялъ широкій шарфъ, прикрывавшій нижнюю часть его лица и показалъ неумытыя, небритыя и угрюмыя черты знаменитаго Тоби Крекита.

— Какъ поживаете, Феги? — сказалъ этотъ достойный джентльменъ, кланяясь еврею. — Возьми-ка Доджеръ, этотъ шарфъ, да положи его въ мою касторовую шляпу, чтобы я только зналъ, гдѣ его найти, это главное. Ловкій изъ тебя выйдетъ малый, перещеголяешь старыхъ.

И съ этими словами онъ приподнялъ свою блузу, придвинулъ стулъ къ очагу и усѣлся на него, положивъ ноги на рѣшетку.

— Видите, Феги, — сказалъ онъ, указывая на свои сапоги съ отворотами, — какъ есть ни разу не чищены съ тѣхъ поръ.... ну, вы знаете съ какихъ! Да не смотрите на меня такъ, пожалуйста! Всему свое время. Я не могу говорить о дѣлѣ, пока вы не дадите мнѣ ѣсть и пить. Давайте, что у васъ! Нужно же мнѣ пополнить желудокъ... Вотъ уже три дня, какъ онъ пустой.

Еврей приказалъ Доджеру поставить на столъ все, что только есть съѣдобнаго и, сѣвъ напро-

тивъ разбойника, ждалъ, пока онъ насытится.

Судя по виду, Тоби совсѣмъ не спѣшилъ начинать разговора. Сначала еврей внимательно всматривался въ его лицо, надѣясь по выраженію его узнать, какое извѣстіе онъ принесъ, но все было напрасно. Онъ казался только усталымъ и голоднымъ, но черты его лица носили на себѣ все тоже выраженіе полнѣйшаго довольства собой и хотя онъ былъ въ грязи, а бакенбарды его и волоса были взъерошены, онъ былъ все тотъ же самодовольный и неотразимый Тоби Крекитъ. Еврей, съ нетерпѣніемъ слѣдившій за каждымъ кускомъ, который онъ клалъ себѣ въ ротъ, въ страшномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, Тоби ни обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія и съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ продолжалъ ѣсть, пока не насытился. Тогда онъ приказалъ Доджеру закрыть дверь и приготовивъ себѣ стаканъ джину съ водой, приступилъ къ разговору.

— Во первыхъ, Феги… — сказалъ Тоби.

— Ну? — спросилъ еврей, придвигая стулъ.

Мистеръ Крекить остановился, отпилъ глотокъ изъ стакана и заявилъ, что джинъ превосходенъ. Затѣмъ поставивъ свои ноги на нижнюю доску, чтобы сапоги были передъ его глазами, продол-

жалъ:

— Во первыхъ, Феги, гдѣ Билъ?

— Какъ! — крикнулъ еврей, вскакивая со стула.

— Какъ, ты ничего не знаешь о немъ? — сказалъ Тоби, блѣднѣя.

— Гдѣ же мнѣ знать! — крикнулъ еврей, бѣшено топая ногами. — Гдѣ они? Сайксъ и мальчикъ! Гдѣ они? Гдѣ они были? Гдѣ они скрываются? Почему ихъ нѣтъ здѣсь?

— Дѣло не выгорѣло, — сказалъ Тоби.

— Знаю, — отвѣчалъ еврей, вытаскивая газету изъ кармана и указывая на нее. — Дальше?

— Они стрѣляли и ранили мальчика. Мы бѣжали черезъ поле съ нимъ вмѣстѣ... напрямикъ, какъ вороны летятъ... черезъ изгороди и канавы. Они гнались за нами. Чортъ возьми! Все кругомъ проснулось... и собакъ пустили на насъ.

— Мальчикъ?...

— Билль несъ его на спинѣ и летѣлъ, какъ вихрь. Мы остановились, чтобы нести его вдвоемъ... Смотримъ, голова виситъ и весь холодный. Они гнались по пятамъ нашимъ... Каждый за себя и каждому хочется избѣжать висѣлицы. Мы оставили мальчишку въ канавѣ... Живой онъ былъ или мертвый, не знаю.

Еврей не слушалъ больше. Онъ громко вскрикнулъ, вцѣпился руками въ волосы и бросился вонъ изъ комнаты и... изъ дому.

XXVI. На сцену появляется новое таинственное лицо. Рѣчь идетъ о многомъ, что тѣсно связано съ исторіей Оливера

Только дойдя до угла улицы, уяснилъ себѣ старикъ значеніе того, что ему сообщилъ Тоби Крекитъ. Но шага своего онъ не умѣрилъ, а шелъ также быстро и съ тѣмъ же растерянным видомъ, пока Ѣхавшій навстрѣчу экипажъ и крикъ прохожихъ, видѣвшихъ какой опасности онъ подвергался, не привели его въ себя и не заставили его перейти на тротуаръ. Стараясь по возможности избѣгать главныхъ улицъ, онъ шелъ все время по переулкамъ и темнымъ проходамъ, пока не добрался до Сноу-Гилля. Здѣсь онъ пошелъ еще быстрѣе и вышелъ наконецъ въ одинъ изъ дворовъ, гдѣ почувствовалъ себя въ своей собственной стихіи и, вздохнувъ свободнѣе, двинулся дальше обыкновенной походкой.

Вблизи того мѣста, гдѣ скрещиваются Сноу-Гилль и Хольборнъ-Гилль, начинается по правую руку, если идти отъ Сити, узкій и темный проходъ, ведущій къ Сафронъ-Гиллю. Въ грязныхъ

лавкахъ этого прохода вы увидите громадные связки бывшихъ уже въ употребленіи шелковыхъ носовыхъ платковъ всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ, потому что здѣсь живутъ торговцы, которые добываютъ ихъ изъ лучшихъ кармановъ. Сотни этихъ платковъ висятъ за окнами и болтаются на дверяхъ, а полки въ лавкахъ сплошь завалены ими. Какъ ни ограничено мѣсто, занимаемое Фильдъ-Леномъ, но здѣсь вы найдете и парикмахера, и кофейную, и пивную, и лавку жареной рыбы. Это въ буквальномъ смыслѣ слава торговая колонія, мѣсто склада краденныхъ вещей, куда появляются, начиная съ ранняго утра, молчаливые продавцы, которые ведутъ переговоры въ заднихъ комнатахъ, и такъ же крадучись уходятъ оттуда, какъ и пришли. Здѣсь царство торговцевъ старымъ платьемъ, башмаками и всевозможной ветошью; здѣсь склады стараго желѣза и костей, остатковъ шерстяныхъ матерій и полотна, которые ржавѣютъ и гніютъ въ темныхъ и сырыхъ подвалахъ.

Сюда то и направилъ свои шаги еврей. Онъ, повидимому, быль хорошо извѣстенъ блѣднымъ гражданамъ этого переулка, потому, что всѣ почти покупатели и торговцы дружески раскланивались съ нимъ, когда онъ проходилъ. Онъ

отвѣчалъ тѣмъ же на всѣ эти привѣтствія, но ни съ кѣмъ не заговорилъ до тѣхъ поръ, пока не добрался до самаго конца прохода, гдѣ остановился подлѣ торговца необыкновенно маленькаго роста, который сидѣлъ у дверей своей лавки на маленькомъ дѣтскомъ креслѣ и курилъ трубку.

— Взглянешь на васъ, мистеръ Феджинъ, и болѣзни глазъ, какъ не бывало, — сказалъ этотъ почтенный торговецъ, освѣдомившись о здоровьѣ еврея.

— По сосѣдству было нѣсколько жарковато, Лайвели, — сказалъ еврей, поднявъ брови и скрестивъ руки на плечахъ.

— Слышалъ я уже объ этомъ разъ или два, — отвѣчалъ торговецъ, — но скоро все тамъ остынетъ снова, какъ вы думаете?

Феджинъ утвердительно кивнулъ головой. Указавъ по направленію Сафронъ-Гиля, онъ спросилъ, будетъ ли тамъ кто нибудь сегодня вечеромъ?

— Въ трактирѣ «Калѣкъ»? — спросилъ торговецъ. Еврей кивнулъ головой.

— Погодите, — сказалъ торговецъ задумываясь за минуту. — Да, съ полдюжины отправились туда, насколько мнѣ извѣстно. Не думаю только, чтобы пріятель вашъ былъ тамъ.

— Сайкса, пожалуй, нѣтъ? — спросилъ еврей.

— Non istwentus, какъ говорятъ законники, — сказалъ маленькій человѣкъ, покачивая головой и съ необыкновенно хитрымъ выраженіемъ лица. — Не достали ли чего нибудь для меня?

— Ничего, — сказалъ еврей, — направляясь дальше.

— Вы въ трактиръ «Калѣкъ», Феджинъ? — крикнулъ ему торговецъ въ догонку. — И я не прочь съ вами.

Еврей оглянулся назадъ и махнулъ ему рукою въ знакъ того, что хочетъ быть одинъ, а такъ какъ ему не легко было вылѣзти изъ дѣтскаго креслица, то трактиръ «Калѣкъ» былъ на этотъ разъ лишенъ посѣщенія мистера Лайвели. Пока онъ вставалъ на ноги, еврей скрылся уже изъ виду, а потому мистеръ Лайвели, постоявъ съ минуту на цыпочкахъ, въ надеждѣ увидѣть его, втиснулся снова въ свое маленькое креслицо и, переглянувшись сь леди изъ противоположной лавки съ видомъ нѣкотораго недовѣрія и тревоги, снова принялся за трубку.

Трактиръ «Трехъ Калѣкъ» или вѣрнѣе «Калѣкъ», такъ какъ подъ этимъ послѣднимъ названіемъ онъ больше всего былъ извѣстенъ своимъ посѣтителямъ, былъ именно тотъ трактиръ, гдѣ

чаще всего можно было встрѣтить Сайкса и его собаку. Кивнувъ человѣку, стоявшему у прилавка, Феджинъ поднялся на лѣстницу, отворилъ дверь въ комнату и, просунувъ голову, тревожно оглянулъ ее кругомъ, прикрывъ глаза рукою.

Комната освѣщалась двумя газовыми рожками, окна были закрыты ставнями и выцвѣтшими красными занавѣсками, чтобы свѣтъ не былъ виденъ снаружи. Потолокъ былъ выкрашенъ черной краской, чтобы копоть отъ лампъ не была замѣтна на немъ; комната была до того наполнена табачнымъ дымомъ, что сразу ничего положительно нельзя было разсмотрѣть. Мало по малу дымъ, благодаря открытой двери, нѣсколько разсѣялся и изъ мрака стали выдѣляться людскія головы, а когда глазъ зрителя привыкъ къ открывавшейся передъ нимъ картинѣ, то оказалось, что вокругъ стола сидѣло цѣлое общество мужчинъ и женщинъ. Въ самомъ верхнемъ концѣ стола сидѣлъ предсѣдатель съ молоткомъ въ рукѣ, символомъ занимаемаго имъ положенія; въ углу комнаты у разбитаго фортепьяно сидѣлъ джентльменъ, надо полагать музыкантъ, съ краснымъ носомъ и подвязанной щекой, вслѣдствіе зубной боли, вѣроятно.

Когда Феджинъ тихонько прокрался въ комна-

ту, джентльменъ у фортепьяно игралъ какую-то прелюдію къ требуемой всѣмъ обществомъ пѣснѣ; какая-то молодая леди согласилась позабавить компанію и спѣла балладу изъ четырехъ куплетовъ, въ промежуткахъ между которыми музыкантъ изо всѣхъ силъ барабанилъ по клавишамъ ту же мелодію. Когда пѣсня была спѣта, предсѣдатель далъ знакъ двумъ джентльменамъ, сидѣвшимъ съ правой и съ лѣвой стороны отъ него, и они спѣли дуэтъ, покрытый апплодисментами.

Изъ сидѣвшей кругомъ стола группы очень выдѣлялись нѣкоторыя весьма любопытныя лица. Во первыхъ, самъ предсѣдатель, хозяинъ трактира, грубый, тяжеловѣсный мужчина, который во время пѣнія вращалъ туда и сюда глазами и, не смотря на то, что самъ предавался веселью, видѣлъ все, что дѣлалось кругомъ него, и слышалъ все, что говорилось. За нимъ слѣдовали пѣвцы, которые съ равнодушіемъ истыхъ профессіоналовъ выслушивали комплименты, чокаясь съ протянутыми къ нимъ стаканами своихъ поклонниковъ, фигуры которыхъ, носившія печать всевозможныхъ пороковъ и преступленій, невольно привлекали вниманіе своей отталкивающей внѣшностью. Пронырливость, жестокость

и пьянство на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія яркими красками были написаны на нихъ. А женщины? Нѣкоторыя, несмотря на молодость, потеряли уже свою свѣжесть и поблекли; другія лишились даже женскаго облика и представляли собою живое олицетвореніе разврата и преступленія; были между ними дѣвушки, молодыя женщины и дѣвочки въ первомъ расцвѣтѣ жизни, представлявшія самую мрачную и тяжелую часть этой картины.

Феджинъ, котораго все это ничуть не волновало, окинулъ взоромъ всѣ сидѣвшія за столомъ лица, но не нашелъ, повидимому, того, которое искалъ. Когда, наконецъ, ему удалось привлечь на себя вниманіе предсѣдателя, онъ сдѣлалъ ему едва замѣтный знакъ и вышелъ изъ комнаты такъ же тихо, какъ и вошелъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, мистеръ Феджинъ? — спросилъ предсѣдатель, выйдя къ нему на площадку. — Не хотите ли присоединиться къ намъ? Всѣ будутъ рады видѣть васъ.

Еврей нетерпѣливо покачалъ головою и спросилъ шепотомъ:

— Здѣсь «онъ»?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ предсѣдатель.

— Никакихъ новостей о Барнеѣ? — продолжалъ

еврей.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ хозяинъ трактира. — Онъ не покажется, пока все не успокоится. Дѣло въ томъ, что за ними слѣдятъ, и стоитъ имъ чуть-чуть шевельнуться, какъ ихъ накроютъ. Все благополучно, и Барней цѣлъ и невредимъ, какъ я слышалъ. Пари готовъ держать, что Барней выскочитъ. Предоставьте его самому себѣ.

— А *«онъ»* придетъ сегодня вечеромъ? — спросилъ еврей, дѣлая удареніе на словѣ онъ.

— Монксъ? — спросилъ хозяинъ.

— Тсс!.. — сказалъ еврей. — Да.

— Разумѣется, — отвѣчалъ хозяинъ, вынимая золотые часы изъ кармана. — Я ждалъ его раньше. Подождите минуточекъ десять, онъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказалъ еврей, который не смотря на все свое нетерпѣніе видѣть того, кого ждалъ, былъ даже радъ, что онъ не пришелъ. — Скажите ему, что я приходилъ, и пусть онъ придетъ ко мнѣ вечеромъ... Нѣтъ, лучше завтра. Такъ какъ его нѣтъ здѣсь, то можно и завтра.

— Хорошо, — отвѣчалъ хозяинъ. — Ничего больше?

— Ни слова, — отвѣчалъ еврей, спускаясь съ лѣстницы.

— Слушайте, теперь бы какъ разъ самое удоб-

ное время для покупки, — хриплымъ шопотомъ сказалъ хозяинъ, перевѣшиваясь черезъ перила. — Тамъ у насъ Филъ Баркеръ; онъ такъ пьянъ, что любой мальчишка проведетъ и выведетъ его.

— Не до Филя Баркера теперь, — сказалъ еврей. — Филю будетъ еще работа, пока мы покончимъ съ нимъ. Идите обратно къ вашей компаніи и пожелайте имъ жить повеселѣе... пока еще живется. Ха, ха, ха!

Хозяинъ отвѣтилъ такимъ же смѣхомъ и затѣмъ вернулся къ своимъ гостямъ. Не успѣлъ еврей остаться одинъ, какъ лицо его приняло прежнее выраженіе тревоги и безпокойства. Послѣ небольшого размышленія онъ позвалъ извозчика и приказалъ ему ѣхать въ Бетнелъ-Гринъ. Онъ отпустилъ его, не доѣзжая четверти мили до резиденціи мистера Сайкса и остальное пространство прошелъ пѣшкомъ.

— Ну, милая, — бормоталъ еврей, стуча въ дверь, — если ты задумала какую-нибудь игру, то какъ ты ни хитра, а я все вывѣдаю отъ тебя.

Женщина, встрѣтившая его, сказала, что Нанси у себя въ комнатѣ. Феджинъ поднялся тихонько по лѣстницѣ и вошелъ безъ всякаго предупрежденія. Дѣвушка была одна; она сидѣла у стола,

положивъ на него голову съ распущенными кругомъ нея волосами.

— Она, вѣроятно, пьяна, — подумалъ еврей;- а можетъ быть опечалена чѣмъ-нибудь.

Онъ повернулся, чтобы закрыть дверь; дѣвушка услыхала это и подняла голову. Она пристально взглянула на еврея и когда спросила, нѣтъ ли какихъ новостей, онъ разсказалъ ей все, что слышалъ отъ Тоби Крекита. Выслушавъ разсказъ, она приняла прежнее положеніе и не отвѣчала ни единаго слова. Съ нетерпѣніемъ оттолкнула она отъ себя свѣчу, сдѣлала нѣсколько нервныхъ движеній и топнула ногой о полъ, вотъ и все.

Во время этого молчанія еврей съ тревогой оглянулъ всю комнату, какъ бы желая убѣдиться, нѣтъ ли гдѣ какихъ либо признаковъ возвращенія Сайкса. Довольный, повидимому, своимъ осмотромъ, онъ кашлянулъ раза два, три и сдѣлалъ попытку начать разговоръ; но дѣвушка сидѣла неподвижно, какъ камень, и ни однимъ словомъ не поддержала его. По прошествіи нѣкотораго времени онъ сдѣлалъ вторую попытку и на этотъ разъ, потирая руки, обратился къ ней въ болѣе примирительномъ тонѣ.

— Какъ ты думаешь, милая, гдѣ теперь долженъ быть Билль?

Дѣвушка невнятно пробормотала, что она не знаетъ и по тону ея голоса было слышно, что она плачетъ.

— А мальчикъ-то! — сказалъ еврей, стараясь увидѣть ея лицо. — Бѣдное дитя! Бросили въ канаву, Нанси! Подумай только!

— Ребенку, — сказала дѣвушка, подымая голову, — гораздо лучше тамъ, чѣмъ у насъ. Только бы чего не приключилось Биллю, а то я буду рада, если онъ умеръ тамъ въ канавѣ и косточки его сгніютъ тамъ.

— Что? — крикнулъ еврей съ удивленіемъ.

— Да, буду рада, — отвѣчала дѣвушка, спокойно выдерживая его взглядъ. — Буду рада не видѣть его передъ своими глазами и знать, что худшее уже миновало. Я не въ силахъ больше выносить его присутствія. Когда я вижу его и всѣхъ васъ, все внутри меня переворачивается.

— Ну!.. — сказалъ еврей. — Ты пьяна?

— Пьяна? — воскликнула дѣвушка. — Не ваша вина въ томъ, что я не пьяна. Точно вы когда либо имѣли что-нибудь противъ того, чтобы я была пьяна… кромѣ настоящей минуты. Вы недовольны этимъ, конечно.

— Недоволенъ! — отвѣчалъ взбѣшенный еврей. — Мнѣ очень не нравится твое поведеніе.

— Постарайтесь измѣнить его, — сказала дѣвушка со смѣхомъ.

— Измѣнить его! — воскликнулъ еврей, окончательно выведенный изъ себя упрямствомъ дѣвушки и неудачами этой ночи. — Я измѣню его! Слушай меня, шлюха ты этакая! Слушай! Достаточно мнѣ будетъ оказать шесть словъ, чтобы погубить твоего Сайкса… Это такъ же вѣрно, какъ если бы я собственными пальцами своими сдавилъ его бычачью шею. Если онъ вернется домой безъ мальчика, если онъ не достанетъ мнѣ его живымъ или мертвымъ, убей его сама, если не хочешь, чтобы онъ попалъ въ руки палача… Убей въ ту же минуту, какъ онъ войдетъ къ тебѣ… не то будетъ поздно.

— Что это значитъ? — невольно воскликнула дѣвушка.

— Что все это значитъ? — продолжалъ еврей, доведенный до безумія. — Мальчикъ этотъ стоитъ сотни фунтовъ, и я никакого желанія не имѣю терять то, что случай бросилъ мнѣ на моемъ пути… и изъ-за кого? Изъ-за шайки какихъ-то пьяницъ, которыхъ я могу отправить на висѣлицу, стоитъ только мнѣ свистнуть. Чувствовать себя связаннымъ съ чортомъ, которому стоитъ только захотѣть, который имѣетъ возможность…

Задыхаясь отъ волненія, еврей не въ силахъ былъ больше произнести ни слова, и этого было достаточно, чтобы потокъ нахлынувшаго на него бѣшенства сразу остановился. Еще минуту назадъ руки его были судорожно сжаты, глаза выпучены, лицо было мертвенно блѣдное отъ волненія; теперь же онъ упалъ въ кресло, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, что сказалъ лишнее. Спустя минуту онъ взглянулъ въ сторону дѣвушки и нѣсколько успокоился, видя, что она по прежнему сидитъ неподвижно у стола.

— Нанси, милая, — сказалъ онъ обычнымъ своимъ голосомъ. — Ты слышала то, что я говорилъ?

— Ахъ, отстаньте вы отъ меня, Феджинъ, — отвѣчала дѣвушка, поднимая голову. — Не сдѣлалъ Вилль теперь, сдѣлаетъ въ другой разъ. Много и безъ того поработалъ для васъ, поработаетъ еще больше. Не сдѣлалъ, значитъ не могъ. Ну и полно объ этомъ.

— А какъ же мальчикъ, моя милая? — спросилъ еврей нервно потирая себѣ руки.

— Мальчику отъ своей судьбы не уйти, — отвѣчала Нанси. — Опять таки говорю, я надѣюсь, что онъ умеръ и избавился отъ своей несчастной жизни и вашихъ рукъ... Только бы съ Виллемъ

ничего не приключилось. Если Тоби вышелъ чистымъ, выйдетъ и Вилль. Онъ стоитъ двухъ Тоби.

— А относительно того что я сказалъ? — продолжалъ еврей, — не спуская съ нея глазъ.

— Хотите, чтобы я что-нибудь сдѣлала, такъ повторите, — отвѣчала Нанси. — Если дѣйствительно нужно сдѣлать что-нибудь, подождите до завтра. Вы меня немножко расшевелили, а теперь я опять одурѣла.

Феджинъ предложилъ ей еще нѣсколько вопросовъ съ цѣлью удостовѣриться въ томъ, замѣтила ли дѣвушка его неосторожность, но она отвѣчала ему такъ спокойно и такъ равнодушно относилась ко всѣмъ его пристальнымъ взглядамъ, что онъ окончательно убѣдился въ томъ, что она пьяна. Нанси дѣйствительно пила и не представляла въ этомъ смыслѣ исключенія среди питомцевъ еврея женскаго пола, которыхъ, начиная съ раннихъ лѣтъ, не только не останавливали, а напротивъ пріучали къ этому. Неряшливый видъ ея и запахъ спирта, пропитавшій комнатную атмосферу вполнѣ подтверждали предположеніе еврея; когда же она послѣ выраженныхъ ею выше чувствъ, впала снова въ какое-то полубезсознательное состояніе и стала безсвязно говорить

о томъ, что не слѣдуетъ упоминать о смерти, что мало ли какія бываютъ ссоры между леди и джентльменами, которые живутъ вмѣстѣ, но это не мѣшаетъ имъ чувствовать себя счастливыми, — то мистеръ Феджинъ, человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ, рѣшилъ окончательно, что она пьяна.

Успокоившись этимъ открытіемъ и довольный тѣмъ, что ему за одинъ разъ удалось разсказать Нанси все, что онъ слышалъ сегодня вечеромъ, и затѣмъ собственными глазами убѣдиться въ томъ, что Сайксъ не вернулся, онъ отправился домой, оставивъ дѣвушку спящей въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ ее засталъ.

Былъ почти часъ по полуночи. На дворѣ было такъ темно и такъ холодно, что Феджинъ не имѣлъ никакого желанія гулять по улицѣ. Вѣтеръ, разгонявшій съ улицы туманъ, прогонялъ и прохожихъ, которые спѣшили домой, чтобы скрыться отъ непогоды. Вѣтеръ дулъ прямо съ той стороны, куда шелъ еврей, и при всякомъ сильномъ порывѣ его онъ дрожалъ и ежился отъ холода.

Онъ дошелъ уже до угла своей улицы и опустилъ руку въ карманъ, чтобы достать ключъ отъ двери, когда изъ подъѣзда, находившагося

въ тѣни, вышелъ какой-то человѣкъ и, перейдя улицу, подошелъ незамѣтно къ нему.

— Феджинь! — шепнулъ онъ ему на ухо.

— Ахъ! — сказалъ еврей, быстро обернувшись, — это вы...

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ. — Вотъ уже два часа, какъ я брожу здѣсь. Гдѣ вы были, чортъ возьми!

— Ходилъ по вашимъ дѣламъ, мой милый, — отвѣчалъ еврей съ недовольнымъ видомъ. — По вашимъ дѣламъ шлялся всю ночь.

— О, разумѣется, — сказалъ незнакомецъ съ язвительной усмѣшкой. — Ну, и что же вы узнали?

— Ничего хорошаго, — отвѣчалъ еврей.

— Ничего и худого, надѣюсь? — сказалъ незнакомецъ, всматриваясь въ лицо еврея.

Еврей покачалъ головой и собирался уже отвѣтить, когда незнакомецъ остановилъ его и направился къ дому, говоря, что такія вещи, о которыхъ онъ хочетъ ему передать, несравненно лучше говорить подъ крышей дома; къ тому же у него кровь застыла отъ такого долгаго пребыванія на вѣтрѣ, который продуваетъ насквозь.

У еврея былъ такой видъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ извиниться передъ своимъ посѣтителемъ въ томъ, что не можетъ принять его въ такой

поздній часъ, и онъ даже пробормоталъ что-то о томъ, что у него нѣтъ огня, но незнакомецъ снова повторилъ свое требованіе войти въ домъ, такъ что еврей открылъ дверь и просилъ потише запереть ее, пока онъ принесетъ свѣчу.

— Здѣсь темно, какъ въ могилѣ, - сказалъ незнакомецъ, ощупью двигаясь впередъ. — Скорѣе.

— Закройте дверь, — шепнулъ Феджинъ съ другого конца корридора. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь захлопнулась съ громкимъ шумомъ.

— Это не моя вина, — сказалъ незнакомецъ, пробуя идти дальше. — Или вѣтеръ закрылъ ее или она сама захлопнулась, что-нибудь изъ двухъ. Несите скорѣе свѣчу или я размозжу себѣ голову въ этой проклятой дырѣ.

Феджинъ осторожно спустился въ кухню по ступенькамъ лѣстницы и скоро вернулся со свѣчей въ рукахъ и сообщилъ, что Тоби Крекитъ спитъ въ задней комнатѣ, а мальчики въ передней. Онъ поднялся по лѣстницѣ и пригласилъ незнакомца слѣдовать за собой.

— Все, что нужно, мы можемъ говорить здѣсь, — сказалъ еврей, отворяя дверь, ведущую въ первый этажъ. — Такъ какъ въ ставняхъ здѣсь есть дыры, а мы никогда не показываемъ огня нашимъ

сосѣдямъ, то свѣчу мы оставимъ на лѣстницѣ. Вотъ такъ!

Съ этими словами еврей спустился немного и поставилъ свѣчу на ступеньку лѣстницы, какъ разъ противъ дверей комнаты. Затѣмъ они вошли въ комнату, гдѣ не было никакой мебели, кромѣ сломаннаго кресла и дивана или кушетки безъ обивки. Незнакомецъ сѣлъ на этотъ диванъ съ видомъ человѣка утомленнаго, а еврей придвинулъ кресло и сѣлъ противъ него. Въ комнатѣ было не совсѣмъ темно; дверь оставалась полуоткрытой и свѣтъ отъ стоявшей на лѣстницѣ свѣчи слабо отражался на противоположной стѣнѣ.

Они разговаривали между собой шепотомъ и хотя изъ всего разговора ихъ можно было разобрать лишь кое-какія несвязныя слова, все же внимательный наблюдатель сразу замѣтилъ бы, что еврей защищается противъ какихъ-то обвиненій незнакомца, и что послѣдній находится въ сильной степени раздраженія. Такъ разговаривали они около четверти часа или болѣе, когда Монксъ — такъ называлъ еврей незнакомца во время разговора съ нимъ, — сказалъ болѣе громкимъ голосомъ, на этотъ разъ:

— Повторяю, весь планъ былъ худо задуманъ. Зачѣмъ вы не оставили его здѣсь съ другими?

Зачѣмъ вы сразу не сдѣлали изъ него мелкаго карманнаго воришки?

— Вотъ и извольте съ нимъ разговаривать! — сказалъ еврей, пожимая плечами.

— Не вздумаете ли утверждать, что вы хотѣли это сдѣлать, да не могли? — спросилъ Монксъ. — А съ другими мальчиками вы не справлялись развѣ? Запасись вы терпѣніемъ всего только на одинъ годъ и вы довели бы его до того, что его въ концѣ концовъ отправили бы въ колонію и быть можетъ на всю жизнь.

— Кому принесъ бы пользу такой оборотъ дѣла? — спросилъ еврей, принимая униженный видъ.

— Мнѣ, - отвѣчалъ Монксъ.

— Но не мнѣ, - сказалъ еврей. — Онъ могъ принести пользу мнѣ. Когда двѣ стороны замѣшаны въ одномъ и томъ же дѣлѣ, то благоразумнѣе всего соблюдать интересы обѣихъ. Не такъ ли, мой добрый другъ?

— Что же дѣлать теперь? — спросилъ Монксъ.

— Я сразу увидѣлъ, что его не легко будетъ пріучить къ нашему дѣлу, — отвѣчалъ еврей, — потому что онъ совсѣмъ не походилъ на другихъ мальчиковъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что не походилъ, прокля-

тый! — пробормоталъ Монксъ. — Не будь этого, онъ давно уже сдѣлался бы воромъ.

— Я совсѣмъ не зналъ, какъ мнѣ взяться за него, — сказалъ еврей, тревожно всматриваясь въ лицо своего собесѣдника. — Онъ ни чему не поддавался. Я пугалъ его. Мы сначала всегда стараемся запугать. Но все было напрасно. Что могъ я сдѣлать? Посылать его съ Доджеромъ и Чарли? Довольно было съ насъ и одного раза… Всѣ мы тогда здорово перетрусили.

— Я не виноватъ въ этомъ, — сказалъ Монксъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый, — сказалъ еврей. — Я не въ претензіи на это; не случись этого, вамъ не удалось бы собственными глазами видѣть мальчика и убѣдиться въ томъ, что это тотъ самый, котораго вы искали. Да! Я вернулъ его для васъ съ помощью той дѣвушки, которой пришла фантазія защищать его.

— Задушить надо эту дѣвчонку! — сказалъ Монусх.

— Нѣтъ, это не годится, мой милый, — отвѣчалъ еврей, улыбаясь. — Къ тому же это не входитъ въ кругъ нашей дѣятельности, хотя въ одинъ ихъ этихъ дней я готовъ былъ это сдѣлать. Знаю я хорошо этихъ дѣвушекъ, Монксъ! Какъ только мальчикъ начнетъ красть, такъ она переста-

нетъ на него обращать вниманіе; онъ будетъ для нея чурбанъ чурбаномъ. Вы хотите, чтобы онъ сдѣлался воромъ? Если онъ живъ, я постараюсь это сдѣлать, если... если... сказалъ еврей, подходя ближе къ Монксу. — Хотя врядъ ли... Одна бѣда не приходитъ... Если онъ умеръ...

— Не моя вина въ этомъ, — перебилъ его Монксъ съ ужасомъ и дрожащими руками схватывая руку еврея. — Запомните это себѣ хорошенько! Я не участвую въ этомъ. Все, кромѣ смерти, я съ самого начала сказалъ это. Я не хочу крови. Это всегда въ концѣ концовъ выплываетъ, и вызываетъ призраки. Если они убьютъ его, я не виноватъ въ этомъ, слышите вы? провались оно, это ваше логово... Что это такое?

— Что? — вскрикнулъ еврей, обнимая обѣими руками Монкса, который въ ужасѣ вскочилъ вдругъ на ноги. — Гдѣ?

— Тамъ! — сказалъ Монксъ, указывая на противоположную стѣну. — Тѣнь! Я видѣлъ ясно тѣнь женщины въ плащѣ и шляпкѣ... Она скользнула вдоль этой стѣны.

Оба поспѣшно вышли изъ комнаты. Свѣча стояла тамъ, гдѣ ее поставили. Они ничего не увидѣли, кромѣ пустой лѣстницы и своихъ блѣдныхъ лицъ. Они прислушивались нѣсколько секундъ, но во

всемъ домѣ царило глубокое молчаніе.

— Это вамъ померещилось, — сказалъ еврей. Онъ взялъ свѣчу и повернулся къ своему посѣтителю.

— Клянусь, что я видѣлъ ее ясно! — отвѣчалъ Монксъ, продолжая еще дрожать. Она стояла, склонившись впередъ, когда я ее увидѣлъ, а когда я сказалъ, что вижу ее, она скрылась.

Еврей взглянулъ на блѣдное лицо Монкса и предложилъ ему подняться по лѣстницѣ. Они заглянули во всѣ комнаты; вездѣ было холодно, темно и пусто. Они спустились въ корридоръ и затѣмъ въ подвалы. Низкіе стѣны были покрыты плѣсенью, и вездѣ виднѣлись слѣды улитокъ и слизняковъ, но все кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ.

— Что вы такъ трепещете? — сказалъ еврей, когда они вернулись въ корридоръ. — Кромѣ насъ съ вами, здѣсь во всемъ домѣ никого нѣтъ, если не считать Тоби и мальчиковъ... Ихъ бояться нечего. Вотъ посмотрите!

И въ доказательство своихъ словъ еврей вынулъ изъ кармана два ключа и объяснилъ ему, что для предупрежденія всякой помѣхи разговору онъ сейчасъ же заперъ двери, какъ только спустился съ лѣстницы.

Осязательное доказательство поколебало прежнюю увѣренность Монкса въ томъ, что онъ видѣлъ кого-то. Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе протестовалъ онъ, особенно послѣ осмотра комнатъ, и наконецъ со смѣхомъ объявилъ, что все это происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе его возбужденнаго воображенія. Онъ отказался отъ всякаго разговора, на этотъ вечеръ, по крайней мѣрѣ, ссылаясь на то, что уже больше часу ночи. Милая парочка разсталась.

XXVII. Глава эта написана авторомъ съ цѣлью загладить свою невѣжливость относительно одной лэди, которую онъ покинулъ самымъ безцеремоннымъ образомъ

Было бы крайне неприлично со стороны скромнаго автора заставлять долго ждать такое высокопоставленное лицо, какъ приходскій сторожъ; заставлять его ждать, стоя спиною къ камину и заложивъ руки подъ полы сюртука, до тѣхъ поръ, пока автору придетъ фантазія освободить его; еще болѣе неприлично было бы ему забыть леди, которую этотъ приходскій сторожъ осчастливилъ нѣжнымъ взоромъ любви, на ухо которой онъ шепталъ сладкія рѣчи, которыя, исходя отъ такого лица, должны заставить трепетать сердце не только дѣвицы въ расцвѣтѣ лѣтъ, но и матроны пожилыхъ лѣтъ. Вотъ почему повѣствователь, перо котораго начертаетъ эти слова — знающій прекрасно свое мѣсто и то уваженіе, которое онъ обязанъ питать къ людямъ, облеченнымъ высшею властью — спѣшить воздать имъ почтеніе,

подобающее ихъ положенію и ихъ великимъ добродѣтелямъ. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ даже написать трактатъ, доказывающій божественное происхожденіе всѣхъ приходскихъ сторожей и невозможность слѣдовательно того, чтобы приходскій сторожъ могъ когда либо ошибаться, что было бы очень пріятно и полезно читателю, но чего къ несчастью авторъ не можетъ исполнить за недостаткомъ времени и мѣста и долженъ отложить до болѣе удобнаго случая. Когда же наконецъ ему представится этотъ случай, то онъ предполагаетъ доказать, что сторожъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, то есть, приходскій сторожъ, служащій въ приходскомъ домѣ призрѣнія бѣдныхъ и принадлежащій по оффиціальному званію своему къ приходской церкви, одаренъ, въ силу занимаемаго имъ положенія, всѣми добродѣтелями и лучшими качествами человѣчества. Что касается другихъ сторожей, какъ сторожа разныхъ обществъ и компаній, сторожа судейскіе, сторожа въ церквахъ, — то они не имѣютъ права предъявлять претензіи на обладаніе хотя бы однимъ изъ этихъ совершенствъ, за исключеніемъ, впрочемъ, церковныхъ сторожей, да и то лишь въ низшей степени.

Мистеръ Бембль еще разъ пересчиталъ чайныя

ложечки, взвѣсилъ сахарные щипчики, внимательно осмотрѣлъ кувшинъ для молока, увѣрился въ хорошемъ качествѣ окружающей обстановки вплоть до сидѣньевъ на креслахъ, набитыхъ исключительно конскимъ волосомъ. Повторилъ онъ этотъ процессъ полдюжины разъ, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ подумать о томъ, что пора было бы уже вернуться мистриссъ Корней. Одна дума ведетъ за собою другую думу. Такъ какъ не было слышно ни малѣйшаго звука, показывающаго приближеніе мистриссъ Корней, то мистеръ Бембль подумалъ, что самымъ невиннымъ и добродѣтельнымъ препровожденіемъ времени будетъ, если онъ удовлетворитъ дальнѣйшему любопытству своему и осмотритъ комодъ мистриссъ Корней.

Прислушавшись у дверей и увѣрившись въ томъ, что никого нѣтъ по близости, мистеръ Бембль занялся осмотромъ всѣхъ трехъ ящиковъ комода, начиная съ нижняго. Всѣ они оказались наполненными разными принадлежностями дамскаго туалета исъ прекраснаго матеріала, которыя были аккуратно прикрыты листами газетной бумаги и переложены сухой лавандой. Мистеру Бемблю это доставило большое удовольствіе; осмотръ свой онъ закончилъ ящикомъ

въ правомъ углу (гдѣ торчалъ ключъ) и нашолъ маленькую шкатулку съ висячимъ замкомъ; встряхнvвъ ее, онъ услышалъ пріятный звонъ монетъ. Мистеръ Бемблъ вернулся къ камину и, занявъ тамъ свое прежнее положеніе, принялъ серьезный и рѣшительный видъ и сказалъ: «Такъ и сдѣлаю!» Послѣ этихъ знаменательныхъ словъ онъ минутъ десять качалъ головою, видимо довольный собой и разсматривая въ то же время съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ свои сапоги.

Онъ предавался еще этому занятію, когда въ комнату влетѣла мистриссъ Корней и, бросившись въ кресло у камина закрыла одной рукой глаза, а другую положила на сердце и сидѣла, еле переводя дыханіе.

— Мистриссъ Корней, — сказалъ мистеръ Бемблъ, останавливаясь подлѣ нея, — что это значитъ? Что случилось, ма'амъ? Отвѣчайте мнѣ, пожалуйста! Я какъ на… на…

Мистеръ Бемблъ былъ такъ встревоженъ, что не могъ сразу припомнить словъ «на иголкахъ» и сказалъ на «битыхъ бутылкахъ».

— О, мистеръ Бемблъ! — воскликнула леди. — Я взволновала.

— Взволнованы, ма'амъ? — спросилъ мистеръ

Бембль. — Кто осмѣлился?.. Я знаю, — сказалъ онъ, принимая величественный видъ, — это нищіе.

— Ужасъ пробираетъ, когда подумаешь объ этомъ! — сказала леди, вздрагивая.

— Тогда не думайто объ этомъ, ма'амъ, — сказалъ мистеръ Бембль.

— Я не могу, — прошептала леди.

— Примите что нибудь, ма'амъ! — сказалъ мистеръ Бембль. — Немного вина?

— Ни за что въ мірѣ! — отвѣчала мистриссъ Корней. — Я не могу... О! Верхняя полка въ правомъ углу... О!

Съ этими словами добрая леди указала по разсѣянности на шкапъ и тутъ съ нею снова повторились истеричныя спазмы. Мистеръ Бембль бросился къ шкапу и, вынувъ оттуда указанную ему зеленую бутылку, налилъ ея содержимое въ чайную чашку и поднесъ къ губамъ леди.

— Мнѣ лучше, — сказала мистриссъ Корней, выпивъ чашку и откидываясь на спинку кресла.

Мистеръ Бембль набожно поднялъ глаза вверхъ и, опустивъ ихъ затѣмъ внизъ, взялъ чашку и поднесъ ее къ носу.

— Перечная мята, — сказала мистриссъ Корней слабымъ голосомъ и улыбнулась. — Попробуйте!

Къ ней прибавлено... прибавлено еще кое-что.

Мистеръ Бемблъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ рѣшился попробовать лекарство; онъ притронулся сначала губами, потомъ отпилъ глотокъ и затѣмъ всю чашку.

— Это хорошее укрѣпляющее средство, — сказала мистриссъ Корней.

— Очень, ма'амъ, — подтвердилъ сторожъ.

Онъ пододвинулъ свой стулъ поближе къ леди, и нѣжно спросилъ ее, что такъ разстроило ее.

— Пустяки, — отвѣчала мистриссъ Корней. — Ахъ! я всегда и все такъ близко принимаю къ сердцу, все меня тревожить, и такое я слабое созданіе.

— Не слабое, ма'амъ, — отвѣчалъ мистеръ Бемблъ еще близко придвигаясь къ ней. — Неужели вы слабое созданіе, мистриссъ Корней?

— Всѣ мы слабыя созданія, — сказала мистриссъ Корней, употребляя всѣмъ извѣстное общее правило.

— Да, слабыя, — сказалъ сторожъ.

Минуту или двѣ никто изъ нихъ не говорилъ ни слова. По прошествіи этого времени мистеръ Бемблъ для пущаго подтвержденія только что сказаннаго, снявъ свою лѣвую руку со спинки стула, на которомъ сидѣла мистриссъ Корней и

обвилъ ею талію леди.

— Всѣ мы слабыя созданія, — сказалъ мистеръ Бембль. Мистриссъ Корней вздохнула.

— Не вздыхайте, мистриссъ Корней, — сказалъ мистеръ Бембль.

— Я не могу, — отвѣчала мистриссъ Корней и снова вздохнула.

— У васъ очень уютная комната, ма'амъ, — оказалъ мистеръ Бембль, оглядываясь кругомъ. — Прибавить бы еще одну комнату, ма'амъ, и было бы совсѣмъ хорошо.

— Слишкомъ много для меня одной, — прошептала леди.

— Но для двухъ, ма'амъ, — продолжалъ мистеръ Бембль нѣжнымъ тономъ. — Что вы скажете, мистриссъ Корней?

Мистриссъ Корней опустила голову послѣ этихъ словъ сторожа; сторожъ опустилъ свою, чтобы заглянуть въ лицо мистриссъ Корней. Но мистриссъ Корней съ непоколебимой твердостью отвернула голову и хотѣла достать платокъ, но вмѣсто кармана нечаянно положила свою руку въ руку мистера Бембля.

— Комитетъ даетъ вамъ отопленіе, мистриссъ Корней? — спросилъ сторожъ, нѣжно пожимая ей руку.

— И освѣщеніе, — отвѣчала мистриссъ Корней, отвѣчая ему легкимъ пожатіемъ.

— Отопленіе, освѣщеніе и квартира, — сказалъ мистеръ Бембль. — О, мистриссъ Корней, вы настоящій ангелъ!

Леди не въ силахъ была устоять противъ такого неожиданнаго проявленія чувствъ. Она упала въ объятія мистера Бембля и джентльменъ этотъ въ порывѣ чувствъ своихъ запечатлѣлъ страстный поцѣлуй на ея цѣломудренномъ носу.

— Какое приходское совершенство! — воскликнулъ мистеръ Бембль. — Знаете ли, очаровательная, что мистеру Стоуту хуже?

— Да, — отвѣчала мистриссъ Корней.

— Докторъ говоритъ, что онъ не можетъ прожить больше недѣли, — продолжалъ мистеръ Бемблъ. — Онъ начальникъ этого учрежденія; послѣ смерти его останется вакантное мѣсто, а для вакантнаго мѣста нуженъ замѣститель. О, мистриссъ Корней, какая перспектива открывается! Какой неожиданный случай, благопріятствующій соединенію сердецъ!

Мистриссъ Корней зарыдала.

— Одно только крошечное словечко! — сказалъ мистеръ Бембль, склоняясь къ скромной красавицѣ. — Одно только крошечное, крошечное

словечко, о моя дорогая мистриссъ Корней!

— Да... да... а! — пролепетала надзирательница.

— Еще одно слово, — продолжалъ сторожъ, — успокойтесь и совладайте съ вашей чувствительностью. Скажите... когда?

Мистриссъ Корней два раза начинала говорить и не могла; собравшись, наконецъ, съ духомъ, она обвила руки свои вокругъ шеи мистера Бембля и сказала, что это будетъ тогда, когда ему угодно, потому что онъ «голубь ея дорогой!»

Дѣло это, конченное къ обоюдному удовольствію, торжественно скрѣплено было второй чашкой перечной мяты, что оказалось крайне необходимымъ въ виду необыкновеннаго волненія чувствительной и слабой леди. Успокоившись нѣсколько, мистриссъ Корней разсказала мистеру Бемблю о смерти старухи.

— Очень хорошо, — сказалъ джентльменъ, отпивая глотокъ перечной мяты. — Я зайду къ Соуэрберри по пути домой и скажу ему, чтобы онъ пришелъ завтра. Не это ли такъ напугало васъ, моя любовь?

— Особеннаго ничего не было, милый, — отвѣчала леди уклончиво.

— Нѣтъ, что нибудь должно было взволновать

васъ, моя любовь, — сказалъ мистеръ Бембль. — Почему же вы не хотите сказать этого вашему Бембельчику?

— Не теперь, — отвѣчала леди, — какъ нибудь на дняхъ. — Когда мы обвѣнчаемся, милый.

— Когда мы обвѣнчаемся! — воскликнулъ мистеръ Бембль. — Узнай только я, что который нибудь изъ этихъ нищихъ имѣлъ наглость…

— Нѣтъ, нѣтъ, моя любовь, — перебила его леди.

— Если бы только я могъ подумать, — продолжалъ мистеръ Бембль, — если бы я могъ подумать, что кто нибудь изъ нихъ осмѣлился взглянутъ на это прелестное личико…

— Никогда они не осмѣлятся сдѣлать этого, моя любовь, — отвѣчала леди.

— Пусть лучше не пробуютъ! — сказалъ мистеръ Бембль, потрясая кулакомъ. — Покажите мнѣ человѣка приходскаго или экстра-приходскаго, который осмѣлится сдѣлать это и… онъ не посмѣетъ сдѣлать этого вторично.

Не сопровождайся слова эти энергичными жестами, то это могло бы показаться не особенно лестнымъ комплиментомъ прелестямъ этой леди, но такъ какъ мистеръ Бембль сопровождалъ угрозу краснорѣчивымъ жестомъ, то леди была

очень тронута этимъ доказательствомъ любви и выразила ему свой восторгъ, сказавъ ему, что онъ настоящій голубочекъ.

Голубочекъ поднялъ свой воротникъ, надѣлъ трехуголку и, обмѣнявшись долгимъ и страстнымъ поцѣлуемъ со своей будущей подругой жизни, вышелъ бодро навстрѣчу вѣтру и холоду. Онъ только на нѣсколько минутъ остановился на мужской половинѣ, чтобы на дѣлѣ убѣдиться, какой изъ него выйдетъ начальникъ дома призренія. Убѣдившись въ несомнѣнномъ вліяніи своемъ на нищихъ, онъ вышелъ оттуда съ легкимъ сердцемъ и съ ясными надеждами на свое будущее повышеніе и думалъ все время объ этомъ, пока не дошелъ до лавки гробовщика.

Мистера и мистриссъ Соуэрберри не оказалось дома, — они ушли въ гости. Что касается мистера Клейполя, то онъ, не признавая вообще никакой физической дѣятельности, за исключеніемъ той, которая требуется для перевариванія пищи и питія, отправился исполнять эти двѣ послѣднія обязанности, не считая нужнымъ закрыть лавку, хотя давно уже прошелъ часъ, когда она обыкновенно запиралась. Мистеръ Бембль нѣсколько разъ постучалъ по конторкѣ, но никто не явился на его зовъ; увидя въ эту минуту свѣтъ въ окнѣ

маленькой комнатки позади лавки, онъ очень осторожно прошелъ туда, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. То, что онъ увидѣлъ, очень поразило его.

Столъ былъ накрытъ скатертью и на немъ стояли тарелки и стаканы, хлѣбъ и масло, кружка съ портеромъ и бутылка вина. На одномъ концѣ стола, небрежно раскинувшись въ креслѣ и перекинувъ одну изъ ногъ черезъ ручку его, сидѣлъ мистеръ Ноэ Клейполь; въ одной рукѣ онъ держалъ складной ножъ, а въ другой кусокъ хлѣба намазанный толстымъ слоемъ масла. Рядомъ съ нимъ стояла Шарлота съ открытымъ боченкомъ устрицъ, которыхъ мистеръ Клейполь глоталъ съ поразительной жадностью. Носъ юнаго джентльмена, красный болѣе обыкновеннаго, и постоянное подмигиванье праваго глаза показывали, что онъ нѣсколько навеселѣ; симптомы эти подтверждались тѣмъ, какъ онъ жадно глоталъ устрицы, что являлось, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ потребности прохладиться, которую чувствовалъ его разгоряченный черезъ мѣру желудокъ.

— Ахъ, вотъ еще! Смотрите, какая чудесная! — сказала Шарлота. — Скушайте еще… одну только!

— Превосходная вещь эти устрицы! — замѣтилъ мистеръ Клейполь, проглатывая ее. — Какая жалость, что такъ тяжело въ желудкѣ, когда ихъ слишкомъ много проглотишь. Не правда-ли, Шарлота?

— Это, знаете ли, даже жестоко! — отвѣчала Шарлота.

— Вѣрно, — подтвердилъ мистеръ Клейполь. — А ты любишь устрицы?

— Не очень, — отвѣчала Шарлота, — я больше люблю смотрѣть, когда вы сами ихъ кушаете.

— Господи! — сказалъ Ноэ. — Какъ странно!

— Скушайте еще, — сказала Шарлота. — Смотрите, какая у нея красивая, нѣжная бородка.

— Не могу, больше, — сказалъ Ное. — А жаль, что не могу! Подойди ближе, Шарлота, я хочу поцѣловать тебя.

— Что! — крикнулъ мистеръ Бемблъ, влетая въ комнату. — Повтори это, сэръ!

Шарлота вскрикнула и закрыла лицо передникомъ. Мистеръ Клейполь, не измѣнивъ нисколько своего положенія въ креслѣ, опустилъ только ногу на полъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на сторожа.

— Повтори это еще разъ, гадкій, нахальный мальчишка! — сказалъ мистеръ Бемблъ. — Какъ

ты смѣешь говорить такія вещи, сэръ! Поцѣловать ее! — съ негодованіемъ воскликнулъ мистеръ Бемблъ. Тьфу!

— Я совсѣмъ и не хотѣлъ этого, — захныкалъ Ноэ. — Она всегда сама цѣлуетъ меня и не спрашиваетъ даже, хочу я или не хочу.

— О, Ноэ! — воскликнула Шарлота съ упрекомъ.

— Да, сама… Хорошо знаешь, что сама, — отвѣчалъ Ноэ. — Она всегда сама это дѣлаетъ, мистеръ Бемблъ, сэръ! Она сама часто щекочетъ мнѣ подбородокъ, сэръ, и разными манерами показываетъ мнѣ свою любовь.

— Молчать! — крикнулъ сурово мистеръ Бемблъ. — Ступайте внизъ, ма'амъ! Ноэ, закрой лавку! Ни слова! Когда хозяинъ придетъ домой, скажи ему, что приходилъ мистеръ Бемблъ и просилъ передать ему, что завтра послѣ завтрака надо схоронить одну старуху. Слышишь, сэръ! Цѣловаться! — воскликнулъ снова мистеръ Бемблъ, подымая кверху руки. — До какого ужаса доходитъ испорченность низшихъ классовъ прихода! Нѣтъ, если парламентъ не обратитъ на это должнаго вниманія, то пропала наша страна и мирные нравы нашихъ поселянъ!

Съ этими словами приходскій сторожъ гордо и

величественно вышелъ изъ дома гробовщика.

Теперь, проведавъ достаточно далеко приходскаго сторожа и сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно погребенія старухи, мы находимъ нужнымъ навести справки о молодомъ ОливерѢ ТвистѢ, дабы узнать, лежитъ ли онъ еще въ той канавѢ, куда его положилъ Тоби Крекитъ.

XXVIII. Продолженіе приключеній Оливера Твиста

— Дерите горло, дерите! Волки! — сказалъ Сайксъ, — скрежеща зубами. — Хотѣлось бы мнѣ запопасть кого нибудь изъ васъ! Не такъ бы еще завыли!

Сайксъ проворчалъ эти слова со всею злобою, на какую только была способна его жестокая душа и положилъ раненаго мальчика на колѣни, оглядываясь въ ту сторону, гдѣ были его презлѣдователи. Но густой туманъ и ночная тьма мѣшали ему что либо видѣть; онъ слышалъ только громкіе крики людей, къ которымъ скоро примѣшался съ разныхъ сторонъ лай собакъ, разбуженныхъ набатомъ.

— Стой ты, трусливая собака! — крикнулъ разбойникъ Тоби Крекиту, удиравшему съ всею быстротой своихъ длинныхъ ногъ. — Стой!

Тоби остановился. Онъ не былъ хорошо увѣренъ, что находится внѣ выстрѣла, и зналъ, что съ Сайксомъ шутки плохи, когда онъ находится въ такомъ состояніи духа.

— Подержи-ка мальчика! — съ бѣшенствомъ

крикнулъ Сайксъ. — Назадъ!

Тоби сдѣлалъ видъ, что хочетъ вернуться, но шелъ назадъ медленно, неохотно и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ съ недовольнымъ видомъ.

— Ну, поворачивайся! — крикнулъ Сайксъ, укладывая мальчика въ сухую канаву и вынимая пистолетъ изъ кармана. — Со мною, братъ, шутки плохи.

Крики тѣмъ временемъ усилились и стали громче. Сайксъ, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ, что люди, гнавшіеся за ними, уже перелѣзали изгородь того поля, гдѣ они стояли, и что впереди нихъ бѣгутъ двѣ собаки.

— Пропали мы, Биллъ! — крикнулъ Тоби. — Брось ребенка и удирай!

Съ этими словами мистеръ Крекитъ, предпочитавшій скорѣе быть убитымъ, чѣмъ попасть въ руки своихъ враговъ, пустился удирать во всѣ лопатки. Сайксъ стиснулъ зубы и оглянулся кругомъ. Прикрывъ затѣмъ Оливера плащемъ, въ который его завернули впопыхахъ, онъ бросился по направленію вдоль изгороди, чтобы отвлечь вниманіе отъ того мѣста, гдѣ лежалъ мальчикъ, остановился на секунду у того мѣста, гдѣ двѣ изгороди встрѣчались подъ угломъ, выстрѣлилъ на воздухъ изъ пистолета и, перескочивъ однимъ

прыжкомъ черезъ изгородь, скрылся изъ виду.

— Го, гой сюда! — крикнулъ чей то голосъ. — Пинчеръ! Нептунъ! Сюда! сюда!

Собаки, которыя такъ же, повидимому, неохотно преслѣдовали воровъ, какъ и хозяева ихъ, немедленно повиновались. Трое мужчинъ, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ по полю, остановились и стали совѣщаться между собою.

— Я совѣтую, или вѣрнѣе, приказываю вернуться домой, — сказалъ самый толстый изъ нихъ.

— Мнѣ всегда пріятно то, что пріятно мистеру Джайльсу, — сказалъ коротенькій, тоненькій человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и заискивающими маверами, какія всегда бываютъ у трусовъ.

— Я то же, джентльмены, не желаю противорѣчить, — сказалъ третій, который звалъ назадъ собакъ. — Мистеръ Джайльсъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Разумѣется, — отвѣчалъ коротенькій человѣкъ, — мы не имѣемъ права противорѣчить тому, что говоритъ мистеръ Джайльсъ. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю свое положеніе. Мое дѣло знать всегда свое положеніе.

Сказать правду, маленькій человѣчекъ дѣйствительно понималъ свое положеніе и зналъ прекрасно, что въ данную минуту оно не вполнѣ

безопасно, а потому зубы его такъ стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы боитесь, Бриттльсъ? — сказалъ мистеръ Джайльсъ.

— Нисколько, — сказалъ Бриттльсъ.

— Боитесь, — сказалъ Джайльсъ.

— *«Вы»* ошибаетесь, мистеръ Джайльсъ, — сказалъ Бриттльсъ.

— Нѣтъ, *«вы»* лжете, Бриттльсъ, — сказалъ мистеръ Джайльсъ.

Насмѣшка мистера Джайльса была главной причиной этихъ пререканій, а насмѣшка мистера Джайльса была вызвана тѣмъ, что всѣ ссылались на него, говоря о возвращеніи домой. Третій человѣкъ закончилъ этотъ споръ самымъ философскимъ образомъ.

— Знаете, что я вамъ скажу, джентльмены, — сказалъ онъ, — мы всѣ трусимъ.

— Говорите за себя, сэръ, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, самый блѣдный изъ всѣхъ трехъ.

— Такъ я и дѣлаю, — отвѣчалъ третій. — Ничего нѣтъ удивительнаго, что мы трусимъ при такихъ обстоятельствахъ. Я трушу.

— И я также, — сказалъ Бриттльсъ, — только никогда не слѣдуетъ упрекать въ этомъ человѣка.

Такое искреннее сознаніе смягчило мистера Джайльса, который признался также, что боится, послѣ чего всѣ трое оглянулись кругомъ и съ полнымъ единодушенъ пустились обратно домой и бѣжали до тѣхъ поръ, пока мистеръ Джайльсъ (который былъ вооруженъ вилами и запыхался скорѣе всѣхъ) настоялъ самымъ любезнымъ образомъ, что слѣдуетъ остановится и отдохнуть, тѣмъ болѣе что онъ хочетъ извиниться въ предыдущихъ словахъ своихъ.

— Удивительно, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, — чего только не сдѣлаетъ человѣкъ, когда кровь у него расходится. Я могъ бы совершить убійство... знаю, что могъ-бы.... поймай я только одного изъ этихъ негодяевъ.

Когда оба товарища его высказались въ томъ же смыслѣ, и кровь ихъ также нѣсколько успокоилась, они заговорили о причинѣ такой внезапной перемѣнѣ въ ихъ темпераментѣ.

— Знаю, знаю причину, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, — изгородь!

— А, пожалуй, что такъ! — воскликнулъ мистеръ Бриттльсь, пораженный этимъ заключеніемъ.

— Вы навѣрное согласитесь со мною, — сказалъ Джайльсъ, — что только изгородь сдержала по-

токъ нашихъ чувствъ. Какъ только я перелѣзъ, такъ кровь моя сразу остыла.

По странному стеченію обстоятельствъ и остальные оба сознались, что въ ту же минуту они испытали такое же чувство. Было, слѣдовательно, очевидно, что всему причиной изгородь, особенно если принятъ во вниманіе моментъ такой перемѣны, ибо всѣ трое прекрасно помнили, что случилось это въ ту именно минуту, когда они увидѣли разбойниковъ.

Разговоръ этотъ происходилъ между двумя мужчинами, которые услышали воровъ и прохожимъ котельщикомъ, ночевавшимъ въ пристройкѣ и присоединившимся потомъ къ нимъ вмѣстѣ съ двумя своими собаками. Мистеръ Джайльсъ исполнялъ обязанности дворецкаго и управляющаго дѣлами старой леди; Бриттльсъ былъ лакеемъ. Такъ какъ онъ поступилъ на службу, будучи еще ребенкомъ, то съ нимъ до сихъ поръ обращались, какъ съ мальчикомъ, не смотря на то, что ему исполнилось уже тридцать лѣтъ.

Ободряя себя такими разговорами, они все время тѣсно держались другъ къ другу и при малѣйшемъ шелестѣ подозрительно осматривались кругомъ. Всѣ трое по окончаніи разговора

поспѣшили къ дереву, позади котораго они спрятали фонарь, чтобы воры не видѣли огня и не знали бы въ какомъ направленіи имъ стрѣлять. Они взяли фонарь и во всѣ лопатки пустились домой. Долго еще послѣ того, какъ исчезли изъ виду очертанія ихъ фигуръ, мерцалъ вдали огонекъ, напоминая собой блуждающіе огоньки болотистой ночи.

Воздухъ становился холоднѣе, предвѣщая приближеніе дня, и туманъ стлался по землѣ подобно густому облаку дыма. Трава была мокрая; тропинки и ямки были покрыты жидкой грязью и водой, сырой вѣтеръ завывалъ глухо и тоскливо. Неподвижный и безчувственный Оливеръ все еще лежалъ тамъ, гдѣ его положилъ Сайксъ.

Утро приближалось. Воздухъ становился болѣе рѣзкимъ и холоднымъ, какъ это всегда бываетъ передъ разсвѣтомъ, блѣдные признаки котораго еле мерцали на небѣ.... Ночь умирала, но день еще не рождался. Предметы, казавшіеся такими ужасными среди ночного мрака, принимали все болѣе и болѣе ясныя очертанія и свои обычный видъ. Дождь падалъ крупными, частыми каплями и шумѣлъ среди кустовъ, лишенныхъ уже листьевъ. Но Оливеръ не чувствовалъ, какъ онъ падалъ на него, и продолжалъ лежать безъ чув-

ствъ и безъ сознанія на своемъ глиняномъ ложѣ.

Но вотъ болѣзненный крикъ нарушилъ окружающую тишину и мальчикъ, крикнувъ, очнулся. Лѣвая рука его, крѣпко перевязанная платкомъ, болталась сбоку и вся повязка на ней была пропитана кровью. Онъ былъ такъ слабъ, что съ трудомъ приподнялся и сѣлъ; оглянувшись кругомъ, онъ застоналъ отъ боли. Дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и слабости, онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы встать, но, вздрогнувъ съ головы до ногъ, снова упалъ на землю.

Полежавъ нѣсколько минутъ, Оливеръ почувствовалъ, что сердце его слабѣетъ и, подумавъ, что онъ непремѣнно умретъ, если по прежнему будетъ лежать здѣсь, рѣшился снова встать на ноги и попытаться идти. Въ головѣ у него шумѣло и онъ шатался изъ стороны въ сторону, какъ пьяный. Но онъ удержался на ногахъ и, опустивъ тяжелую голову на грудь, двинулся впередъ, самъ не зная, куда идетъ.

Мысли и видѣнія самымъ причудливымъ образомъ проходили въ его головѣ. Ему казалось, что онъ идетъ между Сайксомъ и Крекитомъ; они сердито смотрятъ… онъ ясно слышитъ ихъ слова… И когда онъ приходилъ въ себя, дѣлая усиліе, чтобы не упасть, то ловилъ себя на томъ, что это онъ

говорилъ съ ними. Затѣмъ онъ былъ съ однимъ Сайксомъ, какъ наканунѣ; мимо нихъ проходили люди и онъ чувствовалъ, какъ разбойникъ сжимаетъ ему руку. Вдругъ онъ остановился при видѣ оружія... воздухъ задрожалъ отъ громкихъ криковъ и выстрѣловъ... передъ глазами блеснули огни... шумъ, грохотъ... Кто то поспѣшно потащилъ его. И среди всѣхъ этихъ видѣній онъ испытывалъ, хотя неясное и неопредѣленное, но тѣмъ не менѣе непрерывное ощущеніе нестерпимой боли.

Тутъ онъ остановился и затѣмъ совершенно машинально пролѣзъ между перекладинами воротъ, а быть можетъ и изгороди, и вышелъ на дорогу. Дождь теперь усилился и привелъ его въ себя.

Онъ оглянулся кругомъ и увидѣлъ домъ, который находился такъ близко, что ему не трудно было добраться до него. Тамъ, быть можетъ, сжалятся надъ нимъ, а если не сжалятся, думалъ онъ, то все же лучше умереть вблизи человѣческаго жилья, чѣмъ въ открытомъ полѣ. Онъ собрался съ послѣдними силами и повернулъ къ дому.

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ нему, тѣмъ больше казалось ему, что онъ гдѣ то раньше видѣлъ это. Онъ не помнилъ всѣхъ отдѣльныхъ

подробностей постройки, но весь видъ ея былъ ему знакомъ.

Садовая стѣна.... На травѣ, въ саду, онъ упалъ ночью на колѣни и просилъ разбойниковъ сжалиться надъ нимъ. Да, это былъ тотъ самый домъ, который они хотѣли ограбить.

Оливеръ почувствовалъ невыразимый ужасъ, когда узналъ, наконецъ, это мѣсто и, забывъ свою рану и страданія, хотѣлъ бѣжать. Бѣжать! Онъ едва стоялъ на ногахъ, но будь онъ даже въ полной силѣ своихъ юныхъ лѣтъ, то и тогда ему некуда было бѣжать. Онъ толкнулъ калитку; она была не заперта и сразу распахнулась. Онъ поплелся по лужайкѣ, взошелъ на ступеньки и слабо постучалъ въ дверь. Тутъ силы его оставили. Онъ опустился на ступеньки и прислонился спиной къ косяку двери.

Случилось такъ, что въ это самое время въ кухнѣ сидѣли Джайльсъ, Бритльсъ и котельщикъ и наслаждались чаемъ и разными другими вещами, подкрѣпляясь послѣ усталости и ужасовъ прошлой ночи. Мистеръ Джайльсъ, собственно говоря, не имѣлъ привычки слишкомъ фамильярничать съ низшими слугами, къ которымъ онъ, правда, относился привѣтливо, но всегда держалъ себя такъ, чтобы они никогда не забы-

вали его болѣе высокаго положенія въ обществѣ. Но смерть, пожаръ и грабежъ заставляютъ людей снисходить другъ къ другу. Вотъ почему мистеръ Джайльсъ сидѣлъ на кухнѣ, положивъ ноги на рѣшетку очага и облокотившись лѣвой рукой на столъ, тогда какъ правой дополнялъ при случаѣ свой разсказъ о ночномъ нападеніи, который его собесѣдники (главнымъ образомъ кухарка и горничная) слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Было больше половины второго, — говорилъ мистеръ Джайльсъ, — ну, клясться не буду, что это такъ, могло быть и около трехъ, — я проснулся вдругъ, повернулся на кровати, вотъ такъ, (мистеръ Джайльсъ повернулся на своемъ стулѣ и, взявъ уголъ скатерти на столѣ, прикрылся имъ, какъ бы одѣяломъ) и тутъ мнѣ послышался какой-то шумъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа кухарка поблѣднѣла и попросила горничную закрыть двери; горничная попросила Бриттльса, тотъ котельщика, а котельщикъ сдѣлалъ видъ что не слышитъ.

— Послышался какой-то шумъ, — продолжалъ мистеръ Джайльсъ. — Сначала я сказалъ себѣ, что это такъ только, почудилось мнѣ и собрался уже снова заснуть, когда опять услышалъ шумъ

и на этотъ разъ совсѣмъ ясно.

— Какой шумъ? — спросила кухарка.

— Такъ, будто что то зашуршало, — отвѣчалъ мистеръ Джайльсъ, оглядываясь кругомъ.

— Нѣтъ... мнѣ кажется, онъ походилъ на шумъ, когда трутъ теркой о желѣзо, — поправилъ Бриттльсъ.

— Если «вы» слышали, сэръ, то разумѣется да, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, а по моему шуршало. Я откинулъ одѣяло, — продолжалъ Джайльсъ, — сѣлъ на кровати и прислушался.

Кухарка и горничная крикнули въ одинъ голосъ:- «Господи!» — и сдвинули свои стулья.

— Шумъ теперь слышался совсѣмъ ясно, — продолжалъ мистеръ Джайльсъ. — «Кто-то» сказалъ я себѣ, «ломаетъ дверь или окно». Что дѣлать? Я рѣшилъ разбудить этого бѣднаго мальчика, Бриттльса и спасти его, чтобы его не убили въ кровати, а то, иначе, сказалъ я себѣ, онъ и слышать не будетъ, какъ ему перерѣжутъ горло отъ праваго уха до лѣваго.

Тутъ всѣ глаза обратились на Бриттльса, который уставился на разсказчика и смотрѣлъ на него съ открытымъ ртомъ и съ выраженіемъ неописаннаго ужаса на лицѣ.

— Я сбросилъ одѣяло, — сказалъ мистеръ

Джайльсъ, сбрасывая съ себя скатерть и сурово взглянувъ на кухарку и горничную, — всталъ тихонько съ кровати, надѣлъ пару....

— Здѣсь дамы, мистеръ Джайльсъ, — шепнулъ котельщикъ.

— *Башмаковъ*, сэръ, — сказалъ Джайльсъ, поворачиваясь къ нему и дѣлая удареніе на этомъ словѣ, - схватилъ заряженный пистолетъ, который всегда лежитъ подъ корзиной съ серебромъ, и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты. Бриттльсъ, говорю я, когда разбудилъ его, не пугайся!

— Да, вы это сказали, — подтвердилъ Бриттльсъ едва слышнымъ голосомъ.

— Мы пропали, я думаю, Бриттльсь, — говорю я, — продолжалъ Джайльсъ, — но пугаться не слѣдуетъ.

— А онъ испугался? — спросила кухарка.

— Ни крошечки, — отвѣчалъ мистеръ Джайльсъ. — Онъ былъ такъ же твердъ... да!.. такъ же твердъ и непоколебимъ, какъ и я.

— Будь я на его мѣстѣ, я бы умерла, — сказала горничная.

— Вы женщина, — отвѣчалъ Бриттльсъ съ важнымъ видомъ.

— Бриттльсъ правъ, — сказалъ Джайльсъ, одобрительно качая головой. — Чего можно ждать

отъ женщины? Мы, какъ мужчины, вяли потайной фонарь, стоявшій на каминѣ Бриттльса и, не зажигая его, въ темнотѣ спустились съ лѣстницы... вотъ такъ...

Мистеръ Джайлсъ всталъ со стула, указалъ глазамя на двѣ ступеньки, что-бы лучше пояснитъ свой разоказъ и... вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ — вздрогнули и всѣ остальные — и отскочилъ къ своому стулу. Кухарка и горничная вскрикнули во весь голосъ.

— Кто то стукнулъ, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, стараясь казаться спокойнымъ. — Откройте кто нибудь дверь.

Никто не двинулся сь мѣста.

— Удивительно, право! Стукъ въ двери, когда совсѣмъ еще утро, — сказалъ мистеръ Джайльсъ, окидывая взоромъ окружающія его блѣдныя лица и самъ блѣднѣя въ то же время. — Надо же открыть двери. Слышите вы кто нибудь?

Мистеръ Джайльсъ взглянулъ на Бриттльса, но молодой человѣкъ, скромный по своей природѣ, считалъ себя, вѣроятно, никѣмъ, а потому не принялъ этого обращенія на свой счетъ. Какъ бы тамъ ни было, но онъ не отвѣчалъ. Мистеръ Джайльсъ обратилъ умоляющій взоръ на котельщика, но тотъ вдругъ заснулъ. Женщины были,

само собою разумѣется, внѣ всякаго вопроса.

— Если Бриттльсъ не прочь открыть дверь при другихъ, — сказалъ мистеръ Джайльсъ послѣ короткой паузы, — то я готовъ пойти съ нимъ.

— И я также, — сказалъ котельщикъ, который такъ же внезапно проснулся, какъ и уснулъ.

Бриттльсъ согласился на эти условія и всѣ трое, успокоившись внезапнымъ открытіемъ, что уже день, (когда взглянули на окна) поднялись на лѣстницу, толкая передъ собой собакъ. Обѣ женщины, боясь оставаться однѣ внизу, замыкали шествіе. По совѣту мистера Джайльса они всѣ говорили громко, дабы дать знать лицу, находившемуся снаружи, что ихъ много; затѣмъ, по совѣту того же изобрѣтательнаго джентльмена, собакъ дергали за хвостъ, чтобы онѣ лаяли.

Принявъ всѣ эти предосторожности, мистеръ Джайльсъ, котораго поддерживалъ котельщикъ, (чтобы не упасть съ лѣстницы, сказалъ онъ) приказалъ открыть дверь. Бриттльсъ повиновался. Его спутники, со страхомъ выглядывая изъ-за плеча другъ друга увидѣли маленькаго Оливера Твиста, который отъ слабости не могъ произнести ни единаго слова и, поднявъ отяжелѣвшіе глаза безмолвно просилъ состраданія.

— Мальчикъ! — воскликнулъ мистеръ Джай-

льсъ, отталкивая отъ себя котельщика. — Что это еще такое?... Бриттльсь... смотри... Ты не узнаешь?...

Бриттльсъ, который, открывъ дверь, спрятался на нею, выглянулъ оттуда и, увидя Оливера, громко вскрикнулъ. Мистеръ Джайльсъ схвативъ мальчика за одну ногу и за одну руку, (къ счастью не за раненую) снесъ его въ переднюю и положилъ на полъ.

— Вотъ онъ, — кричалъ онъ въ порывѣ невѣроятнаго возбужденія, — одинъ изъ воровъ, ма'амъ! Вотъ онъ воръ, миссъ! Раненъ, миссъ! Я ранилъ его, миссъ, а Бриттльсъ держалъ свѣчу.

— Въ фонарѣ, миссъ! — кричалъ Бриттльсъ, складывая руку трубой и прикладывая ее ко рту, чтобы голосъ это былъ слышнѣе.

Кухарка и горничная побѣжали, сломя голову, докладывать, что мистеръ Джайльсъ поймалъ разбойника, а котельщикъ тѣмъ временемъ старался привести въ чувство Оливера, чтобы онъ не умеръ раньше, чѣмъ его повѣсятъ. Среди этого шума и суеты послышался вдругъ нѣжный женскій голосъ и все сразу стихло.

— Джайльсъ! — произнесъ этотъ голосъ сверху лѣстницы.

— Я здѣсь миссъ! — отвѣчалъ мистеръ Джай-

льсъ. — Не бойтесь, миссъ! Со мною ничего не случилось... Онъ не очень сопротивлялся, миссъ, я скоро угомонилъ его.

— Тс!.. — Отвѣчала молодая дѣвушка, — вы еще больше воровъ напугаете мою тетю. Сильно ли раненъ, бѣдняга?

— Отчаянно, миссъ, — отвѣчалъ Джайльсъ съ неописаннымъ удовольствіемъ.

— У него такой видъ, миссъ, что онъ, того и гляди, умретъ, — отвѣчалъ Бриттльсъ тѣмъ же способомъ, какъ и раньше. — Не желаете ли сойти внизъ и посмотрѣть на него, миссъ, на тотъ случай, если онъ умретъ.

— Тс! подождите минутку, я поговорю съ тетей.

Такимъ же легкимъ и нѣжнымъ шагомъ, какъ нѣженъ былъ ея голосъ, дѣвушка удалилась. Скоро она вернулась и приказала, чтобы раненаго снесли осторожно наверхъ въ комнату Джайльса и чтобы Бриттльсъ осѣдлалъ лошадь и немедленно отправился въ Чертсей за докторомъ и констеблемъ.

— Не взглянете ли на него сначала, миссъ? — сказалъ мистеръ Джайльсъ съ такою гордостью, какъ будто Оливеръ былъ рѣдкою птицею, которую онъ подстрѣлилъ. — Однимъ глазкомъ,

миссъ!

— Не теперь, ли за что! — отвѣчала молодая дѣвушка. — Бѣдняжка! Обращайтесь съ нимъ добрѣе, Джайльсъ, ради меня.

Старый слуга взглянулъ на говорившую, когда она уходила, съ выраженіемъ такой гордости и восторга, какъ будто это было его собственное дитя. Склонившись затѣмъ къ Оливеру, онъ помогъ снести его наверхъ съ нѣжностью и осторожностью женщины.

XXIX. Глава, знакомящая съ обитателями дома, гдѣ пріютился Оливеръ

Въ красивой комнатѣ — обстановка которой, однако, носила скорѣе печать стариннаго комфорта, чѣмъ новомоднаго изящества — сидѣли за прекрасно сервированнымъ завтракомъ, двѣ дамы. Мистеръ Джайльсъ, одѣтый съ безукоризненной щепетильностью въ черную фрачную пару, прислуживалъ за столомъ. Онъ занялъ позицію на полудорогѣ между буфетомъ и столомъ; вытянувшись во весь свой ростъ, отогнувъ голову назадъ съ едва замѣтнымъ, въ то же время, наклономъ въ бокъ, онъ выставилъ впередъ лѣвую ногу и заложилъ правую руку за бортъ жилета, въ то время какъ лѣвая, висѣвшая книзу, держала подносъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, который полонъ весьма пріятнаго сознанія своихъ заслугъ и своего значенія.

Одна изъ дамъ была пожилая; но она держалась еще такъ стройно, что могла посоперничать съ высокой спинкой дубоваго кресла, въ которомъ она сидѣла. Одѣта она была съ чрезвычайнымъ

вкусомъ и аккуратностью; въ ея старомодномъ нарядѣ видны были легкія уступки послѣдней модѣ, но такія, которыя не только не вредили старинному покрою, а напротивъ, выгодно оттѣняли его. Она величаво сидѣла, сложивъ руки, а глаза ея — огонь которыхъ почти не помраченъ былъ годами — внимательно смотрѣли на молодую дѣвушку.

Эта дѣвушка переживала милый, весенній періодъ расцвѣтающей женственности. Ея возрастъ былъ таковъ, что — если только Господу угодно бываетъ облекать ангеловъ въ смертныя формы — не было бы святотатствомъ предположить, что они вселяются именно въ существа, подобныя ей.

Ей было не больше семнадцати лѣтъ. Земля казалась не ея стихіей, земныя существа — не изъ одного съ ней міра, такъ тонокъ и изящен былъ ея образъ, такая она была нѣжная и кроткая, чистая и прекрасная. Задумчивость, свѣтившаяся въ ея глубокихъ синихъ глазкахъ, и запечатлѣнная на ея благородномъ челѣ, была какъ бы не отъ міра сего и не соотвѣтствовала ея годамъ; и въ то же время смѣна выраженій нѣжности и веселья, тысячи переливовъ свѣта, игравшихъ на ея лицѣ и не оставлявшихъ тѣни, а въ особенности улыб-

ка, веселая, счастливая улыбка, — были созданы для семьи, для домашняго очага, для счастья.

Она усердно исполняла обязанности хозяйки. Случайно поднявъ глаза, когда старая дама смотрѣла на нее, она игриво откинула назадъ свои просто причесанные волосы, и въ ея отвѣтномъ лучистомъ взглядѣ было столько любви и непритворной нѣжности, что небесныя существа просіяли бы, глядя на нее.

— Вѣдь ужъ больше часу, какъ уѣхалъ Бриттльсъ? — спросила старая дама послѣ нѣкотораго молчанія.

— Часъ и двѣнадцать минутъ, сударыня, — отвѣтилъ мистеръ Джайльсъ, взглянувъ на серебряные часы, которые онъ вытащилъ за черный шнурокъ.

— Онъ всегда медлитъ, — замѣтила старая леди.

— Бриттльсъ всегда былъ мѣшковатый мальчикъ, сударыня, — отвѣтилъ слуга.

Замѣтимъ, кстати, что Бриттльсъ былъ мѣшковатымъ мальчикомъ въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ и слѣдовательно не было уже большого вѣроятія, что онъ сдѣлается когда нибудь расторопнымъ.

— Онъ, кажется, дѣлается все хуже и хуже, вмѣ-

сто того, чтобы исправиться, — сказала старая дама.

— Ему можно извинить. Быть можетъ онъ запаздываетъ изъ за желанія поиграть съ другими мальчиками, — съ улыбкой замѣтила молодая дѣвушка.

Мистеръ Джайльсъ, повидимому, обдумывалъ, надлежитъ ли и ему почтительно улыбнуться, и въ эту минуту къ воротамъ сада подъѣхала пролетка, изъ которой выпрыгнулъ толстый джентльменъ, бросился прямо къ двери и, быстро проникнувъ въ домъ какимъ-то таинственнымъ способомъ, ворвался въ комнату, едва не опрокинувъ мистера Джайльса и столъ съ завтракомъ.

— Это небывалая вещь! — вскричалъ толстый джентльменъ. — Дорогая мистриссъ Мэйли... Клянусь честью... Да еще среди ночи!.. это небывалая вещь!

Съ такими выраженіями соболѣзнованія толстый джентльменъ пожималъ руки дамамъ и, пододвинувъ себѣ стулъ, освѣдомился, какъ онѣ себя чувствуютъ.

— Вы могли бы умереть, положительно умереть отъ страха, — сказалъ онъ. — Почему вы не послали за мной? Мой человѣкъ, право, прибылъ бы въ одну минуту, то же самое и я. Мой помощ-

никъ былъ бы въ восторгѣ, да и всякій, я думаю, при такихъ обстоятельствахъ. Боже, Боже! Такъ неожиданно! И среди ночи!

Доктора, повидимому, больше всего встревожило, что разбоя никто не ожидалъ и что попытка была произведена ночью, какъ будто у господъ, производящихъ кражи со взломомъ, введено въ свычай совершать свою работу среди бѣла дня и извѣщать о ней по почтѣ за день или за два.

— А вы, миссъ Роза? — обратился докторъ къ молодой дѣвушкѣ:- я думаю...

— О, разумѣется, разумѣется! — перебила его Роза. — Но тамъ въ верхней комнатѣ лежитъ бѣдняга, котораго тетушка проситъ васъ осмотрѣть.

— А! Обязательно! — отвѣтилъ докторъ. — Вотъ оно что! Это, Джайльсъ, дѣло вашихъ рукъ, насколько я понялъ?

Мистеръ Джайльсъ, взволновано ставившій чайныя чашки на мѣста, густо покраснѣлъ и сказалъ, что дѣйствительно ему принадлежитъ эта честь.

— Честь? — повторилъ докторъ. — Ну, не знаю. Быть можетъ дѣйствительно такъ же почетно пристрѣлить на кухнѣ воришку, какъ напасть на своего противника на разстояніи двѣнадцати шаговъ. Будемъ считать, что онъ промахнулся, и

что у васъ была дуэль, Джайльсъ.

Джайльсъ, которому такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу локазалось несправедливымъ покушеніемъ затмить его подвигъ, почтительно отвѣтилъ, что онъ не считаетъ себя цѣнителемъ въ данномъ случаѣ, на что, однако, по его мнѣнію, его противнику сейчасъ не до шутокъ.

— Да, это правда, — сказалъ докторъ. — Гдѣ же онъ? проводите меня. Я загляну сюда опять, когда спущусь, мистриссъ Мэйли. — Такъ это и есть то маленькое окно, черезъ которое онъ забрался? Просто не вѣрится!

Не переставая говорить, онъ послѣдовалъ за мистеромъ Джайльсомъ наверхъ. Пока онъ поднимается по лѣстницѣ, мы успѣемъ сообщить читателю, что мистеръ Лосбернъ, мѣстный хирургъ, котораго всѣ кругомъ на десять миль знали, какъ «доктора», потолстѣлъ скорѣе отъ добродушія, чѣмъ отъ привольной жизни, и что онъ былъ такимъ милымъ и сердечнымъ и въ тоже время эксцентричнымъ холостякомъ, какого только можно выискать въ области впятеро большей.

Докторъ не возвращался дольше, чѣмъ предполагали дамы. Изъ коляски принесли большой плоскій ящикъ; изъ спальной очень часто до-

носился колокольчикъ и прислуга поминутно бѣгала наверхъ и сбѣгала внизъ, что служило признакомъ чего-то очень важнаго, творившагося наверху. Наконецъ онъ появился и въ отвѣтъ на тревожный вопросъ о паціентѣ съ чрезвычайно таинственнымъ видомъ тщательно притворилъ за собою дверь.

— Это необыкновенный случай, мистриссъ Мэйли, — сказалъ докторъ, почти прислонясь къ двери какъ бы для того, чтобы никто не вошелъ.

— Надѣюсь, онъ не въ опасности? — спросила старая дама.

— Въ этомъ бы не было ничего удивительнаго, — отвѣтилъ докторъ. — Но опасности, повидимому, нѣтъ. Видѣли вы этого вора?

— Нѣтъ, — отвѣтила мистриссъ Мэйли.

— И ничего еще не знаете о немъ?

— Нѣтъ.

— Виноватъ, сударыня, — вмѣшался мистеръ Джайльсъ:- я только что собирался сказать о немъ, когда господинъ докторъ вышелъ.

Все дѣло заключалось въ томъ, что мистеръ Джайльсъ не могъ сразу заставить себя признаться, что онъ подстрѣлилъ только мальчика. Его доблесть осыпалась такими восхваленіями, что могъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ торопиться съ

объясненіемъ и предпочиталъ въ теченіи хотя бы немногихъ очаровательныхъ минутъ витать въ зенитѣ кратковременной славы неустрашимаго героя.

— Роза хотѣла взглянуть на этого человѣка, — сказала мистриссъ Мэйли:- но я не допустила этого.

— Ну! — возразилъ докторъ:- у него внѣшность не очень страшная. Не согласитесь ли вы посмотрѣть на него въ моемъ присутствіи?

— Если это необходимо, — отвѣтила старая дама:- то разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ я считаю это необходимымъ, — сказалъ докторъ. — Какъ бы то ни было, я увѣренъ, что вы будете глубоко сожалѣть, если еще отложите это. Теперь онъ тихъ и совершенно успокоился. Вы пойдете, миссъ Роза? Ничего страшнаго, даю вамъ честное слово!

XXX. Глава, сообщающая, что думали объ Оливерѣ его новые знакомцы

Съ пространными увѣреніями, что онѣ будутъ пріятно удивлены видомъ преступника, докторъ, предложилъ одну руку молодой дѣвушкѣ, а другую — мистриссъ Мэйли, церемонно и чинно повелъ ихъ наверхъ.

— Ну, — шопотомъ сказалъ докторъ, тихо поворачивая щеколду двери въ спальную:- послушаемъ, что вы о немъ скажетъ. Онъ довольно долго не брился, нотѣмъ не менѣе не имѣетъ свирѣпаго вида. Погодите! Дайте мнѣ сначала взглянуть, въ надлежащемъ ли онъ порядкѣ, чтобы принимать посѣтителей.

Онъ заглянулъ въ комнату. Сдѣлавъ имъ знакъ, онъ закрылъ дверь, когда онѣ вошли, и осторожно раздвинулъ занавѣски кровати. На ней вмѣсто грубаго свирѣпаго бродяги, котораго онѣ ожидали увидѣть, лежалъ ребенокъ, истощенный страданіемъ и утомленіемъ и спавшій глубокимъ сномъ. Его раненая рука, забинтованная и завязанная въ лубки, лежала на груди. Другая

руки была подложена подъ голову и наполовину скрыта его длинными волосами, разметавшимися по подушкѣ.

Добрый джентльменъ, придерживая рукою пологъ, смотрѣлъ и не говорилъ ни слова. Пока онъ созерцалъ пацієнта, молодая дѣвушка тихо вошла съ другой стороны и, сѣвъ около кровати, отстранила волосы, закрывавшія лицо Оливера. Когда она нагнулась надъ нимъ, ея слезы упали ему на лобъ.

Мальчикъ зашевелился и улыбнулся, не просыпаясь, какъ будто это проявленіе жалости и состраданія вызвало какую-то пріятную грезу о невѣдомой ему любви и ласкѣ. Такъ нѣжная мелодія, или журчанье воды среди тишины, или запахъ цвѣтника, или произнесеніе знакомаго слова подчасъ пробуждаютъ смутное воспоминаніе о томъ, что никогда не было на самомъ дѣлѣ пережито, — воспоминаніе, исчезающее, какъ дуновеніе, и вызванное словно бы мимолетнымъ впечатлѣніемъ болѣе счастливой жизни, давно минувшей, и которую нельзя воскресить никакимъ добровольнымъ напряженіемъ памяти.

— Что это значитъ? — произнесла старая дама. — Этотъ бѣдный ребенокъ не могъ вѣдь быть пособникомъ разбойниковъ!

— Порокъ, — вздохнулъ докторъ, задвигая занавѣску:- поселяется въ различныхъ обителяхъ, и кто можетъ поручиться, что онъ не скрывается за прекрасной внѣшностью?

— Но въ такомъ нѣжномъ возрастѣ! — возразила Роза.

— Моя дорогая барышня, — отвѣтилъ хирургъ, печально покачавъ головой:- преступленіе, какъ и смерть, не ограничивается только тѣмъ, что старо и обветшало. Самое молодое и прекрасное можетъ очутиться среди жертвъ.

— Но можете ли вы… неужели дѣйствительно можете повѣрить, что этотъ хрупкій мальчикъ былъ добровольнымъ товарищемъ людей, которые являются подонками общества? — сказала Роза.

Докторъ покачалъ головою съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что считаетъ это вполнѣ возможнымъ, и замѣтивъ, что разговоръ можетъ потревожить больного, повелъ дамъ въ сосѣднюю комнату.

— Но если даже онъ падшій, — продолжала Роза:- подумайте, какъ онъ молодъ, вспомните, что онъ, быть можетъ, никогда не зналъ материнской любви, и домашняго уюта, что угнетеніе и побои или голодъ заставили его сойтись съ

людьми, которые толкнули его на преступленіе? Тетя, дорогая тетя, подумайте объ этомъ прежде чѣмъ позволить имъ бросить это больное дитя въ тюрьму, которая навсегда преградитъ ему путь къ исправленію. О, вы такъ любите меня. Благодаря вашему доброму сердцу я никогда не чувствовала себя сиротой. Но что если бы это было такъ, и я, какъ этотъ бѣдный ребенокъ, не имѣла бы помощи и защиты! Ради этого, сжальтесь надъ нимъ, пока не поздно!

— Дорогая моя, — и старая дама прижала плававшую дѣвушку къ своему сердцу:- неужели ты думаешь, что я повредю хоть волосъ на его головѣ?

— О, нѣтъ! — съ горячностью отвѣтила Роза.

— Конечно нѣтъ! мои дни близятся къ концу, и да будетъ оказано милосердіе мнѣ, какъ я его оказываю другимъ — что могу я сдѣлать, чтобы спасти его, сэръ?

— Дайте мнѣ подумать, сударыня, — отвѣтилъ докторъ:- дайте подумать.

Мистеръ Лосбернъ засунулъ руки въ карманы и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, часто останавливаясь и раскачиваясь на кончикахъ пальцевъ, причемъ онъ ожесточенно хмурилъ брови. Послѣ многократныхъ восклицаній «при-

думалъ!» и «нѣтъ, не годится!» и новыхъ хожденій и хмуренія бровей онъ наконецъ остановился и сказалъ:

— Я думаю, что если вы дадите мнѣ неограниченныя полномочія запугать Джайльса и этого мальчика Бриттльса, то я улажу дѣло. Я знаю, Джайльсъ преданный парень и старый слуга; но вы можете возмѣстить это ему тысячью способовъ и вознаградить его какъ нибудь иначе за такой мѣткій выстрѣлъ. Вы ничего не имѣете противъ?

— А другого способа спасти мальчика нѣтъ? — сказала мистриссъ Мэйли.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ докторъ:- другого способа нѣтъ, даю вамъ слово.

— Въ такомъ случаѣ тетя облекаетъ васъ полной властью, — произнесла Роза, улыбаясь сквозь слезы. — Только не будьте съ этими бѣднягами суровѣе, чѣмъ это окажется необходимымъ.

— Повидимому, — выразилъ докторъ:- вы думаете, что все, кромѣ васъ, расположены сегодня къ жестокостямъ, миссъ Роза. Я только желалъ бы, ради благополучія мужской половины человѣчества, чтобы вы оказались въ такомъ же впечатлительномъ и добросердечномъ настроеніи по отношенію къ первому же достойному

молодому человѣку, который будетъ взывать къ вашему состраданію, и мнѣ хотѣлось бы быть сейчасъ молодымъ человѣкомъ, чтобы я немедленно мотъ воспользваться такимъ благопріятнымъ случаемъ.

— Вы такой же взрослый мальчикъ, какъ и бѣдный Бриттльсъ, — сказала Роза, вспыхнувъ.

— Что-жъ! — и докторъ сердечно засмѣялся:- это не такъ ужъ трудно. Но вернемся къ этому ребенку. Мы не касались еще главнаго вопроса. Онъ проснется черезъ часъ или около того, и хотя я сказалъ этому толстолобому констэблю, который сидитъ внизу, что его нельзя допрашивать, не подвергнувъ опасности его жизни, я думаю однако, что мы можемъ спокойно съ нимъ побесѣдовать. Теперь вотъ мое условіе: я разспрошу его въ вашемъ присутствіе, и если изъ его разсказа мы выведемъ — и мнѣ удастся это доказать вамъ доводами холоднаго разума — что онъ настоящій и неисправимый мошенникъ (что болѣе чѣмъ возможно), то онъ долженъ быть предоставленъ своей судьбѣ, по крайней мѣрѣ, мое участіе въ этомъ дѣлѣ прерывается.

— Ахъ, нѣтъ, тетя! — заступилась Роза.

— Ахъ, да, тетя! — возразилъ докторъ. — Идетъ?

— Онъ не можетъ быть закоренѣлымъ негодяемъ, — сказала Роза, — это невѣроятно!

— Отлично, — подхватилъ докторъ:- тѣмъ скорѣе вы должны согласиться сь моимъ предложеніемъ.

Наконецъ условія были приняты и договорившіяся стороны стали ожидать, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, пока Оливеръ проснется.

Терпѣніе обѣихъ дамъ подверглось большему испытанію, чѣмъ предсказалъ имъ мистеръ Лосбернъ: часъ проходилъ за часомъ, а Оливеръ по прежнему крѣпко спалъ. Только съ наступленіемъ вечера добрый докторъ сообщилъ имъ, что пацiентъ достаточно отдохнулъ, чтобы съ нимъ можно было разговаривать. По его словамъ мальчикъ былъ очень боленъ и слабъ отъ потери крови, но тамъ обезпокоенъ желаніемъ сообщить что то, что лучше удовлетворить его теперь же, нежели отложить это до утра, какъ онъ хотѣлъ.

Бесѣда длилась долго. Оливеръ разсказалъ имъ всю свою простую исторію, часто останавливаемый болью и утомленіемъ. Грустно и торжественно было слышать въ сумрачной комнатѣ слабый голосъ больного ребенка, перечитывавшаго тяжелую скрижалъ бѣдствій и золъ, причиненныхъ ему недобрыми людьми.

Ахъ! если бы мы, угнетая и терзая нашихъ ближнихъ, хотъ разъ подумали о мрачныхъ уликахъ человѣческихъ заблужденій, которыя густыми и тяжелыми тучами поднимаются, медленно, правда, но неизбѣжн, къ небесамъ, чтобы пасть дождемъ отмщенія на наши головы; если бы мы хотъ на одно мгновеніе услышали въ нашемъ воображеніи глубоко изобличающій голосъ мертвыхъ, не заглушимый ничьею властью, не побѣдимый ничьей гордостью, то гдѣ были бы несправедливости и неправда, страданія, бѣдствія, жестокости и обиды, приносимыя повседневной жизнью!

Въ этотъ вечеръ подушки Оливера были оправлены нѣжными руками, и когда онъ спалъ, то надъ нимъ бодрствовали красота и добродѣтель. Онъ былъ спокоенъ и счастливъ, и готовъ былъ бы умереть безъ малѣйшаго ропота.

Лишь только закончилось непродолжительное собесѣдованіе и Оливеръ успокоился, чтобы снова предаться отдыху, какъ докторъ, вытеревъ платкомъ глаза и проклиная ихъ слабость, отправился внизъ, чтобы начатъ дѣйствія противъ мистера Джайльса. Онъ не нашелъ никого въ гостиной, и ему пришла мысль, что лучше всего будетъ начать компанію въ самой кухнѣ. Въ кух-

ню онъ и отправился.

Въ этой нижней палатѣ домашняго парламента засѣдали служанки, мистеръ Бриттльсъ, мистеръ Джайльсъ, лудильщикъ (который получилъ, въ виду своихъ заслугъ приглашеніе продовольствоваться здѣсь въ теченіи всего остального дня) и констебль. У этого послѣдняго джентльмена былъ большой жезлъ, большая голова, крупныя черты лица и большіе сапоги съ отворотами; при этомъ онъ имѣлъ видъ человѣка, пьющаго соотвѣтственное количество эля — что онъ дѣйствительно и дѣлалъ въ эту минуту.

Приключенія минувшей ночи все еще продолжали служить предметомъ преній; докторъ вошелъ какъ разъ въ то время, когда мистеръ Джайльсъ распространялся о своемъ самообладаніи, а мистеръ Бриттльсъ съ кружкой эля въ рукахъ подтверждалъ каждое слово еще прежде, чѣмъ оно произносилось его патрономъ.

— Сидите на мѣстахъ! — сказалъ докторъ, махнувъ рукой.

— Благодаримъ васъ, сэръ, — сказалъ мистеръ Джайльсъ. — Барыни приказали выдать намъ эля, а такъ какъ я не чувствовалъ склонности къ своей комнаткѣ, и предпочитаю компанію, то я выпиваю свою долю здѣсь.

Бриттльсъ далъ тонъ негромкому ропоту, которымъ присутствовавшіе дамы и кавалеры выразили удовольствіе, доставленное имъ снисходительностью мистера Джайльса. Мистеръ Джайльсъ покровительственно посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ бы давая понятъ, что онъ не покинетъ ихъ, доколѣ они будутъ достойно держать себя.

— Какъ сейчасъ чувствуетъ себя больной, сэръ? — освѣдомился Джайльсъ.

— Такъ себѣ, - отвѣтилъ докторъ. — Я боюсь, что ваше положеніе можетъ оказаться не особенно пріятнымъ, мистеръ Джайльсъ.

— Я надѣюсь, сэръ, — сказалъ Джайльсъ съ дрожью въ голосъ:- что онъ не при смерти? Иначе я никогда больше не буду счастливъ. Я не хотѣлъ бы загубить мальчика… даже такого, какъ этотъ Бриттльсъ. Я не согласился бы за все серебро, какое есть въ графствѣ…

— Дѣло не въ этомъ, — таинственно сказалъ докторъ. — Мистеръ Джайльсъ, вы протестантъ?

— Да, сэръ, надѣюсь, — пробормоталъ мистеръ Джайльсъ, сильно поблѣднѣвъ.

— А вы, мальчикъ? — сказалъ докторъ, вдругъ обратившись къ Бриттльсу.

— Смилуйся надо мной Господь! — отвѣтилъ

Бриттльсъ, вздрогнувъ. — Я... Я то-же, что и мистеръ Джайльсъ, сэръ.

— Тогда скажите мнѣ вотъ что, — произнесъ докторъ:- Вы оба скажите мнѣ: готовы ли вы присягнуть, что этотъ мальчикъ, что лежитъ наверху, — дѣйствительно тотъ самый, который былъ просунутъ въ окошечко минувшей ночью? Говорите! Ну? Мы ждемъ!

Докторъ, котораго всѣ знали, какъ благодушнѣйшаго человѣка въ мірѣ, произнесъ этотъ вопросъ такимъ свирѣпо грознымъ тономъ, что Джайльсъ и Бриттльсъ, смущенные элемъ и волненіемъ, смотрѣли другъ на друга, какъ пораженные столбнякомъ.

— Обратите вниманіе на ихъ отвѣтъ, констэбль, слышите? — сказалъ докторъ, торжественно потрясая указательнымъ пальцемъ и дотрагиваясь имъ до кончика своего носа, какъ бы для того, чтобы привлечь всю проницательность этого почтеннѣйшаго господина. — Это будетъ имѣть непосредственные результаты.

Констэбль принялъ самый мудрый видъ и взялъ въ руки свой должностной жезлъ, который былъ прислоненъ въ углу.

— Это просто вопросъ объ установленіи самоличности, какъ вы видите, — сказалъ докторъ.

— Именно такъ, сэръ, — отвѣтилъ констэбль сквозь неистовый кашель, такъ какъ онъ поторопился докончить свой эль, часть котораго попала не туда, куда слѣдуетъ.

— Въ домъ вломились громилы, — сказалъ докторъ:- и два человѣка мелькомъ увидѣли мальчика среди порохового дыма, среди сумятохи и темноты. На другое утро, въ этотъ самый домъ является какой-то мальчикъ, и такъ какъ у него оказывается завязанной рука, то эти люди грубо схватываютъ его — чѣмъ подвергаютъ его жизнь большой опасности — и утверждаютъ, что онъ былъ въ числѣ громилъ. Теперь возникаетъ вопросъ: есть ли оправданіе дѣйствіямъ этихъ людей?... А если нѣтъ, то въ такое положеніе они себя поставили?

Констэбль глубокомысленно кивнулъ головой и сказалъ, что, если это по закону, то какъ это назвать хотѣлось бы ему знать?

— Я спрашиваю васъ еще разъ, — загремѣлъ докторъ:- можете ли вы подъ торжественной присягой подтвердить самоличность этого мальчика?

Бриттльсъ съ сомнѣніемъ взглянулъ на мистера Джайльса; мистеръ Джайльсъ съ сомнѣніемъ взглянулъ на Бриттльса; констэбль приложилъ

руку къ уху, чтобы уловить отвѣтъ. Обѣ служанки и лудильщикъ вытянули головы, прислушиваясь. Докторъ окидывалъ всѣхъ проницательнымъ взглядомъ. Вдругъ у воротъ послышался звонокъ и въ то же время звукъ подъѣхавшихъ колесъ.

— Это сыщики! — закричалъ Бриттльсъ, повидимому почувствовавшій сильное облегченіе.

— Кто? — вздрогнулъ въ свою очередь докторъ.

— Полицейскіе агенты, сэръ, — отвѣтилъ Бриттльсъ, беря свѣчу:- мы съ мистеромъ Джайльсомъ послали за ними въ Баустритъ утромъ-же.

— Что-о! — вскричалъ докторъ.

— Да, — сказалъ Бриттльсъ:- я послалъ кучера и удивляюсь, что они не пріѣхали раньше, сэръ.

— Вотъ какъ? — Ну, такъ будь же прокляты….. ваши повозки, которыя ползутъ по черепашьи! — сказалъ докторъ, уходя прочь.

XXXI. Глава, въ которой создается критическое положеніе

— Кто тамъ? — освѣдомился Бриттльсъ, пріотворивъ дверь, но не снимая цѣпи и выглянулъ, заслонивъ свѣчу рукой.

— Отворите дверь, — раздался за дверью мужской голосъ. — Прибыли агенты изъ Бау-Стрита, за которыми вы посылали сегодня.

Весьма успокоенный этимъ отвѣтомъ, Бриттльсъ распахнулъ дверь и очутился лицомъ къ лицу передъ осанистымъ господиномъ въ пальто, который молча вошелъ и вытеръ ноги о половикъ съ такимъ невозмутимымъ видомъ, какъ будто онъ здѣсь жилъ.

— Пошлите кого нибудь вмѣсто моего товарища, молодой человѣкъ, — сказалъ агентъ:- онъ остался въ одноколкѣ смотрѣть за лошадью. Есть у васъ здѣсь конюшня, куда ее можно будетъ поставить на пять или десять минутъ?

Бритльсъ отвѣтилъ утвердительно и указалъ на требуемое строеніе. Осанистый мужчина вернулся къ воротамъ и помогъ своему спутнику поставить одноколку на мѣсто, а Бриттльсъ

свѣтилъ имъ, исполненный благоговѣнія. Послѣ этого они вернулись въ домъ, и, будучи направлены въ гостинную, сняли предварительно свои пальто и шляпы, давъ этимъ возможность разсмотрѣть себя внимательнѣе.

Тотъ, который стучалъ въ дверь былъ дородный человѣкъ средняго роста, лѣтъ пятидесяти; у него были коротко обстриженные блестящіе, черные волосы, небольшіе бакенбарды, круглое лицо и острые глаза. Другой былъ костлявый, имѣлъ рыжую шевелюру и носилъ сапоги съ отворотами; у него было непріятное лицо и вздернутый, зловѣщаго вида носъ.

— Скажите вашему барину, что пріѣхали Блэтерсъ и Деффъ, — произнесъ полный господинъ, приглаживая волосы и кладя на столъ пару ручныхъ кандаловъ. — А! Добрый вечеръ, сэръ. Могу я вамъ сказать нѣсколько словъ наединѣ.

Это относилось къ мистеру Лосбирну, который вошелъ въ ту минуту. Докторъ сдѣлалъ Бриттльсу знакъ удалиться и, приведя дамъ, закрылъ дверь.

— Вотъ хозяйка дома, — и докторъ сдѣлалъ жестъ въ сторону мистриссъ Мэйли.

Мистеръ Блэтерсъ поклонился. Получивъ приглашеніе сѣсть, онъ поставилъ шляпу на полъ и,

присѣвъ на стулъ, далъ Деффу знакъ сдѣлать то же. Этотъ послѣдній джентльменъ, повидимому, не столь привыкшій къ обществу или не столь принужденно себя въ немъ чувствовавшій, сѣлъ послѣ цѣлаго ряда неуклюжихъ движеній и съ нѣкоторымъ смущеніемъ взялъ въ ротъ набалдашникъ своей трости.

— Такъ вотъ насчетъ этого грабежа, — началъ Блэтерсъ. — Каковы обстоятельства дѣла, сударь?

Миістеръ Лосбернъ, повидимому, желавшій выиграть время, началъ длинный и сопровождавшійся большими отступленіями разсказъ. Гг. Блэтерсъ и Деффъ слушали съ самымъ многозначительнымъ видомъ и иногда обмѣнивались кивкомъ.

— Я не могу, конечно, ничего опредѣленнаго сказать, пока не осмотрю самаго мѣста, — сказалъ Блетерсъ. — Но мое мнѣніе таково — и я едва ли ошибусь — что тутъ работали не «земляки». А, Деффъ?

— Конечно нѣтъ, — отозвался Деффъ.

— То есть, если перевести, изъ вниманія къ дамамъ, слово «землякъ», то вы полагаете, что это покушеніе не было произведено сельчаниномъ, а лондонскимъ грабителемъ? — съ улыбкою

спросилъ докторъ.

— Да, сударь, — отвѣтилъ Блэтерсъ. — Вы все разсказали, что вамъ извѣстно?

— Все.

— Ну, а что это за мальчикъ, о которомъ судачатъ слуги? — сказалъ Блэтерсъ.

— Онъ не при чемъ, — отвѣтилъ докторъ. — Одинъ изъ слугъ съ перепугу вообразилъ, что онъ причастенъ въ ночному покушенію на разбой. Но это не можетъ быть — попросту нелѣпость.

— Всякую нелѣпость легко устранить, — замѣтилъ Доффъ.

— Онъ говоритъ совершенно правильно, — произнесъ Блэтерсъ, одобрительно кивая головой и беззаботно играя кандалами, какъ парою кастаньетъ. — Кто этотъ мальчикъ? Что онъ о себѣ сообщилъ? Откуда онъ явился? Не упалъ же онъ съ неба, сэръ?

— Конечно нѣтъ, — отвѣтилъ докторъ, кинувъ безпокойный взглядъ на дамъ:- я знаю его исторію. Но… прежде чѣмъ говорить объ этомъ, вы, вѣроятно, предпочтете осмотрѣть то мѣсто, гдѣ пытались пробраться громилы?

— Разумѣется, — сказалъ Блэтерсъ:- сначала мы осмотримъ помѣщеніе, а затѣмъ допросимъ прислугу. Таково наше обычное дѣлопроизводство.

Принесли огня и гг. Блэтерсъ и Деффъ, въ сопровожденіи мѣстнаго констэбля, Бритлса, Джайльса и прочей прислуги отправились въ маленькую комнату въ концѣ корридора, выглянули изъ окошка, затѣмъ обошли по лужайкѣ и заглянули въ окошко, затѣмъ имъ дали свѣчу для осмотра ставни, потомъ фонарь для изслѣдованія отпечатковъ ногъ на землѣ, затѣмъ принесли вилы, чтобы ощупать кусты. Произведя всѣ эти опыты, за которыми зрители слѣдили съ затаеннымъ дыханіемъ, они вернулись въ домъ, и тутъ мистеръ Джайльсъ и Бриттльсъ начали испещренный всякими ужасами отчетъ о своемъ участіи въ приключеніяхъ предшествовавшей ночи, который имъ пришлось повторить разъ шесть, при чемъ сначала они противорѣчили одинъ другому не болѣе, какъ въ одномъ важномъ пунктѣ, а подъ конецъ — не болѣе, какъ въ двѣнадцати. Придя къ такому итогу, Блэтерсъ и Деффъ приказали всѣмъ удалиться и, запершись вдвоемъ, держали совѣтъ, столь таинственный и торжественный, что въ сравненіи съ нимъ консиліумъ врачей, обсуждающій самый запутанный вопросъ медицины, показался бы ребяческой забавой.

Между тѣмъ докторъ взволнованно расхаживалъ взадъ и впередъ въ сосѣднѣй комнатѣ, а

мистриссъ Мэйли и Роза озабоченно взглядывали на него.

— Честное слово, — сказалъ онъ, остановившись:- я не знаю, что дѣлать!

— Нѣтъ сомнѣнія, — замѣтила Роза:- что достаточно будетъ разсказать имъ безъ утайки исторію этого бѣднаго ребенка, чтобы они его больше не безпокоили.

— А я сомнѣваюсь въ этомъ, милая барышня, — покачалъ головою докторъ. — Я не думаю, что послѣ этого ни они, ни болѣе высокіе представители закона не станутъ его безпокоить. Въ концѣ концовъ, кто онъ? спросятъ они. Бѣглецъ. Если слѣдовать чисто мірскимъ соображеніямъ и предположеніямъ, то его исторія является весьма сомнительной.

— Но вѣдь вы вѣрите ей, я надѣюсь? — прервала Роза.

— Я-то вѣрю, какъ это ни странно — а можетъ быть и глупо, — отвѣтилъ докторъ:- но я тѣмъ не менѣе сомнѣваюсь, чтобы подобный разсказъ удовлетворилъ опытнаго полицейскаго.

— Почему?

— Потому, моя очаровательная допросчица:- сказалъ докторъ, — что, взглянувъ ихъ глазами, можно въ этомъ разсказѣ найти много несклад-

наго. Доказать онъ можетъ только скверныя стороны и ни одной благопріятной. А этимъ господамъ, чортъ бы ихъ побралъ, нужны разныя «что» да «почему», и они ничего не примутъ безъ доказательствъ. Вѣдь, изволите видѣть:- по его собственнымъ словамъ, онъ въ теченіи послѣдняго времени жилъ въ компаніи воровъ, онъ былъ доставленъ въ полицейскій участокъ, обвиняемый въ томъ, что залѣзъ въ карманъ къ джентльмену; онъ былъ насильно уведенъ изъ дома этого джентльмена въ такое мѣсто, котораго онъ не можетъ ни описать, ни указать, и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, гдѣ оно находится; его привели сюда, въ Чертсей, люди, которые, повидимому, насильно сдѣлали его своими сообщникомъ, просунули его въ окно, чтобы обокрасть домъ, и въ тотъ самый моментъ, когда онъ собирался поднять тревогу — то есть сдѣлать то именно, что его вполнѣ реабилитировало бы — подвертывается этотъ непрошенный проклятый дворецкій и подстрѣливаетъ его! Какъ будто нарочно для того, чтобы помѣшать ему сдѣлать себѣ добро! Видите, въ чемъ дѣло?

— Вижу, конечно, — сказала Роза, улыбнувшись волненію доктора:- но все таки я еще не замѣчаю въ этомъ ничего, что уличало бы бѣд-

наго ребенка.

— Ничего! — отвѣтилъ докторъ:- конечно, ничего! Да будутъ благословенны ясныя очи прекраснаго пола! Они, въ хорошемъ ли, въ дурномъ ли, видятъ всегда только одну сторону вопроса — именно ту, которая раньше другихъ представляется имъ.

Изрекши этотъ афоризмъ житейскаго опыта, докторъ засунулъ руки въ карманы и зашагалъ по комнатѣ съ еще большей быстротой, чѣмъ прежде.

— Чѣмъ больше я думаю объ этомъ, — сказалъ онъ, — тѣмъ больше я убѣждаюсь, что посвятивъ этихъ господъ въ подлинную исторію мальчика, мы наживемъ лишь пропасть хлопотъ и затрудненій. Я не сомнѣваюсь, что они ей не повѣрятъ, и если даже они, въ концѣ концовъ, ничего не сдѣлаютъ ему, то все же ея затрагиваніе и оглашеніе всѣхъ сомнѣній, которымъ онъ подвергнется, не можетъ не повліять существенно на вашъ благой планъ спасти его изъ омута.

— Ахъ! Что же дѣлать? — воскликнула Роза. — Боже! Боже! зачѣмъ они послали за ними!

— Дѣйствительно — зачѣмъ? — сказала мистриссъ Мэйли;- я бы ни за что на свѣтѣ не пригласила бы ихъ.

— Единственное, что я могу сказать, — сказалъ мистеръ Лосбернъ, прохаживаясь съ какимъ то хладнокровіемъ отчаянія, — заключается въ слѣдующемъ. Мы должны попробовать взять смѣлостью. Цѣль благая, и это оправдываетъ насъ. Мальчика теперь сильно лихорадитъ, съ нимъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ говорить; это для насъ нѣкоторое утѣшеніе. Попытаемся сдѣлать, что можно; если постигнетъ неудача — не наша вина... Войдите!

— Ну, сударь, — сказалъ Блэтерсъ, войдя съ своимъ товарищемъ и закрывъ плотно дверь, прежде чѣмъ продолжать:- это не было «заварное» дѣло.

— Что это за чертовщина — «заварное» дѣлю? — нетерпѣливо спросилъ докторъ.

— Мы называемъ разбой «заварнымъ», сударыни, — обратился Блэтерсъ къ дамамъ, какъ бы снисходя къ ихъ невѣжеству, но презирая невѣжество доктора:- Когда слуги участвуютъ въ немъ.

— Никто ихъ въ настоящемъ случаѣ и не подозрѣвалъ къ соучастіи, — сказала мистриссъ Мэйли.

— Вполнѣ возможно, сударыня, — возразилъ Блэтерсъ:- но они могли быть замѣшаны, не смот-

ря на это.

— И это даже какъ разъ усиливало вѣроятность подобнаго предположенія, — добавилъ Деффъ.

— Мы пришли къ выводу, что это столичная работа, — продолжалъ Блэтерсъ:- обдѣлано мастерски.

— Да, чисто сработано, — замѣтилъ Деффъ вполголоса.

— Ихъ было двое, — излагалъ результаты Блэтерсъ:- и съ ними былъ мальчикъ — это доказывается величиною окна. Больше пока ничего нельзя сказать. Если позволите, мы теперь, взглянемъ на парнишку, который у васъ лежитъ тамъ наверху.

— Можетъ быть вы предложите имъ сначала чего нибудь выпить, мистриссъ Мэйли? — оказалъ докторъ, лицо котораго просіяло, какъ бы освѣтившись новой мыслью.

— Ахъ, разумѣется! — засуетилась Роза. — Вамъ угодно? — Сейчасъ будетъ подано.

— Благодаримъ васъ, миссъ! — сказалъ Блэтерсъ, проведя по губамъ рукавомъ сюртука. — Отъ нашей работы во рту пересыхаетъ. Чего нибудь, что подъ рукой, миссъ; не извольте такъ о насъ безпокоиться.

— Что бы вы предпочли? — освѣдомился док-

торъ, подходя за молодой дѣвушкой къ буфету.

— Если не трудно, сударь, такъ будьте добры немного водки, — отвѣтилъ Блэтерсъ. — Путь изъ Лондона былъ дальній, мы озябли, а отъ водки, сударыня, по моему мнѣнію, кровь согрѣвается.

Это послѣднее любопытное сообщеніе было обращено къ мистриссъ Мэйли, которая выслушала его съ большимъ интересомъ, а тѣмъ временемъ докторъ выскользнулъ изъ комнаты.

— Ахъ! — продолжалъ Блэтерсъ, не беря рюмку за ножку, но сжавъ ея донышко большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки и держа противъ своей груди:- я на своемъ вѣку, сударыни, встрѣчалъ не одно такое дѣло.

— Вотъ хотя бы та штука, которую выкинулъ въ глухомъ переулкѣ Эдмонтона, — подсобилъ мистеръ Деффъ памяти своего коллеги.

— Да, это напоминаетъ нашу сегодняшнюю задачу, не правда ли? — сказалъ Блэтерсъ. — То сдѣлалъ Конкей Чикуидъ, ни кто иной.

— Вы всегда приписывали это ему, — возразилъ Деффъ. — А я говорю вамъ, что Петъ, а не Конкей, который не болѣе причастенъ къ этому, чѣмъ я.

— Подите вы! — спорилъ мистеръ Блэтерсъ. — Ужъ я-то знаю лучше вашего! А помните, какъ Конкей былъ обворованъ? Какъ это было здорово!

Лучше, чѣмъ въ романѣ!

— Какъ это произошло? — спросила Роза, стараясь разжечь искорку благодушія въ незваныхъ гостяхъ.

— Это былъ такой грабежъ, котораго сначала никто не могъ распутать. Конкей Чикуидъ…

— Конкей это прозвище, сударыня, — вставилъ свое слово Деффъ:- все равно, что ябедникъ.

— Сударыня, вы и такъ изволили понять это, не правда ли? — сказалъ Блэтерсъ. — Все-то вы перебиваете, коллега! — Такъ вотъ Конкей Чикуидъ, миссъ, содержалъ трактиръ по ту сторону Бэтльбриджа, и у него былъ погребокъ, куда хаживали многіе молодые лорды, посмотрѣть на пѣтушиный бой, собачью травлю и разную такую штуку. Отлично была налажена эта потѣха, я много разъ самъ смотрѣлъ. Тогда онъ еще не записался въ воровскую вольницу. Однажды ночью у него украли триста двадцать семь гиней, хранившихся въ холщевомъ мѣшкѣ; воръ — высокій человѣкъ съ чернымъ пластыремъ на глазу — забрался предварительно подъ кровать и среди ночи, забравъ деньги, выскочилъ прямо на улицу изъ окна, которое было на высотѣ одного только этажа. Онъ очень быстро сдѣлалъ это, но и Конкей не зѣвалъ. Разбуженный шумомъ, онъ

выскочилъ съ кровати и пустилъ ему вслѣдъ ружейный зарядъ, взбудораживъ всѣхъ сосѣдей. Началась суматоха, пустились въ погоню и оказалось, что Конкей попалъ въ вора: нашли на дорогѣ слѣды крови, видимые на довольно большое разстояніе и превращавшіеся у одного изъ заборовъ. Какъ бы то ни было, онъ улизнулъ и вскорѣ имя мистера Чикуида появилось въ газетѣ въ спискѣ банкротовъ.

Всевозможныя пожертвованія, и подписки, и....- всего не перечислишь — посыпались на бѣднягу, который былъ очень удрученъ потерей денегъ и въ теченіе трехъ или четырехъ дней расхаживалъ по улицамъ и рвалъ на себѣ волосы съ такимъ отчаяннымъ видомъ, что многіе боялись, какъ бы онъ не наложилъ на себя рукъ. Однажды онъ прибѣгаетъ въ полицейскую контору и уединяется съ судьею, который, послѣ длиннаго разговора звонитъ въ колокольчикъ, призываетъ Джема Спайерса (Джемъ былъ одинъ изъ агентовъ) и приказываетъ ему пойти съ мистеромъ Чикуидомъ, помочь ему поймать обворовавшаго его человѣка. — «Я видѣлъ, Спайерсъ, — говоритъ Конкей:- какъ онъ вчера утромъ прошелъ мимо моего дома». — Что-же вы не сцапали его за шиворотъ? — спрашиваетъ Спайерсъ. — «Да я

былъ этимъ такъ ошеломленъ, что мнѣ можно былъ пробить башку зубочисткой, — отвѣчаетъ бѣдняга. Но мы его не упустимъ; вечеромъ между десятью и одиннадцатью онъ проходилъ опять». — Спайерсъ, услышавъ это, положилъ въ карманъ кое-какое чистое бѣлье и гребень, на случай, если ему придется продежурить дня два, отправился съ нимъ и сталъ у одного изъ оконъ трактира, спрятавшись за красной занавѣской и не снимая шляпы, чтобы быть готовымъ въ любой моментъ пуститься въ погоню. Былъ уже поздній вечеръ. Онъ курилъ свою трубку, какъ вдругъ Чикуидъ заоралъ:- «Вотъ онъ! Держи вора! Убійца!» Джемъ Спайерсъ кинулся на улицу и видать, какъ Чикуидъ жаритъ во всѣ лопатки не переставая кричать. Спайерсъ за нимъ. Чикуидъ летитъ себѣ, народъ оборачивается, кричитъ: «воры!» Чикуидъ самъ не перестаетъ надсаживаться, какъ очумѣлый. Спайерсъ на минуту теряетъ его изъ виду, когда онъ завернулъ за уголъ; прибѣгаетъ туда, видитъ — кучка народу; онъ расталкиваетъ: «который? гдѣ?» А Чикуидъ въ отвѣтъ:- «Ахъ, проклятый! Опять улизнулъ!» Замѣчательно, что вора уже нигдѣ не было видно, и пришлось вернуться въ трактиръ. На другое утро Спайерсъ занялъ прежнее мѣсто и

высматриваетъ опять изъ за занавѣски высокаго человѣка съ чернымъ пластыремъ на глазу, пока у него самаго глаза не заболѣли. Наконецъ онъ не удержался и закрылъ ихъ, чтобы отдохнутъ на минуту, а тутъ какъ разъ Чикуидъ снова завопилъ:- «Вотъ онъ! Держи!» Джемъ опять погнался, а Чикуидъ опередилъ его на полъ улицы, и, отмахавъ вдвое болѣе вчерашняго, опять потеряли негодяя! Еще раза два повторилась такая исторія и половина сосѣдей стала говорить, что мистера Чикуида обокралъ самъ дьяволъ и шутитъ теперь надъ нимъ, а другая половина утверждала, что бѣдный мистеръ Чикуидъ помѣшался съ горя.

— А что говорилъ Джемъ Спайерсъ? — спросилъ докторъ, воротившійся вскорѣ послѣ начала разсказа.

— Джемъ Спайерсъ, — продолжалъ агентъ:- долгое время не говорилъ ни слова, а прислушивался ко всему потихонечку, какъ подобаетъ мастеру своего дѣла. Но вотъ одинъ разъ онъ подходитъ утромъ къ прилавку и, вынувъ табакерку, говоритъ:- «Чикуидъ, я знаю теперь, кто совершилъ эту кражу». — «Неужели? — сказалъ Чикуидъ. — Ахъ, дорогой Спайерсъ, помогите мнѣ только отомстить, и я могу умереть спокойно! Ахъ, дорогой Спайерсъ, гдѣ этотъ негодяй?»

— «Ну, — отвѣтилъ Спанерсъ, предлагая ему табаку, — полно бобы разводить! Вы сами себя обокрали». Такъ оно и было; и онъ кромѣ того заработалъ на этомъ отлично, и никто не развѣдалъ бы этого, если бы онъ не перестарался въ приданіи дѣлу правдоподобности! — заключилъ мистеръ Блитерсъ, поставивъ рюмку на столъ и звякнувъ кандалами.

— Любопытная исторія, — замѣтилъ докторъ. — Теперь, если угодно, пойдемъ наверхъ.

— Съ вашего разрѣшенія, сэръ, — отвѣтилъ Блэтерсъ, и оба агента поднялись по лѣстницѣ вслѣдъ за мистеромъ Лосберномъ, при чемъ шествіе открывалъ мистеръ Джайльсъ, несшій свѣчу.

Оливеръ дремалъ. Ему видимо стало хуже; лихорадка усилилась. Докторъ помогъ ему присѣсть на постели минуты на двѣ, и онъ смотрѣлъ на посѣтителей, не понимая окружающаго и, повидимому, забывъ, что съ нимъ и гдѣ онъ.

— Вотъ тотъ мальчикъ, — сказалъ дохторъ тихимъ, но внушительнымъ тономъ:- который былъ случайно раненъ, вслѣдствіе дѣтской неосторожной шалости тутъ въ сосѣднемъ паркѣ и, когда пришелъ за помощью въ этотъ домъ, то былъ схваченъ и подвергся неосторожному

обращенію со стороны этого догадливаго господина, который держитъ свѣчу; благодаря его образу дѣйствій жизни мальчика угрожаетъ значительная опасность, что я, какъ врачъ, могу утверждать.

Г г. Блэтерсъ и Деффъ, взглянули на мистера Джайльса, рекомендованнаго имъ въ такихъ выраженіяхъ. Смущенный дворецкій переводилъ взглядъ съ нихъ на Оливера, а съ Оливера на мистера Лосберна, олицетворяя собою самое забавное смѣшеніе страха и растерянности.

— Я думаю, что вы не станете отрицать этого? — сказалъ докторъ, осторожно укладывая Оливера.

— Это было сдѣлано... съ благою цѣлью, сэръ, — отвѣтилъ Джайльсъ. — Право, я думалъ, что это тотъ самый мальчикъ, иначе я не тронулъ бы его. Во мнѣ тоже есть жалость, сэръ.

— Вы думали, что это какой мальчикъ? — спросилъ старшій агентъ.

— Мальчикъ разбойниковъ, сэръ. У нихъ... у нихъ былъ безъ сомнѣнія мальчикъ.

— Ну? А теперь вы думаете ли это? — спросилъ Блэтерсъ.

— Думаю, что, сэръ? — Джайльсъ растерянно смотрѣлъ на вопрошавшаго.

— Думаете ли вы, что это тотъ самый мальчикъ,

глупые ваши мозги? — нетерпѣливо произнесъ Блэтерсъ.

— Не знаю... право, не знаю, — отвѣтилъ Джайльсъ съ плачевнымъ видомъ:- я не могъ бы присягнуть...

— Что мое вы думаете?

— Просто не знаю, что думать, — сказалъ бѣдный Джайльсъ. — Я не думаю, что это тотъ мальчикъ. Я даже почти думаю, что это не онъ. Вы знаете, что это не можетъ быть онъ.

— Что, этотъ человѣкъ пьянъ? — обратился Блэтерсъ къ доктору.

— Экое вы чучело, просто на рѣдкость! — съ величественнымъ презрѣніемъ сказалъ мистеру Джайльсу Деффъ.

Во время этого краткаго діалога мистеръ Лосбернъ изслѣдовалъ пульсъ больного. Теперь онъ поднялся со стула и замѣтилъ агентамъ, что если у нихъ возникаютъ по этому поводу какія либо сомнѣнія, то они, можетъ быть, пройдутъ въ слѣдующую комнату и допросятъ Бриттльса.

Слѣдуя этому совѣту, они отправились въ смежную комнату, гдѣ Бриттльсъ, будучи призванъ, запуталъ себя и своего почтеннаго патрона въ такую удивительную сѣть новыхъ противорѣчій и невозможностей, что его объясненія не про-

лили свѣта ни на одно обстоятельство, кромѣ факта его собственнаго незнанія. Единственное, что удалось выудитъ, это то, что онъ не взялся бы распознать настоящаго мальчика, если бы его сейчасъ поставили передъ нимъ; что онъ принялъ Оливера за него, потому что такъ сказалъ мистеръ Джайльсъ; и что нѣсколько минутъ тому назадъ мистеръ Джайльсъ признавался на кухнѣ, что онъ начинаетъ бояться, не поступилъ ли онъ слишкомъ поспѣшно.

Среди другихъ остроумныхъ догадокъ возникъ тогда вопросъ, дѣйствительно ли попалъ въ кого-нибудь мистеръ Джайльсъ, и по изслѣдованіи другого пистолета, подобнаго тому, изъ котораго онъ стрѣлялъ, оказалось, что въ немъ не было иного смертельнаго матерьяла, кромѣ пороха и пыжа. Открытіе это произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ, за исключеніемъ доктора, который незадолго передъ тѣмъ вынулъ пулю. Глубже всѣхъ поразило оно самого мистера Джайльса, котораго въ теченіи нѣсколькихъ часовъ уже мучило опасеніе, что онъ смертельно ранилъ одного изъ ближнихъ, и онъ теперь съ радостью ухватился за возможность стряхнуть съ себя такое бремя. Въ концѣ концовъ агенты, не особенно безпокоясь объ Оливерѣ, оставили чертсейскаго

констэбля въ домѣ, а сами отправились ночевать въ городъ, обѣщавъ вернуться на другое утро.

А на другое утро разнесся слухъ, что въ Кингстонѣ забрали въ тюрьму двухъ мужчинъ и мальчика, арестованныхъ при подозрительныхъ обстоятельствахъ. Мистеры Блэтерсъ и Деффъ отправились поэтому въ Кингстонъ. Однако по разслѣдованіи оказалось, что подозрительныя обстоятельства заключались только въ томъ, что людей нашли спящими подъ стогомъ сѣна, каковая провинность, несмотря на всю ея тяжесть, наказуется только тюремнымъ заключеніемъ, и съ точки зрѣнія англійскихъ законовъ, столь любвеобильныхъ по отношенію ко всѣмъ подданнымъ короля, не считается, при отсутствіи прочихъ уликъ, достаточнымъ доказательствомъ, что спавшій или спавшіе совершили кражу, сопровождавшуюся насиліемъ, и за это подлежатъ смертной казни. И мистеры Блэтерсъ и Деффъ вернулись ни съ чѣмъ.

Послѣ нѣсколькихъ новыхъ допросовъ и еще большихъ разговоровъ мѣстный судья взялъ съ мистриссъ Мэйли и мистера Лосберна совмѣстную подписку, что Оливеръ при первомъ требованіи предстанетъ передъ лицомъ властей, а гг. Блэтерсъ и Деффъ, вознагражденные

парой гиней, вернулись въ Лондонъ, разойдясь во мнѣніяхъ о предметѣ своей экспедиціи: послѣдній джентльменъ, зрѣло обсудивъ всѣ обстоятельства, склонялся къ убѣжденію, что виновникомъ покушенія является Петъ, тогда какъ первый былъ расположенъ приписать всю заслугу взлома великому мистеру Конкею Чикуиду.

Оливеръ между тѣмъ постепенно оживалъ и выздоравливалъ, благодаря общимъ заботамъ мистриссъ Мэйли, Розы и добраго мистера Лосберна. Если пламенныя молитвы, возносящіяся изъ обильныхъ благодарностію сердецъ, слышны на небѣ, - а къ чему были бы молитвы, если бы онѣ не были слышны? — то благословенія, призывавшіяся на этихъ людей сиротою-мальчикомъ, должны были осѣнить ихъ души, наполнивъ ихъ миромъ и счастіемъ.

XXXII. Глава о счастливой жизни, которая началась для Оливера среди его добрыхъ друзей

Болѣзнь Оливера однако была не пустяшная, и онъ немало помучился. Въ добавленіе къ страданіямъ перебитой руки явилась лихорадка, какъ слѣдствіе того, что ему пришлось нѣсколько часовъ проваляться въ холодѣ и сырости; это недомоганіе длилось нѣсколько недѣль и сильно изнурило его. Но наконецъ онъ началъ медленно поправляться, и иногда со слезами на глазахъ говорилъ, какъ глубоко онъ чувствуетъ доброту ухаживающихъ за нимъ, и какъ онъ горячо надѣется, что, ставъ бодрымъ и здоровымъ опять, онъ сможетъ сдѣлать что нибудь для доказательства своей благодарности — что нибудь такое, въ чемъ они увидѣли бы любовь и преданность, наполняющія его сердце, что нибудь, хотя бы и самое незначительное, но могущее ихъ убѣдить, что добросердечіе не затрачено ими понапрасну, но что бѣдный мальчикъ, котораго ихъ милосердіе спасло отъ гибельной обстановки и быть можетъ отъ смерти, всѣмъ сердцемъ и всей ду-

шой желаетъ служить имъ.

— Бѣдняжка! — сказала Роза, когда однажды Оливеръ старался пролепетать безкровными губами слова благодарности. — Если тебѣ этого хочется, то тебѣ еще представится много случаевъ быть намъ полезнымъ. Мы поѣдемъ на дачу и тетя рѣшила взять и тебя. Спокойная мѣстность, чистый воздухъ и всѣ наслажденія и красоты весны возстановятъ твои силы въ нѣсколько дней. Мы будемъ давать тебѣ сотни порученій, лишь бы это тебя не безпокоило.

— Это не будетъ меня безпокоить! Ахъ, дорогая леди, если бы только я могъ трудиться ради васъ! Если бы я могъ доставлять вамъ удовольствіе, поливая ваши цвѣты, или присматривая за вашими птичками, или бѣгая цѣлый день, чтобы сдѣлать васъ радостной — чего бы я не далъ за это!

— Тебѣ ничего не придется отдавать, — улыбнулась миссъ Мэйли:- потому что, какъ я уже сказала, мы будемъ возлагать на тебя сотни порученій, и если ты приложишь хотъ половину того старанія, которое обѣщаешь, то ты доставишь мнѣ дѣйствительно большую радость.

— Радость? — вскричалъ Оливеръ. — Какая вы добрая, что говорите это!

— Да, я даже не могу выразить тебѣ, какое

счастье ты мнѣ можешь доставить, — отвѣтила молодая дѣвушка. — Мысль, что моя дорогая добрая тетя спасла кого бы то ни было отъ того ужаса, который ты описалъ намъ, — такая мысль неизъяснимо пріятна мнѣ; но сознаніе, что тотъ, кому оказана ея доброта и состраданіе, обнаружилъ искреннюю благодарность и привязанность, — доставляетъ мнѣ такой восторгъ, какого ты не можешь и вообразить. Понялъ ли ты меня? — спросила она, всматриваясь въ задумчивое лицо Оливера.

— О да, миссъ! — съ живостью отвѣтилъ Оливеръ. — Но сейчасъ я думалъ о томъ, какой я неблагодарный.

— По отношенію къ кому?

— Къ доброму господину и милой старушкѣ, которые были такъ заботливы ко мнѣ; если бы они знали, какъ я счастливъ, они, я увѣренъ, обрадовались бы.

— Конечно, — сказала благодѣтельница Оливера. — Мистеръ Лосбернъ былъ такъ добръ, что обѣщалъ, какъ только ты достаточно окрѣпнешь, чтобы вынести путешествіе, — повезти тебя повидаться съ ними.

— Въ самомъ дѣлѣ? — и лицо Оливера просіяло. — Я просто не знаю, что сдѣлаю отъ радости,

когда опять увижу ихъ милыя лица!

Вскорѣ Оливеръ былъ уже настолько бодръ, что могъ выдержать утомленіе, сопряженное съ поѣздкой въ Лондонъ, и однажды утромъ онъ и мистеръ Лосбернъ покатили въ небольшой каретѣ, принадлежащей мистриссъ Мэйли. Когда они подъѣхали къ Чертсейскому мосту, Оливеръ вдругъ поблѣднѣлъ и громко вскрикнулъ.

— Что съ тобой мальчикъ? — всполошился докторъ. — Ты что нибудь увидѣлъ?.. услышалъ?... тебѣ больно?... а?

— Вотъ, сэръ! — сказалъ Оливеръ, указывая въ окно кареты:- этотъ домъ!

— Ну, домъ? Что же? Стой, кучеръ! Подъѣзжай туда! — крикнулъ докторъ. — Ну, такъ что же это за домъ?

— Воры... они приводили меня въ этотъ домъ! — прошепталъ Оливеръ.

— Чортъ возьми! Эй! помогите мнѣ выйти!

Но прежде чѣмъ кучеръ успѣлъ соскочить съ козелъ, докторъ уже вылетѣлъ какимъ то способомъ изъ кареты и, подбѣжавъ къ пустынному строенію, началъ колотить ногою въ дверь.

— Ну? — спросилъ низенькій, горбатый и безобразный человѣкъ, открывшій дверь съ такой внезапностью, что докторъ, нанесшій въ

этотъ моментъ особенно сильный ударъ, едва не полетѣлъ кувыркомъ въ открывшійся проходъ. — Въ чемъ дѣло?

— Дѣло! — повторилъ докторъ, немедленно схватывая горбуна за шиворотъ. — Много дѣла. Дѣло въ грабежѣ!

— Кажется, дѣло будетъ и въ убійствѣ, - невозмутимо отвѣтилъ тотъ:- если вы не выпустите меня. Слышите?

— Слышу, — отвѣтилъ докторъ, сильно встряхивая плѣнника. — Гдѣ... чортъ его возьми, какъ его звать то! Да... вспомнилъ! Гдѣ Сайксъ?.. Гдѣ Сайксъ? отвѣчай мошенникъ!

Горбунъ выпучилъ глаза, какъ бы изумленный и негодующій. Затѣмъ, ловко вывернувшись изъ рукъ доктора, онъ началъ сыпать ужаснѣйшей руганью и отступилъ въ домъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ запереть дверь, докторъ, безъ всякихъ разговоровъ, вошелъ за нимъ въ первую комнату и осмотрѣлся. Ни одинъ предметъ изъ мебели, ни одинъ изъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ признаковъ, ни даже мѣстоположеніе шкафовъ не соотвѣтствовало разсказу Оливера!

— Ну! — сказалъ горбунъ, зорко наблюдавшій за докторомъ:- что это значитъ, что вы насильно врываетесь въ мой домъ? Хотите вы ограбить

меня или убить? Что изъ двухъ?

— Да гдѣ же ты видѣлъ, старый вампиръ, чтобы этимъ занимались тѣ, кто ѣздятъ въ каретѣ запряженной парой? — вскричалъ вспыльчивый докторъ.

— Ну, такъ что же вамъ нужно? — спросилъ горбунъ. — Уберетесь ли вы, пока я не угостилъ васъ хорошенько? Провалитесь вы!

— Уйду, когда захочу, — сказалъ мистеръ Лосбернъ, заглядывая въ другую комнату, которая тоже не напоминала ничѣмъ описаніе Оливера. — Ужъ я, пріятель, доберусь до тебя когда нибудь.

— Въ самомъ дѣлѣ? — усмѣхнулся уродъ. — Если я вамъ нуженъ, вотъ я передъ вами. Не для того я прожилъ здѣсь, одинокій и спятившій съ ума, двадцать пять лѣтъ, чтобы вы приходили стращать меня. Вы за это заплатите, вы за это заплатите! — и безобразный маленькій демонъ завизжалъ и началъ плясать, словно въ припадкѣ безумія.

— Глупая исторія, — пробормоталъ про себя докторъ. — Мальчикъ значитъ ошибся. Эй, возьми! Положи это себѣ въ карманъ и замкнись снова.

Съ этими словами онъ швырнулъ горбуну мо-

нету и вернулся къ каретѣ. Тотъ тоже подошелъ вслѣдъ за нимъ, не переставая произносить самыя безумныя проклятія, и, когда мистеръ Лосбернъ обратился къ кучеру, онъ заглянулъ въ дверцу кареты и бросилъ на Оливера такой острый и дикій и въ то же время свирѣпый и мстительный взглядъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Оливеръ все еще не могъ забыть его, во снѣ или наяву. Онъ не прекращалъ своихъ проклятій, пока кучеръ не занялъ вновь своего мѣста; и когда они тронулись въ путь, то долго еще могли видѣть, какъ онъ на томъ же мѣстѣ топаетъ ногами и рветъ на себѣ волосы въ припадкѣ настоящаго или притворнаго бѣшенства.

— Я оселъ! — произнесъ докторъ послѣ долгаго молчанія. — Зналъ ли ты это раньше, Оливеръ?

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ запомни это хорошенько, — Да, оселъ, — повторилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ. — Даже если бы это было то самое мѣсто и здѣсь оказались бы тѣ именно люди — что я могъ бы подѣлать одинъ? Да и будь у меня помощники я все таки ничего не добился бы и только поставилъ бы себя въ непріятное положеніе, такъ какъ волей-неволей обнаружилось бы, что я замолчалъ это дѣло. Впрочемъ, это было бы для меня

полезно. Я всегда запутываюсь въ какую нибудь исторію, когда повинуюсь минутному порыву. Это былъ бы для меня хорошій урокъ.

На самомъ же дѣлѣ милый докторъ всю свою жизнь только и повиновался минутнымъ порывамъ, немалую похвалу которымъ можно было видѣть въ томъ, что онъ, не запутываясь въ какія либо серьезныя непріятности или неудачи, пользовался самымъ горячимъ уваженіемъ и любовью со стороны всѣхъ знавшихъ его. Говоря по правдѣ, онъ былъ немного раздосадованъ — на минуту или на двѣ — тѣмъ, что ему не удалось найти подтвержденія разсказа Оливера какъ разъ при первомъ случаѣ, когда такое подтвержденіе могло представиться. Однако его чувства скоро улеглись и такъ какъ отвѣты Оливера на его возобновленные разспросы оказались попрежнему ясными и связными и звучали такъ же искренно и правдиво, какъ и раньше, то онъ твердо рѣшилъ съ этой минуты вполнѣ вѣрить его словамъ.

Оливеръ зналъ названіе улицы, гдѣ жилъ мистеръ Броунлоу, и они сразу туда поѣхали. Когда карета повернула въ эту улицу сердце Оливера забилось такъ быстро, что онъ едва переводилъ дыханіе.

— Ну, мальчикъ, который же домъ? — спросилъ мистеръ Лосбернъ.

— Вонъ тотъ, тотъ! — вскричалъ Оливеръ, съ нетерпѣніемъ указывая въ окно:- бѣлый домъ! Ахъ, поскорѣе! Пожалуйста, поскорѣе! Мнѣ кажется, что я сейчасъ умру — это такъ волнуетъ меня!

— Полно полно, — сказалъ докторъ, похлопавъ его по плечу. — Сію минуту ты ихъ увидишь, и они придутъ въ восторгъ, узнавъ, что ты невредимъ и здоровъ.

— Ахъ, я надѣюсь на это! Они были такъ добры ко мнѣ.... такъ безпредѣльно добры!

Карета подъѣхала, остановилась. Нѣтъ, это не тотъ домъ! Слѣдующій подъѣздъ. Карета проѣхала еще нѣсколько шаговъ и остановилась снова. Оливеръ окинулъ взглядомъ окна, между тѣмъ, какъ слезы радостнаго ожиданія катились по его щекамъ.

Увы! Бѣлый домъ пустовалъ и на окнѣ былъ приклеенъ билетикъ: «сдается».

— Постучимся у слѣдующаго подъѣзда, — воскликнулъ докторъ, взявъ Оливера за руку. — Не знаете ли вы, что случилось съ мистеромъ Броунлоу, который жилъ въ смежномъ домѣ?

Служанка не знаетъ, но она пойдетъ и разс-

проситъ. Вотъ она возвратилась и сообщила, что мистеръ Броунлоу продалъ свои вещи и отправился шесть недѣль тому назадъ въ Вестъ Индію. Оливеръ всплеснулъ руками и слабо отшатнулся назадъ.

— И его экономка съ нимъ поѣхала? — спросилъ мистеръ Лосбернъ послѣ паузы.

— Да, сэръ, — отвѣтила служанка:- старый господинъ, экономка и другой господинъ, другъ мистера Броунлоу, — всѣ уѣхали вмѣстѣ.

— Тогда поѣзжайте домой, — сказалъ мистеръ Лосбернъ кучеру:- и не переставайте стегать лошадей, пока мы не выѣдемъ изъ этого проклятаго Лондона!

— А книготорговецъ, сэръ? — возразилъ Оливеръ. — Я знаю дорогу туда. Поѣдемъ къ нему, сэръ! Пожалуйста, поѣдемъ!

— Нѣтъ, бѣдный мальчикъ, на сегодня и такъ довольно разочарованій, — отвѣтилъ докторъ. — Совершенно довольно на насъ обоихъ. Если мы заѣдемъ къ книготорговцу, мы узнаемъ непремѣнно, что онъ или умеръ, или сжегъ свою лавку, или скрылся, неизвѣстно куда. Нѣтъ; ѣдемъ прямо домой!

И, согласно волѣ доктора, они покатили домой.

Это горькое разочарованіе доставило Оливеру

немало огорченія и печали, даже среди его счастья. Онъ столько разъ въ теченіи своей болѣзни мечталъ о томъ, что скажутъ ему мистеръ Броунлоу и мистриссъ Бедуинъ, мечталъ какое это будетъ наслажденіе — разсказать имъ, сколько длинныхъ дней и ночей онъ провелъ, вспоминая ихъ доброту и оплакивая свою жестокую разлуку съ ними. Надежда на то, что ему удастся разъяснить имъ все и сообщить, какъ его насильно увели, не покидала и одушевляла его во время его недавнихъ испытаній. Мысль, что они уѣхали такъ далеко, продолжая считать его обманщикомъ и воромъ — что, можетъ быть, такъ и останется не опровергнутымъ до самой его смерти — такая мысль почти превосходила все, что онъ въ состояніи былъ перенести.

Однако, эта неудача ничуть не повліяла на отношеніе къ нему его друзей. Недѣли черезъ двѣ, когда началась чудная теплая погода, и каждое дерево, каждый цвѣтокъ стали распускать свои молодые листья и пышные цвѣты, начались приготовленія къ отъѣзду изъ Чертсея на нѣсколько мѣсяцевъ. Серебро, такъ сильно искушавшее корыстолюбіе Феджина, было послано на сохраненіе въ банкъ, и, оставивъ Джайльса и еще одного слугу сторожить домъ, друзья Оли-

вера вмѣстѣ съ нимъ переѣхали въ коттеджъ, отстоявшій на нѣкоторомъ разстояніи въ дачной мѣстности.

Кто можетъ описать удовольствіе и восхищеніе, душевную невозмутимость и нѣжное спокойствіе, ожидавшія больного мальчика среди благотворнаго воздуха, зеленыхъ холмовъ и густыхъ рощъ деревни! Кто сумѣетъ пересказать, какъ глубоко картины мира и безмятежности западаютъ въ души измученныхъ жителей тѣсныхъ и шумныхъ мѣстъ и какъ на ихъ истомленныхъ сердцахъ запечатлѣвается свѣжесть этихъ сценъ! Тѣ, кто жили въ тѣсныхъ и многолюдныхъ улицахъ, запятые непрерывнымъ трудомъ и никогда не искали перемѣны, для кого привычка дѣйствительно сдѣлалась второй натурой и они почти дорожатъ каждымъ кирпичемъ и камнемъ, изъ которыхъ воздвигнуты преграды ихъ ежедневнымъ прогулкамъ, — даже и они, когда уже чувствовали надъ собою десницу смерти, проникались, бывало, жаждою увидѣть хоть вскользь лицо природы и, увезенные далеко отъ мѣстъ своихъ прежнихъ страданій и наслажденій, казалось, вдругъ переживали новую ступень бытія. Съ трудомъ выползая изо дня въ день на какую нибудь пригрѣваемую солнцемъ

лужайку, они отдавались воспоминаніямъ, вызывавшимся въ нихъ видомъ неба, холмовъ и долинъ и серебрящейся воды — и предвкушеніе небесной жизни смягчало ихъ быстрое увяданіе, и они такъ же мирно поникали въ свою могилу, какъ солнце, закатъ котораго они за немного часовъ передъ тѣмъ созерцали изъ окна своей уединенной комнаты. Воспоминанія, пробуждаемыя мирной сельской обстановкою, не относятся къ здѣшнему міру, къ его мыслямъ и надеждамъ. Ихъ кроткое вліяніе можетъ, правда, научить насъ сплетать свѣжія гирлянды для могилъ тѣхъ, кого мы любили, можетъ облагораживать наши мысли и прогонять прежнюю вражду и ненависть; но за всѣмъ этимъ таится, даже въ самой неглубокой душѣ, смутное и неопредѣленное сознаніе, что такія чувства когда-то очень давно насъ уже посѣщали, въ какое то далекое, далекое время — и такое сознаніе порождаетъ высокія мысли о другихъ далекихъ будущихъ временахъ, и покоряетъ гордость и суетность.

Мѣстность, куда они поѣхали, была очаровательна. Оливеръ, жившій раньше въ грязныхъ трущобахъ, среди гама и пьяныхъ криковъ, началъ, казалось, сызнова жить. Розы и каприфоліи окружали стѣны коттэджа, плющъ обвивалъ

стволы деревьевъ, а цвѣты на клумбахъ наполняли воздухъ сладостнымъ ароматомъ. Неподалеку находилось небольшое кладбище, не загроможденное высокими, мрачными надгробными плитами, но усѣянное скромными земляными холмиками, которые были покрыты свѣжимъ дерномъ и мхомъ; подъ ними покоились деревенскіе старики. Оливеръ часто гулялъ здѣсь и, думая о жалкой могилѣ, гдѣ лежитъ его мать, присаживался иногда и, никѣмъ невидимый, рыдалъ. Но поднимая глаза къ раскинувшемуся надъ нимъ глубокому небу, онъ переставалъ представлять ее себѣ лежащей въ землѣ и плакалъ по ней, грустно, но безъ тяжести на сердцѣ.

Это было счастливое время. Дни были безмятежные и ясные, а наступавшія ночи не приносили съ собой ни страха, ни заботъ, не угрожали ужасной тюрьмой и не окружали его преступными людьми; они навѣвали только пріятныя и счастливыя мысли. Каждое утро онъ ходилъ къ старому сѣдому господину, который жилъ вблизи церкви; онъ училъ его читать и писать и обращался съ нимъ съ такой добротой и такъ заботливо, что Оливеръ прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы доставить ему удовольствіе своими успѣхами. Потомъ онъ гулялъ съ мистриссъ Мэй-

ли и Розой и слушалъ, какъ онѣ разговариваютъ о книгахъ, или садился рядомъ съ ними гдѣ нибудь въ тѣни и внималъ молодой дѣвушкѣ, читавшей вслухъ, и готовъ былъ бы просидѣть такъ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ настолько, что нельзя уже разбирать буквы. Потомъ онъ готовилъ уроки къ слѣдующему дню, прилежно занимаясь въ своей комнаткѣ, выходившей окнами въ садъ; а когда медленно надвигался вечеръ, леди опять отправлялись на прогулку, и онъ шелъ тоже съ ними, съ удовольствіемъ прислушиваясь къ ихъ разговору.

Какъ онъ былъ счастливъ, если имъ хотѣлось сорвать цвѣтокъ, за которымъ надо было взобраться на пригорокъ, или если онѣ что нибудь забывали, за чѣмъ онъ могъ сбѣгать домой! Эти порученія онъ исполнялъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ. Когда становилось совсѣмъ темно, они возвращались домой и молодая дѣвушка садилась за піанино и играла какую нибудь пріятную мелодію или пѣла тихимъ и нѣжнымъ голосомъ одну изъ любимыхъ тетею старыхъ пѣсенъ. При этомъ не зажигали свѣчей, и Оливеръ садился у окна, слушая нѣжную музыку и весь отдавшись тихому восторгу.

А когда наступало воскресенье, то какъ этотъ

день проводился непохоже на то, къ чему онъ привыкъ раньше! И какой это былъ счастливый день, подобно всѣмъ остальнымъ днямъ этого счастливѣйшаго времени! Утромъ — маленькая церковь, за окнами которой трепещутъ зеленые листья, снаружи поютъ птицы и напоенный сладкимъ ароматомъ воздухъ льется сквозь низенькій входъ, наполняя благоуханіемъ скромный храмъ. Бѣдный людъ бывалъ такъ чисто и опрятно одѣтъ, такъ благоговѣйно преклонялъ колѣни въ молитвѣ, что, казалось, посѣщеніе церкви для нихъ не тягостный домъ, а удовольствіе; и хотя пѣніе было грубовато, можетъ быть, но зато искренне и звучало мелодичнѣе (для слуха Оливера, но крайней мѣрѣ), чѣмъ какое либо слышанное имъ въ церкви прежде. Послѣ этого опять начинались прогулки, какъ обыкновенно, и посѣщенія чистыхъ домиковъ трудящагося люда. Вечеромъ Оливеръ прочитывалъ вслухъ главу или двѣ изъ Библіи, подготовившись къ этому за недѣлю и испытывая при исполненіи этой обязанности такую гордость и удовольствіе, какъ будто онъ самъ былъ священникомъ.

Утромъ въ шесть часовъ Оливеръ уже былъ на ногахъ, отправлялся бродить по полямъ и опустошалъ лужайки вдоль и поперекъ, выискивая

дикіе цвѣты для букетовъ, нагруженный которыми онъ возвращался домой. Затѣмъ надо было приложить немало заботъ и осмотрительности, чтобы наилучшимъ образомъ сочетать цвѣты для украшенія стола къ утреннему завтраку. Оливеръ не забывалъ принести для птицъ миссъ Мэйли и желтаго крестовника, которымъ онъ, изучивъ это дѣло подъ руководствомъ деревенскаго причетника, изящно украшалъ клѣтки. Принарядивъ такимъ образомъ птичекъ на цѣлый день, онъ обыкновенно отправлялся въ деревню выполнить какое нибудь небольшое порученіе благотворительнаго характера; если не это, то иногда случалось ему поиграть на лужайкѣ въ крикетъ или вообще находилось какое нибудь занятіе въ саду и среди цвѣтовъ, которымъ Оливеръ (изучая и эту науку у того же руководителя, который былъ садовникъ по спеціальности) охотно посвящалъ свое вниманіе. А когда наконецъ появлялась миссъ Роза, то онъ получалъ тысячи похвалъ за все, что сдѣлалъ.

Такъ промчались три мѣсяца, которые и въ жизни самаго благословеннаго и окруженнаго довольствомъ смертнаго показались бы настоящимъ счастьемъ, а въ жизни Оливера и подавно были сплошнымъ блаженствомъ. При самомъ

чистомъ и сердечномъ великодушіи, съ одной стороны, и самой искренней, горячей, глубоко прочувствованной благодарности — съ другой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что къ концу этого короткаго періода Оливеръ Твистъ совершенно свыкся съ старой дамой и ея племянницей, и что пылкая привязанность его молодого и тонко чувствовавшаго сердца находила отвѣтъ въ ихъ любви и въ ихъ гордости своимъ питомцемъ.

XXXIII. Глава, въ которой счастье Оливера и его друзей вдругъ омрачается

Быстро протекла весна и наступило лѣто. Если деревня и сначала была красива, то теперь она предстала въ полномъ блескѣ и пышности своего расцвѣта. Высокія деревья, стоявшія унылыми и оголенными въ болѣе ранніе мѣсяцы, одушевились теперь бодрой жизнью и силой и, простерши свои зеленыя вѣтви надъ высохшей землей, превратили открытыя и пустыя мѣста въ прелестные уголки, гдѣ была глубокая и пріятная тѣнь, и откуда такъ хорошо было созерцать залитую солнцемъ широкую даль. Земля облачилась въ свой ярко зеленый плащъ и разливала кругомъ опьяняющее благоуханіе. Это было самое лучшее и бодрое время года; все радовалось и благоденствовало.

Въ маленькомъ коттэджѣ продолжалась та же тихая жизнь, и надъ его обитателями вѣяла та же веселая невозмутимость. Оливеръ сильно окрѣпъ и поздоровѣлъ, но здоровье или недугъ не оказывали вліянія на его теплыя чувства къ

окружавшимъ его, какъ это часто бываетъ съ чувствами многихъ людей. Онъ былъ такимъ же кроткимъ, привязаннымъ, любящимъ существомъ, какъ тогда, когда страданіе и недугъ истощили его силы и когда онъ весь былъ въ зависимости отъ заботливости и вниманія со стороны ухаживавшихъ за нимъ.

Въ одинъ очаровательный вечеръ они гуляли дольше обыкновеннаго, такъ какъ послѣ жаркаго дня свѣтилъ такой красиво сверкающій мѣсяцъ и такъ пріятно освежалъ легкій вѣтерокъ, что не хотѣлось уходить домой. Роза была очень весела, и они все шли впередъ, пока не зашли далеко за предѣлы обычныхъ прогулокъ, все время оживленно бесѣдуя. Мистриссъ Мэйли почувствовала усталость, и они медленно двинулись домой. Молодая дѣвушка по возвращеніи сбросила свою простенькую шляпу и, какъ обыкновенно, сѣла за піанино. Разсѣянно перебирая клавиши въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, она сразу перешла къ тихой и торжественной аріи, и вдругъ мистриссъ Мэйли и Оливеръ услышали, что она плачетъ.

— Роза, дорогая моя! — воскликнула старая дама.

Роза не отвѣчала, но заиграла нѣсколько быстрѣе, какъ будто обращенныя къ ней слова пробу-

дили ее отъ какихъ то мучительныхъ мыслей.

— Роза, сердце мое! — сказала мистриссъ Мэйли, вскакивая съ мѣста и наклоняясь надъ ней. — Что это? Ты вся въ слезахъ! Чѣмъ ты огорчена, дитя?

— Ничѣмъ, тетя, ничѣмъ, — отвѣтила дѣвушка. — Я не знаю, что это. Я не могу объяснить. Но я чувствую…

— Ты больна, дорогая?

— Нѣтъ, нѣтъ, я не больна! — отвѣтила Роза и задрожала, какъ будто во время этихъ словъ ее охватилъ смертный холодъ. — Мнѣ сейчасъ будетъ лучше. Пожалуйста, закройте окно.

Оливеръ поспѣшно исполнилъ ея просьбу. Молодая дѣвушка, стараясь снова быть веселой, начала болѣе жизнерадостную мелодію; но ея пальцы безсильно остановились на клавишахъ. Закрывъ лицо руками, она упала на диванъ и дала волю слезамъ, которыхъ не могла уже остановить.

— Дитя мое! — сказала старая дама, обнимая ее:- я никогда не видѣла тебя такою.

— Я не хотѣла бы тревожить васъ, и надѣялась сдержать себя, — отвѣтила Роза, — но несмотря на всѣ усилія, мнѣ это не удалось. Я боюсь, что я, тетя, дѣйствительно больна.

Да, она была больна. Когда принесли свѣчи, то оказалось, что за короткое время, протекшее послѣ ихъ возвращенія, ея румянецъ смѣнился мраморной блѣдностью. Ея лицо было попрежнему прекрасно, но выраженіе измѣнилось; у нея появился тревожный, блуждающій взглядъ, раньше совершенно чуждый ей. Черезъ минуту щеки ея залились густымъ румянцемъ, а зрачки ея синихъ глазъ дико расширились. Затѣмъ это исчезло, какъ тѣнь, бросаемая быстрой тучкой, и она снова стала мертвенно блѣдной.

Оливеръ, съ безпокойствомъ посматривавшій на старую даму, замѣтилъ, что она встревожена этими болѣзненными проявленіями, и ея тревога передалась и ему. Но видя, что она старается скрыть это, онъ взялъ съ нея примѣръ и благодаря этому, когда Розу удалось убѣдитъ лечь спать, она была немного веселѣе и казалась даже болѣе здоровой, давъ имъ обѣщаніе, что она къ утру окончательно поправится.

— Я надѣюсь, — сказалъ Оливеръ, когда мистриссъ Мэйли, провожавшая Розу, возвратилась:- что нѣтъ ничего серьезнаго? Она нехорошо сегодня выглядитъ, но…

Старая дама сдѣлала ему знакъ молчанія и, сѣвъ въ темномъ углу комнаты, нѣкоторое время

не говорила ни слова. Наконецъ она произнесла съ трепетомъ въ голосѣ:

— Я надѣюсь на лучшее, Оливеръ. Я много лѣтъ была счастлива съ ней — быть можетъ, слишкомъ счастлива. Но можетъ настать время, когда я должна буду ждать несчастья. Однако, я надѣюсь, что на этотъ разъ оно еще минуетъ.

— Что? — спросилъ Оливеръ.

— Тяжелый ударъ, — отвѣтила старая дама, — утрата дорогой дѣвушки, которая такъ долго была моимъ утѣшеніемъ и счастьемъ.

— Ахъ!.. Да помилуетъ насъ Господь! — горячо воскликнулъ Оливеръ.

— Аминь, дитя мое! — произнесла старая дама, ломая руки.

— Но неужели можно опасаться такого страшнаго исхода? — спросилъ Оливеръ. — Вѣдь два часа тому назадъ она была совсѣмъ здорова.

— Теперь она очень больна и, я увѣрена, что ея состояніе ухудшится. Роза, дорогая Роза! Что я буду дѣлать, потерявъ ее!

Ея скорбь была такъ велика, что Оливеръ, подавивъ собственное волненіе, пытался успокоить ее и уговаривалъ ее призвать свое самообладаніе ради самой же молодой дѣвушки.

— Вспомните, сударыня, — говорилъ Оливеръ

сквозь слезы, невольно навертывавшіяся ему на глаза:- ахъ, вспомните, какъ она молода и добра, и какъ она заботится объ удовольствіи и спокойствіи другихъ. Я увѣренъ... твердо, твердо увѣренъ... что ради васъ — такой доброй тоже, и ради себя самой, и ради всѣхъ, кого она дѣлаетъ счастливыми — она не умретъ. Небо не позволитъ ей умереть такой молодой.

— Полно, — сказала мистриссъ Мэйли, положивъ руку на голову Оливера. — Ты разсуждаешь, какъ дитя, милый мальчикъ. Но все таки, ты напомнилъ мнѣ мой домъ, который я на мгновеніе забыла, — я надѣюсь, Оливеръ, что это мнѣ простительно, потому что я стара и видѣла на своемъ вѣку довольно болѣзней и смертей, чтобы знать, какъ мучительно утратить того, кого любишь. Я достаточно также испытала и для того, чтобы знать, что не всегда щадятся смертью самые молодые и самые лучшіе. — Но это должно утѣшать насъ въ нашей скорби, такъ какъ небо правосудно, и кто дастъ намъ увѣренность, что есть другой міръ, болѣе свѣтозарный, чѣмъ здѣшній, и что переходъ туда совершается быстро. Господи, да сбудется воля Твоя! Я люблю эту дѣвушку, и Ты знаешь, какъ горячо!

Оливеръ съ удивленіемъ слѣдилъ, какъ, произ-

неся эти слова, мистриссъ Мэйли какъ бы однимъ усиліемъ подавила свое горе и, выпрямившись, приняла спокойный и твердый видъ. Онъ еще болѣе изумлялся потомъ, видя, какъ длится ея непоколебимость и какъ при всѣхъ послѣдующихъ заботахъ и уходѣ за больной мистриссъ Мэйли мы на минуту не теряла своего присутствія духа и самообладанія, твердо и даже какъ бы радостно неся всѣ испытанія и обязанности. Но Оливеръ былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы знать, что можетъ совершить сильная воля въ дни бѣдствій. Да и какъ было бы знать это ему, когда сами обладатели такой воли рѣдко знаютъ о ней?

Наступила тревожная мочь. Утромъ оказалось, что предсказанія мистриссъ Мэйли вполнѣ оправдались. Роза переживала первые приступы сильной и опасной горячки.

— Мы должны быть дѣятельны, Оливеръ, а не предаваться безплодной скорби, — сказала мистриссъ Мэйли, приложивъ палецъ къ губамъ и пристально смотря ему въ лицо. — Надо, какъ можно скорѣе отправить это письмо къ мистеру Лосберну. Его надо отнести въ городокъ — онъ отстоитъ не болѣе, какъ на четыре мили, если идти тропинкой черезъ поля, — а оттуда отправить верхового гонца прямо въ Чертсей. Кто нибудь

изъ служащихъ въ харчевнѣ вызовется это исполнить, и я хотѣла бы, чтобы ты собственными глазами убѣдился, когда онъ поѣдетъ. Я знаю, что тебѣ можно это довѣрить.

Оливеръ не могъ произнести ни слова, но по его лицу было видно, что ему не терпится отправиться сейчасъ же.

— Вотъ другое письмо, — сказала мистриссъ Мэйли задумчиво. — Но я положительно не знаю, послать ли его сейчасъ или подождать, пока яснѣе обозначится ходъ болѣзни Розы. Я не хотѣла бы посылать его, разъ нѣтъ еще опасеній самаго худшаго.

— Оно тоже въ Чертсей, сударыня? — спросилъ Оливеръ, сгоравшій отъ желанія скорѣй выполнить порученіе и протягивая трепещущую руку за письмомъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила старая дама, машинально вручая ему запечатанный конвертъ, на которомъ онъ прочелъ, что письмо адресовано эсквайру Гарри Мэйли, въ имѣніе какого то знатнаго лорда, но въ какой мѣстности, онъ не могъ разобрать.

— Такъ отправить его, сударыня? — спросилъ Оливеръ.

— Нѣтъ, лучше не надо, — отвѣтила мистриссъ Мэйли, взявъ письмо назадъ:- я подожду до зав-

тра.

Съ этими словами она дала Оливеру свой кошелекъ и онъ, не задерживаясь больше, отправился въ путь самымъ поспѣшнымъ шагомъ, на какой онъ былъ способенъ.

Быстро мчался онъ по полямъ и временами раздѣлявшимъ ихъ небольшимъ дорожкамъ; то онъ почти скрывался въ высокой ржи, росшей по обѣимъ сторонамъ, то выныряльъ на открытое поле, гдѣ трудились косари и складывали стоги сѣна. Онъ только раза два-три останавливался, чтобы перевести дыханіе, на нѣсколько секундъ, и пришелъ на базарную площадь маленькаго городка разгоряченный и покрытый пылью.

Здѣсь онъ остановился и осмотрѣлся, ища глазами гостинницу. Онъ увидѣлъ бѣлое зданіе банка, красную пивоварню и желтую ратушу, а въ углу площади стоялъ большой домъ, всѣ деревянныя части котораго были выкрашены въ зеленое и на которомъ была вывѣска съ надписью «Георгъ». Къ этому дому онъ и поспѣшилъ, какъ только замѣтилъ его.

Онъ обратился къ дремавшему у воротъ почтальону, который, выслушавъ его, направилъ его къ конюху, а этотъ, тоже подробно выслушавъ, направилъ его къ самому трактирщику

— высокому джентльмену въ синемъ галстукѣ, бѣлой шляпѣ, темныхъ панталонахъ и сапогахъ съ отворотами, — который стоялъ у двери въ конюшню, прислонившись къ водокачкѣ и ковыряя въ зубахъ серебряной зубочисткой.

Этотъ джентльменъ весьма степенно отправился за прилавокъ, чтобы составить счетъ, на что потребовалось немало времени; когда онъ былъ готовъ и погашенъ, предстояло осѣдлать лошадь и человѣку надо было одѣться — на это ушло еще добрыхъ десять минутъ. Оливеръ между тѣмъ чувствовалъ такое нетерпѣніе и тревогу, что готовъ былъ бы самъ вскочить на лошадь и помчаться во весь опоръ до ближайшей станціи. Наконецъ, все было готово, пакетъ былъ переданъ гонцу съ усердными наставленіями и просьбами относительно его скорѣйшаго врученія, и всадникъ, давъ шпоры лошади, копыта которой звонко застучали по неровной мостовой базарной площади, вскорѣ былъ уже внѣ города и мчался галопомъ по большой дорогѣ.

Убѣдившись, что за помощью послано и что время не потеряно, Оливеръ съ болѣе легкимъ сердцемъ выбѣжалъ изъ постоялаго двора. Повернувъ изъ воротъ, онъ нечаянно наткнулся на высокаго человѣка, закутаннаго въ плащъ и

въ этотъ самый моментъ вышедшаго изъ двери гостинницы.

— А!.. — вскричалъ этотъ человѣкъ, вглядываясь въ Оливера и вдругъ отступивъ назадъ. — Чортъ возьми, что это?

— Извините меня, сэръ, — сказалъ Оливеръ:- я торопился домой и не замѣтилъ, какъ вы вышли.

— Проклятіе! — процѣдилъ неизвѣстный, не спуская съ мальчика своихъ большихъ черныхъ глазъ. — Кто бы подумалъ!.. Хоть разотри его въ порошокъ — онъ опять выпрыгнетъ изъ каменнаго гроба, чтобы стать мнѣ поперекъ дороги!

— Я очень сожалѣю, — пробормоталъ Оливеръ, смущенный дикимъ взглядомъ страннаго человѣка. — Надѣюсь, я не ушибъ васъ?

— Да чтобъ ты сгнилъ! — яростно проскрежеталъ тотъ сквозь стиснутые зубы. — Если бы у меня хватило смѣлости сказать слово, я избавился бы отъ тебя въ одну ночь. Проклятіе на твою голову и черную чуму тебѣ въ сердце, дьяволенокъ! Что тебѣ здѣсь надо?

Незнакомецъ потрясалъ кулакомъ, произнося эти несвязныя слова. Онъ подошелъ къ Оливеру, какъ бы намѣреваясь ударить его, но вдругъ рухнулъ на землю, корчась въ припадкѣ и испуская

изо рта пѣну.

Оливеръ одно мгновеніе смотрѣлъ на корчи сумасшедшаго, за котораго онъ принималъ этого человѣка, а затѣмъ побѣжалъ въ домъ за помощью. Подождавъ, пока его унесли въ гостинницу, онъ направился домой, торопясь изо всѣхъ силъ, чтобы наверстать потерянное время, и съ немалымъ удивленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ раздумывая о странномъ поведеніи незнакомца.

Однако это приключеніе было имъ вскорѣ забыто, такъ какъ, когда онъ вернулся въ коттэджъ, то тамъ оказалось вдоволь работы, чтобы вытѣснить всѣ размышленія о себѣ.

Роза Мэйли чувствовала себя хуже и хуже; къ полуночи она начала бредить. Мѣстный врачъ все время находился при ней. Какъ только онъ повидалъ больную, то отвелъ мистриссъ Мэйли въ сторону и сообщилъ, что болѣзнь чрезвычайно тревожнаго свойства. — «Честное слово», — сказалъ онъ, — «если она выживетъ, то это будетъ почти чудо».

Какъ часто въ теченіи этой ночи Оливеръ вскакивалъ съ постели и, осторожно поднявшись по лѣстницѣ, прислушивался къ малѣйшему шуму въ комнатѣ больной! Какъ часто его охватывала дрожь и лобъ его покрывался холоднымъ потомъ,

когда внезапная бѣготня заставляла его опасаться, что случилось именно то, о чемъ страшно было и подумать! И что такое была горячность его прежнихъ молитвъ въ сравненіи съ жаромъ его теперешнихъ отчаянныхъ и страстныхъ моленій о сохраненіи жизни и здоровья нѣжнаго юнаго существа, готоваго упасть въ мрачную разверстую могилу!

Ахъ! Что сравнится съ неизвѣстностью, съ страшной, мучительной неизвѣстностью, когда приходится праздно стоять въ сторонѣ, между тѣмъ какъ жизнь, горячо нами любимая, колеблется на вѣсахъ! Что сравнится съ пыткой тѣхъ думъ, что навязываются сами собой, и заставляютъ сердце мучительно биться, и стѣсняютъ дыханіе подъ властью вызываемыхъ ими образовъ; что сравнится съ безысходно тоскливой потребностью *что нибудь сдѣлать* для облегченія страданія, для уменьшенія опасности, съ которой мы безсильны бороться, — или съ упадкомъ настроенія и угнетеніемъ души при печальномъ сознаніи нашей безпомощности;- какія терзанія могутъ сравниться съ этими, какія размышленія или усилія воли могутъ смягчить ихъ!

Настало утро. Маленькій коттэджъ былъ тихъ и казался пустыннымъ. Разговаривали шепотомъ.

У входа появлялись озабоченныя лица; женщины и дѣти отходили въ слезахъ. Въ теченіи всего длиннаго дня и долго послѣ того, какъ стемнѣло, Оливеръ тихо гулялъ по саду взадъ и впередъ, поминутно подымая глаза къ комнатѣ больной и содрагаясь при видѣ темнаго окна — такого темнаго, какъ будто тамъ лежала смерть. Поздно вечеромъ пріѣхалъ мистеръ Лосбернъ.

— Какъ тяжело, — говорилъ добрый докторъ. — Такая молодая, такъ всѣми любимая!.. Но надежды очень мало!..

Новое утро. Солнце ярко свѣтило — такъ ярко, какъ будто оно не видѣло скорби и заботъ, и среди полнаго разцвѣта каждаго листа и цвѣтка, среди жизни, здоровья и звуковъ и зрѣлищъ радости, прекрасный юный ангелъ лежалъ и быстро таялъ. Оливеръ пробрался на старое кладбище и, сѣвъ на одинъ изъ зеленыхъ холмиковъ, плакалъ и молился о ней среди тишины.

Столько было мира и красоты вокругъ, столько блеска и радости въ залитомъ солнцемъ ландшафтѣ, такая слышалась веселая музыка въ пѣсняхъ лѣтнихъ птицъ, столько вольности было въ быстромъ полетѣ высоко несущихся грачей, столько было во всемъ жизни и веселья, что когда мальчикъ поднялъ заплаканные глаза и осмот-

рѣлся вокругъ, то ему пришла невольная мысль, что это не время для смерти, что не можетъ Роза умереть, когда низшія существа такъ радуются и что для рытья могилъ существуетъ зима, но не солнечное сіяніе. Онъ готовъ былъ думать, что и саваны предназначены только тѣмъ, что старъ и въ морщинахъ, и что никогда это страшное облаченіе не покрываетъ юныхъ и прекрасныхъ формъ.

Ударъ въ церковный колоколъ прервалъ эти дѣтскія размышленія. Вотъ опять! и еще! Это былъ погребальный звонъ. Кучка провожавшихъ поселянъ вошла въ ворота кладбища; у нихъ были приколоты бѣлые бантики, потому что покойникъ былъ молодъ. Съ обнаженными головами они стояли у могилы, и среди нихъ была мать, бывшая мать... А солнце свѣтило ярко и пташки пѣли.

Оливеръ пошелъ домой, вспоминая о добротѣ, которую оказывала ему молодая дѣвушка, и думая, какъ хорошо было бы, если бы опять вернулось то время, и онъ могъ бы непрерывно доказывать ей свою благодарность и преданность. Онъ не имѣлъ причины упрекнуть себя въ небреженіи или невниманіи, такъ какъ онъ никогда не упускалъ случая проявить свою без-

отчетную привязанность къ ней, и однако-же теперь вспоминались ему сотни мелкихъ случаевъ, въ которыхъ, казалось ему, онъ могъ бы выказать больше рвенія и серьезнаго старанія. Мы должны относиться къ окружающимъ съ возможно большимъ вниманіемъ, такъ какъ каждая смерть оставляетъ въ маленькомъ кругу близкихъ мысли о столь многомъ упущенномъ и столь маломъ сдѣланномъ, о столь многомъ забытомъ и о еще большемъ, что можно было бы исправить! Ни о чемъ не приходится такъ глубоко сожалѣть, какъ о томъ, что уже непоправимо; если мы хотимъ избавить себя отъ пытки такого сожалѣнія, то должны вспомнить объ этомъ, пока не поздно.

Когда онъ пришелъ домой, мистриссъ Мэйли сидѣла въ маленькой гостиной. При видѣ ея сердце Оливера упало, такъ какъ она ни разу не покидала еще постели своей племянницы, и онъ не рѣшался подумать, какая перемѣна заставила ее отойти. Она сказала ему, что Роза впала въ глубокій сонъ, отъ котораго она очнется либо, чтобы вернуться къ здоровью и жизни, либо, чтобы распроститься съ ними и умереть.

Они сидѣли, прислушиваясь и боясь говорить, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Нетронутый

обѣдъ былъ убранъ; взглядомъ, говорившимъ, что ихъ мысли летаютъ далеко, они смотрѣли, какъ солнце опускалось все ниже и ниже и какъ оно наконецъ разлило по небосводу и по землѣ тѣ сверкающія краски, которыя возвѣщаютъ его закатъ. Ихъ жадный слухъ уловилъ звукъ приближающихся шаговъ. Они оба неудержимо кинулись къ двери, когда вошелъ мистеръ Лосбернъ.

— Что съ Розой? — вскричала старая дама. — Скажите мнѣ сразу! Я могу вынести все, только не неизвѣстность! Ахъ, говорите, ради Неба!

— Успокойтесь, — сказалъ докторъ, поддерживая ее:- пожалуйста, не волнуйтесь, сударыня.

— Пустите меня къ ней, ради Бога! Дорогая дѣвочка! Она умерла! Она кончается!

— Нѣтъ! — горячо воскликнулъ докторъ. — Какъ несомнѣнны доброта и милосердіе Всевышняго, такъ вѣрно и то, что она будетъ жить, много лѣтъ еще доставляя намъ радость!

Старая дама упала на колѣни и хотѣла молитвенно сложить руки, но бодрость, такъ долго поддерживавшая ее, полетѣла къ небесамъ вмѣстѣ съ ея благодареніемъ, и она лишилась чувствъ.

XXXIV. Глава, въ которой на сцену появляется одинъ молодой джентльменъ, а также описывается новое приключеніе Оливера

Это было почти чрезмѣрное счастье. Радостная вѣсть ошеломила Оливера. Онъ не могъ ни плакать, ни говорить, ни отдыхать. Едва понимая происходящее вокругъ, онъ долго блуждалъ по полямъ среди тихаго вечерняго воздуха и наконецъ нашелъ себѣ облегченіе въ потокѣ вдругъ хлынувшихъ слезъ; тутъ въ немъ сразу пробудилось сознаніе радостной перемѣны и того невыносимо тоскливаго бремени, которое свалилось у него съ сердца.

Вечеръ уже быстро надвигался, когда онъ возвращался домой, нагруженный цвѣтами, которые онъ собиралъ на этотъ разъ съ особымъ тщаніемъ для украшенія комнаты Розы. Быстро шагая по дорогѣ, онъ услышалъ позади себя шумъ быстро мчавшейся коляски. Оглянувшись, онъ увидѣлъ почтовую карету, ѣхавшую во весь опоръ. Такъ какъ дорога была узкая, а лошади скакали галопомъ, то Оливеръ прислонился къ

оградѣ, ожидая, пока карета не проѣдетъ.

Когда она промелькнула мимо него, онъ успѣлъ увидѣть человѣка въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, лицо котораго показалось ему знакомымъ, хотя онъ не могъ разглядѣть, кто это. Черезъ двѣ секунды ночной колпакъ высунулся изъ окна кареты и громкій голосъ закричалъ кучеру остановиться, что тотъ и исполнилъ, сейчасъ же натянувъ возжи. Затѣмъ опять показался ночной колпакъ и тотъ же голосъ назвалъ Оливера по имени.

— Сюда! — кричалъ голосъ. — Оливеръ, что новаго? Миссъ Роза? Мистеръ О-оливеръ!

— Это вы, Джайльсъ? — и Оливеръ подбѣжалъ къ дверцѣ кареты.

Джайльсъ опять выставилъ свой ночной колпакъ, готовясь отвѣтить, но вдругъ былъ отстраненъ молодымъ джентльменомъ, который занималъ другой уголъ кареты и съ живостью спросилъ:- «Какія новости?»

— Одно слово! — крикнулъ онъ:- лучше или хуже?

— Лучше, гораздо лучше! — поспѣшилъ отвѣтить Оливеръ.

— Благодареніе небу! — вскричалъ джентльменъ. — Ты увѣренъ?

— Совершенно увѣренъ, сэръ, — отвѣтилъ Оли-

веръ. — Перемѣна наступила только нѣсколько часовъ назадъ, и мистеръ Лосбернъ сказалъ, что всякая опасность миновала.

Джентльменъ не сказалъ ничего, но, отворивъ дверцу, выпрыгнулъ и отвелъ Оливера въ сторону.

— Ты вполнѣ увѣренъ? Не могъ ли ты ошибиться, милый мальчикъ? — спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ. — Не обманывай меня несбыточными надеждами.

— Ни за что на свѣтѣ я не сталъ бы этого дѣлать, сэръ, — отвѣтилъ Оливеръ. — Вы можете вѣрить мнѣ. Мистеръ Лосбернъ сказалъ, что она будетъ жить, много лѣтъ еще доставляя намъ счастье. Я самъ слышалъ его слова.

Слезы навернулись на глаза Оливера, когда онъ вспомнилъ сцену, давшую начало столь великому счастью. Джентльменъ отвернулся и оставался нѣкоторое время безмолвнымъ. Оливеръ услышалъ сдержанныя рыданія, но боялся прервать ихъ какимъ нибудь словомъ — потому что догадывался, каковы были его чувства, — и стоялъ въ сторонѣ, дѣлая видъ, что поглощенъ своимъ букетомъ.

Между тѣмъ мистеръ Джайльсъ въ своемъ бѣломъ ночномъ колпакѣ сидѣлъ на подножк-

къ кареты, уткнувшись локтями въ колѣни и вытирая глаза синимъ носовымъ платкомъ съ бѣлыми крапинками. Что честный малый былъ непритворно взволнованъ, видно было по его краснымъ глазамъ, которыми онъ взглянулъ на молодого господина, когда тотъ позвалъ его.

— Я думаю, Джайльсъ, что вамъ будетъ лучше всего отправиться дальше въ каретѣ, - сказалъ онъ:- а я предпочту пройтись пѣшкомъ. Вы можете предупредить мамашу, что я сейчасъ буду.

— Прошу извинить меня, мистеръ Гарри, — отвѣтилъ Джайльсъ, наводя платкомъ послѣдній лоскъ на свое пришедшее въ безпорядокъ лицо. — Но если бы вы послали почтальона сказать это, то премного меня бы уважили. Не хорошо, если служанки увидятъ меня въ такомъ состояніи. — Я тогда потеряю всякое вліяніе и уваженіе.

— Хорошо, — сказалъ Гарри Мэйли съ улыбкой:- дѣлайте, какъ хотите. Только сначала перемѣните этотъ ночной колпакъ на болѣе подходящій уборъ, иначе насъ примутъ за умалишенныхъ.

Мистеръ Джайльсъ, вспомнивъ о своемъ надлежащемъ нарядѣ, сбросилъ ночной колпакъ и замѣнилъ его шляпой благонравнаго и степеннаго фасона, которую онъ вынулъ изъ кареты.

Затѣмъ почтальонъ покатилъ дальше, а Джайльсъ, мистеръ Мэйли и Оливеръ неторопливо двинулись вслѣдъ.

Во время пути Оливеръ съ большимъ интересомъ и любопытствомъ посматривалъ на пріѣзжаго джентльмена. Ему на видъ было лѣтъ двадцать пять; онъ былъ невысокаго роста, съ открытымъ и красивымъ лицомъ и непринужденными, располагающими въ свою пользу манерами. Несмотря на разницу въ возрастѣ, онъ такъ сильно походилъ на старую даму, что Оливеру не трудно было бы догадаться объ ихъ родствѣ, даже если бы онъ не слышалъ, какъ молодой человѣкъ назвалъ ее своей матерью.

Мистриссъ Мэйли съ нетерпѣніемъ ждала сына. Встрѣча была трогательна съ обѣихъ сторонъ.

— Мама! — прошепталъ молодой человѣкъ:- отчего вы не написали мнѣ раньше?

— Я написала письмо, но раздумала посылать его, пока не услышу, что скажетъ мистеръ Лосбернъ.

— Но зачѣмъ, — возразилъ онъ:- зачѣмъ было рисковать допустить то, что едва не случилось? Если бы Роза... я не рѣшаюсь даже произнести этого — если бы болѣзнь получила иной исходъ,

вамъ вѣчно пришлось бы упрекать себя! Я никогда не былъ бы счастливъ опять!

— Если бы это случилось, Гарри, — сказала мистриссъ Мэйли:- то, я боюсь, счастье твое все равно было бы потрясено и твое прибытіе днемъ раньше или позже очень, очень мало значило бы.

— А что удивительнаго, если бы это было такъ, мамаша? — возразилъ молодой человѣкъ. — Впрочемъ, почему я говорю если! Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и вы хорошо знаете мои чувства.

— Я знаю, что она заслуживаетъ самой лучшей и чистой любви, какую можетъ питать сердце мужчины, — сказала мистриссъ Мэйли. — Я знаю, что преданность и любвеобиліе ея натуры требуютъ не простого отзвука, но глубокаго и продолжительнаго. Если бы я не чувствовала этого и не знала бы кромѣ того, что перемѣна склонности въ любимомъ человѣкѣ разобьетъ ея сердце, я не видѣла бы такой трудности въ своей задачѣ, и въ моей груди не совершалось бы такой борьбы передъ принятіемъ рѣшенія, которое представляется мнѣ моимъ долгомъ.

— Это жестоко, мамаша, — сказалъ Гарри. — Вы считаете меня еще за мальчика, не знающаго

своего сердца и не умѣющаго распознать свои душевные порывы?

— Я думаю, дорогой мой сынъ, — возразила мистриссъ Мэйли, положивъ руку ему на плечо:- что молодости свойственны многіе великодушные порывы, которые не длятся долго, и нѣкоторые изъ нихъ, будучи удовлетворены, становятся тѣмъ мимолетнѣе. Но въ особенности я убѣждена, — продолжала она, пристально смотря въ лицо сыну:- что если увлекающійся пылкій и честолюбивый человѣкъ женится на дѣвушкѣ, носящей на своемъ имени пятно, которое, хотя возникло и не по ея винѣ, но холодными и безсердечными людьми можетъ быть поставлено въ упрекъ ихъ дѣтямъ, и, по мѣрѣ его успѣховъ въ свѣтѣ напоминаніе о немъ будетъ бросаемо ему въ лицо, вызывая злорадныя улыбки, — то, какъ бы онъ ни былъ по природѣ своей великодушенъ и добръ, онъ когда нибудь можетъ раскаяться, что вступилъ въ молодости въ подобную связь. А она будетъ страдать, догадываясь о его сомнѣніяхъ.

— Мама! — нетерпѣливо сказалъ молодой человѣкъ:- это было бы себялюбивое животное, недостойное называться мужчиною и недостойное той жены, которую вы описали.

— Теперь ты такъ думаешь, Гарри.

— И всегда буду такъ думать! Та душевная пытка, которую я перенесъ въ теченіи послѣднихъ двухъ дней, вынуждаетъ меня къ признанію въ страсти, которая, вы знаете, возникла не вчера я не является простымъ увлеченіемъ. Мое сердце привязано къ Розѣ — дорогой, нѣжной дѣвушкѣ! — привязано такъ нераздѣльно, какъ когда либо сердце мужчины привязывалось къ женщинѣ. Она предметъ всѣхъ моихъ мыслей, плановъ, надеждъ въ жизни, и если вы препятствуете мнѣ въ этомъ важномъ шагѣ, то вы бросаете на вѣтеръ мое спокойствіе и счастье. Мамаша, вспомните лучше объ этомъ и не пренебрегайте нашимъ счастьемъ, о которомъ вы, повидимому, такъ мало думаете.

— Гарри, — сказала мистриссъ Мэйли:- потому-то, что я много думала о горячихъ и впечатлительныхъ сердцахъ, я хочу уберечь ихъ отъ страданій. Но мы уже говорили объ этомъ много и даже болѣе, чѣмъ много.

— Тогда предоставьте рѣшеніе Розѣ, - предложилъ Гарри. — Вы не будете ей внушать своихъ преувеличенныхъ опасеній и класть препятствія на моемъ пути?

— Нѣтъ, но я хотѣла бы, чтобы ты подумалъ...

— Подумалъ! — нетерпѣливо вскричалъ Гар-

ри. — Мама, я думалъ уже много лѣтъ. Я не переставалъ думать съ тѣхъ поръ, какъ сталъ способенъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Мои чувства остаются и всегда останутся неизмѣнными. И къ чему мучить себя, задерживая ихъ, какая польза будетъ отъ этого? Нѣтъ! Прежде чѣмъ я уѣду отсюда, Роза должна меня выслушать.

— Хорошо, — сказала мистриссъ Мэйли.

— Въ вашемъ тонѣ словно заключается предположеніе, что она выслушаетъ меня холодно.

— Не холодно, — возразила старая дама:- далеко нѣтъ.

— Такъ какъ же? Она не питаетъ чувствъ къ кому нибудь другому?

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что ты уже вполнѣ овладѣлъ ея сердцемъ. Но вотъ что я хотѣла сказать, — продолжала старая дама, останавливая сына, который собирался снова говорить:- прежде чѣмъ сдѣлать рѣшающій шагъ, прежде чѣмъ позволить своимъ надеждамъ взлетѣть до наивысшаго предѣла, подумай, дорогой, о прошломъ Розы, разсуди, какое вліяніе на ея рѣшеніе можетъ оказать сознаніе своего сомнительнаго рожденія. Вѣдь она такъ предана намъ всею силою своей благородной души, и готовность на самопожертвованіе, какъ въ мелкихъ, такъ и въ

великихъ случаяхъ жизни, составляетъ одну изъ чертъ ея характера.

— На что вы намекаете? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Это я предоставляю тебѣ отгадать. Я должна идти назадъ къ ней. Благослови тебя Богъ!

— Я увижусь еще съ вами сегодня вечеромъ?

— Да, мимоходомъ, когда я оставлю Розу.

— Вы ей скажете, что я здѣсь?

— Конечно.

— И скажете, какъ я тревожился, и какъ я мечтаю увидѣть ее? Хорошо, мама?

— Хорошо, я скажу ей это, — отвѣтила старая дама и, съ любовью пожавъ руку сыну, поспѣшила наверхъ.

Мистеръ Лосбернъ и Оливеръ во время этого разговора оставались на другомъ концѣ комнаты. Теперь докторъ протянулъ руку молодому человѣку, и они обмѣнялись сердечными привѣтствіями. Затѣмъ мистеръ Лосбернъ, въ отвѣтъ на разспросы Гарри, далъ полный отчетъ о положеніи паціентки, который оказался вполнѣ утѣшительнымъ и соотвѣтствовавшимъ сообщенію Оливера, и къ которому мистеръ Джайльсъ, для вида возившійся съ багажомъ, жадно прислушивался.

— Не подстрѣлили вы чего нибудь особеннаго за послѣднее время, Джайльсъ? — спросилъ докторъ.

— Ничего особеннаго, сэръ, — отвѣтилъ Джайльсъ, густо покраснѣвъ.

— Не поймали никакихъ воровъ, не уличили никакихъ громилъ?

— Никакъ нѣтъ, сэръ, — произнесъ мистеръ Джайльсъ съ большимъ достоинствомъ.

— Жаль, — сказалъ докторъ:- потому что у васъ это выходитъ удивительно мастерски. Ну, а какъ Бриттльсъ?

— Мальчикъ чувствуетъ себя отлично, сэръ — отвѣтилъ мистеръ Джайльсъ, къ которому вернулся обычный покровительственный тонъ:- и посылаетъ вамъ свой почтительнѣйшій привѣтъ.

— Прекрасно, — продолжалъ докторъ. — А кстати, увидѣвъ васъ, мистеръ Джайльсъ, я вспомнилъ, что наканунѣ того дня, когда меня такъ поспѣшно вызвали, мнѣ пришлось исполнить, по просьбѣ вашей доброй барыни, одно порученіе въ вашу пользу. Отойдемте на минуту въ сторонку.

Мистеръ Джайльсъ величественно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ отошелъ въ уголъ, гдѣ

удостоился чести разговора шепотомъ съ докторомъ. По окончаніи этого короткаго совѣщанія онъ отвѣсилъ рядъ поклоновъ и удалился съ особенной величавостью. Тайна этой конференціи была скоро сообщена обществу, находившемуся на кухнѣ, Мистеръ Джайльсъ торжественно прослѣдовалъ туда и, потребовавъ кружку эля, тономъ глубокаго и внушительнаго величія возвѣстилъ, что его госпожѣ благоугодно было, во уваженіе его доблести, проявленной имъ при нападеніи громилъ, помѣстить для его исключительнаго пользованія сумму въ двадцать пять фунтовъ стерлинговъ въ мѣстный банкъ. Услышавъ это, служанки подняли къ небу глаза и руки и высказали предположеніе, что теперь мистеръ Джайльсъ станетъ совсѣмъ гордымъ. На что мистеръ Джайльсъ, выпятивъ свое жабо, отвѣтилъ:- «нѣтъ, нѣтъ»! Если онѣ замѣтили, что онъ высокомѣренъ съ своими подчиненными, то пожалуйста пусть онѣ заявятъ ему это. Затѣмъ онъ добавилъ еще нѣсколько замѣчаній, не менѣе ярко свидѣтельствовавшихъ о его скромности, и принятыхъ съ неменьшимъ удовольствіемъ и одобреніемъ; причемъ эти замѣчанія были такъ же оригинальны и цѣлесообразны, какъ вообще изреченія великихъ людей.

Наверху въ теченіи остальной части вечера царило веселье. Докторъ былъ въ хорошемъ настроеніи, и, какъ ни былъ Гарри Мэйли утомленъ и задумчивъ сначала, но и онъ не устоялъ противъ благодушія почтеннаго джентльмена, которое проявлялось въ разнообразныхъ разсказахъ изъ практики и въ невинныхъ шуткахъ, казавшихся Оливеру самымъ забавнымъ изъ всего, что онъ когда либо слышалъ, и заставлявшихъ его хохотать въ соотвѣтственной степени, къ очевидному удовольствію доктора, который самъ смѣялся неудержимо, заражая веселостью и Гарри. Такимъ образомъ они составили самую пріятную компанію, какая могла образоваться при данныхъ обстоятельствахъ, и было уже поздно, когда они съ благодарностью и радостью на сердцѣ ушли, чтобы предаться покою, въ которомъ такъ нуждались послѣ недавно пережитыхъ сомнѣній и тревогъ.

На другое утро Оливеръ проснулся съ легкостью на душѣ и предался своимъ раннимъ заботамъ съ большей надеждой и удовольствіемъ, чѣмъ когда либо раньше. Пѣвчія птички опять были повѣшены на старыя мѣста, и самые нѣжные полевые цвѣты, какіе можно было найти, снова были собраны для того, чтобы увеселять взоры

Розы своей красотой. Дымка печали, которую въ послѣдніе дни встревоженный мальчикъ видѣлъ на всемъ, самомъ для него дорогомъ, разсѣялось словно по волшебству. Брызги росы словно бы ярче сверкали на зеленой листвѣ, среди которой мелодичнѣе шуршалъ вѣтерокъ, а небо было ярче и прозрачнѣе. Состояніе нашихъ думъ вліяетъ даже на внѣшность предметовъ, Тѣ, кто созерцая природу и своихъ ближнихъ кричатъ, что все мрачно и пасмурно, правы; только темныя краски являются отраженіемъ ихъ собственныхъ сердецъ и глазъ. Настоящіе же цвѣта нѣжны, но требуютъ болѣе яснаго зрѣнія.

Надо замѣтить, что отнынѣ Оливеръ совершалъ свои утреннія экскурсіи не одинъ. Съ перваго же утра Гарри Мэйли, повстрѣчавъ Оливера, нагруженнаго цвѣтами, почувствовалъ такую страсть къ цвѣтамъ и обнаружилъ столько вкуса, подбирая ихъ въ букеты, что оставилъ своего юнаго товарища далеко позади. Зато Оливеръ зналъ, гдѣ лучшіе цвѣты найти. Каждое утро они бродили по окрестностямъ, принося домой прелестнѣйшіе букеты. Окно молодой дѣвушки было теперь открыто. Ей нравилось, когда къ ней въ комнату вливался богатый потокъ лѣтняго воздуха и приносилъ ей бодрость и свѣжесть. За

переплетомъ окна всегда стоялъ въ водѣ отдѣльный маленькій букетикъ; Оливеръ замѣтилъ, что эти завядшіе цвѣты не выбрасываются, хотя каждое утро въ вазочкѣ перемѣняется вода, и что всякій разъ, когда докторъ появлялся въ саду, онъ обязательно взглядывалъ на этотъ уголокъ подоконника и, многозначительно кивалъ въ головой, продолжалъ свою утреннюю прогулку. Такъ летѣлъ день за днемъ. Роза быстро выздоравливала.

Оливеру не приходилось скучать, хотя молодая дѣвушка не покидала комнаты и вечернія прогулки не возобновились еще; развѣ только иногда выходила немного пройтись съ нимъ мистриссъ Мэйли. Онъ съ удвоеннымъ усердіемъ предавался занятіямъ у сѣдого господина и учился такъ прилежно, что даже самъ удивлялся своимъ быстрымъ успѣхамъ. Какъ разъ во время этихъ занятій случилось нѣчто такое, что сильно его испугало и встревожило.

Маленькая комната, въ которой онъ занимался своими уроками, была въ нижнемъ этажѣ въ задней части дома. Это была настоящая дачная комнатка съ рѣшетчатымъ переплетомъ окна; кругомъ росли жасминъ и жимолость, вѣтви которыхъ тянулись по оконницѣ, наполняя ком-

нату сладкимъ ароматомъ. Окно выходило въ садъ, сообщавшійся калиткою съ небольшимъ пастбищемъ, а дальше находились красивый лугъ и лѣсъ. Въ этомъ направленіи по близости не было видно никакихъ построекъ, и открывавшійся взору ландшафтъ широко раскидывался во всѣ стороны.

Былъ чудный вечеръ и первыя тѣни сумерекъ начинали ложиться на землю, когда Оливеръ сидѣлъ надъ своими книгами. Онъ внимательно читалъ въ теченіи нѣкотораго времени, но такъ какъ день былъ необычайно длинный и онъ вдобавокъ немало занимался передъ тѣмъ, то для авторовъ, кто бы они ни были, нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что мало по малу онъ заснулъ.

На насъ находитъ иногда особаго рода дремота, которая, сковывая тѣло, не лишаетъ нашъ умъ сознанія окружающихъ предметовъ и позволяетъ ему свободно блуждать кругомъ. Такое состояніе постольку лишь является сномъ, поскольку сномъ можно назвать отягчающую слабость, онѣмѣніе силъ и полную неспособность контролировать наши мысли и движенія; и въ то же время мы сознаемъ все, что происходитъ вокругъ, и если мы видимъ сонъ, то слова, дѣйствительно произносимыя, и звуки, дѣйствительно существу-

ющіе въ подобный моментъ, съ удивительной быстротой приспособляются къ нашему сновидѣнію, пока дѣйствительность и воображеніе не образуютъ такого страннаго сплѣтенія, что потомъ бываетъ почти невозможно раздѣлить ихъ. Не это еще не самое поразительное свойство подобнаго состоянія. Несомнѣненъ фактъ, что, хотя наши чувства осязанія и зрѣнія временно умираютъ, однако наши дремлющія мысли и представляющіяся намъ видѣнія находятся подъ вліяніемъ — и при томъ подъ вещественнымъ вліяніемъ — *безмолвнаго присутствія,* какого нибудь внѣшняго предмета, который быть можетъ не былъ около насъ, когда мы сомкнули глаза и близость котораго мы не воспріятели бодрствующимъ сознаніемъ.

Оливерь очень хорошо зналъ, что онъ находится въ своей маленькой комнатѣ, что его книги лежатъ передъ нимъ на столѣ, что благоуханный вѣтерокъ блуждаетъ среди вьющихся растеній за окномъ. И въ то же время онъ спалъ. Вдругъ сцена перемѣнилась. Воздухъ сдѣлался душнымъ и спертымъ и его обожгла ужасная мысль, что онъ опять въ домѣ еврея. Вотъ въ своемъ обычномъ углу сидитъ отвратительный старикъ и, указывая на него, шепчетъ другому человѣку,

сидящему рядомъ съ нимъ, и лица котораго ему не видно:

— Тише, другъ мой! — будто бы произноситъ еврей:- это онъ, я въ этомъ теперь увѣренъ. Уйдемъ!

— Э! — послышался Оливеру голосъ другого:- вы думаете, я бы его не узналъ? Да если бы толпа дьяволовъ точь въ точь приняла его образъ, а онъ стоялъ бы среди нихъ, въ немъ есть что-то такое, что я сразу распозналъ бы его. Если бы вы закопали его на пятьдесятъ футовъ подъ землей и провели бы меня надъ могилой, я думаю, мнѣ удалось бы узнать, что онъ на этомъ мѣстѣ похороненъ, не будь тамъ никакого знака!

Въ этихъ словахъ звучало столько страшной ненависти, что Оливеръ, испуганный, проснулся и вскочилъ.

Боже! что заставило его кровь подступить къ сердцу, что лишило его голоса и власти движенія? Тамъ... тамъ... у самаго окна... какъ разъ передъ нимъ... такъ близко, что онъ могъ бы достать рукой, стоялъ еврей, смотрѣвшій въ комнату и встрѣтившійся взглядомъ съ нимъ! А рядомъ съ евреемъ, нахмуренный и блѣдный отъ ярости или страха, или отъ того и другого, былъ тотъ самый человѣкъ, съ которымъ онъ встрѣтился

у трактира!

То было мгновеніе, быстрый какъ молнія проблескъ. И вслѣдъ затѣмъ они оба исчезли. Но они узнали его и онъ ихъ: и ихъ лица такъ запечатлѣлись въ его памяти, какъ будто они были высѣчены на камнѣ и съ самаго рожденія стояли передъ его взоромъ. Одинъ моментъ онъ былъ прикованъ къ мѣсту; затѣмъ, выпрыгнувъ черезъ окно въ садъ, громко позвалъ на помощь.

XXXV. Глава, содержащая неудачный исходъ приключенія и довольно важный разговоръ между Гарри Мэйли и Розой

Когда обитатели дома, привлеченные криками Оливера, поспѣшили къ нему, то застали его блѣднымъ и въ волненіи указывавшимъ по направленію къ лугамъ, начинавшимся за домомъ; онъ едва могъ пробормотать:- «Еврей! еврей!»

Мистеръ Джайльсъ недоумѣвалъ. что возгласъ обозначаетъ. Но Гарри Мэйли, отличавшійся большей проницательностью и знакомый съ исторіей Оливера, понялъ сразу въ чемъ дѣло.

— Куда онъ направился? — спросилъ онъ, схватывая трость, стоявшую въ углу.

— Вонъ туда, — отвѣтилъ Оливеръ, указывая рукой. — Они скрылись въ одно мгновеніе.

— Значитъ, они въ канавѣ! — сказалъ Гарри. — Идите за мной и старайтесь не отставать.

Съ этими словами онъ перепрыгнулъ черезъ ограду и побѣжалъ съ такой быстротой, что остальнымъ чрезвычайно трудно было поспѣвать за нимъ.

Джайльсъ бѣжалъ, какъ могъ, Оливеръ слѣдовалъ за нимъ. А черезъ минуту или двѣ мистеръ Лосбернъ, только что вернувшійся съ прогулки, перевалился черезъ заборъ и, вскочивъ на ноги съ большимъ проворствомъ, чѣмъ можно было ожидать отъ него, помчался въ томъ же направленіи, не переставая во все горло кричать, спрашивая, въ чемъ дѣло.

Такъ они летѣли впередъ, не переводя дыханія, пока предводитель не повернулъ въ указанный Оливеромъ уголъ поля и, начавъ тщательно осматривать канаву и прилегавшій плетень, далъ этимъ возможность остальнымъ подоспѣть къ нему, а Оливеру — посвятить мистера Лосберна въ обстоятельства, вызвавшія такую усердную погоню.

Поиски были безуспѣшны. Не видно даже было недавнихъ отпечатковъ подошвъ. Преслѣдователи стояли теперь на верхушкѣ небольшого холма, съ котораго во всѣ стороны кругомъ было видно открытое поле на три или четыре мили. Налѣво въ котловинѣ виднѣлись деревья, но чтобы добраться до нея, совершивъ путь, указанный Оливеромъ, бѣглецы должны были пробѣжать крюкъ по открытому мѣсту. Нельзя было предположить, что они въ такое короткое время успѣли

это сдѣлать. Густой лѣсъ начинался за лугами съ другой стороны; но по тѣмъ-же причинамъ они не могли бы достигнуть и этого прикрытія.

— Тебѣ, должно быть, приснилось, Оливеръ, — сказалъ Гарри Мэйли.

— Ахъ, нѣтъ, сэръ, — возразилъ Оливеръ, содрогаясь при одномъ воспоминаніи о выраженіи лица стараго негодяя. — Я слишкомъ ясно видѣлъ его. Я ихъ обоихъ видѣлъ такъ же отчетливо, какъ вижу васъ сейчасъ.

— А кто былъ другой? — спросили Гарри и докторъ въ одинъ голосъ.

— Тотъ самый человѣкъ, который, какъ я разсказывалъ вамъ, хотѣлъ меня ударить около гостинницы. Я прямо встрѣтился съ нимъ глазами.

— Ты увѣренъ, что они направились именно сюда? — спросилъ Гарри.

— Увѣренъ, какъ и въ томъ, что они стояли у окна, — отвѣтилъ Оливеръ, указывая на ограду отдѣлявшую садъ коттэджа отъ луга. — Высокій человѣкъ перепрыгнулъ вонъ тамъ, а еврей, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ вправо, пробрался сквозь тотъ проломъ.

Оба джентльмена всматривались въ серьезное лицо Оливера, пока онъ говорилъ это, и,

обмѣнявшись взглядомъ, повидимому, были удовлетворены точностью его показанія. Но ни въ какомъ направленіи не было видно отпечатковъ быстро бѣгущихъ ногъ. Трава была высока — но нигдѣ она не была смята, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сами прошли. Края и берега канавы были сырые и глинистые, но не видно было ни одного слѣда подошвы, никакого признака, что здѣсь кто либо проходилъ, даже нѣсколько часовъ назадъ.

— Странно! — произнесъ Гарри.

— Странно! — отозвался докторъ. — сами Блэтерсъ и Деффъ ничего не могли бы тутъ подѣлать.

Несмотря на очевидную безполезность поисковъ, они не прекращали ихъ, пока наступленіе темноты не положило имъ предѣла. Но даже и тогда они бросили ихъ съ неохотою. Джайльсъ былъ отправленъ въ различныя харчевни села, снабженный наилучшимъ описаніемъ внѣшности и одежды скрывшихся людей, какое могъ дать Оливеръ. Изъ нихъ еврей во всякомъ случаѣ обладалъ достаточно замѣтной внѣшностью, чтобы его могли запомнить, если бы онъ зашелъ куда нибудь выпить или проходилъ мимо. Но Джайльсъ вернулся не обогащенный никакими свѣдѣніями, которыя могли бы пролить свѣтъ на

эту тайну.

На другой день поиски возобновились, но не съ лучшимъ успѣхомъ. Еще черезъ день Оливеръ и мистеръ Мэйли отправились въ городокъ, въ надеждѣ увидѣть или услышать что нибудь объ этихъ людяхъ, но и эта попытка оказалась безплодной. Черезъ нѣсколько дней этотъ случай начали забывать, какъ и всѣ случаи забываются, когда вызванное ими удивленіе, не поддерживаемое новой пищей, разсѣивается.

Между тѣмъ Роза, быстро поправляясь, стала показываться изъ комнаты, выходила гулять и, принимая все больше и больше участія въ семейной жизни, наполняла радостью всѣ сердца.

Но, хотя эта счастливая перемѣна оказывала замѣтное вліяніе на тѣсный кружокъ и хотя въ маленькомъ коттэджѣ снова стали раздаваться веселые голоса и оживленный смѣхъ, однако же кое въ комъ — даже въ самой Розѣ — замѣчалась какая то сдержанность, которая не ускользнула отъ вниманія Оливера. Мистриссъ Мэйли и ея сынъ часто уединялись надолго вмѣстѣ, а Роза не разъ появлялась съ заплаканными глазами. Послѣ того какъ мистеръ Лосбернъ назначилъ день своего отъѣзда въ Чертсей, эти явленія усилились. Было очевидно, что происходить нѣчто

такое, что нарушаетъ покой молодой дѣвушки — и еще кого то.

Наконецъ, однажды утромъ, когда Роза была одна въ столовой, вошелъ Гарри Мэйли и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ у нея позволенія поговорить съ ней нѣсколько минутъ.

— Немного... очень немного словъ окажется достаточно, Роза, — сказалъ молодой человѣкъ, пододвигая свой стулъ къ ней. — То, что я скажу, уже отгадано вашей душой; самыя излюбленныя надежды моего сердца вамъ извѣстны, хотя вы не слыхали отъ меня ихъ устнаго признанія.

Роза была очень блѣдна съ того момента, когда онъ вошелъ; но то могло быть слѣдствіе ея недавней болѣзни. Она склонилась надъ близь стоявшимъ цвѣткомъ и безмолвно ждала, что онъ скажетъ дальше.

— Я... я долженъ былъ, кажется, уѣхать отсюда раньше, — произнесъ Гарри.

— Да, должны были, — отвѣтила Роза. — Простите, что я говорю это, но я хотѣла бы, чтобы вы уже уѣхали.

— Я былъ призванъ сюда самымъ ужаснымъ и мучительнымъ опасеніемъ, — сказалъ молодой человѣкъ: — опасеніемъ потерять то дорогое существо, на которомъ сосредоточиваются всѣ мой

надежды и мечты. Вы умирали, колеблясь между землею и небомъ. Мы знаемъ, что когда молодые, прекрасные, добрые подпадаютъ недугу, то ихъ чистыя души безсознательно стремятся къ лучезарной обители вѣчнаго покоя, и потому-то самые красивые и лучшіе среди насъ такъ часто увядаютъ въ полномъ расцвѣтѣ.

При этихъ словахъ на глазахъ нѣжной дѣвушки показались слезы; и когда одна изъ нихъ упала на цвѣтокъ, надъ которымъ она склонилась, и засверкала въ его вѣнчикѣ, прибавивъ ему красоты, то казалось, что изліянія ея свѣжаго юнаго сердца искали родственнаго сочувствія среди прекраснѣйшихъ твореній природы.

— Ангелъ, столько же невинный и дивно красивый, — продолжалъ молодой человѣкъ съ увлеченіемъ:- какъ тѣ существа, которыя окружаютъ Бога, находился между жизнью и смертью… Ахъ!.. Кто могъ надѣяться, что душа вернется къ скорби и бѣдствіямъ здѣшняго міра, когда предъ ней уже открылся тотъ міръ — далекій и родственный ей. Роза, Роза! Знать, что вы таете, какъ нѣжная тѣнь, бросаемая небесными лучами на землю, не имѣть надежды, что вы будете сохраняемы для тѣхъ, кто остается здѣсь, и не знать на чемъ основать такую надежду, чувствовать, что

вы принадлежите къ той свѣтозарной сферѣ, куда многіе — самые чистые и прекрасные — улетѣли такъ рано, и однако молиться, чтобы вы были возвращены тѣмъ, кто васъ любитъ — такія противорѣчивыя чувства были почти свыше силъ человѣка! Они обуревали меня днемъ и ночью, взмывая такой потокъ страховъ, и опасеній, и себялюбивыхъ сожалѣній о томъ, что вы умрете и не узнаете, какъ преданно я васъ любилъ, — что грозили разстроить и чувства, и разумъ. Вы исцѣлились. Изо дня въ день, почти съ часу на часъ возвращалось по каплѣ ваше здоровье и, примѣшиваясь къ истощенному и слабому потоку жизни, медленно обращавшемуся въ васъ, снова вернуло ему быстрое и сильное теченіе. За вашимъ переходомъ отъ самой почти смерти къ жизни я слѣдилъ глазами, которые увлажнялись тревогой и глубокой любовью. О, не говорите мнѣ, что вы хотите, чтобы я отъ этой любви отказался. Она смягчила мое сердце по отношенію ко всему человѣчеству!

— Я этого не хотѣла сказать, — возразила Роза, заливаясь слезами. — Я желала бы только, чтобы вы уѣхали отсюда и предались снова высокому и благородному дѣлу — дѣлу достойному васъ.

— Не можетъ быть цѣли, болѣе достойной меня

— болѣе достойной самаго высокаго существа — какъ стараніе завоевать сердце подобное вашему, — сказалъ молодой человѣкъ, взявъ ее за руку. — Роза, моя дорогая Роза! Я уже годы люблю васъ... Да, годы... И поддерживаю себя надеждой, что, пробившись къ славѣ, я приду къ вамъ и скажу, что я добивался этого ради васъ — только! Я мечтаю въ своихъ грезахъ наяву, какъ я въ ту счастливую минуту напомню вамъ о многихъ безмолвныхъ доказательствахъ юношеской любви, данныхъ мною вамъ, и попрошу вашей руки во исполненіе давнишняго безмолвнаго договора, заключеннаго между нами! Это время не настало; но теперь, не завоевавъ славы, не осуществивъ юной мечты, я предлагаю вамъ сердце, давно вамъ принадлежащее, и всю свою судьбу возлагаю на тѣ слова, которыми вы встрѣтите мое предложеніе.

— Вы всегда отличались добротой и благородствомъ, — сказала Роза, преодолѣвая свое волненіе. — Такъ какъ вы вѣрите, что я не лишена сердца и чувства благодарности, то выслушайте мой отвѣтъ.

— Онъ заключается въ томъ, что я могу попытаться заслужить васъ, такъ вѣдь, дорогая Роза?

— Онъ заключается въ томъ, что вы должны

попытаться забыть меня, — отвѣтила Роза. — Забыть меня не какъ вашего давнишняго и неизмѣннаго друга, но какъ предметъ любви. Оглянитесь, посмотрите сколько сердецъ достойны завоеванія. Довѣрьте тогда мнѣ вашу новую любовь; во мнѣ вы найдете самаго вѣрнаго, горячаго и преданнаго друга.

Наступила пауза, въ продолженіи которой Роза, закрывъ лицо рукой, дала волю своимъ слезамъ. Другую руку продолжалъ держать Гарри.

— А причины, Роза, — сказалъ онъ наконецъ тихимъ голосомъ:- причины вашего рѣшенія?

— Вы имѣете право знать ихъ, — отвѣтила Роза. — Ничѣмъ вы не поколеблете моей рѣшимости. Это — долгъ, который я исполню. Я обязана передъ другими и передъ собою это сдѣлать.

— Передъ собою?

— Да, Гарри. Я, одинокая дѣвушка, безприданница, съ пятномъ на своемъ имени, обязана — передъ собой — не давать вашимъ друзьямъ повода подозрѣвать, что я изъ корысти воспользовалась вашей первой страстью и, какъ тяжелая гиря, привѣсилась ко всѣмъ вашимъ надеждамъ и планамъ. Я обязана передъ вами и нашими родными не допустить, чтобы вы, въ пылу великодушія, поставили такое препятствіе своимъ

успѣхамъ въ общественной жизни.

— Если ваши чувства настроены одинаково съ вашимъ чувствомъ долга... — началъ Гарри.

— Нѣтъ, не одинаково, — возразила Роза, густо покраснѣвъ.

— Такъ вы отвѣчаете на мою любовь? — сказалъ Гарри. — Скажите мнѣ только это, Роза, и смягчите горечь моего разочарованія!

— Если бы я могла сдѣлать это, не причинивъ тѣмъ непоправимаго вреда человѣку, котораго я люблю, то я...

— То вы отнеслись бы къ моему признанію иначе? — спросилъ Гарри. — Не скрывайте отъ меня хоть этого, Роза.

— Да, иначе, — произнесла Роза. — Однако — прибавила она, освобождая руку:- къ чему продолжать это мучительное свиданіе? Для меня оно мучительно и въ то же время — источникъ непрерывнаго счастья. Потому что развѣ не счастье — знать, что я когда те имѣла въ вашемъ сердцѣ почетное мѣсто, которое вы мнѣ отводите сейчасъ? Каждая удача на вашемъ жизненномъ пути будетъ обновлять мою твердость и рѣшимость. Прощайте, Гарри! Такой встрѣчи, какъ сегодня, больше у насъ не будетъ; но въ иныхъ отношеніяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя насъ могъ бы

поставить настоящій разговоръ, пусть мы будемъ долго и счастливо другъ съ другомъ связаны! И всѣ благословенія, какія могутъ быть призваны изъ сокровищницы правды и искренности молитвами преданнаго и серьезнаго сердца, снизойдуть на васъ!

— Еще одно слово, Роза, — произнесъ Гарри. — Скажите мнѣ причину вашего отказа простыми словами. Я хочу слышать это изъ вашихъ устъ.

— У васъ блестящіе виды на будущее, — твердымъ голосомъ отвѣтила Роза. — Васъ ждутъ всѣ почести, какихъ въ общественной жизни добиваются при талантѣ и сильныхъ родственныхъ связяхъ. Но эти родственники надменны, а я не хочу вступать въ ту среду, которая способна презирать мать, давшую мнѣ жизнь. Я не хочу навлекать безчестіе или неудачи на сына той, которая такъ хорошо замѣстила мнѣ эту мать. Говоря коротко, — тутъ молодая дѣвушка отвернулась, такъ какъ временная твердость покидала ее:- на моемъ имени есть пятно, которое въ свѣтѣ принято распространять и на невиновныхъ. Я не хочу переносить это пятно на другого. Пусть этотъ упрекъ буду нести я одна.

— Еще одно слово, Роза, дорогая Роза! Одно слово! — вскричалъ Гарри, преграждая ей доро-

гу. — Если бы я былъ менѣе... менѣе счастливъ, какъ выразились бы объ этомъ, въ свѣтѣ; если бы незамѣтная и мирная жизнь была моей судьбой, если бы я былъ бѣденъ, скроменъ, безполезенъ, — отвернулись ли бы вы отъ меня тогда? Или же только возможность для меня достиженія почестей и богатствъ породила ваши колебанія?

— Не настаивайте, чтобы я дала вамъ отвѣтъ, — отвѣтила Роза. — Такой вопросъ не можетъ и не долженъ возникать; несправедливо и почти жестоко ставить его.

— Если бы вашъ отвѣтъ былъ такой, на какой я почти осмѣливалось надѣяться, — возразилъ Гарри: — то онъ пролилъ бы лучъ счастья на мою одинокую дорогу и освѣтилъ бы предстоящую мнѣ стезю. Какъ много вы могли бы сдѣлать для того, кто любитъ васъ выше всѣхъ на свѣтѣ, если бы произнесли лишь нѣсколько словъ! Ахъ, Роза! Ради моей пылкой и вѣрной любви, ради всего, что и выстрадалъ, и къ перенесенію чего вы меня приговариваете, — отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ!

— Хорошо. Если бы ваша судьба сложилась иначе, — сказала Роза, — если бы вы только немного, а не такъ недосягаемо, были выше меня, если бы я могла вамъ доставить помощь и утѣшеніе въ

скромномъ и уединенномъ гнѣздѣ — а не позоръ и помѣху среди гордой и блистательной толпы — то это мучительное испытаніе было бы излишнимъ. Я имѣю полное основаніе чувствовать себя теперь очень, очень счастливой, но тогда, Гарри, признаюсь, я была бы еще счастливѣе.

Живыя воспоминанія о былыхъ надеждахъ, давно взлелѣянныхъ ею, тѣснились въ умѣ ея, когда она произнесла это признаніе. Но онѣ принесли съ собою только слезы, всегда вызываемыя, когда намъ вспоминаются прежнія, уже увядшія надежды, — и въ то-же время на душѣ у Розы стало легче.

— Я не могу бороться съ своей слабостью, и она укрѣпляетъ мое рѣшеніе, — сказала Роза, протягивая руку. — Теперь я должна съ вами разстаться.

— Дайте мнѣ одно обѣщаніе, — сказалъ Гарри. — Одинъ, только одинъ еще разъ — въ теченіи этого года, а можетъ быть и гораздо раньше — разрѣшите мнѣ снова, въ послѣдній разъ, затронуть этотъ же предметъ.

— Но не для того, чтобы стараться склонить меня къ перемѣнѣ рѣшенія, — съ грустной улыбкой сказала Роза:- это было бы безполезно.

— Нѣтъ, — возразилъ Гарри:- но для того, чтобы

выслушать отъ васъ его повтореніе, если хотите, — повтореніе въ послѣдній разъ! Я положу къ вашимъ ногамъ состояніе и общественное положеніе, которымъ буду обладать, и если вы и тогда не измѣните принятаго вами теперь рѣшенія, то я уже ни словомъ, ни дѣйствіемъ не буду пытаться поколебать его.

— Хорошо, пусть будетъ такъ, — отвѣтила Роза. — Это будетъ повтореніе страданій, но я, быть можетъ, къ тому времени научусь переносить ихъ лучше.

Она снова протянула ему руку. Но молодой человѣкъ прижалъ дѣвушку къ груди и, запечатлѣвъ поцѣлуй на ея чистомъ челѣ, выбѣжалъ изъ комнаты.

XXXVI. Глава очень короткая и могущая показаться не имѣющей значенія, но ее слѣдуетъ прочесть: она является слѣдствіемъ предыдущей и ключомъ къ одной изъ будущихъ

— Такъ вы рѣшили быть нынче же утромъ моимъ попутчикомъ? — сказалъ докторъ, когда Гарри Мэйли присоединился къ нему и Оливеру, сидѣвшими за завтракомъ. — Однако, ваши намѣренія мѣняются каждые полчаса!

— Прійдетъ время, вы заговорите иначе, — произнесъ Гарри, покраснѣвъ безъ видимой причины.

— Надѣюсь, что у меня будутъ на то добрыя причины, — отвѣтилъ докторъ:- но, признаюсь, не очень увѣренъ, что будутъ. Только вчера утромъ вы приняли рѣшеніе остаться здѣсь и сопровождать мамашу на море, какъ надлежитъ благонравному сыну. Сегодня утромъ вы заявляете, что окажете мнѣ честь сопровождать меня по пути въ Лондонъ, а вечеромъ вы съ таинственнымъ видомъ упрашиваете меня двинуться въ

путь, прежде чѣмъ дамы встанутъ. Въ результатѣ — милый Оливеръ принужденъ скучать здѣсь за завтракомъ въ такое время, когда онъ долженъ бы блуждать по полямъ, разыскивая всевозможныя ботаническія диковины.

— Мнѣ было бы, очень жаль, сэръ, очень жалъ отсутствовать какъ разъ въ ту минуту, когда вы и мистеръ Мэйли будете уѣзжать, — возразилъ Оливеръ.

— Ты славный паренекъ, — сказалъ мистеръ Лосбернъ. — Загляни ко мнѣ, когда вернешься въ Чертсей. — Но, Гарри, скажите мнѣ серьезно, ужъ не письмо ли отъ какой нибудь важной шишки заставило васъ такъ поторопиться съ отъѣздомъ?

— Важныя шишки, — отвѣчалъ Гарри:- къ которымъ вы вѣроятно причисляете моего великолѣпнаго дядюшку, не присылали мнѣ за это время ни одного письма; да и при томъ въ это время года едва ли можетъ случиться что либо такое, что потребовало бы моего самоличнаго присутствія среди нихъ.

— Въ такомъ случаѣ вы чудакъ, — заявилъ докторъ. — Но, конечно, они на выборахъ передъ Рождествомъ проведутъ васъ въ парламентъ, и всѣ эти внезапныя перескакиванія и перемѣны

являются хорошей подготовкой къ политической жизни. Это дѣло хорошее. Основательная тренировка всегда годится, происходитъ ли скачка ради государственныхъ мѣстъ, серебряныхъ кубковъ или денежныхъ призовъ.

Гарри Мэйли имѣлъ такой видъ, какъ будто собирался пополнить этотъ короткій діалогъ двумя — тремя замѣчаніями, которыя не мало изумили бы доктора; но онъ довольствовался лишь тѣмъ, что произнесъ: «Посмотримъ», и больше не заговорилъ объ этомъ. Вскорѣ къ дверямъ дома подъѣхала почтовая карета, и когда Джайльсъ вошелъ взять багажъ, то добрый докторъ побѣжалъ присмотрѣть за укладкой.

— Оливеръ, — тихо сказалъ Гарри Мэйли:- мнѣ надо сказать тебѣ пару словъ.

Оливеръ подошелъ къ нишѣ окна, куда знакомъ подозвалъ его мистеръ Мэйли, въ настроеніи котораго, къ его удивленію, обнаруживались одновременно и грусть, и оживленіе.

— Ты теперь уже хорошо пишешь? — спросилъ Гарри, коснувшись его плеча.

— Да, я думаю, сэръ, — отвѣчалъ Оливеръ.

— Я можетъ быть не очень скоро вернусь. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты писалъ мнѣ — положимъ, черезъ каждыя двѣ недѣли, направляя письма въ

главный почтамтъ въ Лондонѣ. Хорошо?

— Непремѣнно, сэръ! Я буду гордиться этимъ, — отвѣчалъ Оливеръ, просіявъ.

— Я хотѣлъ бы знать, какъ... какъ поживаютъ моя мать и миссъ Мэйли, — сказалъ молодой человѣкъ:- и ты можешь описывать мнѣ, какія прогулки вы совершаете, о чемъ вы говорите, и какъ она... я хотѣлъ сказать, онѣ — счастливы ли, здоровы ли? Ты понялъ меня?

— Да, сэръ, отлично понялъ, — отвѣтилъ Оливеръ.

— Только лучше не говори имъ ничего объ этомъ, — какъ бы торопясь докончить, добавилъ Гарріи, — потому что это заставило бы мою мать писать ко мнѣ чаще, что было бы для нея лишнимъ безпокойствомъ. Пусть это будетъ нашимъ секретомъ. Пиши обо всемъ! Я на тебя полагаюсь.

Оливеръ, обрадованный и польщенный сознаніемъ своей важной миссіи, отъ всей своей души обѣщалъ хранить тайну и быть точнымъ въ своихъ посланіяхъ. Мистеръ Мэйли дружески распрощался съ нимъ.

Докторъ уже занялъ мѣсто въ каретѣ. Джайльсъ — которому было предписано остаться въ коттэджѣ — держалъ дверь на готовѣ, а служан-

ки глядѣли изъ сада на отъѣзжавшихъ. Гарри кинулъ быстрый взглядъ на рѣшетчатое окно и прыгнулъ въ карету.

— Трогай! — крикнулъ онъ:- скорѣй, скорѣй, полнымъ галопомъ! Я желаю, чтобы мы летѣли, какъ стрѣла.

— Эй-эй! — торопливо вскричалъ докторъ, опуская переднее стекло кареты и обращаясь къ почтальону:- я-то вовсе не желаю, чтобы мы летѣли, какъ стрѣла! Слышите?

Звеня и громыхая, пока разстояніе не заглушило шума, карета покатилась по дорогѣ, почти скрывшись за облакомъ пыли; то она исчезала изъ виду, то опять показывалась, въ зависимости отъ изгибовъ дороги и встрѣчныхъ предметовъ. Только когда уже и облако пыли перестало быть виднымъ, разошлись тѣ, кто смотрѣли на отъѣздъ.

Но кто то долго еще продолжалъ смотрѣть въ томъ направленіи, гдѣ исчезла карета, когда она успѣла уже уѣхать за много миль. За бѣлой занавѣской, скрывшей ее отъ взгляда Гарри, когда онъ поднялъ глаза къ окну, сидѣла Роза.

— Повидимому, онъ оживленъ и счастливъ, — произнесла она наконецъ. — Я, было, опасалась, что онъ будетъ въ иномъ настроеніи. Но я ошиб-

лась. Я очень, очень этому рада.

Слезы могутъ быть знакомъ и радости, и печали; но тѣ слезы, которыя струились по лицу Розы, когда она задумчиво сидѣла у окна, говорили, казалось, больше о скорби, чѣмъ о весельѣ.

XXXVII. Глава, въ которой читатель можетъ замѣтить контрастъ, нерѣдкій въ супружескихъ отношеніяхъ

Мистеръ Бембль сидѣлъ въ своей квартирѣ въ работномъ домѣ, печально устремивъ глаза на безрадостную рѣшетку камина, за которой — такъ какъ было лѣто — не теплился огонь, и только нѣкоторые лучи солнца отражались отъ ея холодной и блестящей поверхности. Съ потолка свѣшивалась бумажная мухоловка, къ которой онъ повременамъ поднималъ взоръ въ грустномъ раздумьѣ, и, видя, какъ неосторожныя насѣкомыя бьются въ сѣткѣ, мистеръ Бембль испускалъ тяжелый вздохъ, между тѣмъ какъ на лицо его набѣгала еще болѣе скорбная тѣнь. Мистеръ Бембль задумался, и быть можетъ мухи воскрешали въ немъ какое нибудь мучительное воспоминаніе изъ собственной жизни.

Но не только грусть мистера Бембля способна была наполнить грудь наблюдателя кроткой меланхоліей. Не было недостатка и въ другихъ признакахъ — и при томъ тѣсно связанныхъ съ

его личностью — говорившихъ о большой перемѣнѣ въ его дѣлахъ. Обшитый галунами фракъ и треугольная шляпа — гдѣ они? Онъ по прежнему носилъ короткіе панталоны и черные шерстяные чулки на своихъ бедрахъ и икрахъ — но развѣ это *тѣ* панталоны? Фракъ былъ широкополый и въ этомъ отношеніи напоминалъ *тотъ* фракъ, но, увы! какая большая разница! Величественная треугольная шляпа была замѣнена скромной круглой. Мистеръ Бемблъ больше не былъ приходскимъ сторожемъ.

Бываютъ въ жизни должности, которыя, независимо отъ получаемаго за нихъ болѣе существеннаго вознагражденія, пріобрѣтаютъ особую цѣнность и достоинство, смотря по сопряженнымъ съ ними фракамъ и жилетамъ. У фельдмаршала есть мундиръ, у епископа — шелковая эпитрахиль, у судьи — шелковая мантія, у приходскаго сторожа — треугольная шляпа. Отнимите у епископа шелковую эпитрахиль или у приходскаго сторожа его треуголку и галуны — въ кого они тогда обратиться? Въ людей, въ обыкновенныхъ людей. Достоинство и даже святость иногда являются въ большей степени вопросомъ лишь фрака и жилета, чѣмъ это многіе предполагаютъ.

Мистеръ Бембль женился на мистриссъ Корней и сдѣлался надзирателемъ работнаго дома. Другой получилъ должность приходскаго сторожа — и къ нему перешли треугольная шляпа, фракъ съ золотыми позументами и трость.

— И завтра этому будетъ уже два мѣсяца! — сказалъ мистеръ Бембль, вздохнувъ. — А кажется, будто прошло столѣтіе.

Можно было понять, что мистеръ Бембль сосредоточилъ цѣлый вѣкъ блаженства въ короткомъ промежуткѣ восьми недѣль, но вздохъ... какъ много говорилъ этотъ вздохъ!

— Я продалъ себя, — продолжалъ мистеръ Бемблъ ту же нить размышленій:- за шесть чайныхъ ложекъ, сахарные щипцы, молочникъ, небольшое количеество подержанной мебели и двадцать фунтовъ стерлинговъ наличными. Я пошелъ по дешевкѣ. Дешево, очень дешево!

— Дешево! — закричалъ надъ ухомъ мистера Бембля визгливый голосъ. — Да за тебя сколько ни заплати, все будетъ дорого. Господь свидѣтель, я то ужъ за тебя заплатила втридорога!

Мистеръ Бембль обернулся и увидѣлъ свою очаровательную подругу жизни, которая, не вполнѣ понявъ уловленныя ею слова его сѣтованій, произнесла послѣднее замѣчаніе наугадъ.

— Сударыня! мистриссъ Бембль! — сказалъ мистеръ Бембль съ вразумительной строгостью.

— Ну?

— Будьте добры взглянуть на меня, — произнесъ мистеръ Бембль, устремляя на нее пристальный взоръ. (Если она устоитъ противъ такого взгляда, — сказалъ мистеръ Бембль про себя:- то она устоитъ противъ чего угодно. Этотъ взглядъ всегда оказывалъ дѣйствіе на богадѣльниковъ; если онъ не совладаетъ съ нею, значитъ моя сила исчезла).

Достаточны ли весьма маленькіе глаза для укрощенія богадѣльниковъ, которые, питаясь очень легкой пищей, не отличались воинственностью, или же мистриссъ Корней (бывшая) особенно была вынослива по части орлиныхъ взоровъ — эти вопросы остаются открытыми. Но фактъ тотъ, что кастелянша ничуть не была побѣждена грознымъ взглядомъ мистера Бембля, но, напротивъ, отнеслась къ таковому съ большимъ пренебреженіемъ и даже разразилась хохотомъ, звучавшимъ вполнѣ искренно.

Мистеръ Бембль, менѣе всего ожидавшій этого, сначала не вѣрилъ ушамъ, а потомъ былъ ошеломленъ. Вскорѣ онъ впалъ въ прежнее сосгояніе и не отрывался отъ своихъ думъ, пока опять не

былъ потревоженъ своей половиной.

— Ужъ не собираешься ли ты тутъ сидѣть и сопѣть цѣлый день? — спросила мистриссъ Бембль.

— Я буду сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ, пока сочту это нужнымъ, сударыня, — отвѣтилъ мистеръ Бембль. — И хотя я сейчасъ не сопѣлъ, но я буду сопѣть, зѣвать, чихать, смѣяться или кричать, какъ мнѣ вздумается. Таковы мои права.

— Твои права? — усмѣхнулась мистриссъ Бембль съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— Именно такъ. Право мужчины — повелѣвать.

— А въ чемъ же права женщины, скажи ты мнѣ на милость? — вскричала вдова мистера Корнея.

— Въ повиновеніи, сударыня, — громовымъ голосомъ произнесъ мистеръ Бембль. — Твой несчастный покойный мужъ долженъ былъ научить тебя этому, и тогда, быть можетъ, онъ былъ бы еще живъ. Бѣдняга! Я хотѣлъ бы, чтобы онъ жилъ еще.

Мистриссъ Бембль, увидѣвъ сразу, что наступилъ рѣшительный моментъ и что ударъ нанесенный той или другой сторонѣ, окончательно, разъ навсегда, выяснить вопросъ о господствѣ, - тотчасъ же, какъ услышала это напоминаніе о

покойномъ, упала въ кресло и, громко воскликнувъ, что мистеръ Бембль — жестокосердное животное, отдалась пароксизму слезъ.

Но не слезами можно было пронять душу мистера Бембля; его сердце было непромокаемо. Какъ касторовая шляпа, которую можно мыть, улучшается послѣ дождя, такъ и его нервы становились крѣпче и выносливѣе, благодаря потокамъ слезъ, которыя, являлись признакомъ слабости, а слѣдовательно, до извѣстной степени, и его могущества, наполняли его удовольствіемъ и сознаніемъ своего достоинства. Онъ созерцалъ свою благовѣрную съ чувствомъ большого удовлетворенія и поощрительно совѣтовалъ ей плакать какъ можно сильнѣе, такъ какъ, по заявленію авторитетныхъ лицъ, подобное упражненіе весьма полезно для здоровья.

— Это расширяетъ легкія, омываетъ лицо, упражняетъ глаза и успокаиваетъ душу, — сказалъ мистеръ Бембль. — Выплачься, пожалуйста!

Произнеся эту шутку, мистеръ Бембль взялъ въ вѣшалки свою шляпу, надѣлъ ее, съ нѣкоторой заносчивостью надвинувъ на одинъ бокъ, какъ подобаетъ человѣку, надлежащимъ образомъ установившему свое первенство, засунулъ руки

въ карманы и направился къ двери, олицетворяя всею фигурой непринужденность и довольство собой.

Но бывшая мистриссъ Корней попробовала прибѣгнуть къ слезамъ лишь потому, что онѣ были менѣе хлопотливы, чѣмъ работа кулаками, и была вполнѣ подготовлена къ этому послѣднему мѣропріятію, въ чемъ мистеръ Бембль вскорѣ и убѣдился.

Прежде всего раздался какой-то тупой звукъ и въ то же мгновеніе его шляпа внезапно отлетѣла въ противоположный конецъ комнаты. Послѣ такого предваренія, обнажившаго его голову, опытная дама, крѣпко обхвативъ одной рукой его шею, другой качала сыпать ему на голову ударъ за ударомъ (обнаруживая при этомъ немалую силу и ловкость). Затѣмъ она ввела въ дѣло нѣкоторое разнообразіе, царапая ему лицо и таская его за волосы, и, наказавъ его въ той мѣрѣ, какая ей казалась соотвѣтственной полученному оскорбленію, она швырнула его на стулъ, который къ его счастью какъ разъ стоялъ поблизости, и предложила ему опять заговорить о своихъ правахъ, если онъ посмѣетъ.

— Вставай! — повелительно крикнула мистриссъ Бембль:- и убирайся отсюда вонъ, иначе

ты заставишь меня рѣшиться на что нибудь отчаянное!

Мистеръ Бембль поднялся съ очень плачевнымъ видомъ, размышляя, что бы это могло быть такое отчаянное. Подобравъ свою шляпу, онъ взглянулъ на дверь.

— Уйдешь ли ты? — спросила мистриссъ Бембль.

— Конечно, моя дорогая, конечно, — отвѣтилъ мистеръ Бембль, быстрѣе двинувшись къ двери. — Я не собирался... Я уйду, моя дорогая! Ты такъ стремительна, что право я...

Въ эту минуту мистриссъ Бембль быстро шагнула впередъ, чтобы расправить коверъ, сбившійся во время стычки, и ея супругъ тотчасъ же вылетѣлъ изъ комнаты, такъ и не докончивъ своей фразы и предоставивъ бывшей мистриссъ Корной полное обладаніе полемъ сраженія.

Мистеръ Бембль былъ застигнутъ врасплохъ и разбитъ на голову. Онъ былъ кичливый хвастунъ и, находя немалое удовольствіе въ учиненіи мелкихъ жестокостей, отличался, само собою разумѣется, трусостью. Да не будетъ это истолковано во вредъ ему. Вѣдь многіе сановники, пользующіеся высокимъ уваженіемъ и окруженные величіемъ, являются жертвами подобныхъ

же слабостей. Настоящее замѣчаніе приведено скорѣе въ его пользу и имѣетъ цѣлью внушить читателю правильную оцѣнку сановитыхъ способностей мистера Бембля.

Однако, мѣра его униженія еще не восполнилась. Пройдясь по дому и раздумывая, что въ сущности законы о бѣдныхъ слишкомъ строги, и что мужья, бросившіе своихъ женъ, взваливая заботы о нихъ на приходъ, вовсе не должны бы подвергаться наказанію, а напротивъ заслуживаютъ награды, какъ страстотерпцы, — мистеръ Бембль подошелъ къ помѣщенію, гдѣ обыкновенно богадѣленки занимались стиркой приходскаго бѣлья, и откуда сейчасъ раздавались разговаривавшіе голоса.

— Ага! — произнесъ мистеръ Бембль, призывая вновь все своей врожденное величіе. — Эти нищенки должны по крайней мѣрѣ по прежнему уважать мои права. Эй! Эй, вы тамъ! Чего вы тутъ расшумѣлись, потаскухи!

Съ этими словами мистеръ Бембль распахнулъ дверь и вошелъ съ свирѣпымъ и сердитымъ видомъ, который сразу смѣнился самымъ смиреннымъ и покорнымъ, когда его глаза неожиданно узрѣли его супружницу.

— Дорогая, — сказалъ мистеръ Бембль, — я не

знала, что ты здѣсь.

— Не знала, что я здѣсь! — повторила мистриссъ Бемблъ. — Да тебѣ-то что здѣсь надо?

— Я думалъ что онѣ болтаютъ, вмѣсто того, чтобъ работать, моя дорогая, — отвѣтилъ мистеръ Бемблъ, въ смятеніи поглядывая на двухъ старухъ у корыта, которыя обмѣнивались удивленными замѣчаніями насчетъ смиренія надзирателя.

— Ты думалъ, что онѣ болтаютъ? — сказала мистриссъ Бемблъ. — Какое тебѣ до этого дѣло?

— Но, моя дорогая....- покорно началъ мистеръ Бемблъ.

— Какое тебѣ до этого дѣло? — снова спросила мистриссъ Бемблъ.

— Разумѣется, здѣсь распоряжаешься ты, дорогая, но я не думалъ, что какъ разъ застану тебя.

— Вотъ что я скажу тебѣ, мистеръ Бемблъ: намъ не нужны твои вмѣшательства. Ты очень ужъ любишь совать свой носъ туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ, дѣлая себя всеобщимъ посмѣшищемъ такъ что надъ тобой хохочутъ, какъ только ты повернешься спиной. Убирайся отсюда, живѣй!

Мистеръ Бемблъ, съ мучительнымъ чувствомъ видя восхищеніе двухъ старухъ, хихикавшихъ съ упоеніемъ, колебался одну минуту. Мистриссъ Бемблъ, терпѣніе которой не допускало отсрочки,

схватила черпакъ съ мыльной водой и, указавъ ему на дверь, приказала немедленно удалиться, угрожая, что въ противномъ случаѣ содержимое черпака будетъ вылито на его великолѣпную персону.

Что оставалось дѣлать мистеру Бемблю? Онъ удрученно посмотрѣлъ вокругъ и поплелся прочь. Когда онъ достигъ двери, то хихиканье богадѣленокъ перешло въ визгливый хохотъ неудержимаго восторга. Не доставало только этого! Онъ былъ униженъ въ ихъ глазахъ, онъ былъ лишенъ своего уваженія и достоинства передъ самыми призрѣваемыми, онъ упалъ со всей высоты своего прежняго величія до положенія самаго презрѣннаго подбашмачнаго мужа.

— И все это за два мѣсяца! — произнесъ мистеръ Бембль, полный угрюмыхъ думъ. — Два мѣсяца! Не болѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ я повелѣвалъ не только собою, но и всѣми остальными, поскольку дѣло касалось приходскаго работнаго дома, а теперь!..

Это было слишкомъ. Мистеръ Бембль закатилъ пощечину мальчику, который открылъ передъ нимъ калитку, (среди своихъ размышленій онъ добрался до выхода) и разсѣянно вышелъ на улицу.

Онъ прошелъ одну улицу, затѣмъ другую — прогулка успокоила первый порывъ его грусти, но зато перемѣна настроенія вызвала въ немъ жажду. Онъ прошелъ мимо нѣсколькихъ пивныхъ и наконецъ остановился передъ одной изъ нихъ, въ боковомъ переулкѣ; мелькомъ заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ, что въ залѣ находится только одинъ посѣтитель. Начинался довольно сильный дождь. Это устранило его колебанія. Мистеръ Бемблъ вошелъ и приказавъ, проходя мимо стойки, подать чего нибудь выпить, вступилъ въ ту комнату, куда онъ заглянулъ съ улицы.

Сидѣвшій тамъ человѣкъ былъ высокъ и смуглъ и носилъ большой плащъ. Онъ казался не мѣстнымъ жителемъ, и какъ по его утомленному виду, такъ и запыленному платью, можно было заключить, что онъ пришелъ издалека. Онъ искоса взглянулъ на Бембля и отвѣтилъ кивкомъ головы въ отвѣтъ на его поклонъ.

Величія мистера Бембля было бы достаточно и на двоихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы незнакомецъ оказался привѣтливѣе, — поэтому онъ молча попивалъ свой джинъ съ водой и съ большой помпой и обстоятельностью читалъ газету.

Случилось, однако, — какъ это часто случается, когда люди сходятся при такихъ обстоятель-

ствахъ, — что мистеръ Бембль время отъ времени чувствовалъ непреодолимое влеченіе украдкой взглянуть на незнакомца; и всякій разъ, какъ онъ это дѣлалъ, онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отводилъ глаза въ сторону, увидѣвъ, что какъ разъ въ этотъ моментъ неизвѣстный тоже украдкой разсматриваетъ его. Замѣшательство мистера Бембля увеличивалось, благодаря особенному выраженію глазъ незнакомца, которые были ярки и проницательны, но омрачены печатью недовѣрія и подозрительности. Онъ никогда не встрѣчалъ такого страннаго и непривлекательнаго взгляда.

Послѣ того какъ они нѣсколько разъ встрѣтились такъ глазами, незнакомецъ жесткимъ, низкимъ голосомъ прервалъ молчаніе.

— Вы искали меня, — спросилъ онъ:- когда заглядывали въ окно?

— Нѣтъ, если только вы не мистеръ... — тутъ мистеръ Бембль остановился, съ любопытствомъ ожидая имени незнакомца.

— Вижу, что не меня, — произнесъ тотъ, и саркастическая усмѣшка скользнула но его губамъ, — иначе вы знали бы мое имя. Я совѣтую вамъ и не спрашивать.

— Я не хотѣлъ васъ обидѣть, молодой чело-

вѣкъ, — величественно замѣтилъ мистеръ Бембль.

— И не обидѣли.

За этимъ короткимъ діалогомъ наступило новое молчаніе, которое тоже было нарушено незнакомцемъ.

— Мнѣ кажется, я встрѣчалъ васъ раньше. Вы были тогда одѣты иначе и я только прошелъ мимо васъ по улицѣ; но я узнаю васъ. Вы были здѣсь сторожемъ, не такъ ли?

— Да, приходскимъ сторожемъ, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ произнесъ мистеръ Бембль.

— Вотъ, вотъ, — сказалъ тотъ и кивнулъ головой. — Въ этой должности я и встрѣтилъ васъ. Кто вы теперь?

— Надзиратель работнаго дома, — отвѣтилъ мистеръ Бембль съ внушительной разстановкой, дабы предотвратить неумѣстную фамильярность, могущую возникнуть со стороны незнакомца. — Надзиратель работнаго дома, молодой человѣкъ!

— Я думаю, вы такъ же, какъ и прежде, соблюдаете свои интересы? — продолжалъ незнакомецъ, встрѣчая острымъ взглядомъ глаза мистера Бембля, который воззрился на него, удивленный вопросомъ. — Отвѣчайте прямо, любезный, — вы видите, я хорошо васъ знаю.

— Мнѣ кажется, что женатый человѣкъ, — сказалъ мистеръ Бембль, прикрывая рукою глаза и съ очевиднымъ недоумѣніемъ разглядывая собесѣдника съ головы до ногъ, — въ неменьшей степени склоненъ сберечь честную копѣйку, чѣмъ одинокій. Приходскіе чиновники имѣютъ не настолько хорошіе оклады, чтобы отказываться отъ маленькихъ добавочныхъ заработковъ, когда они притекаютъ изъ благопристойнаго и честнаго источника.

Незнакомецъ улыбнулся и кивнулъ головой, какъ бы довольный, что не ошибся; затѣмъ онъ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Налейте еще, — сказалъ онъ трактирщику, передавая пустую кружку мистера Бембля, — и позаботьтесь, чтобы было крѣпко и горячо. Вѣдь вы любите такъ?

— Не слишкомъ крѣпко, — возразилъ мистеръ Бембль, деликатно кашлянувъ.

— Поняли, хозяинъ? — сухо произнесъ незнакомецъ.

Трактирщикъ улыбнулся, исчезъ и черезъ минуту вернулся съ дымящейся кружкой, отъ перваго глотка изъ которой мистера Бембля слеза прошибла.

— Теперь выслушайте меня, — сказалъ незна-

комецъ, закрывъ дверь и окно:- я пришелъ сегодня сюда, чтобы разыскать васъ, и благодаря одной изъ тѣхъ случайностей, которыя дьяволъ иногда бросаетъ на пути своихъ друзей, вы вошли въ ту самую комнату, гдѣ я сидѣлъ, думая главнымъ образомъ о васъ. Мнѣ нужно получить у васъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Я не хочу просить ихъ у васъ даромъ, какъ бы пустяшны они ни были. Для начала возьмите вотъ это.

И онъ передвинулъ черезъ столъ двѣ золотыхъ монеты своему собесѣднику, соблюдая при этомъ осторожность, какъ бы для того, чтобы звяканье монетъ не было услышано въ другой комнатѣ. Когда мистеръ Бембль тщательно осмотрѣлъ монеты, чтобы убѣдиться въ ихъ неподдѣльности, и съ большимъ удовлетвореніемъ положили ихъ въ карманъ жилета, онъ продолжалъ:

— Мысленно перенеситесь назадъ... Какъ бы сказать?.. Ну... лѣтъ на двѣнадцать назадъ, въ конецъ зимы.

— Довольно давно, — сказалъ мистеръ Бембль. — Хорошо. Я перенесся.

— Мѣсто дѣйствія — работный домъ.

— Хорошо!

— Время — ночь.

— Да.

— А обстановка — та жалкая конура, гдѣ потаскухи передавали здоровье и жизнь — часто у нихъ самихъ отнимавшуюся — производя на свѣтъ маленькихъ пискуновъ, а сами, мерзавки скрывая свой позоръ въ могилѣ!

— То есть, родильный пріютъ, что ли? — спросилъ мистеръ Бемблъ, не совсѣмъ уясняя себѣ нѣсколько нервозное указаніе данное ему незнакомцемъ.

— Да, — сказалъ тотъ. — Тамъ родился мальчикъ.

— Много тамъ родилось мальчиковъ, — замѣтилъ мистеръ Бембль, безнадежно качая головой.

— Ну ихъ всѣхъ къ лѣшему! — вскричалъ неизвѣстный. — Я говорю только объ одномъ мозгляваго вида, блѣдномъ мальчикѣ, который былъ ученикомъ у гробовщика — жаль, что онъ не сдѣлалъ гробъ для него и не положилъ туда его трупъ! — а потомъ, какъ предполагали, убѣжалъ въ Лондонъ.

— Такъ вы говорите объ Оливерѣ! О маленькомъ Твистѣ! — сказалъ мистеръ Бембль. — Я помню его, разумѣется. Такого упрямаго маленькаго мошенника…

— О немъ мнѣ нечего узнавать — довольно и

такъ я о немъ наслышался, — остановилъ незнакомецъ мистера Бемблю, начавшаго произносить тираду о порокахъ бѣднаго Оливера. — Я хочу спросить о женщинѣ, которая была повитухой при его матери. Гдѣ она?

— Гдѣ она? — повторилъ мистеръ Бембль, котораго джинъ предрасположилъ къ шутливости. — Трудно сказать. Тамъ, куда она отправилась, не нуждаются въ повитухахъ, поэтому я думаю, что она теперь во всякомъ случаѣ не у дѣла.

— Что вы хотите сказать? — сурово спросилъ незнакомецъ.

— Что она умерла минувшей зимой, — отвѣтилъ мистеръ Бембль.

Когда онъ произнесъ это сообщеніе, неизвѣстный пристально посмотрѣлъ на него и, хотя онъ нѣкоторое время не спускалъ съ него глазъ, но его взоръ понемногу сдѣлался неопредѣленнымъ и разсѣяннымъ, какъ будто онъ всецѣло ушелъ въ свои мысли. Нѣкоторое время онъ словно не зналъ, чувствовать ли ему облегченіе или разочарованіе по поводу сообщенія, но наконецъ онъ вздохнулъ свободнѣе и, отведя свой взглядъ, сказалъ, что это пустяки. Съ этими словами онъ всталъ, собираясь уходить.

Но мистеръ Бемблъ былъ достаточно хитеръ

и увидѣлъ сразу, что открывается возможность прибыльно распорядиться какимъ-то секретомъ, которымъ обладаетъ его прекраснѣйшая половина. Онъ хорошо помнилъ тотъ вечеръ, когда умерла старая Салли, такъ какъ событія того дня прочно хранились въ его памяти. Тогда онъ вѣдь сдѣлалъ предложеніе мистриссъ Корней; и хотя эта дама не посвятила его въ то, чему она была единственной свидѣтельницей, но онъ слышалъ достаточно, чтобы догадаться о связи этого обстоятельства съ чѣмъ то происшедшимъ въ то время, когда старуха, въ качествѣ повивальной бабки ходила за молодой матерью Оливера Твиста. Быстро воскресивъ эти обстоятельства въ памяти, онъ съ таинственнымъ видомъ сообщилъ незнакомцу, что съ старой каргой, передъ самой ея смертью, заперлась въ комнатѣ одна женщина, которая, какъ онъ имѣетъ основаніе полагать, могла бы пролить нѣкоторый свѣтъ на интересующій его предметъ.

— Какъ я могу найти ее? — спросилъ незнакомецъ, потерявъ осмотрительность и ясно обнаруживая, что всѣ его страхи — въ чемъ бы они не заключались — снова проснулись при этихъ словахъ.

— Только при моемъ посредствѣ, - отвѣчалъ

мистеръ Бембль.

— Когда? — поспѣшно спросилъ неизвѣстный.

— Завтра.

— Въ девять часовъ вечера, — произнесъ неизвѣстный, вынимая клочекъ бумаги и написавъ на немъ нервно дрожавшей рукой адресъ какого то дома на берегу рѣки. — Въ девять часовъ вечера приведите ее ко мнѣ туда. Я не считаю нужнымъ напоминать вамъ, чтобы вы держали это въ секретѣ. Это въ вашихъ интересахъ.

Съ этими словами онъ пошелъ къ выходу, предварительно уплативъ за выпитое. Быстро заявивъ, что ихъ дороги лежатъ въ различныя стороны, онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній удалился, еще разъ съ удареніемъ напомнивъ назначенный въ слѣдующій вечеръ часъ.

Взглянувъ на адресъ, Бембль замѣтилъ, что тамъ не поставлено имени. Незнакомецъ не успѣлъ еще далеко уйти и онъ вскорѣ догналъ его.

— Что вамъ нужно? — вскричалъ тотъ, быстро обернувшись, когда мистеръ Бембль коснулся его руки. — Вы слѣдите за мной?

— Мнѣ только хотѣлось задать одинъ вопросъ, — сказалъ Бембль, указывая на лоскутокъ бумаги:- какъ я долженъ буду васъ спросить?

— Монксъ! — отвѣтилъ незнакомецъ и поспѣшно пошелъ далѣе.

XXXVIII. Глава, повѣствующая о томъ, что произошло между мистеромъ Монксомъ и мистриссъ Бембль во время ихъ ночного свиданія

Былъ пасмурный, душный, мрачный лѣтній вечеръ. Тучи, угрожавшія цѣлый день, нависли густой и неподвижной громадой по всему небосклону, роняя тяжелыя капли дождя и предвѣщая сильную грозу, когда мистеръ и мистриссъ Бембль, свернувъ изъ главной улицы города, направились къ небольшой группѣ развалившихся домовъ, находившейся на разстояніи одной мили и окруженной низкимъ и нездоровымъ болотомъ, окаймлявшимъ рѣку.

Оба они были закутаны въ старыя и потрепанныя одежды, которыя исполняли, быть можетъ, двойную службу: защищали ихъ отъ дождя и укрывали отъ наблюдателей. Мужъ несъ фонарь, пока еще не свѣтившійся, и шагалъ нѣсколько впереди, какъ бы для того, чтобы доставить супругѣ удобство ступать по тяжелымъ слѣдамъ своихъ сапоговъ, — такъ какъ дорога была по-

крыта грязью. Они шли, не говоря ни слова. Многда мистеръ Бембль замедлялъ свой шагъ и оглядывался назадъ, словно желая убѣдиться, что его подруга жизни слѣдуетъ за нимъ. Увидѣвъ, что она идетъ за нимъ по пятамъ, онъ снова прибавлялъ шагу и съ усиленной скоростью продолжалъ подвигаться къ цѣли ихъ путешествія.

То мѣсто, куда они направлялись, далеко нельзя было назвать сомнительнымъ, потому что оно давно уже было извѣстно, какъ резиденція отчаянныхъ негодяевъ, которые, дѣлая видъ, что живутъ честнымъ трудомъ, промышляли главнымъ образомъ грабежомъ и иными преступленіями. То была просто кучка хижинъ; нѣкоторыя были наскоро сложены изъ валявшихся кирпичей, другія кое-какъ сколочены изъ стараго, изъѣденнаго червями, корабельнаго матеріала, подобраннаго безъ малѣйшей попытки придать постройкамъ внѣшній порядокъ. Всѣ онѣ толпились большею частью на разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ берега рѣки. Нѣсколько дырявыхъ лодокъ, вытащенныхъ на тинистое побережье и привязанныхъ къ тянувшемуся вдоль него низкому валу, валявшіяся кое гдѣ весла или сложенныя кольцами веревки на первый взглядъ говорили, что обитатели этихъ

жалкихъ лачугъ занимаются рыболовствомъ; но, присмотрѣвшись къ расхлябанному и запущенному состоянію этихъ предметовъ, прохожій безъ труда догадался бы, что они расположены только для виду, а не потому, чтобы ими пользовались.

Въ центрѣ этой группы лачугъ, подойдя къ самому берегу рѣки и свѣсившись надъ ней верхнимъ ярусомъ, стояло большое строеніе, прежде служившее какой нибудь фабрикой. Въ свое время оно, вѣроятно, доставляло заработокъ обитателямъ окружныхъ хижинъ, но теперь въ немъ давно царило запустѣніе. Крысы, черви и вліяніе сырости расшатали и подгноили сваи, на которыхъ зданіе стояло, и значительная часть его уже обрушилась въ воду, тогда какъ остальная, угрожая паденіемъ и накренившись надъ чернымъ потокомъ, казалось, ждала удобнаго случая, чтобы послѣдовать за прочей компаніей и раздѣлить ея участь.

Передъ этой то ветхой постройкой остановилась достойная чета какъ разъ въ ту минуту, когда первый раскатъ отдаленнаго грома потрясъ воздухъ и дождь началъ лить, какъ изъ ведра.

— Должно быть, здѣсь, — произнесъ мистеръ Бемблъ, всматриваясь въ клочекъ бумаги, бывшій у него въ рукѣ.

— Эй, вы! — закричалъ голосъ сверху.

Поднявъ голову по направленію голоса, мистеръ Бемблъ различилъ человѣка, высунувшагося изъ двери во второмъ этажѣ.

— Подождите минуту! — продолжалъ голосъ:- я сейчасъ сойду къ вамъ.

Тутъ человѣкъ исчезъ и дверь закрылась.

— Это и есть онъ? — спросила у мистера Бембля его благовѣрная.

Мистеръ Бемблъ утвердительно кивнулъ головою.

— Такъ помни, что я тебѣ говорила, — произнесла кастелянша, — и старайся не раскрывать рта, иначе ты выдашь насъ обоихъ.

Мистеръ Бемблъ съ плачевнымъ видомъ осматривавшій зданіе, повидимому, готовъ былъ высказать нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, благоразумно ли имъ доводить свое предпріятіе до конца, но былъ прерванъ появленіемъ Монкса, который отворилъ неподалеку отъ нихъ маленькую дверь и далъ имъ знакъ войти.

— Входите же! — нетерпѣливо вскричалъ онъ, топнувъ ногой. — Не заставляйте меня стоять здѣсь!

Женщина, сначала колебавшаяся, вошла съ рѣшительнымъ видомъ, не дожидаясь новаго

приглашенія. Мистеръ Бемблъ, которому было совѣстно или страшно остаться позади, послѣдовалъ за ней, очевидно, чувствуя себя весьма скверно и утративъ все то замѣчательное величіе, которое обыкновенно такъ выдѣляло его.

— Какой чортъ заставлялъ васъ такъ долго медлить подъ дождемъ? — спросилъ Монксъ, оборачиваясь къ Бемблю и задвинувъ предварительно засовъ двери.

— Мы... мы хотѣли немного освѣжиться, — пробормоталъ мистеръ Бемблъ, со страхомъ осматриваясь.

— Освѣжиться! — повторилъ Монксъ. — Да весь дождь, какой когда либо выпадалъ, и выпадетъ еще, не расхолодитъ того адскаго огня, который человѣкъ способенъ носить въ себѣ. Не такъ то легко освѣжиться, не воображайте этого!

Послѣ такого пріятнаго привѣтствія Монксъ рѣзко повернулся къ кастеляншѣ и вперилъ въ нее глаза, пока наконецъ даже она, не такъ то легко поддававшаяся укрощенію, не потупила взора.

— Такъ это та женщина, да? — спросилъ Монксъ.

— Гм! Это она, — отвѣтилъ мистеръ Бемблъ, помня наставленіе жены.

— Вы думаете, вѣроятно, что женщины не умѣютъ хранить тайнъ? — произнесла матрона и въ свою очередь устремила на Монкса пытливый взглядъ.

— Я знаю, что онѣ всегда хранятъ только *одну,* пока она не станетъ извѣстна, — сказалъ Монксъ.

— А что же это за тайна? — спросила кастелянша.

— Потеря своего добраго имени, — отвѣтилъ Монксъ. — Согласно этому правилу, если женщина участвуетъ въ тайнѣ, которая можетъ привести ее къ висѣлицѣ или отправить на каторгу, то нечего опасаться, что она кому нибудь ее разскажетъ, — о, нѣтъ! Вы понимаете меня, мистриссъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила матрона, щеки которой покрылись легкой краской.

— Ну, конечно, нѣтъ! — сказалъ Монксъ. — Гдѣ вамъ!

И, не то усмѣхнувшись, не то нахмурившись, онъ далъ имъ знакъ итти за собой и торопливо пошелъ черезъ комнату, которая была просторна, но съ низкимъ потолкомъ. Онъ готовъ былъ подняться по крутой лѣстницѣ, напоминавшей приставную и ведшей въ верхній этажъ дома,

когда яркая вспышка молніи скользнула изъ отверстія наверху и за ней тотчасъ послѣдовалъ раскатъ грома, отъ котораго затряслось все ветхое строеніе.

— Слышите! — вскричалъ онъ, отшатываясь назадъ. — Слышите! Какъ онъ катится и грохочетъ, словно эхо тысячи пещеръ, гдѣ укрылись отъ него демоны! Я ненавижу этотъ шумъ!

Нѣсколько минутъ онъ не говорилъ ни слова. Внезапно отнявъ руки отъ лица, онъ немало напугалъ мистера Бембля, который увидѣлъ, что оно сильно исказилось и поблѣднѣло.

— Такіе припадки иногда находятъ на меня, — произнесъ Монксъ, замѣтивъ его испугъ:- и зачастую вызываются грозой. Не обращайте вниманія, это уже прошло.

Съ этими словами онъ поднялся наверхъ, поспѣшно закрывъ ставнями окна той комнаты, куда вела лѣстница, и съ помощью веревки, пропущенной черезъ блокъ, который былъ привинченъ къ срединѣ тяжелой поперечной балки потолка, спустилъ фонарь, привязанный къ концу веревки и бросавшій тусклый свѣтъ на стоявшій подъ нимъ старый столъ и три стула.

— Ну, — сказалъ Монксъ, когда всѣ трое усѣлись:- чѣмъ скорѣе мы перейдемъ къ дѣлу, тѣмъ

лучше для всѣхъ насъ. Женщина знаетъ, въ чемъ дѣло заключается?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ Бемблю; но его жена предупредила его отвѣтъ, заявивъ, что она знакома съ сутью дѣла.

— Такъ онъ вѣрно сказалъ, что вы видѣли эту бабу ягу въ тотъ вечеръ, когда она умирала?... и что она вамъ сообщила нѣчто....

— Касающееся матери названнаго вами мальчика, — прервала его кастелянша. — Да, вѣрно.

— Вопросъ первый: какого рода было ея сообщеніе?

— Нѣтъ, это второй, — осмотрительно возразила женщина. — Первый вопросъ: какова оцѣнка сообщенія?

— Какой чортъ можетъ это рѣшить, не ознакомившись съ дѣломъ? — спросилъ Монксъ.

— Я убѣждена, что это вамъ лучше всѣхъ извѣстно, — отвѣтила мистриссъ Бембль, не отличавшаяся слабохарактерностью, какъ могъ безъ колебаній засвидѣтельствовать и ея супругъ.

— Гмъ! Рѣчь идетъ о чемъ нибудь, что стоитъ денегъ, а? — многозначительно и съ видомъ нервнаго любопытства освѣдомился Монксъ.

— Возможно, — былъ невозмутимый отвѣтъ.

— О чемъ нибудь, что было у нея взято, что она

носила? О чемъ нибудь....

— Лучше назначайте цѣну, — прервала мистриссъ Бембль. — Изъ вашихъ словъ я вижу, что вы какъ разъ такой человѣкъ, съ какимъ я могла бы имѣть дѣло.

Мистеръ Бембль, который и теперь не въ большей степени былъ посвященъ въ тайну, чѣмъ первоначально, прислушивался къ этому разговору съ вытянутой шеей и выпученными глазами, которые онъ обращалъ то на жену, то на Монкса съ нескрываемымъ удивленіемъ, еще болѣе усилившимся, когда послѣдній спросилъ суровымъ тономъ, какую сумму отъ него требуютъ за передачу секрета.

— Во сколько вы сами это цѣните? — съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ спросила женщина.

— Быть можетъ, ни во что, быть можетъ, и въ двадцать фунтовъ, — отвѣтилъ Монксъ. — Говорите же, сколько вы хотите.

— Прибавьте пять фунтовъ въ суммѣ, которую вы назвали. Дайте мнѣ двадцать пять фунтовъ золотомъ — и я вамъ скажу все, это мнѣ извѣстно. Но не раньше.

— Двадцать пятъ фунтовъ! — вскричалъ Монксъ, откидываясь назадъ.

— Я выразилась такъ ясно, какъ могла, — от-

вѣтила мистриссъ Бембль. — Вѣдь это небольшая сумма.

— Небольшая сумма для пустяшной тайны, которая можетъ оказаться ничего не стоющею, — нетерпѣливо вскричалъ Монксъ:- и которая была мертва двѣнадцать лѣтъ или больше!

— Такія вещи сохраняются хорошо и, подобно доброму вину, часто ихъ стоимость удваивается съ теченіемъ времени, — возразила матрона, храня ту же рѣшительную невозмутимость. — Бываютъ тайны которымъ суждено лежать двѣнадцать тысячъ, или двѣнадцать милліоновъ лѣтъ, и все же онѣ въ концѣ концовъ разскажутъ странныя исторіи.

— Но, если я заплачу деньги за то, что ничего не стоить? — спросилъ Монксъ, колеблясь.

— Вамъ легко взятъ деньги обратно, — отвѣтила кастеляншa. — Я — женщина, я здѣсь одна и безъ защиты.

— Не одна, моя дорогая, и не безъ защитника, — вставилъ мистеръ Бембль голосомъ, дрожавшимъ отъ страха. — Вѣдь здѣсь я, дорогая моя. И при томъ, — продолжалъ онъ, не попадая зубомъ на зубъ:- мистеръ Монксъ слишкомъ джентльменъ, чтобы учинить насиліе надъ приходскими служащими. Мистеръ Монксъ видитъ,

что я не молодой человѣкъ и что я, такъ сказать, уже созрѣвающій колосъ, но онъ понимаетъ, — я говорю, что безъ сомнѣнія мистеръ Монксъ понимаетъ, моя дорогая, что я весьма отважный представитель власти и что я обладаю весьма недюжинной силой, когда я возбужденъ. Мнѣ только нужно немного возбудительнаго — вотъ и все.

При этихъ словахъ мистеръ Бембль сдѣлалъ унылый выпадъ противъ своего фонаря, схвативъ его съ свирѣпой рѣшимостью и каждой чертой испуганнаго лица подтверждая, что ему дѣйствительно нужно было возбуждающаго — и при томъ немало — прежде чѣмъ осуществить что-нибудь воинственное, — если только онъ не имѣетъ дѣло съ богадѣленками или какими нибудь иными лицами, получившими соотвѣтствующую дрессировку.

— Ты дуракъ, — произнесла въ отвѣтъ мистриссъ Бембль. — Лучше бы ты попридержалъ свой языкъ.

— Напрасно онъ не вырѣзалъ его, прежде чѣмъ прійти сюда, разъ онъ не умѣетъ говорить тише, — съ досадой сказалъ Монксъ. — Такъ онъ вашъ мужъ?

— Мой мужъ! — усмѣхнулась кастеляншa.

— Я такъ и подумалъ, когда вы вошли, — сказалъ Монксъ, подмѣтивъ гнѣвный взглядъ, который дама кинула въ сторону мужа при этихъ словахъ. — Тѣмъ лучше; мнѣ удобнѣе имѣть дѣло съ двумя людьми, когда я знаю, что у нихъ общіе интересы. Я говорю серьезно, — смотрите!

Онъ досталъ изъ бокового кармана парусинный кошелекъ и отсчитавъ двадцать пять золотыхъ, пододвинулъ ихъ къ мистриссъ Бембль.

— Ну, забирайте ихъ, — сказалъ онъ:- и когда утихнетъ этотъ проклятый раскатъ грома, который, я чувствую, сейчасъ грянетъ надъ крышей, то начните вашъ разсказъ.

Громъ, казалось, ударившій надъ самыми ихъ головами, прокатился и затихъ; Монксъ, поднявъ лицо, которымъ онъ передъ тѣмъ припалъ къ столу, нагнулся впередъ, чтобы лучше слышать то, что скажетъ женщина. Лица трехъ людей почти соприкоснулись, когда они нагнулись надъ столомъ. Слабоватые лучи фонаря, падавшіе прямо сверху, подчеркивали блѣдность и встревоженность ихъ лицъ, которыя на фонѣ глубокаго сумрака казались зловѣщими призраками.

— Когда женщина, которую прозывали старой Салли, умирала, — начала кастеляншa:- то-она и я были наединѣ.

— Никого не было больше? — спросилъ Монксъ такимъ же глухимъ шопотомъ. — Какой нибудь больной негодяйки или старой идіотки на сосѣдней постели? Никого, кто могъ бы услышать и догадаться?

— Ни души, — отвѣтила женщина:- мы были однѣ. Кромѣ меня никто не стоялъ около нея, когда она испустила духъ.

— Хорошо, — сказалъ Монксъ, внимательно смотря на нее. — Продолжайте.

— Она говорила мнѣ о молодой женщинѣ, которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ родила ребенка въ той самой комнатѣ и на той самой кровати, на которой она теперь лежала умирающая.

— А! — произнесъ Монксъ трясущимися губами и оглянувшись черезъ плечо. — Чортъ возьми! Какъ иной разъ все сопоставляется!

— Ребенокъ былъ тотъ самый, котораго вчера вы называли вонъ ему, — продолжала она, небрежно кивнувъ въ сторону мужа. — Повитуха обокрала мать.

— Живую? — спросилъ Монксъ.

— Мертвую, — отвѣчала кастелянша, какъ будто содрогнувшись. — Она сняла съ еще неостывшаго тѣла ту вещь, которую умиравшая умоляла ее беречь ради ребенка.

— Она продала это? — вскричалъ Монксъ съ нетерпѣливымъ отчаяніемъ. — Продала? Гдѣ? Когда? Кому? Давно ли?

— Съ трудомъ сообщивъ мнѣ свой поступокъ, она откинулась на постель и умерла.

— И больше ничего не сказала? — воскликнулъ Монксъ, голосъ котораго, благодаря старанію говорить вполголоса звучалъ еще яростнѣе. — Это ложь! Я не позволю съ собой шутить! Это не все, что она сказала! Да я вырву жизнь изъ васъ обоихъ, но узнаю, что сказала она!

— Она не произнесла больше ни слова, — продолжала кастелянша, повидимому ничуть не встревоженная (чего далеко нельзя было сказать про мистера Бембля) бѣшенствомъ страннаго человѣка:- но она вцѣпилась въ мое платье полузажатой рукой. Видя, что она мертва, я разжала ея пальцы: въ нихъ оказался грязный клочекъ бумаги…

— Содержавшій?… — произнесъ Монксъ, протягивая руку.

— Ничего не содержавшій, — отвѣтила женщина:- это была ломбардная квитанція.

— На какую вещь? — спросилъ Монксъ.

— Скажу въ свое время. Я думаю, что она нѣкоторое время хранила драгоцѣнность, разсчитывая

найти ей лучшее примѣненіе, а затѣмъ заложила ее и сберегала кое какъ деньги, чтобы изъ года въ годъ уплачивать проценты и удержать вещь за собою, имѣя возможность выкупить ее, если представится случай. Но она такъ и не дождалась этого и, какъ я вамъ сказала, умерла съ истрепаннымъ и измятымъ клочкомъ бумаги въ рукѣ. Черезъ два дня истекалъ срокъ. Я рѣшила тоже, что когда нибудь можетъ представиться счастливый случай, и выкупила вещь.

— Гдѣ же она? — съ живостью спросилъ Монксъ.

— Вотъ, — отвѣтила она и, какъ бы радуясь избавленно отъ тягостнаго предмета, быстро бросила на столъ небольшой кошелекъ изъ козловой кожи, едва достаточный, чтобы вмѣстить часы; Монксъ схватилъ его и открылъ трясущимися руками. Внутри оказался маленькій золотой медальонъ, въ которомъ лежали два локона волосъ и простое обручальное кольцо, тоже изъ золота.

— На внутренней сторонѣ его выгравировано слово «Агнеса», послѣ котораго оставлено пустое мѣсто для фамиліи, — сказала женщина:- потомъ слѣдуетъ число, указывающее приблизительно за годъ до рожденія ребенка — объ этомъ я справилась.

— И это все? — спросилъ Монксъ послѣ внимательнаго и нервнаго осмотра содержимаго кошелька.

— Все, — отвѣтила женщина…

Мистеръ Бембль перевелъ духъ, повидимому, радуясь, что дѣло покончено и не поднимается вопросъ объ отобраніи двадцати пяти фунтовъ, и теперь онъ осмѣлился даже вытереть потъ, безпрепятственно стекавшій по его носу во время предшествовавшаго разговора.

— Я ничего въ этой исторіи не знаю, кромѣ того, о чемъ могу догадываться, — сказала его жена, обратившись къ Монксу послѣ короткаго молчанія:- и мнѣ ничего не нужно знать — это безопаснѣе. Но могу я вамъ задать два вопроса?

— Можете, — произнесъ Монксъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ:- но отвѣчу ли я — это другой вопросъ.

— Что вмѣстѣ составитъ три вопроса, — вставилъ шутливое словцо мистеръ Бембль.

— То ли это, что вы разсчитывали отъ меня получить? — спросила кастелянша.

— Да, — отвѣтилъ Монксъ. — Другой вопросъ?

— Что вы съ этимъ сдѣлаете? Не можетъ ли это быть использовано во вредъ мнѣ?

— Нѣтъ, — возразилъ Монксъ:- ни вамъ, ни

мнѣ, это никогда не принесетъ вреда. Смотрите сюда! Только не подвигайтесь ни на шагъ впередъ, если дорожите жизнью.

Съ этими словами онъ вдругъ отодвинулъ столъ въ сторону и, взявшись за желѣзное кольцо, виднѣвшееся на полу, откинулъ дверь большого люка, который разверзся какъ разъ у ногъ мистера Бембля, заставивъ этого джентльмена стремительно отступить на нѣсколько шаговъ.

— Посмотрите внизъ, — сказалъ Монксъ, спуская фонарь въ зіяющее отверстіе. — Не бойтесь. Я безъ хлопотъ могъ бы спровадить васъ туда, когда вы еще сидѣли на мѣстахъ, — если бы это входило въ мои разсчеты.

Ободренная этимъ кастелянша подступила къ краю колодца — и даже самъ мистеръ Бембль, подстрекаемый любопытствомъ, осмѣлился сдѣлать то же самое. Мутный потокъ, вздувшись отъ сильнаго ливня, шумно стремился внизу, и всѣ другіе звуки заглушались ропотомъ воды, бурно крутившейся, разбиваясь о зеленыя покрытыя тиной сваи. Когда то тамъ была мельница; водяная стремнина, пѣнясь и дробясь о полусгнившіе столбы и остатки колесъ, казалось, съ возобновленной яростью мчалась впередъ, миновавъ препятствія, которыя тщетно пытались

сдержать ея бѣшеное теченіе.

— Если бросить туда человѣка, гдѣ онъ будетъ завтра утромъ? — сказалъ Монксъ, раскачивая фонарь въ мрачномъ колодцѣ.

— Въ двѣнадцати миляхъ отсюда и при томъ онъ будетъ изорванъ въ клочки, — отвѣтилъ мистеръ Бембль, отшатываясь при одной мысли объ этомъ.

Монксъ досталъ кожаный мѣшечекъ изъ за пазухи, куда онъ торопливо сунулъ его, и, привязавъ къ нему свинцовый грузъ, составлявшій часть блока и валявшійся на полу, бросилъ его въ потокъ. Маленькій предметъ полетѣлъ отвѣсно, какъ игральная кость судьбы, съ едва замѣтнымъ всплескомъ разсѣкъ воду и исчезъ.

Всѣ трое переглянулись и вздохнули съ видимымъ облегченіемъ.

— Готово! — сказалъ Монксъ закрывая подъемную дверь, которая тяжело упала на прежнее мѣсто. — Если волны, какъ говорится въ книгахъ, всегда отдаютъ своихъ мертвецовъ, то онѣ оставляютъ себѣ серебро и золото, оставятъ и эти побрякушки. Намъ больше не о чемъ говорить, и мы можемъ прервать нашу пріятную компанію.

— Разумѣстся, — съ живостью подхватилъ мистеръ Бембль.

— Будете ли вы держать языкъ за зубами, а? — спросилъ Монксъ, грозно взглянувъ на него. — За вашу жену я не боюсь.

— Вы можете на меня положиться, молодой человѣкъ, — отвѣтилъ мистеръ Бембль, кланяясь съ изысканной вѣжливостью и въ то же время пятясь къ лѣстницѣ. — Въ силу общихъ интересовъ, молодой человѣкъ, и въ силу моихъ собственныхъ, — вы понимаете это мистеръ Монксъ.

— Радъ за васъ, слыша это, — произнесъ Монксъ. — Зажгите свой фонарь и уходите отсюда какъ можно скорѣе.

Хорошо, что на этомъ мѣстѣ разговоръ оборвался, иначе мистеръ Бембль, продолжавшій раскланиваться и пятиться и находившійся уже въ разстояніи шести дюймовъ отъ лѣстницы, непремѣнно перекувырнулся бы въ нижній этажъ. Онъ зажегъ свой фонарь при помощи того, который Монксъ отвязалъ отъ веревки и несъ теперь въ рукахъ, и, не пытаясь возобновить разговоръ, молча спустился впереди своей жены. Монксъ заключалъ шествіе, сначала пріостановившись на верхней ступенькѣ, чтобы убѣдиться, что снаружи не слышно иныхъ звуковъ, кромѣ шума дождя и воды.

Черезъ комнату съ низкимъ потолкомъ они

шли медленно и осторожно; каждая тѣнь заставляла Монкса вздрагивать, а мистеръ Бембль, держа фонарь на разстояніи фута отъ пола, шествовалъ не только съ замѣчательной осмотрительностью, но и поразительно легкой, для такого осанистаго джентльмена, поступью, тревожно присматриваясь, нѣтъ ли гдѣ потайныхъ люковъ. Монксъ отодвинулъ задвижку и распахнулъ дверь, черезъ которую они раньше вошли; обмѣнявшись кивкомъ съ таинственнымъ человѣкомъ, супружеская чета очутилась среди темноты и сырости.

Лишь только Бембли ушли, Монксъ, повидимому чувствовавшій непреодолимую боязнь передъ одиночествомъ, позвалъ мальчика, который все это время сидѣлъ въ одномъ изъ закоулковъ нижняго этажа, и, приказавъ ему итти впереди и нести огонь, вернулся въ ту комнату, которую онъ только что покинулъ.

XXXIX. Глава, вводящая нѣкоторыхъ уважаемыхъ лицъ, уже знакомыхъ читателю, и описывающая, какъ совѣщались достопочтенные Монксъ и еврей

На другой день послѣ того, какъ описанное въ предшествовавшей главѣ дѣльцо было покончено между тремя достойными дѣйствующими лицами нашего повѣствованія, мистеръ Уильямъ Сайксъ, проснувшись вечеромъ послѣ непродолжительнаго сна, освѣдомился сонно ворчливымъ голосомъ, который часъ.

Комната, въ которой мистеръ Сайксъ изрекъ этотъ вопросъ, не принадлежала къ тѣмъ, которыя онъ занималъ до своей экспедиціи въ Чертсей, хотя она находилась въ томъ же кварталѣ города и неподалеку отъ прежней его резиденціи. По внѣшнему виду это помѣщеніе сильно уступало его прежнимъ апартаментамъ, представляя собой жалкую и скудно меблированную комнату, очень небольшихъ размѣровъ, освѣщавшуюся только маленькимъ мансарднымъ окномъ, въ которое былъ виденъ тѣсный и грязный пере-

улокъ. Были и другіе признаки, говорившіе о недавнихъ житейскихъ неудачахъ честнаго джентльмена. Крайняя скудость мебели, полное отсутствіе малѣйшихъ признаковъ комфорта и исчезновеніе даже такой мелкой движимости, какъ лишняя пара платья свидѣтельствовали о крайней нуждѣ, а худой и истощенный видъ самаго мистера Сайкса безусловно подтвердилъ бы всѣ эти признаки, если бы они нуждались въ какомъ нибудь подкрѣпленіи.

Громила лежалъ на кровати, закутавшись въ свое бѣлое пальто вмѣсто халата. Лицо его мало выигрывало отъ болѣзненной, мертвенной блѣдности, и нѣсколько дней не бритой, черной и жесткой бороды и грязнаго ночного колпака. Близъ кровати расположилась собака, то внимательно смотря на хозяина, то настораживая уши и издавая глухое ворчаніе, когда шумъ на улицѣ или въ нижней части дома привлекалъ ея вниманіе. У окна, прилежно трудясь надъ починкой стараго жилета, составлявшаго часть костюма разбойника, сидѣла женщина, такая блѣдная и осунувшаяся благодаря лишеніямъ и безсоннымъ ночамъ, что трудно было признать ее за ту самую Нанси, которая уже являлась въ настоящемъ повѣствованіи, — развѣ только по голосу, когда

она отвѣтила на вопросъ мистера Сайкса.

— Недавно било семь, — сказала она. — Какъ ты теперь чувствуешь себя, Билль?

— Слабъ, какъ вода, — отвѣтилъ мистеръ Сайксъ раздражаясь, попутно проклятіями на свои глаза, руки и ноги. Поди сюда, подай мнѣ руку и помоги какъ нибудь выбраться изъ этой окаянной кровати.

Болѣзнь не смягчила характера мистера Сайкса. Когда Нанси помогла ему встать и повела его къ стулу, онъ не переставалъ ругаться по поводу ея неловкости и ударилъ ее.

— Опять ревешь? — сказалъ Сайксъ. — Экъ тебя! Нечего распускать нюни. Если не умѣешь придумать ничего лучшаго, такъ перестань сейчасъ же! Слышишь?

— Слышу, — отвѣтила она, отворачиваясь и принуждая себя засмѣяться. — Что тебѣ опять пришло на умъ?

— Ага! Одумалась? — проворчалъ Сайксъ, замѣчая слезу, дрожавшую на ея рѣсницахъ. — Тѣмъ лучше для тебя.

— Какъ, неужто, Билль, ты хочешь сказать, что готовъ былъ бы обойтись жестоко со мной даже сегодня? — сказала Нанси, положивъ руку ему на плечо.

— Почему же нѣтъ? — вскричалъ Сайксъ.

— Столько ночей, — сказала дѣвушка съ оттѣнкомъ женственной нѣжности, которая даже ея голосу придала какую то мелодичную кротость:- столько ночей я высидѣла надъ тобой, ухаживая и заботясь о тебѣ, словно ты былъ малый ребенокъ. Въ первый разъ сегодня ты пришелъ въ себя; неужели ты поступилъ бы со мной такъ, какъ ты сейчасъ сдѣлалъ, если бы вспомнилъ объ этомъ обо всемъ? Ну же, ну же — скажи нѣтъ!

— Ладно, — отвѣтилъ Сайксъ:- я не трону тебя. Фу, чортъ. Опять дѣвка расхныкалась!

— Ничего, — возразила она, падая на стулъ. — Не обращай вниманія. Сейчасъ пройдетъ.

— Что пройдетъ? — свирѣпымъ голосомъ спросилъ Сайксъ. — Что это за глупости опять начинаются? Вставай, нечего праздновать; принимайся за работу, да не надоѣдай мнѣ своими бабьими нелѣпицами.

Въ другое время это увѣщаніе и тонъ, которымъ оно было произнесено, возымѣли бы желаемое дѣйствіе. Но дѣвушка была дѣйствительно слаба и истощена и, закинувъ голову на спинку стула, потеряла сознаніе, прежде чѣмъ мистеръ Сайксъ успѣлъ выговорить проклятія, которыми онъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно уснащалъ

свои угрозы. Не зная какъ быть въ такомъ непривычномъ случаѣ, такъ какъ прежніе истерическіе припадки миссъ Нанси были такого свойства, что она оправлялась отъ нихъ безъ посторонней помощи, мистеръ Сайксъ попробовалъ немного побогохульствовать и, убѣдившись въ полной безрезультатности этого средства, позвалъ на помощь.

— Въ чемъ дѣло, мой другъ? — спросилъ Феджинъ, заглядывая въ дверь.

— Помоги дѣвкѣ, какъ тутъ быть? — нетерпѣливо отвѣтилъ Саііксъ. — Нечего щелкать зубами и ухмыляться на меня!

Съ восклицаніемъ изумленія Фэджинъ поспѣшилъ къ Нанси, между тѣмъ какъ мистеръ Джонъ Даукинсъ, вошедшій въ комнату вслѣдъ за своимъ почтеннымъ учителемъ, торопливо положилъ на полъ находившійся у него въ рукахъ узелъ и, выхвативъ у слѣдовавшаго за нимъ мистера Чарльза Бэтса бутылку, въ мгновеніе ока вытащилъ пробку зубами и вылилъ часть содержимаго въ ротъ паціентки, предварительно глотнувъ самъ во избѣжаніе ошибки.

— Наддай ей свѣжаго воздуху мѣхами, Чарли, — сказалъ мистеръ Даукинсъ:- а ты, Феджинъ, шлепай ее по рукамъ, пока Сайксъ развяжетъ

ей платье.

Всѣ эти возстановительныя средства были примѣнены съ большимъ усердіемъ, — въ особенности же старался мистеръ Бэтсъ, которому его доля участія повидимому доставила величайшее развлеченіе, — и желаемая цѣль была вскорѣ достигнута. Нанси, понемногу придя въ себя, шатаясь подошла къ стулу, находившемуся у кровати, и уткнулась лицомъ въ подушку, предоставивъ мистеру Сайксу встрѣчать гостей, столь неожиданно явившихся.

— Какой злой вѣтеръ занесъ тебя сюда? — обратился онъ къ Феджину.

— Не злой вѣтеръ, другъ мой; вѣдь злой вѣтеръ не приноситъ ничего хорошаго, а у меня есть кое что хорошее, что ты радъ будешь увидѣть. Доджеръ, мой дружокъ, развяжи ка узелъ, да передай Биллю тѣ мелочишки, на которыя мы сегодня утромъ потратили всѣ деньги.

Согласно распоряженію мистера Феджина, Доджеръ развязалъ старую скатерть, въ которую былъ увязанъ его объемистый узелъ, и началъ передавать одинъ за другимъ находившіеся тамъ предметы Чарли Бэтсу, который располагалъ ихъ на столѣ, краснорѣчиво восхваляя ихъ несравненную доброкачественность.

— Ну, и паштетъ изъ кроликовъ! — вскричалъ этотъ юный джентльменъ, разворачивая большой паштетъ. Такіе, Билль, молоденькіе кролики, да съ такими нѣжными суставами, что даже косточки таютъ во рту и ихъ не приходится обгладывать! Полъ фунта чаю цѣною въ семь шиллинговъ шесть пенсовъ — такого крѣпкаго, что крышка чайника отлетитъ прочь, когда бросить щепотку въ кипятокъ! Полтора фунта тростниковаго сахарнаго песку, надъ которымъ негры трудились до тѣхъ поръ пока не довели его до такого совершенства — ей Богу! — Два двухфунтовыхъ хлѣба, фунтъ лучшаго масла, кусокъ двойного глочестера!.. А вотъ это на послѣдокъ — самый лучшій сортъ, какой тебѣ приходилось пить Билль!

Прочтя послѣдній панегирикъ, мистеръ Бэтсъ вытащилъ изъ своего объемистаго кармана изрядную винную бутылку, тщательно закупоренную, а мистеръ Доджеръ въ ту самую минуту налилъ изъ бывшей у него въ рукахъ склянки полную рюмку чистаго спирта, которую больной опрокинулъ себѣ въ ротъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Ага! — произнесъ Фэджинъ, потирая руки съ чувствомъ большого удовлетворенія. — Теперь

ты поправишься, Билль, дѣло пойдѣтъ на ладъ.

— Пойдетъ на ладъ! — вскричалъ мистеръ Сайксъ. — Да двадцать разъ дѣло могло такъ пойти на ладъ, что я былъ бы отдѣланъ начисто, прежде чѣмъ ты помогъ бы мнѣ! Какъ это можно, криводушный бродяга, бросать такъ человѣка, не навѣдываться даже о немъ три недѣли или больше?

— Ну, вы только послушайте его, молодцы! — произнесъ Феджинъ, пожавъ плечами. — А мы еще принесли ему всѣ эти чудныя вещи!

— Вещи можетъ быть хороши, но это само по себѣ, - замѣтилъ Сайксъ, немного смягчившись, когда окинулъ взглядомъ столъ. — А вотъ, что сказать про тебя, когда ты бросилъ меня тутъ безъ денегъ, безъ жратвы, больного? Когда ты оказывалъ мнѣ ни больше вниманія, какъ если бы я былъ вонъ эта собака? — Оттащи ее прочь, Чарли!

— Я никогда еще не встрѣчалъ такой занятной собаки, — сказалъ мистеръ Бэтсъ, исполняя это требованіе. — Обнюхиваетъ припасы, какъ старая барыня на рынкѣ! Такая собака имѣла бы успѣхъ въ театрѣ и вдобавокъ оживила бы драму!

— Молчать! — крикнулъ Сайксъ, когда собака

удалилась подъ кровать, продолжая сердито ворчать. — Чѣмъ же ты оправдаешься, старый дьяволъ?

— Я уѣзжалъ изъ Лондона на недѣлю съ лишнимъ, мои другъ, — отвѣтилъ еврей.

— А другія двѣ недѣли? — спросилъ Сайксъ. — Что же ты скажешь про остальныя двѣ недѣли, когда я валялся тутъ, словно хворая крыса въ своей норѣ?

— Я не могъ ничего подѣлать, Вилль. Я не имѣго возможности разъяснить это при другихъ, но я ничего не могъ подѣлать, клянусь своей честью.

— Чѣмъ, чѣмъ? — зарычалъ Сайксъ съ крайнимъ омерзеніемъ. — Эй! малецъ! отрѣжь ка мнѣ кусокъ пирога, чтобы перебить этотъ поганый вкусъ во рту, а не то я задохнусь!

— Не сердись же, другъ мой, — покорно упрашивалъ Феджинъ. — Я никогда не забывалъ тебя, Билль, ни разу.

— Конечно! Я ручаюсь, что не забывалъ! — злобно усмѣхнулся Сайксъ. — Каждый часъ, что я лежалъ тутъ въ ознобѣ и въ жару, ты измышлялъ и строилъ затѣи:- Билль сдѣлаетъ то, да Билль сдѣлаетъ это, да Билль сдѣлаетъ все, какъ только поправится, а дать ему можно грошъ. Онъ достаточно бѣденъ, чтобы работать на тебя. Кабы не

дѣвка, я былъ бы на томъ свѣтѣ.

— Ну, вотъ, опять Билль, — возразилъ Феджинъ, ухватываясь съ жадностью за эти слова:- кабы не дѣвка! А кто, какъ не бѣдный старый Феджинъ, раздобылъ тебѣ такую расторопную дѣвушку?

— Онъ говоритъ правду! — сказала Нанси, быстро подходя. — Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ!

Выступленіе Нанси дало новое направленіе разговору; осторожный еврей хитро подмигнулъ подросткамъ и они начали угощать ее виномъ, до котораго она, впрочемъ, едва дотронулась. Феджинъ, напустивъ на себя самое веселое настроеніе, понемногу привелъ мистера Сайкса въ болѣе мягкое расположеніе духа, стараясь относиться къ его угрозамъ, какъ къ пріятнымъ и остроумнымъ выходкамъ, и отъ всей души разсмѣявшись нѣсколькимъ его грубымъ шуткамъ, которыя тотъ, послѣ повторныхъ пріемовъ спиртнаго, началъ благосклонно отпускать.

— Все это прекрасно, — сказалъ мистеръ Сайксъ, — но только изволь мнѣ сегодня же вечеромъ доставить деньжонокъ.

— Съ собой у меня нѣтъ ни одной монеты, — отвѣтилъ еврей.

— Зато дома у тебя цѣлыя кучи, — возразилъ Сайксъ, — и ты можешь для меня взять оттуда.

— Кучи! — вскричалъ Феджинъ, воздѣвъ руки. — Да у меня даже не нашлось бы столько, чтобы....

— Я не знаю, сколько ты тамъ набралъ, да ты и самъ, небось, не знаешь; пересчитывать ихъ — вѣкъ не пересчитать, — сказалъ Сайксъ. — Но мнѣ нужно сегодня же вечеромъ — кажется, чего проще?

— Ладно, ладно, — произнесъ Феджинъ со вздохомъ:- я пришлю съ Доджеромъ.

— Нѣтъ, это не годится, — возразилъ Сайксъ. — Доджеръ больно хитеръ и пожалуй не придетъ еще, или собьется съ дороги, или будетъ увертываться отъ шпиковъ и изъ за этого застрянетъ, или найдетъ какое нибудь иное оправданіе, если ты его пошлешь. Пусть Нанси пойдетъ къ тебѣ и принесетъ; такъ будетъ вѣрнѣе. А пока она ходитъ, я прилягу и вздремну.

Долго поторговавшись и поспоривъ, Феджинъ все-таки уменьшилъ требуемый авансъ съ пяти фунтовъ до трехъ фунтовъ четырехъ шиллинговъ шести пенсовъ; при этомъ онъ торжественно клялся, что у него на свое хозяйство послѣ этого останется только восемнадцать пенсовъ. Мистеръ Сайксъ угрюмо сказалъ, что разъ онъ не сумѣетъ раздобыть больше, то довольно съ него

и этого. Нанси приготовилась сопровождать еврея, а Доджеръ и мистеръ Бэтсъ тѣмъ временемъ помѣстили съѣстные припасы въ шкафъ. Еврей, распростившись съ своимъ дорогимъ другомъ, отправился домой, сопутствуемый Нанси и подростками, а мистеръ Сайксъ растянулся на кровати, чтобы проспать время до возвращенія молодой женщины.

Прибывъ въ жилище Феджина, они застали Тоби Крэкита и Читлинга за пятнадцатой партіей карточной игры, которую, само собою разумѣется, этотъ послѣдній джентльменъ проигралъ, а вмѣстѣ съ ней и свою пятнадцатую — и послѣднюю — шестипенсовую монету, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе своимъ юнымъ друзьямъ. Мистеръ Крэкитъ очевидно устыдившись, что его нашли развлекающимся въ компаніи съ господиномъ, столь ниже его стоящимъ по положенію и по умственнымъ качествамъ, зѣвнулъ и, освѣдомившись о Сайксѣ, взялъ шляпу, чтобы уйти.

— Никто не приходилъ, Тоби? — спросилъ Феджинъ.

— Ни единая живая душа, — отвѣтилъ мистеръ Крэкитъ, поднимая воротникъ. — Было мутно какъ въ скверномъ пивѣ. Съ тебя приходится, Феджинъ, за то, что я такъ долго сторожилъ домъ.

Чортъ возьми, я отупѣлъ, какъ присяжный, и заснулъ бы такъ крѣпко, какъ Ньюгетъ, если бы не согласился позабавить этого парнишку. Адски скучно, провалиться мнѣ, коли это неправда!

Съ этими и другими замѣчаніями въ этомъ же родѣ мистеръ Тоби Крэкитъ сгребъ свои выигрыши и сунулъ ихъ въ карманъ жилета съ надменнымъ видомъ, какъ будто выражая этимъ, что подобная серебряная мелочь совершенно недостойна вниманія такой видной персоны, какъ онъ. Затѣмъ онъ чванно удалился изъ комнаты такой элегантной и изящной походкой, что мистеръ Читлингъ, бросивъ немало благоговѣйныхъ взглядовъ на его ноги и сапоги, пока они не исчезли изъ вида, заявилъ присутствующимъ, что пятнадцать шестипенсовыхъ монетъ за одно свиданіе съ такимъ человѣкомъ онъ считаетъ даже слишкомъ дешевою платой и что его проигрышъ для него не дороже щелчка.

— Что ты за чудачина, Томъ! — сказалъ мистеръ Бэтсъ, котораго это заявленіе весьма развеселило.

— Ничуть! — возразилъ мистеръ Читлингъ. — Развѣ не такъ Феджинъ?

— Ты очень смѣтливый парень, мой милый, — сказалъ Феджинъ, потрепавъ его по плечу и

подмигнувъ остальнымъ питомцамъ.

— А мистеръ Крэкитъ вѣдь знатный щеголь, не такъ ли Феджинъ? — продолжалъ Томъ.

— Не подлежитъ никакому сомнѣнію, дружокъ.

— И пріятно водить съ нимъ знакомство, вѣдь правда, Феджинъ?

— Еще бы, очень, очень пріятно, мой дорогой. Они просто завидуютъ тебѣ, потому что имъ не удалось съ нимъ сблизиться.

— Ага! — торжествующе вскричалъ Томъ. — Вотъ оно что! Онъ меня пообчистилъ, но я могу пойти и заработать еще, если захочу, не правда ли?

— Конечно, можешь, и чѣмъ скорѣе ты пойдешь, тѣмъ лучше, Томъ. Возмѣсти свой проигрышъ сразу, да не теряй больше времени, Доджеръ! Чарли! Пора отправляться. Живѣе! Ужъ скоро десять, а еще ничего не сдѣлано.

Юнцы, кивнувъ Нанси, взялись за шапки, и вышли изъ комнаты. Доджеръ и его веселый другъ по дорогѣ не переставали подшучивать надъ мистеромъ Читлингомъ, въ образѣ дѣйствій котораго, справедливость требуетъ сказать, не было ничего особеннаго и безпримѣрнаго, такъ какъ немало существуетъ въ столицахъ

молодыхъ людей, которые платятъ гораздо болѣе высокую цѣну, чѣмъ мистеръ Читлингъ за участіе въ хорошемъ обществѣ, и немало существуетъ изысканныхъ джентльменовъ (составляющихъ это хорошее общество), которые устанавливаютъ свою репутацію на тѣхъ же началахъ, какъ лихой Тоби Крэкитъ.

— Ну, — сказалъ Фэджинъ, когда они удалились:- теперь я пойду и принесу тебѣ деньги, Нанси. Это просто ключъ отъ шкафа, моя дорогая, гдѣ я храню кое что изъ вещей, приносимыхъ мальчиками. Я не запираю своихъ денегъ, потому что нечего запирать — ха-ха-ха! — нечего запирать, милая моя! Это жалкій и неблагодарный промыселъ, Нанси, но я такъ люблю видѣть вокругъ себя молодежь, что готовъ терпѣть все, готовъ терпѣть все. Шшш! — и онъ поспѣшно спряталъ ключъ за пазуху. — Кто это? Слышишь?

Дѣвушка, которая сидѣла у стола со сложенными руками, повидимому, нисколько не интересовалась, кто тамъ пришелъ, и пришелъ ли онъ или уходитъ, — пока до ея слуха не достигъ звукъ мужского голоса. Въ тотъ же моментъ она съ быстротою молніи сорвала свою шляпку и шаль и бросила ихъ подъ столъ. Еврей тотчасъ обернулся къ ней, и она пробормотала что то, жалуясь на жа-

ру тономъ усталости, составлявшимъ странный контрастъ съ быстротой и стремительностью ея предшествовавшаго движенія, которое, однако, ускользнуло отъ наблюденія Феджина, стоявшаго къ ней въ то время спиною.

— Ба! — произнесъ онъ шепотомъ и какъ бы раздосадованный перерывомъ:- это тотъ, кого я поджидалъ; онъ спускается по лѣстницѣ. Ни словечка насчетъ денегъ, пока онъ здѣсь, Нанси. Онъ не пробудетъ долго, не больше десяти минутъ, моя дорогая.

Приложивъ костлявый палецъ къ губамъ, еврей со свѣчей двинулся къ двери, за которой раздались шаги человѣка, идущаго по лѣстницѣ, и на порогѣ встрѣтился съ посѣтителемъ, который, быстро войдя въ комнату, успѣлъ подойти уже къ столу, прежде чѣмъ замѣтилъ Нанси.

Это былъ Монксъ.

— Одна изъ моей молодежи, — успокоительно сказалъ Феджинъ, видя, что Монксъ попятился назадъ, разглядѣвъ постороннее лицо. — Сиди, Нанси.

Она пододвинулась ближе къ столу и, кинувъ на Монкса беззаботно равнодушный взглядъ, отвернулась; но когда онъ перевелъ глаза на Феджина, она украдкою кинула другой взоръ —

такой острый и пытливый, выражавшій столько затаенной рѣшимости, что будь въ этой комнатѣ сторонній наблюдатель, который подмѣтилъ бы эти оба взгляда, онъ съ трудомъ бы повѣрилъ, что они принадлежали одному и тому же лицу.

— Есть новости? — освѣдомился Феджинъ.

— Большія.

— И... и... хорошія? — спросилъ съ колебаніемъ Феджинъ, какъ бы боясь разсердить посѣтителя чрезмѣрнымъ оптимизмомъ.

— Во всякомъ случаѣ не плохія, — отвѣтилъ Монксъ съ улыбкою. — Я не сидѣлъ сложа руки. Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Нанси еще придвинулась къ столу и не выражала готовности выйти изъ комнаты, хотя замѣтила, что Монксъ указываетъ на нее. Еврей, боясь, быть можетъ, что она что нибудь громко скажетъ о деньгахъ, если онъ попытается ее спровадить, указалъ на верхъ и увелъ Монкса.

— Только не въ ту чортову нору, гдѣ мы были въ тотъ разъ, — донесся до Нанси голосъ посѣтителя, поднимавшагося съ евреемъ по лѣстницѣ.

Феджинъ засмѣялся и, отвѣтивъ что то, чего она не разслышала за скрипомъ ступенекъ, привелъ гостя въ верхнія комнаты.

Еще отзвукъ ихъ шаговъ не умолкъ, когда Нан-

си скинула башмаки, накинула на голову подолъ платья, закутавъ въ него руки, и стала у двери, прислушиваясь съ затаеннымъ дыханіемъ. Какъ только шаги прекратились, она выскользнула за дверь, съ невѣроятною осторожностью и легкостью поднялась по лѣстницѣ и исчезла во мракѣ верхняго этажа.

Комната оставалась пустою четверть часа или болѣе. Затѣмъ Нанси вернулась назадъ, такъ же мягко и неслышно ступая, а черезъ минуту на лѣстницѣ опять застучали шаги. Монксъ сейчасъ же ушелъ, а еврей снова потащился наверхъ за деньгами. Когда онъ вернулся, Нанси надѣвала шляпку и платокъ, готовясь уйти.

— Что такое, Нанси! — вскричалъ еврей, вздрогнувъ, и поставивъ свѣчу на столъ. — Какъ ты блѣдна!

— Блѣдна! — повторила она, затѣняя рукою глаза, какъ бы для того, чтобы взглянуть ему прямо въ глаза.

— Ужасно блѣдна. Что ты съ собой сдѣлала?

— Ничего рѣшительно. Просто я Богъ знаетъ какъ долго высидѣла въ этой душной комнатѣ, - равнодушно отвѣтила она. — Ну, не задерживай меня больше, отпусти поскорѣе.

Со вздохомъ отсчитывая каждую монету, Федж-

инъ выложилъ ей на ладонь условленную сумму и они разстались безъ лишнихъ словъ, только пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

Выйдя на улицу, Нанси присѣла на ступенькѣ около порога и нѣсколько времени, казалось, была совершенно ошеломлена и не въ силахъ была идти. Вдругъ она вскочила и, направившись въ сторону противоположную той, гдѣ Сайксъ ждалъ ея возвращенія, ускорила свой шагъ до такой степени, что онъ понемногу обратился въ стремительный бѣгъ. Совершенно истощивъ свои силы, она остановилась перевести дыханіе и вдругъ словно спохватилась и, въ отчаяніи передъ невозможностью исполнить то, что она хотѣла, заломила руки и залилась слезами.

Быть можетъ, слезы облегчили ее, или же она сознала полную безнадежность своего намѣренія — но она повернула назадъ и побѣжала въ обратную сторону почти съ той же поспѣшностью, частью для того, чтобы наверстать потерянное время, частью, согласуясь съ стремительнымъ потокомъ своихъ мыслей, — и вскорѣ достигла жилища, гдѣ ее поджидалъ громила.

Если она, представъ передъ очи мистера Сайкса, и обнаруживала чѣмъ либо свое волненіе, то онъ этого не замѣтилъ; спросивъ только, принес-

ла ли она деньги, и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ выразилъ мычаніемъ свое удовлетвореніе и, уронивъ голову на подушку, снова предался сновидѣніямъ, которыя были прерваны ея приходомъ.

Къ счастью для нея присутствіе денегъ доставило ему на слѣдующій день столько работы надъ ѣдой и питьемъ и оказало такое благодѣтельное дѣйствіе въ смыслѣ смягченія шероховатостей его характера, что онъ не имѣлъ ни времени, ни склонности къ критическому разбору ея поведенія и настроенія. Что она имѣла разсѣянный и напряженный видъ человѣка, готовящагося къ какому то смѣлому и рискованному шагу, рѣшиться на который стоило не малой борьбы — это ни въ какомъ случаѣ не ускользнуло бы отъ рысьихъ глазъ Феджина, который по всей вѣроятности сразу же поднялъ бы тревогу. Но мистеръ Сайксъ не былъ одаренъ утонченной проницательностью и его можно было обезпокоить не болѣе тонкими опасеніями, чѣмъ тѣ, которыя заставляли его относиться съ суровой грубостью ко всѣмъ окружающимъ; кромѣ того, какъ только что замѣчено, онъ былъ въ необычайно пріятномъ расположеніи духа. Онъ въ ней не подмѣтилъ никакихъ странностей и былъ

такъ мало занятъ ею, что если бы даже ея волненіе проявлялось гораздо сильнѣе, оно едва ли вызвало бы въ немъ какія либо подозрѣнія.

Къ концу дня возбужденіе ея усилилось, и когда она, по наступленіи вечера, сидѣла подлѣ разбойника, поджидая, пока онъ не уснетъ отъ опьяненія, то на ея щекахъ была разлита такая необычайная блѣдность, а глаза ея такъ блестѣли, что даже Сайксъ замѣтилъ это съ удивленіемъ.

Мистеръ Сайксъ, еще слабый отъ лихорадки, лежалъ на кровати, попивая джинъ съ водою, въ качествѣ жаропонижающаго средства, и протянулъ свой стаканъ Нанси, чтобы она въ третій или четвертый разъ наполнила его, когда эти признаки впервые бросились ему въ глаза.

— Чортъ возьми! — произнесъ онъ, приподымаясь на рукахъ и пристально заглядывая ей въ лицо:- ты выглядишь точно мертвецъ, возвращенный къ жизни. Въ чемъ дѣло?.

— Въ чемъ? Да ни въ чемъ, — отвѣтила она. — Что ты на меня такъ уставился?

— Что это за вздоръ? — спросилъ Сайксъ, схватывая ее за руку и грубо встряхивая. — Что это такое? Что это значитъ? О чемъ ты думаешь?

— О многомъ, Билль, — отвѣтила дѣвица, задрожавъ и прижимая руки къ глазамъ. — Но,

Господи! Что же изъ этого?

Нота принужденно и веселости, звучавшая въ послѣднихъ словахъ, повидимому, произвела на Сайкса болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ предшествовавшій дикій и неподвижный взглядъ ея.

— Вотъ что я скажу тебѣ, - произнесъ Сайксъ:- если ты не подхватила лихорадку и это не начало ея, то въ воздухѣ вѣетъ чѣмъ то инымъ и опаснымъ вдобавокъ. Ужъ ни собираешься ли ты... Нѣтъ, чортъ возьми! Ты не сдѣлала бы этого!

— Чего?

— Нѣтъ, — продолжалъ Сайксъ, пристально глядя на нее и бормоча себѣ подъ носъ. — Нѣтъ другой такой преданной дѣвки, иначе я перерѣзалъ бы ей глотку еще три мѣсяца назадъ. У нея попросту начинается лихорадка, вотъ и все!

Успокоившись на этомъ, Сайксъ осушилъ стаканъ до дна и со многими ворчливыми проклятіями потребовалъ лекарства. Дѣвушка проворно вскочила и быстро налила микстуры, но повернувшись къ нему спиной, и держала рюмку у его губъ, пока онъ не выпилъ содержимаго.

— Ну, — сказалъ разбойникъ:- теперь сядь около меня, да съ обычнымъ своимъ лицомъ, а не то я тебѣ такъ его передѣлаю, что ты сама его не узнаешь, когда оно тебѣ понадобится.

Она повиновалась. Сайксъ взялъ ея руку въ кулакъ и устремилъ глаза на ея лицо. Его глаза сомкнулись, открылись снова, сомкнулись еще разъ; опять открылись. Онъ безпокойно ворочался; еще задремавъ нѣсколько разъ на двѣ или три минуты и столько же разъ вскакивая съ видомъ ужаса и безсмысленно осматриваясь вокругъ, онъ вдругъ впалъ въ глубокій и тяжелый сонъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда хотѣлъ снова приподняться, и такъ и застылъ въ этой позѣ. Его пальцы ослабѣли, приподнятая рука безсильно упала, и онъ лежалъ, какъ пораженный столбнякомъ.

— Наконецъ опій подѣйствовалъ, — пробормотала Нанси, вставая со стула. — Я, можетъ быть, уже опоздала.

Она торопливо надѣла шляпку и накинула платокъ, время отъ времени боязливо оглядываясь, какъ будто, несмотря на снотворный напитокъ, она опасалась каждую секунду, что тяжелая рука Сайкса ляжетъ на ея плечо. Затѣмъ, тихо склонившись надъ постелью, она поцѣловала разбойника въ губы и, безшумно открывъ и заперевъ дверь, поспѣшила на улицу.

Сторожъ въ концѣ темнаго переулочка, черезъ который она должна была пройти къ главной

улицѣ, выкрикивалъ половину десятаго.

— Много прошло послѣ половины? — спросила она.

— Черезъ четверть часа пробьетъ десять, — отвѣтилъ сторожъ, поднося свой фонарь къ ея лицу.

— А вѣдь я не поспѣю туда раньше, какъ черезъ часъ, — пробормотала Нанси, быстро прошмыгнувъ мимо него и устремляясь по улицѣ.

Многія лавки закрывались уже въ глухихъ переулкахъ и улицахъ, гдѣ лежалъ ея путь, направлявшійся отъ Спитальфильдса къ западному кварталу Лондона. Часы пробили десять и ея нетерпѣніе увеличилось. Она мчалась по узкимъ тротуарамъ, расталкивая прохожихъ, и мелькала подъ самыми мордами лошадей, когда ей приходилось пересѣкать дорогу, между тѣмъ какъ другіе терпѣливо ждали пока экипажи проѣдутъ и освободятъ проходъ.

— Эта женщина рехнулась! — говорили люди, останавливаясь и смотря ей вслѣдъ.

Въ болѣе богатой части Лондона улицы были сравнительно пустынны, и здѣсь ея безумный бѣгъ возбуждалъ еще большее любопытство среди праздношатающихся, встрѣчавшихся ей на пути. Нѣкоторые, идя за ней, прибавляли

шагу, какъ бы желая узнать, куда она такъ летитъ очертя голову, другіе забѣгали впередъ и съ удивленіемъ оглядывались на ея незамедляемый бѣгъ; но всѣ они понемногу отставали и когда она пришла къ своей цѣли, то была одна.

Она стояла передъ отелемъ въ тихой и красивой улицѣ близъ Гайдъ-Парка. Когда яркій свѣтъ лампы, горѣвшей у входа, указалъ ей, куда итти, пробило одиннадцать. Она сдѣлала нѣсколько медленныхъ шаговъ, словно не рѣшаясь приблизиться, но бой часовъ уничтожилъ ея колебанія и она вошла въ подъѣздъ. На мѣстѣ привратника никого не было. Она робко осмотрѣлась и направилась къ лѣстницѣ.

— Ну, милая моя, — произнесла нарядно одѣтая женщина, выглядывая изъ двери, открывшейся позади Нанси:- что вамъ здѣсь нужно?

— Я хочу повидать леди, которая здѣсь остановилась, — отвѣтила она.

— Леди! — прозвучалъ отвѣта, сопровождаемый презрительнымъ взглядомъ. — Какую леди?

— Миссъ Мэйли, — сказала Нанси.

Молодая горничная, теперь успѣвшая ее лучше разглядѣть, отвѣтила на этотъ разъ только взоромъ добродѣтельнаго презрѣнія и позвала человѣка, чтобы онъ объяснился съ ней. Нанси

повторила ему свою просьбу.

— Какъ передать ей ваше имя? — спросилъ слуга.

— Не надо никакого имени.

— А по какому дѣлу?

— Это тоже не къ чему говорить, — отвѣтила Нанси. — Мнѣ надо повидать леди.

— Какъ бы не такъ! — сказалъ слуга, толкая ее къ двери. — Знаемъ мы. Убирайся ка!

— Пусть меня выпроводятъ силою; такъ я не уйду! — рѣшительно вскричала она. — Я надѣлаю столько хлопотъ, что вамъ и вдвоемъ со мной не справиться. — Нѣтъ ли здѣсь кого нибудь, — сказала она, осматриваясь, — кто согласился бы доложить о такой несчастной твари, какъ я?

Это воззваніе подѣйствовало на повара съ добродушной физіономіей, который съ нѣкоторыми другими слугами выглянулъ на шумъ и теперь выступилъ впередъ, чтобы вмѣшаться.

— Сдѣлай это для нея, Джо, развѣ тебѣ трудно? — сказалъ онъ.

— Да что толку? Ты думаешь, барышня пожелаетъ глядѣть на такихъ, что ли?

Намекъ на сомнительность добраго имени Нанси возжегъ большое количество цѣломудреннаго возмущенія въ груди четырехъ горничныхъ,

которыя съ жаромъ замѣтили, что эта тварь — позоръ всѣхъ женщинъ, и что ее безъ всякаго сожалѣнія надо столкнуть въ уличную канаву.

— Дѣлайте со мной, что хотите, — сказала она, обращаясь снова къ слугамъ:- но сначала исполните мою просьбу, а прошу я, ради всемогущаго Бога, доложить обо мнѣ молодой леди.

Добрый поваръ поддержалъ это ходатайство и въ результатѣ, первый слуга рѣшилъ пойти доложить.

— Такъ какъ же сказать? — спросилъ онъ, ступивъ одной ногой на нижнюю ступеньку.

— Что одна молодая женщина очень проситъ повидать миссъ Мэйли наединѣ, и что какъ только леди услышитъ первое слово, она будетъ знать, стоитъ ли ей выслушать до конца или же надо вытолкать эту женщину на улицу, какъ обманщицу.

— Эге! не слишкомъ ли ты въ себѣ увѣрена?

— Передайте это, — твердо сказала Нанси:- и сообщите мнѣ отвѣтъ.

Слуга побѣжалъ наверхъ. Нанси стояла, блѣдная и почти задыхающаяся, съ трясущимися губами, и прислушивалась ко всѣмъ выраженіямъ презрѣнія, которыми щедро осыпали ее цѣломудренныя горничныя и которыя еще

усилились, когда слуга вернулся и сообщилъ, что молодая женщина можетъ итти наверхъ.

— Къ чему на этомъ свѣтѣ хранить благоприличіе, — сказала первая горничная.

— Мѣдь сбыть легче, чѣмъ золото, устоявшее среди огня, — замѣтила вторая.

Третья довольствовалась тѣмъ, что удивилась:- «изъ чего только скроены барыни», а четвертая взяла тонъ примы въ квартетѣ словами: «этакій срамъ!» — что было подхвачено и остальными.

Не обращая на это вниманія — у нея на сердцѣ было другое, болѣе важное — Нанси, трясясь отъ волненія, прошла за слугой въ небольшую прихожую, освѣщенную висѣвшей съ потолка лампой. Оставивъ ее здѣсь, онъ удалился.

XL. Странное свиданіе, являющееся слѣдствіемъ предыдущей главы

Жизнь Нанси безпутно протекала на улицахъ и въ самыхъ шумныхъ кабакахъ и притонахъ Лондона, но все таки что то осталось въ ней еще напоминавшее женскую природу, и когда она услышала легкую поступь шаговъ, приближавшихся къ двери, передъ которой она стояла, и когда подумала о томъ глубокомъ контрастѣ, который черезъ минуту увидятъ стѣны маленькой комнаты, то она почувствовала все бремя своего глубокаго позора и содрогнулась какъ бы не имѣя силъ перенести присутствія той, съ которой она добивалась увидѣться.

Но съ этими чувствами боролось другое — гордость, составляющая порокъ какъ самыхъ испорченныхъ и падшихъ существъ, такъ и самыхъ возвышенныхъ и самоувѣренныхъ. Несчастная спутница воровъ и злодѣевъ, отбросъ послѣднихъ вертеповъ, помощница завсегдатаевъ остроговъ и каторги, живущая подъ тѣнью висѣлицы даже такое отверженное существо

нашло въ себѣ слишкомъ много гордости, чтобы выказать слабый проблескъ женственнаго чувства, такъ какъ она считала его слабостью, хотя оно было единственнымъ звеномъ, связывавшимъ ее съ тѣмъ человѣчествомъ, всѣ зародыши котораго были загублены безпутною жизнью, еще когда она была ребенкомъ.

Она подняла глаза лишь настолько, чтобы мелькомъ разглядѣть стоявшую передъ ней стройную и прекрасную дѣвушку; затѣмъ, устремивъ ихъ книзу, она съ напускнымъ равнодушіемъ закинула голову и сказала:

— Трудно добраться до васъ, леди. Если бы я оскорбилась и ушла, какъ сдѣлала бы другая, то вы когда нибудь пожалѣли бы объ этомъ, и не попустому.

— Мнѣ очень жаль, если кто нибудь поступилъ съ вами грубо, — отвѣтила Роза. — Забудьте это. Скажите мнѣ, зачѣмъ вы хотѣли видѣть меня? Я то лицо, которое вы спрашивали.

Ласковый тонъ этого отвѣта, нѣжный голосъ, мягкость обращенія, отсутствіе какого либо оттѣнка высокомѣрія или досады — были для молодой женщины совершенной неожиданностью, и она разразилась слезами.

— Ахъ, леди, леди! — сказала она, въ порывѣ

чувства ломая воздѣтыя руки:- если бы больше было такихъ, какъ вы, то какъ мало было бы подобныхъ мнѣ!.. какъ мало!.. какъ мало!..

— Сядьте, — съ внимательнымъ участіемъ произнесла Роза. — Если вы бѣдствуете, если у васъ есть горе, то я отъ души буду рада помочь вамъ, увѣряю васъ. Сядьте.

— Позвольте мнѣ стоять, леди, — сказала Нанси, продолжая плакать:- и не говорите со мной такъ ласково, пока не узнаете меня лучше. Становится поздно. Что… заперта-ли эта дверь?

— Да, — отвѣтила Роза, отступивъ немного назадъ, какъ бы для того, чтобы, въ случаѣ надобности, легче было позвать на помощь. — Почему вы спрашиваете?

— Потому что я собираюсь довѣрить вамъ свою жизнь и жизнь другихъ. Я та дѣвушка, которая уволокла маленькаго Оливера назадъ къ старому Феджину въ тотъ вечеръ, когда онъ вышелъ илъ дома въ Пентонвиллѣ.

— Вы!

— Я, леди. Я то преступное существо, о которомъ вы слышали, живущее среди воровъ. Съ самой той минуты, какъ начала я помнить улицы Лондона, я не знала лучшей жизни, не слыхала большей ласки, чѣмъ можно найти въ нихъ. Богъ

мнѣ свидѣтель! Не старайтесь скрыть, леди, свое отвращеніе ко мнѣ. Я къ этому привыкла, хотя я моложе, чѣмъ вы бы подумали, глядя на меня. Послѣдняя нищенка отшатывается отъ меня, когда я иду по кишащей народомъ панели.

— Какъ это ужасно! — сказала Роза, невольно отстраняясь отъ странной посѣтительницы.

— На колѣняхъ благодарите Небо, дорогая леди, — вскричала Нанси:- что у васъ были друзья, которые о васъ позаботились въ дѣтствѣ, что вы никогда не были среди голода и холода, среди разгула и пьянства и... и... и самаго худшаго — какъ я была отъ самой своей колыбели. Да, моей колыбелью были улицы и вертепы — они же будутъ мнѣ и смертнымъ ложемъ.

— Мнѣ жаль васъ! — сказала Роза дрогнувшимъ голосомъ. — Сердце надрывается, какъ послушаешь васъ.

— Да наградитъ васъ Господь за вашу доброту! — отвѣтила несчастная женщина. — Если бы вы знали, до чего я иной разъ дохожу, — вотъ когда вы пожалѣли бы меня. — Но я тайкомъ ушла отъ тѣхъ, которые убили бы меня, если бы узнали, что я явилась сюда передать подслушанное мною. Знаете вы человѣка, котораго зовутъ Монксомъ?

— Нѣтъ, — сказала Роза.

— Онъ знаетъ васъ и зналъ, что вы здѣсь, такъ какъ изъ его словъ, слышанныхъ мною, я узнала, гдѣ вы находитесь.

— Я въ первый разъ слышу это имя.

— Ну, значитъ онъ среди насъ появляется подъ другимъ именемъ — я такъ и раньше предполагала. Нѣсколько времени назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ Оливеръ былъ взятъ вами къ себѣ въ домъ послѣ ночного взлома, я, подозрѣвая этого человѣка, подслушала разговоръ, который онъ велъ въ темнотѣ съ Феджиномъ. Изъ того, что я услышала, я поняла, что Монксъ, — человѣкъ, о которомъ я у васъ спрашивала...

— Ну да, я понимаю, — сказала Роза.

— ... Что Монксъ случайно видѣлъ его съ двумя изъ нашихъ подростковъ въ тотъ самый вечеръ, какъ мы его потеряли, и что онъ узналъ въ немъ какъ разъ того мальчика, котораго онъ разыскивалъ, хотя я не могла понять, почему. Съ Феджиномъ была заключена сдѣлка, что если Оливера удастся вернуть, то еврей получитъ извѣстную сумму и заработаетъ еще больше, если сдѣлаетъ изъ него вора. Это Монксу нужно было для особыхъ цѣлей.

— Для какихъ же цѣлей? — спросила Роза.

— Онъ замѣтилъ на стѣнѣ мою тѣнь, когда я прислушивалась въ надеждѣ узнать это. Немного есть кромѣ меня, кто сумѣлъ бы во время убраться и не быть пойманнымъ, но я сумѣла. И я не видѣла его до вчерашняго вечера.

— И что же вчера произошло?

— Все разскажу вамъ, леди. Вчера вечеромъ онъ пришелъ опять. Снова они отправились наверхъ, а я, закутавшись, чтобы меня не выдала моя тѣнь, подслушивала у двери. Вотъ первое, что я разслышала изъ словъ Монкса:- «Итакъ единственныя доказательства происхожденія мальчика лежатъ на днѣ рѣки, а старая вѣдьма, которая взяла ихъ у матери, гніетъ въ гробу». Они засмѣялись, радуясь этой удачѣ; потомъ Монксъ, заведя рѣчь опять о мальчикѣ и понемногу приходя въ ярость, сказалъ, что, хотя теперь онъ обезпечилъ за собою деньги маленькаго дьяволенка, но радъ былъ-бы добиться этого другимъ путемъ, потому что какая была бы знатная потѣха, — наложить узду на хвастовство отцовскаго завѣщанія, проведя Оливера черезъ всѣ тюрьмы столицы, и наконецъ видѣть, какъ стянутъ ему глотку ошейникомъ за какое либо мошенничество, на которое безъ труда толкнетъ его Феджинъ, передъ тѣмъ вдобавокъ получивъ отъ него немало пользы.

— Да что же это такое! — воскликнула Роза.

— Истинная правда, леди, хотя вы слышите это отъ меня. Потомъ онъ сказалъ, сопровождая слова проклятіями, привычными моему слуху, но вами неслыханными, — что, если бы онъ могъ утолить свою ненависть, отнявъ жизнь мальчика и не рискуя попасть за это на висѣлицу, онъ сдѣлалъ бы это, но такъ какъ это слишкомъ опасно, то онъ рѣшилъ подстерегать его каждый жизненный шагъ, и если онъ воспользовался уже обстоятельствами его жизни и рожденія, то онъ сумѣетъ ему навредить еще. — «Словомъ, Феджинъ», сказалъ онъ, «при всей своей жидовской хитрости вы не разставляли никому такихъ сѣтей, какія я придумаю для своего младшаго брата Оливера».

— Брата!

— Это точь въ точь его слова, — продолжала Нанси, боязливо осматриваясь, какъ она почти все время съ начала своего разсказа не переставала дѣлать; призракъ Сайкса не оставлялъ ее въ покоѣ. — Но это еще не все. Заговоривъ о васъ и о другой леди, онъ сказалъ, что это точно самимъ небомъ или же дьяволомъ придумано на зло ему, что Оливеръ попалъ въ ваши руки, и засмѣялся, и замѣтилъ, что и въ этомъ есть однако нѣкото-

рое утѣшеніе, такъ какъ какими бы вы только богатствами не пожертвовали, будь они у васъ, за то, чтобы узнать, кто ваша двуногая комнатная собачка.

— Неужели онъ сказалъ это серьезно? — сказала Роза, сильно поблѣднѣвъ.

— Онъ говорилъ съ гнѣвной рѣзкостью и самымъ серьезнымъ тономъ, — отвѣтила Нанси, покачавъ головой. — Этотъ человѣкъ не шутитъ, когда въ немъ просыпается ненависть. Я знаю многихъ, сдѣлавшихъ больше зла, но мнѣ легче было бы выслушать ихъ всѣхъ по двѣнадцати разъ, чѣмъ одного этого Монкса... Но, уже поздно, а мнѣ надо вернуться домой, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія, что я ходила сюда по такому дѣлу. Мнѣ надо живѣй возвращаться домой.

— Но что я могу сдѣлать? — сказала Роза. — Какую пользу я могу извлечь изъ этого сообщенія безъ вашего содѣйствія? Домой! Почему вы хотите вернуться къ товарищамъ, которыхъ вы описали мнѣ такими ужасными красками? Если вы повторите вашъ разсказъ одному джентльмену, котораго я могу въ одну секунду вызвать изъ слѣдующей комнаты, то вамъ меньше чѣмъ черезъ полчаса можно будетъ подыскать помѣщеніе, гдѣ вы будете въ полной безопасности.

— Я хочу домой, — возразила Нанси. — Я должна идти домой, потому что... ну какъ я могу разсказанъ все это такой невинной барышнѣ, какъ вы?... — потому что среди людей, о которыхъ я вамъ говорила, есть одинъ — самый отчаянный изъ всѣхъ нихъ... И его я не могу оставить. Нѣтъ, не могу, даже ради избавленія отъ той жизни, какую я теперь веду.

— Вы уже раньше заступились одинъ разъ за этого милаго мальчика, — продолжала Роза:- вы пришли сюда, несмотря на большую опасность, чтобы передать мнѣ слышанное вами; вы заставили меня вѣритъ въ правдивость вашихъ словъ; я вижу ваше сокрушеніе, ваше чувство стыда, — какъ же мнѣ не вѣрить, что вы еще можете вернуться на истинный путь? Ахъ, не будьте глухи къ увѣщаніямъ другой женщины, — горячо убѣждала Роза бѣдную Нанси, сложивъ руки и давъ волю слезамъ состраданія, — отъ которой вы впервые... впервые, думается мнѣ, услышали слова жалости и участія. Послушайтесь меня и дайте мнѣ возможность спасти васъ для лучшей жизни!

— Леди! — вскричала Нанси, падая на колѣни:- дорогая леди, ласковый ангелъ! Да, правда, вы первая, благословившая меня такими словами,

и еслибы я услышала ихъ годы тому назадъ, они избавили бы меня отъ пути грѣха и скорби. Но теперь слишкомъ поздно, слишкомъ поздно!

— Никогда не поздно раскаяться и искупить вину, — сказала Роза.

— Нѣтъ, поздно! — воскликнула Нанси въ порывѣ душевной муки. — Я не могу теперь его оставить! Я не должна быть причиной его смерти!

— Почему же — смерти? — спросила Роза.

— Ничто не спасло бы его. Если бы я разсказала другимъ то, что разсказала вамъ, и если бы ихъ всѣхъ забрали, то его непремѣнно казнили бы. Онъ страшный головорѣзъ и совершилъ столько жестокостей!

— Возможно ли, — вскричала Роза:- что ради такого человѣка вы готовы отказаться отъ всякихъ надеждъ на будущее и отъ протянутой уже руки помощи? Да это безуміе!

— Я не знаю, какъ слѣдуетъ назвать это, — я знаю только, что это такъ, и что не одна я такая, но и сотни другихъ, такихъ же испорченныхъ и преступныхъ, какъ я. Я должна вернуться. Гнѣвъ ли то Божій за совершенное мною зло — я не знаю; но меня тянетъ къ нему назадъ, несмотря на всѣ страданія и побои, и будетъ тянуть, даже

если я буду знать, что въ концѣ концовъ умру отъ его руки.

— Что же мнѣ дѣлать? — сказала Роза. — Я не должна бы отпустить васъ такъ.

— Нѣтъ, леди, и я знаю, что вы отпустите меня, — возразила женщина, вставая. — Вы не помѣшаете мнѣ уйти, потому что я довѣрилась вашей добротѣ и не потребовала съ васъ никакого обѣщанія, хотя могла бы.

— Но тогда какая польза въ вашемъ сообщеніи? Эту тайну надо разслѣдовать; иначе, оттого что вы ее мнѣ довѣрили, принесетъ ли она что нибудь Оливеру, о благѣ котораго вы заботитесь?

— У васъ найдется какой нибудь добрый знакомый, которому вы по секрету можете это разсказать и посовѣтоваться съ нимъ.

— Но гдѣ мнѣ найти васъ опять, если будетъ нужно? — спросила Роза. — Я не стараюсь узнать, гдѣ живутъ эти ужасные люди, но гдѣ будете вы гулять или проходить въ какое нибудь условленное время?

— Обѣщаете ли вы, что будете строго соблюдать тайну, и что вы придете однѣ или только вдвоемъ съ другимъ посвященнымъ лицомъ, и что за мной не будутъ подглядывать или слѣдить?

— Торжественно обѣщаю вамъ это, — отвѣтила

Роза.

— Каждое воскресенье вечеромъ, отъ одиннадцати до двѣнадцати, — сказала молодая женщина безъ малѣйшаго колебанія:- я буду ходить по Лондонскому мосту, если буду жива.

— Подождите еще минуту, — остановила ее Роза, когда она торопливо двинулась къ двери. — Подумайте еще разъ о своемъ положеніи и о представляющейся вамъ возможности спастись отъ него. Вы имѣете право на мое участіе, не только какъ добровольная вѣстница этой тайны, но и какъ женщина, почти невозвратно погибшая. Неужели вы вернетесь къ этой шайкѣ разбойниковъ и къ этому человѣку, когда одно лишь слово можетъ спасти васъ? Что ослѣпленіе побуждаетъ васъ вернуться и дорожить преступленіемъ и порокомъ? Ахъ, неужели нѣтъ той струны въ вашемъ сердцѣ, которую я могла бы затронуть? Неужели ничего и осталось, что могло бы перевѣсить силу этого страшнаго колдовства?

— Когда дѣвушки, такія молодыя, добрыя, прекрасныя, какъ вы, — твердо отвѣтила Нанси:- отдаютъ свои сердца, то вѣдь и васъ любовь можетъ принудить къ чему угодно, васъ, у которыхъ есть домашній очагъ, друзья, поклонники, все, что сердцу нужно. Когда такая, какъ я, не

имѣющая вѣрной кровли, кромѣ крышки гроба, не имѣющая въ болѣзни или передъ смертью иныхъ друзей, кромѣ больничной сидѣлки, отдаетъ свое гадкое сердце мужчинѣ, предоставивъ ему то мѣсто, которое пустовало въ теченіи всей нашей несчастной жизни, то кто можетъ надѣяться исцѣлить насъ? Жалѣйте насъ, леди... жалѣйте насъ за то, что у насъ осталось только одно женское чувство — да и то, по жестокой волѣ небесъ, вмѣсто отрады и гордости приноситъ лишь новыя страданія и муки.

— Возьмете ли вы, — сказала Роза послѣ паузы:- отъ меня немного денегъ, которыя позволятъ вамъ жить не безчестно, по крайней мѣрѣ, до нашей новой встрѣчи?

— Ни одного пенни, — отвѣтила Нанси, махнувъ рукой.

— Не преграждайте доступа къ своему сердцу всѣмъ моимъ попыткамъ помочь вамъ, — сказала Роза, тихо подходя къ ней. — Я искренно желаю вамъ пользы.

— Вы помогли бы мнѣ больше всего, — ломая руки, отвѣтила Нанси, — если вы могли взять сразу мою жизнь, потому что сегодня мнѣ тяжелѣе, чѣмъ когда лкбо раньше, будетъ сознавать, кто я такая, и для меня было бы утѣшеніемъ хоть уме-

реть не въ томъ аду, гдѣ я жила. Да благословитъ васъ Господь, милая леди, и да пошлетъ онъ вамъ столько же счастья, сколько я терплю стыда!

Съ этими словами несчастная женщина, громко рыдая, ушла, а Роза Мэйли, еще находясь подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ этого страннаго свиданія, болѣе похожаго на быстрый сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, опустилась на стулъ и попыталась привести въ порядокъ свои взволнованныя мысли.

XLI. Глава, содержащая новыя открытія и доказывающая, что неожиданности, подобно несчастіямъ, рѣдко являются въ одиночку

Положеніе Розы было въ самомъ дѣлѣ крайне затруднительно. Испытывая самое живое и жгучее желаніе проникнуть въ тайну, которой было окружено происхожденіе Оливера, она должна была въ то же время свято соблюсти довѣріе, только что выказанное ей этой несчастной женщиной, обратившейся къ ней, какъ къ молодой и чистой дѣвушкѣ. Ея слова и чувства тронули сердце Розы, и загорѣвшееся въ ней желаніе вернуть падшую на путь раскаянія и надежды шло рука объ руку съ ея любовью къ мальчику и пламенной искренностью, едва ли уступало этому послѣднему чувству.

Они предполагали пробыть въ Лондонѣ только три дня, а затѣмъ уѣхать на нѣсколько недѣль далеко на берегъ моря. Теперь была полночь перваго дня. На что рѣшиться, что предпринять въ теченіи сорока восьми часовъ? Или какъ от-

срочить отъѣздъ, не возбуждая подозрѣній?

Съ ними находился мистеръ Лосбернъ и долженъ былъ пробыть и остальные два дня; но Роза слишкомъ хорошо знала горячность милаго доктора и слишкомъ ясно предугадывала гнѣвъ, съ которымъ, въ первомъ порывѣ негодованія, онъ отнесся бы къ пособницѣ вторичнаго плѣненія Оливера, чтобы довѣрить ему секретъ, не опираясь на опытнаго друга, который помогъ бы ей выгодно представить несчастную женщину. Эти же доводы побуждали Розу къ величайшей осторожности и осмотрительности, прежде чѣмъ разсказать все дѣло мистриссъ Мэйли, которая первымъ долгомъ призвала бы на совѣтъ почтеннаго доктора. По тѣмъ же соображеніямъ едва ли можно было думать о томъ, чтобы обратиться къ какому нибудь юристу, если бы даже она знала, на комъ остановить выборъ. Ей пришла было мысль искать поддержки у Гарри, но, вспомнивъ о томъ, какъ они въ послѣдній разъ разстались, она сочла очень неудобнымъ звать его назадъ, когда — тутъ слезы затуманили ея глаза — когда онъ, быть можетъ, успѣлъ забыть ее и наслаждается новымъ счастьемъ.

Волнуемая этими соображеніями, склоняясь то къ одному рѣшенію, то къ другому и снова ихъ

всѣ отвергая, когда каждый доводъ въ послѣдовательности представился ея уму, Роза провела безсонную и безпокойную ночь. На утро, обдумавъ все снова, она пришла къ крайнему выводу, что остается только посовѣтоваться съ Гарри.

«Если для него будетъ мучительно», думала она, «явиться сюда, то каково это будетъ мнѣ! Но, можетъ быть, онъ не пріѣдетъ, а только напишетъ, или же, если и пріѣдетъ, то будетъ старательно избѣгать встрѣчи со мной — какъ онъ сдѣлалъ, когда уѣзжалъ. Я тогда этого не ожидала; но это было лучше для насъ обоихъ». Тутъ Роза уронила перо и отвернулась, какъ бы не желая, чтобы даже бумага, которая будетъ ея гонцомъ, видѣла ея слезы.

Она пятьдесятъ разъ снова брала перо и опять клала его, и обдумывала и передумывала первую строчку письма, не написавъ еще ни слова; въ эту минуту Оливеръ, гулявшій по улицамъ съ мистеромъ Джайльсомъ въ качествѣ своего тѣлохранителя, вдругъ вбѣжалъ въ комнату съ такой поспѣшностью и въ такомъ сильномъ волненіи, что можно было подумать, не случилось ли опять что либо тревожное.

— Что это съ тобой случилось? — спросила Роза[3] вставая и идя ому навстрѣчу.

— Я просто не могу говорить… мнѣ кажется, что сейчасъ я задохнусь! — отвѣтилъ мальчикъ. — Господи! подумать только, что я наконецъ увижу его, и вы получите возможность убѣдиться, что все, разсказанное мною, — правда!..

— Я всегда считала правдой все, что ты говоришь, — сказала Роза, успокаивая его. — Но въ чемъ дѣло? о комъ ты толкуешь?

— Я видѣлъ джентльмена, — отвѣтилъ Оливеръ, еле успѣвая выговаривать слова:- того джентльмена, который былъ такъ добръ ко мнѣ… Мистера Броунлоу, о которомъ мы такъ часто говорили.

— Гдѣ?

— Онъ высаживался изъ кареты, — продолжалъ Оливеръ, плача отъ восторга:- а затѣмъ вошелъ въ домъ. Я не успѣлъ поговорить съ нимъ… Я не могъ ничего сказать, такъ какъ онъ меня не замѣтилъ, а я такъ волновался что не былъ въ состоянiи подойти *къ* нему. Но Джайльсъ спросилъ, живетъ ли онъ тамъ, и ему отвѣтили да. Посмотрите, — тутъ Оливеръ развернулъ листокъ бумаги:- вотъ гдѣ онъ живетъ… Я отправлюсь туда сейчасъ же! Боже! Боже! Что будетъ со мной, когда я снова увижу его и услышу его голосъ!

Роза, вниманіе которой немало отвлекалось всѣми этими несвязными выраженіями радости, прочла адресъ: Крэвнъ-стритъ, въ Стрэндѣ. Она очень скоро приняла рѣшеніе воспользоваться этой встрѣчей.

— Живѣе! — сказала она. — Распорядись, чтобы наняли фіакръ, и приготовься ѣхать со мною. Я возьму тебя туда, не теряя ни минуты. Я только скажу тетѣ, что мы уѣзжаемъ на одинъ часъ. — Будь же готовъ, за мной задержки не будетъ.

Оливера не приходилось торопить, и черезъ пять минутъ они ѣхали уже въ Крэвнъ-стритъ. Когда они остановились у дома, Роза оставила Оливера въ каретѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что она хочетъ приготовить джентльмена къ встрѣчѣ, и, пославъ наверхъ съ слугою свою карточку, велѣла доложить, что ей надо видѣть мистера Броунлоу по очень важному дѣлу. Слуга вскорѣ возвратился и пригласилъ ее пройти наверхъ. Пройдя за нимъ въ одну изъ комнатъ верхняго этажа, миссъ Мэйли очутилась передъ пожилымъ джентльменомъ съ добрымъ лицомъ, въ сюртукѣ темнозеленаго цвѣта. Недалеко отъ него сидѣлъ другой старый джентльменъ въ нанковыхъ панталонахъ и гамашахъ; онъ не имѣлъ особенно добраго вида и сидѣлъ, сложивъ обѣ ру-

ки на набалдашникѣ толстой трости и опершись на чихъ подбородкомъ.

— Боже мой! — сказалъ джентльменъ въ темнозеленомъ сюртукѣ, торопливо поднимаясь съ своего стула съ изысканной вѣжливостью. — Прошу васъ, леди, извинить меня:- я вообразилъ, что явился какой нибудь навязчивый проситель, который… прошу вашего извиненія. Присядьте, пожалуйста.

— Мистеръ Броунлоу, если я не ошибаюсь, сэръ? — сказала Роза, переводя свой взглядъ на другого джентльмена съ того, который обратился къ ней.

— Да, меня такъ зовутъ, — отвѣтилъ старый джентльменъ. — Это мой другъ, мистеръ Гримвигъ. Гримвигъ, оставьте насъ на нѣсколько минутъ.

— Мнѣ кажется, — вмѣшалась миссъ Мэйли: — что мнѣ незачѣмъ безпокоить джентльмена просьбой оставить насъ наединѣ, такъ какъ, если я правильно освѣдомлена, онъ посвященъ въ то дѣло, о которомъ я хочу съ вами говорить.

Мистеръ Броунлоу слегка кивнулъ головой, а мистеръ Гримвигъ, который отвѣсилъ весьма сухой поклонъ и поднялся со стула, отвѣсилъ другой весьма сухой поклонъ и снова сѣлъ.

— Я не сомнѣваюсь, что сильно удивлю васъ, — сказала Роза съ вполнѣ понятнымъ замѣшательствомъ. — Когда то вы выказали большую доброту и участіе по отношенію къ моему дорогому маленькому другу и я увѣрена, что вамъ интересно будетъ услышать про него опять.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Вы знали его подъ именемъ Оливера Твиста.

Лишь только Роза произнесла эти слова, какъ мистеръ Гримвигъ дѣлавшій видъ, что углубился въ чтеніе большой книги, лежащей на столѣ, захлопнулъ ее съ большимъ шумомъ и, откинувшись на спинку стула, изгналъ со своего лица всякое выраженіе, кромѣ того, которое свидѣтельствовало о самомъ крайнемъ удивленіи; нѣкоторое время онъ сидѣлъ съ неподвижно раскрытыми глазами, затѣмъ, словно устыдившись такого проявленія волненія, онъ съ судорожной быстротой принялъ прежнюю позу, и, глядя прямо передъ собою, испустилъ продолжительный низкій свистъ, который затихъ, казалось, не въ воздухѣ, но постепенно замеръ въ отдаленныхъ закоулкахъ его желудка.

Мистеръ Броунлоу былъ не въ меньшей степени пораженъ, хотя его изумленіе не проявлялось такимъ своеобразнымъ способомъ. Онъ подо-

двинулъ свой стулъ ближе къ миссъ Мэйли и сказалъ:

— Будьте добры, дорогая леди, оставьте совершенно въ сторонѣ доброту и участіе, о которыхъ вы упомянули, и о которыхъ никому больше ничего не извѣстно; и если вы имѣете возможность привести какое нибудь доказательство, способное измѣнить неблагопріятное мнѣніе, которое у меня въ силу обстоятельствъ составилось объ этомъ бѣдномъ ребенкѣ, то ради Неба сообщите мнѣ его.

— Дрянной мальчишка! Я готовъ съѣсть свою голову, если онъ не дрянной, — пробурчалъ мистеръ Гримвигъ, произнося слова какимъ то чревовѣщательнымъ пріемомъ — не шевеля ни однимъ мускуломъ лица.

— Этотъ ребенокъ одаренъ благородной натурой и горячимъ сердцемъ, — сказала Роза, вспыхнувъ:- и та всемогущая Сила, которая сочла нужнымъ подвергнуть его испытаніямъ не по лѣтамъ, насадила въ его груди привязанности и чувства, которыя сдѣлали бы честь многимъ людямъ, вшестеро старшимъ его.

— Мнѣ пока шестьдесятъ одинъ годъ, — произнесъ мистеръ Гримвигъ съ тѣмъ же неподвижнымъ лицомъ:- а такъ какъ пусть все полетитъ

къ чорту, если этому Оливеру не двѣнадцать по меньшей мѣрѣ, то я не вижу, чтобы это было примѣнимо ко мнѣ.

— Не обращайте вниманія на моего друга, миссъ Мэйли, — сказалъ мистеръ Броунлоу:- онъ не то думаетъ, что говоритъ.

— Нѣтъ, то самое! — буркнулъ мистеръ Гримвигъ.

— Нѣтъ, не то, — возразилъ мистеръ Броунлоу, очевидно начиная сердиться.

— Онъ съѣстъ свою голову, если онъ думаетъ не то, что говоритъ! — проворчалъ мистеръ Гримвигъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ заслуживаетъ, чтобы ему сняли ее съ плечъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, кто на это рѣшится? — отвѣтилъ мистеръ Гримвигъ, ударяя тростью объ полъ.

Остановившись на этомъ, оба старыхъ джентльмена взяли нѣсколько понюшекъ табаку, а затѣмъ обмѣнялись рукопожатіемъ, согласно своему неизмѣнному обычаю.

— Ну, миссъ Мэйли, — сказалъ мистеръ Броунлоу:- вернемся же къ предмету, въ которомъ принимаетъ такое участіе ваше человѣколюбіе.

Что вы имѣете сообщить объ этомъ бѣдномъ мальчикѣ? Позвольте мнѣ впрочемъ сначала замѣтить, что я истощилъ всѣ бывшія въ моей власти средства, чтобы отыскать его снова, и что со времени моего отъѣзда изъ Англіи мое впечатлѣніе о немъ, какъ объ обманщикѣ, котораго его прежніе товарищи убѣдили обокрасть меня, было сильно поколеблено.

Роза, успѣвшая собраться съ мыслями, въ краткихъ простыхъ словахъ разсказала все, что случилось съ Оливеромъ, послѣ того какъ онъ покинулъ домъ мистера Броунлоу; она умолчала только о томъ, что узнала отъ Нанси, рѣшивъ разсказать это съ глазу на глазъ, и въ заключеніе упомянула, что въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ единственнымъ огорченіемъ мальчика была невозможность повидаться съ своимъ прежнимъ благодѣтелемъ и другомъ.

— Благодареніе Богу! — сказалъ старый джентльменъ. — Это большое счастье для меня, большое счастье. Но вы не сказали мнѣ, миссъ Мэйли, гдѣ онъ теперь? Простите, что я рѣшаюсь упрекнуть васъ, — но почему вы его не привезли съ собой?

— Онъ ждетъ въ каретѣ у подъѣзда, — отвѣтила Роза.

— У подъѣзда! — вскричалъ старый джентльменъ и кинулся изъ комнаты, побѣжалъ внизъ по лѣстницѣ, вскочилъ на подножку фіакра и очутился въ самой каретѣ.

Когда дверь комнаты закрылась за нимъ, мистеръ Гримвигъ поднялъ голову и, превративъ одну изъ заднихъ ножекъ стула въ ось вращенія, описалъ три полныхъ круга при помощи трости и стола, все время продолжая сидѣть. Совершивъ этотъ маневръ, онъ всталъ и проковылялъ по комнатѣ не меньше двѣнадцати разъ такъ быстро, какъ только могъ, и, вдругъ остановившись передъ Розой, поцѣловалъ ее безъ малѣйшаго предисловія.

— Шшш! — произнесъ онъ, когда молодая дѣвушка вскочила, нѣсколько испуганная такимъ страннымъ образомъ дѣйствій. — Не бойтесь. Я достаточно старъ, чтобы быть вашимъ дѣдомъ. Вы милая дѣвушка. Вы мнѣ нравитесь. — Вотъ они идутъ!

Дѣйствительно, едва только онъ проворнымъ скачкомъ успѣлъ занять свое прежнее мѣсто, какъ появился мистеръ Броунлоу въ сопровожденіи Оливера, котораго мистеръ Гримвигъ встрѣтилъ весьма милостиво. И если бы отрада этого момента была единственной наградой Розы

за ея вниманіе и заботы объ Оливерѣ, то она и то могла бы считать себя хорошо вознагражденной.

— Еще кое кого надо не упустить изъ виду, — сказалъ мистеръ Броунлоу, позвонивъ въ колокольчикъ. — Пришлите, пожалуйста, сюда мистриссъ Бедуинъ.

Старая экономка сейчасъ же явилась на зовъ и сдѣлавъ у двери книксенъ, стала въ ожиданіи приказаній.

— Э, да вы слѣпнете съ каждымъ днемъ, Бедуинъ, — произнесъ мистеръ Броунлоу съ нѣкоторой досадой.

— Правда, правда, сэръ, — отвѣтила старушка:- въ мои годы глаза не становятся зорче, сэръ.

— Я могъ бы самъ сказать вамъ, — продолжалъ мистеръ Броуплоу; — но надѣньте очки и посмотрите, зачѣмъ васъ звали сюда — разглядите-ли?

Старушка начала шарить у себя въ карманѣ, ища очки. По терпѣніе Оливера не выдержало этого новаго испытанія и, уступая своему порыву, онъ кинулся ей на шею.

— Да помилуетъ меня Господь! — вскричала старушка, обнимая его:- вѣдь это мой милый мальчикъ!

— Моя дорогая, старая нянюшка!

— Вернулся таки!.. Я знала, что онъ вернет-

ся, — продолжала старушка, прижимая его къ груди. — Какъ онъ хорошо выглядитъ и какимъ барчукомъ снова одѣтъ! Гдѣ ты былъ столько времени? Ахъ! такое же милое личико, только не такое блѣдное, тѣ-же нѣжные глаза, только не такіе грустные! Я не забыла его взгляда и его тихой улыбки, но каждый день видѣла ихъ рядомъ съ лицами моихъ дорогихъ дѣтей, которые померли, еще когда я была веселой молодицею.

Среди такихъ изліяній радости, то отстраняя Оливера, чтобы лучше разглядѣть, какъ онъ выросъ, то обнимая его и нѣжно перебирая пальцами его локоны, добрая старушка и смѣялась и плакала.

Предоставивъ ей и Оливеру на досугѣ обмѣниваться впечатлѣніями, мистеръ Броунлоу повелъ Розу въ сосѣднюю комнату. Тамъ онъ выслушавъ подробный разсказъ о ея свиданіи съ Нанси, немало удивившій и поразившій его. Роза объяснила также, почему она не сочла возможнымъ сразу же сообщить все мистеру Лосберну. Старый джентльменъ нашелъ, что она поступила очень благоразумно, и немедленно рѣшилъ самолично переговорить съ почтеннымъ докторомъ. Чтобы скорѣе предоставить ему къ этому, возможность, они условились, что мистеръ Броунлоу явится

въ отель въ восемь часовъ вечера, а къ тому времени надо осторожно разсказать обо всемъ происшедшемъ мистриссъ Мэйли. Порѣшивъ на этомъ, они разстались, и Роза съ Оливеромъ вернулись домой.

Гнѣвъ добраго доктора вполнѣ оправдалъ ожиданія Розы. Едва только ему передали исторію Нанси, какъ онъ разразился проклятіями и угрозами, клянясь, что онъ сдѣлаетъ ее первой жертвой соединенной проницательности господъ Блэтерса и Деффа, и уже надѣлъ шляпу, чтобы отправиться къ этимъ почтеннымъ джентльменамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ первомъ приступѣ раздраженія онъ исполнилъ бы свое намѣреніе, ни секунды не задумываясь о его послѣдствіяхъ, если бы его не удержали съ одной стороны столь же стремительное противодѣйствіе мистера Броунлоу, который самъ отличался вспыльчивостью, а съ другой — тѣ доводы, которые наилучшимъ образомъ могли быть разсчитаны на то, чтобы отговорить его отъ такого необдуманнаго шага.

— Тогда, чортъ возьми, что же надо дѣлать? — сказалъ неистовый докторъ, когда они вошли въ комнату, гдѣ ожидали ихъ Роза и мистриссъ Мэйли. — Не будетъ ли лучше всего выразить

благодарность всѣмъ этимъ бродягамъ, мужчинамъ и женщинамъ, и попросить ихъ принять по тысячѣ фунтовъ на каждаго — какъ скромный знакъ нашего уваженія и признательности за ихъ доброту по отношенію къ Оливеру?

— Ну, не совсѣмъ такъ — возразилъ со смѣхомъ мистеръ Броунлоу. — Однако мы должны дѣйствовать очень осторожно и осмотрительно.

— Осторожность и осмотрительность! — вскричалъ докторъ. — Да я послалъ бы ихъ…

— Не все ли равно куда, — перебилъ мистеръ Броунлоу. — Но подумайте, отославъ ихъ куда либо — можемъ мы развѣ разсчитывать на достиженіе цѣли, которую имѣемъ въ виду?

— Какой цѣли? — спросилъ докторъ.

— Узнать, кто родители Оливера, и возвратить ему наслѣдство, котораго, если вся эта исторія вѣрна, его лишили обманнымъ образомъ.

— А! — произнесъ мистеръ Лосбернъ, обмахиваясь носовымъ платкомъ:- я почти забылъ про это.

— Вѣдь подумайте, — продолжалъ мистеръ Броунлоу, — если даже исключить совершенно вопросъ объ этой бѣдной дѣвушкѣ и предположить, что удалось бы передать этихъ негодяевъ въ руки правосудія, не затронувъ ее, — что вышло

бы хорошаго?

— А то, что по меньшей мѣрѣ нѣсколькихъ изъ нихъ повѣсили бы, — отвѣтилъ докторъ:- а остальныхъ отправили бы на каторгу.

— Очень хорошо, — сказалъ мистеръ Броунлоу съ улыбкою;- но нѣтъ сомнѣнія, что они и сами пристроятся такимъ образомъ, только дайте имъ время; если же вмѣшаемся мы, то, думается мнѣ, это будетъ донкихотскимъ поступкомъ. Мы повредимъ нашимъ же интересомъ, или, по крайней мѣрѣ, интересамъ Оливера, что то же самое.

— Какъ такъ? — спросилъ докторъ.

— А вотъ какъ. Вѣдь ясно до очевидности, что намъ будетъ чрезвычайно трудно добраться до дна тайны, пока мы не сумѣемъ поставить на колѣни этого человѣка — Монкса. А это можно осуществить только хитростью, поймавъ его въ тотъ моментъ, когда онъ не находится среди этихъ мошенниковъ. Ну, допустимъ, что его арестуютъ, — у насъ нѣтъ доказательствъ противъ него. Онъ даже — поскольку мы знаемъ, поскольку намъ извѣстны всѣ обстоятельства дѣла — не замѣшанъ ни въ какихъ разбояхъ шайки. Его бы не выпустили сразу на свободу, но едва ли ему назначили бы болѣе продолжительное наказаніе,

чѣмъ тюремное заключеніе, налагаемое на бродягъ и праздношатающихся. И ужъ разумѣнтся потомъ его ротъ будетъ сомкнутъ на вѣки, такъ что мы получимъ отъ него не болѣе свѣдѣній, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ глухъ, нѣмъ слѣпъ и вдобавокъ — идіотъ.

— Но тогда, — загорячился снова докторъ:- скажите мнѣ, неужели есть какой нибудь смыслъ въ томъ, чтобы считать обязательнымъ обѣщаніе, данное дѣвкѣ, - обѣщаніе, которое было внушено самыми лучшими и добрыми намѣреніями, но…

— Пожалуйста, дорогая леди, не касайтесь этого вопроса, — сказалъ мистеръ Броунлоу, останавливая Розу, хотѣвшую заговорить. — Обѣщаніе надо сдержать. Я не думаю, чтобы это, хоть въ малѣйшей степени, послужило препятствіемъ нашимъ намѣреніямъ. Но прежде чѣмъ принять какой либо опредѣленный образъ дѣйствій, намъ необходимо повидать молодую женщину, чтобы узнать, согласна ли она выдать намъ Монкса при условіи, что онъ будетъ имѣть дѣло съ нами, а не съ судебной властью, — и, если она не хочетъ или не можетъ этого сдѣлать, то намъ надо получить отъ нея описаніе посѣщаемыхъ имъ мѣстъ и его внѣшности, чтобы имѣть возможностъ узнать его. Мы не можемъ видѣть ее раньше воскресе-

нья, вечеромъ; а теперь вторникъ. Я предложилъ бы пока не предпринимать ничего и держать это въ секретѣ отъ самого Оливера.

Хотя перспектива отсрочки на цѣлыхъ пять дней вызвала не мало кислыхъ гримасъ на лицѣ мистера Лосборна, но онъ былъ вынужденъ признать, что и ему самому не видно иного плана; и такъ какъ Роза и мистриссъ Мэйли выказали себя очень усердными сторонницами мистера Броунлоу, то предложеніе этого джентльмена было принято единогласно.

— Мнѣ бы хотѣлось, — сказалъ мистеръ Броунлоу, — привлечь къ участію моего друга Гримвига. Онъ странный человѣкъ, но проницателенъ и находчивъ, и его помощь могла бы оказаться намъ существенно полезною. Онъ юристъ, но бросилъ адвокатскую дѣятельность, раздосадованный тѣмъ, что за двадцать лѣтъ получилъ веденіе только одного дѣла, хотя плохая это рекомендація или нѣтъ — рѣшите сами.

— Я не имѣю ничего противъ вашего друга, если вы разрѣшите и мнѣ пригласить моего, — сказалъ докторъ.

— Мы должны поставить это на голосованіе, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. — Кто онъ?

— Сынъ этой дамы и... и старинный другъ

этой молодой леди, — сказалъ докторъ, сначала сдѣлавъ жестъ въ сторону мистриссъ Мэйли, а затѣмъ выразительно взглянувъ на ея племянницу.

Роза густо покраснѣла, но не возразила вслухъ ничего (вѣроятно она сознавала, что все равно осталась бы въ меньшинствѣ); такимъ образомъ Гарри Мэйли и мистеръ Гринвигъ были выбраны въ комитетъ.

— Мы, разумѣется, останемся въ городѣ, - сказала мистриссъ Мэйли, — пока существуетъ хоть малѣйшая надежда на успѣхъ разслѣдованія. Я не пожалѣю ни трудовъ, ни расходовъ ради той цѣли, которая такъ глубоко занимаетъ насъ всѣхъ, я рада буду прожить здѣсь хоть цѣлый годъ, если вы скажете только, что надежда не потеряна.

— Прекрасно! — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Однако, такъ какъ я на окружающихъ меня лицахъ читаю вопросъ:- какъ кто случилось, что меня не могли найти, и я такъ внезапно покинулъ предѣлы королевства, какъ разъ когда отъ меня хотѣли услышать подтвержденіе разсказа Оливера? — то позвольте мнѣ попросить васъ не задавать мнѣ вопросовъ до того времени, когда я самъ сочту умѣстнымъ предупредить ихъ, разсказавъ свою исторію. Вѣрьте мнѣ, я имѣю

правильныя основанія къ такой просьбѣ, такъ какъ иначе я могъ бы пробудить надежды, которымъ не суждено осуществиться, и рисковалъ бы только умножить трудности и разочарованія, которыхъ много и безъ того. Пойдемте! Насъ уже звали ужинать, и юный Оливеръ, одиноко ждущій насъ въ сосѣдней комнатѣ, пожалуй, думаетъ уже, что намъ наскучило его общество и что мы составляемъ какой то мрачный заговоръ, имѣющій цѣлью пустить его опять по бѣлу свѣту.

Съ этими словами старый джентльменъ предложилъ руку мистриссъ Мэйли и повелъ ее въ столовую. За нимъ послѣдовалъ мистеръ Лосбернъ, ведя Розу. Засѣданіе комитета было закрыто.

XLII. Одинъ старый знакомый Оливера, проявивъ несомнѣнные признаки геніальности, завоевываетъ себѣ въ столицѣ общественное положеніе

Въ тотъ самый вечеръ, когда Нанси, усыпивъ Сайкса, поспѣшила къ Розѣ Мэйли, чтобы выполнить свою добровольную миссію, къ Лондону приближались по Большой Сѣверной дорогѣ двѣ особы, которымъ стоитъ удѣлить нѣкоторое вниманіе.

То были мужчина и женщина — или, быть можетъ, лучше будетъ опредѣлить ихъ, какъ существо мужскаго пола и существо женскаго пола. Первый принадлежалъ къ тѣмъ долговязымъ, неуклюжимъ, костлявымъ парнямъ, которыхъ возрастъ трудно угадать, потому что, будучи мальчиками, они имѣютъ видъ недорослыхъ мужчинъ, а сдѣлавшись почти мужчинами, они становятся похожи на переросшихъ мальчиковъ. Женщина была молода, крѣпкаго и сильнаго сложенія, что ей было весьма кстати, такъ какъ за спиной она тащила тяжелый узелъ. Ея спутникъ

не былъ обремененъ большимъ багажемъ:- на концѣ лежавшей черезъ его плечо палки болтался небольшой узелъ, завязанный въ носовой платокъ, повидимому довольно легкій. Это обстоятельство въ связи съ длиной его ногъ, отличавшихся необычайными размѣрами, давало ему возможность съ большимъ удобствомъ итти на нѣсколько шаговъ впереди своей спутницы, къ которой онъ по временамъ оборачивался и нетерпѣливо кивалъ головой, какъ бы упрекая ее за медлительность и поощряя къ проявленію энергіи.

Такъ шли они вдоль пыльной дороги, не особенно много глядя по сторонамъ, — развѣ только когда имъ приходилось отступать вбокъ, чтобы пропустить мчавшіяся изъ города почтовыя кареты. Они миновали уже Хайгэтскую арку, когда шедшій впереди пѣшеходъ остановился и нетерпѣливо окликнулъ свою спутницу.

— Да иди же, пошевеливайся! Что ты за лѣнтяйка, Шарлота!

— Да ноша то нелегкая, повѣрь мнѣ, - отвѣтила она, догоняя его и задыхаясь отъ усталости.

— Нелегкая! Что ты тамъ толкуешь? И на что ты тогда годишься? — возразилъ онъ, перекладывая свою собственную маленькую ношу на другое

плечо. — Ну вотъ, опять вздумала отдыхать! Съ тобой всякое терпѣніе потеряешь. На что это похоже!

— Далеко еще намъ идти? спросила женщина, присѣвшая на насыпь и обливавшаяся потомъ.

— Далеко! Вотъ сколько, — отвѣтилъ долговязый пѣшеходъ, указывая впередъ. — Посмотри! — вонъ огни Лондона.

— До нихъ, самое меньшее, будетъ еще двѣ мили, — произнесла женщина съ унынiемъ.

— Не обращай вниманія, сколько — двѣ мили или двадцать, — сказалъ Ноэ Клейполь (это былъ онъ):- а поднимайся да иди дальше. А нѣтъ, такъ я дамъ тебѣ такого пинка ногою, что будешь знать!..

Такъ какъ носъ Ноэ покраснѣлъ еще болѣе отъ раздраженія и онъ, произнеся эти слова, направился къ Шарлотѣ, какъ бы намѣреваясь привести свою угрозу въ исполненіе, то она безпрекословно встала и поплелась дальше рядомъ съ нимъ.

— Гдѣ ты рѣшилъ остановиться на ночь, Ноэ? — спросила она, когда они прошли нѣсколько сотъ ярдовъ.

— Почемъ я знаю? — отвѣтилъ Ноэ, на настроеніи котораго путешествіе отражалось весьма

неблагопріятно.

— Я надѣюсь, что гдѣ-нибудь поблизости?

— Нѣтъ, не поблизости, — сказалъ мистеръ Клейполъ... Тамъ!.. Только не близко... Довольно объ этомъ!

— Почему же не близко?

— Когда я говорю, что не собираюсь дѣлать того-то, то этого достаточно, безъ всякихъ почему и потому, — отвѣтилъ мистеръ Клейполь съ достоинствомъ.

— Зачѣмъ же такъ сердиться, — сказала его спутница.

— Не правда ли, славно было бы взять да и остановиться въ первомъ же трактирѣ на окраинѣ города, чтобы стоило Соурэберри сунуть туда свой старый носъ, и мы бы поѣхали назадъ въ телѣгѣ и въ наручныхъ кандалахъ, — иронически замѣтилъ мистеръ Клейполь. — Нѣтъ! Я ужъ запрячусь въ самыхъ тѣсныхъ проулкахъ, какіе удастся найти, и не остановлюсь, пока не увижу самаго непримѣтнаго трактиришки. Ты должна благодарить Бога, что у меня столько смекалки. Если бы мы не пошли сначала нарочно по другой дорогѣ, да не вернулись бы потомъ въ обходъ, то ты, сударыня моя, уже недѣлю сидѣла бы подъ семью замками. И подѣломъ бы такой дурѣ.

— Я знаю, что у меня нѣтъ твоей смекалки, — отвѣтила Шарлота. — Но почему ты всю вину сваливаешь на меня и говоришь, что *я* была бы заперта? Ужъ забрали бы — такъ насъ обоихъ.

— Ты же взяла деньги изъ выручки, тебѣ отлично извѣстно, что ты, — сказалъ мистеръ Клейполь.

— Я взяла для тебя, Ноэ, дорогой мой, — возразила Шарлота.

— А я спряталъ ихъ? — спросилъ мистеръ Клейполь.

— Нѣтъ, ты довѣрилъ деньги мнѣ и поручилъ мнѣ хранить ихъ, добрый ты мой, милый, — сказала леди, ущипнувъ его за подбородокъ и взявъ его подъ руку.

Дѣйствительно, дѣло было такъ; но такъ какъ слѣпое и не разумное довѣріе къ кому бы то ни было вовсе не составляло свойства мистера Клейполя, то изъ чувства справедливости къ этому джентльмену слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ онъ довѣрилъ Шарлотѣ лишь съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ ареста деньги были найдены при ней. Это дало бы ему возможность отрицать свою причастность къ воровству и сильно увеличило бы его шансы выйти сухимъ изъ воды. Но, конечно, онъ не сталъ пускаться

въ такія объясненія, и они продолжали нѣжно идти рядомъ.

Согласно своему осторожному плану, мистеръ Клейполь не останавливался, пока они не дошли до Айлингтона, гдѣ онъ мудро разсудилъ, по многолюдности улицъ и обилію повозокъ, что начался уже настоящій Лондонъ. Пріостановившись только, чтобы разглядѣть, которыя изъ улицъ наиболѣе запружены народомъ, и, слѣдовательно, наиболѣе опасныя, онъ свернулъ на Сентъ-Джонскую дорогу и вскорѣ погрузился въ темноту запутанныхъ и грязныхъ переулковъ, которые расположены между Грэйсъ-Иннъ-лэномъ и Смитфильдомъ и обращаютъ эту часть города въ самый гнусный и скверный кварталъ, который, несмотря на другія улучшенія, остался въ срединѣ Лондона.

По этимъ то улицамъ зашагалъ Ноэ Клейполь, таща за собою Шарлоту; то онъ останавливался въ водосточной канавѣ, чтобы окинуть взглядомъ внѣшность какого нибудь маленькаго постоялаго двора, то шествовалъ дальше, когда какой либо воображаемый признакъ говорилъ ему, что тутъ еще слишкомъ многолюдно для его цѣлей. Наконецъ онъ остановился передъ самымъ жалкимъ и самымъ грязнымъ трактиромъ

изъ всѣхъ повстрѣчавшихся ему до сихъ поръ и, перейдя на противоположную сторону, чтобы лучше осмотрѣть его, онъ милостиво объявилъ, что намѣренъ здѣсь остановиться на ночлегъ.

— Дай-ка сюда узелъ, — сказалъ онъ, отстегивая ремни, которыми ноша была привязана за плечами женщины и взваливая узелъ къ себѣ на спину:- и не говори ничего, пока я тебя не буду спрашивать. Какъ называется трактиръ: «Трое»... — чего трое?

— «Калѣкъ» — отвѣтила Шарлота.

— «Трое Калѣкъ», — повторилъ Ноэ:- отличная вывѣска. Ну, идемъ, да не отставай отъ меня!

Съ этими словами онъ толкнулъ плечомъ скрипучую дверь и вошелъ въ трактиръ вмѣстѣ съ своей спутницей.

За прилавкомъ не было никого, кромѣ молодого еврея, который, опершись локтями на конторку, читалъ засаленный номеръ газеты. Онъ пристально посмотрѣлъ на Ноэ, а Ноэ пристально посмотрѣлъ на него.

Если бы Ноэ предсталъ въ своемъ прежнемъ пріютскомъ костюмѣ, то было бы вполнѣ понятно, почему еврей такъ вытаращилъ глаза; но такъ какъ Ноэ упразднилъ и куртку и значекъ, и на его костлявой фигурѣ висѣла теперь короткая

блуза, то, повидимому, въ его внѣшности не было ничего, что при входѣ въ трактиръ особенно останавливало бы на себѣ вниманіе.

— Это «Трое Калѣкъ»? — спросилъ Ноэ.

— Да, таково названіе этого трактира, — гнусавымъ тономъ отвѣтилъ еврей.

— Одинъ джентльменъ, котораго мы встрѣтили по дорогѣ, рекомендовалъ намъ остановиться здѣсь, — сказалъ Ноэ, толкая локтемъ Шарлотту для того, быть можетъ, чтобы обратить ея вниманіе на этотъ чрезвычайно остроумный способъ внушитъ къ себѣ уваженіе, или же чтобы предупредить съ ея стороны какое либо проявленіе удивленія. — Намъ надо здѣсь переночевать.

— Я не знаю, можно ли, но я пойду спрошу, — отвѣтилъ сидѣлецъ, въ которомъ читатели могли узнать уже Барнея.

— Покажите-ка намъ комнату да принесите холоднаго мяса и малую толику пива, пока вы будете справляться, слышите? — сказалъ Ноэ.

Барней исполнилъ это требованіе, введя ихъ въ небольшую заднюю комнату и поставивъ передъ ними на столъ заказанное угощеніе; послѣ этого онъ сообщилъ путешественникамъ, что они могутъ остаться на ночлегъ, и оставилъ милую парочку, принявшуюся за подкрѣпленіе

своихъ силъ.

Эта задняя комната непосредственно примыкала къ той, гдѣ находился прилавокъ, и была на нѣсколько ступенекъ ниже, такъ что если кто либо, знакомый съ расположеніемъ дома, отодвигалъ маленькую занавѣску, скрывавшую стеклянное окошечко, которое находилось въ стѣнѣ стойки на высотѣ пяти футовъ отъ пола, то онъ не только могъ наблюдать сверху посѣтителей распивочной, безъ особой опасности быть замѣченнымъ — такъ какъ окошко находилось въ темномъ углу стѣны и наблюдателя къ тому же скрывала толстая деревянная колонна — но имѣлъ также возможность, приложивъ ухо къ перегородкѣ, съ удовлетворительною отчетливостью уловить ихъ разговоръ. Хозяинъ трактира въ теченіи пяти минутъ не покидалъ этого наблюдательнаго пункта, а Барней только что вернулся послѣ того сообщенія, которое онъ передавалъ посѣтителямъ, когда въ буфетъ вошелъ Феджинъ, совершавшій свои вечерніе дѣловые визиты, и спросилъ объ одномъ и въ своихъ питомцевъ.

— Тише! — сказалъ Барней:- въ той комнатѣ чужіе.

— Чужіе! — повторилъ старикъ шепотомъ.

— Да. И чудные такіе, — добавилъ Барней:- Не городскіе, но, сдается мнѣ, пригодный для васъ народъ.

Феджинъ выслушалъ это сообщеніе, повидимому, съ большимъ интересомъ. Взобравшись на стулъ, онъ приложилъ глазъ къ стеклу и увидѣлъ, какъ мистеръ Клейполь ѣстъ и пьетъ въ свое удовольствіе, опустошая блюдо съ холоднымъ мясомъ и кружку съ портеромъ и по временамъ удѣляя гомеопатическія дозы того и другого Шарлотѣ, которая терпѣливо сидѣла рядомъ.

— Ага! — прошепталъ Феджинъ, оглядываясь на Барнея:- мнѣ нравятся ухватки этого парня. Онъ былъ бы намъ полезенъ; онъ уже знаетъ, какъ надо школить дѣвку. Притихни мой другъ, не дѣлай даже столько шуму, какъ мышь, и дай мнѣ послушать ихъ разговоръ, дай мнѣ послушать.

Онъ опять приложилъ глазъ къ стеклу, а ухомъ прижался къ перегородкѣ, внимательно прислушиваясь; лицо его приняло хитрое и жадное выраженіе, придавшее ему сходство съ какимъ то старымъ злымъ духомъ.

— Итакъ я рѣшилъ сдѣлаться джентльменомъ, — сказалъ мистеръ Клейполь, вытягивая ноги и продолжая разговоръ, къ началу котораго

Феджинъ уже опоздалъ. — Довольно этихъ проклятыхъ гробовъ, хочу начать барскую жизнь; а ты Шарлота, если хочешь, будешь леди.

— Я бы очень этого хотѣла, мой милый, — отвѣтила Шарлота:- но не всякій же день удается опустошать выручки, и благополучно послѣ этого задавать тягу.

— Къ чорту выручки! — сказалъ мистеръ Клейполь. — Много и другого можно поопорожнить, не однѣ только выручки.

— А что къ примѣру? — спросила его спутница.

— Карманы, дамскіе ридикюли, дома, почтовыя кареты, банки! — воодушевляясь подъ вліяніемъ портера отвѣтилъ мистеръ Клейполь.

— Но ты не сможешь сдѣлать все это, милый, — замѣтила Шарлота.

— Я постараюсь завести съ ними сношенія, — сказалъ Ноэ. — Они сумѣютъ такъ или иначе пристроить насъ къ полезному дѣлу. Вотъ хоть бы ты — вѣдь ты стоишь пятидесяти женщинъ; никто не сумѣетъ такъ ловко схитрить и обмануть, какъ ты, когда я даю тебѣ на это волю.

— Боже, какъ хорошо слышать отъ тебя такія слова! — вскричала Шарлота, напечатлѣвая поцѣлуй на его противномъ лицѣ.

— Ладно, будетъ, — сказалъ Ноэ, величественно

освобождаясь отъ нея. — Да не разнѣживайся слишкомъ, когда я крутоватъ съ тобой. Я хотѣлъ бы быть атаманомъ шайки, и держать всѣхъ въ рукахъ, и слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ такъ, чтобы они этого не подозрѣвали. Это было бы для меня самымъ любезнымъ дѣломъ, если бы предвидѣлись барыши; только бы намъ снюхаться съ кѣмъ нибудь изъ этихъ господъ, а тогда это намъ обойдется не дороже того двадцати-фунтоваго билета, который у тебя хранится, тѣмъ болѣе, что мы сами не знаемъ, какъ отъ него отдѣлаться.

Высказавъ это сужденіе, мистеръ Клейполь заглянулъ въ пивную кружку съ видомъ глубочайшей мудрости и, взболтавъ хорошенько ея содержимое, снисходительно кивнулъ головой Шарлотѣ и сдѣлалъ глотокъ, доставившій ему, повидимому, большое удовольствіе. Онъ раздумывалъ надъ вторымъ глоткомъ, когда дверь внезапно открылась и появленіе новаго лица прервало его.

Это былъ мистеръ Феджинъ. Онъ имѣлъ очень любезный видъ и, подойдя, отвѣсилъ очень низкій поклонъ; присѣвъ у сосѣдняго столика, онъ приказалъ усмѣхавшемуся Барнею подать себѣ что нибудь выпить.

— Пріятный вечеръ, сэръ, но слишкомъ хо-

лодный для такого времени года, — сказалъ Феджинъ, потирая руки. — Издалека, я вижу, сэръ?

— Какъ вы это видите? — спросилъ Ноэ Клейполь.

— У насъ въ Лондонѣ нѣтъ такой пыли, — отвѣтилъ Феджинъ, указавъ поочередно на обувь Ноэ и его спутницы и на оба узла.

— Вы смѣтливый человѣкъ, — сказалъ Ноэ. Ха-ха-ха! Ты послушай только, Шарлота!

— Ну, мой другъ, въ этомъ городѣ плохо тому, кто не смѣтливъ, — отвѣтилъ еврей, понижая голосъ до конфиденціальнаго шепота:- и это я вамъ говорю правду.

Феджинъ скрѣпилъ это замѣчаніе, коснувшись своего носа сбоку правымъ указательнымъ пальцемъ, — и Ноэ тотчасъ попытался перенять у него этотъ жестъ, хотя не вполнѣ успѣшно, вслѣдствіе того, что его носъ не былъ достаточно великъ. Какъ бы то ни было, но мистеръ Феджинъ истолковалъ эту попытку, какъ выраженіе полнаго совпаденія съ высказаннымъ имъ мнѣніемъ и дружески протянулъ ему напитокъ, принесенный Барнеемъ.

— Хорошая штука, — замѣтилъ мистеръ Клейполь, прищелкнувъ губами.

— Дорогая! — сказалъ Феджинъ. — приходится постоянно опоражнивать либо выручку, либо карманъ, либо дамскій ридикюль, либо домъ, либо почтовую карету, либо банкъ, чтобы постоянно пить такое зелье.

Лишь только мистеръ Клейполь услышалъ извлеченіе изъ собственныхъ своихъ замѣчаній, тотчасъ откинулся на спинку стола и, выражая своимъ поблѣднѣвшимъ какъ мѣлъ лицомъ крайній испугъ, растерянно переводилъ взглядъ съ еврея на Шарлоту.

— Не обращайте вниманія, дорогой мой, — сказалъ Феджинъ, придвигаясь ближе къ нему. — Ха-ха! Хорошо, что только я васъ случайно услышалъ. Очень вышло счастливо, что только я.

— Я ничего не бралъ, — забормоталъ Ноэ, уже не сидѣвшій съ вытянутыми ногами, какъ подобаетъ независимому джентльмену, но подобравшій ихъ, какъ только могъ, подъ стулъ. — Это все ея продѣлки. Вѣдь у тебя деньги Шарлота, ты знаешь, что у тебя.

— Не все ли равно, у кого и кто взялъ, дорогой мой! — отвѣтилъ Феджинъ, кинувъ, однако, соколиный взглядъ на дѣвушку и на оба узла. — Я по той же части, и вы мнѣ нравитесь этимъ.

— По какой части? — спросилъ мистеръ Клей-

поль, нѣсколько ободрившись.

— По части этихъ дѣлъ, — отвѣтилъ Феджинъ;- такъ же точно, какъ и всѣ служащіе этого трактира. Вы угодили въ надлежащую дверь, и здѣсь вамъ такъ безопасно, какъ лучше и желать нельзя. Во всей столицѣ нѣтъ такого надежнаго мѣста, какъ «Калѣки» — то есть, пока я не нарушу его безопасности. А я полюбилъ васъ и эту молодую женщину, а поэтому, разъ я такъ сказалъ, то вамъ не о чемъ тревожиться. Верните себѣ душевное спокойствіе.

Если душа мистера Клейполя и успокоилась послѣ этого увѣренія, то отнюдь нельзя было сказать того же про его тѣло, такъ какъ онъ ерзалъ и крутился на стулѣ, принимая самыя неуклюжія позы и созерцая своего новаго друга со страхомъ и недовѣріемъ.

— Вотъ еще что я скажу вамъ, — продолжалъ Феджинъ, ободривъ дѣвушку дружелюбными кивками и успокоительными замѣчаніями. — У меня есть другъ, который, я думаю, пойдетъ навстрѣчу вашему горячему желанію и поставитъ васъ на истинный путь, гдѣ вы можете взять на себя такой родъ занятій, какой вамъ покажется напболѣе подходящимъ для начала, и понемногу изучить остальныя отрасли.

— Вы говорите будто всерьезъ, — отвѣтилъ Ноэ.

— Ну какой же смыслъ былъ бы мнѣ шутить? — пожалъ плечами Феджинъ. — Вотъ что! Пойдемъ-ка, мнѣ надо сказать вамъ пару словъ наединѣ.

— Зачѣмъ намъ безпокоиться и уходить? — сказалъ Ноэ, постепенно опять извлекая ноги изъ подъ стула. — Она пока можетъ снести узлы наверхъ. Шарлота, возьми узлы!

Это повелѣніе, произнесенное съ большимъ величіемъ, было исполнено безъ малѣйшаго промедленія и Шарлота поплелась прочь съ багажомъ, между тѣмъ какъ Ноэ открылъ ей дверь и проводилъ ее глазами.

— Я недурно ее обуздываю, не правда ли? — возвратясь на свое мѣсто, спросилъ онъ тономъ укротителя, только что смирившаго какого нибудь дикаго звѣря.

— Превосходно, — отвѣтилъ Феджинъ, похлопывая его по плечу:- вы геній.

— Я думаю, что если бы я не былъ геніемъ, то не находился бы здѣсь, — сказалъ Ноэ. — Однако, она скоро вернется, не теряйте времени.

— Ну, такъ какъ же вы думаете? Если мой другъ вамъ понравится, то что для васъ можетъ быть

лучшаго, какъ присоединиться къ нему?

— Хороши ли его дѣла? Въ этомъ вся суть, — отвѣтилъ Ноэ, подмигнувъ своимъ крошечнымъ глазомъ.

— Онъ на вершинѣ дерева; у него пропасть рукъ и онъ окруженъ наилучшимъ обществомъ свѣдущихъ мастеровъ.

— Все городскіе?

— Ни одного иногородняго среди нихъ, и я думаю, что онъ не взялъ бы васъ, даже по моей рекомегдаціи, если бы не нуждался въ помощникахъ какъ разъ теперь.

— Долженъ ли я буду выложить свое? — спросилъ Ноэ, хлопнувъ себя по карману.

— Да, безъ этого едва ли обойдется, — отвѣтилъ Феджинъ съ увѣренностью.

— Двадцать фунтовъ, чортъ возьми — вѣдь это уйма денегъ!

— Только если не въ билетѣ, отъ котораго не отдѣлаешься, — возразилъ Феджинъ. — Нумеръ и годъ записаны, я полагаю? Въ банкѣ не станутъ мѣнять, а? Цѣна билета будетъ не большая. Придется отправить подальше, и едва ли удастся сбыть за дорого.

— Когда я могу его видѣть? — нерѣшительно спросилъ Нюэ. — Завтра утромъ.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Гм! — произнесъ Ноэ. — Какое жалованье?

— Будете жить, какъ джентльменъ — столъ и квартира, табакъ и выпивка безплатно, половина заработка вамъ и половина молодой женщинѣ.

Согласился ли бы Ноэ — жадность котораго вовсе не отличалась ничтожными размѣрами — даже на такія блестящія условія, при обладаніи полной свободой выбора — весьма сомнительно; но, вспомнивъ, что въ случаѣ его отказа его новый знакомый имѣетъ власть немедленно отданъ его въ руки правосудія (вѣдь и болѣе странныя вещи случаются), онъ постепенно сдался и заявилъ, что по его мнѣнію это для него годится.

— Но вы понимаете, — замѣтилъ Ноэ:- что такъ какъ она сможетъ наработать немало, то я хотѣлъ бы взять себѣ что нибудь полегче.

— Дамскія рукодѣлія? — подсказалъ Феджинъ.

— Да, въ этомъ родѣ, - отвѣтилъ Ноэ. — Что по вашему мнѣнію подошло бы какъ разъ для меня на первое время? Что нибудь, не требующее большой силы и не очень опасное, понимаете? Вотъ въ этакомъ родѣ.

— Я слышалъ, какъ вы говорили что-то о подглядываніи за другими, мой другъ, — сказалъ

Феджинъ. — Моему другу очень пригодился бы кто нибудь, кто умѣлъ бы хорошо шпіонить.

— Да, я упомянулъ объ этомъ и не прочь былъ бы этимъ заниматься по временамъ, — нерѣшительно произнесъ мистеръ Клейполь. — Но это дѣло само себя не оплачиваетъ, вы знаете.

— Правда! — замѣтилъ еврей, обдумывая или притворяясь обдумывающимъ. — Нѣтъ, это не годится.

— Что же въ такомъ случаѣ? — спросилъ Ноэ, озабоченно глядя на него. — Хорошо бы что нибудь такое, что можно дѣлать украдкой и хорошо зарабатывать, и въ то же время быть въ такой же безопасности, какъ у себя дома.

— Что думаете вы о старыхъ дамахъ? — предложилъ Феджинъ. — Можно вѣдь сколотить немало денегъ, вырывая у нихъ сумки и узелки и убѣгая за уголъ.

— А развѣ онѣ не визжатъ отчаяннымъ голосомъ и не царапаются иногда? — сказалъ Ноэ, качая головой. — Я не думаю, что это для меня годится. Нѣтъ ли еще какой нибудь работы?

— Постойте! — сказалъ Феджинъ, положивъ руку на колѣно Ноэ. — Щипанье цыплятъ.

— Что это такое? — освѣдомился мистеръ Клейполь.

— Цыплята, дорогой мой, — отвѣтилъ Феджинъ:- это маленькія дѣти, посланныя мамашами съ какими либо порученіями. А щипанье заключается въ томъ, чтобы отнимать у нихъ деньги. Они всегда держатъ свои шиллинги и полушиллинги наготовѣ въ рукахъ — а затѣмъ спихивать ихъ въ водосточную канаву и медленнымъ шагомъ уходить прочь, какъ будто ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что какой то ребенокъ упалъ и немножко ушибся. Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — заржалъ мистеръ Клейполъ, въ восторгѣ дрыгнувъ ногой въ воздухѣ. — Ей Богу, лучше ничего и не придумать!

— Конечно! — продолжалъ Феджинъ. — И вы можете намѣтить себѣ великолѣпную охоту въ Кэмденъ-Таунѣ, Беттльбриджѣ и сосѣднихъ кварталахъ, гдѣ они постоянно бѣгаютъ съ порученіями, такъ что вы въ любое время можете ощипать столько цыплятъ сколько захотите. Ха-ха-ха!

Тутъ Феджинъ ткнулъ мистера Клейполя въ бокъ и они въ одинъ голосъ разразились громкимъ и продолжительнымъ хохотомъ.

— Ну и прекрасно! — сказалъ Ноэ, приходя въ себя и видя возвращающуюся Шарлоту. — Въ какое же время завтра утромъ?

— Десять часовъ годится? — спросилъ Феджинъ и, когда мистеръ Клейполь утвердительно кивнулъ головой, то прибавилъ:- Какъ я долженъ величать моего добраго друга?

— Мистеръ Больтеръ, — отвѣтилъ Ноэ, приготовившійся къ такому вопросу заранѣе:- мистеръ Моррисъ Больтеръ. А это мистриссъ Больтеръ.

— Мистеръ Больтеръ, вашъ покорнѣйшій слуга, — сказалъ Феджинъ, кланяясь съ комической галантностью. — Я надѣюсь, что познакомлюсь съ вами ближе въ очень непродолжительномъ времени.

— Ты слышишь, что говоритъ джентльменъ, Шарлота? — загремѣлъ мистеръ Клейполъ.

— Да, Ноэ, милый мой, — отвѣтила мистриссъ Больтеръ, протягивая руку.

— Она зоветъ меня Ноэ въ видѣ особой ласки, — сказалъ мистеръ Болътеръ, бывшій Клейполь, обращаясь къ Феджину. — Вы понимаете?

— О да, я понимаго, отлично понимаю, — отвѣчалъ Феджинъ (и дѣйствительно онъ понималъ). — Спокойной ночи! спокойной ночи!

Съ многочисленными прощаніями и благими пожеланіями мистеръ Феджинъ отправился восвояси. А Клейполь, воззвавъ къ вниманію своей дамы, началъ уяснять ей заключенное имъ согла-

шеніе, обнаруживая при этомъ надменность и чувство превосходства, приличествовавшія ему не только какъ представителю болѣе сильнаго пола, но и какъ джентльмену, который заслужилъ честь быть назначеннымъ на такой важный постъ, какъ «щипаніе цыплятъ» въ ЛондонѢ и его окрестностяхъ.

XLIII. Глава, въ которой описывается затруднительное положеніе хитроумнаго Доджера

— Итакъ, вашъ другъ это были вы сами? — спросилъ мистеръ Клейполь, Больтеръ тожъ, когда въ силу заключеннаго условія онъ на другой день переѣхалъ въ жилище Феджина. — Чортъ возьми, я почти догадывался объ этомъ вчера вечеромъ!

— Всякій человѣкъ другъ самому себѣ, милый мой, — отвѣтилъ Феджинъ съ своей наиболѣе вкрадчивой улыбкой. — Другого такого хорошаго друга онъ не сыщетъ.

— Не всегда однако, — возразилъ Больтеръ съ видомъ бывалаго человѣка. — Вы знаете, что иные люди никому не приходятся врагами, кромѣ какъ самимъ себѣ.

— Не вѣрьте этому, — сказалъ Феджинъ. — Если кто нибудь врагъ самому себѣ, то только потому, что онъ въ слишкомъ сильной степени себѣ другъ, а не потому, что онъ заботится обо всѣхъ кромѣ себя. Куда тамъ! На свѣтѣ этого не бываетъ.

— А если бываетъ, то не должно бы быть, — за-

мѣтилъ мистеръ Больтеръ.

— Вѣдь это очевидно. Иные заговорщики говорятъ, что магическое число — это три, другие — что семь. Ни то, ни другое, милый мой, ни то, ни другое. Единица — вотъ магическое число.

— Ха-ха! — засмѣялся мистеръ Больтеръ. — Да здравствуетъ единица!

— Въ такой маленькой общинѣ, какъ наша, другъ мой, — продолжалъ Феджинъ, считая необходимымъ выставить это положеніе, — мы всѣ составляемъ совмѣстную единицу. Другими словами, вы не можете считать себя нумеромъ первымъ, не считая въ то же время нумеромъ первымъ и меня и всѣхъ своихъ молодыхъ товарищей.

— Чортъ возьми, однако! — воскликнулъ мистеръ Больтеръ.

— Какъ вы видите, — велъ свою линію Феджинъ, дѣлая видъ, что не замѣтилъ этого замѣчанія, — мы въ такой степени перемѣшаны, и интересы наши такъ отождествлены, что иначе и быть не могло бы. Напримѣръ, ваша прямая цѣль — заботиться о нумерѣ первомъ — имѣя въ виду васъ самихъ.

— Конечно, — отвѣтилъ мистеръ Больтеръ:- вы говорите вполнѣ правильно.

— Прекрасно! Но вы не можете заботиться о себѣ, нумерѣ первомъ, не заботясь въ то же время обо мнѣ, нумерѣ первомъ.

— Второмъ, вы хотите сказать, — поправилъ его мистеръ Больтеръ, въ сильной степени одаренный добродѣтелью себялюбія.

— Вовсе нѣтъ! — возразилъ Феджинъ. — Я для васъ имѣю такую же важность, какъ и вы сами.

— Знаете, — перебилъ мистеръ Больтеръ:- вы очень пріятный человѣкъ и я къ вамъ сильно расположенъ. Но мы не такіе ужъ закадычные друзья, чтобы можно было такъ говорить.

— Да вы только поразмыслите, — сказалъ Феджинъ, пожимая плечами и протягивая передъ собой руки:- только разсудите. Вы сдѣлали очень славную штуку, и я васъ за это именно и полюбилъ; но за кто же самое вамъ на шею могли бы надѣть галстухъ, который очень легко завязывается, но очень трудно развязывается, говоря проще, веревочную петлю.

Мистеръ Больтеръ потрогалъ свой шейный платокъ, какъ будто онъ показался ему слишкомъ туго завязаннымъ, и пробормоталъ что то невнятное, но звучавшее тономъ согласія.

— Висѣлица, — продолжалъ Феджинъ, — висѣлица, дорогой мой, есть ничто иное, какъ прене-

пріятный указательный столбъ, направляющій на чрезвычайно рѣзкій и короткій поворотъ пути, на которомъ покончили свое поприще очень многіе смѣлые витязи большой дороги. Держаться ровнаго пути и сторониться подальше отъ этого распутья — является для васъ цѣлью нумеръ первый.

— Разумѣется такъ, — отвѣтилъ мистеръ Больтеръ. — Но къ чему вы обо всемъ этомъ толкуете?

— Только для того, мой другъ, чтобы пояснить вамъ мою мысль, — сказалъ еврей, поднимая брови. — Продолжаю. Чтобы достигнуть этого, вы должны положиться на меня. А чтобы мое маленькое предпріятіе шло по хорошему, я долженъ положиться на васъ. Одно составляетъ для васъ нумеръ первый, а другое — для меня нумеръ первый. Чѣмъ больше вы цѣните свой нумеръ первый, тѣмъ больше вы должны заботиться о моемъ. Такимъ образомъ, мы наконецъ пришли къ тому, что я сказалъ вамъ въ самомъ началѣ, то есть, что вниманіе къ нумеру первому связываетъ насъ всѣхъ вмѣстѣ, и такъ и должно быть, иначе вся наша компанія пойдетъ прахомъ.

— Это вѣдь вѣрно, — задумчиво произнесъ мистеръ Больтеръ. — Какой вы хитрый старый

плутъ!

Мистеръ Феджинъ съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ, что эта похвала его способностямъ не является простымъ комплиментомъ, но что онъ дѣйствительно внушилъ новобранцу сознаніе своего пронырливаго генія; а внушить такое сознаніе съ самаго начала знакомства было дѣломъ первостепенной важности. Чтобы усилить впечатлѣніе, столь желательное и полезное, онъ послѣ перваго удара познакомилъ новичка, въ нѣкоторыхъ деталяхъ, съ величіемъ и обширностью своихъ операцій, при чемъ по мѣрѣ надобности переплеталъ истину съ вымысломъ и пользовался и тѣмъ и другимъ такъ искусно, что чувство уваженія со стороны мистера Больтера замѣтно увеличилось и въ то же самое время къ нему примѣшалась извѣстная доля благотворнаго страха, возбудить который было чрезвычайно желательно.

— Только это взаимное довѣріе другъ къ другу и утѣшаетъ меня во время тяжелыхъ утратъ, — сказалъ Феджинъ. — Вчера утромъ я лишился своего лучшаго работника.

— Ужъ не хотите-ли вы сказать, что онъ умеръ? — воскликнулъ мистеръ Больтеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Феджинъ:- не такъ

плохо. Не такъ ужъ плохо.

— Тогда вѣроятно онъ....

— Его потребовали, — прервалъ Феджинъ. — Да, его потребовали въ другое мѣсто.

— По чрезвычайному дѣлу? — спросилъ мистеръ Больтеръ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Феджинъ:- не очень. Его обвинили въ томъ, что онъ хотѣлъ обшарить карманъ, и при обыскѣ нашли у него серебряную табакерку — его собственную, другъ мой, его собственную, такъ какъ онъ нюхалъ табакъ и очень любилъ это. Они задержали его до сегодняшняго дня, такъ какъ имъ показалось, что они нашли настоящаго собственника табакерки. Ахъ, онъ стоилъ пятидесяти табакерокъ, и я готовъ былъ бы столько заплатить, лишь бы вернуть его. Вамъ слѣдовало бы познакомиться съ Доджеромъ, мой другъ, вамъ слѣдовало бы узнать этого пройдоху.

— Ну, я надѣюсь еще съ нимъ познакомиться, какъ вы думаете? — сказалъ мистеръ Больтеръ.

— Я сомнѣваюсь, придется ли вамъ, — со вздохомъ отвѣтилъ Феджинъ:- Если не выставятъ противъ него новыхъ доказательствъ, то назначатъ только краткое заключеніе въ тюрьму, и мы увидимъ его недѣль черезъ шесть. Но если раздобудутъ улики, то дѣло пахнетъ палачомъ.

Они знаютъ, что онъ за разбитной малый, — и сдѣлаютъ его житейникомъ. Да, они сдѣлаютъ его по меньшей мѣрѣ житейникомъ.

— Что значитъ «пахнетъ палачомъ» и «житейникъ»? — спросилъ мистеръ Больтеръ. — Что толку говорить со мной на такой ладъ? Почему не сказать такъ, чтобы я понималъ васъ?

Феджинъ только что собирался перевести эти таинственныя выраженія на вульгарный языкъ — тогда мистеръ Больтеръ узналъ бы, что дѣло идетъ о пожизненной ссылкѣ, - но былъ прерванъ появленіемъ мистера Бэтса, который вошелъ, держа руки въ карманахъ брюкъ и придавъ своему лицу выраженіе полукомической скорби.

— Дѣло табакъ, Феджинъ, — сказалъ Чарли, послѣ того какъ былъ познакомленъ съ своимъ новымъ товарищемъ.

— Что же?

— Они разыскали господина, которому принадлежитъ табакерка, да еще двое или трое указали на него. Доджера теперь пошлютъ въ путешествіе, — отвѣтилъ мистеръ Бэтсъ. — Мнѣ надо, Феджинъ, справить траурную пару и крепъ на шляпу, чтобы навѣстить его передъ отправленіемъ въ путь. Подумать только, что Джекъ Даукинсъ — достославный Джекъ, нашъ хитроум-

ный Доджеръ, — долженъ уѣхать изъ за жалкой табакерки! Цѣна то ей всего два съ половиной пенса! Я никогда не думалъ, что онъ попадется меньше какъ изъ за золотыхъ часовъ съ цѣпочкой и брелками. Ахъ, почему онъ не ограбилъ какого нибудь богатаго стараго джентльмена! Тогда онъ уѣхалъ бы какъ настоящій джентльменъ, а не наравнѣ съ простымъ карманникомъ, безъ почета, безъ славы!

Такъ соболѣзнуя о судьбѣ своего несчастнаго друга, мистеръ Чарльзъ Бэтсъ усѣлся на ближайшій стулъ съ видомъ грусти и отчаянія.

— Что ты тамъ толкуешь, будто онъ не имѣетъ ни почета, ни славы? — вскричалъ Феджинъ, кидая грозный взглядъ на своего ученика. — Развѣ не былъ онъ первачъ среди всѣхъ васъ? Да есть ли хоть одинъ изъ васъ, что сравнялся бы съ нимъ или напоминалъ бы его проворствомъ? А?

— Никто, — отвѣтилъ мистеръ Бэтсъ голосомъ охрипшимъ отъ горя.

— Тогда о чемъ же ты толкуешь? — сердито сказалъ Феджинъ. — Изъ за чего ты хнычешь?

— Изъ за того, что это не попадетъ въ газеты! — вызывающе отвѣтилъ Чарли своему почтенному другу, разгоряченный вереницей сожалѣній:- изъ за того, что этого не упомянутъ въ обвиненіи,

изъ за того, что никто не узнаетъ и половины его заслугъ. Что о немъ будетъ сказано въ Ньюгэтскомъ Календарѣ? Быть можетъ, его даже и вовсе не упомянутъ. Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Что это за непоправимый ударъ!

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Феджинъ, вытягивая правую руку и поворачиваясь къ мистеру Больтеру въ припадкѣ прерывистаго смѣха, потрясавшаго его такъ, какъ будто онъ страдалъ старческой дрожью. — Посмотрите, какъ они гордятся своимъ ремесломъ. Вѣдь великолѣпно?

Мистеръ Больтеръ утвердительно кивнулъ головой, а Феджинъ поглядѣвъ съ видимымъ удовлетвореніемъ на скорбѣвшаго Чарли Бэтса въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, подошелъ къ этому молодому джентльмену и похлопалъ его по плечу.

— Ничего, Чарли, — сказалъ Феджинъ успокоительно:- все выплыветъ наружу, навѣрняка выплыветъ. Они всѣ узнаютъ, что онъ за ловкій парень. Онъ самъ покажетъ имъ это и не унизитъ своихъ старыхъ товарищей и учителей. Подумай также, какъ онъ молодъ! Какое это будетъ отличіе, если его закатаютъ въ такомъ возрастѣ!

— Правда, вѣдь это почетно! — сказалъ Чарли, нѣсколько утѣшившись.

— Онъ получитъ все, что ему нужно, — продолжалъ еврей. — Его будутъ держать въ каменномъ мѣшкѣ, какъ джентльмена! Какъ джентльмена! У него будетъ каждый день пиво и карманныя деньги, которыми онъ можетъ играть въ орлянку, когда нельзя ихъ прогулять.

— Да ну, въ самомъ дѣлѣ? — вскричалъ Чарли Бэтсъ, повеселѣвъ — Говорю же тебѣ, - отвѣчалъ Феджинъ. — И мы найдемъ ему адвоката, Чарли, да такого, который всѣмъ другимъ носъ утретъ; пусть онъ будетъ вести его защиту. Онъ и самъ произнесетъ за себя рѣчь, если захочетъ, и мы прочитаемъ объ этомъ въ газетахъ — «Доджеръ — взрывы хохота — вся зала суда надорвала животы», — а, Чарли, а?

— Ха-ха-ха! — разразился мистеръ Бэтсъ:- то-то будетъ потѣха не правда ли, Феджинъ? Кабы Доджеръ-то нашъ пустилъ имъ пыль въ глаза — вотъ было бы ловко!

— Было бы! — воскликнулъ Феджинъ. — Это будетъ, навѣрняка будетъ!

— Конечно будетъ, — повторилъ Чарли, потирая руки.

— Мнѣ кажется, что я его такъ и вижу передъ собою, — сказалъ еврей, устремляя взоръ на своего питомца.

— Я тоже! — вскричалъ Чарли Бэтсъ. — Ха-ха-ха! Я тоже! Я вижу все это сейчасъ, ей Богу вижу, Феджинъ! Что за потѣха! Вотъ ужъ подлинно потѣха! Всѣ эти судьи въ своихъ парикахъ стараются сохранить важный видъ, а Джекъ Даукинсъ обращается къ нимъ такъ коротко и по пріятельски, словно онъ сынъ самого судьи и произноситъ рѣчь послѣ обѣда — ха-ха-ха!

Мистеръ Феджинъ такъ ловко затронулъ эксцентричныя стороны характера своего юнаго друга, что мистеръ Бетсъ, который сначала предрасположенъ былъ смотрѣть на заточеннаго Доджера скорѣй какъ на жертву, теперь видѣлъ въ немъ главное дѣйствующее лицо безпримѣрно веселой сцены и почувствовалъ нетерпѣливое желаніе, чтобы поскорѣе насталъ тотъ моментъ, когда его старому товарищу представится такой благопріятный случай развернуть свои дарованія.

— Намъ надо узнать, какъ съ нимъ обстоитъ дѣло сегодня; только надо подыскать способъ, — сказалъ Феджинъ. — Дай мнѣ подумать.

— Не пойти ли мнѣ? — спросилъ Чарли. — Ни за что на свѣтѣ! — возразилъ еврей. — Или ты рехнулся, мой дорогой, совсѣмъ съ ума спятилъ, если хочешь отправиться въ то самое мѣсто, гдѣ....

Нѣтъ, Чарли, нѣтъ. Довольно потерять и одного.

— Не думаешь ли ты отправиться самъ? — спросилъ Чарли, искоса посматривая на него съ усмѣшкой.

— Это совсѣмъ не годилось бы, — отвѣтилъ Феджинъ, покачавъ головою.

— Тогда почему ты не пошлешь этого новичка? — сказалъ мистеръ Бэтсъ, взявъ Ноэ за плечо. — Никто его не знаетъ.

— Что же, если онъ не имѣетъ противъ... — началъ Феджинъ.

— Противъ! — перебилъ его Чарли. — Да онъ то что можетъ имѣть противъ?

— Положительно ничего, мой другъ, — сказалъ Фдежинъ, поворачиваясь къ мистеру Больтеру:- положительно ничего.

— Ну, на этотъ счетъ спросите лучше у меня, — замѣтилъ Ноэ, отступая къ двери и качая головой съ видомъ благоразумной тревоги:- Нѣтъ, нѣтъ — этого не желаю. Это не по моей части, не нъпо моей.

— А что по его части, Феджинъ? — освѣдомился мистеръ Бэтсъ, непріязненно оглядывая костлявую фигуру Ноэ. — Задавать стрекача, когда что нибудь неладно, и слизывать всѣ сливки, когда все обстоитъ благополучно? Въ этомъ, что ли, его

обязанности?

— Тебя это не касается, — отозвался мистеръ Больтеръ. — Да, ее позволяй себѣ, мальчуганъ, лишняго по отношенію къ старшимъ, а не то ты узнаешь, что усѣлся не въ свои сани.

Мистеръ Бэтсъ захохоталъ такъ неистово въ отвѣтъ на эту величественную угрозу, что Феджину пришлось обождать, чтобы получить возможность вмѣшаться и выяснить мистеру Больтеру, что онъ не подвергнетъ себя никакой опасности, если отправится въ полицейское управленіе; что, такъ какъ никакихъ свѣдѣній о маленькомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, ни описанія его примѣть не доставлено въ столицу, то очень вѣроятно, что не подозрѣваютъ еще о его пребываніи въ Лондонѣ; и что, если онъ переодѣнется подходящимъ образомъ, то онъ можетъ съ такой же безопасностью посѣщать это мѣсто столицы, какъ и всѣ другія, тѣмъ болѣе, что никому и въ голову не пришло искать его именно тамъ, въ предположеніи, что онъ добровольно туда отправился.

Отчасти уступая этимъ доводамъ, но въ гораздо большей степени побѣжденный страхомъ передъ Феджиномъ, мистеръ Больтеръ съ весьма кислымъ видомъ согласился, наконецъ, пред-

принять эту экспедицію. По указанію Феджина, онъ тотчасъ же перемѣнилъ свое платье на блузу извозчика, штаны изъ бумажнаго бархата и кожаные сапоги; всѣ эти вещи были у еврея подъ рукой. Его снабдили также извозчичьимъ кнутомъ и войлочной шляпой, которая была изрядно усѣяна билетиками объ уплатѣ денегъ при проѣздѣ черезъ заставы. Снаряженный такимъ образомъ, онъ долженъ былъ, ротозѣйничая, войти въ залу полицейскаго управленія, какъ какой нибудь деревенщина, пришедшій съ Ковентъ-Гарденскаго рынка, для удовлетворенія своего любопытства; а такъ какъ онъ былъ именно такой мужиковатый, неуклюжій и поджарый парень, какъ нужно, то мистеръ Феджинъ могъ быть увѣренъ, что онъ выполнитъ свою роль превосходно.

Когда эти приготовленія были закончены, то ему сообщили всѣ признаки и примѣты, необходимыя, чтобы узнать Доджера, и мистеръ Бэтсъ темными, извилистыми путями привелъ его на очень близкое разстояніе къ Боу-стриту. Описавъ точное мѣстоположеніе полицейскаго управленія и сопровождая свой разсказъ богатыми подробностями о томъ, какъ Моррисъ долженъ прямо пройти въ ворота и, выйдя во дворъ, под-

няться по ступенькамъ къ двери по правую руку, а очутившись въ залѣ, снять шляпу — Чарли Бэтсъ попросилъ его, не мѣшкая, идти дальше одному и обѣщалъ къ его возвращенію быть на этомъ-же мѣстѣ.

Ноэ Клейполь или, если угодно читателю, Моррисъ Больтеръ въ точности слѣдовалъ полученнымъ указаніямъ, которыя — такъ какъ мистеръ Бэтсъ былъ очень хорошо знакомъ съ этимъ мѣстомъ — были такъ обстоятельны, что ему удалось добраться до судебной камеры, не прибѣгая къ разспросамъ и не встрѣтивъ ни одного препятствія. Онъ очутился въ толпѣ, состоявшей главнымъ образомъ изъ женщинъ и тѣснившейся въ грязной, душной комнатѣ, въ переднемъ концѣ которой была возвышенная платформа, отдѣленная перилами; тамъ, по лѣвую руку, у самой стѣны, помѣщалась скамья подсудимыхъ, посреди — мѣста для свидѣтелей, а справа — столъ, за которымъ засѣдали судьи. Но это грозное святилище было отдѣлено перегородкой, которая скрывала судебное присутствіе отъ недостойныхъ взоровъ и предоставляла черни полную свободу рисовать въ своемъ воображеніи все величіе правосудія.

На скамьѣ подсудимыхъ были только двѣ

женщины, которыя обмѣнивались кивками съ своими поклонниками, между тѣмъ какъ письмоводитель читалъ какія то показанія двумъ полисменамъ и человѣку въ костюмѣ простолюдина, нагнувшемуся надъ столомъ. Тюремщикъ стоялъ, облокотившись о перила, ограждавшія скамью подсудимыхъ, и небрежно постукивалъ себя по носу большимъ ключемъ; по временамъ онъ подавлялъ непристойныя попытки разговора среди зрителей, призывая ихъ къ молчанію, или устремлялъ на какую нибудь женщину строгій взоръ и приказывалъ «Унести этого ребенка!» когда величіе правосудія нарушалось слабымъ плачемъ какого нибудь худенькаго младенца, котораго мать старалась заставить умолкнуть, укутывая ему ротъ своей шалью.

Воздухъ въ комнатѣ былъ душный и спертый, стѣны, благодаря грязи, утратили первоначальный цвѣтъ, потолокъ почернѣлъ. Надъ каминомъ виднѣлся закоптившійся старый бюстъ, а надъ скамьей подсудимыхъ запыленные часы, — кажется, единственное въ этой комнатѣ, что правильно шло своимъ чередомъ, такъ какъ испорченность или нищета, или давнишнее знакомство и съ тѣмъ, и съ другимъ — бросали свою окраску на все одушевленное, что находилось

здѣсь, окраску столь же неприглядную, какъ грязный густой налетъ на всѣхъ неодушевленныхъ предметахъ.

Ноэ внимательно оглядѣлся, высматривая Доджера; но хотя тутъ было нѣсколько женщинъ, которыя очень хорошо могли сойти бы за сестру или за мать этой замѣчательной личности и не мало мужчинъ которыхъ можно было принять за его родителя, но не было видно никого, кто имѣлъ бы примѣты самого мистера Даукинса. Ноэ пребывалъ въ состояніи неизвѣстности и недоумѣнія, пока надъ женщинами не былъ произнесенъ приговоръ, и онѣ съ форсомъ удалились. Послѣ этого онъ почувствовалъ сильное облегченіе, когда былъ введенъ новый арестантъ, въ которомъ онъ сразу угадалъ того, ради кого онъ сюда явился.

Это дѣйствительно былъ мистеръ Даукинсъ, который, вошелъ въ залу, съ засученными по обыкновенію, рукавами своего огромнаго сюртука, засунувъ лѣвую руку въ карманъ, а въ правой держа шляпу и идя впереди тюремщика какой то особенной виляющей походкой, не поддающейся никакому описанію; занявъ мѣсто у скамьи подсудимыхъ, онъ громкимъ голосомъ пожелалъ узнать, по какой причинѣ его ставятъ въ такое

унизительное положеніе?

— Попридержи свой языкъ! — сказалъ тюремщикъ.

— Развѣ я не англичанинъ? — возразилъ Доджеръ. — Гдѣ же мои личныя права?

— Получишь скоро свои личныя права — да еще съ перцемъ, — отвѣтилъ тюремщикъ.

— Посмотримъ, что скажетъ министръ внутреннихъ дѣлъ этимъ приказнымъ крючкамъ, если мнѣ не дадутъ удовлетворенія, — продолжалъ мистеръ Даукинсъ. — Ну, такъ въ чемъ же дѣло? Я прошу господъ судей поскорѣе выяснить это недоразумѣніе, а не задерживать меня, читая въ это время газеты, такъ какъ у меня назначено свиданіе съ однимъ джентльменомъ въ Сити; а я строго соблюдаю данное слово и очень аккуратенъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, и онъ уйдетъ, не найдя меня въ условленное время, и это можетъ послужить причиною иска противъ тѣхъ, которые меня задержали. Конечно, имъ такой исходъ нежелателенъ.

Тутъ Доджеръ, очевидно желая во всѣхъ подробностяхъ ознакомиться съ предстоящимъ разборомъ дѣла, спросилъ у тюремщика, «какъ звать вонъ тѣхъ двухъ старыхъ писакъ, что сидятъ за судейскимъ столомъ». Это такъ раз-

смѣшило зрителей, что они расхохотались почти столь же задушевно, какъ сдѣлалъ бы мистеръ Бэтсъ, если бы слышалъ его требованіе.

— Тише тамъ! — закричалъ тюремщикъ.

— Въ чемъ тутъ дѣло? — освѣдомился одинъ изъ судей.

— Карманщика привели, ваша милость.

— Бывалъ этотъ малый здѣсь раньше?

— Навѣрно много разъ бывалъ, — отвѣтилъ тюремщикъ. — Онъ, я думаю, вездѣ побывалъ. Я хорошо его знаю, ваша милость.

— Вотъ какъ, вы знаете меня? — вскричалъ Доджеръ, дѣлая видъ, что записываетъ это показаніе. — Отлично. Это вѣдь есть ничто иное, какъ опороченье моего добраго имени.

Раздался снова взрывъ хохота и снова прозвучалъ призывъ къ молчанію.

— Ну, гдѣ же свидѣтели? — спросилъ письмоводитель.

— Да, правда! — добавилъ Доджеръ. — Гдѣ они? Я бы хотѣлъ ихъ видѣть.

Это желаніе было немедленно удовлетворено, такъ какъ выступилъ впередъ полисменъ, который видѣлъ, какъ подсудимый рылся въ карманѣ неизвѣстнаго господина въ толпѣ и вытащилъ оттуда платокъ, оказавшійся такимъ старымъ,

что онъ благоразумно положилъ его назадъ, предварительно употребивъ его на собственную надобность. На основаніи этого полисменъ арестовалъ его, какъ только ему удалось до него протискаться, и обыскавъ его, нашелъ при немъ серебряную табакерку съ выгравированной на крышкѣ фамиліей владѣльца. Этотъ джентльменъ былъ разысканъ по справкѣ въ «Судебномъ Указателѣ» и присутствовалъ на засѣданіи. Онъ подъ присягою заявилъ что табакерка принадлежитъ ему и что онъ хватился ея какъ разъ въ тотъ моментъ, когда выбрался изъ упомянутой только что толпы. Онъ также разглядѣлъ среди давки молодого человѣка, усердно прокладывавшаго себѣ путь, и этого молодого человѣка онъ видитъ теперь передъ собой на скамьѣ подсудимыхъ.

— Не имѣешь ли ты о чемъ нибудь спроситъ этого свидѣтеля? — сказалъ судья.

— Я не желаю унижаться до разговора съ нимъ, — отвѣтилъ Доджеръ.

— Не имѣешь ли ты вообще что нибудь сказать?

— Развѣ ты не слышишь, ихъ милость спрашиваютъ у тебя, что ты имѣешь сказать вообще? — спросилъ тюремщикъ, толкая молчавшаго Доджера локтемъ.

— Виноватъ, — сказалъ Доджеръ, разсѣянно вскидывая взоръ. — Вы кажется обратились ко мнѣ, любезный?

— Никогда я не встрѣчалъ такого заправскаго бродяги, ваша милость, — замѣтилъ тюремщикъ съ усмѣшкой. — Хочешь ты что нибудь сказать или нѣтъ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Доджеръ. — Скажу, да не здѣсь, потому что какое же здѣсь я могу найти правосудіе? Кромѣ того, мой адвокатъ нынче утромъ завтракаетъ у вице-предводителя палаты общинъ. Но въ другомъ мѣстѣ я скажу кое что, заговоритъ и онъ, заговорятъ и многочисленные мои высокопоставленные друзья, да такъ, что вонъ эти крючкотворы не возрадуются свѣту бѣлому и захотятъ, чтобы ихъ лакеи повѣсили бы ихъ на вѣшалки для шляпъ, вмѣсто того, чтобы попытаться сдѣлать это со мною. Я...

— Готово! Онъ приговоренъ въ тюрьму, — перебилъ письмоводитель. — Уведите его.

— Идемъ, — сказалъ тюремщикъ.

— Хорошо, я пойду, — отвѣтилъ Доджеръ, чистя свою шляпу ладонью руки. — Ага! (обращаясь къ судейскому столу:) нечего корчить испуганныя лица; я буду все равно безпощаденъ къ вамъ и не выкажу ни малѣйшаго снисхожденія. Вы попла-

титесь за это, милѣйшіе! Я ни за что на свѣтѣ не согласился бы быть вами! Я не ушелъ бы на волю, если бы даже вы бросились на колѣни и умоляли меня. Ну, идемъ же въ тюрьму! Уведите меня!

При этихъ послѣднихъ словахъ Доджеръ разрѣшилъ увести себя за шиворотъ, не переставая, пока онъ не очутился на дворѣ, грозить, что онъ подвинетъ изъ за этого цѣлую бурю въ парламентѣ; затѣмъ онъ началъ ухмыляться въ лицо тюремщику съ весьма веселымъ и самодовольнымъ видомъ.

Увидѣвъ, что его заперли въ маленькой одинокой камерѣ, Ноэ торопливо вернулся туда, гдѣ онъ оставилъ мистера Бэтса. Подождавъ немного времени, онъ очутился снова въ компаніи этого молодого джентльмена, который благоразумно скрывался въ какомъ то укромномъ уголкѣ и не показывался, пока не убѣдился, что за его новымъ пріятелемъ не слѣдитъ никакой назойливый субъектъ.

Оба поспѣшили домой, чтобы сообщить мистеру Феджину утѣшительную вѣсть о томъ, какъ Доджеръ поддержалъ честь своего воспитателя и снискалъ себѣ славное имя.

XLIV. Для Нанси настаетъ время исполнить свое обѣщаніе, данное Розѣ; это ей не удается

Какъ ни была опытна Нанси во всѣхъ уловкахъ хитрости и притворства, но она не могла вполнѣ скрыть того дѣйствія, которое оказывало на ея настроеніе сознаніе предпринимаего ею шага. Она помнила, что и лукавый еврей, и грубый Сайксъ посвящали ее въ замыслы, которые оставались тайною для всѣхъ другихъ; они были вполнѣ убѣждены, что ей можно довѣрять, и что она внѣ всякихъ подозрѣній. Какъ ни были преступны эти замыслы, какъ ни были отчаянны люди, ихъ создававшіе, сколько ни было горечи въ ея чувствахъ къ Феджину, который шагъ за шагомъ велъ ее все ниже и ниже въ пучину бѣдствія и преступности, откуда нѣтъ спасенія, — но бывали минуты, когда даже по отношенію къ нему она чувствовала какія то угрызенія совѣсти, боясь, какъ бы ея сообщеніе не приблизило его къ желѣзнымъ когтямъ, отъ которыхъ онъ такъ долго ускользалъ, и какъ бы онъ въ концѣ концовъ — хотя онъ и сто разъ заслужилъ такую судьбу

— не палъ отъ ея руки.

Но то были лишь блужданія души, которая не была способна всецѣло покинуть прежнихъ товарищей и прежнюю обстановку, хотя была въ состояніи неуклонно сосредоточиться на одной цѣли, рѣшивъ не отворачиваться отъ нея, несмотря ни на какія соображенія. Ея опасенія за Сайкса могли бы быть болѣе могучимъ призывомъ къ отступленію, пока было еще время; но вѣдь она условилась, что ея тайна будетъ свято сохранена, она не дала никакого ключа, который послужилъ бы къ обнаруженію его мѣстопребыванія. Ради него же она отказалась отъ убѣжища, гдѣ она могла бы укрыться отъ окружавшихъ ее грѣха и преступленія. Что больше этого могла она сдѣлать! Она твердо рѣшилась.

Хотя каждый разъ ея умственная борьба кончалась этимъ рѣшеніемъ, но эта борьба навязчиво возникала снова и снова, и оставляла видимые слѣды. За нѣсколько дней она сильно поблѣднѣла и похудѣла. По временамъ она не замѣчала происходившаго передъ ней или оставалась безучастной къ бесѣдѣ, въ которой прежде ея голосъ звучалъ бы громче всѣхъ. Порою она принималась смѣяться безъ повода къ радости, и шумѣть безъ причины и смысла. Иногда — и зачастую

это бывало въ слѣдующую же за возбужденіемъ минуту — она сидѣла безмолвная и угнетенная, задумчиво подперевъ голову руками, и то усиліе, съ которымъ она затѣмъ старалась придать себѣ непринужденный видъ, еще отчетливѣе, чѣмъ всѣ эти признаки, говорило, что ее что то безпокоитъ, и что мысли ея витаютъ въ области очень далекой и непохожей на ту, близъ которой вертится разговоръ собесѣдниковъ.

Былъ воскресный вечеръ, и колоколъ ближайшей церкви отбивалъ часы. Сайксъ и еврей были заняты разговоромъ, но замолкли на минуту, прислушиваясь. Нанси выпрямилась на низенькой скамейкѣ, на которой сидѣла, и тоже вслушалась. Пробило одиннадцать.

— Одинъ часъ до полуночи, — сказалъ Сайксъ, приподнявъ занавѣску, чтобы выглянуть на улицу, и возвращаясь на мѣсто. — Темно и туманно. Хорошая ночь для работы.

— А! Какъ Билль, другъ мой, — отвѣтилъ Феджинъ:- что никакого дѣла на сегодня не подготовлено.

— Да, на этотъ разъ ты правъ, — угрюмо сказалъ Сайксъ:- очень жаль, потому что я сейчасъ въ ударѣ.

Феджинъ вздохнулъ и безнадежно покачалъ

головой.

— Мы должны будемъ наверстать потерянное время, когда дѣло пойдетъ на ладъ, — вотъ что я только могу сказать.

— Это славно сказано, дорогой мой, — отвѣтилъ Феджинъ, осмѣливаясь потрепать Сайкса по плечу. — Мнѣ отрадно слушать тебя.

— Отрадно, вотъ какъ! — вскричалъ Сайксъ. — Что-жъ — пусть!

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Феджинъ, словно и это допущеніе доставило ему удовольствіе. — Нынче ты опять похожъ на себя, Билль! Совсѣмъ похожъ на себя.

— Я не чувствую себя самимъ собою, когда ты кладешь эту старую когтистую лапу мнѣ на плечо; убери ее прочь, — сказалъ Сайксъ отталкивая руку еврея.

— Это безпокоитъ тебя, Билль, напоминаетъ о возможности быть пойманнымъ, не такъ ли? — произнесъ Феджинъ, твердо рѣшившійся ничѣмъ не оскорбляться.

— Напоминаетъ о возможности быть пойманнымъ самимъ чортомъ, а не полицейскимъ, — отвѣчалъ Сайксъ. — Не было еще на свѣтѣ человѣка съ такой рожей, какъ у тебя, — развѣ только твой отецъ; онъ то навѣрно сейчасъ подпаливаетъ

свою старую рыжую бороду... Если только ты не явился на свѣтъ прямо отъ дьявола, безъ всякаго отца, — въ чемъ не было бы ничего удивительнаго.

Феджинъ ничего не отвѣтилъ на этотъ комплиментъ, но, потянувъ Сайкса за рукавъ, указалъ пальцемъ на Нанси, которая во время ихъ разговора успѣла надѣть шляпку и теперь направилась къ выходу.

— Эй! — закричалъ Сайксъ. — Нанси! Куда ты идешь такъ поздно?

— Недалеко.

— Что за отвѣтъ? Куда ты идешь?

— Говорю же, недалеко.

— А я говорю, куда? Слышишь?

— Я не знаю куда, — отвѣтила она.

— Ну, такъ я знаю:- никуда, — сказалъ Сайксъ, не пуская ее скорѣе изъ упрямства, чѣмъ по какой либо серьезной причинѣ. — Сиди.

— Мнѣ нездоровится. Я говорила объ этомъ раньше. Мнѣ надо подышать воздухомъ.

— Высунь голову въ форточку и дыши сколько хочешь, — отвѣтилъ Сайксъ.

— Этого недостаточно. Мнѣ надо прогуляться по улицѣ.

— Совсѣмъ этого не надо! — сказалъ Сайксъ,

поднялся, заперъ дверь, вынулъ ключъ и, сорвавъ шляпку съ головы Нанси, зашвырнулъ ее на старый шкафъ. — Вотъ и все! Теперь сиди смирно на своемъ мѣстѣ, слышишь?

— Я бы и безъ шляпки могла пойти — велика помѣха, — сказала она, сильно блѣднѣя. — Что это, Билль? Выпилъ ли ты, что ты дѣлаешь?

— Знаю ли, что я?.. О, да она, — вскричалъ Сайксъ, поворачиваясь къ Феджину:- спятила съ ума, иначе она не посмѣла бы такъ со мною говорить.

— Ты толкнешь меня на что нибудь отчаянное, — пробормотала Нанси, прижимая руки къ груди, какъ бы сдерживая какія то бушующія чувства, — пусти меня, слышишь... сейчасъ же, сію же минуту...

— Нѣтъ! — крикнулъ Сайксъ.

— Скажи ему, Феджинъ, чтобы онъ пустилъ меня. Это лучше. Слышишь, что я говорю! — вскричала Нанси, топнувъ ногою.

— Слышу ли я? — произнесъ Сайксъ, поворачиваясь на стулѣ и уставившись на нее. — Коли я еще буду слышать тебя хоть полминуты, то собака такъ вцѣпится тебѣ въ горло, что у тебя поубавится твой крикливый голосъ. Что на тебя такое нашло, негодница, — что за прихоть?

— Пусти меня, — тономъ рѣшительной мольбы сказала она и, сѣвъ на полъ передъ дверью, продолжала:- Билль, пусти меня; ты не знаешь, что ты дѣлаешь, — не знаешь. На одинъ только часъ... пусти... пусти...

— Пусть у меня поочереди отрѣжутъ всѣ суставы, — сказалъ Сайксъ, грубо схватывая ее подъ руку:- если я не убѣжденъ, что у нея сумасшедшій бредъ. Вставай!

— Не раньше какъ ты пустишь меня... Не раньше какъ ты пустишь... Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала Нанси.

Сайксъ смотрѣлъ на нее, выжидая удобнаго мгновенія, и вдругъ скрутивъ ей сзади руки, потащилъ ее, боровшуюся и упиравшуюся, въ маленькую смежную комнату, гдѣ онъ сѣлъ на скамью, а ее усадилъ на стулъ и придерживалъ силою. Она то отбивалась, то умоляла, пока не пробило двѣнадцать; тогда она, утомленная и выбившаяся изъ силъ, наконецъ покорилась. Съ предостереженіемъ, подкрѣпленнымъ многими проклятіями, не дѣлать больше попытокъ уйти въ теченіе этой ночи, Сайксъ предоставилъ ей отдыхать на досугѣ и вернулся къ Феджину.

— Уфъ! — произнесъ разбойникъ, вытирая потъ съ лица:- что за странная дѣвка!

— Твоя правда, Билль. — задумчиво отвѣтилъ Феджинъ:- твоя правда.

— Что это ей взбрело уйти сегодня вечеромъ? Зачѣмъ, какъ ты думаешь? — спросилъ Сайксъ. — Говори же, ты знаешь ее лучше, чѣмъ я? Что кто означаетъ?

— Упрямство, женское упрямство, такъ я полагаю, другъ мой, — отвѣтилъ еврей, пожавъ плечами.

— Да, я думаю, такъ оно и есть, — пробурчалъ Сайксъ. — Я думалъ, что уже укротилъ ее, но она такая же дрянь, какъ раньше.

— Хуже, — задумчиво сказалъ еврей. — Я никогда еще не видѣлъ ее такою изъ за подобной пустяшной причины.

— Я тоже, — сказалъ Сайксъ. — Мнѣ думается что у нея въ крови очутилась часть моей горячки и не можетъ выйти наружу, а?

— Возможно, — отвѣтилъ Феджинъ.

— Я пущу ей немного крови, не безпокоя доктора, если это опять съ нею начнется, — рѣшилъ Сайксъ.

Еврей выразительно кивнулъ головой въ знакъ одобренія.

— Она сидѣла надо мной дни и ночи, когда я лежалъ пластомъ, а ты, черная волчья душа,

держался подальше, — сказалъ Сайксъ. — Притомъ мы были все время въ такой нищетѣ, что, думается мнѣ, такъ или иначе она изнурилась и стосковалась, и проживъ тутъ такъ долго взаперти, поневолѣ сдѣлалась неспокойной — а?

— Да, это такъ, другъ мой, — шепотомъ отвѣтилъ еврей. — Тише!

При этихъ словахъ въ комнату вошла Нанси и заняла свое прежнее мѣсто. Ея глаза опухли и покраснѣли; она покачивалась взадъ и впередъ, мотала головой, и спустя немного времени вдругъ разразилась смѣхомъ.

— Ну вотъ теперь начинается на другой ладъ! — вскричалъ Сайксъ, кидая удивленный взглядъ на собесѣдника.

Феджинъ кивнулъ головой, намекая, что лучше оставить ее сейчасъ въ покоѣ, и черезъ нѣсколько минутъ она дѣйствительно имѣла уже обычный видъ. Шепнувъ Сайксу, что нечего опасаться повторенія припадка, Феджинъ взялъ шляпу и пожелалъ ему доброй ночи. Въ дверяхъ онъ пріостановился и спросилъ, не посвѣтитъ ли ему кто нибудь на лѣстницѣ.

— Посвѣти ему, — сказалъ Сайксъ, набивая трубку:- будетъ жаль, если онъ самъ сломитъ себѣ шею и лишитъ публику занятнаго зрѣлища!

Бери же свѣчу.

Нанси спустилась за старикомъ по лѣстницѣ, неся свѣчу. Когда они очутились въ корридорѣ, онъ приложилъ палецъ къ губамъ и, пододвинувшись къ ней вплотную, спросилъ шепотомъ:

— Что это, Нанси, голубушка?

— О чемъ ты говоришь? — такъ же отвѣтила она.

— Какая причина всего этого? Если онъ, — Феджинъ указалъ наверхъ своимъ костлявымъ пальцемъ:- если онъ такъ съ тобой жестокъ (онъ звѣрь, Нанси, дикій звѣрь), то почему ты не….

— Ну? — сказала Нанси, когда Феджинъ остановился, почти касаясь ртомъ ея уха и заглядывая ей въ глаза.

— Пока помолчимъ, — сказалъ еврей. — Мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Во мнѣ ты имѣешь друга, Нанси, преданнаго друга. У меня есть подъ рукою средства… Можно все сдѣлать тихо и безъ хлопотъ. Если тебѣ понадобится отомстить тому, кто обращается съ тобой, какъ съ собакой — какъ съ собакой! хуже чѣмъ со своей собакой, которую онъ все таки подчасъ ласкаетъ — то приходи ко мнѣ. Я говорю — приходи ко мнѣ. Ты прожила съ нимъ безъ году недѣлю, а меня ты знаешь съ давнихъ поръ, Нанси, съ давнихъ поръ!

— Я знаю тебя хорошо, — отвѣтила она, не проявляя ни малѣйшаго волненія. — Доброй ночи.

Она съ содраганіемъ отстранилась, когда Феджинъ хотѣлъ пожать ей руку, но повторила твердымъ голосомъ пожеланіе доброй ночи и, отвѣтивъ на его прощальный взглядъ кивкомъ, выражавшимъ что она понимаетъ его, закрыла дверь.

Феджинъ отправился домой, занятый мыслями, тѣснившимися въ его мозгу. Ему пришла идея — возникшая не благодаря только что происшедшему, хотя это было ея подтвержденіемъ, но медленно и постепенно — что Нанси, не будучи долѣе въ силахъ терпѣть грубости Сайкса, выискала себѣ какого то новаго друга. Перемѣна въ ея обращеніи, ея частыя одинокія отлучки изъ дому, ея сравнительное равнодушіе къ интересамъ шайки, въ которыхъ она прежде принимала такое горячее участіе, и, вдобавокъ ко всему этому, ея отчаянное желаніе уйти въ этотъ вечеръ въ опредѣленный часъ — все не только согласовалось съ его предположеніемъ, но и давало ему, въ глазахъ самого Феджина по крайней мѣрѣ, почти характеръ достовѣрности. Предметъ ея новой привязанности не принадлежалъ очевидно къ кругу его соратниковъ; онъ былъ бы цѣннымъ

сотрудникомъ при такомъ помощникѣ, какъ Нанси, и его надо было — какъ разсуждалъ Феджинъ — завербовать какъ можно скорѣе.

Надо было достигнуть и другую, болѣе темную цѣль. Сайксу слишкомъ многое было извѣстно, и его грубыя издѣвательства портили Феджину тѣмъ болѣе крови, что онъ скрывалъ получаемыя обиды. Дѣвица должна была хорошо понимать, что, бросивъ Сайкса, она не будетъ обезпечена отъ его ярости, которую онъ навѣрное выместить на предметѣ ея новаго увлеченія, рискующемъ въ этомъ случаѣ быть не только изувѣченнымъ, но и убитымъ. «Немножко поуговорить ее», размышлялъ Феджинъ, «и она навѣрное согласится отправить его. Женщины способны и не на такія вещи, когда дѣло идетъ о достиженіи подобной цѣли. Итакъ, опасный злодѣй — ненавистный мнѣ человѣкъ — погибнетъ; на его мѣсто я завербую другого; а моя власть надъ нею, когда я буду знать о ея преступленіи, станетъ безгранична».

Всѣ эти соображенія пришли Феджину на умъ въ теченіи того короткаго времени, когда онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ разбойника, и всецѣло поглощенный ими, онъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы въ брошенныхъ при разставаньи намекахъ испытать настроеніе

Нанси. Она не выразила удивленія, не казалась недоумѣвающею. Ясно, что она поняла его. Ея прощальный взглядъ говорилъ объ этомъ.

Но быть можетъ она не согласится на убійство Сайкса? А вѣдь въ этомъ главная его цѣль. — «Какъ», раздумывалъ еврей, медленно бредя домой, — «усилить мнѣ вліяніе надъ ней? откуда добыть мнѣ больше власти?»

Мозгъ Феджина быстро отыскалъ средства. Если не добиваясь признанія отъ нея самой, онъ станетъ слѣдить, откроетъ предметъ ея новой любви и пригрозить разсказать все Сайксу (котораго она боится больше всего на свѣтѣ), въ случаѣ ея отказа дѣйствовать по его наущеніямъ, — то развѣ ея согласіе не будетъ обезпечено?

— Я добьюсь этого, — произнесъ Феджинъ почти вслухъ. — Тогда то ужъ она не откажется, навѣрняка, навѣрняка! Я все устрою. Средства готовы и остается ихъ только пустить въ дѣло. Ужъ ты отъ меня не отвертишься!

Онъ кинулъ назадъ мрачный взглядъ и, погрозивъ рукою въ томъ направленіи, гдѣ находился смѣлый головорѣзъ, продолжалъ свой путь, теребя костлявыми пальцами складки своего отрепаннаго платья, которое онъ яростно скручивалъ, какъ будто каждымъ движеніемъ руки

онъ уничтожалъ ненавистнаго врага.

XLV. Феджинъ даетъ Ноэ Клейполю тайное порученіе

На слѣдующее утро старикъ поднялся рано и нетерпѣливо ждалъ появленія своего новаго работника, который, послѣ казавшагося безконечнымъ отсутствія, предсталъ наконецъ и тотчасъ началъ прожорливое нападеніе на завтракъ.

— Больтеръ, — сказалъ Феджинъ, пододвигая стулъ и садясь противъ Морриса Больтера.

— Ну, я здѣсь, — отозвался Ноэ. — Въ чемъ дѣло? Не заставляйте меня что нибудь дѣлать, пока я не кончу ѣсть. Вотъ по этой части тутъ скверно. Никогда не дадутъ тебѣ времени спокойно закусить.

— Да развѣ вы не можете говорить во время ѣды? — сказалъ Феджинъ, отъ всего сердца проклиная алчность своего юнаго друга.

— Конечно, я могу говорить; у меня дѣло подвигается лучше, когда я разговариваю, — отвѣтилъ Ноэ, отрѣзывая огромный ломоть хлѣба. — Гдѣ Шарлота?

— Ушла, — сказалъ Феджинъ. — Я услалъ ее утромъ съ другой молодкой, потому что мнѣ

нужно побесѣдовать съ вами наединѣ.

— О! — произнесъ Ноэ. — Почему вы не приказали ей сначала поджарить тартинки изъ хлѣба съ масломъ? Ну? Говорите! Вы этимъ мнѣ не помѣшаете.

Въ самомъ дѣлѣ, не было, повидимому, большой опасности, что что либо помѣшаетъ ему, такъ какъ онъ усѣлся за столъ съ явнымъ и твердымъ рѣшеніемъ выполнить немалую работу.

— Вчера вы славно потрудились, другъ мой, — замѣтилъ еврей:- превосходно! Шесть шиллинговъ и девять пенсовъ съ половиною въ первый же день! На щипаньи цыплятъ вы построите свое счастье.

— Вы забыли еще упомянуть про три кружки для пива и молочникъ, — сказалъ мистеръ Больтеръ.

— Какъ же, какъ же, другъ мой. И пивныя кружки говорили о вашемъ геніѣ, но молочникъ — это прямо нѣчто безподобное.

— Да, я думаю, недурно для начинающаго, — довольнымъ тономъ замѣтилъ мистеръ Больтеръ. — Кружки я взялъ съ открытаго окна, а молочникъ стоялъ снаружи около входа въ трактиръ; ну, я и подумалъ, что онъ испортится отъ дождя или простудится, понимаете? Ха-ха-ха!

Феджинъ сдѣлалъ видъ, что хохочетъ отъ души, а мистеръ Больтеръ, нахохотавшись вдоволь, началъ усердно работать челюстями и, окончивъ первый ломоть хлѣба съ масломъ, принялся за второй.

— Мнѣ нужно, Больтеръ, — сказалъ Феджинъ, пригибаясь къ столу:- чтобы вы, другъ мой, выполнили для меня кое что, требующее немалаго старанія и осмотрительности.

— Только не вздумайте, — отвѣтилъ Больтеръ:- подводить меня подъ опасность или опять посылать меня въ ваши полицейскіе участки. Это для меня не подходитъ, нѣтъ! Такъ вотъ я вамъ и говорю напередъ.

— Въ этомъ не будетъ для васъ ни малѣйшей опасности, ни малѣйшей, — сказалъ еврей. — Все дѣло заключается въ томъ, что надо пошпіонить за одной женщиной.

— За старухой? — освѣдомился мистеръ Больтеръ.

— За молодой.

— Ну, это я могу, и выполню отлично, — сказалъ Больтеръ. — Я умѣлъ очень ловко подслушивать еще въ школѣ. Что же именно я долженъ про нее вывѣдать? Быть можетъ…

— Вы должны будете разузнать, куда она хо-

дитъ, съ кѣмъ видится и, если возможно, что говоритъ, а также запомнитъ улицу или домъ, гдѣ она бываетъ; и все, что узнаете, вы сообщите мнѣ.

— Что вы дадите мнѣ? — спросилъ Ноэ, ставя свою кружку и жадно смотря на хозяина.

— Если вы хорошо это обдѣлаете, то получите фунтъ стерлинговъ, другъ мой. Фунтъ стерлинговъ, — повторилъ Феджинъ, стараясь какъ можно больше заинтересовать его въ предполагаемомъ выслѣживаніи. — А такихъ денегъ я еще никогда не давалъ за такую работу, которая не давала большого барыша.

— Кто она? — спросилъ Ноэ.

— Наша.

— Ого! — вскричалъ Ноэ, вздергивая носъ. — Вы начали сомнѣваться на ея счетъ?

— Она нашла себѣ новыхъ друзей, и мнѣ необходимо, голубчикъ, узнать, кто они, — отвѣтилъ Феджинъ.

— Понимаю, — сказалъ Ноэ. — Это для того, чтобы получить удовольствіе познакомиться съ ними, если они порядочные люди, не правда ли? Ха-ха-ха! Положитесь на меня.

— Я зналъ, что вы согласитесь! — воскликнулъ Феджинъ, радуясь успѣху своего предложенія.

— Конечно, конечно, — отвѣтилъ Ноэ. — Гдѣ она? Гдѣ я долженъ ее подстеречь? Куда я долженъ пойти?

— Все это я вамъ скажу потомъ, дорогой мой. Я укажу ее, когда придетъ время. Вы будьте только наготовѣ, а остальное предоставьте мнѣ.

Въ этотъ вечеръ, и въ слѣдующій, и еще въ слѣдующій, шпіонъ сидѣлъ въ своемъ извозчичьемъ нарядѣ, готовый по одному слову Феджина приняться за дѣло. Минуло шесть вечеровъ — шесть долгихъ, скучныхъ вечеровъ — и каждый разъ Феджинъ приходилъ домой съ разочарованнымъ видомъ и коротко объяснялъ, что время еще не настало. Въ седьмой вечеръ онъ вернулся раньше и сіялъ отъ восторга. Было воскресенье.

— Сегодня она отправляется изъ дому, — сказалъ Феджинъ:- и я увѣренъ, что именно по этому дѣлу. Цѣлый день она была одна, а человѣкъ, котораго она боится, вернется только незадолго до разсвѣта. Идемъ. Живѣе!

Ноэ, не говоря ни слова, вскочилъ на ноги. Еврей былъ въ состояніи такого напряженнаго возбужденія, что его настроеніе передалось и ему. Они тихо вышли изъ дома и, скорымъ шагомъ миновавъ цѣлый лабиринтъ улицъ, очутились наконецъ передъ трактиромъ, который Ноэ при-

знал за тотъ самый, гдѣ онъ ночевалъ, когда только что прибылъ въ Лондонъ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, и дверь оказалась запертой, но безшумно отворилась, когда Феджинъ слегка свистнулъ. Они вошли, тихо, безъ шума, и дверь за ними снова закрылась.

Едва рѣшаясь шептать и замѣняя слова нѣмыми знаками, Феджинъ и впустившій ихъ молодой еврей, указали Ноэ стеклянное окошечко и пригласили его взобраться туда и посмотрѣть на находившагося въ сосѣдней комнатѣ посѣтителя.

— Это она и есть? — спросилъ онъ шепотомъ, не болѣе громкимъ, чѣмъ дыханіе.

Феджинъ утвердительно кивнулъ головою.

— Я не вижу хорошенько ея лица, — прошепталъ Ноэ. — Она опустила голову, а свѣча стоитъ позади нея.

— Подождите, — отвѣтилъ шепотомъ Феджинъ и сдѣлалъ знакъ Барнею; тотъ исчезъ. Мгновеніе спустя молодой парень вошелъ въ сосѣднюю комнату и, якобы снимая нагаръ со свѣчи, передвинулъ ее надлежащимъ образомъ и въ то же время что то спросилъ у женщины, чѣмъ заставилъ ее поднятъ лицо.

— Теперь вижу ее, — сказалъ шпіонъ.

— Хорошо?

— Я узналъ бы ее среди тысячи.

Онъ быстро покинулъ свой постъ, когда женщина встала и вышла изъ комнаты. Феджинъ толкнулъ его за маленькую перегородку, которая была защищена занавѣской, и тамъ они оба стояли, затаивъ дыханіе, когда она прошла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ тайника и скрылась за дверью, черезъ которую они проникли въ трактиръ.

— Тс! — произнесъ Барней, стоявшій у двери. — Ступайте теперь!

Ноэ переглянулся съ Феджиномъ и поспѣшилъ на улицу.

— Налѣво, — прошепталъ молодой еврей:- идите налѣво, по другой сторонѣ улицы.

Онъ послѣдовалъ этимъ указаніямъ. При свѣтѣ фонарей онъ разглядѣлъ впереди себя удалявшуюся женскую фигуру, успѣвшую уйти довольно далеко. Онъ догналъ ее настолько, насколько считалъ благоразумнымъ, и шелъ по другой сторонѣ, чтобы легче наблюдать за ея движеніями. Раза два или три она нервно осмотрѣлась вокругъ и остановилась, чтобы пропустить мимо себя двухъ прохожихъ, слѣдовавшихъ какъ разъ сзади нея. Казалось, что чѣмъ дальше она шла, тѣмъ становилась смѣлѣе, а походка ея все тверже и

рѣшительнѣе. Шпіонъ оставлялъ между нею и собой все то же разстояніе и ни на минуту не терялъ ея изъ виду.

XLVI. Исполненіе обѣщанія

Башенные часы пробили три четверти двѣнадцатаго, когда на Лондонскомъ мосту появились двѣ фигуры. Одна изъ нихъ была женщина, шедшая быстрымъ и торопливымъ шагомъ и тщательно осматривавшаяся по сторонамъ, словно кого то выискивая. А нѣсколько позади шелъ мужчина, прячась въ самой темной тѣни, какую онъ могъ выбрать, и приноравливаясь къ ея походкѣ. Если она пріостанавливалась, то останавливался и онъ, и снова шелъ, крадучись, какъ только она устремлялась дальше; но въ своемъ преслѣдованіи онъ не увлекался настолько, чтобы догнать ее. Такимъ образомъ они прошли черезъ весь мостъ отъ Мидлсекскаго берега къ Серрейскому, и женщина, очевидно не найдя въ числѣ прохожихъ того, кого искала, повернула назадъ. Это движеніе было неожиданно, но слѣдившій за нею человѣкъ не былъ застигнутъ врасплохъ. Онъ скользнулъ въ одну изъ тѣхъ нишъ, которыя устроены надъ быками моста, и, перегнувшись черезъ каменный парапетъ, чтобы быть менѣе замѣтнымъ, выждалъ, пока она не

прошла мимо него по противоположному тротуару. Когда она была на такомъ же приблизительно разстояніи впереди него, какъ и раньше, онъ тихо приподнялся и опять двинулся за нею. Около средины моста она остановилась. Остановился и слѣдившій за нею.

Ночь была очень темная. День выпалъ ненастный, и въ этотъ часъ здѣсь было очень мало народу. Тѣ прохожіе, которые еще встрѣчались, торопливо бѣжали дальше, по всей вѣроятности не видя и безъ сомнѣнія не обращая вниманія ни на женщину, ни на того, который ее выслѣживалъ. Внѣшній видъ ихъ не былъ разсчитанъ на то, чтобы останавливать любопытные взгляды лондонскихъ бѣдняковъ, которымъ въ эту ночь случилось проходить по мосту въ поискахъ какого нибудь холоднаго закоулка или развалины, гдѣ можно преклонить голову. Они стояли на своихъ мѣстахъ молча; никто изъ прохожихъ не заговаривалъ съ ними.

Надъ рѣкой висѣлъ туманъ, сгущая красные огни фонарей, горѣвшихъ на мелкихъ судахъ въ различныхъ верфяхъ, и дѣлая темныя береговыя зданія болѣе мрачными и расплывчатыми въ очертаніяхъ. Старыя, почернѣвшія отъ дыма строенія складовъ тяжело и сумрачно возвышались

по обѣ стороны, надъ скученной массой шпилей и кровель и угрюмо хмурились на рѣку, слишкомъ черную, чтобы отражать даже ихъ громоздкіе контуры. Башня старинной церкви Спасителя и шпицъ святого Магнуса — вѣковые гиганты, стерегущіе этотъ древній мостъ, виднѣлись въ черномъ сумракѣ, но лѣсъ корабельныхъ мачтъ на рѣкѣ и частые шпицы церквей среди крышъ домовъ, были почти всѣ скрыты изъ виду.

Дѣвушка, за которой все время внимательно наблюдалъ ея тайный попутчикъ, нетерпѣливо прошлась уже нѣсколько разъ взадъ и впередъ, когда тяжелый колоколъ собора святого Павла возвѣстилъ, что еще одинъ день отошелъ въ вѣчность. Полночь воцарилась надъ многолюднымъ городомъ. Надъ дворцомъ и ночлежнымъ пріютомъ, надъ сумасшедшимъ домомъ и тюрьмой, надъ обителью рожденія и смерти, здоровья и недуга, надъ застывшимъ лицомъ покойника, надъ мирно спящимъ ребенкомъ — надо всѣмъ нависла полночь.

Не прошло и двухъ минутъ послѣ того, какъ пробили часы, когда близь моста остановился наемный фіакръ, изъ котораго вышли молодая леди и сѣдой джентльменъ, и, отпустивъ карету, направились прямо на мостъ. При ихъ появленіи

дѣвушка вздрогнула и тотчасъ поспѣшила къ нимъ.

Они шли впередъ, оглядываясь по сторонамъ съ такимъ видомъ, какъ будто почти не разсчитывали на осуществленіе своего ожиданія, и, неожиданно столкнувшись съ дѣвушкою, они остановились съ возгласомъ удивленія, который тотчасъ же заглушили, потому что въ этотъ моментъ мимо нихъ прошелъ и даже задѣлъ ихъ какой то человѣкъ въ одеждѣ простолюдина.

— Не здѣсь, — торопливо сказала Нанси. — Я здѣсь боюсь съ вами говорить. Уйдемъ... подальше отъ народа. Спустимся вонъ по тѣмъ ступенямъ.

Когда она произнесла эти слова и указала рукой въ томъ направленіи куда просила ихъ пойти, простолюдинъ обернулся и, грубо спросивъ, чего ради они загородили весь тротуаръ, пошелъ далѣе.

Ступени, указанныя дѣвушкой, были тѣ самыя, которыя на Серрейскомъ берегу, у того конца моста, гдѣ стоитъ церковь Спасителя, образуютъ спускъ къ рѣкѣ. Къ этому мѣсту, никѣмъ не замѣченный, поспѣшилъ простолюдинъ и, въ одну секунду обозрѣвъ мѣстность, началъ спускаться.

Эта лѣстница составляетъ часть моста и раздѣ-

ляется на три яруса. Какъ разъ въ концѣ второй площадки каменная стѣна съ лѣвой стороны кончается орнаментированнымъ пилястромъ, обращеннымъ къ Темзѣ. Въ этомъ мѣстѣ идущія дальше ступени расширяются въ длину, такъ что, если спрятаться за угломъ стѣны, то можно быть вполнѣ скрытымъ отъ взоровъ всѣхъ, находящихся на той же лѣстницѣ нѣсколько выше, хотя бы только одной ступенью. Простолюдинъ торопливо осмотрѣлся, дойдя до этого мѣста, и такъ какъ не было видно болѣе удобнаго прикрытія и къ тому же, благодаря отливу, тутъ было для него достаточно просторно, то онъ скользнулъ туда и, стоя спиной къ пилястру, началъ ждать; онъ не сомнѣвался, что ниже они не пойдутъ, и что если ему и не будетъ слышенъ ихъ разговоръ, то онъ имѣетъ за то возможность вполнѣ безопасно пойти снова по ихъ слѣдамъ.

Такъ долго тянулось время въ этомъ уединенномъ мѣстѣ и такое нетерпѣливое желаніе испытывалъ шпіонъ узнать причины свиданія, столь не похожаго на то, чему ожидалъ онъ быть свидѣтелемъ, что онъ не разъ уже готовъ былъ счесть дѣло неудавшимся и говорилъ себѣ, что они остановились гдѣ нибудь наверху или избрали какое нибудь совершенно иное мѣсто для

своего таинственнаго разговора. Онъ собирался уже вынырнуть изъ своего потаеннаго убѣжища и вернуться наверхъ, когда услышалъ приближающіеся шаги, и вскорѣ почти надъ самымъ его ухомъ раздались голоса.

Онъ выпрямился и прильнулъ къ стѣнѣ, затаивъ дыханіе и внимательно прислушиваясь.

— Довольно, — произнесенъ голосъ, очевидно принадлежавшій джентльмену:- я не допущу, чтобы молодая леди пошла еще дальше. Многіе не повѣрили бы вамъ и настолько, чтобы забрести такъ далеко, но, вы видите, я готовъ вамъ угодить.

— Мнѣ угодить! — вскричала дѣвушка, за которой шпіонъ слѣдилъ. — Право, вы очень внимательны, сэръ. Угодить мнѣ! Ну, да оставимъ это.

— Чего же ради, — сказалъ джентльменъ болѣе привѣтливымъ тономъ:- чего ради привели вы насъ въ это странное мѣсто? Почему было не предоставить мнѣ переговорить съ вами тамъ наверху, гдѣ свѣтло и гдѣ есть хоть нѣкоторое движеніе. А вмѣсто того вы завели насъ въ этотъ темный и мрачный закоулокъ?

— Я и раньше сказала вамъ, — отвѣтила Нанси:- что тамъ мнѣ страшно съ вами говорить. Не

знаю, почему это, — продолжала она, содрогнувшись, — но сегодня я испытываю такой страхъ и ужасъ, что еле стою на ногахъ.

— Страхъ передъ чѣмъ? — спросилъ джентльменъ съ очевиднымъ участіемъ.

— Не знаю, — отвѣтила она. — Я хотѣла бы это знать. Весь день меня посѣщаютъ мысли о смерти. Я вижу саваны, испачканные кровью, и испытываю такой нестерпимый страхъ, будто меня все время жгутъ огнемъ. Вечеромъ, чтобы скоротать время, я пробовала читать книгу, но тѣ же ужасы видѣла и среди строчекъ.

— Померещилось, — сказалъ джентльменъ, успокаивая ее.

— Нѣтъ, не померещилось, — возразила она хриплымъ голосомъ:- Я готова присягнуть, что видѣла слово «гробъ», большими черными буквами напечатанными на каждой страницѣ..А на улицѣ недавно какъ разъ мимо меня пронесли гробъ.

— Что же тутъ необычнаго, — сказалъ джентльменъ. — Часто проносятъ и мимо меня.

— *Настоящіе,* — возразила дѣвушка. — А это былъ не такой.

Въ ея голосѣ когда она произнесла эти слова, было что то такое особенное, что у тайнаго слуша-

теля забѣгали мурашки по кожѣ и кровь застыла въ жилахъ. Никогда еще онъ не испытывалъ такого облегченія, какъ въ тотъ моментъ, когда раздался пріятный голосъ молодой леди, просившей Нанси успокоиться и не поддаваться такимъ страшнымъ видѣніямъ.

— Говорите съ ней ласковѣе, — обратилась молодая леди къ своему спутнику. — Бѣдняжка! Она такъ нуждается въ участіи.

— Ваши надменныя благочестивыя барыни презрительно отвернули бы голову, увидѣвъ меня такою, какъ я сейчасъ передъ вами, и начали бы проповѣдывать объ адскомъ огнѣ и возмездіи! — вскричала Нанси. — Ахъ, дорогая леди, почему тѣ, которые считаютъ себя избранными Бога, не одарены вашей лаской и участіемъ къ намъ, несчастнымъ! Вѣдь вы молоды и прекрасны, у васъ есть все, чего мы лишены; почему же вы такъ смиреннѣе ихъ, вмѣсто того, чтобы гордиться?

— Да! — произнесъ джентльменъ. — Турокъ, умывъ лицо, обращаетъ его къ востоку, когда читаетъ свои молитвы; а эти люди, мірскою жизнью согнавъ съ лица всякую улыбку, такъ же методично обращаются къ самой темной сторонѣ неба. Между мусульманиномъ и фарисеемъ я

выберу перваго!

Повидимому эти слова были обращены къ молодой леди и сказаны, быть можетъ, для того, чтобы дать Нанси время успокоиться. Вскорѣ джентльменъ заговорилъ съ нею.

— Въ послѣднее воскресенье вечеромъ васъ здѣсь не было, — сказалъ онъ.

— Я не могла придти. Меня удержали насильно.

— Кто именно?

— Тотъ человѣкъ, о которомъ я говорила молодой леди.

— Надѣюсь, что васъ не заподозрили въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо относительно того дѣла, которое заставило насъ сейчасъ сойтись? — спросилъ старый джентльменъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила женщина, покачавъ головою. — Не легко уйти отъ него, если не сказать куда. Мнѣ не удалось бы повидать леди, если бы я въ тотъ разъ не дала ему выпить опія.

— Проснулся ли онъ до вашего возвращенія?

— Нѣтъ. И ни онъ, ни кто либо другой не подозрѣваютъ меня.

— Хорошо, — сказалъ джентльменъ. — Теперь выслушайте меня.

— Я слушаю, — произнесла Нанси, когда онъ

умолкъ на минуту.

— Эта молодая леди, — началъ джентльменъ:- сообщила мнѣ и нѣкоторымъ другимъ друзьямъ, которымъ вполнѣ можно довѣрять, — сообщила то, что вы ей сказали почти двѣ недѣли тому назадъ. Не скрою отъ васъ, что сначала я нѣсколько сомнѣвался, можно ли вполнѣ вамъ довѣриться, но теперь я твердо убѣжденъ, что можно.

— Можно, — рѣшительно произнесла Нанси.

— Повторяю — я твердо убѣжденъ, что вамъ можно вѣрить. И чтобы доказать вамъ это, я скажу вамъ напрямикъ, что мы собираемся вывѣдать тайну, подѣйствовавъ страхомъ на этого человѣка — Монкса. Но если... если... его не удастся прижать къ стѣнѣ или, хоть мы и сумѣемъ его захватить, но намъ не удастся подчинить его нашимъ цѣлямъ, то вы должны выдать намъ еврея.

— Феджина! — вскричала Нанси, отшатываясь.

— Да, этого человѣка вы должны будете выдать, — сказалъ джентльменъ.

— Я этого не сдѣлаю! Никогда! — отвѣтила она. — Хоть онъ и сатана, а ко мнѣ относился хуже даже, чѣмъ сатана, но я никогда не сдѣлаю этого.

— Нѣтъ? — произнесъ джентльменъ, повидимому, вполнѣ ожидавшій отказа.

— Никогда!

— Скажите мнѣ, почему?

— У меня есть причина, — твердо отвѣтила молодая женщина:- и эту причину знаетъ молодая леди, и приметъ мою сторону — я знаю, что приметъ, потому что она обѣщала мнѣ. А есть и другая причина — та, что, какъ бы ни была дурна его жизнь, но я веду дурную жизнь тоже. У многихъ изъ насъ общая дорога, и я не стану предавать ни одного изъ тѣхъ, которые могли бы меня предать и однако не сдѣлали этого, какъ ни были они дурны.

— Въ такомъ случаѣ, - сказалъ джентльменъ съ живостью, какъ будто насталъ тотъ самый поворотъ бесѣды, котораго онъ старался достигнуть:- отдайте въ мои руки Монкса и предоставьте мнѣ имѣть дѣло лично съ нимъ.

— Но если онъ покажетъ на другихъ?

— Я обѣщаю вамъ, что въ этомъ случаѣ, разъ только намъ удастся принудить его къ правдѣ, дѣло на томъ и остановится. Въ исторіи Оливера есть обстоятельства, которыя, изъ чувства деликатности, не подлежатъ оглашенію, и разъ истина будетъ въ нашихъ рукахъ, они останутся на свободѣ.

— А если нѣтъ? — предположила она.

— Тогда, — продолжалъ джентльменъ:- этотъ Феджинъ не будетъ отданъ въ руки правосудія безъ вашего согласія. Я увѣренъ, что мнѣ въ этомъ случаѣ удалось бы привести вамъ доводы, которые склонили бы васъ къ перемѣнѣ рѣшенія.

— А леди обѣщаетъ мнѣ это? — спросила Нанси.

— Да, — отвѣтила Роза:- даю вамъ правдивое и святое обѣщаніе.

— Монксъ никогда не узнаетъ, отъ кого вы раздобыли эти свѣдѣнія? — спросила молодая женщина послѣ короткой паузы.

— Никогда, — отвѣтилъ джентльменъ. — Мы такъ разскажемъ ему наши разоблаченія, что онъ даже не будетъ догадываться.

— Я привыкла лгать и съ малыхъ лѣтъ живу среди обманщиковъ, — произнесла Нанси послѣ новаго короткаго молчанія;- но вашимъ словамъ я вѣрю.

Получивъ отъ нихъ обоихъ новое подтвержденіе, что она безопасно можетъ положиться на ихъ обѣщанія, она начала описывать такимъ тихимъ голосомъ, что для подслушивавшаго зачастую трудно было разобрать суть ея словъ, — мѣстоположеніе того самаго трактира, изъ котораго онъ началъ ее выслѣживать. Судя по

тому, какъ она иногда умолкала, можно было предположить, что джентльменъ наскоро записывалъ кое что изъ ея описанія. Когда она подробно перечислила всѣ признаки мѣста, откуда можно наблюдать за таверной, не возбуждая подозрѣній, и сообщила, въ какіе вечера и часы Монксъ обыкновенно чаще всего бываетъ тамъ, то умолкла на нѣсколько минутъ, повидимому, стараясь хорошенько вызвать въ памяти черты его лица и общую внѣшность.

— Онъ высокъ ростомъ, — сказала она:- и крѣпкаго сложенія, но не полный. У него боязливая походка и на ходу онъ постоянно оглядывается черезъ плечо сначала въ одну сторону, потомъ въ другую. Запомните это, потому что глаза у него примѣтные, они такъ глубоко запали, какъ я не встрѣчала еще ни у кого, и уже по одному этому вы могли бы его узнать. Лицо у него смуглое, глаза и волосы темные. Хотя онъ не старше двадцати шести или восьми лѣтъ, но видъ у него измождеными, усталый. Губы его часто синѣютъ и бываютъ искусаны, потому, что онъ страдаетъ припадками безумья и иногда даже кусаетъ себѣ руки, покрывая ихъ кровавыми слѣдами зубовъ… Почему вы вздрогнули? — спросила молодая женщина, внезапно останавливаясь. Джентльменъ

торопливо отвѣтилъ, что самъ не замѣтилъ этого и просилъ ее продолжать.

— Частью я узнала все это отъ другихъ людей въ трактирѣ, который я вамъ описала;- сама же я видѣла этого человѣка только два раза, когда онъ былъ закутанъ большимъ плащомъ. Кажется, это всѣ примѣты, какія я могу вамъ сообщить. Подождите, вотъ еще, — добавила она:- на его шеѣ, на такой высотѣ, что вы можете замѣтить за шейнымъ платкомъ, когда онъ поворачиваетъ лицо въ сторону, находится...

— Широкое красное пятно, точно отъ ожога! — вскричалъ джентльменъ.

— Какъ! — сказала Нанси. — Вы знаете его?

Молодая леди издала возгласъ изумленія, и нѣсколько мгновеній всѣ трое были безмолвны, такъ что шпіонъ ясно слышалъ ихъ взволнованное дыханіе.

— Мнѣ показалось, что да, — нарушилъ джентльменъ молчаніе. — Во всякомъ случаѣ я долженъ узнать его по вашему описанію. Увидимъ. Подчасъ люди бываютъ поразительно похожи одинъ на другого. Можетъ быть это и не тотъ вовсе.

Произнеся эти слова съ напускнымъ равнодушіемъ, онъ прошелся немного по площадкѣ

и когда шага на два приблизился къ шпіону, то тотъ могъ отчетливо разслышать, какъ онъ пробормоталъ: «это онъ!»

— Ну, — произнесъ онъ, возвратившись, судя по голосу, на прежнее мѣсто:- вы оказали намъ чрезвычайно важную помощь, и милая женщина, и я хотѣлъ бы, чтобы вы были вознаграждены чѣмъ нибудь. Что я могу для васъ сдѣлать?

— Ничего, — отвѣтила Нанси.

— Не упорствуйте, — возразилъ джентльменъ, въ голосѣ котораго было столько убѣдительности и доброты, что и гораздо болѣе зачерствѣвшее и грубое сердце едва ли устояло бы. — Подумайте. Что вы скажете?

— Ничего, сэръ, — отвѣтила молодая женщина, заливаясь слезами. — Вы ничѣмъ не можете мнѣ помочь. Мнѣ нельзя уже ни на что надѣяться.

— Вы сами отталкиваете отъ себя надежду, — сказалъ джентльменъ. — Прошлое ваше было безотраднымъ расточеніемъ молодыхъ силъ и уничтоженіемъ тѣхъ безцѣнныхъ сокровищъ, которыя Творецъ лишь одинъ разъ намъ удѣляетъ и никогда не даритъ опять. Но будущее для васъ не лишено надеждъ. Я не хочу сказать, что въ нашей власти дать вамъ спокойствіе души и сердца, потому что это явится лишь тогда, когда

вы сами станете искать этого. Но предоставить вамъ тихое убѣжище въ Англіи или, если боитесь здѣсь оставаться, гдѣ нибудь въ другой странѣ, - это не только въ нашихъ силахъ, но и наше самое горячее желаніе. Еще не успѣетъ начаться разсвѣтъ, еще рѣка эта не проснется, чтобы встрѣтить первый проблескъ дня, а вы уже будете тамъ, гдѣ до васъ совершенно не доберутся ваши прежніе сотоварищи, и не останется послѣ васъ ни малѣйшаго слѣда, какъ будто вы съ этой минуты покинули землю. Соглашайтесь! Я не хочу, чтобы вы вернулись и хоть однимъ словомъ обмѣнялись съ прежними знакомыми, хоть одинъ взглядъ кинули на старыя мѣста, хоть одинъ разъ еще вдохнули тотъ воздухъ, который является для васъ гибелью и смертью. Покиньте все это пока есть время и возможность!

— Теперь она согласится! — вскричала молодая леди. — Я увѣрена, что она колеблется уже.

— Боюсь что нѣтъ, дорогая леди, — сказалъ джентльменъ.

— Нѣтъ, сэръ, я не колеблюсь, — сказала женщина, поборовъ себя. — Я цѣпью прикована къ прежней жизни. Я задыхаюсь въ ней, ненавижу ее теперь, но не могу ее бросить. Я, видно, слишкомъ далеко зашла, чтобы вернуться назадъ.

И все таки я не знаю, такъ ли бы я поступила, если бы вы сказали мнѣ то же нѣсколько раньше. Но, — тутъ она поспѣшно осмотрѣлась:- опять на меня находитъ этотъ страхъ. Мнѣ надо домой.

— Домой! — повторила молодая леди съ удареніемъ на этомъ словѣ.

— Да, леди, домой, — отвѣтила Нанси. — Къ тому домашнему очагу, который я устроила себѣ работой всей своей жизни. Пора намъ разстаться. Меня могутъ подстеречь или увидѣть. Идите, идите! Если я оказала вамъ какую либо услугу, то все, о чемъ я прошу васъ, это — предоставьте мнѣ идти своей дорогой.

— Напрасно убѣждать ее, — произнесъ джентльменъ со вздохомъ. — Быть можетъ, мы, оставаясь здѣсь дольше, подвергаемъ *съ* опасности. Возможно, что мы уже задержали ее дольше, чѣмъ она ожидала.

— Да, да, — подтвердила молодая женщина. — Задержали.

— Каковъ можетъ былъ конецъ жизни этого несчастнаго существа! — вскричала молодая леди.

— Каковъ? Посмотрите передъ собою, леди. Взгляните на эту черную воду. Нерѣдко вамъ приходится читать о такихъ, какъ я, которыя

бросаются въ рѣку и не оставляютъ послѣ себя никого, кто о нихъ взгрустнулъ бы или пролилъ бы слезу. Пройдутъ, можетъ быть, годы, можетъ быть, мѣсяцы, но и мнѣ не миновать этого.

— Не говорите этого, прошу васъ, — рыдая, сказала ей молодая леди.

— Вы никогда не услышите объ этомъ, дорогая барышня, и не дай Богъ вамъ знать объ этихъ ужасахъ, — отвѣтила Нанси. — Доброй ночи, доброй ночи!

Джентльменъ отвернулся.

— Вотъ, возьмите ради меня этотъ кошелекъ, — вскричала Роза, — чтобы имѣть что нибудь на случай невзгоды!

— Нѣтъ! — отвѣтила молодая женщина. — Я не для денегъ рѣшилась на это. Не лишайте меня сознанія этого. И все таки... дайте мнѣ что нибудь изъ вашихъ вещей... Нѣтъ, нѣтъ, только не кольцо!.. Вашу перчатку или носовой платокъ... что нибудь, что я могла бы хранить на память о васъ, ласковая леди. Вотъ это! Будьте счастливый Благослови васъ Богъ. Доброй ночи, доброй ночи!

Крайнее волненіе молодой женщины и опасеніе, что что нибудь ее выдастъ и навлечетъ на нее месть и побои, повидимому, заставили джентльмена отпустить ее, согласно ея прось-

бѣ. Слышны были удаляющіеся шаги, и голоса умолкли.

Молодая леди и ея спутникъ скоро были уже на самомъ мосту. Они пріостановились на верхней ступени.

— Тише! — воскликнула Роза, прислушиваясь. — Не окликнула ли она насъ? Мнѣ послышался ея голосъ.

— Нѣтъ, моя дорогая, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу, кинувъ грустный взглядъ назадъ. — Она стоитъ на томъ же мѣстѣ и не двинется, пока мы не уйдемъ.

Роза Мэйли медлила, но старый джентльменъ заставилъ ее взять себя подъ руку и съ деликатной настойчивостью увлекъ ее. Когдъ они исчезли, молодая женщина упала на одну изъ каменныхъ ступеней и излила скорбь своего сердца въ горькихъ слезахъ.

Спустя немного времени она встала и слабой, шатающейся походкой поднялась наверхъ. Изумленный шпіонъ нѣсколько минутъ оставался, недвижимый, на своемъ посту и, убѣдившись, посредствомъ осторожныхъ выглядываній, что онъ снова остался одинъ, медленно вылѣзъ изъ своего убѣжища и прокрался наверхъ, держась въ тѣни, какъ и тогда, когда спускался.

Дойдя до верха лѣстницы, Ноэ Клейполь нѣсколько разъ выглянулъ, чтобы удостовѣриться, что его никто не можетъ замѣтить, и побѣжалъ прочь устремляясь въ жилищу еврея со всего скоростью, на которую были способны его длинныя ноги.

XLVII. Роковыя послѣдствія

До разсвѣта оставалось часа два; кто было то время, которое осенью по справедливости можетъ быть названо самой глухой порой ночи, когда улицы молчаливы и пустынны, когда даже звуки кажутся уснувшими, а развратники и кутилы разбрелись по домамъ, чтобы вздремнуть. Въ этотъ то тихій и безгласный часъ Феджинъ сидѣлъ, безсонный, въ своемъ старомъ логовищѣ. Лицо его было такъ искажено и блѣдно, глаза такъ красны и налиты кровью, что онъ походилъ не столько на человѣка, сколько на какое-то ужасное привидѣніе, только что вставшее изъ могилы и гонимое злымъ духомъ.

Онъ сидѣлъ сгорбившись надъ холоднымъ очагомъ и закутавшись старымъ изорваннымъ одѣяломъ; его лицо было обращено къ горѣвшей свѣчѣ, которая стояла близъ него на столѣ. Правую руку онъ держалъ около рта, и когда, погруженный въ мысли, онъ кусалъ свои длинные черные ногти, то на его беззубыхъ деснахъ можно было видѣть остатки такихъ клыковъ, которые могли бы принадлежать собакѣ или крысѣ.

На лежавшемъ на полу матрацѣ крѣпко спалъ Ноэ Клейполь. Старикъ иногда на мгновеніе останавливалъ на немъ взглядъ и снова затѣмъ устремлялъ его на свѣчу, давно нагорѣвшій фитиль которой свѣсился книзу, а растопившееся сало капало на столъ. Видно было, что его мысли блуждаютъ гдѣ то далеко.

Да, онѣ блуждали далеко. Досада на разрушеніе заботливо построеннаго замысла, ненависть къ женщинѣ, которая осмѣлилась завести сношенія съ чужими, полное недовѣріе къ искренности ея отказа выдать его, горькое разочарованіе въ виду неудавшейся мести Сайксу, страхъ быть открытымъ, боязнь разоренія, смерти, дикая, безумная ярость, — вотъ тѣ страстныя мысли, которыя, слѣдуя одна за другой быстрой и непрестанной чередой, пронизывали мозгъ Феджина, и всевозможные черные замыслы и злыя рѣшенія копошились въ его сердцѣ.

Онъ сидѣлъ, совершенно не мѣняя своего положенія и, повидимому, не обращая ни малѣйшаго вниманія на время, пока его острый слухъ не уловилъ звука шаговъ на улицѣ.

— Наконецъ, — пробормоталъ онъ, проводя рукой по сухимъ, воспаленнымъ губамъ. — Наконецъ!

Его слова совпали съ легкимъ звономъ колокольчика. Онъ потащился вверхъ по лѣстницѣ къ входной двери и вскорѣ вернулся съ человѣкомъ, закутаннымъ до подбородка и несшимъ подъ мышкою узелъ. Сѣвъ на стулъ и сбросивъ пальто, человѣкъ этотъ оказался Сайксомъ.

— Вотъ! — сказалъ онъ, кладя узелъ на столъ. — Спрячь это и используй, какъ сумѣешь лучше. Не мало пришлось мнѣ надъ этимъ похлопотать; я думалъ, что буду здѣсь тремя часами раньше.

Феджинъ прибралъ узелъ и, спрятавъ его въ шкафъ, снова сѣлъ на прежнее мѣсто, не произнося ни слова. Но все это время онъ ни на мгновеніе не спускалъ глазъ съ разбойника, и теперь, когда они сидѣли другъ противъ друга, лицомъ къ лицу, онъ продолжалъ пристально смотрѣть на него, при чемъ его губы такъ тряслись и его лицо такъ измѣнилось подъ вліяніемъ владѣвшихъ имъ чувствъ, что громила невольно отодвинулъ свой стулъ и уставился на него съ неподдѣльнымъ испугомъ.

— Что такое? — вскричалъ Сайксъ, — Чего ты такъ на меня смотришь?

Феджинъ поднялъ правую руку и трясущимся движеніемъ погрозилъ пальцемъ въ воздухѣ, но его возбужденіе было такъ сильно, что даръ рѣчи

въ эту минуту покинулъ его.

— Чортъ возьми! — сказалъ Сайксъ, тревожно шаря у себя за пазухой. Онъ сошелъ съ ума, мнѣ надо быть насторожѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ Феджинъ, къ которому наконецъ вернулся голосъ. — Не это... Ты не тотъ человѣкъ, Билль. Я ничего... ничего противъ тебя не имѣю.

— Ничего, вотъ какъ? — произнесъ Сайксъ, строго глядя на него и внушительно перекладывая пистолетъ въ болѣе удобное мѣсто. Тѣмъ лучше — для одного изъ насъ. Для кого именно — это все равно.

— Я кое что скажу тебѣ, Вилль, — продолжалъ Феджинъ, придвигая свой стулъ:- и тогда ты еще больше перемѣнишься, нежели я.

— Да ну? — отвѣтилъ разбойникъ недовѣрчиво. — Говори! Да торопись, а не то Нанси подумаетъ, что я пропалъ.

— Пропалъ! — вскричалъ Феджинъ. — Она уже отлично свыклась съ этой мыслью.

Сайксъ съ видомъ крайняго недоумѣнія посмотрѣлъ еврею въ лицо и, не прочтя удовлетворительнаго отвѣта на загадку, схватилъ его могучей рукой за шиворотъ и далъ ему хорошую встряску.

— Говори же, слышишь! — сказалъ онъ. — Или, если ты будешь продолжать молчать, то ужъ отъ недостатка воздуха. Разѣвай ротъ скорѣе и говори понятными словами! Говори же, проклятая старая собака, говори!

— Ну, представь, что вотъ этотъ малый, который тутъ лежитъ... — началъ Феджинъ.

Сайксъ обернулся къ тому мѣсту, гдѣ спалъ Поэ, какъ будто не замѣтилъ его раньше и, произнеся «Ладно!» принялъ прежнюю позу.

— Представь, что онъ вздумалъ бы донести... выдать всѣхъ насъ... сначала подыскавъ для этого подходящихъ людей, а затѣмъ сойдясь съ ними на улицѣ, чтобы описать наши примѣты, перечислить имъ всѣ признаки, по которымъ они могли бы насъ узнать, и указать имъ наше убѣжище, гдѣ насъ легче всего захватить? Представь, что онъ сдѣлалъ бы все это и при томъ предалъ бы наше дѣло, въ которомъ мы всѣ такъ или иначе принимаемъ участіе, — изъ за своей причуды? Не потому, чтобы его поймали въ ловушку, одурачили, перехитрили на слѣдствіи, посадили на хлѣбъ и воду, но такъ себѣ, для своей причуды для утоленія прихоти? Представь, что онъ вздумалъ бы украдкою уходить ночью къ людямъ, которые намъ враги, и наушничать

имъ? Слышишь? — закричалъ еврей, въ глазахъ котораго вспыхнула ярость. — Представь, что онъ сдѣлалъ бы все это, что тогда?

— Что тогда? — отвѣтилъ Сайксъ, произнося страшное ругательство. — Если бы только онъ до моего прихода былъ оставленъ живымъ, я раздробилъ бы ему черепъ своимъ кованымъ каблукомъ на столько частей, сколько волосъ у него на головѣ.

— А если бы я это сдѣлалъ? — визгливымъ воемъ вскричалъ Феджинъ. — Я, который знаетъ такъ много и столько народу могъ бы вздернуть на висѣлицу, кромѣ себя?

— Не знаю, — отвѣтилъ Сайксъ, стискивая зубы и побѣлѣвъ при одной мысли объ этомъ. — Я въ тюрьмѣ сдѣлалъ бы что нибудь такое, за что меня заковали бы въ цѣпи. И если бы меня допрашивали на слѣдствіи одновременно съ тобою, я набросился бы на тебя въ присутствіи суда и размозжилъ бы тебѣ голову цѣпями при всемъ народѣ. У меня нашлось бы столько силы, — пробормоталъ разбойникъ, потрясая тяжелымъ кулакомъ, — что я раздавилъ бы тебѣ голову, какъ будто черезъ нее переѣхала нагруженная телѣга.

— Ты сдѣлалъ бы это?

— Неужели нѣтъ! — сказалъ громила. — По-

пробуй.

— А если бы это былъ Чарли, или Доджеръ или Бетсъ, или…

— Мнѣ все равно, кто! — нетерпѣливо перебилъ Сайксъ. — Кто бы это ни былъ, я поступилъ бы съ ними одинаково.

Феджинъ взглянулъ въ упоръ на разбойника и, знакомъ попросивъ его соблюдать молчаніе, склонился надъ разостланной на полу постелью и началъ, расталкивая, будить спавшаго. Сайксъ пригнулся впередъ на своемъ стулѣ и смотрѣлъ, положивъ руки на колѣни; онъ словно старался догадаться, къ чему приведутъ всѣ эти вопросы и приготовленія.

— Больтеръ, Больтеръ! — сказалъ Феджинъ, взглядывая на Сайкса съ выраженіемъ сатанинскаго предвкушенія и говоря съ разстановкой и удареніемъ на словахъ. — Онъ усталъ, бѣдняга, усталъ, такъ долго слѣдя за *ней* — слѣдя за ней, Вилль.

— Что это значитъ? — спросилъ тотъ, отпрянувъ назадъ.

Феджинъ не отвѣтилъ, но, снова нагнувшись надъ спящимъ, поднялъ его, заставивъ его принять сидячую позу. Послѣ многократнаго повторенія его вымышленнаго имени, Ноэ протеръ глаза и,

широко зѣвнувъ, сонно осмотрѣлся вокругъ.

— Разскажите мнѣ про это опять, еще разъ, чтобы онъ могъ послушать, — произнесъ еврей, указывая на Сайкса.

— Про что сказать вамъ? — спросилъ заспанный Ноэ, сердито вздергиваясь.

— Да вотъ насчетъ — Нанси, — сказалъ Феджинъ, схватывая Сайкса за руку, чтобы тотъ не бросился къ выходу, не дослушавъ всего. — Мы шли по ея слѣдамъ?

— Да.

— До Лондонскаго моста?

— Да.

— И тамъ она повстрѣчалась съ двумя людьми?

— Да, такъ.

— Это были джентльменъ и леди, къ которой она по собственному почину ходила раньше, и они велѣли ей выдать всѣхъ своихъ сотоварищей, а перваго Монкса — что она и исполнила — и описать наружность — что она и исполнила — и указать имъ, въ какомъ домѣ мы встрѣчаемся и сходимся — что она и исполнила — и обозначить мѣсто, откуда удобнѣе всего подстерегать насъ — что она и исполнила — и сообщить время, когда наши тамъ бываютъ — что она и исполнила? Она

исполнила все это? Каждое слово она говорила по доброй волѣ, безъ принужденія, безъ ропота... Такъ вѣдь?.. Такъ?

— Именно, — отвѣтилъ Ноэ, почесывая голову. — Все точь въ точь такъ и было.

— А что говорили они насчетъ прошлаго воскресенья?

— Насчетъ прошлаго воскресенья? — повторилъ Мое задумчиво. — Ага!.. Да вѣдь я разсказывалъ вамъ это уже раньше.

— Еще разъ! Повторите еще разъ! — вскричалъ Феджинъ, крѣпче стискивая руку Сайкса и потрясая свободной рукой въ воздухѣ, между тѣмъ какъ на губахъ у него показалась пѣна.

— Они, спросили у нея, — сказалъ Ноэ, который, по мѣрѣ того какъ отряхалъ свою сонливость, началъ, повидимому, проникаться смутнымъ сознаніемъ, кто такой Сайксъ:- спросили, почему она не пришла, какъ обѣщала, въ прошлое воскресенье. Она отвѣтила, не могла.

— Почему?.. Почему?.. Скажи ему это!

— Потому что ее насильно удержалъ дома Билль, человѣкъ, о которомъ она говорила имъ раньше, — отвѣтилъ Ноэ.

— А еще что про него? — вскричалъ Феджинъ. — Что еще про того человѣка, о которомъ

она говорила раньше? Скажи ему все, скажи ему!

— Да то, что ей нелегко уйти изъ дому, если онъ не знаетъ, куда она идетъ, — сказалъ Ноэ. — Поэтому въ первый разъ, когда она пошла къ леди, она — ха-ха-ха! — я чуть не расхохотался, когда она сказала это, — она дала ему выпить опія.

— Ахъ сатана! — вскричалъ Сайксъ, бѣшено освобождаясь отъ еврея. — Пусти!

Отшвырнувъ оъ себя старика, онъ кинулся изъ комнаты и, охваченный свирѣпой яростью, помчался вверхъ по лѣстницѣ.

— Билль! Билль! — закричалъ Феджинъ, торопливо побѣжавъ за нимъ:- одно слово! Только одно слово!

Ему не удалосъ бы сказать свое слово, еслибы передъ разбойникомъ не оказалась запертой дверь, которую онъ съ проклятіями безплодно пытался выломать, когда еврей, задыхаясь, догналъ его.

— Выпусти меня! — сказалъ Сайксъ. — Не говори со мной? Это опасно для тебя! выпусти меня, слышишь!

— Позволь мнѣ сказать одно слово, — отвѣтилъ Феджинъ, положивъ руку на замокъ. — Ты не будешь...

— Ну?

— Ты не будешь... слишкомъ жестокъ, Билль?

Уже свѣтало и они могли достаточно ясно разглядѣть свои лица. Они обмѣнялись быстрымъ взглядомъ; у обоихъ въ глазахъ сверкалъ огонь, который легко было понять.

— Я говорю въ томъ смыслѣ, - сказалъ Феджинъ, очевидно, сознавшій въ этотъ моментъ безполезность притворства, — что жестокость можетъ на насъ навлечь опасность. Побольше хитрости, Билль, и не будь слишкомъ опрометчивъ.

Сайксъ не отвѣтилъ ничего, но, толкнувъ дверь, которую между тѣмъ Феджинъ отперъ ключомъ, выбѣжалъ на пустынную улицу.

Ни разу не остановившись и не задумавшись, не взглянувъ по сторонамъ, не посмотрѣвъ ни разу ни на небо, ни себѣ подъ ноги, но глядя прямо передъ собою съ свирѣпой рѣшимостью и такъ крѣпко стиснувъ зубы, что напряженныя скулы, казалось, готовы были прорваться сквозь кожу, разбойникъ стремился дальше, очертя голову, и не пробормоталъ ни слова, не ослабилъ ни одного мускула, пока не достигъ своей двери. Онъ тихо отворилъ ее своимъ ключюмъ, безшумно поднялся по лѣстницѣ и, войдя къ себѣ въ комнату, заперъ дверь на два поворота ключа и

придвинулъ къ ней тяжелый столъ. Послѣ этого онъ откинулъ занавѣску кровати.

Молодая женщина лежала на постели, полуодѣтая. Онъ, очевидно, уже разбудилъ ее, такъ какъ она вскочила съ встревоженнымъ и испуганнымъ взглядомъ.

— Вставай!

— Это ты, Билль! — произнесла она съ оттѣнкомъ радости, что онъ вернулся.

— Это я. Вставай!..

Увидѣвъ горѣвшую свѣчу, онъ вырвалъ ее изъ подсвѣчника и швырнулъ въ очагъ. Нанси замѣтила ранній проблескъ дня и хотѣла подойти къ окну, чтобы раздвинутъ занавѣску.

— Незачѣмъ, — сказалъ Сайксъ, выставляя впередъ руку, чтобы преградить ей дорогу. — Тутъ свѣта достаточно для того, что и собираюсь дѣлать.

— Билль, — тихо сказала она тономъ боязни. — Зачѣмъ ты такъ на меня смотришь?

Нѣсколько секундъ разбойникъ сидѣлъ и глядѣлъ на нее, тяжело дыша и съ расширенными ноздрями. Затѣмъ онъ схватилъ ее за голову и шею, оттащилъ на середину комнаты и, взглянувъ на дверь, закрылъ ей ротъ своей тяжелой рукой.

— Билль, Билль! — силилась произнести молодая женщина, отбиваясь съ упорствомъ смертельнаго ужаса. — Я... я не буду кричать... ни разу не крикну... Выслушай меня... Скажи мнѣ... скажи, что я сдѣлала!

— Сама знаешь, чертовка! — отвѣтилъ разбойникъ, съ трудомъ переводя дыханіе. — Тебя подстерегли сегодня ночью; каждое сказанное тобою слово было услышано.

— Тогда пощади мою жизнь, ради Неба, какъ я пощадила твою! — воскликнула она, прильнувъ къ нему. — Билль, дорогой Билль у тебя не хватитъ духу убить меня! Ахъ, подумай обо всемъ, чѣмъ я пожертвовала, хотя бы только этой ночью, ради тебя! У тебя будетъ время, чтобы одуматься и не взять на свою душу этого преступленія! Я не отцѣплюсь отъ тебя, ты не сможешь меня отшвырнутъ! Билль, Билль, ради милосерднаго Бога, ради себя, остановись, прежде чѣмъ пролить мою кровь! Я была вѣрна тебѣ, клянусь своей грѣховной душой, я была вѣрна!

Онъ изо всѣхъ силъ отбивался отъ нея, чтобы высвободить руки, но онѣ попрежнему были охвачены руками женщины, и какъ онъ ни отрывалъ ее отъ себя, ему не удавалось освободиться.

— Билль! — вскричала она, стараясь положить

голову ему на грудь. — Джентльменъ и эта добрая леди говорили мнѣ ночью о жизни гдѣ нибудь въ другой странѣ, гдѣ я могла бы кончить свои дни въ уединеніи и мирѣ. Дай мнѣ повидаться съ ними опять и на колѣняхъ упросить ихъ оказать то же милосердіе и доброту тебѣ. Оставимъ оба это ужасное мѣсто, и далеко отсюда начнемъ лучшую жизнь, и забудемъ, какъ мы жили прежде, вспоминая объ этомъ лишь въ молитвахъ, и никогда не будемъ больше видѣть другъ друга. Раскаяться никогда не поздно. Они сказали мнѣ это... я чувствую это теперь... но намъ надо время, хоть немного, немного времени!

Громила высвободилъ одну руку и досталъ пистолетъ. Несомнѣнность немедленной тревоги, если онъ выстрѣлить, мелькнула въ его умѣ, несмотря на всю неудержимость его бѣшенства, и онъ изо всей силы два раза ударилъ рукояткой по ея лицу, обращенному кверху и почти соприкасавшемуся съ его собственнымъ.

Она зашаталась и упала, почти ослѣпленная кровью, хлынувшей изъ глубокой раны на лбу; но она поднялась съ трудомъ на колѣняхъ и достала спрятанный на груди бѣлый планокъ — подарокъ Розы — и высоко держа его въ сложенныхъ рукахъ, — настолько ближе къ небу, насколько

позволяли ей ослабѣвшія силы, — прошептала Создателю молитву о милосердіи.

Страшно было смотрѣть на нее. Убійца, шатаясь, отступилъ къ стѣнкѣ и, прикрывъ рукою глаза, чтобы не видѣть, схватилъ тяжелую дубину и ударомъ ея свалилъ умиравшую.

XLVIII. Бѣгство Сайкса

Изъ всѣхъ злодѣяній, совершенныхъ подъ покровомъ темноты въ широко раскинувшемся Лондонѣ, пока ночь висѣла надъ нимъ, это было самое страшное. Изъ всѣхъ ужасовъ, подымавшихся въ утреннемъ воздухѣ вмѣстѣ съ міазмами, это преступленіе было самое постыдное и самое жестокое.

Солнце — яркое солнце, которое приноситъ человѣку не только новый свѣтъ, но и новую жизнь, и надежду, и свѣжесть — засіяло надъ многолюднымъ городомъ во всей своей ясной, лучезарной красотѣ. Сквозь богатыя цвѣтныя стекла и въ заклеенныя бумагою окна, въ просвѣты церковнаго купола и въ разсѣлины жалкихъ лачугъ оно поровну вливало свои прямые лучи. Оно освѣтило и комнату, гдѣ лежала убитая женщина. Оно освѣтило ее. Сайксъ хотѣлъ заградить ему доступъ, но свѣтъ вливался опять. Если зрѣлище было ужасно при блѣдномъ разсвѣтѣ, то какимъ было оно теперь, при этомъ сверкающемъ сіяніи дня!

Онъ не двигался; онъ боялся тронуться съ мѣ-

ста. Послышался стонъ, и ея рука шевельнулась. Въ изступленіи и ужасѣ онъ нанесъ ей ударъ, и еще, и еще. Онъ набросилъ на нее одѣяло. Но еще страшнѣе было думать о ея глазахъ и представлять себѣ, что они устремляются на него, чѣмъ видѣть ихъ обращенными кверху и словно слѣдящими за отраженіемъ лужи крови, трепетавшимъ и игравшимъ на потолкѣ при свѣтѣ солнца. Онъ снялъ прочь одѣяло. Передъ нимъ лежало тѣло — только плоть и кровь, не болѣе — но что за плоть и какъ много крови!

Онъ высѣкъ огонь, растопилъ очагъ и засунулъ въ пламя дубину. Къ ея концу прилипъ волосъ, который вспыхнулъ и, съежившись въ видѣ легкаго пепла, полетѣлъ вверхъ по трубѣ, захваченной тягой. Даже и это напугало его при всей его смѣлости; но онъ продолжалъ держать въ огнѣ дубину, пока она не перегорѣла пополамъ, и тогда онъ оставилъ обломки на угольяхъ, чтобы они догорѣли и обратились въ золу. Онъ умылся и вычистилъ платье; кое гдѣ были пятна, которыя нельзя было устранить. Онъ вырѣзалъ эти мѣста и сжегъ ихъ. Сколько этихъ пятенъ по всей комнатѣ! Даже лапы собаки были въ крови.

Все это время онъ ни разу не поворачивался спиной къ трупу, ни на одно мгновеніе. Окон-

чивъ свои приготовленія онъ вышелъ, пятясь задомъ черезъ дверь и таща съ собой собаку, чтобы она не выпачкала снова лапъ въ крови и не унесла на улицу новыхъ уликъ преступленія. Онъ безшумно закрылъ дверь, заперъ ее, вынулъ ключъ и покинулъ домъ.

Онъ перешелъ на другую сторону улицы и взглянулъ на окно, чтобы удостовѣриться, что снаружи ничего не замѣтно. Попрежнему была задернута занавѣска, которую она хотѣла откинуть, чтобы дать доступъ свѣту, котораго ей не пришлось больше увидѣть. Тѣло лежало почти какъ разъ подъ окномъ. *Онъ* это зналъ. Боже, какъ солнце заливаетъ лучами это самое мѣсто!

Онъ смотрѣлъ туда лишь одно мгновеніе. Покинувъ комнату, онъ почувствовалъ облегченіе. Онъ свиснулъ собаку и быстро зашагалъ прочь.

Онъ прошелъ черезъ Айлингтонъ, поднялся на холмъ Хайгэта, гдѣ стоитъ памятникъ въ честь Уиттингтона, и повернулъ внизъ къ Хайгэтскому пригорку, не имѣя цѣли и не зная, куда идти. Онъ тотчасъ свернулъ вправо, едва начавъ спускаться, и направившись по тропинкѣ черезъ поля, миновалъ опушку Сэнскаго лѣса и вышелъ на поросшій верескомъ Хемпстедскій пустырь. Пересѣкши котловину близь Долины Здоровья, онъ

вскарабкался на подъемъ и, пройдя поперекъ дороги, соединяющей села Хемпстедъ и Хангэтъ, пошелъ вдоль пустыря къ полямъ у Сѣвернаго Конца; добравшись до полей, онъ легъ подъ плетнемъ и заснулъ.

Скоро онъ опять былъ на ногахъ и покинулъ поля — приблизившись къ Лондону по проѣздной дорогѣ. Затѣмъ пошелъ снова назадъ; затѣмъ пересѣкъ другую часть того пустыря, гдѣ онъ проходилъ уже; затѣмъ принялся бродитъ туда и сюда по полямъ, ложась на берегу канавъ, чтобы отдохнуть, и, вскакивая на поиски другого мѣста; вскорѣ снова останавливался, и снова начиналъ блуждать.

Куда бы пойти ему поблизости, гдѣ было бы не очень многолюдно и можно было закусить и выпить? Хендонъ! Это какъ разъ подходящее мѣсто; оно расположено недалеко и въ то же время въ сторонѣ отъ дороги. Онъ направилъ туда свой путь, то принимаясь бѣжать, то, по какой то странной несообразности, плетясь черепашьимъ шагомъ и даже останавливаясь на мѣстѣ и начиная безцѣльно сбивать палкой вѣтки кустовъ. Но когда онъ пришелъ туда, всѣ, кто попадались ему навстрѣчу — даже дѣти у дверей домовъ — смотрѣли на него словно съ подозрѣніемъ. Опять

онъ повернулъ назадъ, не имѣя смѣлости купить даже кусокъ хлѣба или кружку питья; хотя много часовъ уже онъ ничего не ѣлъ. И еще разъ укрылся онъ въ верешнякѣ, не зная, куда идти.

Онъ, исходивъ многія мили, каждый разъ возвращался все къ тому же самому пустырю. Миновали утро и полдень и уже день клонился къ вечеру, а онъ попрежнему блуждалъ туда и сюда, уходилъ и возвращался назадъ, пускался въ обходъ, и все кружилъ, и кружилъ около прежняго мѣста. Наконецъ вырвался изъ этого заколдованнаго круга и направился къ Хэтфильду.

Въ девять часовъ вечера онъ, совершенно изнуренный, вмѣстѣ съ собакой, прихрамывавшей и обезсилѣвшей отъ непривычнаго путешествія, свернулъ внизъ по холму, противъ церкви тихаго села, и, тяжело шагая по небольшой улицѣ, незамѣтно вошелъ въ маленькую харчевню, слабый огонекъ которой указалъ ему путь. Въ столовой топился очагъ, и нѣсколько рабочихъ-сельчанъ сидѣли у огня, прихлебывая пиво. Они потѣснились, чтобы дать мѣсто новому посѣтителю, но онъ сѣлъ въ самомъ далекомъ углу и принялся за ѣду и питье наединѣ или, вѣрнѣе, въ компаніи съ собакой, которой иногда бросалъ куски.

Посѣтители разговаривали о мѣстныхъ поляхъ,

о фермахъ; когда эти темы были исчерпаны, то бесѣда перешла на то, сколько лѣтъ было старику, котораго похоронили въ предыдущее воскресенье. Молодые изъ собесѣдниковъ считали его очень старымъ, а старые заявляли, что онъ былъ совсѣмъ еще молодъ — не старше, по словамъ одного сѣдого дѣдушки, чѣмъ онъ. Въ немъ еще было жизни и крайней мѣрѣ на десять или пятнадцать лѣтъ, если бы онъ былъ осторожнѣе.

Въ такомъ разговорѣ не было ничего, что могло бы привлечь вниманіе или встревожить. Разбойникъ, расплатившись, продолжалъ сидѣть, молчаливый и никѣмъ не замѣчаемый, въ своемъ углу, и почти заснулъ, когда его наполовину разбудило шумное появленіе новаго посѣтителя.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ мастеровъ на прибаутки — не то коробейниковъ, не то шарлатановъ — которые ходятъ изъ деревни въ деревню, продавая точила, бритвы, ремни, мыло, мазь для сбруи, лекарства для собакъ и лошадей, дешевые духи, косметику и тому подобные товары, сложенные въ привязанной у нихъ за спиною коробкѣ. Его появленіе было сигналомъ къ обмѣну разнообразными веселыми шутками съ поселянами, не утихавшими до тѣхъ поръ, пока онъ не кончилъ удина и не открылъ своего короба

съ сокровищами, остроумно соединивъ такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ.

— А что это за лакомство? Хорошо ли на вкусъ, Гарри? — спросилъ ухмыляясь, одинъ изъ поселянъ, указывая на круглые куски какого то состава въ углу ящика.

— Это, — отвѣтилъ разносчикъ, доставая одинъ изъ нихъ:- незамѣнимый и неоцѣнимый составъ для устраненія всевозможныхъ пятенъ, ржавчины, грязи, брызгъ, ряби, капель, крапинъ на шелку, сатинѣ, ситцѣ, полотнѣ, на крепѣ, тикѣ, на сукнѣ, на коврахъ, на меринось, на ратинѣ, на шерсти, на бумазеѣ, на муслинѣ. Пятна отъ вина, отъ ягодъ, отъ пива, сырости и краски, отъ смолы и отъ всего исчезаютъ при одномъ прикосновеніи съ незамѣнимымъ и неоцѣнимымъ составомъ. Дамѣ, запятнавшей честь, стоитъ только проглотить одинъ кусокъ, и она сразу смоетъ свой позоръ, потому что это ядовито. Джентльмену, который хочетъ доказать свою честь, достаточно забить одинъ кусокъ въ дуло, и онъ сразу устранитъ всѣ сомнѣнія, потому что это не только можетъ замѣнить пулю, но и обладаетъ гораздо болѣе рѣзкимъ запахомъ, а слѣдовательно является наилучшимъ средствомъ. По пенсу за штуку! При всѣхъ этихъ драгоцѣнныхъ свой-

ствахъ, по пенсу за штуку!

Два покупателя уже были готовы, а нѣсколько другихъ колебались. Торговецъ, замѣтивъ это, усилилъ свое краснорѣчіе.

— Этотъ составъ весь раскупается нарасхватъ, какъ только его успѣваютъ приготовить. Надъ его выработкой непрерывно заняты четырнадцать водяныхъ двигателей, шесть паровыхъ машинъ и гальваническая батарея, и все таки они не успѣваютъ достаточно наготовить, хотя рабочіе трудятся такъ неустанно, что умираютъ на мѣстѣ, и тогда вдовамъ назначаютъ пенсію, считая двадцать фунтовъ въ годъ на каждаго ребенка, а за двойню пятьдесятъ! По пенсу за штуку! Если угодно, по два полпенса, да и четыре фартинга {Фартингъ равенъ четверти пенса.} будутъ приняты съ величайшимъ удовольствіемъ. По пенсу за штуку! Пятна ягодныя, винныя, пивныя, пятна отъ сырости, отъ краски и отъ грязи, пятна смоляныя, кровяныя! Вотъ на шляпѣ одного джентльмена изъ вашей компаніи вы видите пятно, которое я вычищу раньше, чѣмъ онъ успѣетъ поднести мнѣ кружку эля...

— А!.. — вскричалъ Сайксъ, вскакивая. — Давайте назадъ шляпу!

— Я вычищу ее, сэръ, — сказалъ коробейникъ,

подмигнувъ остальнымъ, — раньше, чѣмъ вы успѣете подойти съ того конца комнаты. Джентльмены, соблаговолите обратить вниманіе на темное пятно на шляпѣ этого джентльмена — оно не болѣе шиллинга, но превышаетъ полкрону. Будетъ ли это пятно отъ сырости, краски или грязи, винное, ягодное, пивное, смоляное или кровяное…

Ему не пришлось сказать, такъ какъ Сайксъ съ зловѣщимъ проклятіемъ опрокинулъ столъ и, выхвативъ шляпу изъ рукъ торговца, бросился вонъ.

Съ той же самой бурей противоположныхъ чувствъ и нерѣшимостью, которыя, противъ его воли, весь день не покидали его, убійца, видя, что за нимъ никто не пошелъ слѣдить и что его очевидно приняли за какого нибудь пьянаго и нелюдима, вернулся въ городокъ и, сторонясь отъ свѣта фонарей кареты, которая стояла на одной изъ улицъ, замѣтилъ, проходя мимо, что это пріѣхала почта изъ Лондона и остановилась у почтовой конторы. Онъ почти увѣренъ былъ, какія новости она привезла, но тѣмъ не менѣе перешелъ черезъ дорогу и сталъ прислушиваться.

Почтальонъ стоялъ у двери, поджидая сумки съ письмами. Въ эту минуту подошелъ человѣкъ,

одѣтый лѣсникомъ, и почтальонъ передалъ ему корзину, стоявшую на тротуарѣ.

— Это для вашихъ, — сказалъ онъ. — Да поторопитесь вы тамъ, слышите? Проклятая сумка, не могли ее приготовить до сихъ поръ за цѣлый вечеръ; на что это похоже!

— Что въ столицѣ новаго, Бенъ? — спросилъ лѣсникъ, отступая къ ставнямъ окна, чтобы удобнѣе обозрѣть лошадей.

— Ничего не смогу сказать, — отвѣтилъ тотъ, натягивая перчатки. — Вотъ развѣ поднялась немного цѣна на зерновой хлѣбъ. Я слышалъ тоже, что гдѣ то у Спитальфильда убили кого то, не не могу этому придать большой вѣры.

— Нѣтъ, это дѣйствительно случилось, — сказалъ выглянувшій изъ окна кареты джентльменъ. — И притомъ звѣрское убійство.

— Вотъ какъ, сэръ? — произнесъ почтальонъ, дотронувшись до своей шляпы. — А скажите пожалуйста, кого убили — мужчину или женщину?

— Женщину, — отвѣтилъ джентльменъ, — Говорятъ...

— Скоро ли, Бенъ? — нетерпѣливо сказалъ кучеръ.

— Проклятая сумка! — отвѣтилъ почтальонъ. —

Да вы тамъ заснули всѣ, что ли?

— Иду! — отозвался служитель конторы, выбѣгая изъ двери.

— Иду! — проворчалъ почтальонъ. — Иду такъ же скоро, какъ та молодая и богатая невѣста, которая должна въ меня влюбиться, только не знаю когда. Давайте сюда. Ну, съ Богомъ!

Рогъ протрубилъ нѣсколько веселыхъ нотъ, и карета исчезла изъ виду.

Сайксъ продолжалъ стоять на улицѣ, очевидно, безучастный къ тому, что сейчасъ услышалъ, и не волнуемый инымъ чувствомъ, кромѣ сомнѣнія, куда идти. Наконецъ онъ повернулъ опять назадъ и двинулся по дорогѣ, идущей отъ Хэтфильда къ Сентъ-Альбансу.

Онъ угрюмо шелъ впередъ. Но когда городъ остался позади и онъ очутился среди уединенія и мрака дороги, въ его душу началъ закрадываться страхъ, и трепетный ужасъ обуялъ его. Каждый предметъ впереди, — будь то дерево или тѣнь, колебался ли онъ или былъ недвиженъ, — принималъ какія нибудь страшныя очертанія. Но эта боязнь ничего не значила по сравненію съ преслѣдовавшимъ его сознаніемъ, что тотъ страшный образъ, который былъ утромъ передъ его глазами, идетъ теперь за нимъ по пятамъ.

Онъ могъ въ темнотѣ различить его тѣнь, не упустивъ ни одной подробности очертаній, могъ видѣть, какъ грозно и твердо призракъ убитой идетъ позади. Онъ слышалъ шорохъ ея платья въ шепотѣ листьевъ, и каждое дуновеніе вѣтра приносило съ собой ея послѣдній тихій стонъ. Если онъ останавливался, стоялъ и призракъ. Если онъ принимался бѣжать, то видѣніе не покидало его — но оно не бѣжало — это было бы облегченіемъ — а неслось, какъ мертвое тѣло, на крыльяхъ какого-то однообразнаго печальнаго вѣтра, который не усиливался и не замиралъ.

Иногда онъ оборачивался съ отчаяннымъ рѣшеніемъ отогнать отъ себя привидѣніе, хотя бы взглядъ на него стоилъ ему жизни. Но волосы на головѣ вставали у него дыбомъ и кровь застывала, потому что оно продолжало стоять сзади него. Утромъ онъ удерживалъ это видѣніе впереди себя, но теперь оно было позади него, и онъ зналъ, что это навсегда! Онъ прижался спиною къ откосу, но чувствовалъ, что оно стоитъ надъ нимъ, выдѣляясь на холодномъ ночномъ небѣ. Онъ растянулся на дорогѣ, легши на спину. Оно стояло у его головы, безмолвное, прямое и недвижное, — живой надгробный памятникъ, надпись котораго была начертана кровью.

Можно ли говорить, что убійцы иногда избѣгаютъ суда и что Провидѣніе бездѣйствуетъ? Сотни жестокихъ смертей заключены въ одной безконечной минутѣ этой агоніи ужаса.

Въ полѣ, гдѣ онъ проходилъ, стоялъ сарай, которыя могъ дать кровъ для ночлега. Передъ входомъ стояли три высокихъ тополя отъ которыхъ темнота внутри сарая еще больше сгущалась; вѣтеръ зловѣще завывалъ среди вѣтвей. Онъ *не могъ* идти дальше до наступленія новаго дня; и прилегъ здѣсь, вплотную къ стѣнѣ, чтобы встрѣтить новую пытку.

Теперь другое видѣніе преслѣдовало его, столь же упорное, но болѣе страшное, чѣмъ то, отъ котораго онъ избавился. Тѣ широко раскрытые глаза, такіе потухшіе и стеклянные, что ему легче было видѣть ихъ наяву, нежели думать о нихъ, появились среди темноты, свѣтлые, но ничему не дававшіе свѣта. Только два было глаза, но они были повсюду. Если онъ зажмуривалъ глаза, то передъ нимъ представала комната со всей знакомой ему обстановкой — и такими подробностями, которыхъ онъ и не вспомнилъ бы, если бы вздумалъ возстановить эту картину по памяти. Всѣ предметы были на обычныхъ мѣстахъ. И тѣло было на своемъ мѣстѣ, и глаза были точь въ точь

такіе, какими онъ видѣлъ ихъ, уходя. Онъ всталъ и вышелъ въ поле. Призракъ снова былъ позади. Онъ вернулся въ сарай и опять растянулся на землѣ. Но не успѣлъ онъ улечься, какъ глаза были уже передъ нимъ.

Здѣсь онъ оставался, охваченный такимъ ужасомъ, какого никто не зналъ до него, дрожа всѣмъ тѣломъ и обливаясь холоднымъ потомъ, когда вдругъ ночной вѣтеръ принесъ шумъ отдаленной тревоги и гулъ смѣшанныхъ криковъ. Людской голосъ въ этомъ глухомъ мѣстѣ, хотя бы онъ былъ поводомъ къ тревогѣ, былъ для него отрадою. Передъ лицомъ возможной опасности къ нему возвратились силы и энергія и, вскочивъ на ноги, онъ выбѣжалъ на открытое мѣсто.

Широкій небосводъ, казалось, охваченъ былъ пламенемъ. Поднимаясь кверху вмѣстѣ съ дождемъ искръ и возносясь одинъ надъ другимъ, перебѣгали огромные огненные языки, освѣщая окрестность на многія мили кругомъ и посылая облака дыма къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ. Крики становились громче, новые голоса примѣшивались къ общему шуму, и онъ различалъ возгласы «пожаръ!» среди звона въ набатъ, паденія тяжелыхъ балокъ и трещанія пламени, которое, встрѣтивъ какое нибудь новое препятствіе, вски-

дывалось кверху, ободренное горючею пищей. Суматоха росла. Тамъ были люди — мужчины, женщины — тамъ былъ свѣтъ, движеніе. Передъ нимъ будто открылась новая жизнь. Онъ кинулся впередъ — прямо, стремглавъ, пробиваясь сквозь колючіе кусты и заросли и перескакивая черезъ плетни и ограды, такъ же стремительно, какъ и его собака, которая летѣла впереди него съ громкимъ и звонкимъ лаемъ.

Онъ добѣжалъ до горѣвшей постройки. Полуодѣтые люди метались туда и сюда; одни старались вывести испуганныхъ лошадей изъ конюшенъ, другіе — выгоняли скотъ изъ загородей и надворныхъ строеній, третьи выходили изъ охваченнаго огнемъ дома, нагруженные вещами, среди сыпавшагося на нихъ дождя искръ и падавшихъ кругомъ раскаленныхъ, обугленныхъ балокъ. Изъ отверстій, гдѣ часъ тому назадъ находились окна и двери, вырывалось яростно бушующее пламя; стѣны колыхались и коробились подъ напоромъ огненнаго потока; расплавленный свинецъ и желѣзо, раскаленные добѣла, лились и сыпались на землю. Женщины и дѣти громко плакали, мужчины ободряли другъ друга криками и дружными возгласами. Дребезжаніе пожарныхъ помпъ и шумъ дробящейся

и кипящей воды, когда струя ударялась о пылающее дерево, смѣшивались съ оглушительной суматохой. Онъ тоже кричалъ, пока не охрипъ и, забывъ все и себя самого, ринулся въ самую середину давки.

Въ теченіи ночи онъ не переставалъ бѣгать туда и сюда; то онъ качалъ воду, то стремился сквозь дымъ и пламя, все время суетясь тамъ, гдѣ было больше всего шуму и людей. На приставныхъ лѣстницахъ, на крышахъ построекъ, на половицахъ, которыя трещали и подавались подъ его тяжестью, всюду онъ появлялся, осыпаемый градомъ падающихъ кирпичей и камней и заглядывая въ каждую область грознаго пожара. Но онъ жилъ чудною жизнью. Онъ не получилъ ни царапины, ни ушиба, не чувствовалъ усталости и ни о чемъ не думалъ, пока не спустилось утро, освѣтивъ однѣ лишь почернѣвшія, дымящіяся развалины.

Когда затихло это безумное возбужденіе, то съ удесятеренной силою проснулось въ немъ сознаніе своего преступленія. Онъ подозрительно осмотрѣлся, такъ какъ люди разговаривали, разбившись на кучки, и онъ боялся, что предметомъ ихъ разговора является онъ. Собака поняла выразительное движеніе его пальца, и они украдкой

пошли прочь вмѣстѣ. Когда онъ проходилъ мимо помпы, у которой сидѣли нѣсколько человѣкъ, то они пригласили его раздѣлить съ ними ѣду. Онъ съѣлъ немного хлѣба съ мясомъ, а хлебнувъ пива, услышалъ, что пожарные, которые пріѣхали изъ Лондона, разговариваютъ объ убійствѣ.

— Говорятъ, онъ направился въ Бирмингемъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ:- но его изловятъ, потому что сыскная полиція вся на ногахъ, а завтра будетъ разослано объявленіе по всей странѣ.

Онъ торопливо ушелъ и не останавливался, пока въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Затѣмъ онъ улегся въ кустахъ и предался долгому, но прерывистому и безпокойному сну. Нерѣшительно и безцѣльно побрелъ онъ дальше, угнетаемый страхомъ передъ новымъ одинокимъ ночлегомъ.

Внезапно онъ принялъ отчаянное рѣшеніе пойти назадъ въ Лондонъ.

«Тамъ есть по крайней мѣрѣ съ кѣмъ перекинуться словомъ», подумалъ онъ, — «и при томъ можно хорошо спрятаться. Они не ожидаютъ меня изловить такъ, разъ ищутъ меня за городомъ. Отчего бы мнѣ не выждать недѣлю или около того, а затѣмъ, потребовавъ денегъ у Феджина, — не поѣхать во Францію? Чортъ возьми, попытаюсь.»

Онъ не медля началъ выполнять свой планъ

и, выбирая самыя безлюдныя дороги, пустился въ обратный путь, рѣшивъ притаиться близь столицы до сумерекъ, а тамъ, войдя въ городъ обходомъ, направиться сразу въ тотъ кварталъ, который онъ избралъ своей цѣлью.

Но собака? Если разосланы уже какія нибудь описанія его наружности, то не забудутъ упомянуть, что его собака исчезла и, вѣроятно, ушла вмѣстѣ съ нимъ. Благодаря этому его могутъ узнать, когда онъ будетъ итти по улицамъ. Онъ рѣшилъ утопить ее и на ходу высматривалъ какой нибудь прудъ; въ тоже время, подобравъ камень, онъ завязалъ его въ свой платокъ.

Животное во время этихъ приготовленій посматривало въ лицо своему хозяину. Потому ли, что инстинктъ подсказалъ собакѣ, въ чемъ его намѣренія, или разбойникъ покосился на нее суровѣе обыкновеннаго, но она отстала отъ него нѣсколько болѣе обычнаго и начала присѣдать, когда онъ замедлялъ шаги. Ея хозяинъ остановился на краю небольшого пруда и оглянулся, подзывая ее; она не шла къ нему.

— Слышишь, я зову? Поди сюда! — крикнулъ Сайксъ.

Животное подошло къ нему, повинуясь привычкѣ, но когда Сайксъ нагнулся, чтобы привя-

зать къ его шеѣ платокъ съ камнемъ. Собака тихо зарычала и отскочила назадъ.

— Поди ко мнѣ! — крикнулъ разбойникъ.

Собака вильнула хвостомъ, но не двинулась съ мѣста. Сайксъ сдѣлалъ затяжную петлю и позвалъ ее опять.

Собака подошла, отступила назадъ, остановилась на минуту и со всѣхъ ногъ кинулась прочь.

Онъ продолжалъ свистать и присѣлъ въ ожиданіи, что она прибѣжитъ назадъ. Но собака не возвращалась, и онъ пустился въ дальнѣйшій путь.

XLIX. Монксъ и мистеръ Броунлоу наконецъ встрѣчаются; о чемъ они говорили и какое извѣстіе прервало ихъ бесѣду

Начинались сумерки, когда мистеръ Броунлоу вышелъ изъ наемной кареты у своего подъѣзда и постучался. Когда дверь открылась, то изъ кареты вышелъ плечистый мужчина и сталъ съ одной стороны подножки, между тѣмъ какъ съ другой стороны помѣстился второй человѣкъ, сошедшій съ козелъ. По знаку мистера Броунлоу они помогли третьему выйти изъ кареты и, ведя его между собою, увлекли въ открытую дверь дома. Это былъ Монксъ.

Они поднимались по лѣстницѣ, не произнося ни слова. Мистеръ Броунлоу, идя впереди, указывалъ путь и направилъ ихъ въ одну изъ заднихъ комнатъ. Здѣсь Монксъ, все время шедшій съ очевидной неохотой, остановился передъ дверью. Ведшіе его люди вопросительно посмотрѣли на стараго джентльмена.

— У него нѣтъ иного выбора, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Если онъ будетъ упираться

или хоть однимъ движеніемъ пальца выкажетъ неповиновеніе вамъ, то вытащите его на улицу, позовите полицію и заявите отъ моего имени, что онъ мошенникъ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить? — спросилъ Монесъ.

— А какъ вы смѣете вынуждать меня къ этому? — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу, въ упоръ глядя на него. — Не спятили ли вы съ ума, что хотите уйти отсюда? Отпустите ему руки. Ну вотъ, сэръ. Вы имѣете полную свободу уйти, а мы — послѣдовать за вами. Но я клянусь вамъ всѣмъ, что для меня самое дорогое и святое, что въ то самое мгновеніе, когда вы ступите на улицу, я арестую васъ по обвиненію въ мошенничествѣ и присвоеніи чужихъ денегъ. Я твердъ и непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи. Если и вы намѣрены проявить себя такимъ же, то ваша кровь пустъ падетъ на вашу же голову!

— Какою властью я схваченъ на улицѣ и приведенъ сюда этими собаками? — спросилъ Монксъ, взглядывая на стоявшихъ по обѣ стороны его людей.

— Моей, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. — Эти люди наняты мной. Если вы жалуетесь на то, что васъ лишили свободы (вѣдь вы имѣли возмож-

ность и власть вернуть ее себѣ, когда были еще на улицѣ, но, повидимому, сочли болѣе благоразумнымъ хранить молчаніе), — то, повторяю, обратитесь къ покровительству закона. Я тоже съ своей стороны прибѣгну къ закону. Но когда вы зайдете слишкомъ далеко, чтобы можно было отступить, то ужъ не просите у меня снисхожденія. Разъ власть надъ вами перейдетъ въ другія руки, не говорите, что я толкнулъ васъ въ пучину, въ которую вы бросились сами.

Было видно, что Монксъ смущенъ и встревоженъ. Онъ колебался.

— Ваша нерѣшимость не продлится долго, — продолжалъ мистеръ Броунлоу твердо и невозмутимо. — Если вамъ угодно, чтобы я выставилъ свои обвиненія публично и навлекъ на васъ кару, размѣры которой я могу лишь съ трепетомъ предугадывать, но невластенъ ихъ назначать, то, повторяю еще разъ, путь передъ вами открытъ. Если же нѣтъ, и вы взываете къ моему снисхожденію и къ добротѣ тѣхъ, передъ кѣми вы такъ глубоко виноваты, то садитесь безъ дальнѣйшихъ словъ на этотъ стулъ. Онъ поджидалъ васъ цѣлыхъ два дня.

Монксъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, но все еще не рѣшался.

— Не угодно ли поторопиться, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Одного моего слова достаточно, и выбора уже не будетъ...

Тотъ все еще колебался.

— Я не имѣю склонности продолжать переговоры, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Такъ какъ я защищаю важнѣншіе интересы другихъ, то не имѣю на это нравственнаго права.

— Нѣтъ ли... — спросилъ Монксъ, запинаясь:- нѣтъ ли... средняго пути?

— Нѣтъ.

Монксъ безпокойно взглянулъ на стараго джентльмена, но не прочтя на его лицѣ ничего, кромѣ суровости и твердой рѣшимости, вошелъ въ комнату и, пожавъ плечами, сѣлъ.

— Заприте дверь снаружи, — сказалъ мистеръ Броунлоу своимъ людямъ, — и войдите, когда я позвоню.

Люди повиновались и оставили ихъ съ глазу на глазъ.

— Нечего сказать, сэръ, хорошее обхожденіе, — произнесъ Монксъ, сбрасывая шляпу и плащъ, — со стороны стараго друга моего отца.

— Потому, именно, что я былъ старымъ другомъ вашего отца, молодой человѣкъ, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу:- потому, что надежды и желанія

юныхъ счастливыхъ лѣтъ моихъ были связаны съ нимъ и съ тѣмъ прекраснымъ, роднымъ ему существомъ, которое въ юности было отозвано Богомъ и оставило меня здѣсь вести одинокую, безотрадную жизнь; потому именно, что онъ, еще мальчикомъ, на колѣняхъ стоялъ рядомъ со мной у смертнаго одра своей единственной сестры въ то самое утро, когда она — Небо судило иначе — должна была сдѣлаться моей женою; потому именно, что мое набольвшее сердце было привязано *къ ней* съ этихъ поръ и не покидало его во всѣхъ его испытаніяхъ и заблужденіяхъ до самой его смерти; потому именно, что душа моя наполнена старыми воспоминаніями и картинами былого и даже встрѣча съ вами пробуждаетъ прежнія думы, — только по этимъ причинамъ во мнѣ возникло побужденіе отнестись къ вамъ съ такой снисходительностью теперь. — Да, Эдуардъ Лифордъ, даже теперь!.. И я стыжусь за васъ, недостойнаго носителя этого имени.

— При чемъ тутъ имя? — спросилъ тотъ послѣ минутнаго молчанія, въ теченіи котораго онъ съ угрюмымъ удивленіемъ наблюдалъ за волненіемъ своего собесѣдника. — Что составляетъ для меня имя?

— Ничего, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. —

Для васъ ничего. По это же имя носила и *она,* и даже теперь, на разстояніи столькихъ лѣтъ, оно меня, старика, обдаетъ тѣмъ же жаромъ и трепетомъ, какъ бывало прежде, когда кто нибудь произносилъ его при мнѣ. Я очень радъ, что вы перемѣнили его... очень, очень радъ.

— Все это прекрасно, — сказалъ Монксъ (будемъ называлъ его этимъ вымышленнымъ именемъ) послѣ долгой паузы, во время которой онъ съ угрюмымъ, вызывающимъ видомъ ерзалъ на мѣстѣ, а мистеръ Броунлоу сидѣлъ, закрывъ лицо рукой. — Но что вамъ отъ меня нужно?

— У васъ есть братъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, очнувшись отъ своего полузабвенія:- братъ, прошептать имя котораго вамъ на ухо, подойдя къ вамъ сзади на улицѣ, оказалось почти достаточно, чтобы противъ вашей воли привести васъ сюда, встревоженнаго и недоумѣвающаго.

— У меня нѣтъ брата, — отвѣтилъ Монксъ. — Вы знаете, что я былъ единственный сынъ. Съ чего это вы толкуете о какихъ то братьяхъ? Вамъ это все такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ.

— Выслушайте то, что мнѣ извѣстно, и вы заговорите иначе, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Я васъ заинтересую понемногу. Мнѣ извѣстно, что отъ этого несчастнаго брака, къ которому

фамильная гордость и самое жалкое и пустое тщеславіе принудили вашего отца, когда онъ былъ еще юношей, вы были единственнымъ и крайне неудачнымъ плодомъ.

— Какой мнѣ толкъ отъ крѣпкихъ выраженій, — сказалъ Монксъ съ язвительнымъ смѣхомъ. — Вамъ извѣстенъ фактъ, и довольно съ меня.

— Но мнѣ также извѣстно, — продолжалъ старый джентльменъ:- сколько бѣдствія, медленной пытки, безконечной горечи было въ этомъ злополучномъ союзѣ. Я знаю, какъ апатично и безучастно каждый изъ несчастной четы влачилъ свою тяжелую цѣпь среди отравленной жизни. Я знаю, сколько язвительныхъ упрековъ они бросали другъ другу тотчасъ, когда кончалось соблюденіе внѣшнихъ формальностей; я знаю, какъ равнодушіе уступило мѣсто непріязни, непріязнь — ненависти, ненависть — отвращенію, пока они наконецъ не порвали связи окончательно и не поселились далеко другъ отъ друга, каждый нося съ собой мучительный обрывокъ цѣпи, расковать которую могла лишь смерть, и которую они должны были скрывать въ новомъ общественномъ кругу, подъ маской напускного веселья. Вашей матери удалось это.

Она скоро забылась. Но сердце вашего отца эта цѣпь много лѣтъ продолжала язвить и терзать.

— Да, они жили отдѣльно, — сказалъ Монксъ. — Что же изъ этого?

— Когда прошло нѣсколько времени послѣ ихъ разрыва, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу, — и ваша мать, всецѣло отдавшись легкомысленной жизни на континентѣ, совершенно забыла молодого мужа, котораго она была на десять лѣтъ старше, оставшагося дома съ разбитою будущностью, то онъ нашелъ себѣ новыхъ друзей. По крайней мѣрѣ, *это-то* обстоятельство вамъ извѣстно.

— Нѣтъ, — сказалъ Монксъ, отводя глаза въ сторону и топая ногою по полу съ видомъ человѣка, который рѣшился отрекаться отъ всего. — Нѣтъ.

— Ваше обращеніе и ваши поступки внушаетъ мнѣ увѣренность, что вы не забыли этого и никогда не переставали думать объ этомъ съ горечью, — возразилъ мистеръ Броунлоу. — Я говорю о томъ, что было пятнадцать лѣтъ назадъ, когда вамъ было не больше одиннадцати лѣтъ, а вашему отцу только тридцать одинъ, — потому что, повторяю онъ былъ почти мальчикъ, когда его отецъ приказалъ ему жениться. Долженъ ли я коснуться событій, которыя бросаютъ тѣнь на

память вашего родителя, или вы избавите меня отъ этого и откроете мнѣ правду?

— Мнѣ нечего открывать, — отвѣтилъ Монксъ. — Продолжайте говорить, если хотите.

— Хорошо, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Эти новые друзья были: морской офицеръ, вышедшій уже въ отставку и около полугода до этого знакомства потерявшій жену, и его двое дѣтей. Ихъ было больше, но изъ всей семьи остались въ живыхъ только двое. Это были дочери; одна — очаровательная дѣвушка девятнадцати лѣтъ, другая — еще совсѣмъ ребенокъ лѣтъ двухъ или трехъ.

— Что мнѣ за дѣло до этого? — спросилъ Монксъ.

— Они жили, — продолжалъ мистеръ Броунлоу, какъ бы не разслышавъ вопроса:- въ той мѣстности Англіи, куда вашъ отецъ забрался въ своихъ скитаніяхъ и гдѣ онъ поселился. Знакомство повело къ сближенію, сближеніе — къ дружбѣ. Вашъ отецъ былъ обаятеленъ, какъ немногіе. У него была та же душа и тѣ же личныя свойства, какъ у его покойной сестры. По мѣрѣ того какъ старый офицеръ узналъ его, онъ сталъ любить его все больше и больше. Если бы ограничивалось только этимъ! Но и его дочь полюбила вашего отца.

Старый джентльменъ остановился; Монксъ кусалъ себѣ губы, уставившись глазами на полъ. Броунлоу тотчасъ же продолжалъ:

— Къ концу года онъ былъ помолвленъ, торжественно помолвленъ съ этой дѣвушкой; онъ былъ предметомъ ея первой, неизмѣнной, горячей, цѣломудренной страсти.

— Однако, вашъ разсказъ не изъ короткихъ, — замѣтилъ Монксъ, нетерпѣливо ерзая на стулѣ.

— Это правдивый разсказъ о скорби, испытаніяхъ и горести, молодой человѣкъ, — возразилъ мистеръ Броунлоу — а такіе разсказы всегда длинны. Будь это повѣсть о сплошной радости и счастьѣ, мнѣ пришлось бы говорить очень недолго. Наконецъ, одинъ изъ тѣхъ богатыхъ родственниковъ, въ пользу интересовъ и общественнаго положенія которыхъ вашъ отецъ былъ принесенъ въ жертву, какъ это часто дѣлается, — умеръ и оставилъ для поправленія всего причиненнаго имъ зла ту панацею противъ всякой скорби, которая его самого удовлетворяла всю жизнь, — деньги. Онъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, гдѣ этотъ человѣкъ лечился и послѣ смерти оставилъ свои дѣла чрезвычайно запутанными. Онъ поѣхалъ, схватилъ тамъ смертельную болѣзнь, и къ нему тотчасъ отправилась

ваша мать, захвативъ и васъ съ собою, какъ только получила въ Парижѣ извѣщеніе объ этомъ. Онъ умеръ на другой день послѣ ея пріѣзда, не оставивъ никакого завѣщанія — никакого — тамъ что все состояніе досталось ей и вамъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа Монксъ затаилъ дыханіе и слушалъ съ видомъ крайне нетерпѣливаго интереса, хотя глаза его не были обращены на говорившаго. Когда мистеръ Броунлоу замолкъ на минуту, онъ перемѣнилъ свою позу съ видомъ человѣка, испытавшаго внезапное облегченіе и вытеръ разгоряченное лицо и руки.

— Передъ отъѣздомъ за границу, проѣзжая черезъ Лондонъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу медленно и устремивъ глаза на лицо Монкса, — онъ зашелъ ко мнѣ.

— Я ни разу не слышалъ объ этомъ, — перебилъ Монксъ голосомъ, которому старался придать оттѣнокъ недовѣрія, но въ которомъ слышалось скорѣе непріятное удивленіе.

— Онъ зашелъ ко мнѣ и оставилъ въ числѣ другихъ вещей картину — портретъ рисованный имъ — портретъ этой бѣдной дѣвушки, который онъ не хотѣлъ оставить дома или везти съ собою. Тревога и угрызенія совѣсти почти обратили его въ тѣнь. Онъ несвязно, какъ безумный, толко-

валъ о томъ, что онъ погубилъ и обезчѣстилъ дѣвушку; онъ посвятилъ меня въ свое намѣреніе обратить свою собственность въ деньги и, предоставивъ вамъ и женѣ часть недавняго наслѣдства, покинуть Англію — я не сомнѣвался, что онъ покинулъ бы ее не одинъ — и никогда больше не возвращаться. Даже отъ меня, своего старинаго и перваго друга, привязанность котораго коренилась въ землѣ, покрывавшей ту, которая была дорога намъ обоимъ, — даже отъ меня онъ скрылъ дальнѣйшія подробности своихъ плановъ, обѣщавъ написать и сообщить мнѣ все, а послѣ того повидаться со мной еще разъ — въ послѣдній разъ на землѣ. Увы! Оказалось что *то* былъ послѣдній разъ. Я не получилъ письма и больше не видѣлся съ нимъ.

— Я отправился, — продолжалъ мистеръ Броунлоу, послѣ короткой паузы:- я отправился, когда все было кончено, въ мѣста, гдѣ зародилась его — я примѣню то выраженіе, которымъ не задумались бы опредѣлить это въ свѣтѣ, такъ какъ свѣтскіе приговоры или одобренія ему безразличны, — гдѣ зародилась его преступная любовь; я твердо рѣшилъ, что если мои опасенія окажутся дѣйствительны, то это заблудшее дитя найдетъ сердце и кровъ, которые утѣшатъ и пріютятъ ее.

Но семья офицера уѣхала за недѣлю передъ тѣмъ. Они расплатились со всѣми мелкими долгами и уѣхали вечеромъ. Почему и куда — никто не могъ сказать.

Монксъ вздохнулъ еще свободнѣе и осмотрѣлся съ усмѣшкой торжества.

— Когда вашъ братъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, придвигая къ нему свой стулъ:- когда вашъ братъ — слабое, беззащитное, нищее дитя — былъ поставленъ на моемъ пути болѣе могучей силой, чѣмъ случай, и былъ спасенъ мной отъ порочной и преступной жизни…

— Что? — вскричалъ Монксъ.

— Да, спасенъ мной, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Я предсказывалъ вамъ, что скоро васъ заинтересую! Я вижу, что вашъ хитрый сообщникъ умолчалъ о моемъ имени, хотя могъ ли онъ знать, что оно вамъ извѣстно? Итакъ, когда онъ лежалъ въ моей квартирѣ, оправляясь отъ болѣзни, то его сильное сходство съ портретомъ, о которомъ я говорилъ, поразило меня. Даже когда я впервые увидѣлъ его, во всей его грязи и убожествѣ, въ его лицѣ я замѣтилъ какое то выраженіе, которое подѣйствовало на меня, какъ быстрый взглядъ на стараго друга, промелькнувшаго въ сновидѣніи. Мнѣ нѣтъ надобности

говорить вамъ, что онъ былъ снова поймалъ въ сѣти, прежде чѣмъ я узналъ его исторію....

— Почему нѣтъ надобности? — съ наивностью спросилъ Монксъ.

— Потому что вы хорошо это знаете.

— А!

— Напрасно вы отрекаетесь. Я докажу вамъ, что мнѣ извѣстно гораздо больше этого.

— Вы... вы... ничего не можете доказать противъ меня, — пробормоталъ Монксъ. — Попробуйте-ка доказать.

— Посмотримъ, — отвѣтилъ старый джентльменъ окидывая его испытующимъ взглядомъ. — Я потерялъ мальчика изъ виду и никакими усиліями не могъ его найти. Такъ какъ ваша мать умерла, то я зналъ, что вы одинъ можете разрѣшить тайну, если вообще ея разрѣшеніе возможно. Послѣднее бывшее у меня извѣстіе о васъ говорило, что вы находитесь въ своихъ владѣніяхъ въ Вестъ-Индіи — куда, какъ мнѣ хорошо извѣстно, вы отправились послѣ смерти матери, чтобы избѣжать преслѣдованія за здѣшнія темныя дѣла. Я поѣхалъ туда. Вы, оказалось, выбыли оттуда за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ и по предположенію, находились въ Лондонѣ, но никто не могъ указать вашего мѣсто-

пребыванія. Я возвратился. Ваши управляющіе не знали, гдѣ вы живете. Они сказали мнѣ, что вы появляетесь и исчезаете такъ же странно, какъ всегда:- то подрядъ каждый день, то не видно васъ цѣлые мѣсяцы; повидимому, вы жили въ тѣхъ же вертепахъ и вращались среди той же преступной орды, гдѣ вы находили себѣ друзей, еще когда были неукротимымъ подросткомъ. Я надоѣдалъ вашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ новыми разспросами. Я поджидалъ на улицахъ днемъ и ночью, но ни разу не увидѣлъ васъ и только два часа тому назадъ мои безплодныя усилія увѣнчались успѣхомъ.

— Вотъ я передъ вами, — сказалъ Монксъ, вставая съ вызывающимъ видомъ. — Что же дальше? Мошенничество и кража слова громкія — и вы думаете, что ихъ оправдываетъ мнимое сходство какого то чертенка съ праздной мазней давно умершаго человѣка? Братъ! Да вы не знаете даже, родился ли ребенокъ у этой плаксивой дѣвчонки! Вы не знаете даже этого!

— *Я не зналъ* раньше, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу тоже вставая, — но въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль мнѣ все стало извѣстно. У васъ есть братъ; вы знаете объ этомъ и видѣли его. Было оставлено вашимъ отцомъ завѣщаніе,

которое ваша мать уничтожила, передъ смертью посвятивъ васъ въ эту тайну и предоставивъ вамъ извлекать изъ нея выгоды. Завѣщаніе упоминало о ребенкѣ, который могъ появиться на свѣтъ, какъ плодъ этой грустной любви; ребенка этого вы встрѣтили случайно и ваши первыя подозрѣнія были пробуждены его сходствомъ съ отцомъ. Вы поѣхали на мѣсто его рожденія. Тамъ существовали доказательства — долго лежавшія подъ спудомъ — доказательства его рожденія и происхожденія. Вы ихъ уничтожили и теперь, какъ вы сами сказали своеeу сообщнику-еврею: *«единственныя доказательства происхожденія мальчика лежатъ на днѣ рѣки, а старая вѣдьма, которая взяла ихъ отъ его матери, гніетъ въ гробу».* Недостойный сынъ, подлецъ, обманщикъ, — вы, совѣщающійся съ ворами и убійцами ночью въ темныхъ комнатахъ, вы, который своимъ коварствомъ и кознями послужили причиной жестокой смерти той, кто стояла неизмѣримо выше васъ, вы, съ самой колыбели вливавшій горечь и желчь въ сердце отца своего и до того одаренный всѣми злыми страстями, порочностью, безпутствомъ, что ваши низкія свойства послужили причиною уродливаго недуга, сдѣлавшаго ваше лицо отраженіемъ

вашей души — неужели вы, Эдуардъ Лифордъ, еще дерзаете бросать мнѣ вызовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣтилъ негодяй, ошеломленный этими обвиненіями.

— Каждое слово, — вскричалъ старый джентльменъ, — каждое слово, которое было сказано между вами и этимъ гнуснымъ злодѣемъ, извѣстно мнѣ! Тѣни на стѣнѣ уловили ваши шептанія и передали ихъ мнѣ. Увидѣвъ эту травлю ребенка, самъ порокъ преобразился, нашелъ смѣлость и почти получилъ печать добродѣтели Совершилось убійство, нравственной причиной котораго, если не фактической, являетесь вы!..

— Нѣтъ, нѣтъ! — прервалъ Монксъ. — Мнѣ… Мнѣ ничего не извѣстно объ этомъ!.. Я шелъ разузнать правду объ этомъ, когда вы остановили меня. Я не зналъ причины, я думалъ, что это результатъ простой ссоры.

— Нѣтъ, это результатъ разоблаченія, отчасти, вашей тайны! — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. — Согласны ли вы разоблачитъ остальное?

— Да, согласенъ.

— Подписать изложеніе правдивыхъ фактовъ и устно повторить его при свидѣтеляхъ?

— Обѣщаю это.

— Вы согласны оставаться здѣсь, пока не будетъ

составленъ этотъ документъ, и отправиться со мною туда, гдѣ я сочту наиболѣе удобнымъ его устное подтвержденіе?

— Если вы настаиваете, я сдѣлаю и это, — отвѣтилъ Монксъ.

— Этого мало, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Вы должны вознаградить невиннаго и безобиднаго ребенка, хотя онъ и плодъ грѣховной и несчастной любви. Вы не забыли условій завѣщанія. Исполните ихъ, поскольку они касаются вашего брата, и тогда вы свободны идти куда вамъ угодно. Вамъ больше не надо съ нимъ встрѣчаться въ этой жизни.

Пока Монксъ ходилъ взадъ и впередъ, кидая мрачные и злые взгляды и раздумывая объ этомъ предложеніи и о возможности какъ нибудь увернуться, съ одной стороны снѣдаемый боязнью, а съ другой ненавистью, — дверь вдругъ поспѣшно была отперта и въ комнату взволнованно вбѣжалъ джентльменъ, мистеръ Лосбернъ.

— Его поймаютъ! — вскричалъ онъ. — Его поймаютъ сегодня къ вечеру!

— Убійцу? — спросилъ мистеръ Броунлоу.

— Да, да, — отвѣтилъ онъ. — Его собаку видѣли около одного изъ ихъ притоновъ, и почти несомнѣнно, что хозяинъ или тамъ уже, или явится

туда подъ покровомъ темноты. Сыщики бродятъ кругомъ во всѣхъ направленіяхъ. Я говорилъ съ людьми, которымъ поручено арестовать его, и они сказали, что онъ не можетъ теперь ускользнуть. Правительствомъ объявлена награда въ сто фунтовъ.

— Я добавлю еще пятьдесятъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, — и заявлю объ этомъ тамъ же на мѣстѣ, если успѣю добраться. Гдѣ мистеръ Мэйли?

— Гарри? Какъ только онъ увидѣлъ, что вашъ пріятель безопасно усаженъ съ вами въ карету, онъ поспѣшилъ туда, откуда пришли эти новости, — отвѣтилъ докторъ. — Вскочилъ на лошадь и поскакалъ туда, чтобы присоединиться къ первому же отряду въ условленномъ мѣстѣ.

— А Феджинъ? Что о немъ слышно?

— Говорили, что онъ еще не пойманъ, по его заберутъ или, можетъ быть, уже забрали. Онъ не могъ уйти.

— Рѣшились ли вы? — тихо спросилъ мистеръ Броунлоу у Монкса.

— Да, — отвѣтилъ онъ. — Вы… вы… не выдадите меня?

— Нѣтъ. Оставайтесь здѣсь до моего возвращенія. Это для васъ единственное безопасное

мѣсто.

Мистеръ Броунлоу и докторъ покинули комнату и дверь снова была закрыта на ключъ.

— Чего вы добились? — шепотомъ спросилъ докторъ.

— Всего, на что могъ надѣяться, и даже болѣе. Соединивъ сообщеніе бѣдной женщины съ тѣмъ, что мнѣ было раньше самому извѣстно, и съ результатомъ разслѣдованій нашего добраго друга тамъ, на мѣстѣ, я не оставилъ негодяю никакой лазейки и обличилъ всю его подлость, которая при такомъ освѣщеніи получила характеръ полной достовѣрности. Напишите туда и назначьте время для встрѣчи послѣ завтра въ семь часовъ вечера. Мы пріѣдемъ нѣсколькими часами раньше, но намъ необходимъ будетъ отдыхъ, въ особенности молодой дѣвушкѣ, которая, быть можетъ, въ большей степени будетъ нуждаться въ бодрости духа, чѣмъ вы или я можемъ предвидѣть теперь. Однако, моя кровь кипитъ, требуя отмщенія за убитую бѣдняжку. Куда они отправились?

— Поѣзжайте прямо въ полицейское управленіе, и вы какъ разъ поспѣете, — отвѣтилъ мистеръ Лосбернъ. — Я останусь здѣсь.

Оба джентльмена наскоро распрощались, оба

охваченные лихорадочнымъ волненіемъ, съ которымъ они не въ силахъ были бороться.

L. Облава и избавленіе

Близъ той части Темзы, на которую выходить фасадомъ Ротерхайтская церковь и гдѣ береговыя зданія всего больше почернѣли отъ пыли съ угольныхъ барокъ и отъ дыма тѣсно скученныхъ, низкихъ домовъ, находится самый грязный и странный, самый необычайный изъ всѣхъ кварталовъ, таящихся въ Лондонѣ и даже по имени неизвѣстныхъ большинству его обитателей.

Чтобы добраться до этого мѣста, посѣтитель долженъ пройти цѣлый лабиринтъ тѣсныхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ, гдѣ толпятся самые грубые и убогіе изъ береговыхъ жителей и гдѣ идетъ торговля, отвѣчающая ихъ потребностямъ. Самая дешевая и неприглядная провизія навалена въ лавкахъ; самая грубая и простая одежда вывѣшена у дверей торговца платьемъ и виситъ на подоконникахъ и перилахъ. Наталкиваясь на рабочихъ низшаго разряда, каталей, носильщиковъ угля, шатающихся безъ дѣла, наглыхъ женщинъ, оборванныхъ дѣтей и на весь ютящійся по рѣкѣ сбродъ, прохожій съ трудомъ подвигается дальше, поражаемый зловоніемъ и

непріятными сценами и оглушаемый грохотомъ тяжелыхъ телѣгъ, везущихъ кучи товара изъ кладовыхъ, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Достигнувъ наконецъ болѣе отдаленныхъ и не столъ многолюдныхъ улицъ, чѣмъ эти, онъ идетъ дальше подъ нависшими надъ мостовой фасадами домовъ съ облупившимися стѣнами, словно готовыми обрушиться на него, съ полуразвалившимися трубами, остатки которыхъ того и гляди тоже развалятся, съ окнами, защищенными ржавыми желѣзными перекладинами, которыя почти изъѣдены уже временемъ и грязью; всѣ признаки запущенности и заброшенности здѣсь на лицо.

Среди этой мѣстности, за Докхэдомъ, въ Беро, что въ Саузворкѣ находится Островъ Іакова, окруженный грязнымъ каналомъ, имѣющимъ во время прилива шесть или восемь футовъ глубины и футовъ пятнадцать — двадцать ширины. Прежде этотъ каналъ назывался Мельничнымъ Прудомъ, но въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ, онъ извѣстенъ былъ подъ названіемъ Шального Рва. Онъ представляетъ собой маленькій проливъ, сообщающійся съ Темзой, и но время высокой воды всегда можетъ быть наполненъ, если открыть шлюзы у Ледской мель-

ницы, отъ которой онъ и получилъ свое прежнее названіе. Въ такіе часы посѣтитель этихъ мѣстъ, стоя на одномъ изъ деревянныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ протокъ у Милдь-лэна, можетъ видѣть, какъ жильцы домовъ по обѣ стороны спускаютъ на веревкахъ изъ заднихъ оконъ и дверей ведра, кадки и всевозможную домашнюю утварь, чтобы запастись водой. А если перевести взглядъ съ этой процедуры на самые дома, то представившаяся картина изумитъ до крайности. Жалкія деревянныя галлереи въ задней сторонѣ нѣсколькихъ домовъ, съ дырами, для того, чтобы видѣть илистый протокъ; окна, разбитыя и заклеенныя бумагой, съ торчащими изъ нихъ шестами для просушки бѣлья, котораго, однако, никогда не видно; комнаты, такія маленькія, грязныя, тѣсныя, что воздухъ въ нихъ кажется слишкомъ отравленнымъ даже для скрытой въ нихъ нечистоты и мерзости; деревянныя сооруженія, торчащія надъ грязью и готовыя свалиться въ нее, какъ свалились иныя; покрытыя слоемъ грязи стѣны и разсыпающіеся фундаменты, всевозможныя омерзительныя примѣты убожества и отталкивающіе признаки грязи, гніенія и разрушенія — все это украшаетъ берега Шального Рва.

На островѣ Іакова въ домахъ обваливались крыши, и они пустуютъ, стѣны осыпаются, окна перестали быть окнами, двери валяются поперекъ улицы, трубы почернѣли, но дымъ не струится изъ нихъ. Тридцать или сорокъ лѣтъ назадъ, когда этого мѣста не коснулись еще убытки и иски гражданскаго суда, оно процвѣтало, но теперь этотъ островъ буквально заброшенъ. У домовъ нѣтъ хозяевъ, и ихъ двери стоятъ открытыя, впуская всякаго, кто рѣшается войти. Тамъ эти люди живутъ и тамъ умираютъ. Тѣ, кто ищутъ пріюта на Островѣ Іакова, должны имѣть нешуточныя къ тому побужденія или же дойти до крайней степени убожества.

Въ верхней комнатѣ одного изъ этихъ домовъ — обширнаго, стоявшаго особнякомъ, и хотя носившаго всѣ признаки разрушенія, но имѣвшаго крѣпко защищенный двери и окна, и задней стѣной обращеннаго къ канавѣ — находились три человѣка, которые, обмѣниваясь по временамъ взглядами тревожнаго ожиданія, сидѣли уже въ теченіи значительнаго времени, храня глубокое и угрюмое молчаніе. Одинъ изъ нихъ былъ Тоби Крэкитъ, другой — мистеръ Читлингъ, а третій разбойникъ лѣтъ пятидесяти, носъ котораго былъ почти откушенъ въ какой-то давнишней схваткѣ,

дававшей вѣроятное объясненіе и страшному шраму на его лицѣ. Этотъ человѣкъ, котораго звали Кэкъ, недавно возвратился изъ ссылки.

— Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, — заговорилъ Тоби, обращаясь къ мистеру Читлингу:- если бы ты выискалъ себѣ какое нибудь другое логовище, когда въ обоихъ прежнихъ сдѣлалось слишкомъ жарко, а не приходилъ бы сюда.

— Почему ты не сдѣлалъ такъ, телячья голова? — сказалъ Кэкъ.

— Право, я думалъ, что вы обрадуетесь, увидѣвъ меня, — печально отвѣтилъ мистеръ Читлингъ.

— Прими къ свѣдѣнію слѣдующее, молодой человѣкъ, — сказалъ Тоби. — Когда кто либо держится особнякомъ, какъ я, и благодаря этому имѣетъ безопасный кровъ, вокругъ котораго никто не разнюхиваетъ и не подсматриваетъ, то не особенно желательна честь визита со стороны молодого джентльмена, какъ бы онъ ни былъ пріятенъ и достоинъ уваженія во время игры въ карты на досугѣ, - джентльмена, находящагося въ такихъ обстоятельствахъ, какъ ты.

— Въ особенности, когда у этого держащагося особнякомъ господина остановился погостить другъ, пріѣхавшій изъ заграницы раньше, чѣмъ ожидали его, и слишкомъ скромный, чтобы

тотчасъ представиться судьямъ, — добавилъ мистеръ Кэкъ.

Настало короткое молчаніе, послѣ котораго Тоби Крэкитъ, повидимому, признавъ безнадежными дальнѣйшія старанія сохранить свое обычное безшабашное молодечество, повернулся къ Читлингу и спросилъ:

— Когда же взяли Феджина?

— Какъ разъ во время обѣда, сегодня въ два часа пополудни. Чарли и я спрятались въ печной трубѣ въ прачешной, а Больтеръ залѣзъ внизъ головой въ пустую кадку для воды; но его ноги оказались такъ длинны, что торчали наружу, и его забрали тоже.

— А Бетъ?

— Бѣдная Бетъ! Она пошла взглянуть на тѣло и заявить, кто убитая, — отвѣтилъ Читлингъ, лицо котораго становилось все печальнѣе, — и побѣжала прочь, помутившись въ умѣ, крича и говоря несвязныя слова, такъ что на нее надѣли смирительную рубашку и отправили въ лѣчебницу. Тамъ она и сейчасъ.

— Что съ юнымъ Бэтсомъ? — освѣдомился Кэкъ.

— Онъ пошелъ бродить до наступленія сумерокъ, но скоро будетъ здѣсь, — отвѣтилъ

Читлингъ. — Больше некуда пойти, такъ какъ у «Калѣкъ» всѣхъ перехватали и буфетная тамъ полна сыщиковъ. Я самъ подходилъ и видѣлъ.

— Пѣсенка спѣта, — произнесъ Тоби, кусая губы. — Закатаютъ многихъ.

— Засѣданія суда въ самомъ разгарѣ, - сказалъ Кэкъ. — Если ихъ не задержитъ слѣдствіе и Больтеръ выдастъ соучастниковъ, — въ чемъ можно не сомнѣваться, судя по тому, что онъ успѣлъ уже разболтать имъ, — то они безъ труда докажутъ причастность Феджина къ убійству. Ну, тогда въ пятницу — судъ, и черезъ шесть дней еврей будетъ болтаться въ воздухѣ!

— Если бы вы слышали, какъ ревѣла толпа, — сказалъ Читлингъ. — Полицейскіе отбивались какъ черти, иначе его разорвали бы на части. Его сшибли съ ногъ, но они оцѣпили его кольцомъ и такъ прокладывали себѣ путь черезъ толпу. Если бы вы видѣли, какъ онъ смотрѣлъ вокругъ себя, весь въ грязи и окровавленный, цѣплялся за полисменовъ, какъ будто они были его наилучшіе друзья. Я какъ сейчасъ вижу ихъ, едва держащихся на ногахъ подъ напоромъ черни и волокущихъ его съ собою; какъ сейчасъ вижу людей, чуть не лѣзущихъ другъ другу на плечи, и скалящихъ на него зубы, и кидающихся на него;

какъ сейчасъ вижу кровь, струящуюся по его волосамъ и бородѣ, и слышу визгъ женщинъ, пробивающихся въ середину толпы и кричащихъ, что онѣ вырвутъ его сердце!

Пораженный ужасомъ очевидецъ этой сцены зажалъ уши руками, зажмурилъ глаза и, вскочивъ, началъ точно помѣшанный, ходить взадъ и впередъ.

Другіе продолжали оба сидѣть, безмолвно и уставившись на полъ. На лѣстницѣ раздалось быстрое легкое топанье, и собака Сайкса прыгнула въ комнату. Они бросились сначала къ окну, затѣмъ внизъ по лѣстницѣ и на улицу. Оказалось, что собака вскочила въ открытое окно; она не побѣжала за ними вслѣдъ, но и ея хозяина не было нигдѣ видно.

— Что это значило-бы? — сказалъ Тоби, когда они возвратились наверхъ. — Не можетъ же онъ придти сюда?... Я... я... надѣюсь, что нѣтъ.

— Если бы онъ направлялся сюда, то пришелъ бы съ собакой, — сказалъ Кэкъ, нагнувшись и разглядывая собаку, которая, задыхаясь, лежала на полу:- Эй! Дай ей немного воды. Она ослабѣла, долго бѣжала.

— Ишь какъ, вылакала все до капли, — произнесъ Читлингъ, послѣ того какъ нѣкоторое время

молча наблюдалъ за собакой. — Вся въ грязи... хромаетъ... чуть не ослѣпла... Она, видно, сдѣлала длинный путь.

— Откуда она прибѣжала? — воскликнулъ Тоби. — Конечно, она побывала въ другихъ пристанищахъ и, найдя тамъ все только чужихъ, прибѣжала наконецъ сюда, гдѣ она не разъ бывала раньше. Но спервa то откуда она появилась и почему пришла сюда одна, безъ него?

— Онъ — (никто изъ нихъ не рѣшался назвать убійцу по имени) — онъ едва ли покончилъ съ собою. Какъ вы думаете? сказали Читлингъ.

Тоби покачалъ головою.

— Если бы такъ, — сказалъ Кэкъ:- то собака повела бы насъ къ тому мѣсту. Нѣтъ. Я думаю, онъ махнулъ заграницу, а собаку оставилъ. Онъ какъ нибудь перехитрилъ ее, иначе она не была бы такъ спокойна.

Такъ какъ это рѣшеніе казалось болѣе правдоподобнымъ, то оно и было принято всѣми, какъ окончательное. Собака залѣзла подъ стулъ и, свернувшись въ клубокъ, задремала, не обращая больше ни на кого вниманія.

Стемнѣло уже настолько, что они закрыли ставни и зажгли свѣчу. Страшныя событія послѣднихъ двухъ дней глубоко угнетали всѣхъ

троихъ, и это настроеніе еще подчеркивалось опасностью и неизвѣстностью ихъ собственнаго положенія. Они ближе сдвинули свои стулья и вздрагивали при всякомъ шумѣ. Говорили они мало, да и шепотомъ, и были такъ безмолвны и боязливы, какъ будто тѣло убитой женщины лежало въ сосѣдней комнатѣ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Вдругъ внизу кто-то торопливо началъ стучать въ дверь.

— Это маленькій Бэтсъ, — сказалъ Кэкъ, оглядываясь съ сердитымъ видомъ, чтобы скрыть свой испугъ.

Стукъ повторился. Нѣтъ, это не Бэтсъ.... Онъ никогда такъ не стучитъ.

Крэкитъ подошелъ къ окну и, выглянувъ, вздрогнулъ. Они поняли, кто пришелъ. На поблѣднѣвшемъ лицѣ Тоби можно было прочесть это. Собака тоже въ одно мгновеніе встрепенулась и подбѣжала къ двери.

— Надо его впустить, — сказалъ Тоби, взявъ свѣчу.

— Нельзя развѣ не пускать? — хрипло спросилъ каторжникъ.

— Нѣтъ. Онъ долженъ войти.

— Не оставляй насъ въ темнотѣ, - сказалъ Кэкъ,

взявъ съ наличника камина другую свѣчу и зажигая ее такою дрожащей рукой, что стукъ въ дверь повторился еще два раза, прежде чѣмъ ему удалось зажечь.

Крэкитъ спустился внизъ и вернулся въ сопровожденіи человѣ, нижняя часть лица котораго была закутана платкомъ, а другой платокъ былъ обвязанъ вокругъ его головы, подъ шляпой. Онъ медленно снялъ ихъ. Блѣдное лицо, глубоко запавшіе глаза, впалыя щеки, запущенная, небритая борода, истощенный видъ, короткое и частое дыханіе.... Это была тѣнь Сайкса.

Онъ положилъ руку на спинку стула, стоявшаго посреди комнаты, и хотѣлъ сѣсть, но вдругъ затрепеталъ и, глянувъ черезъ плечо, отодвинулъ стулъ назадъ вплотную къ стѣнѣ — насколько было возможно придвинуть, притиснуть къ ней — и усѣлся.

Ни одно слово не было еще сказано. Онъ молча смотрѣлъ то на одного, то на другого. Если это нибудь украдкой взглядывалъ на него и встрѣчался съ нимъ глазами, то сейчасъ же отводилъ взоръ въ сторону. Когда его глухой голосъ нарушилъ тишину, всѣ трое вздрогнули. Они никогда раньше не слыхали, чтобы онъ такъ говорилъ.

— Какъ попала сюда собака? — спросилъ онъ.

— Она прибѣжала одна, часа три назадъ.

— Въ вечерней газетѣ сказано, что Феджина забрали. Правда это или враки?

— Правда…

Опять наступило молчаніе.

— Да провалитесь вы всѣ! — сказалъ Сайксъ, проводя рукою по лбу. — Неужели вамъ нечего сказать мнѣ?

Они безпокойно зашевелились, но никто не заговорилъ.

— Ты, хозяинъ! — сказалъ Сайксъ, поворачиваясь лицомъ къ Крэкиту. — Собираешься ли ты продать меня, или позволишь мнѣ укрыться здѣсь, пока кончится травля?

— Можешь оставаться, если считаешь, что здѣсь безопасно, — отозвался вопрошаемый послѣ нѣкотораго колебанія.

Сайксъ взглянулъ, или скорѣе, попытался взглянуть на стѣну позади себя и спросилъ:

— Что, оно… тѣло… похоронено?

Они покачали головами.

— Почему же нѣтъ! — продолжалъ онъ, метнувъ назадъ тотъ же взглядъ. — Для чего они хранятъ надъ землей такую мерзость? — Кто стучитъ?

Крэкитъ, уходя изъ комнаты, движеніемъ ру-

ки далъ понять, что бояться нечего, и тотчасъ вернулся введя за собою Чарли Бэтса. Сайксъ сидѣлъ противъ двери, такъ что тотъ сразу же увидѣлъ его.

— Тоби, — сказалъ подростокъ, отпрянувъ назадъ, когда Сайксъ обратилъ на него глаза, — почему ты не сказалъ мнѣ этого внизу?

Сайкса такъ пугало то содроганіе, съ которымъ сторонились отъ него, что онъ попытался задобрить даже этого мальчика. Несчастный кивнулъ ему головой и выразилъ готовность обмѣняться съ нимъ рукопожатіемъ.

— Я уйду въ другую комнату, — сказалъ подростокъ, отступая еще дальше.

— Чарли! — сказалъ Сайксъ, выступая впередъ. — Развѣ ты… развѣ ты не узнаешь меня?

— Не подходи ближе ко мнѣ! — отвѣтилъ мальчикъ, отшатнувшись еще и глазами полными ужаса глядя на лицо разбойника. — Чудовище!

Убійца остановился, и они смотрѣли другъ на друга; но постепенно Сайксъ опустилъ глаза къ землѣ.

— Будьте вы всѣ три свидѣтелями, — вскричалъ мальчикъ, потрясая стиснутымъ кулакомъ и разгорячаясь все болѣе и болѣе по мѣрѣ своихъ словъ:- Будьте свидѣтелями: я не боюсь его! Когда

придутъ за нимъ, я выдамъ его!.. Я выдамъ! Я говорю вамъ это напередъ! Онъ можетъ убить меня, если захочетъ, или если посмѣетъ, но я выдамъ его, разъ я здѣсь! Я выдалъ бы его и тогда, если бы ему предстояло бытъ свареннымъ заживо. Убійца! Помогите! Если есть хотъ одинъ не трусъ среди васъ, то вы мнѣ поможете! Убійца! Помогите! Вяжите его!

Съ этими криками, сопровождая ихъ нервной жестикуляціей, мальчикъ вдругъ бросился одинъ на сильнаго мужчину и благодаря энергіи отчаянія и внезапности нападенія заставилъ его тяжело грохнуться на полъ.

Трое, созерцавшіе эту сцену, были ошеломлены. Они не вмѣшивались; убійца и подростокъ катались по полу, при чемъ послѣдній, не обращая вниманія на сыпавшіеся на него удары, все тѣснѣе и тѣснѣе охватывалъ руками грудь противника, не переставая изо всѣхъ силъ звать на помощь.

Однако борьба была слишкомъ неравна, чтобы тянуться долго. Сайксъ придавилъ его къ полу и наступилъ ему колѣномъ на горло. Но въ это время Крэкитъ дернулъ его и съ испугомъ указалъ на окно. Внизу горѣли огни, слышались громкіе и настойчивые голоса и топотъ безчисленныхъ

ногъ на ближайшемъ деревянномъ мосту. Какой то всадникъ, очевидно, спѣшилъ вмѣстѣ съ толпой. Раздавался звонъ копытъ, ударявшихъ о неровную мостовую. Огни все прибывали; гулъ отъ топота бѣгущихъ ногъ разрастался и становился все громче. Вотъ послышался громкій стукъ въ дверь; за нимъ послѣдовалъ хриплый ропотъ такого множества гнѣвныхъ голосовъ, передъ которымъ содрогнулся бы и самый отважный.

— Помогите! — пронзительно закричалъ мальчикъ. — Онъ здѣсь! Ломайте дверь!

— Именемъ короля! — раздался повелительный крикъ, и опять толпа заревѣла, но еще громче.

— Выломайте дверь! — крикнулъ подростокъ. — Они не откроютъ вамъ добровольно! Направляйтесь прямо въ ту комнату, гдѣ горитъ огонь! Выломайте дверь!

Едва онъ умолкъ, какъ частые и тяжелые удары посыпались на дверь и ставни нижняго этажа. Толпа разразилась громкимъ ура, впервые позволившимъ составить вѣрное представленіе о ея необъятныхъ размѣрахъ.

— Откройте дверь какого нибудь чулана, гдѣ я могъ бы запереть этого дьяволенка, — яростно вскричалъ Сайксъ, бѣгая взадъ и впередъ и таская съ собой мальчика съ такой легкостью, какъ

будто это былъ пустой мѣшокъ. — Вотъ сюда! Скорѣе!

Онъ швырнулъ его за дверь, потомъ закрѣпилъ засовъ и повернулъ ключъ.

— Входная дверь хорошо заперта? — спросилъ онъ.

— На двухъ замкахъ и на цѣпи — отвѣтилъ Крэкитъ, попрежнему пребывавшій, какъ и Кэкъ и Читлнигъ, въ состояніи безпомощности и растерянности.

— А сама она прочна ли?

— Обита желѣзомъ.

— И ставни тоже?

— Да, и ставни.

— Будьте вы прокляты! — крикнулъ злодѣй, распахнувъ окно и угрожая толпѣ. — Бѣснуйтесь себѣ! Я еще васъ проведу!

Изъ всѣхъ ужаснѣйшихъ криковъ, когда либо поражавшихъ ухо человѣка, ни одинъ не могъ бы сравниться съ ревомъ разъяренной толпы въ эту минуту. Нѣкоторые кричали стоявшимъ ближе, чтобы они подожгли домъ, другіе приказывали полисменамъ застрѣлить его. Ни одинъ среди нихъ не проявлялъ такого гнѣва, какъ всадникъ, который соскочивъ съ сѣдла и бросившись въ толпу, расталкивая ее, какъ водный потокъ,

остановился подъ окномъ и закричалъ голосомъ, заглушившимъ всѣ остальные.

— Двадцать гиней тому, кто принесетъ лѣстницу! Ближайшіе голоса подхватили этотъ возгласъ и сотни отозвались ему эхомъ. Одни требовали лѣстницъ, другіе кузнечныхъ молотовъ. Иные бѣгали взадъ и впередъ съ горящими факелами, отыскивая требуемое, и возвращались назадъ, снова подхватывая тотъ же возгласъ; иные надсаживали грудь, выкрикивая безсильныя проклятія; иные тѣснились впередъ съ упорствомъ безумцевъ и мѣшали тѣмъ, кто были у входа; иные, изъ наиболѣе смѣлыхъ, пытались, вскарабкаться по водосточной трубѣ и по разсѣлинамъ стѣны; и всѣ они колыхались внизу темной массой, подобно нивѣ, волнуемой грознымъ вѣтромъ, и отъ времени до времени соединялись въ оглушительномъ, яростномъ, общемъ ревѣ.

— Вода въ рѣкѣ, - вскричалъ убійца, отступая въ глубину комнаты и не переставая смотрѣть на это море людскихъ лицъ:- вода въ рѣкѣ стояла высоко, когда я пришелъ! Дайте мнѣ веревку, да подлиннѣе! Они всѣ столпились противъ фасада. Я могу спуститься въ Шальной Ровъ и убѣжать. Дайте мнѣ веревку, иначе я совершу еще три убійства и убью себя!

Они охваченные паническимъ страхомъ, указали мѣсто, гдѣ лежали веревки; убійца поспѣшно выбравъ самую крѣпкую и длинную веревку и бросился на чердакъ дома.

Всѣ окна въ задней стѣнѣ дома были давно уже задѣланы кирпичами, за исключеніемъ небольшого просвѣта въ той комнатѣ, гдѣ былъ запертъ мальчикъ, который не былъ въ состояніи выбраться черезъ него — такъ онъ былъ узокъ. Но онъ все время кричалъ въ это отверстіе осаждавшимъ, чтобы они стерегли и заднюю часть дома, и благодаря этому, когда убійца появился на крышѣ дома, выбравшись черезъ дверь, открывавшуюся съ чердака прямо на кровлю, то громкіе возгласы возвѣстили объ этомъ тѣмъ, которые находились передъ фасадомъ, и они безпорядочнымъ потокомъ, тѣсня другъ друга, хлынули въ обходъ къ этой сторонѣ.

Сайксъ крѣпко приперъ дверь доскою, которую онъ нарочно для этого захватилъ съ собою, чтобы было нелегко открыть ее изнутри, и, проползши по черепицамъ, посмотрѣлъ внизъ черезъ перила на краю крыши.

Вода отлила и ровъ представлялъ собою лишь илистую ложбину.

Толпа смолкла въ теченіе этихъ нѣсколькихъ

минутъ, слѣдя за его движеніями и не зная, что онъ намѣренъ сдѣлать. Но лишь только они поняли его планъ и неудачу, то издали крикъ торжествующаго негодованія, громче прежнихъ. Этотъ крикъ затихалъ и снова разростался. Тѣ, кто были слишкомъ далеко, чтобы знать, чѣмъ онъ вызванъ, подхватывали возгласы, повторяя ихъ многократнымъ эхо. Казалось, что населеніе всего города покинуло свои дома, чтобы проклинать убійцу.

Народъ все продолжалъ перебѣгать на эту сторону дома, все продолжалъ стремиться могучій неудержимый потокъ гнѣвныхъ лицъ, надъ которыми тамъ и сямъ пылалъ факелъ, освѣщая ихъ и показывая во всей ихъ ярости и страсти. Толпа проникла въ дома на противоположной сторонѣ канала; окна распахивались или срывались съ петель и въ каждомъ изъ нихъ появлялись лица; всѣ крыши были усѣяны людьми. Каждый мостикъ (ихъ было видно три) гнулся подъ тяжестью толпящагося народа. И потокъ продолжалъ прибывать, находя какой нибудь новый закоулокъ, новую разсѣлину, черезъ которую можно было бы крикнуть и хоть на мгновеніе увидѣть злодѣя.

— Теперь онъ не уйдетъ! — вскричалъ кто-то

на ближайшемъ мосту. — Ура!

Толпа торжествовала; люди кидали въ воздухъ свои шапки; и опять прокатился торжествующій ревъ.

— Я дамъ пятьдесятъ фунтовъ, — выкрикивалъ старый джентльменъ, тоже стоявшій на мосту, — тому, кто возьметъ его живымъ! Я буду стоять здѣсь, пока онъ не придетъ за полученіемъ награды.

Снова зарокотала толпа. Стало переходить изъ устъ въ уста, что дверь подалась наконецъ и что тотъ человѣкъ, который первый потребовалъ лѣстницу, проникъ уже наверхъ. Какъ только это извѣстіе распространилось въ толпѣ, потокъ круто хлынулъ назадъ, и тѣ, которые тѣснились въ окнахъ, видя, что народъ съ мостовъ устремился назадъ, покинули свои мѣста и, выбѣжавъ на улицу, присоединились къ людскому потоку, безпорядочно ринувшемуся на свободныя мѣста; каждый старался оттолкнуть и опередить сосѣдей, задыхаясь отъ нетерпѣливаго желанія протискаться къ двери и взглянуть на преступника, когда его выведутъ полицейскіе. Страшные крики и вопли издавали тѣ, кого сдавили почти до потери дыханія или въ давкѣ повалили и топтали ногами. Узкіе проходы были совершен-

но загромождены. И въ эту минуту, когда одни стремились занять мѣсто снова передъ фасадомъ дома, а другіе тщетно силились выбраться изъ тѣсной давки, — общее вниманіе на мгновеніе было отвлечено отъ убійцы, хотя желаніе всѣхъ, чтобы онъ былъ пойманъ, возросло, если могло еще возрости.

Преступникъ, совершенно подавленный яростью толпы и невозможностью спасенія, пришелъ въ отчаяніе. Но подмѣтивъ эту неожиданную перемѣну въ настроеніи толпы столь же быстро, какъ она наступила, онъ вскочилъ, рѣшившись сдѣлать послѣднюю попытку сохранитъ свою жизнь, — спуститься въ ровъ, рискуя захлебнуться въ тинѣ, и постараться ускользнуть прочь среди темноты и общей суматохи.

Исполненный новой бодрости и энергіи и подстрекаемый шумомъ внутри дома, возвѣщавшимъ, что дѣйствительно преслѣдователи ворвались уже въ дверь, онъ уперся ногой о печную трубу, туго и крѣпко обвязалъ вокругъ нея одинъ конецъ веревки, а на другомъ сдѣлалъ прочную затяжную петлю. Дѣйствуя руками и зубами, онъ въ одну секунду исполнилъ все это. Онъ могъ по веревкѣ спуститься на такую высоту отъ земли, которая была бы немного меньше его

собственнаго роста, а тогда перерѣзать канатъ ножомъ, который былъ у него уже наготовѣ, и упасть на землю.

Въ тотъ самый моментъ, когда онъ накинулъ петлю себѣ на голову, чтобы затѣмъ опоясаться ею подъ мышками, и когда упомянутый только что старый джентльменъ, который крѣпко держался за перила моста, чтобы противостоять напору толпы и удержать свое мѣсто, убѣдительно предостерегалъ окружавшихъ его, что преступникъ собирается спуститься внизъ, — въ этотъ самый моментъ убійца, оглянувшись назадъ, взмахнулъ руками и издалъ крикъ ужаса.

— Опять глаза! — воскликнулъ онъ съ глухимъ воплемъ.

Зашатавшись, какъ пораженный молніей, онъ потерялъ равновѣсіе и опрокинулся черезъ низкую ограду крыши. Петля осталась на его шеѣ. Она затянулась подъ его тяжестью туго, какъ тетива, и быстро, какъ пущенная тетивою стрѣла. Онъ упалъ съ высоты тридцати пяти футовъ; его туловище вдругъ встряхнулось, страшная агонія пробѣжала по всему тѣлу.

Старая труба закачалась отъ толчка, но устояла. Убійца, безжизненный, качался противъ стѣны, а Чарли, оттолкнувъ въ сторону висящій трупъ, за-

слонившій его окошко, умолялъ придти поскорѣе и убрать его ради всего святого.

Собака, которая до сихъ поръ гдѣ то пряталась, бѣгала теперь по краю крыши съ зловѣщимъ воемъ и, приготовившись къ прыжку, хотѣла вскочить на плечи мертваго. Но она промахнулась и упала въ ровъ, перевернувшись въ воздухѣ и ударившись головою о камень, который забрызгала своимъ мозгомъ.

LI. Глава, разъясняющая нѣсколько тайнъ и повѣствующая объ одномъ сватовствѣ, не сопровождавшемся упоминаніемъ ни о карманныхъ деньгахъ, ни о расходахъ «на булавки»

Событіямъ, разсказаннымъ въ предыдущей главѣ, минуло только два дня, когда Оливеръ въ три часа пополудни очутился въ дорожной коляскѣ, быстро катившейся къ его родному городу. Мистриссъ Мэйли, Роза, мистриссъ Бедуинъ и добрый докторъ находились вмѣстѣ съ нимъ, а мистеръ Броунлоу ѣхалъ сзади въ почтовой каретѣ въ сопровожденіи какого то лица, имени котораго Оливеру не называли.

Въ дорогѣ они мало говорили. Оливеръ переживалъ такое волненіе и чувство неизвѣстности, что не былъ въ состояніи привести въ порядокъ мысли и почти не могъ говорить, а его спутники повидимому не въ меньшей степени раздѣляли подобное же настроеніе. Мистеръ Броунлоу осторожно познакомилъ его и обѣихъ дамъ съ сущностью добытыхъ отъ Монкса признаній; но

хотя они знали, что цѣлью настоящей поѣздки является завершеніе столь хорошо начатаго дѣла, однако, все было окутано еще въ достаточной степени сомнѣніями и таинственностью, чтобы заставлять ихъ переживать минуты самой напряженной неизвѣстности.

Тотъ же заботливый другъ, при содѣйствіи мистера Лосберна, предусмотрительно закрылъ всѣ пути, посредствомъ которыхъ они могли бы узнать о недавнихъ ужасныхъ происшествіяхъ. «Само собою разумѣется», говорилъ онъ, — «имъ придется вскорѣ обо всемъ этомъ услышать, но это можетъ случиться въ болѣе удобное время, теперь же это было бы хуже всего».

Итакъ они ѣхали молча; каждый размышлялъ о томъ, изъ за чего они всѣ теперь собрались вмѣстѣ и никто не былъ расположенъ высказывать мысли, которыя всѣхъ ихъ поглощали.

Но если Оливеръ, среди такого настроенія, оставался безмолвнымъ, пока они ѣхали къ мѣсту его рожденія по незнакомой ему дорогѣ, то какой потокъ воспоминаній воскресилъ передъ нимъ былое, и какимъ разнообразіемъ проснувшихся чувствъ заволновалась его грудь, когда карета свернула по тому пути, гдѣ онъ шелъ когда то пѣшкомъ — бѣдный, бездомный маленькій бро-

дяга, не имѣвшій ни друга, чтобы искать помощи, ни крова, чтобы пріютиться.

— Смотрите, вонъ тамъ, тамъ! — вскричалъ Оливеръ, съ живостью схватывая Розу за руку и указывая въ окно кареты. — Черезъ этотъ самый заборъ я тогда перелѣзъ; вотъ позади этихъ плетней я шелъ, крадучись, изъ боязни, что меня догонятъ и вернутъ назадъ! А вотъ полевая тропинка, ведущая къ тому старому дому, гдѣ я былъ маленькимъ ребенкомъ! Ахъ, Дикъ, Дикъ, мой дорогой дружокъ, если бы мнѣ только повидать тебя теперь!

— Ты скоро увидишь его, — сказала Роза. — Ты разскажешь ему, какъ ты счастливъ, и какой ты сталъ богатый, и что среди всего своего счастья ты ни о чемъ такъ не мечталъ, какъ о томъ, чтобы пріѣхать сюда и сдѣлать его тоже счастливымъ.

— Да, да... И мы... мы увеземъ его отсюда, и онъ будетъ жить хорошо и будетъ учиться, и пошлемъ его въ какое нибудь тихое дачное мѣсто, гдѣ онъ сдѣлается крѣпкимъ и здоровымъ, — да?

Роза кивнула головой, потому что не могла говорить, — такъ растрогали ее слезы, стоявшія въ глазахъ мальчика.

— Вы будете заботливы и добры къ нему, потому что вы и ко всѣмъ относитесь такъ, — сказалъ

Оливеръ. — Я знаю, вы будете плакать, когда онъ станетъ разсказывать про себя. Но ничего, ничего... Все пройдетъ и вы опять будете улыбаться — я знаю и это — при мысли о начавшейся съ нимъ перемѣнѣ; такъ было и со мной. Онъ сказалъ мнѣ: «благослови тебя Богъ», когда я рѣшилъ бѣжать, — вскричалъ Оливеръ въ порывѣ умиленія;- а теперь я ему скажу: «благослови *тебя* Богъ» и докажу ему, какъ люблю я его за это!

Когда они подъѣхали къ городу и наконецъ начались его узкія улицы, то стоило уже немалаго труда удерживать мальчика въ предѣлахъ благоразумія. Вотъ лавка Сауэрберри, такая же какъ была всегда, только поменьше и не такая внушительная съ виду, какой она ему помнилась; вотъ цѣлый рядъ хорошо знакомыхъ лавокъ и домовъ, съ которыми у него почти со всѣми было связано воспоминаніе о какомъ либо маленькомъ происшествіи; вотъ у двери трактира стоитъ телѣга Гемфильда, та самая телѣга, которая была у него и тогда; вотъ работный домъ, тюрьма его дѣтскихъ дней, хмуритъ свои мрачныя окна; вотъ у входа стоитъ тотъ же худощавый привратникъ, при видѣ котораго Оливеръ невольно отпрянулъ назадъ и самъ же засмѣялся надъ своей глупою робостью, а затѣмъ заплакалъ и засмѣялся снова.

Въ дверяхъ и окнахъ виднѣются хорошо ему извѣстныя лица; почти все осталось такимъ, словно онъ покинулъ эти мѣста только вчера и вся его недавняя жизнь была лишь счастливымъ сномъ.

Но нѣтъ, она была полной, правдивой, радостной дѣйствительностью. Они подъѣхали къ подъѣзду главной гостинницы, на которую Оливеръ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, считая ее великолѣпнымъ дворцомъ, но которая теперь нѣсколько утратила свои размѣры и величіе, и тутъ ихъ встрѣтилъ мистеръ Гримвигъ, поцѣловавшій и молодую леди, и старую, когда онѣ выходили изъ кареты, и имѣвшій такой видъ, какъ будто онъ всѣмъ приходится дѣдушкой, — улыбавшійся, любезный и не выражавшій готовности съѣсть свою голову ни одного раза, даже когда онъ заспорилъ съ старымъ почтальономъ о томъ, какая дорога до Лондона кратчайшая, и утверждалъ, что онъ знаетъ это лучше, хотя только одинъ разъ совершилъ этотъ путь, да и то крѣпко спалъ. Обѣдъ уже былъ приготовленъ, и комнаты, оказалось, ждали ихъ пріѣзда; все было устроено словно по волшебству.

Несмотря на это, когда закончилась суетня перваго получаса, опять возобладали сдержанность и молчаніе, налагавшія печать на ихъ поѣздку.

За обѣдомъ мистеръ Броунлоу не присоединился съ нимъ, но оставался въ отдѣльной комнатѣ. Оба другіе джентльмена торопливо приходили и исчезали съ озабоченными лицами, а въ теченіе короткихъ минутъ, пока присутствовали, разговаривали другъ съ другомъ въ сторонѣ. Одинъ разъ вызвали мистриссъ Мэйли и она, пробывъ въ отсутствіи около часу, вернулась съ опухшими и заплаканными глазами. Все это заставляло Розу и Оливера, которые оставались непосвященными въ новые секреты, быть въ нервномъ и тревожномъ настроеніи. Они молча сидѣли и не понимали происходившаго; если изрѣдка они и обмѣнивались нѣсколькими словами, то говорили шепотомъ, словно боясь слышать даже звукъ собственнаго голоса.

Наконецъ, когда настало девять часовъ и они начали думать, что въ этотъ вечеръ имъ уже не придется ничего услышать, въ комнату вошли мистеръ Лосбернъ и мистеръ Гримвигъ, а за ними мистеръ Броунлоу въ сопровожденіи человѣка, при видѣ котораго Оливеръ едва не вскрикнулъ отъ удивленія. Ему сказали, что онъ увидитъ своего брата, а это былъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ повстрѣчалъ въ городкѣ и который вмѣстѣ съ Феджиномъ смотрѣлъ въ окно его ком-

натки. Монксъ кинулъ на удивленнаго мальчика взглядъ ненависти, которую и теперь не могъ скрыть, и сѣлъ вблизи двери. Мистеръ Броунлоу, у котораго въ рукахъ были какія то бумаги, подошелъ къ столику, гдѣ сидѣли Роза и Оливеръ.

— Это мучительная задача, — сказалъ онъ;- но заключающіяся здѣсь объясненія, которыя были подписаны въ Лондонѣ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, должны бытъ сейчасъ повторены въ существенныхъ чертахъ. Я радъ былъ бы избавить васъ отъ униженія, но какъ надо слышать это изъ вашихъ собственныхъ устъ, прежде чѣмъ мы разстанемся, и вы знаете почему.

— Продолжайте, — сказалъ человѣкъ, къ которому были обращены эти слова, и отвернулся. — Скорѣе. Мнѣ думается, я сдѣлалъ почти все. Не задерживайте меня здѣсь.

— Этотъ мальчикъ, — сказалъ мистеръ Броунлоу, привлекая Оливера къ себѣ и положивъ руку ему на голову:- приходится вамъ единокровнымъ братомъ; онъ сынъ вашего отца, моего дорогого друга, Эдвина Лифорда, и бѣдной молодой Агнесы Флемингъ, которая умерла при его рожденіи.

— Да, — сказалъ Монксъ, насупившись на трепетавшаго мальчика, быстрое біеніе сердца котораго онъ могъ слышать:- это ихъ незаконный

выродокъ.

— Ваше выраженіе, — строго произнесъ мистеръ Броунлоу:- является упрекомъ по адресу тѣхъ, которые давно ушли туда, куда не простираются сужденія здѣшняго міра. Довольно объ этомъ. — Онъ родился въ этомъ городѣ?

— Въ работномъ домѣ этого города, — прозвучалъ угрюмый отвѣтъ. — У васъ тамъ есть вся эта исторія, — и Монксъ съ нетерпѣніемъ указалъ на бумаги.

— Но мнѣ необходимо, чтобы она была также и здѣсь, — сказалъ мистеръ Броунлоу, обведя взоромъ присутствовавшихъ.

— Ну, такъ слушайте же! — Когда его отецъ заболѣлъ въ Римѣ, то къ нему пріѣхала его жена, съ которой онъ давно уже разошелся; она прибыла изъ Парижа и взяла съ собой меня. Должно быть, она хотѣла подсчитать его состояніе, потому что она не особенно любила его, ни онъ ее. Онъ не зналъ о нашемъ присутствіи; сознаніе уже покинуло его, но онъ дожилъ еще до слѣдующаго дня и умеръ. Среди бумагъ въ его столѣ были двѣ, помѣченныя первымъ днемъ его болѣзни и направленныя къ вамъ, — тутъ Монксъ обратился къ мистеру Броунлоу. — Онѣ были снабжены короткой запиской къ вамъ и помѣткой на пакетѣ,

что онъ долженъ быть отправленъ по адресу только послѣ его смерти. Одна изъ этихъ бумагъ была письмо къ этой дѣвицѣ, Агнесѣ, другая — завѣщаніе.

— Что вы скажете о письмѣ? — спросилъ мистеръ Броунлоу.

— О письмѣ? То былъ листъ бумаги, весь въ помаркахъ, и полный покаянныхъ признаній и молитвъ о томъ, чтобы Богъ поддержалъ ее. Онъ нагородилъ дѣвушкѣ сказку, будто какая то тайна — которой рано или поздно суждено разъясниться — препятствуетъ ему жениться на ней сразу же; и она продолжала терпѣливо вѣрить ему, и повѣрила ему наконецъ настолько, что потеряла то, что никто уже не могъ ей вернуть. Въ это время ей оставалось нѣсколько мѣсяцевъ до родовъ. Онъ говорилъ ей все, что собирался сдѣлать для покрытія ея позора, если останется живъ, а въ случаѣ своей смерти просилъ ее не проклинать его память и не думать, что послѣдствія ихъ грѣха падутъ на ней или на ребенка, потому что вся вина лежитъ на немъ. Онъ напоминалъ ей о томъ днѣ, когда далъ ей маленькій медальонъ и кольцо, на которомъ было вырѣзано ея имя и оставлено пустое мѣсто для его имени, которое онъ надѣялся передать ей, и умолялъ

ее хранить это и носить у своего сердца, какъ раньше, и продолжалъ этотъ бредъ все тѣми же словами по нѣсколько разъ, какъ будто у него уже затуманенъ былъ умъ. Я думаю, такъ оно и было.

— А завѣщаніе? — сказалъ мистеръ Броунлоу, — взглянувъ на Оливера, изъ глазъ котораго ручьемъ текли слезы. Монксъ молчалъ.

— Завѣщаніе, — заговорилъ вмѣсто него мистеръ Броунлоу, — было написано въ томъ же самомъ духѣ. Онъ говорилъ о бѣдствіяхъ, которыя принужденъ былъ вытерпѣть, благодаря женѣ, о непокорномъ нравѣ, порочности, злобѣ и раннемъ развитіи дурныхъ склонностей въ васъ, его единственномъ сынѣ, который былъ пріученъ ненавидѣть его. Онъ отказалъ вамъ и вашей матери по восемьсотъ фунтовъ годового дохода. Главную часть своего состоянія онъ раздѣлилъ на двѣ равныя половины — одну для Агнесы Флемингъ, а другую для ребенка, въ случаѣ если онъ родится живымъ и доживетъ до совершеннолѣтія. Если бы родилась дѣвочка, то она получила бы свою долю безусловно, но если мальчикъ, то онъ могъ вступить въ права наслѣдства только при томъ условіи, что не запятнаетъ своего имени, въ періодъ несовершеннолѣтія, какимъ либо поступкомъ, который

открыто являлся бы проявленіемъ низости, подлости, безчестія или лживости. Онъ говорилъ, что дѣлаетъ это для того, чтобы подчеркнуть свои довѣріе къ матери и свое убѣжденіе — ставшее еще болѣе сильнымъ въ виду близкой смерти — что ребенокъ унаслѣдуетъ ея кроткое сердце и благородную душу. Если бы это ожиданіе не осуществилось, то деньги перешли бы къ вамъ, потому что только въ томъ случаѣ — не раньше — когда оба сына окажутся равными, согласится признать, что вамъ принадлежитъ первенство въ притязаніяхъ на его состояніе, вамъ, который не имѣлъ притязаній на его сердце, но съ самаго дѣтства отталкивалъ его съ чувствомъ холода и непріязни.

— Моя мать, — заговорилъ Монксъ болѣе громкимъ голосомъ, — сдѣлала то, что сдѣлала бы каждая женщина. Она сожгла завѣщаніе. Письмо не было отправлено по назначенію, но его вмѣстѣ съ другими доказательствами она сохраняла на тотъ случай, если Флеминги сдѣлаютъ попытку отречься отъ своего позора. Отецъ дѣвушки узналъ отъ нея правду со всѣми преувеличеніями, какія могла придумать ея ненависть. Я люблю теперь мать за это. Угнетенный стыдомъ и позоромъ, онъ съ дочерьми уѣхалъ въ глухую часть

Валлиса и перемѣнилъ даже имя, чтобы друзья не могли открыть его мѣстопребыванія. Тамъ онъ вскорѣ былъ найденъ мертвымъ въ своей постели. Дѣвушка скрылась изъ дома за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ. Онъ разыскивалъ ее, обойдя пѣшкомъ всѣ сосѣдніе города и села; и въ ту самую ночь, когда онъ вернулся домой, убѣдившись, что она покончила съ собой, чтобы похоронить свой и его позоръ, надорвалось его старое сердце.

Наступило короткое молчаніе, пока мистеръ Броунлоу не взялся опять за нить разсказа.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, — началъ онъ:- мать этого человѣка — Эдуарда Лифорда — пришла ко мнѣ. Сынъ бросилъ ее, когда ему было лишь восемнадцать лѣтъ, отобралъ у нея драгоцѣнности и деньги, началъ кутить, играть, мошенничать и уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ поддерживалъ сношенія съ самыми низменными отбросами общества. Ее изнуряла мучительная и неизлечимая болѣзнь, и она хотѣла вернуть сына къ себѣ, прежде чѣмъ умретъ. Пришлось прибѣгнуть къ разспросамъ и тщательнымъ розыскамъ, которые долго не приводили ни къ чему, но наконецъ увѣнчались успѣхомъ, и онъ поѣхалъ съ нею опять во

Францію.

— Тамъ она умерла, — сказалъ Монксъ:- послѣ продолжительной болѣзни, и на смертномъ ложѣ завѣщала мнѣ всѣ эти тайны вмѣстѣ съ неугасимой и вѣчной ненавистью ко всѣмъ тѣмъ, кого онѣ затрагивали, хотя этого она могла и не дѣлать, потому что я и такъ унаслѣдовалъ ея чувства. Она не вѣрила, что дѣвушка наложила на себя руки и тѣмъ самымъ убила и ребенка, но была почему то убѣждена, что родился ребенокъ мужского пола, и что ребенокъ этотъ живъ. Я поклялся ей, что затравлю его, если когда либо онъ встрѣтится на моемъ пути, что не дамъ ему ни минуты покоя, что буду преслѣдовать его съ самой злобной и неуклонной жестокостью, что вымещу на немъ всю ненависть, которую такъ глубоко чувствую, что насмѣюсь надъ дутымъ хвастовствомъ завѣщанія, дотащивъ его, если удастся, до висѣлицы. Она оказалась права. Онъ наконецъ повстрѣчался на моей дорогѣ. Начало было удачно, и если бы не болтливая шлюха, то я кончилъ бы не хуже, чѣмъ началъ.

Негодяй крѣпко стиснулъ руки и бормоталъ проклятія въ приступѣ безсильной злобы, а мистеръ Броунлоу обратился къ испуганнымъ слушателямъ и объяснилъ, что еврей, давнишній

сообщникъ и довѣренное лицо этого человѣка, долженъ былъ получить большую награду за то, чтобы поймать Оливера въ западню, и часть этой суммы подлежала возвращенію, въ случаѣ если Оливеръ опять очутится на свободѣ; разногласіе въ этомъ вопросѣ и заставило ихъ посѣтить коттеджъ съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли взятый мистриссъ Мэйли мальчикъ — Оливеръ.

— Медальонъ и кольцо? — сказалъ мистеръ Броунлоу, поворачиваясь къ Монксу.

— Я купилъ ихъ у того человѣка и его жены, о которыхъ я вамъ говорилъ; она украла ихъ у сидѣлки, а та обокрала трупъ, — отвѣтилъ Монксъ, не подымая глазъ. — Вы знаете, гдѣ теперь эти вещи.

Мистеръ Броунлоу слегка кивнулъ мистеру Гримвигу и тотъ, быстро исчезнувъ, вскорѣ возвратился, втолкнувъ въ комнату мистриссъ Бембль и таща за собою ея упиравшагося супруга.

— Неужели глаза не обманываютъ меня! — вскричалъ мистеръ Бембль съ плохо поддѣланнымъ восторгомъ. — Дѣйствительно ли это маленькій Оливеръ? Ахъ, Оливеръ, если бы ты зналъ, какъ я соскучился безъ тебя…

— Замолчи, дуракъ, — буркнула мистриссъ

Бембль.

— Это голосъ сердца, голосъ сердца, дорогая мистриссъ Бембль, — оправдывался надзиратель работнаго дома. — Развѣ я не могу быть растроганнымъ, — я, который воспиталъ его на приходскихъ началахъ, — видя его окруженнымъ леди и джентльменами самой пріятной наружности? Я всегда любилъ этого мальчика, какъ будто онъ былъ мой... мой... мой дѣдушка, — продолжалъ мистеръ Бембль, подыскавъ наконецъ подходящее сравненіе. Мастеръ Оливеръ, мой славный Оливеръ, помнишь ли ты милаго джентльмена въ бѣломъ жилетѣ? Увы! онъ отправился на небо, на прошлой недѣлѣ, въ дубовомъ гробу, Оливеръ, съ посеребренными ручками!

— Довольно, сэръ, — сухо произнесъ мистеръ Гримвигъ;- остановите изліяніе своихъ чувствъ.

— Постараюсь, сэръ, — отвѣтилъ мистеръ Беыбль. — Какъ вы поживаете, сэръ? Я надѣюсь, что вы пребываете въ добромъ здоровьѣ?

Послѣднее привѣтствіе было адресовано мистеру Броунлоу, который подступилъ ближе къ почтенной парочкѣ. Онъ спросилъ, указывая на Монкса:

— Знаете вы этого человѣка?

— Нѣтъ, — рѣшительно отвѣтила мистриссъ

Бембль.

— Можетъ быть и вы не знаете? — освѣдомился мистеръ Броунлоу, обращаясь къ ея супругу.

— Я ни разу не видѣлъ его въ своей жизни, — сказалъ мистеръ Бембль.

— И вѣроятно ничего ему не продавали?

— Нѣтъ, — отвѣтила мистриссъ Бембль.

— У васъ, вѣроятно, никогда не было золотого медальона и кольца? — продолжалъ мистеръ Броунлоу.

— Конечно, нѣтъ, — отвѣтила надзирательница. — Къ чему насъ привели сюда выслушивать подобныя нелѣпости?

Опять мистеръ Броунлоу кивнулъ мистеру Гримвигу, который и на этотъ разъ проворно удалился, но вернулся не съ дородной супружеской четой, а ввелъ двухъ параличныхъ старухъ, которыя шли, шатаясь и едва держась на ногахъ.

— Вы заперли дверь въ тотъ вечеръ, когда помирала старая Салли, — сказала та, которая шла впереди, и подняла скорченную руку. — Но вы не могли заглушить слова или заткнуть щели.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — подтвердила вторая, осматриваясь вокругъ и жуя беззубою челюстью. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Мы слышали, какъ она старалась разсказать

вамъ про свой поступокъ, и видѣли, какъ вы взяли изъ ея руки бумагу; мы подсмотрѣли также, какъ на другой день вы ходили въ ломбардъ.

— Да, — добавила вторая. — И оказалось, что то былъ медальонъ и золотое кольцо. Мы разузнали это, мы видѣли, какъ вамъ выдали эти вещи. Мы были тамъ, мы были тамъ.

— Это еще не все, что намъ извѣстно, — продолжала первая старуха. — Она часто говаривала намъ, что молодая мать ей разсказала, какъ она предчувствовала, что ей недолго осталось жить, и какъ она, когда ее подобрали больную, шла къ могилѣ отца ребенка, чтобы тамъ умереть.

— Не хотите ли повидать самого закладчика? — спросилъ мистеръ Гримвигъ, двинувшись къ двери.

— Нѣтъ, — отвѣтила женщина. — Если онъ, — тутъ она указала на Монкса:- оказался такимъ трусомъ, что сознался, какъ это теперь для меня очевидно, и если вы переспросили всѣхъ вѣдьмъ, пока не нашли нужныхъ вамъ, то мнѣ не остается ничего прибавить. Я продала вещи, и онѣ находятся тамъ, откуда вы ихъ больше не достанете. Что же дальше?

— Ничего, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу, — кромѣ того, что намъ остается предупредить

дальнѣйшее занятіе вами обоими должностей, сопряженныхъ съ общественнымъ довѣріемъ. Можете уходить.

— Я надѣюсь, — сказалъ мистеръ Бембль, оглядываясь съ большимъ унынiемъ, когда мистеръ Гримвигъ увелъ обѣихъ старухъ, — я надѣюсь, что эта несчастливая маленькая случайность не послужитъ причиною моего устраненія отъ приходской должности?

— Конечно, послужитъ, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. — Я совѣтую вамъ привыкнуть къ этой мысли и вдобавокъ радоваться, что вы такъ дешево отдѣлались.

— Но это все изъ за жены. Она *рѣшила* это сдѣлать, — оправдывался мистеръ Бембль предварительно осмотрѣвшійся, чтобы убѣдиться въ отсутствіи супруги.

— Это не извиненіе, — возразилъ мистеръ Броунлоу. — Вы присутствовали, когда эти вещицы были преданы уничтоженію, и къ тому же, съ точки зрѣнія закона, вы являетесь наиболѣе виновнымъ изъ двухъ, такъ какъ законъ предполагаетъ, что ваша жена дѣйствуетъ по вашимъ указаніямъ.

— Если законъ предполагаетъ это, — сказалъ мистеръ Бембль выразительно сжимая шляпу

обѣими руками, — то законъ — оселъ, идіотъ! Если такова точка зрѣнія закона, то законъ — холостякъ; и вотъ мое злѣйшее пожеланіе закону — пусть онъ но опыту узнаетъ, гдѣ правда, — по опыту!

Произнеся послѣднія слова съ большимъ удареніемъ, мистеръ Бембль туго надвинулъ на голову свою шляпу и, засунувъ руки въ карманы, послѣдовалъ внизъ за своей супружницей.

— Молодая леди, — обратился мистеръ Броунлоу къ Розѣ:- дайте мнѣ руку. Не пугайтесь:- ничего нѣтъ для васъ страшнаго въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя осталось еще выслушать.

— Если они... я не знаю, какимъ образомъ это могло бы случиться, — но если они имѣютъ... какое либо отношеніе ко мнѣ, - сказала Роза, — то позвольте мнѣ выслушать ихъ въ другое время Я теперь не нахожу въ себѣ достаточной бодрости.

— Нѣтъ, — возразилъ старый джентльменъ, беря ее подъ руку, — я увѣренъ, что у васъ больше силъ, чѣмъ вы думаете. Знаете вы эту молодую дѣвушку, сэръ?

— Да, — отвѣтилъ Монксъ.

— Я никогда васъ раньше не видѣла, — слабымъ голосомъ произнесла Роза.

— Я видѣлъ васъ часто, — возразилъ Монксъ.

— У отца несчастной Агнесы были двѣ дочери, — сказалъ мистеръ Броунлоу. — Какая судьба постигла другую, которая тогда была еще ребенкомъ?

— Дѣвочка, — отвѣтилъ Монксъ:- когда ея отецъ умеръ въ незнакомомъ мѣстѣ, подъ вымышленнымъ именемъ, не оставивъ ни письма, ни книги, ни клочка бумаги, которые могли бы послужить хоть малѣйшимъ указаніемъ для разыскивавшихъ его друзей или родственниковъ — дѣвочка была взята бѣдными поселянами, которые воспитали ее, какъ свою.

— Дальше, — сказалъ мистеръ Броунлоу, знакомъ подзывая мистриссъ Мэйли:- дальше!

— Вы не могли найти мѣстожительства этихъ людей, — продолжалъ Монксъ. — Но гдѣ дружба оказывается безсильной, тамъ ненависть часто пробиваетъ себѣ дорогу. Моя мать нашла ихъ послѣ года тщательныхъ поисковъ, и добралась до дѣвочки.

— Взяла ли она ее къ себѣ?

— Нѣтъ. То были очень бѣдные люди и ихъ человѣколюбіе начинало ослабѣвать; но крайней мѣрѣ, это можно было сказать про мужа. Поэтому она оставила ребенка при нихъ, оставила небольшую сумму денегъ, которыхъ не могло хватитъ

надолго, и обѣщала прислать еще, но, конечно, вовсе не собиралась сдѣлать это. Ихъ недовольство судьбой и бѣдность могли служить ручательствомъ за то, что дѣвочка будетъ несчастна, но моя мать не сочла этого достаточнымъ и разсказала имъ съ нужными прикрасами исторію позора ея сестры, совѣтовала имъ быть съ нею построже, потому что она изъ дурной семьи, и убѣдила ихъ, что она незаконнорожденная и рано или поздно собьется съ пути. Обстоятельства соотвѣтствовали ея разсказу, они ей повѣрили и дѣвочка начала влачить существованіе достаточно жалкое, чтобы удовлетворить даже насъ. Но однажды какая то дама, вдова, жившая тогда въ Честерѣ, случайно увидѣла дѣвочку, сжалилась надъ ней и взяла къ себѣ. Вѣроятно противъ насъ дѣйствовало какое то проклятое волшебство, такъ какъ, несмотря на всѣ наши усилія, дѣвочка осталась въ домѣ этой дамы и была счастлива. Я потерялъ ее изъ виду два или три года тому назадъ и послѣ того увидѣлъ ее только за нѣсколько мѣсяцевъ до настоящаго дня.

— Видите вы ее сейчасъ?

— Да. Она опирается о вашу руку.

— И ты все попрежнему моя племянница! — вскричала мистриссъ Мэйли, обнимая близкую

къ обмороку дѣвушку:- попрежнему мое дорогое дитя! Я ни за какія сокровища въ мірѣ не согласилась бы разстаться съ тобой теперь. Моя кроткая подруга, моя дорогая дѣвочка!

— Мой единственный другъ! — воскликнула Роза, прильнувъ къ ней. — Добрѣйшій безцѣнный другъ. Сердце мое готово разорваться на части. Я не въ силахъ перенести все это.

— Ты перенесла гораздо больше и все таки оставалась самымъ прекраснымъ и нѣжнымъ существомъ, когда либо озарявшимъ счастьемъ всѣхъ окружающихъ, — сказала мистриссъ Мэйли, съ любовью прижимая ее къ сердцу. — Но взгляни, дорогая, кто это ждетъ, чтобы обнять тебя, бѣдное дитя! Посмотри, посмотри, голубушка!

— Только не тетя! — вскричалъ Оливеръ, бросаясь ей въ объятія. — Я никогда не буду звать ее тетей, но сестрой, моей дорогой сестрой, которую мое сердце почему то съ самаго начала полюбило такъ горячо! Роза, дорогая, милая Роза!

Да будутъ священны тѣ слезы и тѣ отрывки словъ, которыми сопровождалось это тѣсное и долгое объятіе сиротъ. Въ теченіи этой одной минуты были найдены и снова потеряны отецъ, сестра и мать. Слезы радости и скорби смѣшались вмѣстѣ, но то не были горькія слезы, потому

что и сама скорбь выплывала такъ нѣжно и была смягчена такими кроткими и дорогими воспоминаніями, что преобразилась въ какую то торжественную отраду и потеряла всѣ черты страданія.

Долго, долго они сидѣли вдвоемъ. Легкій стукъ въ дверь возвѣстилъ, что что то пришелъ. Оливеръ отворилъ, выскользнулъ изъ комнаты и далъ мѣсто Гарри Мэйли.

— Я знаю все, — сказалъ онъ, садясь рядомъ съ прекрасной дѣвушкой. — Дорогая Роза, я знаю все.

— Я не случайно здѣсь, — продолжалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія, — и услышалъ я это не сегодня вечеромъ. Я узналъ это вчера, только вчера. Догадываетесь ли вы, что пришелъ напомнитъ вамъ объ одномъ обѣщаніи?

— Погодите, — сказала Роза. — Вы все знаете?

— Все. Вы позволили мнѣ въ теченіи года вернуться къ предмету нашего послѣдняго разговора.

— Да.

— Не для того, чтобы склонять васъ къ измѣненію рѣшенія, но чтобы услышать отъ васъ его повтореніе, если вы останетесь при своемъ. Я обѣщалъ положить къ вашимъ ногамъ то обще-

ственное положеніе или состояніе, которымъ буду обладать и если бы вы все таки настаивали на своемъ первомъ рѣшеніи то я обязался въ этомъ случаѣ ни словомъ, ни поступкомъ не пытаться разубѣдить васъ.

— Тѣ же самыя соображенія, которыя были у меня тогда руководятъ мною и теперь, — твердо сказала Роза. — Если я когда либо сознавала свой ясный и опредѣленный долгъ передъ тою которая своей добротой спасла меня отъ нищенства и страданій то когда же, какъ не сегодня, должна я его чувствовалъ съ особенной силой? Это тяжелая жертва, но я горжусь ею; это мученіе, но мое сердце перенесетъ его.

— Но разоблаченія сегодняшняго вечера… — началъ Гарри.

— Разоблаченія сегодняшняго вечера, — мягко прервала его Роза:- ничѣмъ не измѣнили моего положенія по отношенію къ вамъ.

— Вы ожесточаете свое сердце противъ меня, — замѣтилъ онъ.

— Ахъ, Гарри, Гарри! — сказала дѣвушка, разразившись слезами:- я хотѣла бы, чтобы это было для меня возможно. Я избавила бы себя отъ страданій.

— Но тогда зачѣмъ ихъ призывать на себя? —

сказалъ Гарри и взялъ ее за руку. — Подумайте, дорогая Роза, подумайте о томъ, что вы услышали сегодня вечеромъ!

— А что же я услышала? Что? — воскликнула Роза. — Что сознаніе своего глубокаго безчестія такъ подѣйствовало на моего отца, что онъ укрылся отъ людей... Ну, довольно, Гарри, довольно намъ говорить объ этомъ.

— Подождите, подождите, — сказалъ молодой человѣкъ, удерживая ее, когда она хотѣла встать. — Мои надежды, виды на будущее, чувства, всѣ мои жизненные помыслы, кромѣ любви къ вамъ, совершенно измѣнились. Теперь я не предлагаю вамъ блистанья среди шумной толпы, сліянія съ тѣмъ міромъ злобы и клеветы, гдѣ добродѣтельно стыдятся всего, кромѣ настоящаго безчестія и позора; я предлагаю вамъ родной уголокъ и сердце — да, дорогая Роза, это все, все, что я могу вамъ предложить.

— Какъ мнѣ понять васъ? — съ трепетомъ произнесла она.

— Я хочу только сказать, что когда я въ послѣдній разъ разстался съ вами, то я уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ устранить всѣ мнимыя преграды между вами и мною. Я рѣшилъ, что если мой міръ не можетъ быть вашимъ, то вашъ

будетъ моимъ, и что никакіе знатные гордецы не будутъ задирать носа передъ вами, потому что я отъ нихъ отвернусь. Я это сдѣлалъ. Тѣ, кто отшатнулись изъ за этого отъ меня, отшатнулись въ то же время и отъ васъ и доказали, насколько вы были правы. Покровители и власть имущіе, вліятельные родственники и сановники, которые прежде встрѣчали меня улыбками, теперь смотрятъ на меня съ холодностью, Но зато улыбаются поля и манятъ вѣтвями деревья въ одномъ изъ самыхъ процвѣтающихъ графствъ Англіи; и близъ деревенской церкви — моей, Роза, моей церкви! — стоитъ сельскій домъ, которымъ, если вы согласитесь, я буду гордиться въ тысячу разъ больше, чѣмъ всѣми тѣми надеждами, отъ которыхъ я отрекся. Вотъ мое теперешнее положеніе въ обществѣ, и я кладу его къ вашимъ ногамъ!

* * *

— Довольно скучная штука ждать влюбленныхъ къ ужину! — сказалъ мистеръ Гримвигъ, просыпаясь и снимая носовой платокъ, которымъ была покрыта его голова.

По правдѣ сказать, ужинъ дѣйствительно запоздалъ на крайне незаконный срокъ. Ни мистриссъ Мэйли, ни Гарри, ни Роза — они вошли въ столо-

вую одновременно — не могли привести ничего въ оправданіе задержки.

— Я серьезно подумывалъ, что нынче мнѣ придется съѣсть свою голову, — сказалъ мистеръ Гримвигъ:- потому что терялъ уже надежду на какое нибудь иное кушанье. Если вы позволите, то я возьму на себя смѣлость поздравить невѣсту.

Мистеръ Гримвигъ, не теряя времени, скрѣпилъ это привѣтствіе, поцѣловавъ вспыхнувшую дѣвушку, и его заразительному примѣру послѣдовали докторъ и мистеръ Броунлоу; нѣкоторые утверждаютъ, что Гарри Мэйли, какъ они якобы успѣли подмѣтить, осуществилъ эту идею еще раньше, въ темной смежной комнатѣ; но наиболѣе авторитетныя лица считаютъ это очевидной клеветой; вѣдь онъ молодъ и при томъ священникъ.

— Оливеръ, дитя мое, — сказала мистриссъ Мэили, — гдѣ ты былъ, и почему у тебя такой грустный видъ? Въ такую минуту у тебя вдругъ текутъ слезы. Въ чемъ дѣло?

Мы живемъ въ мірѣ разочарованій; часто разбиваются тѣ наши надежды, которыми мы больше всего дорожимъ и которыя больше всего возвеличиваютъ нашу душу. Бѣдный Дикъ умеръ!

LII. Послѣдняя ночь Феджина

Сверху до низу зала суда была усѣяна лицами. Пытливые и жадные глаза смотрѣли отовсюду. Начиная отъ перилъ передъ скамьей подсудимыхъ и до самаго тѣснаго и отдаленнаго закоулка на хорахъ, всѣ взоры были устремлены на одного человѣка — на Феджина. Зрители были впереди него и позади, вверху и внизу, по правую руку и по лѣвую; онъ словно окруженъ былъ небосводомъ сверкающихъ глазъ.

Онъ стоялъ посреди этого блеска живого свѣта, положивъ одну руку на деревянный брусокъ перилъ, а другую приставивъ къ уху, и вытягивалъ впередъ голову, чтобы съ большей отчетливостью слышать каждое слово рѣчи предсѣдательствующаго, съ которою тотъ обратился къ присяжнымъ. По временамъ онъ быстро взглядывалъ на нихъ, наблюдая, какое впечатлѣніе на нихъ производитъ каждая ничтожнѣйшая тѣнь довода въ его пользу, и когда пункты обвиненія устанавливались съ ужасающей опредѣленностью, то онъ обращалъ взоръ на своего адвоката, какъ бы съ нѣмой мольбою сказать что нибудь въ

его защиту. Помимо этихъ внѣшнихъ проявленій тревоги, онъ не шевелилъ ни рукой, ни ногой. Онъ почти не шелохнулся съ самаго начала судебнаго засѣданія. Но вотъ судья умолкъ, а онъ все оставался въ той же напряженной позѣ непрерывнаго вниманія и не спускалъ съ него глазъ, какъ будто продолжалъ еще прислушиваться.

Легкій шумъ заставилъ его придти въ себя. Посмотрѣвъ вокругъ, онъ увидѣлъ, что присяжные столпились вмѣстѣ, обсуждая приговоръ. Блуждая взоромъ по галлереѣ, онъ могъ видѣть, какъ всѣ стараются вытянуться повыше, чтобы разглядѣть его лицо; одни торопливо подносили бинокль къ глазамъ, другіе перешептывались съ сосѣдями съ видомъ отвращенія. Лишь немногіе не обращали на него вниманія и смотрѣли только на присяжныхъ, нетерпѣливо удивляясь ихъ медлительности. Но ни на одномъ лицѣ — даже среди женщинъ, которыхъ здѣсь было не мало, — не прочелъ онъ хотя бы малѣйшаго сочувствія къ себѣ или иного чувства, кромѣ всепоглощающаго желанія, чтобы онъ былъ осужденъ.

Лишь только успѣлъ онъ уловить все это растерянным взглядомъ, какъ снова наступила мертвая тишина, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ, что присяжные повернулись къ предсѣдатель-

ствующему судьѣ... Тише!..

Но они просили только разрѣшенія удалиться.

Онъ внимательно смотрѣлъ на ихъ лица, когда они по очереди проходили мимо него, — онъ какъ бы хотѣлъ узналъ, къ какому рѣшенію склоняется большинство; но это было безплодно. Тюремщикъ дотронулся до его плеча. Онъ машинально послѣдовалъ за нимъ въ другой конецъ загородки и сѣлъ на стулъ, указанный ему тюремщикомъ, — иначе онъ его не замѣтилъ бы.

Онъ опять взглянулъ на галлерею. Кое кто изъ публики былъ занятъ ѣдою, другіе обмахивались носовыми платками. Въ биткомъ набитомъ залѣ было очень жарко. Какой то молодой человѣкъ срисовывалъ его лицо въ записную книжку. Онъ подумалъ о томъ, похожъ ли выходитъ портретъ, и съ равнодушіемъ празднаго созерцателя смотрѣлъ, какъ художникъ сломалъ карандашъ и чинилъ его перочиннымъ ножикомъ.

Потомъ онъ, обративъ взглядъ на судью, началъ размышлять о фасонѣ его платья и о томъ, сколько оно стоило, и какъ онъ его надѣваетъ. За судейскимъ столомъ былъ также пожилой толстый джентльменъ, который съ полчаса тому назадъ ушелъ, а теперь возвратился. Феджинъ спрашивалъ себя, не уходилъ ли этотъ человѣкъ

обѣдать, что онъ ѣлъ и гдѣ обѣдалъ; и такъ онъ продолжалъ цѣпь своихъ случайныхъ размышленій, пока его вниманіе не останавливалось на какомъ нибудь другомъ предметѣ, дававшемъ новый ходъ его мыслямъ.

Но нельзя сказать, что въ теченіи всего этого времени его умъ хотя бы на мгновеніе былъ свободенъ отъ угнетающаго сознанія разверзающейся у его ногъ могилы; представленіе о ней не покидало его, но было какимъ то смутнымъ и общимъ, и онъ не могъ на немъ сосредоточить мыслей. Такъ что, даже когда его охватывалъ трепетъ или кидало въ жаръ при воспоминаніи о возможности близкой смерти, онъ принимался считать находившіеся передъ его глазами желѣзные прутья и раздумывалъ о томъ, почему наконечникъ одного изъ нихъ отломился, и починятъ ли его или оставятъ въ такомъ видѣ. Затѣмъ онъ началъ думать объ ужасахъ висѣлицы и эшафота, — и остановился, наблюдая какъ служитель разбрызгиваетъ для освѣженія по полу воду, — и снова продолжалъ думать.

Наконецъ раздался призывъ къ тишинѣ и всѣ, затаивъ дыханіе, устремили глаза на дверь. Присяжные возвратились и близко прошли мимо него. Онъ ничего не отгадалъ на ихъ лицахъ; они

были точно высѣчены изъ камня. Настала полная тишина… ни шороха… ни дуновенія… Виновенъ.

Зданіе сотряслось отъ грознаго крика, повторившагося еще и еще и затихавшаго, чтобы разразиться съ новой силой, подобно гнѣвному грому. Эхомъ ему были раскаты стонущаго рева; то ликовала собравшаяся на улицѣ толпа, узнавъ, что въ понедѣльникъ осужденный умретъ.

Шумъ улегся, и у него спросили, не имѣетъ ли онъ что нибудь сказать въ опроверженіе смертнаго приговора. Онъ снова принялъ свою внимательную позу и пристально смотрѣлъ на спрашивавшаго, пока тотъ говорилъ; но вопросъ пришлось повторить дважды, и только тогда онъ, повидимому, разслышалъ его. Онъ пробормоталъ, что онъ старикъ… старикъ… старикъ… — и перейдя ни шепотъ, снова умолкъ.

Судья надѣлъ черную шапочку, а подсудимый все стоялъ въ той же позѣ и съ тѣмъ же выраженіемъ. Какая то женщина на хорахъ издала восклицаніе, вызванное страшной торжественностью этой минуты; онъ быстро глянулъ вверхъ, словно досадуя на нарушеніе тишины, и съ еще большимъ вниманіемъ нагнулся впередъ. Рѣчь была торжественна и сильна впечатлѣніемъ; слова приговора внушали ужасъ. Но онъ стоялъ,

какъ мраморное изваяніе, не шевеля ни однимъ мускуломъ. Его страшное лицо попрежнему было наклонено впередъ, его нижняя челюсть отвисла, а глаза пристально смотрѣли передъ собою, когда тюремщикъ взялъ его подъ руку и знакомъ показалъ, что надо уходить. Онъ безсмысленно осмотрѣлся вокругъ и повиновался.

Его повели черезъ находившуюся подъ залой суда комнату съ каменнымъ поломъ. Тамъ нѣкоторые узники ждали своей очереди, а другіе бесѣдовали съ знакомыми, толпившимися за рѣшеткой, которая выходила на открытый дворъ. Тамъ никого не было, кто пришелъ бы поговорить съ *нимъ;* но когда онъ проходилъ мимо, то арестанты отхлынули въ сторону, чтобы его лучше могли разглядѣть люди, прильнувшіе къ желѣзнымъ брусьямъ. И его осыпали бранными словами, принялись гикать, свистать. Онъ погрозилъ имъ кулакомъ и хотѣлъ плюнуть въ толпу, но его проводники увлекли его дальше черезъ темный корридоръ, освѣщавшійся нѣсколькими тусклыми лампами, внутрь самой тюрьмы.

Здѣсь его обыскали, чтобы при немъ не оказалось средствъ предупредить приговоръ закона; по совершеніи этого, его повели въ одну изъ камеръ для осужденныхъ и оставили его тамъ

одного.

Онъ сѣлъ на каменную скамью, находившуюся противъ двери и служившую въ то же время кроватью. Уставившись въ полъ налитыми кровью глазами, онъ попытался привести въ порядокъ мысли. Спустя нѣкоторое время, онъ началъ припоминать отдѣльные отрывки того, что говорилъ судья, — хотя тогда ему казалось, что онъ не въ состояніи ничего разслышать. Отрывочныя слова постепенно становились на надлежащія мѣста и вызывали въ памяти другія, такъ что наконецъ у него составилась цѣлая рѣчь, почти точь въ точь какъ она была произнесена. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе — такъ она заканчивалась. Къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Темнота сгущалась. Онъ началъ думать о всѣхъ своихъ знакомыхъ, погибшихъ на эшафотѣ. Иные погибли благодаря ему. Они такъ быстро одинъ за другимъ воскресали въ его памяти, что онъ едва успѣвалъ ихъ считать. Онъ видѣлъ, какъ умирали иные изъ нихъ, и насмѣхался надъ ними, потому что они умирали съ молитвой на устахъ. Съ какимъ скрипучимъ шумомъ открывался подъ ихъ ногами трапъ, и какъ внезапно превращались они изъ сильныхъ и здоровыхъ людей въ болтающуюся кипу платья!

Нѣкоторые изъ нихъ вѣдь жили, быть можетъ, въ этой же кельѣ, сидѣли на этомъ же мѣстѣ. Какъ темно! Почему не приносятъ свѣта? Келья была построена много лѣтъ назадъ. Сотни людей провели здѣсь свои послѣдніе часы. Тутъ приходится сидѣть точно въ склепѣ, усѣяннномъ мертвыми тѣлами, съ мѣшками на головѣ, съ петлей, со связанными руками и съ лицами, которыя онъ узнавалъ даже сквозь это ужасное покрывало... Огня, огня!

Наконецъ, когда онъ до крови исколотилъ руки о дверь и о стѣны, появились два человѣка. Одинъ принесъ свѣчу и вставилъ ее въ желѣзный подсвѣчникъ, вдѣланный въ стѣну, а другой притащилъ съ собою матрасъ, чтобы переночевать на немъ, такъ какъ узнику больше не предстояло оставаться наединѣ.

Затѣмъ настала ночь, — темная, угрюмая, безмолвная ночь. Другимъ отрадно слышать бой башенныхъ часовъ — это напоминаетъ о жизни и о грядущемъ днѣ. Но его это приводило лишь въ отчаяніе. Протяжный звонъ каждаго колокольнаго удара казался ему все тѣмъ же низкимъ, глухимъ возгласомъ — «смерть». Что для него пользы было отъ суетни и шума веселаго утра, дававшаго о себѣ знать и здѣсь? Это былъ тоже

похоронный звонъ, но заключавшій въ себѣ не только напоминаніе, но и насмѣшку.

День прошелъ. День? Не было дня, онъ промелькнулъ мимо, едва успѣвъ наступить, и снова надвинулась ночь, такая долгая и въ то же время короткая:- долгая своимъ страшнымъ молчаніемъ и короткая мимолетностью часовъ. Феджинъ то выкрикивалъ безумныя рѣчи и богохульствовалъ, то принимался стонать и рвать на себѣ волосы. Почтенные люди, его единовѣрцы, приходили молиться рядомъ съ нимъ, а онъ прогонялъ ихъ съ проклятіями. Они возобновляли свои милосердныя увѣщанія, но онъ опять отгонялъ ихъ.

Ночь съ субботы на воскресенье. Ему остается прожить еще только одну ночь. Пока онъ подумалъ объ этомъ, насталъ день — воскресенье.

Только къ вечеру этого послѣдняго ужаснаго дня мучительное сознаніе безпомощности и отчаяніе съ полной силой охватили его черную душу. Не то что бы онъ до сихъ поръ питалъ какую нибудь опредѣленную, положительную надежду на помилованіе, но онъ не былъ еще въ состояніи додуматься дальше, чѣмъ до смутной возможности близкой смерти. Онъ мало говорилъ съ двумя служителями, которые смѣняли другъ друга, сто-

рожа его, и они, съ своей стороны, не пытались пробудить его вниманіе. Онъ раньше сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, бодрствуя, но окруженный сновидѣніями. Теперь же онъ вскакивалъ каждую минуту, задыхаясь и охваченный огнемъ, и бѣгалъ взадъ и впередъ въ такомъ припадкѣ страха и ярости, что даже сторожа, привыкшіе къ подобнымъ сценамъ, въ ужасѣ отступали отъ него. Онъ сдѣлался наконецъ такъ страшенъ, терзаемый своей злой совѣстью, что одному человѣку не подъ силу было сидѣть съ нимъ и видѣть его; поэтому они оба рѣшили сторожить его вмѣстѣ.

Онъ присѣлъ на каменное ложе и сталъ думать о прошломъ. Толпа ранила его камнями во время его ареста и голова его была повязана полотенцемъ. Рыжіе волосы свѣшивались на его безкровное лицо; изъ его бороды были вырваны клочья, и она свалялась комками; его глаза сверкали страшнымъ свѣтомъ; его неумытая кожа трескалась отъ сжигавшей его лихорадки. Восемь… девять… десять… Если это не шутка, подстроенная, чтобы напугать его, и часы на самомъ дѣлѣ бѣгутъ такъ быстро одинъ за другимъ, то гдѣ будетъ онъ, когда снова наступитъ ихъ чередъ! Одиннадцать! Вотъ ужъ новый ударъ, прежде чѣмъ успѣлъ замереть отзвукъ предыдущаго

часа. Въ восемь часовъ ему предстоитъ быть плакальщикомъ въ собственномъ погребальномъ шествіи; въ одиннадцать...

Мрачныя стѣны Ньюгэта, которыя таили столько бѣдствій и несказаннаго ужаса не только отъ взоровъ, но — очень часто и очень подолгу — и отъ мыслей людей, никогда еще не скрывали такого страшнаго зрѣлища. Немногочисленные прохожіе, останавливавшіеся на минуту, спрашивая себя, что дѣлаетъ тотъ человѣкъ, котораго завтра повѣсятъ, — плохо спали бы въ эту ночь, если бы могли его увидѣть.

Съ начала сумерекъ и почти до полуночи къ воротамъ подходили люди по-двое, по-трое и спрашивали съ безпокойствомъ, но дана ли отсрочка. Получивъ отрицательный отвѣтъ, они передавали желанное извѣстіе тѣмъ, кто кучками толпились на улицѣ; они указывали другъ другу дверь, черезъ которую приговореннаго выведутъ, и мѣсто, гдѣ будетъ воздвигнутъ эшафоть, и нехотя удаляясь прочь, оглядывались, чтобы возсоздать опять въ своемъ воображеніи эту картину. Постепенно они всѣ разошлись, и въ самой серединѣ ночи улица сдѣлалась пустынна и погрузилась во мракъ.

Пространство передъ тюрьмой было расчище-

но и нѣсколько выкрашенныхъ черной краской прочныхъ рогатокъ были уже поставлены поперекъ улицы, чтобы сдерживать ожидаемую толпу, когда мистеръ Броунлоу и Оливеръ появились у входа и предъявили разрѣшеніе на пропускъ къ узнику, подписанное однимъ изъ шерифовъ. Ихъ немедленно впустили въ ворота.

— И молодой джентльменъ тоже пойдетъ, сэръ? — спросилъ провожавшій ихъ служитель. — Не годится дѣтямъ смотрѣть на такія вещи, сэръ.

— Это правда, другъ мой, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу:- но у меня до этого человѣка есть дѣло, тѣсно связанное съ мальчикомъ, который видѣлъ его во время полнаго расцвѣта его мошенничествъ и преступленій. Такъ пусть онъ повидаетъ его и теперь, хотя бы это сопровождалось нѣкоторымъ мученіемъ и страхомъ.

Слова эти были произнесены въ сторонѣ, чтобы Оливеръ не слышалъ ихъ. Служитель почтительно дотронулся до своей шляпы и, бросивъ любопытный взглядъ на мальчика, открылъ вторыя ворота, находившіяся противъ первыхъ, и повелъ ихъ мрачными и извилистыми переходами къ камерамъ.

— Вотъ здѣсь, — сказалъ онъ, останавлива-

ясь въ сумрачномъ проходѣ, гдѣ два рабочихъ производили при глубокомъ безмолвіи какія-то приготовленія:- здѣсь онъ будетъ проходитъ. А подойдя туда, вы можете видѣть дверь, черезъ которую онъ выйдетъ.

Онъ провелъ ихъ въ каменную кухню, уставленную мѣдными кастрюлями для приготовленія тюремной пищи, и указалъ на дверь; надъ ней было забранное рѣшеткой открытое окно, черезъ которое доносились людскіе голоса и грохотъ сваливаемыхъ досокъ. То строили эшафотъ.

Отсюда они прошли черезъ многія крѣпкія рѣшетки, открываемыя передъ ними изнутри другими тюремщиками, и, перейдя черезъ открытый дворъ, поднялись по узкой лѣстницѣ, очутившись послѣ этого въ корридорѣ, гдѣ по лѣвую руку тянулся рядъ окованныхъ дверей. Давъ имъ знакъ остановиться, тюремщикъ постучалъ въ одну изъ нихъ своей связкой ключей. Оба сторожа, пошептавшись съ нимъ, вышли въ корридоръ, потягиваясь и какъ бы обрадованные короткимъ отдыхомъ, и знакомъ пригласили посѣтителей послѣдовать за тюремщикомъ въ камеру. Они вошли.

Осужденный преступникъ сидѣлъ на постели, покачиваясь изъ стороны въ сторону; лицомъ

онъ больше напоминалъ пойманнаго звѣря, чѣмъ человѣка. Мысли его повидимому блуждали въ прошлой жизни; онъ продолжалъ что то бормотать, сознавая присутствіе посѣтителей лишь какъ часть своихъ видѣній.

— Славный мальчикъ, Чарли... хорошо сдѣлано! — невнятно бормоталъ онъ. — Оливеръ тоже — ха-ха-ха! Оливеръ — теперь настоящій джентльменъ... теперь настоящій... Уведите этого мальчика спать!

Тюремщикъ взялъ Оливера за свободную руку и, шепнувъ ему, чтобы онъ не пугался, смотрѣлъ, не говоря ни слова.

— Уведите его спать! — закричалъ Феджинъ. — Слышите вы меня, кто нибудь изъ васъ? Онъ былъ... былъ... вродѣ какъ бы причиной всего этого. Его стоило пріучить къ дѣлу; за это можно было получить деньги... Глотку Больтера, Билль; оставь дѣвку — перерѣжь глотку Больтера, какъ только можешь глубже. Оторви ему голову совсѣмъ прочь.

— Феджинъ, — произнесъ тюремщикъ.

— Вотъ я! — крикнулъ еврей, тотчасъ принимая ту-же вслушивающуюся позу, которую онъ хранилъ во время суда. — Старый человѣкъ, милордъ; очень старый, старый человѣкъ!

— Здѣсь, — сказалъ сторожъ, кладя руку ему на грудь, чтобы не позволить ему встать:- здѣсь находится кое кто, кому надо, должно быть, что то спросить у тебя. Феджинъ, Феджинъ! Ты человѣкъ?

— *Я* не долго буду имъ, — отвѣтилъ онъ, подымая кверху лицо, въ которомъ ничего не осталось человѣческаго, кромѣ ярости и ужаса. — Убейте ихъ всѣхъ до одного! Какое право имѣютъ они вести меня на бойню!

При этихъ словахъ онъ увидѣлъ Оливера и мистера Броунлоу. Съежившись въ самомъ отдаленномъ углу сидѣнья, онъ спросилъ, что имъ здѣсь нужно.

— Смѣлѣе, — сказалъ тюремщикъ продолжая придерживать его:- говорите теперь, сэръ, то, что вамъ нужно. И пожалуйста поторопитесь, такъ какъ онъ становится все хуже и хуже.

— У васъ были нѣкоторыя бумаги, — сказалъ мистеръ Броунлоу, приближаясь:- которыя отданы были вамъ на сохраненіе нѣкимъ Монксомъ.

— Все это ложь, — отвѣтилъ Феджинъ. — У меня нѣтъ ничего…. ничего.

— Ради милосердія Божія, — горячо продолжалъ мистеръ Броунлоу:- не говорите этого теперь, на краю могилы. Скажите мнѣ, гдѣ онѣ? Вы знаете,

что Сайкса нѣтъ въ живыхъ, что Монксъ во всемъ сознался, что вамъ нельзя уже надѣяться ни на какую выгоду. Гдѣ эти бумаги?

— Оливеръ, — вскричалъ Феджинъ, маня его къ себѣ. — Сюда! сюда! Я скажу тебѣ кое что на ухо.

— Я не боюсь, — тихо сказалъ Оливеръ, выпуская руку мистера Броунлоу.

— Бумаги, — сказалъ Феджинъ, притягивая Оливера къ себѣ:- находятся въ полотняномъ мѣшкѣ, въ выемкѣ печной трубы, наверху, въ первой комнатѣ. Мнѣ надо поговорить съ тобою, голубчикъ. Мнѣ надо поговорить съ тобою.

— Да, да, — отвѣтилъ Оливеръ. — Дайте мнѣ прочесть молитву. Пожалуйста! Одну молитву! Вы повторите ее за мной, стоя на колѣняхъ! Только одну молитву, и мы будемъ потомъ говорить до самаго утра.

— Туда, туда! — сказалъ Феджинъ, толкая мальчика впереди себя къ двери и безумно смотря черезъ его голову. — Скажи, что я ушелъ спать — тебѣ они повѣрятъ. Ты можешь вывести меня на улицу, если мы пойдемъ такъ. Ну, ну!

— Ахъ! Прости, Господи, этому несчастному! — вскричалъ мальчикъ, заливаясь слезами.

— Отлично, отлично, — сказалъ Феджинъ. — Это намъ поможетъ. Сначала вотъ черезъ эту

дверь. Если на меня нападетъ дрожь и трепетъ, когда пойдемъ мимо висѣлицы, то не обращай вниманія, а прибавь только шагу. Ну, ну, ну!

— Больше ничего не имѣете спросить у него, сэръ? — произнесъ тюремщикъ.

— Ничего, — отвѣтилъ мистеръ Броунлоу. — Если бы я могъ надѣяться, что намъ удастся призвать его къ сознанію своего положенія....

— Ничѣмъ не достигнете этого, сэръ, — сказалъ служитель, покачавъ головою. — Лучше оставьте его.

Дверь камеры отворилась, и вернулись сторожа.

— Торопись, торопись! — вскричалъ Феджинъ. — Осторожно, но не такъ ужъ медленно. Скорѣе, скорѣе!

Люди взяли его за плечи и, освободивъ отъ него Оливера, удержали его. Одну минуту онъ сопротивлялся съ упорствомъ отчаянія, а затѣмъ принялся испускать пронзительные вопли, которые проникали даже сквозь эти плотныя стѣны и звучали въ ушахъ удалявшихся посѣтителей, пока они не вышли на дворъ.

Они не сразу покинули тюрьму. Оливеръ чуть на упалъ въ обморокъ послѣ этой ужасной сцены и былъ такъ слабъ, что въ теченіи часа или болѣе

не могъ держаться на ногахъ.

Уже свѣтало, когда они снова вышли на улицу. Собралась уже большая толпа; окна домовъ были заполнены людьми, курившими и игравшими въ карты, чтобы скоротать время. Народъ толкался, спорилъ, шутилъ. Все говорило о жизни и одушевленіи, все, кромѣ темной группы предметовъ въ самомъ центрѣ толпы:- черныхъ подмостковъ, перекладины, веревки — угрюмаго сооруженія смерти.

Глава LIII и послѣдняя

Приключенія тѣхъ, кто дѣйствовали въ этой повѣсти, близятся къ концу. Немногое, что остается сказать лѣтописцу этихъ событій, можно передать въ короткихъ и простыхъ словахъ.

Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ Роза Флеминъ и Гарри Мэйли были обвѣнчаны въ сельской церкви, которая отнынѣ должна была являться ареной дѣятельности молодого священника. Въ тотъ же день они вступили во владѣніе своимъ новымъ и счастливымъ жилищемъ.

Мистриссъ Мэйли поселилась съ своимъ сыномъ и невѣсткой, чтобы остатокъ своихъ дней наслаждаться величайшимъ счастьемъ, какое доступно на склонѣ достойно прожитой жизни — созерцаніемъ блаженства тѣхъ, кому столь много лѣтъ она непрерывно дарила самыя горячія чувства и кого окружала самыми нѣжными заботами.

Послѣ всесторонняго и тщательнаго пересмотра оказалось, что если остатокъ состоянія, находившагося на попеченіи Монкса — и вовсе не преуспѣвавшаго въ его рукахъ или въ рукахъ его

матери — поровну раздѣлить между нимъ и Оливеромъ, то каждому достанется немного болѣе трехъ тысячъ фунтовъ. По смыслу завѣщанія отца, Оливеръ имѣлъ право на весь капиталъ. Но мистеръ Броунлоу, не желая лишать старшаго изъ сыновей случая отречься отъ прежнихъ пороковъ и возродиться къ честной жизни, предложилъ именно такой раздѣлъ, на что его юный довѣритель съ радостью согласился.

Монксъ, продолжая носить это вымышленное имя, увезъ свою долю въ одну изъ отдаленныхъ странъ Новаго Свѣта, гдѣ, быстро промотавъ деньги, снова отдался своимъ темнымъ дѣламъ и, послѣ долгаго заключенія за новый подлогъ и мошенничество, слегъ подъ возвратнымъ приступомъ своей болѣзни и умеръ въ тюрьмѣ.

Мистеръ Броунлоу усыновилъ Оливера. Поселившись съ нимъ и съ старой экономкой на разстояніи мили отъ церковнаго дома, гдѣ жили его дорогіе друзья, онъ этимъ удовлетворилъ самое горячее и сердечное желаніе Оливера, скрѣпивъ маленькій кружокъ людей, жизнь которыхъ сдѣлалась такъ близка къ состоянію полнаго счастья, какъ это когда либо имѣло мѣсто въ здѣшнемъ перемѣнчивомъ мірѣ.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодыхъ почтенный

докторъ вернулся въ Чертсей, гдѣ онъ, лишенный своихъ старыхъ друзей, возропталъ бы на судьбу, если бы его темпераментъ допускалъ подобное настроеніе, и сдѣлался бы сварливымъ, если бы умѣлъ. Въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ онъ довольствовался тѣмъ, что жаловался на вредъ мѣстнаго воздуха для своихъ легкихъ; затѣмъ, убѣдившись, что дѣйствительно мѣстность перестала для него быть тѣмъ, чѣмъ была раньше, онъ передалъ должность своему помощнику, а самъ переѣхалъ въ маленькій холостой коттэджъ на краю того села, гдѣ его молодой другъ былъ пасторомъ, — и моментально выздоровѣлъ. Здѣсь онъ занялся садоводствомъ, цвѣтоводствомъ, рыбной ловлей, плотничаньемъ и другими дѣлами въ томъ же родѣ, и которыя онъ принимался съ характерной своей горячностью, я во всемъ рѣшительно онъ вскорѣ прославился по всему околотку какъ глубочайшій авторитетъ.

Незадолго до переѣзда онъ завязалъ съ мистеромъ Гримвигомъ тѣсную дружбу, которую этотъ эксцентричный джентльменъ встрѣтилъ сердечной взаимностью. Немалое число разъ въ теченій года мистеръ Гримвигъ навѣщаетъ доктора, и всякій разъ онъ съ большимъ усердіемъ садовничаетъ, удитъ рыбу и плотничаетъ,

принимаясь за все самымъ страннымъ и безпримѣрнымъ способомъ, но всегда отстаивая, съ своимъ любимымъ утвержденіемъ, свой способъ, какъ единственно правильный. По воскресеньямъ онъ непремѣнно критикуетъ въ глаза молодому пастору его проповѣдь, а потомъ строго конфиденціально сообщаетъ мистеру Лосберну, что онъ отъ проповѣди въ восторгѣ, но считаетъ болѣе благоразумнымъ не говорить объ этомъ. Мистеръ Броунлоу очень любитъ подтрунивать надъ нимъ, повторяя ему его старинное пророчество насчетъ Оливера и напоминая ему про тотъ вечеръ, когда они сидѣли, положивъ передъ собою часы и поджидая возвращенія мальчика. Но мистеръ Гримвигъ возражаетъ, что онъ въ сущности былъ правъ, и въ доказательство этого указываетъ на то, что Оливеръ *дѣйствительно не вернулся;* это замѣчаніе всегда заставляетъ его самаго разсмѣяться и усиливаетъ его хорошее настроеніе.

Что касается мистера Ноэ Клейполя, то онъ, какъ оговорившій Феджина, получилъ отъ коронаго суда помилованіе; видя, что первоначально избранная имъ профессія не такъ безопасна, какъ онъ желалъ бы, онъ нѣкоторое время затруднялся насчетъ пріисканія средствъ къ жизни, не со-

пряженныхъ съ чрезвычайнымъ трудомъ. Послѣ нѣкотораго размышленія онъ рѣшилъ заняться доносами, и это занятіе доставляетъ ему приличный заработокъ. Вотъ его образъ дѣйствія. Разъ въ недѣлю, во время богослуженія, онъ отправляется гулять въ сопровожденіи Шарлоты — оба нарядно одѣтые. Его леди падаетъ въ обморокъ около дверей трактира, гдѣ хозяинъ отличается добрымъ сердцемъ, и молодой джентльменъ, схлопотавъ себѣ на три пенса водки, чтобы привести даму въ чувство, на слѣдующій день доноситъ на трактирщика и получаетъ въ свой карманъ половину налагаемаго на того штрафа. Иногда падаетъ въ обморокъ самъ мистеръ Клейполь — результатъ получается тотъ же самый.

Мистеръ и мистриссъ Бембль, прогнанные со службы, постепенно дошли до нищенскаго состоянія и поступили наконецъ богадѣльниками въ тотъ самый работный домъ, гдѣ когда то они властвовали надъ другими. Мистеръ Бембль поговаривалъ, что среди такихъ превратностей судьбы и униженій онъ не имѣетъ даже смѣлости быть благодарнымъ за разлуку съ женой.

А мистеръ Джайльсъ и Бриттльсъ занимаютъ свои прежнія должности, хотя первый изъ нихъ облысѣлъ, а мальчикъ сдѣлался совсѣмъ сѣдымъ.

Они ночуютъ въ церковномъ домѣ, но такъ равномѣрно распредѣляютъ свою дневную службу между его обитателями и Оливеромъ, и мистеромъ Броунлоу, и мистеромъ Лосберномъ, что до сихъ поръ еще сельчане не могутъ доискаться, къ какому собственно домохозяйству они въ дѣйствительности принадлежатъ.

Мистеръ Чарльзъ Бэтсъ, устрашенный злодѣйствомъ Сайкса, погрузился въ цѣпь размышленій о томъ, не является ли честная жизнь, въ концѣ концовъ, наилучшей? Придя къ выводу, что это дѣйствительно такъ, онъ поставилъ крестъ на своемъ прошломъ и рѣшилъ искупить его новой сферой дѣятельности. Онъ долженъ былъ сначала вынести немало испытаній и борьбы, но, не гонясь за недоступнымъ и подстрекаемый добрымъ намѣреніемъ, онъ наконецъ добился удачи и, потрудившись батракомъ у фермера и подручнымъ у носильщика, онъ теперь самый веселый молодой скотоводъ, какого можно встрѣтить во всемъ Нортэмптонширѣ.

Рука, пишущая эти строки, начинаетъ дрожать по мѣрѣ приближенія къ концу, и ей хотѣлось бы еще немного продолжить нить этихъ приключеній.

Я охотно еще побылъ бы съ тѣми, среди кого

такъ долго находился; я раздѣлилъ бы ихъ счастье, попытавшись описать его. Я представилъ бы Розу Мэйли во всемъ цвѣтѣ и во всей красотѣ ранней женственности, я разсказалъ бы, какъ она озаряла свою тихую жизненную стезю нѣжнымъ свѣтомъ, который падалъ на всѣхъ, шедшихъ вмѣстѣ съ нею, и согрѣвалъ ихъ сердца. Мнѣ хотѣлось бы описать ее, какъ душу и радость собравшейся у камина семьи или веселой компаніи среди лѣтней природы; я хотѣлъ бы пойти съ нею въ полдень по жаркимъ полямъ, а на вечерней прогулкѣ слышать при свѣтѣ луны ея мелодичный голосъ; я хотѣлъ бы видѣть, какъ она творитъ добро и милосердна къ другимъ, и какъ она съ улыбкою неутомимо хозяйничаетъ у своего очага. Я описалъ бы, какъ она и сынъ ея покойной сестры счастливы взаимной любовью, какъ они просиживаютъ вмѣстѣ цѣлые часы, рисуя себѣ тѣхъ близкихъ, которыхъ они такъ грустно утратили. Я хотѣлъ бы еще разъ увидѣть тѣ веселыя личики, которыя собирались вокругъ ея колѣнъ, хотѣлъ бы услышать ихъ живую болтовню, хотѣлъ бы воскресить тотъ звонкій смѣхъ, вызвать снова слезы радости, сверкавшія въ нѣжныхъ синихъ глазахъ. Это, и тысячи улыбокъ и взглядовъ, и разнообразіе мыслей и словъ — какъ

хотѣлъ бы я все это вновь возсоздать!

Какъ мистеръ Броунлоу изо дня въ день продолжалъ развивать душу своего пріемнаго сына сокровищами знанія и привязывался къ нему все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развертывались его природныя свойства, и зароненныя на благодарную почву сѣмена всего добраго быстро возростали; какъ онъ открывалъ въ немъ новыя черты сходства съ своимъ другомъ молодости, черты, пробуждавшія въ его груди старыя воспоминанія, грустныя, но въ то же время милыя и отрадныя; какъ двѣ сироты, перенеся столько бѣдствій, хранили память объ этомъ испытаніи, питая состраданіе къ другимъ, любя другъ друга и горячо благодаря Того, Кто защитилъ ихъ и спасъ, — обо всемъ этомъ врядъ ли нужно упоминать. Я сказалъ, что они были истинно счастливы, а безъ горячей любви и доброты сердца, безъ чувства благодарности къ тому Существу, законъ котораго — состраданіе, и великій символъ котораго — милосердіе ко всему, что дышитъ, — безъ этого счастье недостижимо.

Въ алтарѣ старой сельской церкви стоитъ бѣлая мраморная доска, на которой высѣчено только одно слово: «Агнеса». Нѣтъ гроба въ этой гробницѣ, и да пройдетъ много, много лѣтъ, прежде

чѣмъ прибавится сюда другое имя! Но если души умершихъ когда нибудь возвращаются на землю, чтобы посѣтить мѣста, освященныя любовью — любовью, для которой могила не есть предѣлъ — хранимой въ тѣхъ, кого онѣ знали при жизни, то я вѣрю, что тѣнь Агнесы витаетъ иногда въ этой грустно торжественной нишѣ. Я вѣрю въ это, хотя мѣсто находится въ храмѣ, а она не устояла передъ слабостью и заблужденіемъ.

Конецъ.

1838

Переводъ М. П. Волошиновой и Я. І. Ясинскаго подъ редакціей М. А. Орлова.